

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ СТРАН

ГЕНРИ В. МОРТОН

ОТ ИЕРУСАЛИМА ДО РИМА

ПО СЛЕДАМ СВЯТОГО ПАВЛА

Annotation

«Я с упоением шептал вслух волшебные имена — Тарс, Эфес, Филиппы, Коринф, Антиохия, Иконий, Саламин, Пафос! В моих ушах они звучали небесной музыкой. И я подумал, какое это счастье: стоять на палубе в утреннем сумраке и предвкушать грядущее приключение — долгое путешествие по Древнему миру, где некогда шествовал апостол Павел»

(Генри В. Мортон).

-
- [Генри В. Мортон](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Приложения](#)
      - [Хронология жизни святого Павла](#)
      - [Причины, побудившие святого Павла к написанию посланий](#)
      - [Указатель библейских цитат](#)
      - [Библиография](#)
      - [Путеводители](#)
    - [Иллюстрации](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)

- [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
-

Генри В. Мортон
ОТ ИЕРУСАЛИМА ДО РИМА
По следам святого Павла

Предисловие

Современный путешественник, который, подобно мне, решит использовать Деяния апостолов в качестве путеводителя, столкнется с необходимостью странствовать в краях, которые некогда наслаждались единством в составе Римской империи, а ныне оказались во владении различных государств. Ему не раз предстоит пересекать национальные границы и общаться с людьми, говорящими на разных языках, — в отличие от святого Павла, который шел по римским дорогам и все время говорил по-гречески.

Резонно предположить, что сегодняшним исследователям, рискнувшим отправиться по следам святого Павла, придется куда труднее, чем самому апостолу. Ведь к его услугам были крупные порты и великие торговые пути, которые ныне перестали быть таковыми. В то время как Павел передвигался по хорошо изученным и благоустроенным дорогам Римской империи, его последователи вынуждены проводить свои изыскания в стороне от проторенных путей. Морской порт Антиохии в наши дни обезлюдел, а Эфес превратился в пристанище многочисленных аистов.

Мне посчастливилось четыре раза побывать на Ближнем Востоке. В ходе своих путешествий я исследовал маршруты трех миссий святого Павла. Для тех, кто пожелает повторить мой эксперимент, полностью или частично, я хочу сказать: эта задача вполне по силам — было бы время и терпение. К слову, лишь в самых отдаленных местах придется задаваться поистине аристофановским вопросом: «Какая гостиница наименее интересна — энтомологически?»

Сирия и Палестина, безусловно, хорошо знакомы современным путешественникам. Однако следует отметить, что Антиохия и Алеппо более понятны французам, чем англичанам. Что касается Турции, то за исключением Стамбула и Анкары эта страна, увы, не может порадовать своих гостей ни привычным комфортом, ни свободой передвижения. Тем не менее она представляет собой исключительный интерес для исследователей жизни и миссионерской деятельности святого Павла. Я уверен, что, если бы турецкое правительство смогло проложить приличную автостраду из Стамбула в Милет (через Трою, Пергам, Смирну и Эфес), это обеспечило бы успех подобных изысканий. Да и рядовым путешественникам подобное усовершенствование принесло бы

несомненную пользу: их вниманию открылась бы территория, чрезвычайно важная в историческом и археологическом плане.

Греция не нуждается в излишних представлениях. Это одна из немногих стран мира, которая не разочарует даже самых горячих поклонников. Отели во всех крупных городах вполне удовлетворительны (порой и попросту великолепны), система дорог постепенно улучшается. В качестве дополнительного преимущества Греции следует отметить исключительную дешевизну жизни — это одна из самых дешевых стран в Европе, по крайней мере для тех, кто путешествует с фунтами стерлингов в кошельке.

На мой взгляд, британские территории на Кипре заслуживают гораздо большей популярности, чем та, какой ныне они пользуются у путешествующей публики. Значительное удаление от Англии, конечно же, создает определенные трудности. Но если бы здесь удалось улучшить коммуникации, этот поразительный остров — с его великолепной сетью дорог, с его маленькими, но восхитительными отелями, с его безупречным климатом и прекрасными пляжами — мог бы привлекать огромное количество людей, которые не боятся далеких путешествий.

В данной книге я поставил целью описать деяния святого Павла, Великого Странника. Свой маршрут я почерпнул из Деяний апостолов. Апостольские послания я использовал лишь постольку, поскольку они позволяли мне обрисовать местные условия или объяснить поступки и поведение самого святого Павла. Каждое слово, написанное этим великим человеком, стало камнем преткновения для многих поколений ученых (не только из моей страны, но также из Европы и Америки), превратилось в поле боя, на котором сталкивались различные теории и учения. Ожесточенная борьба велась на протяжении многих столетий — до тех пор, пока и само поле боя едва не затерялось среди обломков этой войны.

Что касается меня, я — по причине своей недостаточной квалификации — не берусь участвовать в этом многовековом споре, а посему оставляю теологический аспект за рамками книги. Если же я где-то невольно отклонился от этой позиции и оказался, с точки зрения воинствующих сторон, втянутым в борьбу, то пользуюсь случаем еще раз объявить о своем принципиальном нейтралитете.

Хочется выразить безграничную признательность всем моим предшественникам — тем, кто исследовал данную тему до меня. Библиография, приведенная в конце книги, позволяет обозначить круг лиц, которым адресована моя благодарность. Особого

упоминания заслуживают работы сэра Уильяма Рамсея, посвященные личности святого Павла, восхитительные книги Конибэра и Хаусона под названием «Жизнь и послания апостола Павла», а также одноименный труд Томаса Левина.

Ну, и конечно же огромное спасибо моему афинскому другу Деметрию Иоанну Травлосу за ту горячую поддержку и бескорыстную помощь, которую он оказал моему скромному начинанию.

Г. В. М.

Глава первая

У стен Иерусалима

Я отправляюсь в путешествие по следам святого Павла, снова вижу Святую Землю, посещаю Иерусалим, прогуливаюсь по Стене над воротами Святого Стефана, получаю разрешение Великого муфтия на посещение минарета, стоящего на месте Соломонова Храма, и направляю свои стопы в Дамаск.

1

Незадолго до рассвета я вышел на палубу и огляделся. Штормовой фронт отодвинулся на северо-запад, небо было чистым, и наше судно мерно покачивалось на длинных набегавших волнах. Я надеялся увидеть мерцающий маяк на горе Кармел, но мы находились слишком далеко от берега.

Наверняка святой Павел переживал нечто подобное: предрассветные сумерки, последняя звезда, догорающая на небе, свежий ветер, перегруженный трюм, стойкий запах смолы и животных испарений, очертания мачты, скользящей на фоне неба, ощущение скольжения по водной глади и ритмичный плеск волн о борт корабля. Как приятно стоять на палубе и думать, что это судно вполне могло бы носить название «Кастор и Поллукс»^[1].

В конце концов, они не сильно изменились со времен Римской империи — эти маленькие корабли, осуществляющие каботажное плавание по Средиземному морю. Они по-прежнему перевозят египетское зерно, а в летнее время отчаливают от Кипра, тяжело нагруженные гранатом — плодом Афродиты. Медленно двигаясь на юг от Александретты, в наши дни превратившейся в антиохийский порт, они пробуждают к жизни давние воспоминания; седые призраки Тира и Сидона тщетно манят к себе проплывающие мимо суда.

Я бросил взгляд на бак, где — серые в сером полумраке — толпились мулы. Они понуро стояли, привязанные к леерам, и не догадывались, что самое худшее уже позади. В нашем представлении эти животные настолько прочно связаны с горными тропами и оливковыми рощами, что странно было видеть их на борту морского судна. Они выглядели уродливо и неправдоподобно на фоне серых водных холмов.

Корабль жил своей привычной жизнью. Моим глазам предстало зрелище, наверное, столь же древнее, как и сами путешествия по Средиземноморью. В квадратном отверстии люка то и дело мелькали лица нубийцев и египтян, в неверном свете зарождавшегося утра медленно двигались фигуры палубных матросов, и ветерок лениво шевелил их тонкие, полупрозрачные одеяния. Матросы робко приближались к мулам, бормоча что-то успокаивающее, а корабль тем временем продолжал путь, низко кланяясь набегавшим волнам.

Суша все еще оставалась невидимой в туманной дали. Но на востоке, где, как я знал, скрывались горы Ливана, обозначилось некое предрассветное движение. Я продолжал стоять, размышляя о странных дорогах, ждавших меня за горизонтом, о древних разрушенных городах, которые я надеялся посетить в ближайшем будущем, и о чужеземных гаванях, которые будут провожать меня в плавание при свете солнца или луны. Я с упоением шептал вслух волшебные имена — Тарс, Эфес, Филиппы, Коринф, Антиохия, Иконий, Саламин, Пафос! В моих ушах они звучали небесной музыкой. И я подумал, какое это счастье: стоять на палубе в утреннем сумраке и предвкушать грядущее приключение — долгое путешествие по древнему миру, где некогда шествовал апостол Павел.

На востоке потихоньку разгоралась заря, февральское солнце пробивало себе дорогу сквозь ночные облака над Ливаном. Серые сумерки уступали место холодному голубому свету, окружающий мир медленно обретал краски. Мулы не казались больше серыми тенями, я с удивлением обнаружил, что они бурые и темно-коричневые. Облака внезапно посветлели, и после этой кратчайшей, почти мгновенной преамбулы случилось маленькое чудо: солнце воцарилось на небе, и море мгновенно окрасилось в золотой цвет.

В этот миг я разглядел вдалеке некий хребет — более темный и плотный, чем окружающие облака. Я понял, что моему взору предстала Святая Земля.

2

Ранним прохладным утром мы проследовали мимо горы Кармел, на которой стоит кармелитский монастырь. В этот ранний час святые братья, должно быть, собрались над ярко освещенной пещерой для мессы. Моему взору предстал голубой залив, закругляющийся на севере, пальмы на желтом песке и выдающийся

в море маленький городок Акра с его бастионами медового цвета в ореоле водяных брызг. За Акрой смутно вырисовывается голубая береговая линия, а вдалеке я разглядел контуры Лестницы Тира^[2], похожей на причудливую паутину, прищипленную к небосводу.

Вскоре мы вошли в порт Хайфы, и на нас обрушились все звуки и запахи растущего портового города. Стоя на палубе, я с любопытством рассматривал бетонные эллинги, толпы арабов-носильщиков в свободных одеждах из ворсистой ткани и конических финикийских шапочках. Десятки арабских гидов поджидали клиентов возле автомобилей с закрытым кузовом, среди них прогуливались палестинские полицейские в голубых мундирах и дочерна загорелые евреи в шортах цвета хаки.

В приподнятом настроении я сошел на берег и влился в эту шумную, многоликую толпу. Я высматривал своего приятеля-армянина, который несколько лет назад, в один из моих прошлых визитов на Восток, провез меня на автомобиле по всей Палестине. А вот и он — стоит у машины и широко, по-детски улыбается, комкая в руках свою велюровую шляпу. Стефан, похоже, действительно рад меня видеть: смуглое лицо так и лучится улыбкой, одновременно он мучительно роется в памяти, пытаюсь выудить из своего скудного словарного запаса приличествующие случаю английские выражения. Я решил облегчить ему задачу.

— Стефан, — обратился я к нему, — в своем письме я писал, что планирую посетить Дамаск, а затем отправиться в Антиохию. Так вот, я передумал: мы едем в Иерусалим!

— Как скажете, — легко согласился мой друг.

Через несколько минут мы катили по дороге, ведущей в Иерусалим. Вокруг нас простиралась земля, уже успевшая проснуться от зимней спячки, и в душе моей поднималась радость узнавания. Ах, эти ни с чем не сравнимые приметы палестинского пейзажа: верблюды, неспешно шагающие по белой пыли; крестьянин, настигающий норовистых быков в конце борозды; многотерпеливые труженики-ослики; смуглые девушки, стайками собирающиеся у сельских колодцев (увы, сегодня на плечах у них не глиняные кувшины, а жестяные канистры из-под бензина); коричневые холмы, усеянные мириадами серых булыжников, и на гребне почти каждого — маленькая белая мечеть, построенная на месте бывшего (да простят мне не ведающие того правоверные мусульмане!) жертвенника Ваала.

Я чувствовал, как росло мое возбуждение по мере приближения к Иерусалиму. Мы мчались по извилистой горной дороге. На западе

возвышалась мечеть Неби-Самвил, склоны холмов были изрезаны террасами, на которых лепились темные глинобитные домишки.

Я считаю, что из всех дорог, ведущих в Иерусалим, эта — наименее эффектная. Если вы едете с запада, со стороны Иерихона, или же с севера, от Вифлеема, то рано или поздно наступает момент, когда весь город внезапно открывается перед вами. В первом случае вашему взору предстает изгиб великой Стены и раскинувшаяся под ней Кедронская долина; во втором — впечатляющая панорама Иерусалима, взбирающегося по склону коричневого холма, и южный участок Стены, который вздымается дерзким вызовом ослепительному южному солнцу. На северной же дороге неопытного путешественника ждет разочарование: готовясь к встрече с израильской столицей, он внутренне готовится к потрясению, подспудно ожидает некой кульминации, которая так и не наступает. Представьте: вокруг расстилается суровый, бесплодный край, дорога стремительно взбегает по горному склону, суля дальнейшие трудности. Вы невольно настраиваетесь на приключение, а вместо того минуете часовую башню банка «Барклай» и неожиданно оказываетесь на улицах Иерусалима.

Ранним вечером того же дня, когда хлопоты по устройству в гостинице и разбору корреспонденции были уже позади, я вышел прогуляться по городу. Мой маршрут не отличался оригинальностью: подобно всем приезжим, я направился по Яффской дороге в сторону Старого города. Маленький араб — чистильщик обуви по-прежнему сидел в пыли возле Яффских ворот. В угловом кафе работал все тот же кошмарный граммофон, он оглашал окрестности заезженными арабскими мелодиями. А вот и знакомый продавец лимонада: он, как и прежде, гремит медными стаканами и громогласно нахваливает свой освежающий («холодный, как снег!») напиток. Постукивая посохами по древним камням, шествуют бедуины: на их нечесаных бородах лежит пыль далеких дорог, на лицах застыло пренебрежение ко всему миру — должно быть, они ощущают себя малыми пророками. Подобно черным призракам, мимо скользят женщины в чадрах. Разительный контраст им составляют крестьянки — загорелые, ширококостные, они расхаживают с открытыми лицами, выглядят шумливыми и раскрепощенными; каждая несет на плечах или за спиной ребенка. Городские арабы в своих полосатых одеяниях кучками стоят на тротуарах, ведут нескончаемые разговоры; вид их красных фесок вызывает у меня умиление. В дверях сувенирной лавки застыл хозяин-армянин, я помню его по своим прошлым поездкам. Он все так же бормочет скороговоркой: «Добро пожаловать, сэр, заходите, посмотрите... Покупать не обязательно». Привычная круговерть в

залитом послеполуденным солнцем городе. А над всем этим высится золотисто-коричневая, уже тронутая упадком Башня Ирода. Она великолепна в своем неизменном высокомерии: ее шпиль устремлен в небо, а основание уходит в пласты многовековой истории.

Я спускался по каменному лестничному маршу под названием улица Давида и с радостью отмечал, что время не властно над этим городом. Здесь ничто не меняется. Взять хоть этих старых толстяков, торгующих овощами. Может, за прошедшие годы они стали еще чуть толще, а лица их слегка потемнели. Но старики по-прежнему восседают за своими овощными бастионами — лиловые баклажаны, рыжие апельсины, огромные кочаны капусты, красный и зеленый перец — и невозмутимо покуривают сигареты в янтарных мундштуках. В переходах все та же разномастная толпа из пропахших пылью людей и животных. Над ней маячат надменные головы верблюдов, мерно вышагивающих с неподъемной поклажей. Нагруженным осликам приходится тяжелее: они с трудом прокладывают себе путь сквозь уличную толчею.

Я шел по Христианской улице мимо многочисленных лавочек, увешанных гирляндами длинных (не менее четырех футов в длину) цветных и позолоченных свечей. Возле храма Гроба Господня, как и раньше, развешено тонкое льняное полотно, разрисованное сценами из Священного Писания: здесь по-прежнему торговали погребальными саванами. Помнится, русские паломники скупали их тысячами и увозили на родину — в ожидании того скорбного дня, когда их души распростятся с бренной землей.

Возле лестничного пролета, ведущего во внутренний двор храма, есть кованые железные ворота. За черными арабесками решетки скрывается маленький, залитый солнцем дворик, а посреди него — действующий колодец. Как раз на моих глазах кто-то вышел из низкой дверцы и, склонившись над колодцем, сбросил вниз ведро, затем начал крутить ворот, чтобы достать ведро обратно.

Так приятно вернуться в какое-нибудь место и обнаружить, что ничего не изменилось, что жизнь идет своим чередом. Крохотная улочка, как и прежде, была наполнена мускусным ароматом. Местные торговцы на протяжении веков жгли здесь фимиам — я хорошо помнил эти черные палочки и маленькие черные пирамидки.

Я спустился по лестнице и прошел в церковь Гроба Господня. Внутри было темно и прохладно. Крохотные лампадки — тлеющие фитильки в стаканчиках с оливковым маслом — перекликались со светом медных ламп, подвешенных на темных цепях. В Ротонде

царила тишина. Перед гробницей Христа беззвучно молилась одинокая коленопреклоненная женщина (по виду крестьянка), больше никого не было.

3

Покинув погруженную в тишину церковь, я отправился бродить иерусалимскими переулками и в конце концов пришел к воротам Святого Стефана, иначе Гефсиманским. Это единственные ворота, которые смотрят на Масличную гору. Проходящая под ними дорога уходит в Кедронскую долину.

Стоял тот послеполуденный час, когда солнце щедро заливает своим светом город, ярко сияет на Масличной горе, но оставляет затененной восточную стену Иерусалима. Позже, когда солнце опустится, тень от Стены удлинится, накроет Кедронскую долину, захватит противоположный склон холма, окутав сумраком древние деревья Гефсиманского сада. Но до этого момента еще далеко.

Я шагал по пыльной, словно запорошенной толченым мелом дороге из известняковых плит. Неподалеку от Гефсиманского сада стояла одинокая олива, в тени которой я решил передохнуть. Достав из кармана томик Нового Завета, я углубился в чтение начальной главы Деяний апостолов, однако взгляд мой постоянно отрывался от страницы и устремлялся на иерусалимскую Стену. Сидя на прогретой солнцем земле в двух шагах от Гефсиманского сада, я размышлял о святом Павле и о той эпохе, в которую жил апостол.

В лице святого Павла мы имеем первый полномасштабный портрет христианского миссионера. Его ревностная «забота обо всех церквях» выглядела просто удивительной для того времени: никогда прежде не было такого, чтобы человек чувствовал себя ответственным за моральный и духовный облик ближних. Никто так не боролся, не прилагал столько усилий, чтобы уберечь свою паству от греха.

Хочу обратить ваше внимание, что святой Павел, этот величайший из всех проповедников, не читал евангелий — по той простой причине, что они просто еще не были написаны. В отличие от прочих миссионеров (которые во множестве появились в конце первого века н. э.), Павел активно проповедовал — нес в мир благую весть, не имея на руках письменного экземпляра Евангелия. По этой причине все написанное Павлом приобретает особое значение. Ведь все, что он знал об Иисусе Христе, почерпнуто не из каких-то документов, а из бесед со святым Петром и с другими

людьми, которые сопровождали нашего Господа во время Его пастырства.

Все источники, на которые мы можем опираться при изучении жизни святого Павла, — это Деяния апостолов и письма (известные под устрашающим названием «эпистолы»), которые Павел отсылал в основанные им христианские общины. Некоторые из этих посланий имеют своей целью наставление новообращенной паствы — людей, находившихся на переходной стадии от язычества к истинной вере. В них излагается, как должно вести себя христианам. Другие посвящены разъяснению той концепции христианства, которой придерживался Павел. Причем сам апостол адресовал письма конкретным людям, представителям первого поколения христиан. Этим объясняется особый — доверительный и даже интимный — характер посланий Павла: местами они читаются как дневник живого, остро чувствующего и сомневающегося человека. Думаю, апостол сильно бы удивился, если б узнал, что его письма станут предметом трепетного изучения на протяжении столетий и в конце концов будут включены в Новый Завет. Тем не менее дело обстоит именно так: послания Павла, которым уже без малого девятнадцать столетий, и поныне служат источником вдохновения для всего христианского мира. Ведь они затрагивают важные, основополагающие вопросы, которые и сегодня не менее актуальны, чем во времена императора Нерона.

Таким образом, послания апостола Павла претендуют на роль первых письменных документов в истории христианства. Правда, некоторые ученые оспаривают тот факт, что они были написаны еще до четырех евангелий. Объясняется это тем, что богословы, которые по заказу Якова I готовили к изданию «Официальный вариант» Библии, не позаботились сохранить хронологический порядок написания Нового Завета. В частности, послания апостола Павла они расположили в соответствии с длиной этих посланий. Тем читателям, которые заинтересуются запутанной хронологией эпистол святого Павла, рекомендую обратиться к примечаниям в конце данной книги.

Если Послания апостола Павла позволяют нам заглянуть в мысли и душу этого человека — так, что он становится ближе и понятнее, чем любой другой его современник (может быть, за исключением Цицерона), то Деяния апостолов посвящены описанию собственно миссионерской деятельности Павла. В книге подробно описывается, куда шел апостол и что он делал во время своих путешествий. Центральными героями Деяний являются святой Петр (ему отведена вся первая часть повествования) и Павел (вторая половина книги начиная с девятой главы). Главной темой книги

является распространение христианства в условиях жесткого противодействия со стороны иудейских священнослужителей. Представители римских властей, напротив, изображены вполне лояльными и справедливыми по отношению к христианству. Такая авторская позиция хорошо согласуется с теорией, согласно которой святой Лука писал свою книгу в то время, когда апостол Павел находился в Риме — он апеллировал к правосудию цезаря и надеялся на поддержку римлян.

Упоминая святого Луку как автора Деяний апостолов, я следую древней традиции, которая сейчас признана большинством наиболее компетентных ученых. Не вызывает сомнений, что Луке принадлежит одно из евангелий, названное его именем. Считается, что он был человеком не иудейского происхождения, скорее всего выходцем из Македонии. Тот факт, что святой Павел называет его «возлюбленным лекарем», а также греческие медицинские термины, которыми с легкостью оперирует сам Лука, доказывают, что по профессии он был врачом.

Можно предположить, что святой Лука сопровождал апостола Павла во время его миссионерских путешествий. Об этом свидетельствует живой, непосредственный характер текстов Луки и те наблюдения, которые он приводит в своей книге. Словно бы желая подтвердить роль прямого очевидца излагаемых событий, Лука то и дело отходит от повествования в третьем лице и употребляет сопричастное местоимение «мы». Эти части книги носят условное название «Наши странствия» и включают в себя главу 16 (стихи 10–17), главу 20 (стихи 5–15), главу 21 (стихи 1–18), главу 27 (стих 1) и главу 28 (стих 16).

Вопрос о присутствии Луки во всех остальных путешествиях Павла, за исключением «Наших странствий», остается открытым. Но, во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что он сопровождал святого Павла во время следующих эпизодов: первое путешествие в Европу, возвращение в Палестину после третьей миссии, посещение Иерусалима, путешествие из Кесарии, кораблекрушение на Мальте и вынужденное двухлетнее пребывание в Риме.

Трудно переоценить значение Деяний апостолов в христианской истории. Помимо прочего, данный документ представляет собой исключительный интерес еще и с точки зрения географии и этнографии. Можно сказать, что это своеобразный роман-путешествие античной эпохи. И хотя за последнее столетие предпринимались неоднократные попытки принизить его значение (некоторые ученые стремились представить Деяния как более поздний, а потому не заслуживающий доверия документ), все эти

попытки провалились, и поблагодарить за это следует сэра Уильяма Рамсея. Его исследования всегда отличала скрупулезная точность в отношении топографии, и полагаю, в наше время никто не станет подвергать сомнению научный авторитет сэра Рамсея. Деяния апостолов представляют собой бесценный источник информации о жизни в языческом мире времен Клавдия и Нерона. Главный герой повествования неумолимо странствует по городам и весям мира. Он пересекает моря и горы, попадает в кораблекрушение, терпит нужду и голод, подвергается несправедливым гонениям. И во всех этих жизненных коллизиях он проявляет себя как человек железной воли и неукротимой смелости. Эпистолы святого Павла также чрезвычайно важны для воссоздания образа апостола. Они не только подтверждают стойкость и целеустремленность Павла, но и свидетельствуют о его сложной и противоречивой натуре. С удивлением мы обнаруживаем, что в душе этого человека уживались мягкость, отзывчивость и неистовый гнев.

Пользуясь этими источниками, мы получаем достаточно полный и точный портрет святого Павла. Апостола можно характеризовать как публичного человека. Лишь самое начало его жизни, да последние год или два не отражены в хрониках того времени. Все остальное время Павел живет и действует в ярких прожекторах истории.

Родился он в начале первого века н. э. в приморском городе Тарсе, столице Киликии. Этот портовый город, через который проходил караванный путь, играл важную роль в торговой жизни Малой Азии. Прибыльным промыслом являлось изготовление ковров и войлоков для палаток. Древний Тарс по праву считался центром учености: местные жители говорили в основном по-гречески, здесь функционировала прославленная школа философии и грамматики. В Тарсе, как и во всех торговых центрах Римской империи, существовала еврейская община, выходцем из которой и являлся святой Павел. Его семья обладала римским гражданством, хотя каким образом она получила эту привилегию, остается невыясненным. На практике это означало, что Павла нельзя было подвергнуть бичеванию или распятию. Кроме того, он имел право опротестовать в Риме любой приговор провинциального суда. Сам факт римского гражданства ставит под сомнение традиционное представление о Павле как о скромном изготовителе палаток из бедной семьи ткачей. Напротив, ряд современных компетентных источников предполагает, что Павел происходил из влиятельного богатого рода. Тот факт, что он зарабатывал себе на жизнь изготовлением палаток, никак не противоречит данной теории, поскольку у ортодоксальных евреев повсеместно было принято

обучать отпрысков состоятельных семейств какому-нибудь ремеслу.

При рождении Павел получил еврейское имя Савл (Саул), которое и носил на протяжении первых тридцати лет жизни. Сменив привычную жизнь в Тарсе на греко-римское окружение, он принял и новое имя — Павел. Он говорил (и писал свои послания) на греческом языке, которым пользовался весь цивилизованный мир того времени. Однако известно, что Павел знал и арамейский — семитский диалект, на котором говорил Иисус Христос, в числе всех евреев первого столетия. Скорее всего, Павел владел и латынью, служившей официальным языком Римской империи.

О детстве и ранней юности Павла сохранились крайне скудные сведения. Единственное, что мы знаем наверняка, так это то, что в какой-то момент его отправили в Иерусалим изучать теологию к рабби Гамалиэлю. Таким образом, апостол Павел находился в Палестине в одно и то же время с Иисусом, однако видел ли он его во плоти, нам неизвестно. Здесь мнения ученых разделились: некоторые считают, что апостол мог встречать Иисуса, другие им противоречат. Если Павел находился в Иерусалиме в дни казни Христа, то видится невозможным, чтобы ревностный юный фарисей не последовал вместе с толпой на Голгофу. Но с другой стороны, если Павел (а мы помним, что он был страстной, увлекающейся натурой) присутствовал при распятии Спасителя, то почему он нигде ни единым словом не упомянул о столь значимом событии, которому стал свидетелем?

Что же за человек был святой Павел? Вначале мы видим юного Савла, убежденного противника христианства, который лично присутствовал при побиении камнями Стефана, первого христианского великомученика. Вскоре после этого Савлу было видение — по дороге в Дамаск ему явился сам Христос, вследствие чего он обратился в веру, которую раньше так яростно преследовал. Сколько же лет исполнилось Павлу в тот знаменательный миг? Был ли он незрелым юношей или же мужчиной в расцвете сил? Увы, доподлинно это не известно. Мнения исследователей на сей счет расходятся. Вообще затруднительно установить возраст Павла в тот или иной момент его жизни, поскольку мы не знаем точной даты его рождения. Древняя традиция утверждает, что он служил Богу на протяжении тридцати пяти лет и скончался в Риме в 67 году в возрасте шестидесяти восьми лет. Если так, то выходит, что будущий апостол родился в 1 году н. э., и на момент обращения в христианство (а случилось это между 32 и 37 г. н. э.) Павел был вполне зрелым мужчиной, тридцати с лишним лет отроду. Сэр

Уильям Рамсей доказывает, что греческое слово *neos* («молодой человек»), которым в Библии называют новообращенного Павла, вполне было применимо для мужчин в возрасте от двадцати двух до сорока лет. Помимо этого, единственное прямое указание на возраст Павла дает сам апостол, когда в конце своей жизни (примерно в 60 году) называет себя «старцем Павлом».

Шестьдесят восемь лет жизни апостола совпадают с весьма знаменательным периодом в истории Римской империи. На его памяти сменилось пять цезарей: родился Павел при императоре Августе, выросл в период правления Тиберия и Калигулы, зрелость его совпала с эпохой Клавдия, а старость выпала на правление Нерона. Святой Павел был мужчиной средних лет, когда римские легионы под началом Клавдия вторглись в Британию и основали Лондиний, будущую английскую столицу. В это время в Британии нес службу молодой кавалерийский офицер по имени Веспасиан — тот самый Веспасиан, чей сын Тит сыграет роковую роль в истории Иудеи: через три года после смерти Павла он будет командовать войсками, которые разрушат Храм Ирода и сожгут дотла Иерусалим. Последние годы своей жизни Павел провел в Риме, и до него наверняка доходили слухи о жестоком восстании в Британии под предводительством королевы Боадии. Он, несомненно, слышал о сожжении Лондона, гибели Девятого легиона и о войне, которую вел с галлами прокуратор Британии.

Павел был современником многих выдающихся деятелей древности (в том смысле, что он мог бы встретиться с ними в различные периоды своей жизни). К ним относятся прежде всего Сенека и Плиний Старший, а из представителей более старшего поколения — Ливий, Овидий и Страбон (он умер, когда Павел был еще совсем молодым). Если говорить о соотечественниках апостола, то следует назвать Филона Александрийского, который был на двадцать лет старше Павла. Конец жизни Павла совпал с творческим расцветом Иосифа Флавия, известного иудейского историка — ему на тот момент исполнилось примерно тридцать лет. Марциал в ту пору был молодым писателем, Тацит — двенадцатилетним ребенком, а Эпиктету едва минуло семь лет. Мир, знакомый нам по творениям римских историков, был тем самым миром, в котором жил апостол Павел...

Я наблюдал, как солнечные лучи скользят по коричневым стенам Иерусалима. Вверху, за северо-восточным участком Стены, располагалась площадка, на которой некогда стоял Храм Соломона, а сейчас висится мечеть под названием Купол Скалы. Если современный христианин решит заглянуть в мечеть, ему придется

соблюдать некоторые правила — точно так же, как прежде неиудеи вынуждены были мириться с определенными ограничениями при посещении иудейского храма. Лично мне в этом видится некая преемственность: будто один молебельный дом перенял повадки и привычки другого, своего предшественника. И это, на мой взгляд, вполне естественно. Ведь если и можно говорить о влиянии каких-то религий на ислам, то такой религией, несомненно, будет иудаизм и, в меньшей степени, христианство. И понятно, кстати, почему многие посетители мечети признаются, что ощущают тень древнего иудейского храма.

И мне подумалось: сколько же всего видели эти древние стены? Здесь, под этой коричневатой кладкой Иисус беседовал со своими учениками; а позже святой Петр и апостолы проходили этой тропинкой после воскресения Христова. Здесь Савл требовал смерти Стефана, а годы спустя, уже будучи апостолом Павлом, говорил о спасении и отстаивал истинную веру перед лицом той самой ненависти, которую сам же некогда разжигал.

Если бы некий римлянин, которому довелось стать свидетелем Распятия Спасителя, снова приехал в Иерусалим несколько лет спустя — скажем, во время мученической кончины святого Стефана, — он бы не заметил никаких внешних изменений. Понтий Пилат, как и раньше, занимал пост прокуратора Иудеи, а Ирод Антипа по-прежнему правил Галилеей в качестве марионеточного тетрарха. Сердцем и душой Иерусалима все также являлся Храм, и на алтаре перед Святой Святых с утра до вечера курились благовония. На рассвете трубы священников будили жителей Иерусалима, и западный ветер относил запах ладана и горелого мяса в сторону Масличной горы.

Наверняка этот гипотетический гость из Рима вновь отправился бы во внешний двор Храма, ибо так поступали все приезжие иностранцы, будь они греками или римлянами. Здесь он увидел бы точно такую же толпу, как и несколькими годами раньше: под кедрами Анны по-прежнему сидели торговцы, продающие жертвенных голубок; хитрые менялы расположились за своими прилавками — они обменивали греческие и палестинские деньги на храмовую валюту; тут же толпились многочисленные писцы и фарисеи. Многие из присутствующих здесь торговцев, наверное, вспомнили бы, как несколько лет назад сюда ворвался пророк из Галилеи и выгнал их из пределов Храма.

Наш римлянин с удивлением убедился бы — особенно если дело происходило бы на еврейскую Пасху, — что сюда, в иерусалимский Храм, стекаются евреи со всех концов цивилизованного мира. Он бы, конечно, постарался держаться подальше от этой публики, ибо

римляне презируют иудеев — почти так же, как последние презируют самих римлян. И глядя на иудеев всех родов и рангов, прибывших из разных уголков Империи, столичный гость наверняка прошептал бы себе под нос строки из Страбона, посвященные иудейской расе:

Нелегко найти такое место во всей вселенной, которое это племя не заняло бы и не подчинило своей власти.

Он бы отметил также заметную разницу между приезжими евреями и коренными палестинскими иудеями. Последние были людьми, столь жестко связанными Законом, что едва ли могли сделать хоть шаг без риска нарушить какое-либо из церемониальных правил. Священное Писание они читали на древнееврейском языке, говорили на арамейском, одном из еврейских диалектов. По сравнению с ними заморские евреи выглядели куда более мирскими. Изъяснялись они по-гречески и читали Септуагинту — греческий перевод Ветхого Завета, выполненный в Александрии.

Было бы интересно понаблюдать за этим римлянином, отчужденным и неприступным в сознании собственного превосходства; как он с легкой презрительной усмешкой разглядывает толпы евреев, заполнившие Храм через несколько лет после распятия Спасителя. Ведь он и не подозревал, что среди этих чуждых ему иудеев — как палестинских, так и заморских — уже появились немногие поклонники новой веры. Эти люди верили в божественное происхождение Иисуса Христа и готовы были поделиться своим знанием с окружающим миром. Возможно, наш римлянин обратил бы внимание на высокую фигуру галилейского рыбака. Ему, наверное, сказали бы:

— Это Петр. В будущем ему предстоит умереть за веру. Прах его будет лежать в самом центре Рима, а слава его распространится по всему миру. А вот тот энергичный загорелый человек — это Павел. Слово его будет жить, когда весь мир вокруг превратится в прах. Он тоже будет похоронен в Риме, и люди будут приходить отовсюду, чтобы преклонить колени перед его могилой.

Заморские, эллинизированные иудеи играют важную роль в Деяниях апостолов и в истории миссионерства святого Павла. Эти грекоговорящие евреи проживали в различных городах Римской

империи, а в Иерусалиме появлялись в качестве пилигримов — подобно ревностным мусульманам, совершающим ежегодный хадж в Мекку.

Бытует мнение — непонятно, собственно, почему, — что еврейский народ рассеялся по всему миру лишь после случившегося в 70 году н. э. разрушения Храма Ирода. На самом деле расселение евреев началось еще за несколько веков до рождения Христа. Столько же лет насчитывается и еврейской диаспоре в чужеземных странах. Основной импульс этому явлению дал Александр Македонский за триста лет до нашей эры. Этот великий завоеватель стремился не только к созданию собственной империи, но и был одержим идеей распространения эллинистической культуры по всему миру. Если наполеоновские солдаты хранили в своих походных ранцах маршальский жезл, то воины Александра носили с собой труды Гомера и Аристотеля.

В результате стремительных завоеваний Александра Македонского огромная территория оказалась покрыта сетью бесчисленных эллинизированных городов. Города эти быстро развивались, в них кипела деловая жизнь. Между ними протянулись удобные и безопасные дороги, которые немало способствовали развитию коммерции. Этот новый мир открывал захватывающие перспективы перед предприимчивыми иудеями. Вскоре еврейские синагоги стали неременной деталью всех развивающихся городов. К моменту рождения Христа (то есть к началу нашей эры) большая часть еврейской нации уже проживала за пределами Палестины. Ученые установили, что еврейская диаспора в то время насчитывала семь с половиной миллионов человек, что составляло семь процентов от всего населения Римской империи.

Представители еврейской диаспоры вынуждены были существовать и зарабатывать себе на жизнь в развращающем окружении нееврейского населения. По этой причине консервативные палестинские иудеи свысока смотрели на заморских соплеменников. Их подозревали в ослаблении веры и на этом основании относили к более низкой религиозной касте. Лично мне подобное отношение видится вопиющей несправедливостью. Хотя живущим на чужбине грекоговорящим евреям приходилось приспособливаться к иноверному окружению и отчасти воспринимать чуждые идеи, они всеми силами стремились сохранять иудейскую самобытность и верность традиционной религии. Иерусалим они почитали Священным городом и относились к нему так же, как правоверные мусульмане относятся к Мекке. Каждый член еврейской диаспоры делал ежегодные

пожертвования в пользу Храма. Эти жертвования собирались в крупных городах, а затем, с разрешения пропретора, со всей торжественностью отправлялись в Иерусалим. Многие евреи мечтали хотя бы в конце жизни возвратиться в Священный город, чтобы обрести последний приют в его стенах. Некоторые заморские общины добились даже открытия особых эллинистических синагог в Иерусалиме.

Таким образом, мы можем утверждать, что если еврейская диаспора и принадлежала Римской империи, то лишь в географическом смысле. Ее положение можно уподобить положению многочисленных римских колоний, заселенных бывшими легионерами. Каждая из этих колоний, разбросанных по отдаленным провинциям, по сути, представляла собой маленький кусочек Рима, искусственно высаженный в чуждую почву. Точно так же еврейские общины в крупных имперских городах воссоздавали частицу Иерусалима в чужеземном окружении. Понятно, что прочие обитатели этих городов относились к иудеям с недоверием и раздражением.

Негативное отношение к евреям сложилось задолго до распятия Христа. Греки и римляне с одинаковым пылом ненавидели евреев. Да и кого порадует такое соседство? Евреи жили замкнутыми общинами, которые соблюдали странные, малопонятные законы. Они придерживались строгой диеты, в частности, не употребляли в пищу свинину и моллюсков, а по субботам укрывались за стенами своих таинственных синагог. Евреи проявляли крайнюю нетерпимость в вопросах веры: они отказывались даже формально преклонять колени перед местными или общеимперскими, римскими божествами. А поскольку в сознании античного общества религия тесно переплеталась с политикой, то против иудеев регулярно выдвигались обвинения в нелояльности по отношению к приютившему их городу и самому цезарю.

Еще одним источником неприязненного отношения к евреям стали те привилегии, которыми они пользовались в рамках Римской империи. Речь, прежде всего, об освобождении от воинской службы. Почему, вопрошали остальные горожане, этот южный народ, который с таким демонстративным пренебрежением относится к своим неиудейским соседям и их обычаям, пользуется благосклонностью правительства? Ведь евреи попросту высасывают из города деньги, которые потом переправляют в Иерусалим! Раздражение накапливалось и нередко выливалось в стихийные погромы. Однако евреи не желали отказываться от привилегий. Они устраивали шествия и манифестации, порой

перераставшие в откровенные побоища. В результате по всей империи за ними закрепилась репутация злостных мятежников. Политическое влияние, которым пользовались иудеи в Риме, было таково, что их опасался даже прославленный трибун Цицерон. Выступая в суде в защиту претора Флакка^[3], он предупредил, что будет говорить вполголоса — чтоб только судьи могли его слышать. Дело в том, что судилище проходило в беспокойном и опасном еврейском районе, и оратор боялся за свою жизнь.

Римские власти занимали, в общем и целом, благосклонную позицию в отношении евреев, однако со сменой цезарей это отношение также могло меняться — в зависимости от того, какая партия (про- или антииудейская) доминировала в императорском окружении. Следует сказать, что еврейское население Римской империи сильно разнилось по социальному составу. Наряду с миллионами бедняков и людей среднего достатка существовала группа неимоверно богатых евреев, которые обладали значительным политическим влиянием при дворе. Во главе этой богатой прослойки стояли отпрыски Иродианского рода, которые получали превосходное образование в Риме. Аналогичную картину можно наблюдать и в наши дни, когда какой-нибудь индийский раджа отправляет своего сына учиться в Итон или Оксфорд. Эти молодые блестящие иудеи усвоили утонченные столичные манеры, они вели дружбу с «лучшими людьми» римского общества, в число которых, конечно же, входили и члены императорской фамилии. В подобных условиях трудно переоценить то влияние, которое они оказывали на политику Рима.

Юлий Цезарь был большим другом иудеев. Он никогда не забывал ту поддержку, которую ему оказал Антипатр, отец Ирода Великого. Этот хитроумный политик, по достоинству оценив восходящую звезду Юлия Цезаря, встал на его сторону и помог избежать военной катастрофы в Египте. Убийство Цезаря стало большой бедой для римских евреев. Много дней и ночей провели они вокруг его погребального костра, оплакивая своего благодетеля. Пришедший ему на смену Тиберий (тот самый, в чье правление свершилось распятие Иисуса Христа) относился к иудеям весьма прохладно, а его ближайший советник Сеян был ярким антисемитом. Очевидно, по этой причине Понтию Пилату на протяжении десяти лет удавалось твердой рукой править Иудеей. Его твердость находила поддержку в Риме, и лишь после падения Сеяна враги Пилата (которых было немало среди евреев) сумели свергнуть ненавистного прокуратора. Годы правления Тиберия оказались нелегкими для евреев, в этот период они были изгнаны из Рима.

После Тиберия к власти пришел Калигула, безумный император. Среди его друзей был молодой и умный еврейский царевич — впоследствии он станет известен под именем Агриппы I. Благодаря его влиянию евреям снова дозволили вернуться в Рим. Калигула был одержим бредовой идеей — он мечтал, чтобы его статуя была установлена в Иерусалимском Храме, и лишь стараниями Агриппы этого удалось избежать. Правление Калигулы оказалось недолгим и, собственно, никак не отразилось на положении иудеев. Его преемником — совершенно неожиданно для всех — стал Клавдий, и не последнюю роль в этом сыграл все тот же Агриппа. После убийства Калигулы группа молодых преторианцев бродила по императорскому дворцу, и в одной из комнат они натолкнулись на беднягу Клавдия. Будучи робким и застенчивым человеком, тот попытался спрятаться за занавеской, но его выдали торчавшие снизу ноги. Молодые шалопаи вытащили Клавдия на свет божий и, забавляясь, закричали: «Ого, смотрите-ка, кто тут у нас! Да это Германик!»^[4] Давайте-ка сделаем его императором!» Агриппа, который находился на тот момент в Риме, воспринял шутку всерьез. Он отправился в Сенат, который намеревался возродить республиканское правление, и убедил сенаторов в нецелесообразности подобного решения. Таким образом Клавдий, к собственному изумлению, стал императором.

Несмотря на симпатии к иудеям, он не сумел предотвратить новый взрыв антисемитских настроений. Во время его правления евреи снова подверглись изгнанию из Рима. В их числе оказались друзья и сподвижники святого Павла — Акила и Прискилла, которые вынуждены были уехать в Коринф. Свой императорский трон Клавдий передал приемному сыну Нерону. Этот период ознаменовался сильным проиудейским влиянием при дворе. По слухам, жена императора Пoppея собиралась принять иудаизм. Однако когда случился страшный пожар в Риме, возникла срочная необходимость в «козле отпущения» — чтобы было на кого обратить гнев разъяренной толпы. Выбор Нерона пал на христиан, и против них были организованы настоящие гонения. Впрочем, не вызывает сомнения, что если бы под рукой не оказалось христиан, то вместо них традиционно пострадали бы иудеи.

Я столь подробно останавливаюсь на отношении римлян к еврейской диаспоре потому, что это поможет читателю лучше воссоздать ту эпоху, в которую жил святой Павел. Ведь миссионерская деятельность апостола протекала именно в среде еврейской диаспоры. В общем и целом следует признать, что общественный разум латинян негативно воспринимал это восточное племя, широко расселившееся по всей империи.

Коммерческие успехи евреев вызывали зависть и раздражение у прочих граждан, а их религиозная замкнутость создавала дополнительные барьеры для взаимопонимания.

Римский историк Корнелий Тацит писал: «Самые низкие негодяи, презревшие веру отцов, издавна приносили им ценности и деньги, отчего и выросло могущество этого народа; увеличилось оно еще и потому, что иудеи охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью. Они ни с кем не делят ни пищу, ни ложе, избегают чужих женщин, хотя до крайности преданы разврату и в общении друг с другом позволяют себе решительно все; они и обрезание ввели, чтобы отличать своих от всех прочих. Те, что сами перешли к ним, тоже соблюдают все эти законы, но считаются принятыми в число иудеев лишь после того, как исполнятся презрения к своим богам, отрекутся от родины, откажутся от родителей, детей и братьев»^[5].

А таких — «перешедших в иудейскую веру» — было немало среди нееврейского населения Римской империи. Люди устали от имевших сексуальную окраску восточных культов, которые претендовали на роль религии в Малой Азии. Точно так же их уже не удовлетворяли мифы и легенды, которыми «кормили» Древняя Греция и Рим. Поэтому они шли в синагоги и пытались найти утешение в монотеистической религии евреев. Мы подчас забываем, что во времена Христа иудаизм занимал активную, наступательную позицию. Огромное значение придавалось миссионерской деятельности. Недаром ведь Господь призывал фарисеев обойти всю землю и пересечь моря в поисках новых верующих.

И действительно, каждый храм еврейской диаспоры привлекал к себе большое количество прозелитов. Эти люди веровали в единого Бога, соблюдали священную субботу и многочисленные посты, но при этом сохраняли национальное самосознание. Были и такие, кто стал настоящим иудеем, сменил имя, образ жизни, и через несколько поколений его уже было не отличить от урожденных евреев.

Синагоги сыграли важную роль в распространении христианства, во всяком случае, той его версии, которую проповедовал святой Павел. Они стали своеобразной стартовой площадкой для миссионерской деятельности апостола. На территории Римской империи существовало множество еврейских общин с молитвенными домами. И Павел знал, что в стенах любой синагоги он найдет аудиторию для своих проповедей. Правда, только на первых порах. Довольно скоро Павла начали изгонять, как богохульника, но это не смущало проповедника. Иногда ему все

же удавалось обронить семя на благодатную почву и обратить в христианскую веру если не чистокровных иудеев, так прозелитов.

Таким образом, среди важных факторов, способствовавших распространению христианства в западном направлении, следует назвать: большое количество синагог еврейской диаспоры и универсальный характер греческого языка как средства общения в рамках империи (именно на этом языке Павел читал проповеди и писал свои послания). Не меньшее значение имели великолепные римские дороги, по которым путешествовал апостол, а также мир и спокойствие, царившие в тот период в империи и делавшие эти путешествия вполне безопасными.

Все это в совокупности позволило Павлу добиться впечатляющих успехов: за короткий срок (предположительно, менее чем за двадцать лет) он основал целую сеть христианских церквей в Малой Азии, Греции, Македонии. Более того, он утвердил идею божественного происхождения Христа даже в самой столице Римской империи.

5

Солнце еще только катилось к закату, когда я вступил в долину. Стрижи, которые в это время года прилетают из Африки, черными молниями носились в воздухе. Они мелькали над иерусалимской Стеной, с пронзительными криками ныряли вниз и снова взмывали в небо над Кедронской долиной. Как они похожи на своих английских собратьев, в сумерках летающих над сельской околицей! В памяти всплыли родные, чисто британские пейзажи — маленькие деревушки с серыми церквями, утопающими в тени вековых вязов. Я знаю, что впредь — стоит мне увидеть стаю стрижей, рассеявшихся под коньком английского амбара, — буду гадать: а не те ли это птицы, что мелькали на фоне закатного неба над Гефсиманским садом?

Я поднялся по лестничному пролету, устроенному с внутренней стороны Стены возле ворот Святого Стефана, и очутился на проходе, по которому прежде расхаживала городская стража. Дорожка была ограждена доходившим до груди зубчатым валом. Перегнувшись через него, я разглядел мусульманское кладбище, расположенное у подножия Стены, и белую ленту дороги, скрывающуюся под воротами Святого Стефана. По Иерихонской дороге двигалась группа арабов. Они подгоняли ослов, и в вечерней тишине я мог слышать каждое слово, сказанное внизу, на расстоянии пятидесяти футов.

В древности, в ветхозаветные времена, эти ворота носили название Овечьих, потому что перед ними обычно собирали скот, предназначенный для жертвоприношения в Храме Соломона. Соответственно, и в Иерусалим овцы попадали через эти ворота. Иисус наверняка неоднократно проходил этой дорогой, когда возвращался из Храма на Масличной горе. Мне хочется думать, что когда говорил Он свою знаменитую фразу «Я дверь овцам», то стоял на холме напротив и наблюдал, как белые овцы входят в город через Овечьи ворота.

Существует интересный комментарий относительно этих ворот. Согласно восточной традиции, последняя овца была принесена в жертву на Жертвеннике всесожжений в 70 году н. э. Тем не менее ворота оправдывали свое название, поскольку вплоть до самой британской оккупации перед ними устраивался овечий базар. Позже его перенесли к Дамасским воротам, затем — к воротам Ирода. В конце концов под рынок выделили площадку в северо-восточном конце, где он и находится до сих пор.

Понятно, что за бурную многовековую историю города ворота неоднократно перестраивались. Нынешняя конструкция Овечьих ворот датируется примерно шестнадцатым столетием. С именем святого Стефана их стали связывать уже в христианскую эпоху: из этих ворот можно попасть в долину, где предположительно находится место мученической смерти этого святого.

Святой Стефан, святой Петр и святой Павел — вот три ключевые фигуры в христианской истории. Фигурально выражаясь, они освободили христианство из оков иудаизма и отправили новую религию завоевывать человечество.

В этом смысле Стефан является предтечей апостола Павла. Существует мнение, согласно которому святой Стефан — единственный, кто мог бы, подобно Павлу, стать апостолом неиудеев. При условии, конечно, что остался бы жив. Так и кажется, что яростный дух Стефана вернулся на землю и, вселившись в фарисея Савла, породил апостола Павла.

На момент кончины Стефана (а случилось это через несколько лет после Распятия Спасителя) юная христианская церковь все еще находилась во власти синагоги. В ту пору евреи, верующие во Христа, ничем внешне не отличались от всех прочих. Они, как и остальные, приносили жертвы в Храме, подчинялись Моисеевым законам, в том числе соблюдали религиозные праздники и посты. В Иерусалиме проживали примерно пять тысяч евреев-христиан. Они составляли христианскую общину, во главе которой стояли Петр и другие апостолы. В то время весь город гудел от слухов. Все обсуждали случившееся на Троицын день. На апостолов снизошел

Святой Дух, и они обрели необыкновенные способности. Петр излечил несчастного, который был хромым от рождения, — засвидетельствовать это мог каждый, кто посещал Храм. На глазах у сотен людей творились самые настоящие чудеса, и творили их те, кто близко знал человека по имени Иисус Христос.

Первые апостолы, — писал доктор Дэвид Смит, — несомненно, были наделены даром творить чудеса. И это не обычная легенда или более поздние измышления. На сей счет существуют их личные и прямые свидетельства. Они неоднократно обращались к этой теме в своих письмах и всегда говорили об этом как об общепризнанном факте, хорошо знакомом читателям. Эта способность существовала на протяжении какого-то времени, и она не пропала немедленно с уходом поколения апостолов. По свидетельству святого Хризостома, она постепенно сходила на нет, пока окончательно не исчезла в четвертом столетии. Святой Юстин Мученик и святой Иреней также пишут о чудотворческих способностях отдельных христиан, которые можно было наблюдать еще во втором веке. По утверждению Тертуллиана, этот дар исчерпал себя только в третьем столетии. И такое развитие не случайно, оно вполне соответствует провиденциальному замыслу. На первых порах, когда христианство было еще слабым и уязвимым, ему требовалась особая поддержка в виде чудесных явлений. Позже, когда религия уже укрепилась и пустила корни, Бог предоставил ей развиваться естественным образом.

Святой Стефан был эллинизированным иудеем — «полным Божьей милости и силы», как сказано в Деяниях апостолов. Он открыто заявлял о своем несогласии с синагогами по ряду вопросов. Результатом этой борьбы стало обвинение в неуважении к Моисеевым законам и в попытке поставить под сомнение святость Иудейского Храма. Посему ему надлежало предстать перед Синедрионом, высшим судебным органом Иерусалима. До Стефана через подобную процедуру пришлось пройти и самому основателю христианской религии, а после него — Павлу.

Традиционно Синедрион собирался в трех местах: перед воротами, которые вели на Храмовую гору; в специальном помещении, расположенном в юго-восточном углу Храма, а в особо важных и торжественных случаях — в Зале из тесаного камня. Правда, в одном из трактатов Талмуда говорится, что за сорок лет

до разрушения Храма, которое случилось в 70 году, зал этот был закрыт, и Синедриону пришлось проводить заседания в других местах. Поскольку Стефана судили примерно в то же время, резонно предположить, что разбирательство проходило либо на свежем воздухе у ворот, либо в более скромном зале в пределах Храма.

Среди раввинских записей сохранилось подробное описание судебного заседания, так что мы можем восстановить процесс во всех деталях. Судьи расселись полукругом, в центре которого возвышалось кресло председателя. По краям полукруга стояли два писца: один фиксировал выступления обвинителей, другой записывал все, что говорилось в защиту подсудимого. Напротив судей разместилась публика, состоявшая из студентов-юристов и учеников писцов. Сам обвиняемый должен был стоять перед судьями в позе, свидетельствующей о раскаянии и приниженности.

Однако Стефан своим поведением бросил вызов судебным канонам. Его вид не выражал ни смирения, ни раскаяния. Напротив, те, кто присутствовал на этом судилище, свидетельствовали, что «лицо его сияло, как лицо ангела». Когда у Стефана спросили, правда ли, что Иисус Назаретянин намеревался изменить законы Моисея, он разразился длинной и пламенной речью, в которой открыто объявил, что Закон Христа призван не изменить, а полностью заменить Моисеев Закон. В этом заключалась суть веры святого Стефана, и он отстаивал ее со всей убедительностью.

Увы, он обращался к глухим! Ведь перед ним сидели ортодоксальные евреи, непоколебимо убежденные в том, что данный Моисею Закон непогрешим и вечен. Они свято веровали, что лишь в стенах Иерусалимского Храма Бог говорит с человеком.

Вначале речь Стефана вовсе не выглядела кощунственной. Он подробно излагал историю еврейского народа, хорошо известную судьям, но те слушали. Они слушали даже тогда, когда Стефан заявил, что «Всевышний не в рукотворенных храмах живет»^[6]. Столь смелое утверждение вызвало у присутствующих возгласы ужаса, негодования и ярости. Этот ропот постепенно нарастал, заглушал речь подсудимого, заставляя его повышать голос. И в конце концов подтолкнул Стефана к последнему шокирующему заявлению:

«Жестоковыйные! Люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы...»

И тут в зале разразился страшный переполох. Слушатели «рвались сердцами своими». Они «скрежетали зубами» от злости на Стефана. Они готовы были растерзать человека, посмеявшегося заявить подобное. Однако внезапно, если верить этому удивительному описанию, в зале чудесным образом воцарилось молчание, в котором четко и внятно прозвучали слова Стефана: «... вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога».

Обратите внимание: он увидел Сына Человеческого *стоящим*, а не сидящим по правую руку от Бога. Он стоит, словно собирается приветствовать на Небесах первую армию христианских мучеников.

При этих словах, воспринятых как предельное богохульство, терпение присутствовавших лопнуло. В Деяниях говорится, что они затыкали уши и старались перекричать Стефана, после чего «единодушно устремились на него и, выведши за город, стали побивать камнями». Здесь же указывается, что в казни участвовали свидетели, выступавшие против Стефана на суде: «и положили свои одежды у ног юноши, именем Савла».

И Савл «одобрил казнь Стефана». Он стоял и смотрел, как умирает этот святой человек. На его глазах палачи сбросили Стефана с высоты — именно так написано в Талмуде — в надежде, что тот свернет себе шею и умрет. Савл видел, как полетели первые камни в его голову. И, думается, закономерный ужас при виде традиционной еврейской казни отодвинулся на второй план в этом диком безумии. Автор сообщает, что Стефан преклонил колени и молился: «Господи Иисусе, прими мой дух!» Камни падали все чаще, несчастный мученик повалился на землю, и до Савла донесся его крик, в точности повторяющий мольбу Спасителя на кресте: «Не вмени им греха сего, Господи!»

«И сказав сие, почил».

После мученической кончины Стефана Савл «терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу».

Однако случившееся кардинально изменило судьбу Савла. Он видел, как умирал Стефан, слышал его слова. Семя упало на благодатную почву, оставалось ждать, когда оно даст всходы. Перед смертью Стефан озвучил Новый Завет, а дальше предстояло трудиться Савлу. Сам того не зная, он был избран для великой миссии — вырвать Новый Завет из рук евреев и понести его во все уголки мира.

День близился к вечеру. Я решил продолжить прогулку по иерусалимской Стене, точнее сказать, по ее северному участку. Свернув на запад, я миновал ворота Ирода и направился к Дамасским воротам. Мне не в первый раз доводилось разгуливать по крепостным стенам, но не помню, чтобы я когда-либо получал такое удовольствие.

Если не считать промежутка в несколько ярдов в районе Яффских ворот, то весь исторический центр Иерусалима — он называется Старым городом — окружен Стеной, выстроенной еще в незапамятные времена. Все современные здания строились уже за Стеной, чтобы не нарушать неповторимый ансамбль Старого города. В ходе раскопок, проводившихся в последнее столетие, выяснилось, что в некоторых местах Стена уходит под землю на 50–80 футов. Археологи обнаружили огромные блоки из неотесанного камня, сложенные древним способом — без соединительного раствора. Предполагается, что они являются фрагментами той Стены, которая окружала Иерусалим во времена Ветхого Завета.

Дорожка, по которой я шел, была примерно в ярд шириной. С одной стороны тянулось высокое зубчатое ограждение, а с другой открывалась панорама садов и крытых базаров Старого города. Спустившись возле Дамасских ворот, я направился по дороге к доминиканскому монастырю, на территории которого располагается базилика Святого Стефана. Она представляет собой прелестное маленькое здание, освященное в 1900 году.

По свидетельству отца Симеона Вайля из ордена августинцев Успения Пресвятой Богородицы, церковь Святого Стефана, в которой хранились мощи святого, была построена и освящена не позднее 438 года. А в 444 году в Иерусалим приехала Евдокия, жена византийского императора Феодосия II. Попавшая в опалу императрица решила посвятить себя религии и отдала приказ о возведении величественной базилики в честь своего личного покровителя, святого Стефана. Как ни странно, строить базилику решено было не в восточной части города, где якобы состоялась казнь великомученика, а за северными воротами. Почувствовав приближение смерти Евдокия велела освятить еще недостроенное здание, что и было сделано 14 июня 460 года. В том же году императрица скончалась, похоронили ее уже в новой церкви.

Ко времени крестовых походов возведенная Евдокией базилика уже лежала в руинах. Захватившие Иерусалим крестоносцы разбили свой лагерь неподалеку от развалин. Веруя, что именно здесь состоялась казнь, они восстановили базилику, построив здание в романском стиле и посвятив его святому Стефану.

Однако и эта церковь просуществовала недолго. Поскольку она стояла в непосредственной близости от крепостных стен, то мусульмане могли использовать ее в качестве платформы для осадных машин. Как только прошел слух о приближении воинства Саладина, напуганные крестоносцы собственноручно разрушили церковь.

Примечательно, что в Средние века, когда поток христианских паломников хлынул в Иерусалим, они по непонятной причине вновь избрали местом своего поклонения Кедронскую долину. Вот еще один пример устойчивости традиционных верований, связанных со Святой Землей. Примерно в тот же период ворота, ведущие в Кедронскую долину, стали носить имя святого Стефана.

В 1881 году доминиканцы, эти страстные археологи, проводили раскопки возле своего монастыря, расположенного к северу от центра Иерусалима. Они обнаружили непонятные развалины, которые впоследствии идентифицировали как византийскую базилику Евдокии и церковь, построенную крестоносцами. На месте находки они возвели прекрасную маленькую базилику — в память о величайшем христианском первомученике Стефане. Его смерть в Кедронской долине стала первым доказательством того, что молодая христианская религия окрепла, расправила крылья и изготовилась покинуть свое гнездо, синагогу, и вылететь в большой мир.

7

Несколько дней спустя я присутствовал на торжественном обеде, устраивавшемся в одном из богатых домов неподалеку от Масличной горы. На этом приеме я познакомился с великим муфтием Иерусалима, Хадж Амином аль-Хусейни. Он оказался достойным представителем арабской аристократии — спокойный и воспитанный мужчина средних лет, с неизменной вежливой улыбкой на губах. Пару лет назад мне уже довелось лицезреть его на празднике Неби-Муса^[7]: муфтий выезжал из Иерусалима верхом на белом коне, под грохот канонады, которая доносилась со старого кладбища под крепостными стенами. В тот раз мне подумалось, что именно так должны выглядеть духовные лидеры мусульманского народа. Наверное, таким же видели арабские воины своего вождя, великого Саладина, который, узнав, что его главный противник мучается от приступа малярии, великодушно послал ему корзину замороженных фруктов. Недаром Филип де Ласло, известный художник-портретист, говорил, что при взгляде

на иерусалимского муфтия ему вспоминается портрет султана Мохаммеда II, написанный Джентиле Беллини и ныне украшающий Национальную галерею.

Моим соседом за обеденным столом оказался мистер Джон Уайтинг — американец, родившийся в Палестине и в совершенстве владевший арабским языком. Этот человек стал для меня бесценным источником знаний о стране. Мистер Уайтинг поинтересовался, не желаю и я подняться на минарет, который стоит в северо-западном углу священного двора и является частью Купола Скалы. Мне было известно, что минарет построен на месте бывшей крепости Антония.

— Еще бы не желал, — вздохнул я. — Но ведь это же запрещено.

— А я спрошу у великого муфтия, — пообещал Джон Уайтинг и сдержал свое слово: я видел, как он, улучив минутку, подошел после обеда к Хадж Амину. К моему великому удивлению, муфтий дал разрешение.

На следующее утро мы с Уайтингом вышли из дома. Я волновался неимоверно, ведь мало кто из иностранцев удостоивается подобной чести. Тем не менее мы позвонили в арабскую администрацию и получили подтверждение: нас не только пропустят на вершину минарета, но еще и обеспечат экскурсоводом в лице молодого араба.

Пока мы шли по территории Гарамы, то есть двора, я не отрывал глаз от земли. Не хотелось ничего видеть до тех пор, когда мы не поднимемся наверх и вся картина откроется передо мной целиком. Мы поднялись по внешней лестнице, и сопровождавший нас араб отпер дверь у основания минарета. Нашим взорам предстала крутая спиральная лестница, уводящая ввысь. Подъем оказался долгим и утомительным. Наконец мы вышли на крышу и едва не ослепли от ослепительного блеска утреннего солнца.

Потребовалось некоторое время, чтобы глаза мои привыкли к яркому свету, и я сумел охватить взором незабываемый пейзаж, расстилавшийся у нас под ногами. Древняя земля, на которой некогда стоял Храм Соломона... В прошлом я неоднократно приходил сюда, бродил пешком, но никогда прежде мне не доводилось видеть Гарам эш-Шериф с высоты птичьего полета. Находясь на земле, невозможно по достоинству оценить колоссальную территорию, которую он занимает. И лишь здесь, под облаками, начинаешь правильно воспринимать эту часть Иерусалима — так, как описано в Ветхом и Новом Заветах. Я видел обнесенный стенами священный город в городе. Таким он простоял многие века и таким же остался в восприятии современного ислама.

Сверху мне было видно, что нынешняя мечеть повторяет общие контуры Храма Соломона. Конечно же, архитектурный стиль изменился до неузнаваемости. Как известно, Храм Соломона (он же Первый Иудейский Храм) строили финикийцы^[8]. А так как собственной архитектурой они не обладали, то были вынуждены позаимствовать стиль у египтян и ассирийцев. Более поздний Храм Ирода Великого — тот самый, в котором проповедовал Иисус Христос, — несомненно, воспроизводил каноны древнегреческой архитектуры и архитектуры эпохи эллинизма. Это тоже понятно: ведь евреи, как и финикийцы, не создали собственной национальной архитектуры. Любопытно, что и здание мечети, выросшее на месте Иерусалимского Храма, также являет собой пример заимствованной архитектуры. Оно было построено в 688 году по приказу халифа Абд аль-Малика. Однако проектировали его не арабы, ибо арабский народ к тому моменту еще не мог похвастать архитектурными дарованиями. В этом отношении Храмовой горе решительно не везло с застройщиками. Племя Израилево ко времени царя Соломона только недавно вышло из пустыни (минуло всего несколько поколений) и еще не успело приобрести необходимых навыков в строительстве храмов — сам Соломон честно признавался в этом своему подрядчику, царю Хираму из Тира. Аналогичная ситуация складывалась и у арабов, в седьмом веке захвативших Иерусалим и вознамерившихся построить там святилище. Они тоже были людьми из пустыни, которые в архитектуре ничего не смыслили и вынуждены были для этих целей нанимать византийских мастеров.

У многих возникает закономерный вопрос: как же вышло, что весьма обширная территория, да еще в самом центре Иерусалима, пустовала на протяжении нескольких столетий? Действительно, площадь на Храмовой горе оставалась незастроенной — так что арабам-завоевателям не пришлось ничего сносить. Всего и потребовалось, что вымести накопившийся за века мусор, и можно было приступить к возведению преемника Соломонова Храма. А причина заключалась в том, что иерусалимские христиане слишком буквально отнеслись к наказу Учителя. Помните, что сказано в Новом Завете: «Се, оставляется вам дом ваш пуст»¹. Чтя этот завет, последователи Христа не прикасались к развалинам Храма.

Четвертый век ознаменовался кратковременным правлением Юлиана Отступника, который задумал снова вернуть римский мир к языческому культу. Император развернул энергичную борьбу с «галилейской сектой», как он называл приверженцев христианской религии. Дабы опровергнуть вышеупомянутое пророчество Христа, Юлиан разрешил иудеям заново отстроить Храм Соломона. Это

решение, повергшее в ужас всех христиан, вызвало прилив радости и энтузиазма у еврейского народа. Представители диаспоры с ликованием взялись за дело, и до сих пор остается только гадать, почему же получивший всенародное одобрение проект столь бесславно провалился. Казалось бы, строительство ни в чем не испытывало недостатка. Со всех уголков империи в Святую Землю потекли денежные средства и рабочая сила. И тем не менее Храм так и не был восстановлен. Почему? Многие поколения историков пытались разгадать эту загадку, но так и не смогли найти удовлетворительного объяснения. Остается предположить, что произошло нечто необычное. И действительно, у ранних хронистов мы находим упоминания о необъяснимых пожарах и прочих явлениях чудесного порядка. Якобы они настолько напугали иудеев, что те отказались от своей затеи. Современные исследователи готовы принять эту версию. Они полагают, что в ходе строительства открылись подземные туннели, в которых веками накапливались ядовитые горючие газы. Эти газы могли стать причиной таинственных взрывов и пожаров. Как бы то ни было, но работы по восстановлению Иерусалимского Храма были сначала приостановлены, а затем — со смертью императора-язычника — и вовсе прекращены. Безвременная кончина Юлиана (он погиб на поле боя в возрасте тридцати одного года) обернулась крахом заветной мечты еврейского народа.

С того самого момента и вплоть до 635 года христиане сохраняли пустырь на месте бывшей иудейской святыни. В византийскую эпоху сюда свозили мусор со всего города. В результате, когда мусульмане захватили Иерусалим и халиф Омар пожелал взглянуть на место, где некогда стоял величественный Храм Соломона, ему пришлось чуть ли не ползком пробираться сквозь горы мусора. Вокруг царило такое запустение, что даже священная скала Сахра^[9] отыскалась не сразу.

В конце концов ее обнаружили погребенной под толстым слоем городских отходов. Халиф произвел ритуальное очищение скалы и велел возвести на этом месте мусульманскую мечеть. Арабы, как могли, исполнили приказ повелителя: на месте древних развалин выросло примитивное здание, в котором древние колонны поддерживали надстройку из деревянных балок и брусков. Пилигрим Аркульф описывал его как «огромное квадратное сооружение отвратительной формы». Со временем византийские архитекторы заменили святилище на великолепное здание восьмиугольной конструкции, которое венчает золотой купол. В таком виде мечеть сохранилась до наших дней.

Наверное, только на Востоке, в самом священном его месте, возможно такое — чтобы время было не властно над творением рук людских. Купол Скалы нисколько не изменился с 688 года, когда византийцы создали этот шедевр для арабов. Именно таким его увидели крестоносцы, которые разбили свой лагерь неподалеку и даже держали боевых скакунов в подземных «Конюшнях Соломона». И на протяжении веков на здании мечети лежит тень более древнего святилища — Храма Иеговы. Того самого, в котором Иисус беседовал со своими учениками, а юный Савл набирался премудрости под руководством рабби Гамалиэля, в котором Стефан бросил вызов Синедриону, а Павел вещал перед разъяренной толпой о жертве Иисуса Христа и пути спасения для человечества.

8

Так уж получилось, что ночь перед отъездом из Иерусалима я провел за городом. Благодарить за это следовало Джона Уайтинга и его маниакальную страсть к пикникам. Этот человек определенно мог претендовать на звание гения пикников. Во всяком случае, я не встречал никого, кто мог бы потягаться с Уайтингом в организации вечеринок на лоне природы.

Он часто и подолгу жил с бедуинами в пустыне, а потому умел (и любил) готовить пищу и поглощать ее под открытым небом. Наблюдая за Уайтингом в такие моменты, я начинал понимать, почему, невзирая на разницу в происхождении и воспитании, арабы воспринимают его как своего. Думаю, все дело в особом таланте: Уайтинг, как и Буркхардт, Даути и Лоуренс^[10], обладал способностью маскировать собственную национальность.

Все пикники, которые устраивает мой приятель, подчиняются ряду строгих правил. И первое из них: никто из участников не должен знать о месте проведения мероприятия.

Обычно гости собираются в назначенное время в условленном месте, не имея ни малейшего представления, куда их сегодня повезут — на берег Мертвого моря или в долину Шарон. Затем появляется Джон Уайтинг на машине и возглавляет безумную гонку с препятствиями по каменистым холмам Иудеи. Долгая езда, как правило, завершается на каком-нибудь живописном утесе, где уже суетятся слуги-арабы. К моменту прибытия гостей они успевают развести костер, очистить площадку от камней и застелить ее дорожными ковриками.

В этот вечер все происходило привычным образом: мы стартовали на закате и несколько миль ехали по Вифлеемской

дороге, затем свернули направо, на проселочную дорогу, и вскоре прибыли на место. Сегодня это был холм, откуда открывался замечательный вид на Иерусалим — город лежал в нескольких милях под нами и напоминал масштабную модель на столе архитектора.

Примерно четверть часа мы молча любовались фосфоресцирующим послесвечением, которое порождает догорающий закат над поверхностью Мертвого моря. Был тот мистический час — не ночь и не сумерки, — когда весь мир затихает и окрашивается фантастической, неземной красотой. Затем ночная тьма внезапно обрушилась на холмы, и Иерусалим у нас под ногами расцвел крошечными, с булавочную иголку, огоньками. Сверху четко различались границы новых районов, усеянных тысячами тлеющих светлячков. На их фоне выделялся темный квадрат — это был притаившийся за своими стенами Старый город. Весь остальной мир лежал погруженным в глубокую фиолетовую тьму.

В костре потрескивали колючие суковатые поленья, и красноватый отблеск ложился на простодушные лица арабских слуг. Уайтинг тем временем нанизывал мясо на заготовленные шампуры. Вскоре над нашей стоянкой разнеслись дразнящие ароматы, и, доложу я вам, это был самый лучший кебаб, который мне доводилось пробовать в своей жизни. Хозяин попотчевал нас куриными потрохами — традиционным блюдом бедуинов — и куриными ножками, которые сохраняли запах и привкус походного костра. За ними последовали сахарные финики, арабские национальные сладости и превосходное вино.

Пятнадцать человек сидели, сытые и разомлевшие, вокруг огня.

Под конец Уайтинг вместе со слугами подал нам кофе, заваренный по особому рецепту бедуинов: в напиток добавляется пряная трава под названием *хайль*^[11], благодаря чему кофе приобретает особый жгучий вкус.

— Присядьте и расскажите одну из своих арабских историй, — попросил кто-то из гостей.

— Хорошо, — согласился Уайтинг. — Это будет рассказ с моралью — как, впрочем, и большинство арабских историй.

Он уселся у костра, как делают кочевые бедуины, и принялся рассказывать, по ходу дела переводя с арабского на английский.

Давным-давно жил-был царь, который возжелал захватить некий город. Он призвал к себе главного визиря и повелел ему отправиться в тот край под видом паломника. Так сказать, провести предварительную разведку. Визирь

прошелся по базарам того города и заглянул в лавку, где торговали едой. «Я хотел бы купить у тебя хлеба», — обратился он к хозяину лавки. Но тот ответил: «Сожалею, уважаемый, но мой хлеб зачерствел. Зато у моего соседа прекрасный свежий хлеб». Тогда визирь попросил оливок. «Увы, — вздохнул хозяин, — и оливки у меня неважные. Зато у моего соседа отличные жирные оливки». После этого великий визирь вернулся домой и доложил своему царю: «О мой повелитель! Нам не по силам завоевать этот город».

Прошло десять лет, и царь повторно отправил визиря на разведку. Тот снова отправился на базар прикупить хлеба. «О, господин, — возопил торговец, низко кланяясь и довольно потирая руки, — вы правильно сделали, что обратились ко мне. У меня самый лучший в городе хлеб. Да и оливки лучше, чем у остальных... не говоря уж о сыре». Визирь вернулся в родной город и сказал царю: «О повелитель, время настало! Теперь мы сумеем завоевать этих людей, ибо ныне нет промеж них дружбы и единодушия».

— Еще! Еще! — потребовали слушатели.

— Хорошо, — откликнулся Уайтинг. — Я расскажу вам, как было изобретено вино. Это случилось в незапамятные времена, когда Адам и Ева жили в райских кущах. Все у них было, но Еве не нравилось безделье мужа. Ее раздражало, что он целыми днями слоняется по саду и не делает ничего. И однажды она сказала ему: «Почему ты все время торчишь в саду? Сходил бы, посмотрел, что делается в большом мире. Если б я была женщиной — сильным, уверенным в себе, то мне было бы стыдно сидеть здесь день-деньской. Неужели у тебя нет никакой тяги к приключениям?»

Итак, Адам — чтобы избежать упреков Евы — ушел из Райского сада и отправился бродить по миру. Там он обнаружил не виданное ранее растение — называлось оно виноградом. На лозе висели гроздья маленьких зеленых ягод. Адам собрал их и понес показать Еве. Женщина попробовала виноград, и он ей понравился. Возликовал Адам и решил ухаживать за виноградом — пусть жена порадует. Но однажды он пришел к своей лозе и увидел, что листья на ней пожелтели и пожухли. Немудрено, ведь дул хамсин^[12] и растениям не хватало влаги. Пока Адам думал, где раздобыть воду, мимо пробежала обезьяна. Адам поймал ее, убил и освежил с помощью ее крови увядающий виноград. Некоторое время спустя беда повторилась. На сей раз мимо проходил павлин. Адам убил птицу и использовал ее кровь для полива. И в третий раз

он пришел к своему винограду и увидел, что тот засыхает. Мимо проходил лев, и Адаму пришлось побороться с царем зверей. Но в конце концов он победил, выпустил из льва кровь и полил умирающее растение. На четвертый раз виноград выглядел уже лучше, но все равно страдал от жары и засухи. Пока Адам размышлял, как помочь беде, мимо пробежал дикий кабан. Убил и его Адам и полил его кровью виноград. Наконец засуха миновала, а тем временем и виноград созрел.

На лозе появились крупные красные ягоды. Собрал их Адам и побежал с ними к Еве. Та увидела мужа и закричала: «О Адам, что случилось? Ты поранился? У тебя кровь на руках». «Нет, это не кровь, — ответил мужчина. — Это сок винограда, который я поливал кровью». Им обоим так понравился напиток, что Ева стала заготавливать его впрок в глиняном горшке. Так было изобретено виноградное вино.

Рассказчик выдержал паузу, затем продолжил:

— Я говорил вам, что большинство арабских историй имеет мораль. И вот мораль моего рассказа. Один глоток вина — и вы ведете себя, как обезьяна; два глотка — и вы пыжитесь, как павлин; три глотка заставляют вас рычать, как лев; а четыре превращают вас в свинью.

Обратно мы возвращались при свете звезд, в полной тишине, которая объяла Иерусалим с наступлением ночи. А наутро появился мой «водитель по договоренности» — все тот же армянин Стефан. Мы загрузились в его машину и покатали по дороге, ведущей в Дамаск.

Глава вторая

Из Дамаска в Киликию

Я описываю путешествие в Дамаск, а конкретно — улицу, называемую Прямой, и то место на крепостной стене, откуда святой Павел спустился в корзине, дабы спасти свою жизнь. Далее я приезжаю в Турцию, гуляю по Тарсу, попадаю в мастерскую, где шьют палатки для кочевников, осматриваю Киликийские Ворота и, после некоторых проблем с турецкой полицией, благоразумно решаю удалиться в Антиохию.

1

После смерти Стефана Павел принялся яростно преследовать иерусалимских христиан. Он выслеживал их, брал под стражу и подвергал побоеванию палками. Это было традиционное наказание, позже широко использовавшееся во времена Османской империи. Просто оно было на какое-то время забыто. После того, как ортодоксальное еврейство — в лице Синедриона и представителей синагог — применило этот вид кары в своей борьбе с христианами. Османы возродили и активно использовали его — я бы сказал, с беспримерным рвением. В какой-то момент в карательной деятельности Павла вышла заминка: он наказал уже всех верующих, которые не успели бежать от его гнева. И тогда взор молодого фарисея обратился к Дамаску, где, по слухам, христианство быстрыми темпами приобретало себе сторонников среди людей, посещавших синагоги. Итак, Павел заручился официальными документами от Синедриона, которые давали ему право арестовывать дамаских христиан и доставлять их на суд в Иерусалим.

Мне часто доводилось сталкиваться с предположением, что Павел и сам являлся членом Синедриона. Однако этим исследователям возражают другие, которые доказывают, что в таком случае он должен был быть семейным человеком. Дело в том, что в Синедрион допускали лишь женатых — на том основании (весьма шатком, на мой взгляд), что семейный человек якобы больше склонен к милосердию. Вот уж не знаю, не знаю. Из того, что нам известно о членах Синедриона, я бы сделал вывод, что люди эти жестоки сами по себе, а собравшись вместе, и вовсе становились беспощадными. Так или иначе, меня сейчас больше

волнует вопрос о семейном положении Павла. Считается, что мягкость, с которой он обращался в своих письмах к новообращенным, — например, трогательный отрывок из его Послания к Галатам («Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!»²⁾ — свидетельствует о том, что Павлу была знакома радость отцовства. Но, с другой стороны, если у него имелись дети, то почему они никак не упоминаются в личной переписке апостола?

Судя по всему, Павел очень спешил. Ему не терпелось поскорее попасть в Дамаск и приступить к своей миссии. Наверняка он отправился в путешествие верхом на верблюде, на муле или, на худой конец, на осле. Правда, многие комментаторы утверждают, будто он передвигался пешком. В своих рассуждениях он опираются на то место в Деяниях, где описывается состояние Павла после чудесной встречи с Христом. Буквально там сказано: «и взяли его за руку и привели в Дамаск». Следует помнить, что Павел не только испытал нервное потрясение, но и ослеп. Так что подобный способ передвижения выглядит вполне оправданным. Но возникает вопрос: если спутники Павла вели его за руку, то что мешало им точно так же отвести в Дамаск его мула или верблюда? Лично мне видится маловероятным, чтобы официальные посланники иерусалимского Синедриона путешествовали пешком. Не забывайте: ведь дело происходило на Востоке! А там ни один здравомыслящий человек не станет идти пешком, если тому есть разумная альтернатива.

Из Иерусалима Павел наверняка вышел не один, а с соответствующим эскортом, набранным из числа охранников Храма. В Дамаск они могли попасть двумя путями. Павел мог спуститься к Иерехону, а оттуда двинуться на север по долине Иордана и пересечь реку возле Бет-Шаны. При этом ему пришлось бы обогнуть с юга Галилейское море и довольно долго идти горными дорогами, соединяющими города Декаполиса^[13] с Дамаском. Однако это была не самая удобная дорога, особенно в летнее время, да еще с учетом того, что большая часть пути пролегает в низменной местности (намного ниже уровня океана). Лишь по достижении гористого восточного берега Галилейского моря путник мог рассчитывать на относительную прохладу. Другой путь — более долгий, но более приятный и оживленный — тот, который и поныне предпочитают люди, желающие попасть в Дамаск. Он проходит через Самарию и Галилею, а затем поднимается к подножию горы Хермон. Полагаю, что экспедиция Павла выбрала именно эту дорогу.

Сегодня — благодаря великолепным дорогам, которые Британия и Франция проложили на своих подмандатных

территориях, — из Иерусалима в Дамаск можно добраться за один день. Расстояние между этим городами составляет сто девяносто миль, и двадцать лет назад подобная скорость выглядела бы чистой фантастикой. Иерусалимские старожилы, которые еще помнят довоенные времена, со всей определенностью вам скажут: караван с хорошими верблюдами проделывал указанный путь примерно за двенадцать дней.

Я тоже направился в сторону Самарии. Дорога долго петляла среди бурых холмов, затем вывела в широкую долину Эздраэлон, где на северных высотах стоит всемирно известный городок Назарет. Я поднялся на эти холмы, потом спустился на равнину Ахма. Миновав селение Хыттин, где Саладин нанес сокрушительное поражение крестоносцам, я остановился у обрыва и заглянул вниз. Там на глубине в тысячу футов голубело озеро, приютившееся в изгибах земных складок. И я начал спуск к его раскаленному побережью.

Наконец и эта часть пути осталась позади. Я стоял на берегу Галилейского моря и разрывался между желанием задержаться здесь подольше и необходимостью двигаться дальше. Наверное, я мог бы раздобыть лодку и добраться на ней до Капернаума. И вот, пока я обдумывал свои текущие планы, меня посетила мысль, которая заставила забыть все остальное. Мне вдруг открылось — впервые открылось, — насколько важной и значительной была для Павла эта часть его путешествия. Ему предстояло спуститься к Тивериаде, проходя через множество деревень на западном побережье озера. В их число неминуемо попадал и Капернаум — любимое местопребывание Иисуса Христа. Эти деревушки предстали перед Павлом точно такими же, какими были совсем недавно, когда здесь жил и проповедовал Иисус. В сердце фарисея жила неукротимая злоба против последователей Христа, поэтому он должен был неуклонно возвращаться мыслями к личности их Учителя. Тем более что путь миссии пролегал через местность, где осуществлялось Его Пастырство, и все здесь напоминало о земном пребывании Христа. Павел видел у себя под ногами камни, по которым проходил Христос. На берегу озера стояла синагога, где Он говорил с народом. Да и сами люди, выходившие посмотреть на Павла с его свитой, были теми самыми мужчинами и женщинами, которые видели Иисуса.

Находясь в Галилее, Павел просто не мог не думать о Христе. Сам не зная того, он переживал в тот момент последние два-три дня своего неверия. Всего в нескольких милях отсюда — на холмах к северу от озера — находилось место, где должен был произойти коренной перелом в его жизни. Многие исследователи склонны

рассматривать обращение в христианство как долгий и противоречивый процесс, скрытно протекающий внутри человека. Подсознание уже стремится к вере, можно сказать, бежит ей навстречу с протянутыми руками. Но в то же самое время трезвый разум цепляется за прежние ориентиры и противится переходу. Эта борьба продолжается до тех пор, пока что-то не случается — порой совсем незначительное событие — и все, жизнь человека меняется коренным образом! К былому возврата нет. Нечто подобное, полагаю, происходило в те дни и с Павлом.

«Савл, Савл, что ты гонишь Меня?.. трудно тебе идти против рожна»^[14].

Эти слова еще не произнесены, но они уже рядом. Что думал, что чувствовал Павел в мгновения, предшествовавшие его обращению? Наверное, он переживал то же состояние, что и святой Франциск на пороге разрушенной церкви Сан-Дамиано. Или святая Екатерина Генуэзская перед тем, как осознала, что жизнь ее перешла на какой-то новый, более высокий уровень. Это особые моменты. И пусть они не доступны нашему пониманию, но они существуют и неизбежно предшествуют чуду. Только что Павел, Франциск, Екатерина были обычными людьми — как мы с вами, — и вдруг они качественно меняются, переходят в иную сферу восприятия, откуда уже нет возврата.

Так размышлял я, стоя на берегу Галилейского моря. Перед глазами у меня был Павел — человек, полный ненависти к Христу, еще не знающий о своем близком обращении. Думаю, он представлял собой чрезвычайно интересную картину, возможно, одну из самых интереснейших в истории христианства. Павел Не Обращенный... Вот он тихо идет по берегу озера и не догадывается о судьбе, которая ожидает его в самом скором будущем. Он еще не знает, что ему суждено подхватить Благую Весть, о которой возвещал Христос в этой самой деревушке, и понести ее в большой мир, в далекие города на берегу Средиземного моря.

2

Обогнув южный конец Галилейского моря, дорога на Дамаск удаляется от озера и упорно карабкается по южным склонам Ливанских гор. На протяжении нескольких миль, пока я преодолевал подъем, озеро скрылось из вида. Вокруг меня громоздились холмы — местами бурые и каменистые, местами покрытые цветами и расцвеченные всеми красками палестинской весны. Пройдя примерно пятнадцать миль, я достиг исторического

брода через Иордан, который носит название Джисрбени Якуб или «Брод дочерей Иакова».

Весной, когда сходят снега с горы Хермон, река набирает силу и громко шумит под каменным мостом. На короткое время Иордан становится похожим на горные шотландские реки в период половодья: холодные зеленоватые воды весело устремляются вниз по склонам холмов, торопясь в благословенную Галилею. Ширина реки здесь составляет около восьмидесяти футов, берега густо заросли папирусом, олеандром и египетским баланитесом. Это смахивающее на кавказскую пальму дерево еще называют псевдобальзамником, или гилеадским бальзамником. Из его плодов, напоминающих по виду грецкий орех, местные арабы изготавливают ароматное масло.

В древности «Брод дочерей Иакова» был известен всем путникам из Дамаска, Пальмиры, с Евфрата — короче, всем, кто двигался в южном направлении, в Палестину или Египет. Современный путешественник тоже запомнит эту переправу, ибо здесь ему придется остановиться, и надолго. Хватит времени на все: и чтобы полюбоваться окружающим пейзажем, и на осмысление того удивительного факта, что хотя он все дорогу от Тивериады забирал выше и выше, тем не менее в конце пути оказался на сорок футов ниже уровня Средиземного моря. Мост принадлежал французам, следовательно, нам предстояло пересечь границу — со всеми вытекающими последствиями, как то: проверкой паспортов, предъявлением документов на машину и прочей бумажной волокитой.

Возле моста скопились автобусы. Голодные бедуинские собаки слонялись вокруг, с интересом обнюхивали выгруженный для таможенного досмотра багаж. Сами же пассажиры (в основном арабы) и водители автобусов стояли в очереди. Они терпеливо ждали, пока делового вида сирийцы, облаченные во французскую униформу, проштемпелюют документы. В сторонке под сенью раскидистого чинара сидели двое жандармов. Они попивали кофе из крошечных чашечек и играли в нарды с заезжим шейхом.

Как выяснилось, у Стефана были какие-то непонятные проблемы с водительскими правами. То ли те были просрочены, то ли вот-вот должны были перейти в эту печальную категорию. Поэтому ему приходилось нелегко: сокрушенно покачивая головой, Стефан прижимал свою велюровую шляпу к груди и с характерной армянской любезностью отвечал на вопросы пограничника. При этом с лица его не сходила широкая, обезоруживающая улыбка. Очевидно, он все делал правильно, потому что араб в хаки, который

перед этим пожимал плечами, размахивал руками и недовольно поджимал губы, вдруг взмахнул своей печатью и со страшным грохотом обрушил ее на наши паспорта. Затем вернул нам документы — с такой ослепительной улыбкой, что она почти затмила Стефанову.

Итак, путь был свободен. Мы покатали по крутой горной дороге, намереваясь обогнать молодого араба, который легким галопом скакал перед нами на великолепном белом жеребце. Молодой шейх объезжал скакуна и, поверьте, делал это виртуозно. Он управлял строптивцем — этим живым сгустком ртути — при помощи веревочной уздечки и собственных коленей. Когда мы поравнялись с ним, юноша придержал коня. Я заглянул в налитые кровью глаза жеребца — это были глаза перепуганного дикаря. Его розовые ноздри раздувались, конь вскидывал голову и пританцовывал на каменистой дороге.

На вершине холма мы остановились, чтобы бросить прощальный взгляд на Галилею. Боже, что за пейзаж! Мне кажется, за всю свою жизнь я не видал ничего прекраснее. Местные жители рассказывали, что в ясную погоду сверху можно разглядеть южный конец озера — тот самый, где Иордан катит воды по раскаленной долине. Однако сегодня было слишком жарко. Разогретый воздух поднимался над землей, и колышущееся марево мешало рассмотреть отдаленные окрестности. При этом очертания озера просматривались отчетливо. Я видел Капернаум и Тивериаду на западном берегу, а также крутые Моавские горы, вздымающиеся на востоке.

С этого места дорога уже никуда не сворачивала, прямой стрелой пролегла по желтовато-серому плато почти до самого Дамаска. Слева высилась гора Хермон, ее заснеженная вершина ослепительно сверкала на фоне безоблачного неба. Мое разгоряченное лицо овеивал ветерок. По контрасту с удушливой жарой Галилеи здесь было неожиданно прохладно.

Вдалеке, примерно в двенадцати милях от Дамаска, нашему взору предстал затерянный в песках белый город. Солнце ярко блестело, отражаясь в его куполах и минаретах, которые вздымались над пышной зеленью. Где-то поблизости располагалось место, где произошло чудесное обращение Павла.

3

«Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба; он упал на землю и услышал голос, говорящий ему:

Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна».

«Он в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь мне делать? И Господь сказал ему: встань и иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать.

Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел; и повели его за руку и привели в Дамаск. И три дня он не видел, и не ел и не пил»³.

С этого мгновения Павел стал совершенно иным человеком. Отныне все, что он говорил и делал, определялось трансцендентным переживанием. Он стал орудием в руках Бога.

Указанное превращение описывается в Деяниях дважды. Впервые Павел говорит об этом, обращаясь к иерусалимской толпе, а затем — в своей защитительной речи перед Агриппой II. Существует целый ряд внешних и внутренних признаков, которые роднят обращение Павла с зафиксированными состояниями экстаза у христианских мистиков. К таковым относятся: внезапность видения, посетившего Павла по дороге в Дамаск; ослепительный, почти непереносимый для человеческих глаз свет и звук голоса; мгновенное изменение характера человека и дальнейшее посвящение всей жизни служению Богу. И хотя длится оно всего несколько кратких мгновений, этого оказывается достаточно, чтобы позволить провидцу познать суть происходящего.

Как ни странно, эти люди, вышедшие за пределы ограниченного мира собственных чувств, добивались значительных высот в практической жизни. Убедительным примером тому служит успешная деятельность Павла в роли апостола христианской церкви. Он стал великим человеком — как и святые Бернар, Жанна д'Арк, Екатерина Сиенская, Игнатий де Лойола и Тереза Авильская. В чем же причина такого успеха? Мне кажется, все дело в том, что после своего обращения Павел перешел в категорию святых людей — «боголюбивых мистиков», как их определяет Эвелин Андерхилл, автор книги под названием «Мистицизм». Она считает, что все эти люди обладали удивительной животворящей силой, «всепобеждающим порывом», перед которым бессильны любые обстоятельства.

«Постоянное свершение добрых дел — вот цель, которую ставит перед собой Дух, преисполнивший их внутренний дворец», — пишет автор «Мистицизма».

Мы видим святого Павла, который был внезапно обезоружен и связан Единственно Прекрасным и не скрылся для того, чтобы наслаждаться видением Реальности, но принялся в одиночку воздвигать Вселенскую Церковь. Мы спрашиваем, как получилось, что этот безвестный, прозябающий в нищете гражданин Римской империи смог без денег, без покровительства власть имущих основать такую грандиозную организацию, и слышим в ответ его слова: «Не я, но Христос во мне».

Мы видим Жанну д'Арк, простую крестьянскую девушку, которая покинула загон для овец, чтобы возглавить французскую армию. Мы спрашиваем, как могут случаться столь невероятные события, и получаем ее ответ: «Так мне велели Голоса». Толчок, могучий и непреодолимый импульс пришел из сверхчувственного мира, новые силы преисполнили ее, и она сама не знала, как это стало возможным и почему. Она обрела единение с Бесконечной Жизнью и стала Ее проявлением, средством проявления Ее силы, «тем же, что для человека его собственная рука».

Мы видим Франциска, «трубадура Господня», отмеченного Его ранами и озаренного Его радостью, а значит, познавшего две стороны той монеты за труды, которая есть залог Жизни Вечной — или Игнатия Лойолу, воинствующего и романтического рыцаря Богородицы, который открыл новую страницу духовной истории Европы. Откуда к ним — рожденным и воспитанным для обычных земных дел в обстановке, далекой от духовных поисков, — приходит неисчерпаемая энергия, способность добиваться триумфального успеха в самых безнадежных ситуациях?.. Мы видим среди этих прирожденных романтиков святую Терезу, которая достигла состояния Единения после длительной и тяжелой борьбы между низшей и высшей сторонами своей натуры. На шестом десятке лет, когда ее здоровье было ослаблено длительными болезнями и изнурительным умерщвлением плоти на Пути Очищения, повинаясь внутреннему Голосу, она сознательно меняет ход своей жизни, покидает монастырь и начинает новую жизнь, путешествуя по Испании и проводя реформы в великом религиозном ордене вопреки желанию консервативного духовенства. Однако наиболее изумительный пример дает нам Екатерина Сиенская, неграмотная представительница простого народа, которая после трех лет уединения достигает мистического бракосочетания и, покинув

«чертоги самопознания», начинает влиять на политическую жизнь Италии. Как могло случиться, что эти, на первый взгляд посредственные люди, которые подвергались влиянию недоброжелательного окружения, не отличались крепким здоровьем и были бедны, достигли столь выдающихся успехов? Объяснение может быть только в том, что все они были великими мистиками и вели в высшей степени боголюбивую жизнь. В каждом из них давал о себе знать героический характер, неисчерпаемые жизненные силы, великий энтузиазм и несокрушимая воля, которые были воздвигнуты на духовные уровни и преображены высшими проявлениями сознания.

Именно это и произошло со святым Павлом. Он оказался в экстремальной ситуации. И в то время как его физическое тело было истерзано и разбито условиями, для которых оно, физическое тело, попросту не приспособлено, дух воспрял и обновился. Вот что творилось с Павлом, когда его «повели за руку и привели в Дамаск».

4

Я подъезжал к Дамаску, оставив позади мили и мили абрикосовых садов. Был ранний вечер, когда измученные дневной жарой горожане наконец-то получают долгожданную передышку. Они приходят посидеть на берегу реки Барада. Вот оно, счастье жителя Дамаска — местечко в тени на свайной эстакаде, отличный кальян, чашечка сладкого кофе, блюдо лукума и тихий шелест волн.

Мне очень хотелось бы понять и полюбить этот город. По-моему, Дамаск до сих пор живет за счет своей репутации столетней давности. Среди европейцев и поныне бытует образ старого арабского города — без патефонов, трамваев и автомобилей, города, куда наши прадедушки долго и мучительно добирались верхом на лошадях и при этом гадали, согласится ли эксцентричная леди Стэнхоуп ^[15] дать им интервью.

Город серьезно пострадал от драматического столкновения с западной цивилизацией, представшей в виде французских трамваев, телеграфных и телефонных проводов, патефонов, автомобилей «рено» и зданий современной архитектуры. В самом центре Дамаска проложены широкие проспекты, по которым разъезжают грохочущие трамваи, и заезжие бедуины мечтательно

покачиваются в пыльных вагонах. А совсем рядом, на соседней улочке, сохранились старинные базарчики — темные лабиринты из греческих и армянских лавок, чьи хозяева, как и двести лет назад, день-деньской просиживают на крылечке в ожидании случайного покупателя. Они хватают за руки зазевавшегося иностранца и тащат его в свои лавочки, битком набитые латунными безделушками и инкрустированной мебелью — всей той рухлядью, которая теряет весь блеск и великолепие еще до того, как доедет до Челтнема.

Здесь можно видеть целые улицы, увешанные гирляндами из разноцветных шлепанцев с загнутыми носами. Голубые, красные, золотые — в глазах рябит от подобного многоцветья... Тут же, на мостовой, сидит сапожник, который быстро и споро мастерит новые экземпляры для своей экзотической коллекции. Рядом располагаются прилавки, заваленные засахаренными фруктами — Дамаск всегда славился этими лакомствами. Неподалеку торгуют ювелирными товарами: правильно, какой же Восток без золотого базара! Смуглые услужливые продавцы нависают над сейфами и стеклянными ящиками, полными золотых серег, браслетов, часов и старинного серебра. Однако дамасское золото ценится не слишком высоко. У арабов даже есть такая поговорка: ювелирное искусство зародилось в Египте, достигло зрелости в Алеппо, а умирать пришло в Дамаск.

На мой взгляд, главным украшением Дамаска являются *каны* — средневековые караван-сарай. Однако, увы, в наше время облик пустыни меняется: традиционные верблюды уступили место грузовикам, и сказочные караван-сарай превратились в примитивные складские здания. Лишь изредка удается заглянуть в приоткрытые ворота и полюбоваться старинным фонтаном, выбрасывающим струи под сенью апельсинового дерева.

Как бы то ни было, но я приехал в Дамаск, чтобы увидеть город святого Павла. Поэтому рано утром я вышел из гостиницы с намерением посетить места, которые так или иначе связаны с именем апостола.

После того как Павла привели в Дамаск, его разместили в доме Иуды, одного из членов христианской общины. Дом этот стоял на *Vicus Rectus*, то есть на «улице, называемой Прямой». В то же самое время другому христианину по имени Анания было видение: явился ему Иисус и велел идти в означенный дом.

«Анания пошел, и вошел в дом, и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа. И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и,

встав, крестился. И, приняв пищи, укрепился. И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске. И тотчас стал проповедовать в синагогах об Иисусе, что он есть Сын Божий»⁴.

Что касается улицы, «называемой Прямой», то прозвали ее так по заслугам. Почти в каждом эллинизированном городе имелась такая улица — прямая как стрела, — пересекавшая город насквозь. Эта дамасская улица была длиной в милю — больше, чем Принцесс-стрит в Эдинбурге. В ширину она имела сто футов и была поделена на три части: центральная, проезжая часть отводилась для всадников и повозок, а по краям оставались дорожки для пешеходов. Остатки похожих улиц можно найти в Пальмире, Джераше и Эфесе.

Ныне Прямая улица представляет собой один из наиболее оживленных дамасских базаров. Навес из проржавевшего железа защищает прохожих от ослепительного солнца, вдоль мостовой выстроились сотни маленьких магазинчиков с откидными ставнями. Современное арабское название улицы сохраняет память об ее римском прошлом — Сук аль-Тавил означает в переводе «Длинный базар».

Я долго бродил по этому темному туннелю, где то и дело приходилось уворачиваться от конных повозок, громылавших по булыжной мостовой, арабов-велосипедистов, небольших отар овец и верблюжьих караванов, а также спешивших по своим делам армянских и греческих торговцев. В конце концов я остановился полюбоваться на зрелище, которое наблюдал уже не впервые, но не уставал наслаждаться его видимой абсурдностью. В самом начале Прямой улицы расхаживали два армянина, судя по всему, занимающихся продажей ковров. Один из них, главный по виду, нес на плечах ковер, фактически был в него задрапирован. Второй, его помощник, шел рядом, поддерживая свисавшие концы ковра. Они торжественно вышагивали взад и вперед, с готовностью останавливаясь перед каждым потенциальным покупателем. Насколько мне известно, эта рекламная акция, чем-то неуловимо напоминавшая церковную церемонию, осуществлялась круглый год, но ни разу никто не изъявил желания приобрести их товар. Думаю, если вы приедете в Дамаск, то непременно натолкнетесь на эту парочку, выглядевшую как мрачная карикатура на епископа с дьяконом.

Прямая улица берет свое начало у Восточных ворот, или Баб эш-Шарки, как называют их арабы. Эти ворота относятся к наиболее интересным реликтам римской цивилизации в Дамаске. Их северный проем до сих пор служит одним из входов в город, хотя сами центральные ворота и южный проем замурованы и частично

застроены складскими зданиями. Археологические исследования крепостной стены Дамаска (в частности, Восточных ворот) дали потрясающие результаты: оказывается, некоторые камни кладки вполне могли быть заложены еще в апостольскую эпоху. Местные христиане с гордостью демонстрируют туристам тот участок стены, откуда святого Павла спускали в корзине.

На Прямой улице стоит небольшая мечеть, которая, по единодушному мнению христиан и мусульман, построена на месте бывшего дома Иуды. Любезный молодой шейх впустил меня внутрь и позволил подняться по шаткой лесенке на балкон, который используется в качестве минарета. К сожалению, этот юноша ничего не знал об истории здания. Но позже я познакомился с одним из францисканских монахов, который сообщил мне интересные подробности. Оказывается, в 1616 году некто Кваресим услышал от дамасских христиан (и, соответственно, записал в хронике), что мечеть построена на месте старой греческой церкви, посвященной святому Иуде.

5

Тот же самый францисканец отвел меня к подземной часовне, расположенной в христианском квартале Дамаска. Примечательно, что во времена Павла эта часть города принадлежала еврейской общине.

— Думаю, вам это будет интересно, — сказал он. — Дело в том, что традиция связывает эту часовню с именем Анании, того самого, который сначала исцелил, а затем и окрестил святого Павла.

Монах повел меня тихими переулками. Вокруг тянулись высокие стены с наглухо закрытыми дверями. И вдруг одна из дверей случайно оказалась приоткрытой. Не сдержав любопытства, я на ходу заглянул внутрь. Моему взору предстал внутренний дворик, куда выходили беленые стены домов. В центре двора стояло лимонное дерево, а под ним колодец. Несколько смуглых ребятишек играли в тени дерева с кошкой.

Наконец мы пришли к каменной лестнице из двенадцати ступенек, которая вела в подземный склеп. Судя по обстановке, это действительно была христианская часовня, о том же свидетельствовал и скромный алтарь в дальнем конце помещения. Стены и сводчатый потолок были сложены из грубого камня. Некоторые каменные блоки гигантского размера были явно древними: они относились к византийскому, а возможно, и более раннему периоду. Единственным источником освещения служила

круглая дыра в потолке, сквозь которую лился тускловатый солнечный свет.

— Сейчас мы находимся на уровне римской эпохи, — пояснил францисканец. — Кстати, обратите внимание: земля, собранная возле Баб эш-Шарки, соответствует той же самой глубине. Это помещение чрезвычайно древнее, здесь обнаружены материалы, которые, несомненно, относятся к римским временам.

Он отворил дверь в смежный склеп, и я увидел вмурованную в стену римскую черепицу.

— История этой часовни основывается на сирийской традиции, связанной со святым Ананией, — начал рассказывать монах. — Если верить ей, то Анания был одним из семидесяти учеников Христа, а может, даже и служил нашему Господу в Его земной жизни. Говорят, что когда после казни святого Стефана открылись гонения на христиан, Анания вынужден был бежать в родной Дамаск. Якобы он только-только успел вернуться, когда Господь призвал его и велел отправляться к ослепшему Павлу. Если так, то понятно, откуда Анания знал Павла и почему он испугался предстоящей встречи. Помните, что он сказал? «Господи! Я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме»⁵. Так или иначе, но все знают, что Анания обладал даром целительства, а также что он находился в Дамаске, когда сюда привели Павла. Говорят, что в дальнейшем он сопровождал святого Павла в Кесарию и выступал там в его защиту перед Феликсом. В нашей традиции считается, что Анания умер от меча Пола, полководца Ареты. Но существует и другая точка зрения: будто бы он принял мученическую смерть от руки дамасского префекта Луциана.

Вскоре на месте жилища Анании выросла церковь, от которой и сохранилась эта часовня. В 1922 году здесь работала французская археологическая экспедиция, в составе которой был граф Лорей. Так вот, граф пришел к заключению, что некогда здесь располагалась большая византийская церковь, фундамент которой уходил под улицу. На протяжении веков это место почиталось христианами и мусульманами как жилище святого Анании. В 1820 году францисканский орден приобрел эту землю и отреставрировал то, что осталось от церкви. К сожалению, в 1860 году во время избиения христиан часовня оказалась разрушена, но мы ее снова отстроили семь лет спустя. И с тех пор она стоит в том виде, как вы ее видите сегодня.

После того как монах-францисканец ушел, я отправился в церковь, которая, кажется, называлась Каза-Нуова. Здесь моим глазам предстало одно из самых мрачных зрелищ, какое можно

себе представить. Один из служителей церкви включил освещение, и я увидел возле алтаря огромный стеклянный гроб, доверху наполненный человеческими останками. Красное муслиновое покрывало, на котором стоял гроб, лишь добавляло драматизма этой жуткой экспозиции. Кости были аккуратно связаны между собой красной шелковой нитью, которая — к моему ужасу — еще и завязывалась изящным бантиком. Здесь же лежало несколько полусгнивших черепов.

Как выяснилось, это были останки несчастных жертв мусульманской резни. Со слов служителя выходило, что в гробу находились кости восьми францисканцев, семи испанцев и одного тирольца — все эти люди мученически погибли на ступенях алтаря во время трагических событий 1860 года.

Незадолго до этого в Индии произошло восстание сипаев, оно и спровоцировало беспорядки, направленные против христианского населения Дамаска. За несколько дней в городе погибли свыше шести тысяч ни в чем не повинных христиан, сотни девушек и молодых женщин попали в арабские гаремы. Восстание распространилось и на территории Ливана, где мусульманская секта друзов развернула террор против маронитов. Франция выслала десятитысячный экспедиционный корпус для подавления мятежа, и это положило конец одному из самых мрачных эпизодов в истории Дамаска.

6

Порой случается, что хамсин по многу дней дует над городом, и тогда небо становится красным от туч песка. Деревья сгибаются под резкими порывами ветра, местные жители тоже идут, пригнувшись и натянув свои платки-куфии так, чтобы прикрыть нижнюю часть лица. Лишь темные глаза сверкают над полоской белой ткани.

И тем не менее от песка не укрыться. Он проникает повсюду — в пищу и одежду, в закрытые шкафы и постель. Песок также оседает меж страниц книг, и это раздражает меня больше всего. В воздухе беспрестанно висит тошнотворный пыльный запах. Люди раздражаются и легко выходят из себя.

Мне не повезло: мой визит в Дамаск совпал как раз с такой пыльной бурей. После того как ветер немного утих, я вышел из гостиницы. В мои планы входило осмотреть южный участок городской стены, где некогда состоялся побег святого Павла. Если

верить традиции, то друзья спустили апостола в корзине и, тем самым, помогли скрыться от гонений на христиан.

Я покинул город через Восточные ворота и решил немного прогуляться вдоль крепостной стены в южном направлении. Вскоре я приблизился еще к одним воротам, наглухо заложенным кирпичом. Судя по всему, здесь недавно проводились реставрационные работы. Стена достигала в высоту сорока футов, но лишь ее нижняя секция относилась к древней конструкции.

Побег через крепостную стену видится мне наиболее драматическим способом спасения. Если уж человеку приходится форсировать 40-футовую стену, то это означает полную безысходность: в городе засели враги, которые надежно охраняют все входы и выходы. Даже бегство из донжона выглядит менее романтичным. А тут неизбежно должны присутствовать все элементы приключенческого жанра: бегство, скорее всего, происходит под покровом ночи, в атмосфере обостренной опасности. Можете представить, как чувствует себя человек, который скользит в ненадежной корзине по гладкой стене? Любые случайности — малейший шорох или луна, не ко времени выглянувшая из-за туч, могут погубить все предприятие и привести беглеца к печальному концу. Думаю, любой читатель, в душе которого живы детские воспоминания, согласится со мной: самое волнующее место в Ветхом Завете — это когда шпионы Иисуса Навина спускаются по стене Иерихона.

Бегство Павла из Дамаска выглядело не менее драматично. Это была вынужденная мера: Павлу пришлось спастись от своих вчерашних сподвижников — гонителей христиан. Надо полагать, ортодоксальные евреи пришли в безграничную ярость, когда выяснили, что их недавний лидер неожиданно переметнулся на сторону врага. Они желали во что бы то ни стало схватить изменника и доставить в Иерусалим на судилище. Причем доставить в тех же самых оковах, которые Павел готовил для других.

«Но Савл узнал об этом умысле их; а они день и ночь стерегли у ворот, чтобы убить его. Ученики же ночью, взявши его, спустили по стене в корзине»⁶.

Так говорится в Деяниях. На мой взгляд, подобный способ бегства должен был в какой-то степени унизить гордый дух Павла. Человеку, который болтается в корзине, трудно сохранять достойный и величественный вид. Тем более если речь идет о Павле, самолюбивом и амбициозном. Он не мог не осознавать всю нелепость и даже смехотворность сложившейся ситуации. У меня есть все основания предполагать, что если бы Павел в тот миг не

чувствовал себя больным и уставшим (а он ведь совсем недавно пережил шок богоявления и дальнейшего обращения в христианство), то, скорее всего, отверг бы помощь — *такую* помощь — доброхотов-спасителей. Иначе трудно ответить на вопрос: почему много позже, описывая данный инцидент в своем Послании к Коринфянам, Павел говорил о нем с неутихающей болью и вообще относил к одному из самых неприятных событий в своей жизни.

«В Дамаске, — писал он, — областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня. И я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук»⁷.

Между прочим, данное упоминание об Арете — фактически единственное в античной литературе доказательство того факта, что в описываемый исторический период Дамаск находился под властью Nabateyского царства. Истинность этого утверждения позднее подтвердилась при изучении древних сирийских монет.

Неподалеку от места предполагаемого побега Павла — в непосредственной близости к крепостной стене — стоят несколько арабских домов. Причем их верхние этажи располагаются выше зубчатой кромки стены, так что из окон можно заглянуть за крепостной вал. Люди и сегодня живут в этих домах и теоретически имеют возможность устроить такой же побег, какой много веков назад организовали ранние христиане для Павла.

В нескольких шагах от стены находится православное греческое кладбище. Здесь нетрудно разыскать легкую деревянную постройку, смахивающую на летнюю времянку, под которой скрывается гробница святого Георгия Абиссинского. Этот святой пользуется глубоким уважением всех христианских сект в Дамаске. Древняя легенда утверждает, что побег Павла удался не в последнюю очередь благодаря содействию одного абиссинского офицера, христианина по вероисповеданию. Якобы во время операции по освобождению Павла он нес вахту на крепостном валу. Правда, легенда умалчивает: то ли абиссинец напрямую помог Павлу, то ли просто предпочел закрыть глаза на происходившее. Зато достоверно известно, что в наказание его приговорили к смертной казни.

Греки всегда держат горящую лампадку перед иконой святого Георгия Абиссинского, и, насколько мне известно, мусульмане также глубоко и искренне почитают место его захоронения.

Обстоятельства сложились таким образом, что мне пришлось покинуть Дамаск. Стефан должен был спешить в Хайфу, чтобы встретить круизное судно. Я же еще несколько недель назад забронировал себе место на поезде, который трижды в неделю курсировал между Триполи и Турцией. Поэтому мы выехали из дома ранним утром и на рассвете уже пересекали Ливанский хребет.

Я заранее радовался возможности побывать в Тарсе, родном городе святого Павла. В мои планы входило пересечь всю Турцию, в точности повторяя маршрут апостола во время его миссионерского путешествия. Беда в том, что я плохо представлял себе, с чем мне придется столкнуться во время подобной поездки. Знал только, что Турция славится своими плохими дорогами, мало приспособленными для перемещения на автомобиле.

В Бейруте я распрощался со Стефаном и занялся поисками нового водителя с машиной, который согласился бы доставить меня за сотню миль в Триполи. В любой другой день с этим не возникло бы проблем, но, к несчастью, меня угораздило попасть в город во время какого-то важного мусульманского праздника. Так что все «хорошие машины уже заняты», как мне с подкупающей искренностью сообщили в салоне по прокату автомобилей.

Это было захудалое и, к тому же, безнадежно беспечное заведение. Взору моему предстал десяток стареньких разбитых «фордов»; зловещего вида трещина, пересекавшая застекленную витрину, наводила на мрачные размышления. Вам наверняка доводилось видеть такую картину в Сирии и других ближневосточных странах: дюжина арабов набилась в салон подобной машины, еще трое пристроились на подножке, в окошко выглядывает пара овечьих морд с выпученными глазами, сзади на багажнике приторочена неподъемная куча баулов и матрасов. И весь этот бродячий цирк пылит по дороге со скоростью шестьдесят миль в час, закладывая лихие виражи на поворотах.

С тоской оглядывал я предлагавшийся мне автопарк. В сердце мое заползла тревога, которая переросла в откровенный ужас, когда я познакомился с водителем. Это был высоченный детина в заливхватски сдвинутой набекрень феске. В прошлом он, очевидно, перенес тяжелую форму оспы, которая оставила на его лице бесчисленные отметины. Он со скучающим видом приблизился к выбранному мною автомобилю и презрительно попинал его шины. На мой взгляд, этот человек представлял собой нечто среднее между чикагским гангстером и старомодным ливанским ассасином.

Тем не менее деваться было некуда. Мы выехали в путь, и уже через десять минут я осознал, что мне достался самый скверный во всем Бейруте водитель. Кроме того, я понял, что любая моя

попытка жаловаться или как-то противоречить этому фанатику приведет лишь к тому, что наш автомобиль немедленно нырнет с высокогорной дороги прямо в гостеприимные волны Средиземного моря. Единственное, что оставалось, — поплотнее забиться в уголок и по возможности, не глядеть по сторонам. Лучше вообще не открывать глаз.

Однако по истечении первого часа пути я почувствовал, что во мне пробудился нездоровый интерес к манере вождения моего шофера. Обычно он сидел, сгорбившись над рулем, и развлекался тем, что кидал машину из стороны в сторону. При этом отчаянно газовал там, где требовалось жать на тормоз. У него имелась еще одна неприятная привычка: как только стрелка спидометра приближалась к цифре «60», он внезапно откидывался на сиденье и начинал извиваться и ерзать. Выглядело это так, словно водителю все опостылело, и он принял решение немедленно покинуть машину.

Через все деревни и мелкие города, встречавшиеся нам по пути, он проносился на предельной скорости, крича и улюлюкая, как безумный. Несчастные ослики и верблюды едва успевали уворачиваться от нашего вихляющего авто, а мой шофер с мрачной ухмылкой мчался по самому центру дороги. Он не упускал случая проехать впритирку к зазевавшемуся пешеходу — так, чтобы зацепить край развевающегося балахона. Бросив взгляд в заднее стекло, я видел быстро уменьшавшуюся фигурку человека, застывшую в облаке пыли и смешно размахивавшую кулаком или тростью. Могу представить, какой шлейф ругательств и проклятий тянулся за нами до самого Триполи.

Тем не менее вечером мы добрались до намеченного пункта целыми и невредимыми. До поезда еще оставалось два часа. А поскольку меня обуревала радость — оттого что я проделал весь этот путь и остался жив, — то я решил угостить водителя обедом. В арадском ресторанчике, где гремела турецкая музыка, мы для начала уничтожили по гигантской порции *куббе*. Это блюдо представляет собой шарики из мясного фарша и дробленой пшеницы. За ним последовала острая и изысканная *кафта* — помидоры, фаршированные смесью из мяса, кедровых орешков и лука, все это заправлено разогретым оливковым маслом. На десерт были поданы крупные толстокожие апельсины из Сирии. После такого обеда я почувствовал себя готовым к ночной поездке на турецком поезде.

Небо было густо усеяно непривычно яркими звездами, ночную тишину нарушали лишь лягушачьи рулады, когда я прибыл на

темный, заброшенного вида железнодорожный вокзал Триполи.

По рельсам невозбранно бродили бедуины, их белые головные покрывала мелькали в темноте. На путях уже стоял маленький — всего в пять вагонов — состав, но паровоз еще не подали. Я отыскал спальный вагон, где у меня было зарезервировано место. В соседнем купе устраивался немолодой, прилично одетый сириец. В вагоне первого класса несколько усталых левантийцев освобождались от обуви и воротничков — очевидно, готовились ко сну. Остальные вагоны занимали в основном арабы, они лежали на полках прямо в своих дневных одеждах.

На путях показался локомотив. Он медленно пятился задом, пока не уткнулся в наш поезд. На платформе собралась изрядная толпа местных жителей — в свете, падавшем из окон поезда, я видел их запрокинутые вверх неподвижные физиономии. Здесь же торговали сахарным тростником, я видел, как из открытого окна соседнего вагона высунулась чья-то обнаженная смуглая рука и потянулась к пакетику. Лягушки продолжали оглашать кваканьем окрестности вокзала, а крупные южные звезды подмигивали им в ответ.

На платформе показался начальник станции и громко позвонил в колокол, паровоз откликнулся хриплым натужным гудком. Наш поезд тут же содрогнулся и издал противный скрежещающий звук. Не было ни прощальных речей, ни привычной вокзальной суеты с объятиями, поцелуями и слезами расставания — мы просто тронулись с места и тихо растворились в синей ночи.

8

Всю ночь поезд, трясясь и покачиваясь, ехал по плоской, невыразительной местности. Я долго не мог уснуть. Сидя у окна, смотрел на широкую равнину, расстилавшуюся в лунном свете, и гадал, где же мы находимся.

Судя по равнинному характеру местности, мы все еще плелись по северу Сирии. В противном случае — если бы мы приближались к Турции — пейзаж стал бы более диким и гористым.

В конце концов я заснул на пару часов, но лишь для того, чтобы снова проснуться с первыми лучами солнца. Обнаружилось, что мы стоим на железнодорожной станции Алеппо. Это крупный сирийский город, который, подобно Дамаску, стоит на границе с пустыней. В этот ранний час город крепко спал и выглядел как огромное скопление плоских крыш, среди которых там и сям вырастали купола и минареты. Из соседнего купе доносился

могучий храп сирийца. Храпел он так, что хрупкая перегородка между нашими отсеками ощутимо сотрясалась. Я стал думать, с какой целью этот человек едет в Турцию.

И тут тишину спящего вокзала нарушило шипение и лязганье: в Алеппо прибыл еще один скиталец — потрепанный, пыльный состав со следами долгого пребывания в пути. Я с удивлением отметил, что это наш сотоварищ, тоже поезд компании «Торус экспресс», только следующий в противоположном направлении — из Константинополя, или Стамбула, как теперь его называют.

Оказывается, эти поезда пересекаются в Алеппо: один на последнем перегоне своего путешествия на юг, а другой, соответственно, в самом начале пути на север. В эти несколько минут, пока поезда стоят на станции, проводники спальных вагонов — замечательные люди в характерной униформе темно-коричневого цвета — успевают спуститься на платформу и обменяться парой-тройкой фраз на французском языке.

Стоя у открытого окошка и наблюдая за этой сценой, я подумал, что сам себя лишил изрядной доли дорожной романтики, когда решил добираться в Турцию через Сирийские Ворота^[16] и сел в вагон с надписью «Compagnie Internationale des Wagon-Lits». Подобные поезда — похожие друг на друга, как братья-близнецы, — ходят в Берлин, Париж, Рим, Вену, Будапешт и Афины. Проводники в одинаковых коричневых униформах застилают вам постель по вечерам и будят по утрам. Но, с другой стороны, это как раз тот момент, который сближает с эпохой святого Павла и помогает восстановить подробности его путешествий. Думается, подобные унифицированные спальные вагоны были бы весьма уместны в Малой Азии того времени.

Дело в том, что на всей территории Римской империи — от Британии на западе и до Каспийского моря на востоке — господствовал некий принцип интернационализма. Прежде всего, римляне озаботились проложить целую сеть великолепных дорог. Пользуясь этими дорогами, вы могли добраться от Иерусалима до Булони. И на всем протяжении этого долгого пути вы вполне могли обходиться всего двумя языками — латынью и греческим. Если же по дороге у вас, не дай бог, случилась беда или возникли какие-то проблемы, то достаточно только заявить о своем римском гражданстве (а именно так и поступил апостол Павел), и повсюду — что в Эфесе, что в Антиохии или Александрии, или даже в самом Риме — вам была обеспечена одна и та же юридическая и полицейская поддержка. Чтобы оценить это, достаточно вспомнить, какое количество бюрократических препон ждет вас на том же отрезке пути в наше время. В каждой стране собственные

законы. Вам придется договариваться с различными представителями властей — французскими, швейцарскими, итальянскими, югославскими, сербскими, болгарскими, греческими, турецкими, сирийскими и палестинскими. Единственное, что роднит всех перечисленных чиновников — полное безразличие к вашей судьбе. Там, где раньше простиралась открытая дорога, сегодня возвели целую кучу границ — с таможами и паспортным контролем. И повсюду вы будете наталкиваться на официальные барьеры. Вас ждут закрытые двери, бесконечные проверки и недоверчивые взгляды, словно в вас подозревают шпиона или контрабандиста.

И лишь здесь, в международных спальных вагонах, вы получите одинаковые — что в Париже, что в Стамбуле — одеяла и простыни; и завтраки вам будут сервировать на одинаковых голубых тарелочках, независимо от того, где вы находитесь — в Белграде или Барселоне. Эта одинаковость сервиса воспроизводит — во всяком случае, до некоторой степени — великолепную стандартизацию римских дорог, которая царила в античную эпоху.

Утренняя заря разгоралась над Алеппо, когда мы двинулись дальше — в плоскую и жаркую страну, которая ждала на севере. Наш поезд потихоньку удлинялся: время от времени на станциях к нему прицепляли все новые вагоны — обычные и вагоны-рестораны.

В одном из таких вагонов-ресторанов я и позавтракал. В меню входили яйца «обернуар», кофе и тосты. Впрочем, ел я рассеянно, все мое внимание поглощал пейзаж, открывавшийся за окном. Это был настоящий нецивилизованный Восток — такой, каким он сохранялся на протяжении последних столетий. Цепочки верблюдов маячили на горизонте, всадники с ружьями за плечами возвращались к себе домой — я видел стоявшие поодаль деревушки с глинобитными домиками и куполом мечети. Меня забавляла мысль, что, несмотря на все внешние отличия, этот современный вагон-ресторан является прямым восприемником древних караванов, которые двигались по Эгнатиевой дороге^[17].

Напротив меня за столиком восседал мой сосед сириец — чисто выбритый, благоухающий одеколоном, в феске, сидевшей под каким-то немисливо-высокомерным углом, — и задумчиво вертел в руках чашечку кофе. Как выяснилось, он ехал в Стамбул. Умирующий город, как сказал сириец. Турецкий диктатор Кемаль, или Ататюрк, «Отец турок», если пользоваться официальным титулом, решил обречь старый город на медленную смерть, а в качестве республиканской столицы развивать Ангору, то есть Анкару.

— Но разве можно убить Стамбул? — вопрошал сириец, взмахнув в воздухе наманикюренной рукой. — Он создан самой природой как мост между Востоком и Западом. Город, которому довелось побывать и крепостью, и базаром. Как можно убить такое чудо?

Я слушал его рассуждения о будущем Стамбула, а сам пытался отгадать, с какой миссией мой сосед едет в Стамбул. Меня интриговал его внешний вид — высокая красная феска, надушенные волосы, изящные ухоженные руки и бросающийся в глаза костюм. Этот человек казался сошедшим с обложки какого-нибудь приключенческого романа. Я так и не решился дать волю своему любопытству.

Через несколько часов наш поезд покинул пределы Сирии и вскарабкался на горный хребет Аман.

Плоская местность с ее пальмами, грязными деревушками и караванами верблюдов осталась позади. Теперь мы ехали по суровой гористой местности. По обе стороны от железнодорожной линии вздымались отвесные склоны, густо поросшие хвойными лесами. Местами их пересекали темные ущелья, по дну которых неслись стремительные потоки. Горы, отделявшие страну святого Павла от родины Христа, напоминали мне не то Швейцарию, не то Шотландию. Порой мне казалось, будто мы приближаемся к Сент-Морицу, а в иные моменты я готов был поклясться, что вот-вот за поворотом откроется Форт-Уильям.

Наконец поезд остановился на пограничной станции Февзипаса. Над зданием вокзала развевался красный флаг с белым полумесяцем и звездой — неопровержимое доказательство того, что мы очутились на турецкой территории. И сразу же узрели плачевные последствия декрета Гази^[18], который обязал всех турок носить западную одежду. Толпа, без дела слонявшаяся по станции, имела откровенно жалкий вид — море матерчатых кепок и безнадежно устаревших европейских костюмов. Арабы в своих традиционных лохмотьях, безусловно, выигрывали на фоне этих убогих синих пиджаков с коричневыми заплатами.

Нам предстояла процедура проверки паспортов, и вот в вагон вошли полицейские. Они щеголяли остроконечными фуражками с красными лентами и серыми немецкими шинелями с красными же обшлагами, у каждого на поясе висела кобура, из которой выглядывала вороненая сталь нагана. Тут же суетились таможенники: в поисках контрабанды они беззастенчиво ощупывали чемоданы, порой даже не ленились перетряхивать багаж.

Посадка на поезд производила странное впечатление: молчаливые и безучастные люди в матерчатых кепках поднимались по подножкам вагонов, шли по проходам, заглядывали в купе. И все это — под наблюдением солдат с винтовками на плечах. Наконец поезд тронулся с места, набрал скорость. Я сидел у окна и с жадностью рассматривал непривычный ландшафт. Такое нескоро забудется.

Святой Павел тут немало походил — всякий раз, как путешествовал из Антиохии в Малую Азию. Для него тот пейзаж, что расстился передо мной в лучах утреннего солнца, был привычен. Огромная плоская равнина простиралась до горизонта и упиралась в подножия гор с заснеженными вершинами. На многие мили окрест не было видно ни единого жилья, лишь отары овец паслись под дозором чабанов. Сами чабаны выглядели странно в прямоугольных, с широкими плечами накидках, которые здесь называют *кепениклер*. Такие войлочные накидки незаменимы для пастухов, ибо защищают не только от ветра, но и от дождя. По сути, они являются влагонепроницаемыми, поскольку изготавливаются из грубой шерсти киликийских овец. Из нее же, как и во времена святого Павла, местные жители делают материал для палаток, парусину и вьют веревки. Говорят, пастух может запросто выйти из-под своей накидки, а она так и останется стоять на земле.

Разглядывая чабанов, которые, подобно пугалам, торчали посреди степи, я подумал: а ведь, наверное, и Павел во время своих длительных переходов неоднократно пользовался *кепеником*. Недаром, находясь в неволе у римлян, он писал во Втором послании к Тимофею — тому самому, которого величает «возлюбленным сыном», — о своих нуждах и просил: «Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Трояде у Карпа»⁸. Наверняка фелонь, о которой ведет речь Павел, и была тем самым киликийским *кепеником*. Кому, как не пожилому апостолу, знать, что такая вещь убережет его от промозглой сырости римской темницы.

Тем временем поезд спустился в светлую, уютную долину. На станции Адана мне предстояло сойти и своим ходом добираться до Тарса, который лежал в двадцати милях к западу от железнодорожной ветки. Уже стоя на платформе, я заметил давешнего сирийца, выглядывавшего из окна. Красную феску у него на голове сменил черный берет. Ловко, ничего не скажешь! С одной стороны, берет — вполне европейский головной убор, так что сириец наглядно демонстрирует лояльность к местным законам. А с другой, берет не имеет полей, посему даже сам Пророк не стал бы возражать против такой детали одежды.

Я замешкался на несколько минут, пытаюсь припомнить, как по-турецки называют носильщика. Попутно разглядывал станцию. Выглядела она вновь отстроенной, и преобладающим материалом здесь был железобетон. На платформе велась оживленная торговля. Мальчишки катили перед собой тележки, заваленные апельсинами, шоколадом и бубликами с кунжутом, которые в Турции называют *симитами*. Тут же, рядом с лакомствами, лежали и заготовленные на продажу шкурки лисы и куницы. Как всегда, не было недостатка в торговцах сахарным тростником. Они бегали вдоль поезда и предлагали свой товар мрачным пассажирам, стоявших возле открытых окон.

Мое раздумье было прервано довольно-таки грубым похлопыванием по плечу. Обернувшись, я наткнулся на испытующий взгляд двух полицейских. Черт, меня ведь предупреждали, что иностранец в Турции и двух шагов не пройдет, чтобы не привлечь к себе внимание полиции. А я не поверил! Я предъявил стражам порядка английский паспорт, но, похоже, это только усугубило их подозрительность. Меня отвели в полицейский участок на станции, где препоручили заботам офицера с непременно револьвером у пояса. Абсурд какой-то! Еще немного, и я начну себя ощущать персонажем шпионского романа. Судя по той въедливой дотошности, с которой офицер изучал мои документы, по его озабоченному перешептыванию с помощником и косым взглядам в мою сторону, ничего приятного меня не ожидало. Я понял, что столкнулся с проблемой железного занавеса, причем в самой худшей — бюрократической — редакции. В основе этой агрессии лежал страх и полное непонимание того, что творилось в окружающем мире. Если бы передо мной сидел французский, немецкий или итальянский чиновник, то ему достаточно было бы одного взгляда на меня самого и на мой багаж, чтобы осознать мою абсолютную безвредность. Тысяча мелких деталей подсказала бы опытному полицейскому, что меня надо отпустить, предварительно снабдив носильщиком. Но, увы, дело происходило в Турции, и этим людям я представлялся тайной за семью печатями. Что же делать? По-английски офицер не понимал, и я начинал уже терять надежду на благополучный исход, когда в участке объявился еще один полицейский в сопровождении молодого американца. Моему облегчению не было пределов. Молодой человек, пояснил, что работает при американской миссии в Адане.

— Они хотят знать, что вы здесь делаете, — перевел он.

— Я намереваюсь осмотреть Тарс.

— Они хотят знать, зачем вам это.

— Потому что я пишу книгу о святом Павле.

Мой ответ, похоже, совершенно деморализовал офицера. Поднявшись с места, он закурил сигарету, затем обернулся ко мне и поинтересовался с серьезным видом:

— Ваша книга о политике?

— Господи, нет, конечно!

После мрачного раздумья полицейские решили, что я могу ехать, но должен оставить свой паспорт у них в участке. Их вежливый, но непреклонный тон не оставлял никакого сомнения: я нахожусь под надзором полиции. Тем не менее я узнал, что могу уехать в Тарс завтрашним поездом, который отправлялся в семь утра.

Таким образом, первые же десять минут, проведенные мною в Турции, оказались весьма полезными. За это короткое время я узнал следующее: оказывается, одного английского паспорта недостаточно для того, чтобы оградить себя от обвинений в шпионаже. Как выяснилось, нужно было заручиться рекомендательными письмами от представителей турецких властей.

Еще не известно, чем бы завершилась для меня эта эпопея, если бы не американская миссия. Эта организация обеспечила мне — пусть сомнительный, но все же вполне официальный — статус своего гостя. К сожалению, на более действенную помощь рассчитывать не приходилось. По правде говоря, мои новообетенные друзья и сами находились далеко не в блестящем положении. С приходом к власти республиканского правительства для американской миссии в Турции наступили черные дни. Ее полномочия резко сократились, а поле деятельности теперь ограничивалось работой всего одной небольшой больницы. Руководитель миссии — молодой энергичный доктор, изо всех сил пытавшийся поддерживать на плаву умирающую клинику — любезно позволил мне переночевать в бывшей родильной палате.

Меня поразили контраст между этой комнатой, такой чистенькой и комфортабельной, и тем, что я наблюдал за окном, затянутым противомоскитной сеткой. Там, среди луж и грязи, расположился временный лагерь курдских беженцев. Эти несчастные соорудили себе жилища из старых досок и пустых канистр из-под керосина. Окрестности лагеря оглашались несмолкающими звуками самого разнообразного кашля — от глухого астматического до высокого и захлебывающегося коклюшного. Вскоре я был потрясен, услышав и вовсе уж страшный, прямо-таки громоподобный кашель. Просто не верилось, что человеческий организм — с его хрупкими ребрами и уязвимыми легкими — может издавать подобные звуки и при том не

рассыпаться на части. Я вздохнул с облегчением, обнаружив, что этот шум исходил от группы верблюдов, в изнеможении прикорнувших на земле.

В прошлом американская миссия чрезвычайно помогала Турции. Данная организация возникла в 1819 году и имела своей целью обеспечить бесплатное лечение и образование для малоимущего населения. По всей стране вырастали колледжи, средние школы для турецких мальчиков и девочек, больницы и церкви. На протяжении целого столетия миссия поддерживала светоч христианского милосердия, некогда зажженный святым Павлом. Однако затем к власти пришло республиканское правительство. В точном соответствии с провозглашенным девизом «Турция — для турок» оно резко ограничило деятельность американской миссии.

Адана может считаться третьим по величине населенным пунктом Турции. Этот город, расположенный на Киликийской равнине, является центром текстильной промышленности. Здесь имеется одна или две крупные фабрики, производящие на экспорт хлопчатобумажную пряжу.

С виду Адана — типичный старый турецкий городок. Она представляет собой скопление ветхих деревянных строений и узких улочек, которые власти даже не позаботились заасфальтировать. Не удивительно, что с наступлением сезона дождей здесь стоит сплошное болото.

На аданских улицах нередко можно увидеть караван верблюдов, нагруженных тюками с хлопком. Рядом с ними пробиваются сквозь толпу толстые мужчины на осликах. В раскрытых окнах кафе установлены громкоговорители, из которых несется протяжная турецкая музыка. Забавное зрелище представляют темные крестьяне с равнин и оборванные горцы, которые с благоговейным видом разглядывают скромные витрины местных магазинов — так, словно попали в блестящую столицу.

В городе имеется одна современная широкая улица, начинающаяся прямо от железнодорожной станции. Это — гордость и краса Аданы, олицетворяющая европейские устремления республиканского правительства. Улица застроена прелестными виллами, которые вполне были бы уместны где-нибудь в пригороде Гамбурга. Небольшой парк украшает пафосная статуя Гази — с некоторых пор эти памятники стали неременной деталью всех турецких городов.

Вообще надо отметить, что появление скульптур на городских улицах знаменует собой решительный разрыв с былой, мусульманской Турцией. Дело в том, что ислам отвергает

рукотворные кумиры, к которым относятся и скульптурные изображения. Первая статуя появилась в Турции всего несколько лет назад и, помнится, вызвала настоящий шок у населения. Речь идет о скульптурной группе, которая установлена в центре Стамбула и символизирует рождение Республики. Ее автор — как бы желая бросить открытый вызов мусульманской традиции (а может, наверстать упущенное) — изваял целую толпу бронзовых людей. Лично я не могу припомнить, чтобы видел такое количество фигур на пьедестале. Здесь изображены все мало-мальски значимые государственные мужи — практически справочник «Кто есть кто» Турецкой республики. После того знаменательного момента статуи Ататюрка стали появляться в великом множестве — они как грибы растут по всей стране и уже не вызывают ужаса даже у самых консервативных мусульман.

А вот что меня удивило по-настоящему, так это гипсовый слепок со статуи Венеры Милосской, установленный у дверей местного аданского музея. На мой взгляд, он должен вызывать противоречивые чувства у публики, тем более в окружении многочисленных хеттских монументов. Мне объяснили, что Венера появилась здесь по «распоряжению свыше». Оказывается, все турецкие музеи получили предписание установить у себя изображение античной богини — якобы в образовательных целях. Не странно ли, что нация, которая в прошлом безжалостно уничтожала статуи Праксителя, а шедеврами Фидия украшала стены своих конюшен, вдруг воспылала любовью к древнегреческому искусству. Искусству, с которым боролась столько лет!

И все же, несмотря на весь свой скепсис, должен отметить, что бунт против исламской традиции имел колоссальное значение для турецкого народа. Очевидно, в какой-то момент современные правители осознали, что мусульманский запрет на скульптурные изображения деформирует психику человека и закрывает путь к его душе. На протяжении столетий красота человеческого лица и тела была запрещенной темой в этой стране. В результате художники и архитекторы вынуждены были утешаться наведением математических спиралей на стенах зданий. И вот теперь — какая ирония судьбы! — прекрасная фигура Венеры Милосской поставлена у дверей турецкого музея с тем, чтобы привнести идеалы греческой красоты в народ, чьи предки когда-то устроили мечеть в стенах великого Парфенона.

Одной из наиболее интересных достопримечательностей Аданы является великолепный мост через реку Сихун. Длина моста около трехсот ярдов, а среди его многочисленных арок сохранилась одна,

которая, по слухам, служила опорой еще древнему мосту Святой Елены Константинопольской. Якобы, совершая свое паломничество из Константинополя в Иерусалим — то самое, во время которого был найден Животворящий Крест, — императрица Елена и повелела возвести мост через местную реку.

Прогуливаясь по улицам Аданы, я услышал голос муэдзина, созывающего верующих на молитву. Приглядевшись, я действительно увидел человека на башне минарета, но одет он был не в тюрбан и развевающиеся одежды муэдзина, а в ставший уже привычным потрепанный костюм синего цвета и кепку. Пронзительный напевный голос был все тот же, но общий эффект от религиозной процедуры казался смехотворным. Этот крик мог бы издавать продавец рыбы на базаре.

Нисколько не сомневаюсь, что турецкий Гази с его реформами войдет в историю как величайший иконоборец. Подражая Советам, уничтожившим царский режим в России, здешний лидер Кемаль Ататюрк пытается вытравить все воспоминания о султанате и халифате и воздвигнуть непреодолимый барьер между современной республиканской Турцией и статичным государством прошлого.

Он привнес свои реформы не куда-нибудь, а в самую твердыню ислама, и никто не посмел ему возразить. Знаменитая Айя-София, величественная стамбульская мечеть, декретом Ататюрка преобразована в музей. Братство дервишей и ряд других религиозных орденов распущены, а их мечети отданы под развлекательные учреждения. Пятница, священный день мусульман, упразднен, а день отдыха перенесен на христианское воскресенье. «Отец турок» не только закрыл в своей стране все религиозные школы, но и отменил религиозное образование в начальной школе.

Сообщение о том, что теперь все турки обязаны носить шляпы вместо привычных фесок, большинство европейцев встретили с улыбкой, поскольку увидели в этом ребяческое подражание западной моде. Однако все не так просто. Данная реформа несет в себе куда более глубокий смысл, чем может показаться на первый взгляд. «Декрет о шляпах» является революционным по своей сути, поскольку метит в самый корень общественной и религиозной традиции. В некотором смысле он даже более смел, чем отмена чадры для женщин.

Дело в том, что на Востоке всегда придавали большое значение головному убору. Достаточно посмотреть, что у мужчины надето на голове, и вы получите полное представление о его социальном и религиозном статусе. Столь любимая турками феска на самом деле

не является их национальным головным убором, а позаимствована у греков. Двести лет назад турки все еще носили тюрбаны и достигли в этом фантастической виртуозности. Для каждой категории чиновников, не говоря уж о сановниках при султанском дворце, существовала своя разновидность тюрбанов. Выстраивалась целая иерархическая лестница тюрбанов — всем привычная и понятная. Поэтому когда их отменили и ввели в качестве национального головного убора феску, это вызвало бурю негодования. Старики всерьез утверждали, что наступил конец света. Примерно такая же паника овладела умами турок, когда Кемаль запретил фески. Неужели новый президент потребует, чтобы мужчины носили шляпы? Следует напомнить, что в понимании всякого мусульманина шляпа на протяжении веков олицетворяла собой западного человека — неверного, христианского пса. Если бы Гази желал продемонстрировать свое всевластие, то не было бы для того более наглядного способа, как заставить законодательным путем миллионы соотечественников преодолеть враждебность по отношению к проклятой шляпе.

Истинный мусульманин не станет носить головной убор с полями, поскольку таковой затрудняет (а то и делает невозможным) проведение намаза — ежедневной ритуальной молитвы, во время которой молящийся становится на колени и бьет поклоны, прикасаясь лбом к земле. Таким образом, посетители мечети оказались бы в сложном и одновременно нелепом положении, если бы декрет Гази обязал их носить, скажем, котелок. Однако турецкий диктатор нашел остроумный выход из ситуации: его подданные могли сколько угодно молиться, сохраняя при том европейскую внешность. И все это — благодаря изобретению западной цивилизации под названием «матерчатая кепка».

Достаточно ненадолго заглянуть в турецкую мечеть, чтобы понять, почему этот кошмарный головной убор получил такую популярность у мужского населения Турции. Кепка тем и хороша, что имеет поля лишь с одной стороны. Переверните ее козырьком назад, и надо лбом у вас появится безобидная гладкая поверхность, которая нисколько не мешает класть земные поклоны. То же самое рекомендуется делать хранителям музеев, таможенным офицерам и даже полицейским. Все счастливые обладатели островерхих форменных фуражек могут воспользоваться этой маленькой хитростью Ататюрка и молиться пять раз в день, как и надлежит законопослушному мусульманину.

В тот вечер в американской миссии собралась вся маленькая христианская община Аданы: несколько армян, сирийцев и одна девушка-гречанка. Уютно расположившись у камина, мы говорили о том, что волнует всех людей независимо от их национальности. Темой нашей беседы был, конечно же, мир. Мир во всем мире и способы его достижения.

Прежде чем отправиться в постель, я вышел подышать воздухом на плоскую крышу. На черном бархате южного неба сверкали непривычно большие и яркие звезды. Далеко на севере я мог разглядеть темный хребет Таврских гор, а вокруг расстилалась безмолвная пустыня. Ночную тишину нарушал лишь назойливый кашель несчастных курдов да отдаленный лай невидимых собак.

10

На следующее утро я встал пораньше и отправился в полицейский участок за своим паспортом. Моя новая знакомая — учительница из американской школы — любезно согласилась сопровождать меня и исполнять функции переводчика. Как и следовало ожидать, полицейский участок оказался заперт, никаких объявлений на двери не было. Хорошенькое дело! Теперь мне придется проделать 20-мильное путешествие, не имея на руках удостоверения личности. Крайне неприятная перспектива с учетом турецкой специфики. И даже тот факт, что у меня будет попутчица, владеющая турецким языком и готовая подтвердить чистоту моих помыслов, не уменьшил моей тревоги.

Пока наш маленький поезд неспешно тащился по Киликийской равнине, я взволнованно метался от одного окна к другому, стараясь обозреть пейзаж во всех подробностях. Ведь мы проезжали по родным местам святого Павла! У меня перед глазами проплывала бескрайняя зеленая равнина, лишь слегка приподнятая над уровнем моря. На многие мили тянули поля, засеянные хлопком, пшеницей и табаком. Здешние почвы напоминали по цвету наши родные, девонширские. Я видел, как быки медленно бредут вдоль светло-коричневой борозды, вспарывая землю примитивным плугом.

Киликийская равнина издавна славилась своей древесиной и козьей шерстью. И сегодня — если судить по тому, что я видел за окном — эти предметы экспорта по-прежнему в цене. Я с радостью убедился, что существуют вещи, не зависящие от смены династий и империй. По равнине все также бродили огромные отары черных коз. А возле всех мелких станций, куда мы вползали под

аккомпанемент асматического пыхтения локомотива, громоздились кучи заготовленных бревен высотой в дом.

На одной из таких станций в наше купе заглянул полицейский — надо думать, он увидел мое прилипшее к окошку лицо, и оно ему решительно не понравилось. Во всяком случае, он сразу же затребовал у меня паспорт. Если бы не моя попутчица — которая бойко говорила по-турецки и, к тому же, оказалась лично знакома с полицейским, — не миновать бы мне приглашения на выход. А так все ограничилось пространными предупреждениями, и мне разрешили ехать дальше в Тарс.

Деревенские повозки и редкие всадники передвигались по однотипным мощеным дорогам. Я вспомнил, что где-то читал, будто эти дороги — во всех направлениях пересекающие Киликийскую равнину — построены еще римлянами. В те дни, как и в наше время, равнина была проходима лишь в сухие периоды. Во время же зимних наводнений и затяжных дождей она превращалась в необъятное море жидкой грязи. Несчастные газели накрепко увязали в этой топи, так что их можно было ловить голыми руками.

Тем временем наше путешествие продолжалось. На севере открывался пейзаж, от которого дух захватывало. Примерно в шестидесяти милях от железнодорожного полотна высились Таврские горы — отсюда они выглядели гигантской синей стеной, увенчанной белоснежной кромкой.

Растительности вокруг заметно прибавилось, скоро мы уже ехали по совершенной чащобе. Поэтому для меня оказалось полной неожиданностью, когда поезд вдруг вынырнул на открытое пространство, и мы увидели перед собой маленький городок, на вокзале которого красовалась долгожданная надпись «Тарс».

11

Мы наняли экипаж и поехали по длинной, прямой дороге, которая привела нас в убогий маленький городок. Улицы представляли собой ряды деревянных лачуг, разделенные участками засохшей, растрескавшейся грязи. Это и был Тарс — пыльный малярийный городок, притаившийся на болоте.

Я оглядывался по сторонам, выискивая хоть какие-нибудь остатки былой роскоши. Увы, все мои усилия были напрасны. Вражеские вторжения, война и долгие столетия бездействия стерли все следы славного прошлого. Мне говорили, что остатки древнего города залегают на глубине пятнадцати-двадцати футов под современным Тарсом. Местным жителям случалось делать

удивительные находки. Скажем, копает горожанин у себя в погребе или на заднем дворе и вдруг чувствует, что лопата задевает что-то твердое. Оказывается, это верхушка арки или капитель мраморной колонны, погребенные глубоко под землей.

Мне продемонстрировали сооружение под названием Арка святого Павла, однако оно не имело никакого отношения к прославленному апостолу. Скорее всего, это строение византийского периода, которому греческие православные монахи (а их изгнали из поселка лишь в 1922 году) дали красивое и весьма уместное, с их точки зрения, название.

Современный Тарс сильно уменьшился в размерах. Он занимает лишь малую часть той площади, где некогда высились мраморные дворцы, колоннады, бани и общественные площади римского города. В нескольких милях отсюда, посреди хлопковых полей можно видеть остатки крепостной стены — эти обломки торчат из земли, как гнилые зубы. Не лучше обстоит дело и с рекой, пересекавшей раньше весь город. Кристально-чистый Кидн был гордостью и красой древнего Тарса. В свое время император Юстиниан построил к востоку от города канал, с помощью которого отводили излишки воды во время весенних наводнений. С упадком города все общественные работы заглохли, жители Тарса перестали чистить русло реки. И вот сегодня мы наблюдаем результат многовекового небрежения: Кидн — вместо того чтобы, как встарь, бежать через весь город — впадает в юстинианов канал.

И этим потери не исчерпываются. В результате все той же лени и невежества город лишился великолепного внутреннего озера Регма, служившего гаванью. Водоем постепенно забивался илом и гниющими отходами и ныне превратился в заболоченную местность тридцати миль в ширину. Сегодня это место гнездовья диких уток и вредоносный рассадник малярийных комаров.

Древние тарсяне любили, подобно стае уток у воды, подолгу сидеть под мраморной колоннадой на берегу Кидна и наслаждаться неспешной беседой. Если бы они могли одним глазком заглянуть в будущее и увидеть, какие мерзость и запустение воцарились в их любимом Тарсе, их жалости и недоверию не было бы предела. Уверен, во всем греческом, да и еврейском языках не сыскалось бы достойных слов, чтобы выразить негодование наших далеких предков.

Я заранее готовил себя к печальному зрелищу, представлял жалкие деревянные лачуги, разбитые дороги, по которым бродят небритые доходяги со своими тощими лошаденками. И все же контраст между сегодняшним Тарсом и эллинским городом,

которым восхищались Цицерон, Страбон, Апполоний и святой Павел, оказался столь велик, что я испытал нечто вроде культурного шока. Если бы речь шла о любом другом городе — пусть столь же убогом и заброшенном, — то во мне, наверное, взяло бы верх обычное любопытство путешественника. Но мысль, что великий Тарс, могущественный город древности, опустился до такого состояния, была для меня непереносима. Мне хотелось развернуться и бежать подальше от этого места.

Я попытался обрести спокойствие в привычных рассуждениях. Посмотри, сказал я себе, разве здешние развалины выглядят намного хуже тех домишек на эдинбургской Кэнонгейт, которые знавали лучшие времена, но теперь по вине косорукой шотландской знати превратились в жалкие мебелишки? Или жутких дублинских трущоб, веками разрушавшихся и зараставших сажеей — пока наконец квартирные агенты не обратили на них внимания и не привели в относительный порядок? Беда, приключившаяся с Тарсом, знакома практически всем крупным городам греко-римского мира. Они постепенно дряхлеют и ветшают. То великолепие, которое, по словам историка Моммзена, делало Малую Азию «землей обетованной провинциального тщеславия», испарилось вместе с мусульманским завоеванием.

Лично я считаю, что ни один западный политик не должен претендовать на власть, пока он не совершит путешествия в античный мир. Ему необходимо воочию убедиться, как легко море дикости, окружающее любой островок цивилизации, может вторгнуться в его пределы и разрушить все достижения. Вдумайтесь, ведь Малая Азия некогда была столь же высокоорганизованной, как и нынешняя Европа. Здесь стояли большие города с обширными библиотеками и величественными монументами. Этот сгинувший мир был настолько прекрасен, что когда мы случайно натыкаемся на его осколки, то думаем: а может, стоит их сохранить? Пойти по стопам благоразумных немцев, которые построили в Берлине особый музей для того, чтобы хранить в нем драгоценные находки из Пергама и Милета. Да, это был удивительный мир! И тем не менее потребовалось всего несколько веков оккупации статичной расой, чтобы он погиб. Высочайшие мраморные колонны рухнули; акведуки, издалека доставлявшие животворную воду, разрушились; гавани, куда приплывали гордые корабли со всего света, заросли илом и заглохли. В этой уязвимости я вижу величайшую трагедию античного мира. Не знаю, право, как иные путешественники могут беспечно попирать ногами останки древней цивилизации — кстати, давшей начало и нашему собственному миру — и при этом не

терзаться горькими раздумьями. Как можно равнодушно смотреть на валяющийся в грязи обломок коринфской колонны и не осознавать, что история дает нам страшный урок... и предостережение — или даже пророчество?

Моя поездка в Тарс оказалась не совсем бесполезной. Мне удалось обнаружить одно примечательное место, которое наверняка существовало и во время святого Павла. Я говорю об участке земли примерно двести восемь футов в длину и сто тридцать футов в ширину, обнесенном внушительной стеной еще древнеримской кладки. Стена имеет двадцать четыре фута в высоту и двадцать в толщину. Весь участок густо зарос травой и златоцветником, а посередине возвышаются две огромные платформы той же высоты, что и стены.

Турки называют это строение Дунук-Таш, или «Перевернутый камень». Рассказывают, будто давным-давно здесь стоял дворец правителя Тарса. И якобы этот правитель имел неосторожность чем-то обидеть самого Пророка Мухаммада. В наказание пророк опрокинул его дворец и похоронил обидчика под обломками. Менее замысловатая, но в равной степени ошибочная версия гласит, что здесь была гробница Сарданапала.

Платформа снабжена весьма удобным подъемом и, думаю, всякий исследовавший развалины согласится со мной, что это подий, или основание римского храма. Я нисколько не сомневаюсь, что грубый раствор, с виду напоминающий бетон, в былые времена был скрыт под каменной кладкой и, возможно, мраморной облицовкой.

Сама стена и бетонные платформы испещрены множеством туннелей, ведущих в различных направлениях. Это результат трудов нескольких поколений кладоискателей, которым в конце концов пришлось отказаться от безнадежного соревнования с прочным, как сталь, римским раствором. Уильям Буркхардт Баркер, в середине прошлого века проживавший Тарсе, в своей книге «Лары и пенаты» (1853) свидетельствует о систематических набегах на римскую стену. В то время среди жителей Тарса было несколько образованных европейцев, которые почему-то уверовали, что описанная платформа является гробницей, скрывающей в своих недрах несметные сокровища. Отсюда и настойчивость, с которой велись раскопки в районе этих античных реликтов. Одним из наиболее энергичных «копателей» стал французский консул, который после множества неудач был наконец вознагражден загадочной находкой. Артефакт представлял собой «два огромных мраморных пальца — первый и второй — соединенных вместе; причем, как ни странно, эти пальцы не выглядели частью

утраченной руки, а производили впечатление самостоятельного, законченного произведения».

Современный путешественник по достоинству оценит старую римскую стену, поскольку это одно из немногих мест в Тарсе, откуда открывается вид на окружающую плоскую равнину. Однако даже с этой возвышенной точки вам не удастся разглядеть Средиземное море. Если вы не боитесь пеших прогулок, то можно прогуляться вдоль извилистого русла реки Кидн. Прodelав пять миль в южном направлении, вы попадете к ныне заболоченной гавани Регмы. Отсюда хорошо видно, как местность постепенно повышается и переходит каменистое предгорье. А дальше, на расстоянии тридцать миль на севере встают неприступной стеной Таврские горы.

К моменту рождения Павла Тарс уже был одним из старейших городов эллинского мира. Благодаря своему выгодному географическому положению и кипучей энергии горожан Тарс являлся важным экономическим и торговым центром Киликии. Подобно тому, как обитатели Глазго на протяжении столетий углубляли и расчищали русло реки Клайд с целью развития судостроения на ее берегах, тарсяне также вели непрерывные очистные и дренажные работы в естественном водоеме Регмы, куда впадала река Кидн (здесь происходил частичный сток речных вод, после чего Кидн устремлялся через песчаный карьер в море).

Жители Тарса прорыли судоходный канал и углубили природную лагуну. До сих пор в глубинах болота скрываются обширные доки, арсеналы и складские постройки. И на протяжении всего времени, пока местные инженеры не ленились углублять канал и следить за состоянием дна гавани, Регма оставалась крупнейшим портом древнего мира.

Трудолюбивые тарсяне не ограничились благоустройством своего порта. Они проложили дорогу через Киликийские Ворота, получив таким образом выход на главный торговый путь, тянувшийся от Евфрата в Эфес и Рим. В результате город стал не только крупным морским портом, но и важнейшим перекрестком караванных путей. Тарс той эпохи можно с полным правом назвать нервным узлом, связывавшим между собой Восток и Запад.

Город интересен еще и тем, что стал своеобразной лабораторией для проведения провинциального эксперимента в рамках Римской империи. Здесь попытались воплотить платоновскую идею об управлении философов. В то время Тарс был высокообразованным городом, он прославился на весь мир своим университетом. По упорному стремлению к знаниям Страбон ставил

здешний университет над его афинским и александрийским собратьями. В овладение интеллектуальными богатствами жители Тарса вкладывали ту же энергию, которую проявляли в области коммерции и строительства. Павел был истинным тарсянином, представителем того народа, который сумел прорубить Киликийские Ворота в горах. Невозможно не отдать должного потрясающей целеустремленности и напористости этого человека — тому, что сегодня мы называем коротким словом «драйв». Говоря о личности апостола, очень важно подчеркнуть, что он родился и рос не в порочной и расслабленной атмосфере восточного города, а в условиях постоянного физического и интеллектуального напряжения.

В отличие от Афинского и Александрийского университетов, где было много чужеземцев, в Тарсе обучалась в основном киликийская молодежь. Тарсяне вкладывали душу в учение, чтобы в дальнейшем иметь возможность уехать за границу и продолжить образование в других университетах. По словам Страбона, не многие из них возвращались домой: как правило, способные тарсяне занимали важные посты на чужбине и оседали там навсегда. И, если практические достижения Тарса в области коммерции и строительства напоминают нам историю Глазго, то духовный подъем наводит на аналогии с Абердином.

В эпоху, предшествующую рождению Павла, в Тарсе жил и творил замечательный философ-стоик по имени Афенодор. Павел неминуемо должен был слышать об этом ученом, ибо слава Афенодора пережила его самого. Энергичный, как и все настоящие тарсяне, он разъезжал по городам с лекциями и стал наставником юного Августа. Своему ученику он преподал одно весьма мудрое правило поведения: если чувствуешь, что тебя одолевает ярость, повремени с решением — хотя бы на то время, пока повторишь вслух греческий алфавит. Афенодор не боялся критиковать будущего императора, и можно предположить, что лучшие черты своего характера Август воспитал под влиянием знаменитого учителя. Они находились рядом, когда пришло известие об убийстве Юлия Цезаря. Август, объявленный наследником императора, отправился в Рим, дабы заявить свои права на престол. И позже, по завершении гражданской войны, когда статус Августа уже не оспаривался никем, а его слово было законом для всего мира, лишь Афенодор, стоик из Тарса, осмеливался делать замечания бывшему ученику.

Молодой Август славился женолюбием. Рассказывают историю о том, что некая римская патрицианка получила приглашение явиться на свидание с императором. Афенодор случайно оказался у

нее в гостях, когда из дворца прибыли за нею закрытые носилки. Вся семья пребывала в смятении, но никто не смел воспротивиться воле императора. Тогда Афенодор занял место в носилках, прихватив с собою кинжал. Август с нетерпением ожидал прибытия дамы, и каково же было его удивление, когда из носилок показался старый философ, да еще и вооруженный кинжалом. «Неужели ты не боишься, — начал он отчитывать своего ученика, — что кто-нибудь проникнет подобным образом во дворец и убьет тебя?» Полагаю, это был тот самый случай, когда Августу очень пригодилось мудрое правило стоика. Наверняка он дошел до самого конца греческого алфавита, прежде чем восстановил душевное равновесие и смог ответить Афенодору. Он согласился со старым учителем и признал, что тот преподавал ему хороший урок.

Афенодор дружил со Страбоном и Сенекой, а Цицерон, отдавая должное мудрости философа из Тарса, пользовался его советами, сочиняя свой знаменитый трактат «Об обязанностях». Именно благодаря Сенеке до нас дошли сведения (довольно-таки скудные) о философии Афенодора, человека, сумевшего освободиться от всех страстей. По мнению сэра Уильяма Рамсея, сходство, неоднократно подмеченное в мыслях и суждениях святого Павла и Сенеки, объясняется именно влиянием идей Афенодора на обоих.

«Ты сможешь понять, что освободился от всех страстей, — учил Афенодор, — если обнаружишь: все, о чем ты хотел бы попросить у Бога, ты можешь высказать во всеуслышание».

Ему эхом вторит жизненное правило, выведенное Сенекой:

«Живи с людьми так, будто на тебя смотрит Бог, говори с Богом так, будто тебя слушают люди».

На склоне лет Афенодор с согласия императора вернулся в родной Тарс. И тут же оказался в самой гуще провинциального скандала, ибо обнаружил, что власть в городе захватили мошенники во главе с нечистоплотным политиком Боэцием. Перед отъездом старый философ получил от императора особые полномочия по изменению городского законодательства. Однако Афенодор до поры решил не обнародовать своей власти. Проповедуя умеренность во всем, он хотел сначала испробовать менее кардинальные методы. Проанализировав ситуацию, он пришел к выводу, что делу поможет полная чистка управленческого аппарата. Поэтому начал с того, что отправил в изгнание всех злоумышленников, после чего провел ряд реформ в социальной жизни провинции. Как раз эти реформы и доказывают ошибочность гипотезы о скромном происхождении святого Павла из семьи изготовителей палаток. Дело в том, что Афенодор пересмотрел списки законных граждан Тарса. Теперь на

гражданство могли претендовать лишь люди, обладающие определенным богатством и положением в городской общине. Дион Хризостом, посетивший Тарс столетие спустя, отмечал, что часть горожан оказалась вычеркнутой из списков граждан и опустилась до статуса плебеев, которых здесь именовали «полотняными рабочими». Тот же факт, что Павел, отвечая на вопрос о своем положении, гордо называл себя «гражданином Тарса», доказывает, что его семейство относилось к весьма процветающим. Перейдя в христианство, Павел добровольно не только лишил себя благорасположения семьи, но также и отказался от финансового и гражданского достояния, которое принадлежало ему по наследству. Возможно, именно об этом он пишет в Послании к Филиппийцам:

«Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа»⁹.

Еврейская колония, к которой принадлежала семья Павла, наверняка уже много веков существовала на территории Тарса. Меня завораживает мысль о том, что отец апостола мог быть свидетелем исторической встречи Марка Антония и Клеопатры, которая состоялась в Тарсе за сорок лет до рождения самого Павла.

Клеопатра приплыла в Тарс, где римский триумвир отдыхал после победоносной битвы при Филиппах. Он намеревался сурово покарать египтянку за ту помощь, которую она оказывала Кассию. Египетская царица знала, сколь строго Антоний обходился с врагами, а потому решила максимально эффектно оформить свой выход. Воспоминания об этом судьбоносном моменте сохранились благодаря произведениям Плутарха и Шекспира. Весь город сбегался на набережную посмотреть, как египетский флот медленно входит в гавань Регмы. Антоний, восседавший на троне на одной из улиц Тарса, внезапно обнаружил, что окружавшая его толпа рассеялась. Никто не желал пропустить пышное зрелище. Взглядам изумленных зрителей предстало судно с позолоченной кормой, над которым развевались пурпурные паруса. Под звуки труб, флейт и арф мерно вздымались в воздух серебряные весла. Клеопатра в наряде Афродиты, богини любви, возлежала под расшитым золотом балдахином, а мальчики, наряженные купидонами, обмахивали ее пышными опахалами. Возле руля и вдоль такелажа были расставлены самые красивые из рабынь в нарядах граций и nereид. Толпа на берегу могла ощущать запах курившихся благовоний.

Прибытие Клеопатры произвело неизгладимое впечатление на жителей Тарса. Полагаю, Павлу в детстве не раз доводилось выслушивать рассказы стариков, которым посчастливилось присутствовать при сем красочном спектакле.

Вглядываясь вдаль поверх Киликийской равнины, я видел караваны верблюдов, медленно двигавшиеся на север. В небе над ними время от времени возникали яркие проблески — это солнечные лучи играли на белых крыльях аистов, спешивших в том же направлении. Стаи перелетных птиц осуществляли ежегодную миграцию из Смирны в Малую Азию. Скоро они достигнут Эфеса и примутся вить гнезда на полуразрушенных арках акведуков и на вершинах античных колонн.

Картину эту Павел наблюдал каждый раз, как весна приходила на Киликийскую равнину. На его глазах запыленные караваны ползли по далеким холмам, а затем внезапно пропадали в темноте перевала. То же самое происходило и с аистами. Как и всякий мальчишка, Павел наверняка размышлял, мечтая оказаться в тех загадочных местах. Куда стремятся все эти люди и птицы? Где они найдут себе приют на ночь и где будут встречать рассвет? На что похожи далекие города, в которые держат путь караваны? Вся жизнь древнего Тарса была пропитана духом странствий. Торговые караваны, перелетные птицы, корабли, стоявшие на якоре в гавани Регмы, — все они были посланцами из далекого мира, лежавшего за горами и морями. Неудивительно посему, что студенты Тарсийского университета бродили по всему античному миру.

Если Павлу надоедало глядеть на север, где темнели Киликийские ворота, он мог повернуться и обратиться лицом к тарсийским пристаням. Я явственно вижу эту картину: Павел в родном Тарсе, маленький мальчик, живущий в атмосфере постоянных прибытий и расставаний. Его, должно быть, хорошо знали в гавани. Не сомневаюсь, что он проводил там много времени, наблюдая, как корабли расправляют паруса и направляются на далекий сказочный запад. И, наверное, Павел не раз говорил себе со вздохом: «Ну ничего-ничего... Когда-нибудь я тоже отправлюсь путешествовать — как эти белые корабли, плывущие по морю, и эти белые птицы, скрывающиеся за горной цепью».

Я не спеша шел маленькой боковой улочкой Тарса, вдоль которой выстроились скромные лавки-мастерские. По сути, они представляли собой навесы, внутреннее пространство которых было открыто взорам прохожих. Там в полумраке сидели мастера, которые сучили нити из козьей шерсти и ткали из них полотно.

Улица ткачей... С радостным изумлением я обнаружил, что здесь практически ничего не изменилось со времен святого Павла. Эти люди, как и тысячу лет назад, изготавливали ткань для палаток, которыми пользовались кочевники с Таврских гор.

Мастера, заметив мой настойчивый интерес, пригласили меня зайти внутрь, все показали и объяснили. Причем проделали это с таким терпением, добротой и бесконечным чувством юмора, что мне на минутку показалось, будто я снова оказался у себя дома, в родной Англии.

Я узнал, что шерсть берут у коз, которые пасутся высоко в горах. Снег там лежит до середины мая, так что животные вынуждены отращивать густую шерсть. Шерсть этих коз славится по всему миру своей толщиной и прочностью.

На Востоке принято, что человек, который занимается шитьем палаток, сам же изготавливает необходимую для этого грубую ткань. В древности Тарс славился такой тканью, которую называли *килий* — по названию провинции. Любопытно, что в современном французском языке до сих пор сохранилось слово «*силис*» для обозначения ворсистой материи.

Технология прядения и ткачества самая примитивная. Мастер с сумкой козьей шерсти на плече садится за прялку и принимается сплести шерсть. Их станки того же типа, какой использовался на заре цивилизации. Таким станком пользовались в Древней Греции и Риме. Мне припомнился рисунок на греческой вазе, которую я видел в Британском музее. На нем изображалась Пенелопа, сидевшая точно за таким же станком.

Я наблюдал за работой ткачей и думал, что та же самая картина была с утра до ночи перед глазами у Павла. Если бы апостол каким-то чудом попал в наше время, он бы не узнал родной город. Тщетно ходил бы он по улицам современного Тарса, разыскивая несуществующие ныне дворцы, бани, статуи, рынок и даже реку. Но здесь, на этой крохотной улочке, он наверняка оживился бы и вздохнул с облегчением. Ведь Павел сразу бы признал ремесло, которое кормило его в Фессалониках, Коринфе и Эфесе.

Как здорово, что такое нехитрое ремесло способно пережить исчезнувшие империи. Думаю, причина в том, что труд ткачей сохраняет свою актуальность независимо от времени. Он удовлетворяет насущные и простые потребности людей. И не

важно, что варварская раса уничтожает мраморные статуи и сложные акведуки. Не важно, что творится вокруг — война, резня или осада. Все равно рано или поздно все вернется на круги своя. Мирная жизнь восстановится, и в Тарс потянутся люди, желающие приобрести ткань на палатку.

13

Солнце уже поднялось достаточно высоко, когда я выехал к Киликийским Воротам. Древний «форд», который я нанял для этой поездки, привлек бы внимание окружающих где угодно, но только не в Турции.

Водитель-турок, очевидно, знал какие-то особые приемы. Во всяком случае, ему удалось сдвинуть с места автомобиль, который в любых других руках оставался бы кучей мертвого железа. Кроме того, он легко управлял машиной, которой явно недоставало общепринятых деталей — будь то ветровое стекло, крылья или тормоза. Турецкие водители выше таких мелочей. Пока двигатель разогревается, они умудряются вести машину по плоской местности и даже подниматься на вершины гор.

Мы выехали из города и покатили по узкой дороге, проложенной меж полей. Навстречу нам попался горец на низкорослой, худосочной лошадке. Несчастное создание тащило два огромных мешка, которые свешивались по бокам, а сверху восседал невозмутимый хозяин. При виде нашего дымящего и тарахтящего авто животное стало проявлять все признаки неподдельного ужаса. Однако горец, хоть и повернул голову в нашу сторону, тем не менее, казалось, держал свою лошадку под контролем. Только я подумал, что, пожалуй, нам удастся разминуться на узкой дороге, как «форд» вдруг резко вильнул в попытке объехать очередную рытвину. Лошадь дернулась и неожиданно сбросила на землю свою неподъемную поклажу вместе с седоком.

Выскочив из машины, я кинулся вдогонку за перепуганным животным. Водитель в это время помогал подняться поверженному горцу. Подсознательно я ожидал громогласного рева и многословных проклятий. Каково же было мое удивление, когда, обернувшись, я обнаружил, что оба мужчины привалились к мешкам и буквально заходятся в хохоте.

Тогда я впервые столкнулся с исконной турецкой чертой, которую затем неоднократно наблюдал в ходе своего путешествия: в самые тяжелые минуты, когда большинство людей впадают в

бешенство или отчаяние, турки неизменно проявляют добродушие. Причем я заметил, что их чувство юмора сродни нашему английскому остроумию. Я бы назвал это качество тонкой иронией.

Распрощавшись с бедолагой-горцем, мы продолжили свой путь. Киликийская долина скоро кончилась и перешла в предгорья. По дороге нам встретился небольшой караван и одна-две группы юруков, или турецких кочевников, с кучей осликов и темноглазых детишек. Затем потянулись и вовсе безлюдные места.

Трудно представить себе более дикую местность, чем на подступах к Киликийским Воротам. Горные склоны время от времени прорезали узкие ущелья, по дну которых протекали потоки талой воды. Бросив взгляд вверх, я видел сосны, ослепительно зеленые на солнце, а над ними заснеженные поляны, которые послеобеденное солнце окрашивало в нежно-розовый цвет. Порой наша машина оказывалась на самом краю дороги, за которым открывалась глубокая пропасть. Не раз нам приходилось останавливаться и убирать с пути крупные валуны, сошедшие с вершин в результате оползня.

Чем хуже становилась дорога, тем больше добавлялось бодрости у моего водителя. По-английски он знал одно только слово — «танцевать». Когда нас особенно сильно подбрасывало на какой-нибудь колдобине, и рессоры, казалось, вот-вот лопнут... Или когда он сам впиливался головой в потолок, этот непостижимый человек оборачивался ко мне и — усиленно жестикулируя, чтобы обозначить неустойчивость машины — весело кричал:

— Танцевать, танцевать!

В нескольких милях от Киликийских Ворот мы наткнулись на крохотную деревушку, прилепившуюся на горном склоне. Всего несколько хижин стояло вокруг полицейского участка.

Улыбчивый молодой полицейский с винтовкой за плечами спросил, куда мы направляемся. И это притом, что уже несколько столетий на здешней дороге существовало лишь одно направление! Полицейский осмотрел салон нашей машины и кивнул мне вполне дружелюбно. Все могло бы закончиться вполне нормально, если б из полицейского участка не выскочил молодой человек с растрепанной шевелюрой. Он хотел знать, что происходит. Юноша произнес несколько фраз на плохом французском, из чего я заключил, что он — сын директора местной школы.

Он задавал мне множество вопросов, и, поскольку аданский полицейский оставил у себя мой паспорт, я оказался в сложном положении. Особенно когда полицейский, понуждаемый юношей, присоединился к нашей беседе.

— Вы говорите, что вы англичанин? — спросил молодой человек. — Вам выдали паспорт в Берлине?

— Нет, — ответил я. — Берлин — это в Германии. Мне выдали паспорт в Лондоне.

— Что вы делаете в Турции? С какой целью направляетесь к Киликийским Воротам?

В моем положении было бесполезно спорить или спрашивать, на каком основании этот юноша задает мне вопросы и подвергает перекрестному допросу. Покинув машину, я уселся на камень, курил и терпеливо ждал, пока молодой фанатик беседовал с моим шофером. Мне было ясно, что этот сельский шовинист вполне может закрыть мне дорогу к Киликийским Воротам, а то и вовсе засадить на всю ночь в кутузку.

Тут он заметил мой фотоаппарат и взъярился еще больше.

— Что это? — кричал он, тыча пальцем в камеру. — Это фотоаппарат! Вы не можете фотографировать!

Наконец он принял решение.

— Этот человек поедет с вами, — безапелляционно заявил он, указывая на полицейского.

Вряд ли такая перспектива обрадовала полицейского. Но он молча занял место рядом с водителем, и мы покинули пределы негостеприимной деревни. Мы ехали по горной дороге. Время от времени машину подбрасывало на ухабах, и я с беспокойством поглядывал на винтовку нашего конвоира: как бы он не проткнул штыком ветхий потолок. Я надеялся также, что с предохранителем у него все в порядке.

Мало-помалу воспоминания о юном параноике испарились. Мой водитель запел какую-то национальную песню, полицейский его поддержал. Периодически пение прерывалось взрывами смеха. За окошком становилось все прохладнее. Постепенно все звуки смолкли, тишина нарушалась лишь грохотом ручьев, стекавших по склонам. Вскоре перед нами открылся самый ужасающий перевал, какой мне доводилось видеть.

Древняя дорога через Таврские горы тянется примерно на восемьдесят миль, но сам перевал — Киликийские Ворота — занимает всего сотню ярдов в длину. По обеим сторонам узкого ущелья поднимались темные утесы. По сути, перевал представляет собой расщелину в скале, по дну которой протекает грохочущий поток.

Я прошелся пешком и изучил полустертые надписи на поверхности скалы. Они были высечены в незапамятные времена воинами, проходившими через эти Ворота. Одна из надписей, по моему, относилась к периоду Марка Аврелия.

Думаю, в этой расселине обитает множество призраков. Еще на заре времен военные и коммерческие нужды приводили сюда десятки армий и торговых караванов. По свидетельству Ксенофона, еще летом 401 года до н. э. великий царь Кир, направляясь в Вавилон, проходил здесь со своими Десятью Тысячами. Этой же дорогой вел армию Александр Македонский — в 333 году до н. э., после битвы при Гранике. Возможно, он стоял на этом самом месте и озирает отвесные склоны ущелья. Как и любой умный солдат, Александр опасался засады — уж больно подходяще место. Он послал на разведку отряд легковооруженных фракийцев и с удивлением обнаружил, что персы не позаботились занять перевал. Позже он узнал, что те подожгли Тарс — чтобы великие сокровища не попали в руки Александра — и поспешно отступили, не рискнув встретиться лицом к лицу с его победоносной фалангой. Таким образом, Александр беспрепятственно вошел в разоренный Тарс. И, кстати сказать, чуть не погиб: купание в ледяных водах Кидна обернулось для царя простудой и жестокой болезнью.

Крестоносцы тоже были вынуждены преодолевать этот перевал на своем пути из Константинополя в Малую Азию. И точно так же они в страхе стояли перед узким и мрачным ущельем. Недаром они нарекли его «Воротами Иуды».

Да, много воспоминаний хранят здешние горы. Однако, стоя в тот день на перевале, я думал не о завоевателях чужих стран и богатых торговых караванах. Перед глазами у меня стоял одинокий путник с посохом в руке, который тяжело бредет по каменистой тропе. Путь его лежит через Киликийские Ворота в Малую Азию, и несет он весть о мире.

Павел наверняка с детства знал здешние места. Ведь в эпоху римлян было принято в летние месяцы покидать знойную равнину и перебираться в горы. Возможно, вначале Киликийские Ворота представлялись ему проходом в иной мир. И ребенок был не так уж далек от истины. Действительно, дороги из Багдада и Антиохии в этом месте преодолевали рубеж, за которым вливались в большой и прямой как стрела тракт, ведущий сначала в Эфес, затем за море и наконец в самое сердце мира — в Вечный Рим.

Увлечшись мыслями о неукротимом страннике, я так долго сидел на перевале, что мои спутники стали бросать на меня косые взгляды. Наверное, прикидывали, какую каверзу замышляет подозрительный иностранец на этом перевале. Ну что ж, их можно понять. Ведь путь через Киликийские Ворота и сегодня, как во времена Ксенофонта, служит военной дорогой.

Ко мне подошел водитель и стал что-то говорить, указывая на небо. Я понял: если мы не выедем немедленно, то, скорее всего,

придется заночевать на холмах. Я с сожалением повиновался, и мы тронулись в обратный путь. В Тарс мы вернулись уже затемно.

В городе царила гробовая тишина: ни голосов, ни звука шагов. Лишь время от времени принимались лаять собаки, а где-то далеко на равнине им вторили шакалы. И, словно призрак при лунном свете, перед моими глазами возник исчезнувший навсегда Тарс — город храмов и колоннад. И снова привиделся мне одинокий путник, который упорно пробирается сквозь горы на запад, неся с собой драгоценное послание Христа.

14

В маленькой аданской гостинице, пропитанной запахом жареной баранины, плова и пахлавы, я разговорился с одним турком. Ему было около сорока лет, и по-английски он говорил весьма бегло.

Как выяснилось, мой новый знакомец воевал на Суэцком канале и попал там в плен.

— Языку я научился в английской тюрьме, — пояснил турок. — А еще выучил все ваши песни. Вот вы можете спеть «Конец прекрасного дня»? А вот эту — «Если б ты была единственной девушкой на земле»? Знаете их? Вот и я знаю.

Он путешествовал по делам своей текстильной фирмы. По одежде и манере держаться он выглядел настоящим европейцем. Сидевший в углу старик-турок заказал *чибук*, или кальян, — один из пережитков прошлого, и официант подсыпал угля в жаровню. Мой собеседник пренебрежительно пожал плечами.

— Это поколение, — заявил он, — уже не делает погоды. Оно скоро отомрет. Однако на смену ему придет новое, здоровое поколение: юноши и девушки, умеющие читать и писать, получившие хорошее образование. С ними мы станем великой нацией.

Наверное, то же самое говорили в России в первые годы Советской власти.

— Объясните мне, почему вы так подозрительны к иностранцам? — поинтересовался я. — Почему, стоит мне вытянуть блокнот или фотоаппарат, как полиция подозревает меня в шпионаже?

— У нас нет причин доверять остальному миру, — ответил турок. — Мы пережили тяжелые времена, в какой-то момент казалось, что не выстоим. В Турции большое значение придают

послушанию. Мы все должны повиноваться Гази. И всё — слышите, всё, — что угрожает Турции, должно быть уничтожено.

— Однако я полагаю, что блокнот не таит в себе никакой угрозы?

— Вы ошибаетесь, блокнот может оказаться очень опасной вещью.

— Вы, должно быть, из секретной службы, — рискнул я пошутить.

— Почему вы так считаете? — тут же вскинулся он.

— Да просто так, — пожал я плечами.

— Позвольте дать вам маленький совет, — произнес мой собеседник. — Вы надеетесь познакомиться с Турцией. Хотите увидеть великую работу по строительству новой нации, которую совершает наш президент. Рассчитываете осмотреть руины старых городов. Так вот, все это напрасно. Уезжайте и возвращайтесь в другой раз, заручившись чем-нибудь более весомым, чем ваш английский паспорт. И лучше возьмите себе в попутчики турка. Вот тогда ваша поездка окажется полезной. А сейчас вы ничего не увидите.

Я послушался его совета. На следующий же день распростился со своими друзьями из американской миссии и уехал обратно в Сирию.

Во время долгой поездки в Алеппо я перечитывал послания святого Павла, подчеркивая наиболее известные отрывки. Интересно, все ли знают, что эти цитаты принадлежат апостолу?

Ибо возмездие за грех — смерть (*Рим 6:23*)

Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь (*Рим 12:19*)

Ты соберешь ему на голову горящие уголья (*Рим 12:20*)

Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом (*1 Кор 3:19*)

А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом (*1 Кор 5:3*)

Лучше вступить в брак, нежели разжигаться (*1 Кор 7:9*)

Ибо проходит образ мира сего (*1 Кор 7:31*)

Для всех я сделался всем (*1 Кор 9:22*)

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий (*1 Кор 13:1*)

А как стал мужем, то оставил младенческое (*1 Кор 13:11*)

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло... (1 Кор 13:12)

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь: но любовь из них больше (1 Кор 13:13)

Только все должно быть благопристойно и чинно (1 Кор 14:40)

Станем есть и пить, ибо завтра умрем! (1 Кор 15:32)

Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?... (1 Кор 15:55)

Ибо доброхотно дающего любит Бог (2 Кор 9:7)

Несите бремена друг друга (Гал 6:2)

Что посеет человек, то и пожнет (Гал 6:7)

Солнце да не зайдет во гневе вашем (Еф 4:26)

Никто да не обольщает вас пустыми словами (Еф 5:6)

И мир Божий, который превыше всякого ума (Флп 4:7)

Не корыстолюбив (1 Тим 3:3)

Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего (1 Тим 5:23)

Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него (1 Тим 6:7)

Ибо корень всех зол есть сребролюбие (1 Тим 6:10)

Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил (2 Тим 4:7)

Для чистых все чисто (Тит 1:15)

Чтение мое было прервано внезапной остановкой поезда. Выяснилось, что на дороге обвал — несколько тонн снежного груза сошло с горного склона и свалилось прямо перед нашим локомотивом. Подобное часто происходит в здешних местах, особенно ранней весной, во время таяния снегов.

Нам пришлось ждать три часа, пока жители ближайших деревень вручную, при помощи лопат расчищали путь. Прохаживаясь поблизости, я подошел к краю обрыва и невольно вздрогнул. Под ногами у меня зияла настоящая пропасть, и я подумал, что мы бы наверняка туда свалились, если бы лавина накрыла нас в темное время суток. И еще одна любопытная деталь: я обратил внимание, что на всех металлических шпалах красуется надпись «Крупп». Дело в том, что эта железнодорожная ветка представляет собой фрагмент бывшей кайзеровской железной дороги, а именно ее участок Берлин — Багдад.

Наконец движение восстановилось. Но все равно в Алеппо мы приползли уже после полуночи, с многочасовым опозданием.

Глава третья

Антиохия Прекрасная и Золотая

Я наслаждаюсь беглым осмотром Алеппо и путешествием в Антиохию; посещаю места, где возникли первые неиудейские храмы, и знакомлюсь с городом, в котором христиан впервые стали называть «христианами». Я долго блуждаю среди шелковичных рощ и наконец выхожу к Селевкийскому порту, откуда Павел, Варнава и Марк отправились в плавание на Кипр.

1

Я шел по ночному городу. Финиковые пальмы колыхались на ветру, ослепительные, словно вылепленные из снега, мечети казались еще белее на фоне черного как смоль проема городских ворот. Алеппо окутывала атмосфера острого драматизма. Наверное, так выглядит город, только что переживший страшную резню. Или затаившийся в ожидании вражеского нападения. Из темной массы приземистых домов с плоскими крышами внезапно вырастали белоснежные минареты. Башни так блестели в лунном сиянии, словно — вопреки времени суток — продолжали жить при дневном свете...

Поутру я распахнул реечные жалюзи, и в гостиничный номер тут же хлынул солнечный свет. Он безжалостно, словно тигр в прыжке, обрушился на каменный пол и залег там яркими пятнами. Стоя у окна, я с удовольствием любовался Алеппо — городом, выросшим на самом краю пустыни. И пока я рассматривал дома с плоскими крышами, купола и белые минареты, в голову мне пришла мысль: Алеппо, как никакой другой, заслуживает звание города «Тысячи и одной ночи».

Я вышел на улицу, в принципе готовый к тому разочарованию, которое часто настигает нас при близком знакомстве с восточными городами. Но на сей раз все было иначе. Алеппо — старый мудрый город — каким-то непостижимым образом умудрился соблюсти баланс: приняв и усвоив толику Запада, он сохранил лицо и исконное очарование Востока. Одновременно существует два Алеппо: современный французский мегаполис и старинный арабский город, в сердце которого, за высокими стенами, прячется один из самых живописных базаров на всем Ближнем Востоке.

Если бросить на Алеппо взгляд с высоты птичьего полета, то вы увидите тысячи маленьких квадратных коробочек, бессистемно разбросанных по огромной площади, постепенно переходящей в пустыню. Из этого однообразия плоских домиков, подобно грибам, вырастают купола мечетей и белые изящные свечи минаретов. В центре беспорядочного нагромождения вырисовывается гигантский конический холм, увенчанный великолепным сарацинским замком. Я смотрел на это величественное строение и чувствовал себя примерно так, как, должно быть, чувствовал крестоносец, прорвавшийся сквозь вражеские ряды и с благоговением замерший перед «ответом» Саладина на христианскую крепость Крак-де-Шевалье. Холм этот искусственного происхождения, и воспоминания о его создании сохранились в местной арабской легенде, которая утверждает, что холм возведен на восьми тысячах колонн. Мне рассказывали, что в ясный день с башен этой грандиозной цитадели можно разглядеть изгибы далекого Евфрата.

В многовековой истории Алеппо были и войны, и землетрясения, и моровые эпидемии. Город неоднократно разрушался, но всякий раз отстраивался заново. Он с завидным постоянством исполнял свое предназначение — служил торговым центром восточного мира. На протяжении столетий сюда приходили караваны из Багдада, привозившие товары из Индии и с Востока. Через Алеппо проходил маршрут, по которому легкие ткани из Мосула (они так и назывались — мосулин или муслин) доставлялись в Европу. В правление королевы Елизаветы между Англией и Алеппо наладились прочные торговые связи, а уже при Якове I здесь открылось официальное представительство — по сути, одно из первых английских консульств. Неудивительно, что английским театрам шекспировской эпохи было хорошо известно название города. Оно дважды встречается в произведениях великого драматурга: первый раз в «Отелло», а второй — в «Макбете». Правда, в последнем случае это упоминание не вполне уместно. Мы помним, что муж шкиперши «плывет в Алеппо, правит «Тигром». Очевидно, Шекспир был не слишком силен в географии, иначе бы сообразил, что отправляет своего шкипера в долгое путешествие по пустыне!

Постепенно значение Алеппо как торгового центра уменьшалось. Как-то так получилось, что город, стоявший на перекрестье караванных путей, оказался на обочине мировой торговли. Первый удар по международному статусу Алеппо нанесли португальцы, когда в пятнадцатом веке проложили новый торговый путь в Индию — в обход мыса Доброй Надежды. Положение

усугубил наземный путь через Египет в Красное море. И наконец, добило Алеппо строительство Суэцкого канала.

Алеппо очаровал меня своей таинственностью. Любой восточный город представляет собой загадку для европейца, но здесь это ощущается особенно остро. Загляните на один из алеппских базаров, и вы окажетесь совсем в ином мире — мире, где под тонким покровом вкрадчивых манер кипят необузданные страсти. Представьте себе шумную, оживленную улицу под сводчатым навесом. Несмотря на жаркий день, здесь прохладно и сумрачно — как в нефе христианского храма. Подобные города напоминают мне изогнутые арабские кинжалы в бархатных ножнах. Вы берете их в руки, наслаждаетесь изяществом и легкостью прелестной вещицы, но упаси вас бог забыть, что под обманчивой мягкостью ткани скрывается убийственная, жалящая сталь.

Я прогуливался по узким мощеным улочкам, заглядывал в маленькие дворики, залитые ослепительным солнцем, наблюдал за беспечной многоголосой толпой — дородные торговцы сидят за своими прилавками, седобородые старики скидывают обувь у входа в мечеть — и пытался разгадать, что же таится за этой картинкой.

В таких городах, как Алеппо, мне порой кажется, что живописная повседневная суeta — не более чем игра, красочная ширма, за которой скрывается сложная потаенная жизнь. У меня возникает странное ощущение, что типичные городские персонажи — нищий у ворот, торговец специями, погонщик верблюдов, убеленный сединой старец, греющийся на солнышке — не те, за кого себя выдают. Вот-вот прозвучит сигнал невидимого режиссера, актеры сбросят маски и окажутся совсем другими людьми.

Я, конечно, могу ошибаться, но именно такое впечатление производит Алеппо.

Итак, я который уже час прохаживался по алеппскому базару, представлявшему собой скопление улочек с бесконечными лавочками и мастерскими. Местами попадались великолепные сарацинские ворота, которые вели в маленькие дворики с фонтаном и непременно лимонным деревом или же в *ханы*, караван-сарай, где в прохладе под старинным балконом отдыхала дюжина верблюдов.

Здесь были улицы кузнецов, улицы кожевников, красильщиков или ткачей. Разок я наткнулся на улицу, где торговали исключительно специями, и такого выбора я не видал нигде на свете: корица, гвоздика, кориандр, сумах, анисовое семя, алоэ, мускатный орех, шафран, тамаринд, ромашка, хна и прочие

пряности — все было расфасовано по маленьким пакетикам и лежало на подносах, в казанах, кувшинах.

Две женщины в чадрах покупали какие-то корни. Я поинтересовался у молодого армянина, что это за снадобье. Он перевел мой вопрос покупательницам, и одна из них ответила по-арабски — так же смело и живо, как беседовали бы женщины на лондонском рынке.

— Она говорит, это фиалковый корень, — перевел армянин. — Если его растолочь и смешать с медом, получится отменное средство от ревматизма. Втирать надо после горячей ванны.

Я побродил еще около часа по этим крытым базарам, наблюдая за театрализованным представлением под названием «покупка по-восточному». Это настоящий спектакль: руки, вздымаемые в волнении и ужасе, пренебрежительное пожатие плеч, убедительные жесты и ожесточенная торговля. Как правило, все заканчивалось медоточивыми улыбками, взаимными комплиментами и крошечными чашечками сладчайшего кофе.

Рядом с улицей кожевников стоит величественная мечеть Джамии Захария, где захоронен прах святого Захарии, отца Иоанна Крестителя. Оставив обувь у входа, я зашел внутрь. Каменный саркофаг, накрытый тяжелым расшитым покрывалом, помещается за позолоченными ограждениями. Залитый солнечным светом дворик полон коленопреклоненных мужчин. Они молятся, обратившись лицом к Мекке. Я вижу отрешенные лица и раскачивающиеся фигуры, каждый из мужчин без устали кланяется, прикасаясь лбом к раскрашенным плиткам мощеного двора.

2

В Алеппо мне неоднократно доводилось слышать о Шейхе.

— Вам непременно надо с ним познакомиться, — говорили мне. — Это удивительный человек. Он занимается тем, что торгует древностями.

Поддавшись уговорам, я сговорился с одним местным жителем, который взялся отвести меня к знаменитому Шейху. Мы вышли ранним утром и долго блуждали по древним улочкам. Ворота здесь были старинные, открывались с протестующим скрипом, видно, петли ковали еще во времена султана Селима. Наконец мы пришли в тихий переулок. Промелькнули, подобно черным призракам, две женщины с закрытыми лицами и скрылись за поворотом. В конце переулочка обнаружилась арочная дверь, подбитая ржавыми

гвоздями размером с шиллинг. Мой спутник понял с земли камень и громко постучал по одному из таких гвоздей. Дверь отворил мальчик-араб.

Мы миновали внутренний дворик, поднялись по шаткой лестнице и очутились в необычной комнате. В углу ее сидел спиной к маленькому окошку важный седобородый старец. На голове у него был зеленый тюрбан, обличавший в старике особу религиозного звания. Сама же комната была завалена самыми разнообразными предметами. Такое впечатление, будто вековые ветры гуляли по всей земле, сметая в эту комнату все имеющее хоть какое-то отношение к антиквариату. Здесь громоздились горы книг на арабском языке. Время от времени баланс нарушался, и тогда ненадежная конструкция обваливалась на пол. Судя по всему, о наведении порядка никто не заботился. В комнате находилось множество застекленных ящиков с фрагментами персидской вышивки, римского стекла и византийской керамики. Толстый слой пыли покрывал большинство экспонатов, разбросанных в живописном беспорядке. Старинное оружие, оленьи рога и шкуры животных валялись вперемежку с китайскими вазами, серебряными ложками и бронзовыми горшками с античными монетами.

На древнегреческом надгробии стоял ящик из-под сигар, полный египетских скарабеев. По стенам были развешаны нитки бус, найденных в древних могильниках, с потолка свешивались кремневые мушкеты, ятаганы и арабская вышивка.

При нашем появлении Шейх поднялся и церемонно поприветствовал гостей (опрокинув при этом один из горшков с монетами). После чего вернулся на свои подушки и занялся приготовлением чая по-персидски. Перед ним стояла жаровня с тлеющими углями, куда и был помещен медный чайник. Шейх долго колдовал над ним, добавляя по шепотке различных пряностей из баночек, разбросанных по полу. В конце концов он преподнес мне маленький стаканчик дымящейся жидкости. Напиток был ароматным, сладким и совсем не похожим на то, что у нас на Западе принято называть чаем.

Я выразил свое восхищение коллекцией Шейха, на что он заулыбался и жестом пригласил меня пройти в одну из внутренних комнат. К своему изумлению я обнаружил помещение, еще более захлащенное, нежели первая, приемная комната. Здание было трехэтажным с множеством комнат, кольцом окружавших внутренний дворик. И все это пространство было до самого верха забито экспонатами — плодами долгих и упорных поисков.

В ходе затянувшейся экскурсии по дому, а также ожесточенной торговли за несколько александрийских тетрадрахм (которой я стал невольным свидетелем) мне удалось по частям восстановить историю жизни Шейха. К моему удивлению, выяснилось, что он не сирийский араб, как я вначале предполагал, а афганец, и к тому же подданный Великобритании. Шейх показал мне британский паспорт, в который были вписаны четыре жены. Должен сказать, что ни до, ни после мне не доводилось видеть такой диковинки. Самой старшей из жен было сорок семь лет, младшенькой же едва стукнуло восемнадцать. По словам 76-летнего Шейха, в настоящий момент он подумывал о новой женитьбе.

В довоенную эпоху, когда в Сирии правили турки, этот человек был известен своей набожностью и частыми паломничествами в Мекку. Поэтому, когда разразилась Первая мировая война, в дом к Шейху пришел сам Энвер-паша^[19]. По словам хозяина дома, он сидел на том самом месте, где я сейчас сижу, и уговаривал Шейха в ближайшую пятницу выступить в мечети с призывом к священной войне. Шейх дал согласие.

Но в назначенный день он взошел на кафедру и неожиданно проговорил: «Британия — друг всего мусульманского мира, а врагом является Турция». Естественно, его сразу же арестовали и бросили в тюрьму по обвинению в подстрекательстве к мятежу. На суде Шейх заявил судьям:

— Я старый и одинокий человек. В этом городе у меня нет близких людей. Вы можете расстрелять меня, но запомните: я подданный Великобритании, и за мной стоит вся британская армия.

В этом месте своего повествования Шейх приподнял подол одеяния и продемонстрировал мне свои ноги. На обеих лодыжках у него были припухлости размером с яблоко.

— Я просидел в тюрьме три года, — сказал он. — А это следы от кандалов.

По окончании войны этот отважный человек снова вернулся в Алеппо и начал строить свою жизнь заново. По сирийской пустыне распространилась весть, что Шейх интересуется предметами старины. Со всех сторон к нему потянулись бедуины. Они несли найденные в песке кольца, стеклянные безделушки, извлеченные из римских захоронений, древнегреческие монеты и прочие находки, за которые Шейх готов был платить хорошие деньги.

Несколько дней спустя я снова пришел в гости к Шейху. На сей раз я обнаружил хозяина дома в обществе десятка кочевников. По своему обыкновению он сидел на подушках и лениво потягивал персидский чай. Но, приглядевшись, я увидел, что передо мной совершенно иной человек. Шейх был охвачен охотничьим азартом,

в глазах его светилось предвкушение удачной сделки. Да уж, этот человек умел и *любил* торговаться! Он был сплошная любезность и предупредительность, с уст не сходила сладчайшая улыбка. Но за этой обходительностью стояла железная воля. Вежливой лестью он обволакивал оппонентов, сбивал их с толку и заставлял забыть первоначальные намерения. В этот раз бедуины принесли на продажу сущую безделицу — несколько обломков керамических кувшинов и пару-тройку древних печатей. Я видел, что Шейху не нужны эти вещи, но он бился за них так, будто перед ним лежало золото или бриллианты. Его увлекал сам процесс торговли — вот что было важно для Шейха.

Наблюдая за ним, я понял, в чем заключается смысл его жизни. Вовсе не в том, чтобы продать заезжему иностранцу вроде меня несколько старинных монет или горшков. Нет, этот человек был своеобразным коллекционером: он жаждал заполучить те диковинки, которые ему приносили. И сделать это на собственных условиях. Приобретая предметы старины, Шейх стремился одержать верх над своими современниками в их собственной игре.

3

До войны единственным способом попасть из Алеппо в Антиохию был конный переход длительностью восемнадцать часов. Однако в 1922 году Сирия стала французской подмандатной территорией, на ее территории были проложены отличные дороги, значительно облегчившие любое путешествие. Теперь в бывшую столицу Селевкидов можно добраться на машине за каких-нибудь два с половиной часа.

Я так и поступил. Поднялся пораньше и с первыми лучами солнца выехал в Антиохию на заранее арендованном автомобиле. Мы успели проехать пять миль по пустынной дороге, когда увидели конного полицейского с винтовкой за спиной. Он делал нам весьма недвусмысленные знаки, требуя остановиться. Мы с водителем непонимающе переглянулись. У меня мелькнуло предположение, что он хочет предостеречь нас против возможного бандитского нападения, но подобная неприятность выглядела маловероятной при свете дня. Наверное, нам предстоял досмотр машины на предмет провоза контрабанды. Или же еще по какой-то таинственной причине, которые в изобилии водятся у сирийских полицейских.

Впрочем, гадали мы недолго. Выяснилось, что причина действительно была, сугубо бытового свойства. Полицейский

просил подбросить его сестру до соседней деревни, где ее будет встречать муж с родней. Пока он объяснялся, с придорожного камня поднялась арабская девушка и с потупленным взором двинулась к нашей машине. У нее было широкое, маловыразительное лицо, к тому же обезображенное синей татуировкой. Фигура скрывалась под обильными складками длинного библейского одеяния, к груди она прижимала какой-то сверток.

Меня поразили контраст между двумя близкими родственниками. Оба они были выходцами из маленькой грязной деревушки. Но, если девушка так и осталась арабской крестьянкой, то брат ее — в щегольском французском мундире и заостренной фуражке цвета хаки — выглядел вполне по-европейски. Какой-нибудь иностранец при виде уверенных и даже властных манер мог по незнанию принять его за молодого француза. Девушка заняла место рядом с водителем, полицейский браво отсалютовал нам, и мы продолжили путь.

Я заметил, что девушка едва уместается на узком переднем сидении со своей ношей и предложил ей передать сверток назад, где было просторнее. Водитель обернулся ко мне с улыбкой и пояснил:

— Сэр, у нее там ребенок.

Он перевел наш короткий диалог для женщины, и она впервые посмотрела мне в лицо. Ее огромные черные глаза казались еще больше благодаря подводке черным *кохлом*^[20]. Молодая мама с готовностью продемонстрировала мне крошечного младенца, туго перевязанного свивальными лентами. По ее словам, мальчику — она особо акцентировала мужской пол ребенка, очевидно, это был отдельный повод для гордости — исполнилось восемь недель.

Женщина передала мне сверток с ребенком, и я пристроил его у себя на коленях. Тут мне представился случай оценить местный способ пеленания: в отличие от своих западных сверстников, младенец лежал смирно и не доставлял абсолютно никаких хлопот. Свивальные ленты перекрещивались у него на груди, затем оборачивались вокруг тельца — так, что ручки оказывались тесно прижаты к бокам — и таким же манером фиксировали ножки. В результате малыш напоминал крохотную спеленатую мумию.

Почувствовав чужие руки, ребенок медленно открыл темные глаза и остановил на мне подозрительный взгляд. Он вроде даже поднатужился, набрал побольше воздуха, чтобы удариться в громкий рев, но, очевидно, удивление пересилило все остальные чувства. Поэтому он просто лежал и смотрел на меня с бессмысленным любопытством младенца. Его веки были жирно

смазаны все тем же *кохлом* — я слышал, что здесь этому средству приписывают профилактические свойства. Древние египтянки охотно пользовались этой черной краской, приготовлявшейся из растолченной сурьмы или жженой скорлупы миндального ореха. Да и персонажи Ветхого Завета, насколько мне известно, от них не отставали. Любопытно, что средство это, довольно примитивное по рецептуре, пережило тысячелетия: оно и сегодня имеет широкое хождение на Востоке, причем используют его как женщины, так и мужчины.

Современные сирийские матери ухаживают за своими детишками точно так же, как и в ветхозаветные времена. Сразу же после рождения ребенка упаковывают в пеленки при помощи упомянутых свивальных лент, и в таком виде он проводит весь первый год жизни. Возможно, это своеобразный пережиток кочевых времен, когда подобный способ пеленания существенно облегчал дневной переход с младенцем на руках. Конечности ребенку обычно с целью закаливания натирают соевым раствором. Недаром пророк Иезекииль, говоря о париях, указывал, что их «не солили» и «не пеленали». И в наши дни в арабских странах нередко можно слышать аналогичные упреки, обращенные к излишне изнеженному мужчине.

— Вот и видно, — говорят ему, — что твоя мать тебя никогда не солила!

Мы проехали еще примерно пять миль, прежде чем заметили небольшую группу арабов на обочине дороги. Это были родственники, дожидавшиеся прибытия молодой матери. Они очень удивились, увидев, что ребенок покоится у меня на руках.

Муж вышел вперед и поблагодарил нас за услугу — он традиционным жестом прикоснулся сначала ко лбу, а затем к груди. Передав ему младенца и высказав несколько похвальных замечаний, я сердечно распрощался с родней нашей попутчицы и поехал дальше. Оглянувшись, я увидел картину, напомнившую мне иллюстрацию к Ветхому Завету: растянувшись цепочкой, вся группа двигалась через поле к стоявшей на далеких холмах деревушке.

По дороге мы проехали несколько деревень с домами, смахивающими на пчелиные соты. Нигде за пределами Сирии я не видел таких построек, они характерны лишь для долины Алеппо. Сотни глиняных хижин с высокими конусообразными крышами стоят правильными рядами и действительно напоминают гигантские улы каких-то фантастических пчел. Однако живут здесь самые обыкновенные феллахи в компании со своими невероятно злобными собаками. Отогнать этих диких тварей

можно, лишь сделав вид, будто вы поднимаете с земли камень. Иногда подобные деревни бывают обнесены глинобитной стеной.

Мне довелось посетить одну из таких деревушек, и местный патриарх разрешил осмотреть несколько хижин. Меня удивила почти стерильная чистота, царившая в этих жилищах — ничуть не хуже, чем в аккуратных коттеджах Девона. Надо сказать, что нигде на Востоке я не наблюдал ничего подобного. Местные женщины ежедневно выносят постельные принадлежности просушиться на солнце.

Во многих домах стоит вполне современная деревянная мебель. Больше всего меня поразили европейские кровати вместо традиционных ковров, на которых спит большинство арабов. Похоже, что эти «пчелиные поселки» — столь примитивные и убогие на вид — могут похвастать куда более высоким уровнем жизни, чем прочие арабские деревни.

Мы продолжили путь в Антиохию, до которой оставалось еще несколько миль. Я рассматривал серую негостеприимную местность с маячившими вдали каменистыми холмами и думал, что она, наверное, была хорошо знакома святому Павлу. Вдруг мое внимание привлек участок земли, вымощенной квадратными каменными блоками. Я не поверил своим глазам — это был фрагмент старой римской дороги, протянувшийся на несколько сотен ярдов. Остановив машину, я в волнении смотрел на древние плиты, которых, вполне возможно, касалась нога самого Павла. Мимо проходило современное шоссе, в одном месте оно даже пересекало римскую дорогу. Но та упорно не желала умирать: как и тысячи лет назад, тянулась через степь и скрывалась среди холмов, где ныне обитали лишь овечьи отары со своими пастухами.

Я не удержался, прошел с полмили по древним камням, и вдруг осознал, что эта дорога — единственное сохранившееся, что может по возрасту сравниться с эпохой Павла. Римляне ведь проложили отменную сеть дорог, соединявших все города империи, пересекавших пустыню, горы, степи и убегавших через Малую Азию в Македонию. От страны к стране они меняли имена, но, независимо от названий, целенаправленно исполняли свою функцию — вели туда же, куда и прочие древние дороги, а именно — в Рим.

Если встать посреди такой дороги, нетрудно вообразить, как все было во времена Павла. Перед глазами встают трупы бродячих жонглеров и танцовщиц — они спешат в Антиохию, которая на Древнем Востоке играла роль современного Парижа. А вот тяжело маршируют древнеримские когорты, за ними тянутся торговые

караваны из Багдада и Дамаска, в своих сумках они везут шелка, специи и благовония. Нет-нет да и мелькнет фигура странствующего философа. На дороге попадались и гладиаторы, и дрессировщики, которые везли зверей в антиохийский цирк, и языческие жрецы с переносными кумирами. И где-то посреди этого многолюдья — как символы старого мира и, соответственно, мира нового, нарождающегося — двигались два человека. Один из них — римский сенатор,двигающийся на носилках в окружении пышной свиты с какой-то важной имперской миссией. И другой — скромный христианин, который шел пешком, но с еще более важной миссией, в маленькую «церковь, что в Антиохии».

Примерно через час пути дорога покинула каменистые холмы и нырнула в живописную знойную долину, по которой течет река Оронт — изгибаясь и извиваясь, пока не находит себе выход в Средиземное море.

Вдалеке я увидел белые башни минаретов, окрашенные утренними лучами солнца, и понял, что передо мной Антиохия — мать-церковь языческого христианства.

4

«Антиохия Прекрасная и Золотая» до сих пор заслуженно пользуется этим данным ей в древности названием, хотя от прежних прекрасных храмов и колоннад не осталось и следа, а золото, если и можно сыскать, — только на освещенных солнечными лучами склонах холмов.

Антиохия располагается в исключительно удачном и живописном месте. Высокие горы защищают ее со всех сторон; река Оронт несет свои бледно-зеленые воды через город, во время таяния снегов она набирает силу и грозно шумит под каменным мостом; могучий склон горы Силпий служит великолепным фоном для скопления маленьких арабских домиков и белых башен минаретов.

Если говорить о внешнем виде, то из всех сирийских городов Антиохия, пожалуй, менее всего европеизирована. Она почти не изменилась с тех пор, как турки проиграли Первую мировую войну и вынуждены были покинуть город. Многие жители до сих пор говорят по-турецки. Если не обращать внимания на кавалеристов колониального эскадрона и на полицейских во французских мундирах цвета хаки, здесь мало что напоминает о французском управлении. Сегодня в городе проживают тридцать пять тысяч

мусульман и около семи тысяч христиан латинского, греческого и армянского происхождения.

Главная улица Антиохии была бы вполне уместна в каком-нибудь процветающем регионе Турции. Здесь расположено множество маленьких магазинчиков с интересными интерьерами. Наибольшее впечатление на меня произвели лавочки цирюльников. Пока арабские мужчины бреются и наводят красоту, прислуга чистит и сушит на медных болванках их фески. Женщины, с ног до головы закутанные во все черное, не спеша прохаживаются по базару. Они останавливаются у прилавков и подолгу торгуются, дотошно инспектируя качество мяса и овощей. На каждом углу стоят высокие двухколесные повозки, арбы, с вечно дремлющими погонщиками. Но стоит появиться потенциальному клиенту в лице богатенького иностранца, как погонщики моментально просыпаются и начинают безжалостно настегивать своих ленивых жеребцов. Залитые солнцем улицы заполнены прогуливающейся нарядной толпой. В глазах пестрит от разноцветных одеяний: на мужчинах яркие турецкие шаровары и остроконечные фригийские колпаки; женщины щеголяют в кричаще-красных и синих юбках и богато вышитых кофтах.

Я и не знал, что в самом центре Антиохии есть великолепная европейская гостиница под названием «Hotel du Tourisme». Поэтому я проделал пять миль до предместья, Дафны, в надежде снять номер в «Hotel des Cascades». Однако здесь меня ждало разочарование: гостиница еще только готовилась к началу туристического сезона. Кровати были вынесены в холл на просушку, столы громоздились один на другом. Сириец-управляющий долго рассыпался в извинениях и тут же предложил мне номер на втором этаже. Он был столь любезен и многословен, что мне захотелось возвращаться в город в поисках более удобного жилья.

Под окнами моей комнаты расстилалась широкая долина. Если верить легенде, то именно здесь приключилась история с Дафной, дочерью речного бога Пеней. Влюбленный Аполлон преследовал девушку, и, когда она почувствовала, что ее вот-вот настигнут, то обратилась за помощью к богам. Те вняли мольбе девушки и обратили ее в лавровый куст.

Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь плеском горного ручья, который стекал из одного озерца в другое. Перед глазами возвышались невысокие кроны лавровых деревьев — то, что осталось от священной Дафнийской рощи. В комнате было еще одно окно, откуда открывался вид на грунтовую дорогу, по которой пастухи в тот момент гнали свою отару. Как выяснилось, они

каждое утро проходили здесь, позвякивая колокольцами и подымая неимоверное количество пыли. Когда стемнело, я открыл окно и увидел мерцавшие огоньки на далеких склонах холмов. Откуда-то доносилась незатейливая мелодия: невидимый музыкант вновь и вновь наигрывал на флейте одну и ту же музыкальную фразу. Мне подумалось, что это сам Пан бродит по лавровой роще и оплакивает сгинувший мир.

В гостинице не было никого, кроме самого управляющего с женой, их шестимесячного пойнтера Дианы и симпатичного молодого черкеса по имени Георгий, который исполнял роль доверенного слуги и секретаря хозяина. Юноша этот прислуживал мне за обедом, и я имел возможность сполна насладиться его диковинным нарядом. Обычно он появлялся в долгополом оборванном макинтоше, грязных походных ботинках и черной каракулевой феске. По вечерам, когда становилось прохладно, Георгий разжигал в моей спальне жаровню, и от нее волнами расходилось мягкое тепло.

Осматривая Дафнийскую рощу, я карабкался по крутым скалам, пробираясь меж водопадов и везде примечал, как нередкие здесь землетрясения изуродовали и деформировали сирийскую землю. Я пытался представить, как эти места выглядели во времена Павла: десять миль прекрасного сада, в котором все было подчинено разнузданному культу речного бога. На расположенных террасами склонах холмов стояли многочисленные храмы, в которых всем заправляли жрицы. В их распоряжении находились рабыни всех национальностей: богатые антиохийцы, поклонники культа, сотнями скупали их на восточных рынках и дарили храмам.

«Дафнийские нравы», они же «распущенные нравы», вошли в поговорку и затмили ежегодные паломничества в священные рощи Афродиты Киприды на Кипре и оргии в Коринфском храме Венеры, в которых участвовали тысяча жриц. Ювенал, оплакивавший упадок римской морали, писал, что воды сирийского Оронта излились в Тибр и заполонили Рим своими упадническими суевериями.

В Дафне эти суеверия живы и по сию пору. Местные жители не любят в одиночку ходить после захода солнца, а матери не выпускают детей из дома без маленького голубого амулета, который, по их мнению, охраняет от злых духов.

5

Подолгу просиживал я на склонах горы Силпий, не отрывая взгляда от раскинувшейся у моих ног Антиохии и размышляя о

печальной судьбе этого города. Если гибель античного Тарса вызвала у меня столько горестных переживаний, то что же тогда говорить об этом некогда величественном центре восточной цивилизации! Чтобы понять мои чувства, представьте, что нечто подобное приключилось с Лондоном. Город сровняли с землей, растащили по камешку, по бревнышку, прекрасные дворцы и памятники разрушены, дороги исчезли, а между Тоттнэм-Корт-роуд и Чаринг-Кросс раскинулся цыганский табор, который и именует себя гордым названием «Лондон». Нынешняя арабская Антиохия — маленький городишко, по площади во много раз уступающий древнему городу. Некогда Антиохия занимала всю долину по обоим берегам Оронта. За мощной городской стеной расположились четыре района, соответствующие разным этапам жизни под Селевкидами. Но городу не хватало места, он рос и захватывал окрестные холмы. Даже крутые склоны Силпия оказались усеяны богатыми виллами и испещрены сетью дорог. И по сей день на безлюдной вершине горы сохранились фрагменты крепостной стены, четко выделяющиеся на фоне безоблачного южного неба.

Время безжалостно в своем неотвратимом течении. Где ныне знаменитые театры, ипподромы и бани? Куда подевались тысячи мраморных колонн и бесчисленные городские статуи? А фонтаны, дворцы и оживленные базары? Все они сгнули вместе с создавшим их миром. Иногда местные крестьяне, роющиеся в земле в паре миль от границ современной Антиохии, натываются на остатки древних улиц или раскапывают цветные плитки римских бань. Если бы наша наука задалась целью точно выяснить площадь античного города, то я уверен, целое поколение археологов было бы обеспечено работой.

Антиохия в ту пору, когда ее посетил святой Павел, представляла собой третий по величине город мира. Это была шумная и надменная столица, в которой господствовал культ богатства во всех его материальных проявлениях. Здесь высоко ценилось то, что в современном мире называется коммунальными удобствами, как то: центральное отопление, канализация и водопровод, плавательные бассейны и отводные сооружения.

Вот отрывок из сочинений Либания, антиохийского философа и писателя:

В общественных банях каждый ручеек имеет размеры реки, да и в частных — немногим меньше. Любой гражданин, создавая себе новую баню, не страшится, что она останется сухой. В городе не существует проблем с водообеспечением. Таким образом, каждый район города

оказывается надежно обеспечен банными удобствами. И если они и не могут поспорить в размерах с общественными банями, то уж точно их превосходят по красоте и изяществу. Причем жители каждого района соревнуются друг с другом, стараясь превзойти соседей... Если учесть еще и городские фонтаны, установленные для украшения, то можно сказать, что у каждого вода льется прямо у порога.

Если говорить о городской планировке, то древняя Антиохия способна дать сто очков вперед любому современному городу. Ее главная улица протянулась на четыре с половиной мили, что почти в пять раз превосходит эдинбургскую Принцесс-стрит. Ее центральная часть отводилась экипажам и всадникам, а для пешеходов были построены крытые колоннады по обеим сторонам улицы. Антиохия — на зависть соперничавшей с ней Александрией — была спланирована по принципу прямоугольной сетки: главный проспект под правильными углами пересекали другие улицы, тоже мощенные мрамором и снабженные колоннадами. На них размещались многочисленные общественные здания, храмы, рынки и триумфальные арки. Ах, что это был за город! Когда солнечные лучи играли на разноцветных фонтанах и позолоченных статуях, отражались в мраморных колоннах и вздыбленных квадригах, огнем горели на золотых трубах Победы — ничто в этом мире не могло сравниться со славной Антиохией.

Когда же ночная тьма опускалась на город, улицы его расцветивали тысячи огней, дабы жители Антиохии могли и дальше без помех предаваться главному делу своей жизни — наслаждению. Эти люди не верили в будущую жизнь, а потому стремились урвать у ночи каждый час света и таким образом продлить сознательное существование. Наверное, нынешние обитатели крупных городов легко поймут настроение, царившее в древней Антиохии. «Для нас, — писал Либаний, — ночь отличается от дня лишь способом освещения; прилежным рукам нет никакой разницы, откуда берется свет, они продолжают трудиться; им компанию составляют те, кто поет и пляшет. Гефест и Афродита успешно делят ночь между собой». Полагаю, это единственное место во всей античной литературе, где упоминается уличное освещение.

Если жизнь древней Александрии была нацелена на вечные достижения нового века, то антиохийцы являлись большими специалистами по всему преходящему и бренному. Это был центр потребления. В Антиохии селились богатые аристократы и

нувориши. Рядом с ними обретались толпы обеспеченных и усталых людей, привлеченных исключительно благоприятным здешним климатом. В городе царил культ молодости и красоты, и в этом смысле Антиохия павловской поры напоминала Венецию восемнадцатого века, Париж девятнадцатого и Голливуд наших дней. Это был современный, образованный, элегантный и злоязычный город. Здесь рождались эпиграммы, способные создать или, наоборот, разрушить репутацию человека. Самые незначительные размолвки, возникавшие на антиохийском ипподроме, кругами расходились по всей империи. Сам император участвовал в борьбе «синих» и «зеленых» (по цвету формы колесничих) — наиболее популярных фракций во времена святого Павла. Сохранились сведения, что Калигула и Клавдий носили цвета «зеленой фракции». Да уж, воистину на попроще грубой лжи и жестоких насмешек этому городу не было равных.

Стоило любому императору заехать на день-другой в Антиохию, и между ним и легкомысленными антиохийцами тут же возникало то, что Моммзен назвал «беспрестанной войной сарказмов». Жители этого города славились своей любовью к насмешливым прозвищам, причем их язвительность не знала удержа. Так, в свое время они окрестили императора Юлиана «Бородой» — сейчас кличка эта забыта и замещена «Отступником», а тогда приклеилась намертво и доставила немало неприятных минут императору. Правда, он тоже не остался в долгу и ответил сатирическим сочинением, в котором окрестил антиохийцев «брадоненавистниками».

Страсть горожан к театру и скачкам вошла в поговорку. Антиохийцы, если не смотрели представления, то обсуждали исполнителей. В городе не переводились разного калибра жокеи и маклеры, медиумы, танцоры, актеры и профессиональные атлеты. На здешних подмостках и аренах начинали свою карьеру (и весьма удачно) кесарийские танцоры и ливанские флейтисты, актеры из Тира и борцы из Аскалона. В Антиохию стремились музыканты из Газы и знаменитые бойцы из Кастабалы. И прославленные наездники из Лаодикеи не останавливались перед тем, чтобы проделать долгий путь до Антиохии. Ведь удачный старт в этом городе гарантировал успех в дальнейшем.

Еврейская община была мрачным пятном в подобном городе. Антиохийская община была одной из самых процветающих во всей диаспоре. Ей принадлежало множество синагог. Евреи Антиохии не только обеспечили себе гражданские права, но и добились местного самоуправления, для чего существовал выборный орган по образцу иерусалимского Синедриона. Да и отношения с

нееврейским населением города складывались намного удачнее, чем, скажем, в Александрии, где периодические погромы были нормой общежития. В знак признательности Ирод Великий повелел вымостить мрамором две с половиной мили антиохийских улиц и вдобавок воздвиг крытую колоннаду, под которой можно было укрыться от дождя и летнего зноя.

Антиохия была порождением эллинистической эпохи — как и Александрия, этот Нью-Йорк античного мира. Эта эпоха оказалась на удивление подходящей для нас, людей двадцатого века. Во всяком случае, куда более подходящей, чем средневековая Европа.

«Острый и проницательный ум той удивительной эпохи нигде не проявлялся столь явственно, — пишет профессор Брэстед в своей книге «Древние времена», — как в области внедрения научных изобретений в повседневную жизнь. Это была пора повсеместного изобретательства, и в этом ее сходство с нашей собственной эпохой. Идущий в ногу со временем человек установил бы в помощь привратнику автоматический открыватель дверей, а также стиральную машину, куда вода и минеральное мыло подавалась бы по мере надобности. Оливковое масло в поместье производилось с помощью отжима на шнековом прессе. Священники перед храмами ставили автоматические распределители святой воды, одновременно распылитель воды, использующий принцип гидравлического давления, служил мерой противопожарной безопасности. Широкое распространение рычагов, кривошипов, зубчатого колеса и червячной передачи позволило построить кабельные дороги, облегчающие спуск породы с высокогорных карьеров, а изобретение водного колеса привело к активному использованию гидравлического привода. Аналогичный прогресс наблюдался и в военном искусстве. Разработанная цепь привода позволяла быстро поднимать тяжелые каменные снаряды в гигантские метательные машины, некоторые из них работали на сжатом воздухе. Как мы нынче ходим в кино, точно так же толпы горожан собирались на рыночной площади, чтобы полюбоваться на автоматический театр. Изобретательные механики представляли публике древнегреческую трагедию о Троянской войне в пяти действиях. Зрители наблюдали, как строились корабли, как флот покидал гавань и путешествовал по морям (причем игривые дельфины резвились вокруг судов). Завершалось действие эффектной сценой шторма — с грохочущим громом и сверкающей молнией, — во время которой греческие герои отправлялись на дно. Домохозяйки пересказывали истории из времен своих бабушек, когда удобств было не в пример меньше, в

частности, водопровод в домах отсутствовал, и воду приходилось таскать от ближайшего источника».

Антиохия — даром, что древняя — на самом деле куда ближе нам по духу, чем это может показаться. Это был крупнейший город (третий в мире после Рима и Александрии), который по праву гордился своими научными открытиями, своими достижениями в материальной сфере и, главное, свободой от традиций. Антиохия представляла собой особый мир, в котором поклонялись богатству и широко использовали научный багаж для изобретения новой военной техники.

6

Я сидел на прогретом послеполуденным солнцем склоне горы Силпий и пытался представить себе святого Павла в Антиохии. С кем он встречался? Что его окружало? Как жил Павел в тот достопамятный год, когда явился с апостольской миссией в Антиохию? Увы, в Деяниях апостолов этому периоду посвящено всего три десятка скупых слов.

Сегодня не все осознают, сколь долгий срок отделяет момент обращения Павла от его пребывания в Антиохии в качестве христианского проповедника. Мы знаем, что сразу же после своего просветления и крещения Павел отправился в Иерусалим. Он горел желанием свидетельствовать о новой вере, но наткнулся на холодную подозрительность апостолов. Эти люди не верили в столь скорое преображение молодого фарисея: еще совсем недавно он был яростным гонителем христиан и вот теперь претендует на звание их друга.

Единственным человеком, кто отнесся к Павлу с пониманием, был Варнава, и из этого понимания со временем выросла великая дружба. Надо сказать, что истории известно не много примеров столь близких и глубоких отношений, как между Павлом и его сподвижником. Именно Варнава привел Павла к апостолам, знавшим Христа при жизни, и поручился за истинность его намерений. Еврейская община отнеслась к Павлу еще с большей ненавистью, чем прочие враги христианства, ведь для них он был настоящим отступником. Не его ли они в недавнем прошлом посылали в Дамаск для борьбы с христианами, и вот он вернулся уже защитником ненавистной веры. Да для такого человека и самое жестокое наказание покажется недостаточным!

Апостолы, опасаясь за жизнь Павла, уговорили его покинуть Иерусалим. Он удалился в Кесарию, где сел на корабль,

отправлявшийся в его родной Тарс. С этого дня и до самого появления в Антиохии — то есть на протяжении десяти или более лет — мы не имеем никаких сведений о жизни Павла. Чем он занимался эти долгие годы? Нам это неизвестно. Кажется маловероятным, чтобы столь целеустремленный и горячо верующий человек, как Павел, провел это время в бездействии. Наверняка он использовал годы вынужденного уединения для наращивания своей духовной мощи, рассматривая их как подготовительный этап к труду всей жизни.

Это десятилетие было исключительно важным в истории христианства. В этот период консервативная церковь Иерусалима и более либеральная дочерняя церковь Антиохии начали решительную борьбу (каждая при этом пользовалась своими методами) по отделению от синагоги. Совместная борьба в конечном результате и привела к широкому распространению христианства по всему миру. Первый решительный шаг предпринял святой Петр, когда крестил римского центуриона Корнелия. Предвосхищая, таким образом, деятельность Павла, он открыл христианскую церковь для представителей нееврейских национальностей.

В Антиохии тем временем возникли новые проблемы. Многочисленные неиудейские прозелиты, ранее находившиеся под дланью синагоги, теперь жаждали принять христианскую веру. Иерусалимская церковь направила Варнаву разведать обстановку в Антиохии. А тот немедленно вспомнил о Павле. На свете не было другого человека, с которым бы Варнава хотел трудиться рядом. Хотя прошло уж много лет с тех пор, как друзья расстались, Варнава знал, где искать Павла. Поэтому он отправился в Селевкию, портовый пригород Антиохии, и сел на корабль, направлявшийся на Киликийское побережье. Есть основания полагать — ибо Лука никогда не бросал слов на ветер — что Павел нашелся далеко не сразу.

«Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, *нашед его*, привел в Антиохию»^{[10](#)}.

Из этого отрывка ясно, что Варнава не просто пошел домой к Савлу и увидел его там. Какое-то время он потратил на поиски. Ах, если бы Лука рассказал подробнее, как это происходило: как Варнава искал Павла и как убеждал его принять участие в великой миссии. Сколь бесценны оказались бы подобные сведения! А так все, что мы знаем, — то, что два друга встретились, после чего Павел приехал в Антиохию. Пребывание в этом шумном, суетном городе оказалось серьезным испытанием для будущего апостола. Я

бы сказал, тяжелой, но полезной подготовкой к проповеднической деятельности.

Интересно, спрашиваем мы себя, как выглядел Павел, прогуливавшийся по улицам Антиохии? Если верить традиции, опирающейся на апокрифическое евангелие второго века под названием «Деяния Павла и Феклы», то мы увидели бы перед собой «мужа низкорослого, лысого, с ногами кривыми, с осанкою достойною, с бровями сросшимися, с носом немного выступающим, полного милости; и то являлся Павел как человек, то ангела имел обличье».

Да уж, прямо скажем, данное описание далеко от идеального портрета апостола, к тому же созданного через много лет. Трудно предположить, что автор таким образом хотел польстить святому Петру. Скорее, это истинное описание живого человека, каким его видели современники.

Известно опять-таки, что когда Павел и Варнава проповедовали язычникам, то те в простоте своей приняли их за богов: Варнаву за Юпитера, а Павла лишь за Меркурия, посланца Олимпа. Это доказывает, что из двух проповедников Варнава обладал более импозантной внешностью. Во Втором послании к Коринфянам мы находим строки, где автор сам себя характеризует: «Я же, Павел, который лично между вами скромн, а заочно против вас отважен»¹¹, далее он цитирует своего оппонента, который пишет о Павле: «в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна».

Из этих замечаний мы можем сделать вывод, что известный художник Рафаэль вряд ли избрал бы апостола для того, чтобы изобразить на ступенях Ареопага. Однако следует делать скидку на чисто восточный стиль поведения: тут человек воспитанный и вежливый нередко говорит о себе с подчеркнутым самоуничижением. Например, хозяин дворца говорит, приглашая в гости: «Окажите милость, войдите в мою скромную хижину». А красивый и чрезвычайно популярный оратор может, руководствуясь тем же принципом, сказать о себе: «Простите вашего покорного слугу, страшно уродливого и к тому же заику».

В конце концов, если бы Павел действительно имел внешность столь непритязательную и заурядную, то как объяснить следующий эпизод? Известно, что римский офицер Клавдий Лисий арестовал Павла в Иерусалиме, приняв по ошибке за опасного египетского подстрекателя, который призывал толпы идти на Масличную гору и обещал им продемонстрировать всяческие сверхъестественные чудеса.

Как бы то ни было, а одно известно доподлинно: Павла мучил некий таинственный недуг — «жало в плоть», как он сам говорил, — доставляя ему множество страданий и унижений. Природа этого заболевания интригует многие поколения ученых исследователей. Высказывались предположения, что в качестве этого «жала в плоти» могли выступать эпилепсия, малярия, сильные головные боли, заикание, болезнь глаз или рожистое воспаление.

Гипотезу о малярии выдвинул сэр Уильям Рамсей, который и сам страдал от этого заболевания, подхваченного во время экспедиции в Малую Азию. Он сопоставил собственные переживания с симптомами павловского недуга и изложил свои выводы в книге «Святой Павел, путешественник и римский гражданин».

Данной болезни особо подвержены люди определенной конституции. Всякий раз, как их организм подвергается повышенной нагрузке, он оказывается легкой добычей малярии, которая тут же возобновляется в виде изнурительных и чрезвычайно мучительных приступов. В такие периоды человек полностью теряет работоспособность, оказывается слаб и беспомощен перед лицом грозного заболевания. Вместо того чтобы исполнять свои обязанности, несчастный лежит, обуреваемый дрожью, обливаясь холодным потом. Он испытывает презрение и отвращение к самому себе и подозревает, что окружающие разделяют его чувства.

Мне неоднократно доводилось видеть таких страдальцев на окраинах восточных городов: нищие валялись на грязных подстилках, сотрясаемые лихорадкой так, что зубы стучали. Окружающие предпочитали обходить их стороной, во взглядах читалось не сочувствие, а отвращение.

Епископ Лайтфут провел анализ и предложил список признаков, которым должно бы соответствовать заболевание святого Павла:

1. Болезнь вызывает острые страдания.
2. В результате человек испытывает разительный контраст между возвышенным состоянием духа и беспомощным физическим состоянием; как следствие, страдает его достоинство.
3. Приступы болезни чинят непреодолимые препятствия для успешной деятельности проповедника.
4. Недуг, как правило, обрушивался именно во время чтения проповедей, вызывая насмешки со стороны толпы.

5. Физические недостатки апостола, так или иначе, связаны с этой болезнью.

6. Заболевание носит повторяющийся характер.

Малярия, столь распространенная на Востоке, вполне соответствует представленному списку, может быть, только за исключением пункта № 5. Существует и еще одна — более ранняя, предложенная еще Тертуллианом — гипотеза, согласно которой Павел был подвержен приступам сильнейшей головной боли, во время которых страдало и зрение апостола. Данная гипотеза хорошо согласуется с благодарностью, которую Павел высказывал в Послании к Галатам. Помните, там говорится, что эти галаты стали свидетелями немощи апостола, когда он благовествовал им в первый раз. Павел был тронут их готовностью вырвать собственные глаза и отдать ему, если б подобная жертва помогла справиться с болезнью. Здесь уместно вспомнить замечание сэра Уильяма Рамсея о том, что мучительные головные боли часто сопутствуют малярии.

Доктор У. Ч. Лоутер Кларк в своей книге «Проблемы Нового Завета» высказывает предположение, что «жалом в плоти» Павла служило сильное заикание:

Осмелюсь предположить, что святой Павел стал жертвой нервного расстройства, столь распространенного в наше время. Люди, подверженные нервическим припадкам, знают, что обычно они сопровождаются сильнейшей головной болью, для описания которой как нельзя лучше подходит слово *σκόλοψ*, буквально — «кол, вбитый в голову». Перечитайте Второе послание к Коринфянам, и сами убедитесь, что автор этих строк — сплошной комок нервов, человек, остро чувствующий, подверженный приступам меланхолии и депрессии. Они накатывают на него вместе с экзальтацией и составляют неотъемлемую часть его существования. Исследуя психику апостола, мы видим, что он вполне мог бы справиться со своими проблемами, если б избрал спокойную, тихую жизнь в окружении понимающих друзей. Увы, такой образ жизни был для него недостижим. Переживания, описанные в одиннадцатой главе Второго послания к Коринфянам, подрывали его здоровье, «забота о всех церквях» неизменно угнетала его рассудок. Таким образом, мы видим, что физическая и духовная жизнь апостола предъявляли непосильные требования к его ослабленному

организму. И об исцелении расшатанной нервной системы можно было только мечтать.

Писатель приводит список «великих заик», оставивших заметный след в литературе. Он называет Чарльза Лэма, Чарльза Кингсли и Льюиса Кэррола, от себя добавим еще и Арнольда Беннета.

Сколь бы ни были интересны все эти предположения, они останутся не более чем предположениями — неудовлетворительными и недоказательными. Нам так и не удастся разгадать тайну «жала», терзавшего плоть Павла.

Более полезной мне видится та побочная информация, на которую мы наталкиваемся при исследовании вопроса о болезни апостола. Вот что пишет доктор Стокер в «Словаре Апостольской церкви» Дж. Гастингса: «Нам достаточно знать, что вся эта удивительная работа проделана не физически крепким и уверенным в своих силах мужем, а, напротив, человеком, измученным, болезненным, застенчивым и сомневающимся».

Святые Павел и Варнава прибыли в Антиохию приблизительно в 47 году. Это был весьма примечательный период в мировой истории. Мягкий и добродушный император Клавдий, который вот уже три года правил Римской империей, осуществил неожиданно геройский поступок — вторгся со своими легионами в Британию. В 43 году, когда Павел только готовился к своей первой миссии, Клавдий отправил армию на север с наказом срочно вызывать его из Рима, едва враг ударится в бегство. В назначенный час он прибыл в Британию во главе преторианской гвардии, а чтобы довершить деморализацию островитян, еще присовокупил отряд боевых слонов. Экзотическая процессия промаршировала через весь Кент, пересекла Темзу и встала лагерем на холме, на месте нынешнего Колчестера. После столь впечатляющей демонстрации Клавдий снова вернулся в Рим — через полгода отсутствия, из которого лишь шестнадцать дней пришлось на непосредственные маневры в Британии.

Эхо этих героических деяний несомненно доходило до Павла во время его пребывания в Антиохии. Прогуливаясь по мощеным мрамором улицам, он наверняка прислушивался к язвительным шуточкам и откровенно злобным пасквилям на эскападу императора. А в том, что горожане именно так отзывались на британские события, сомневаться не приходилось — это была типовая реакция злоязычной Антиохии на все, что происходило в мире. Возможно, кто-нибудь из столичных жителей рассказывал

Павлу о пышном триумфе, устроенном Клавдию в Риме: там проходили торжественные процессии, жертвоприношения, шествия пленников и гладиаторские игрища в цирке. Павел узнал, что в ознаменование блистательной победы Клавдия наградили титулом «Британик». Возможно, его собеседник выудил из своего кошелька и продемонстрировал окружающим отчеканенную по такому поводу золотую монету: на одной стороне красовался портрет императора, а на другой — триумфальная арка со словами «De Britt».

И пока Павел выслушивал все эти удивительные новости, римские легионеры окапывались на заболоченных берегах далекой Темзы; они разбили свой лагерь на холме, где через много столетий вырастет всемирно известный собор Святого Павла.

Однако в те дни произошло событие куда более важное, нежели захват дикого северного народа, о котором не все антиохийцы и слышали-то прежде. Еврейская община дружно обсуждала внезапную смерть царя Агриппы на кесарийской арене.

Вот уж кого знали во всем мире, так это Агриппу — выходца из высокопоставленного семейства, умного, но безденежного друга римских правителей. Детство он провел в Риме, и в результате в нем было гораздо больше от римлянина, чем от иудея. В юности Агриппе пришлось немало скитаться в попытках скрыться от безжалостных кредиторов. В наши дни подобный человек нашел бы себе применение в Сити. Или же продал бы свое имя какому-нибудь совету директоров или печатному изданию. В древности таких возможностей у нищего аристократа не было. Единственное, что он мог сделать — завести себе могущественных друзей и надеяться на лучшее.

Агриппа именно и поступил и, как выяснилось, не прогадал. Карьера молодого иудея пошла резко в гору, когда к власти в Риме пришел его приятель и собутыльник безумный Калигула. Новоявленный император не только пожаловал своему другу владения умершего тетрарха Филиппа — обширные земли к северу к северо-востоку от Галилеи, — но и наградил его царским титулом. Итак, жалкий эмигрант, живший на подачки своей семьи, эта паршивая овца в славном роду Иродов, вновь вернулся в родные края. Его триумфальное возвращение буквально вывело из себя тщеславную Иродиаду — мать Саломеи и жену Ирода Антипы, того самого, который распял Христа. Она подговорила мужа бросить все дела и отправиться вместе с нею в Рим. Иродиада намеревалась задать вопрос императору: почему никчемный юнец Агриппа будет носить царскую корону, в то время как ее муж Ирод вынужден довольствоваться титулом тетрарха? Однако куда ей было тягаться с коварным Агриппой! Тот, прознав о планах родственников, решил

их упредить. Он отправил к Калигуле гонцов с предупреждением, что Ирод якобы наводнил Галилею оружием. В результате семейная ссора закончилась полной и безоговорочной победой Агриппы: Ирода вместе с супругой отправили в ссылку, а их имущество конфисковали. Надо ли говорить, что положение юного выскочки Агриппы еще более упрочилось.

Двадцать четвертого января 41 года он находился в Риме, когда всю столицу облетела новость: император Калигула, его друг и покровитель, стал жертвой покушения — на теле обнаружили свыше тридцати следов от ударов кинжалами. Ранее я уже упоминал о той роли, которую сыграл Агриппа в дальнейшем развитии событий. Молодой иудей быстро сориентировался в суматохе, воцарившейся в Риме после смерти императора. Он явился в сенат, где решалась судьба Римской империи — быть ли ей по-прежнему монархией или же вернуться к республиканской форме правления — и сумел склонить сенаторов к первому варианту, поспособствовав возвышению перепуганного старого Клавдия.

Так назревавшая, казалось бы, катастрофа обернулась новым триумфом Агриппы. В Палестину он возвращался не только обогащенным — к нему отошли Иудея и Галилея, бывшие владения изгнанного Ирода Антипы, — но и упрочившим свое положение. Агриппа осознавал: после того как он собственными руками посадил на трон нынешнего цезаря, никто и ничто не решится встать у него на пути.

Можно только предполагать, какие планы по возвеличиванию рода Иродов лелеял в своей душе молодой царь. Он поддерживал партию строгих фарисеев, в угоду им казнил святого Иакова и казнил бы Петра, ибо, как сказано в Деяниях апостолов, «видел же, что это приятно Иудеям»¹².

После трех лет своего безраздельного правления Ирод Агриппа в окружении пышной свиты появился в кесарийском цирке. Он встал, чтобы поприветствовать толпу, солнце сияло на его парчовых одеждах, и царские подхалимы начали кричать, что устами Агриппы вещает не человек, но бог. И вдруг тело его содрогнулось от какой-то непонятной внутренней боли, он упал, и царедворцы поспешили унести своего повелителя во дворец. Спустя пять дней он скончался. В то время сын его — будущий Агриппа II, тот самый, перед которым Павлу предстояло держать речь в защиту христианства, — находился в Риме. Юноше было всего семнадцать лет.

Эта внезапная смерть, должно быть, огорошила Павла и его единомышленников. О том, какую сенсацию произвело известие о

гибели Агриппы в стане христиан, можно судить уже по тому, сколько места отведено этому событию в Деяниях апостолов. Неизвестно, как бы сложилась история апостольской церкви, если бы Агриппа не умер. На тот момент он составлял самое серьезное препятствие на пути развития христианства. И вот — без всяких знамений и предупреждений — эта преграда оказалась устраненной.

Я пытался представить себе, какое положение занимал Павел в Антиохии через несколько лет после описанных событий. Фарисеи ненавидели его лютой ненавистью, прозелиты обожали, а умудренные жизнью греки и римляне воспринимали с пренебрежительной улыбкой всепрощения. Да стоит ли волноваться из-за очередного странствующего проповедника непонятного нищего бога. И что такое еще один бог в глазах блестящей, искушенной Антиохии! Греко-римский мир благосклонно воспринимал новых богов, в Риме так и шутили: «Чем больше, тем веселее». С одной существенной оговоркой — пока боги не вмешивались в политику. Гиббон исключительно метко охарактеризовал это отношение, когда заметил, что «народ почитал различные виды культов, господствовавшие в Римском мире, одинаково истинными; философы — одинаково ложными; а городские власти — одинаково полезными».

Именно в Антиохии, на родине метких прозвищ и модных словечек, родился термин «христиане» для обозначения членов ранней церкви. Кто, хотелось бы знать, впервые употребил это слово и по какому поводу?

Во всяком случае, это точно был не еврей, поскольку у евреев уже существовало название для последователей Христа — «назарей». Так же маловероятно, чтобы термин родился в среде самих первых христиан, поскольку те называли себя «учениками», «братьями» или «верующими». Получается, таким образом, что словечко это придумал, скорее всего, некий грек, который был наслышан о новой вере и перенес имя Иисуса Христа на всех его последователей.

Не исключено, что впервые это слово использовал какой-то римлянин, представитель имперских властей в Антиохии (и надо думать, в уничижительном смысле), подобно тому, как последователей Цезаря называли «кесарианами», Помпея — «помпеянами», Ирода — «иродианами». Так и представляю себе, как некого legionera отрывают от игры в кости и направляют на улицу, где разгорелась очередная потасовка между ортодоксальными евреями и представителями новой секты.

— Опять эти христиане! — наверное, проворчал этот страж порядка, не ведая, что своими словами творит историю.

7

В пятницу, мусульманский день отдыха, женщины Антиохии выбирают обычно за город, чтобы там, под сенью абрикосовых деревьев, спокойно посидеть на травке и обсудить последние новости. Как правило, мужчины на эти сборища не допускаются, так что дамы пользуются редкой возможностью походить с открытыми лицами.

Пока дети бегают вокруг и собирают букетики полевых маков и анемонов, женщины усаживаются кружком и углубляются в свои разговоры. Если же вдалеке — в поле или на холмах — покажется мужской силуэт, то в женских рядах происходит внезапный переполох, и в мгновение ока беспечные болтушки превращаются в кучку черных призраков, с ног до головы укутанных в свои покрывала. Посторонние мужчины не могут и мечтать увидеть лица арабских женщин. На малейший сигнал тревоги здесь реагируют со скоростью оленьего стада.

В этом я смог убедиться на собственном опыте. Когда я проходил по полю, то глазам моим предстала группа черных призраков, рассеявшихся на травке. Однако оглянувшись с соседнего холма, я с удивлением увидел, вернее, угадал издали, что все лица снова открыты. Мне подумалось, что эти женские покрывала — великая защита от всего неприятного и уродливого. Я припомнил замечание знакомого турка, который сообщил мне по секрету, что все мужчины испытали шок, когда женщины после революции открыли лица.

На холм меня привело не праздное любопытство, я намеревался посетить знаменитую пещеру святого Петра. Ключ от нее я получил от монаха-капуцина, на чьем попечении находилась добрая половина из семи тысяч антиохийских христиан. Маленький капucinский монастырь расположился на берегу Оронта. Если встать на его террасе и посмотреть вдаль — через плоские крыши домов, через купола и минареты мечетей, — взгляд упрется в склон горы Силпий. Вручивший мне ключ монах был разговорчивым, грубоватым мужчиной, в чьем дородном теле жила, по всей видимости, мягкая и добрая душа. Во всяком случае, газель, которая следовала за ним по пятам, совершенно его не боялась.

— Ах ты нахалка! — громоподобным голосом вскричал монах. — Ну, ты сама напросилась. Придется тебе напомнить, что такое

хорошие манеры!

И он осторожно попытался отпихнуть от себя любопытное животное, которое жевало край его сутаны. Однако попытка оказалась тщетной и, судя по всему, лишь разозлила газель. Наклонив очаровательную головку, она бесстрашно атаковала человеческую тушу, но запуталась своими маленькими рожками в толстом шнуре, повязанном у монаха на поясе. С учетом разницы в росте и пропорциях противников выглядело это комично. Монах, поколебавшись, легонько пнул озорницу обутой в сандалию ногой. В ответ газель возмущенно мемекнула, звонко процокала по каменным плитам комнаты и скрылась в залитом солнцем монастырском саду.

— Итак, ключ я вам дал, — произнес монах. — Вы, наверное, хотели бы услышать историю этой пещеры, но, увы, тут я мало чем могу помочь. Происхождение пещеры скрыто в тумане неизвестности — как, впрочем, и всех остальных христианских реликвий в Антиохии. Мы полагаем, что в далекую эпоху святых Петра и Павла пещера служила тайным местом встреч антиохийских христиан. В те годы здесь была церковь, но долгие столетия она не использовалась...

Пещера находилась высоко в горах — ныне безлюдных, но во времена Римской империи густо заселенных и застроенных многочисленными домами. Для их обеспечения водой были устроены специальные резервуары, вода из которых поступала по прорубленным в скалах туннелям. Я прошелся по одному из этих древних туннелей длиной примерно в пятьдесят ярдов. Здесь почти везде можно было передвигаться не сгибаясь. Сопровождавший меня молодой араб обратил мое внимание на гладкую, отшлифованную водой поверхность канала. Когда мы прошли весь туннель насквозь и снова вышли на белый свет с противоположной стороны, юноша выудил из кармана пригоршню позеленевших монет.

— *Антика*, — похвастался он.

Я с интересом разглядывал полустертые изображения давно умерших императоров. После дождей или же в сезон пахоты случается, что антиохийская земля выбрасывает на поверхность такие монеты, как море пустые раковины.

— И как ты их нашел, Мохаммед? — поинтересовался я.

— У меня очень хорошие глаза, — отвечал паренек. — Я нахожу *антику* там, где другие ничего не видят. Смотри! Ты прошел мимо, а я увидел!

И он поднял с земли обломок радужного стекла, наполовину скрытый в комьях грязи.

— Когда-нибудь, — мечтательно произнес юноша, — я найду в земле целого человека. Я припрячу его подальше и никому не скажу ни слова. Ты даже не представляешь, какие обманщики и воры живут в этом городе. Я выжду и выгодно продам своего человека. Выручу кучу денег и уеду жить в Америку... или даже во Францию.

Мохаммед имел в виду, что он откопает в полях неповрежденную старинную статую. Такая вещь и вправду могла стоить хороших денег.

Мы добрались наконец до пещеры Петра, вход в которую был облицован каменной кладкой и перекрыт железной решеткой. Я отпер замок ключом и вошел в вырубленную в скале пещеру. Это была маленькая и сырая, но все же настоящая церковь. Монахи-капуцины возвели здесь алтарь, к которому вели три ступеньки. Грунтовые воды просачивались сквозь каменные своды. В одном месте в скале обнаружилась трещина, по ней протекал крошечный ручеек, падавший в некое подобие каменной чаши.

Я слышал, что местные жители — как христиане, так и мусульмане — верят в целебные свойства этой воды. Очевидно, в этом безобидном суеверии сохраняются остатки той веры в святость пещеры, которая жила в античные времена.

Согласно традиции, основанной на свидетельстве писавшего в шестом веке Иоанна Антиохийского, Павел и Варнава жили и проповедовали на улице Сингон (рядом с Пантеоном), в районе Епифания.

А из античной литературы нам известно, что на склоне горы Силпий, как раз неподалеку от Епифании, одна из скал была превращена в огромную и жуткую скульптуру: она изображала голову Харона, того самого перевозчика, который переправлял души умерших через подземную реку Стикс. Эта скульптура была вырезана за полтора столетия до Павла по приказу одного императора, который надеялся остановить эпидемию чумы. Наверное, он пытался подобным образом подольститься к самому богу смерти. Так или иначе, но все гости Антиохии ходили посмотреть на эту страшную голову, увенчанную золотой короной. Согласитесь, довольно странная достопримечательность для веселого и разгульного города, живущего одним днем! Я рассудил, что если пещера Петра расположена в местах, где некогда проповедовал апостол Павел, то значит, и Хароний (как называлась эта ужасная скала) где-то неподалеку.

Тем не менее я был очень удивлен, когда на обратном пути, спускаясь с холма, увидел вырезанную в скале огромную голову. Рядом с ней обнаружилась человеческая фигура, вырезанная в

полный рост. Вначале я было решил, что это и есть Хароний, описанный в древних источниках. Однако, внимательно исследовав свою находку, понял, что ошибся: голова принадлежала женщине.

Что касается скульптуры Харона, то она наверняка погибла во время одного из многочисленных землетрясений, которые за прошедшие столетия значительно изменили ландшафт местности. И все же как символично — несмотря на все природные катаклизмы, огромная каменная конструкция по-прежнему стоит на том самом месте, которое ей и отводилось в ранней христианской традиции, если, конечно, сведения об улице Сингон истинны.

8

В тот самый год, что Павел провел в Антиохии, в Палестине разразился голод. Упоминание об этом мы находим и в Деяниях апостолов, и в трудах Иосифа Флавия.

«Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее, что и сделали, пославши собранное к пресвитерам чрез Варнаву и Савла... А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взявши с собой и Иоанна, прозванного Марком»¹³.

Не вызывает сомнений, что, находясь в Иерусалиме, Павел и Варнава бывали на общих сходах Апостольской церкви, которые проходили в доме некоей Марии, матери Марка. О Марии нам известно, что она состояла в родственных связях с Варнавой, он приходился Марку двоюродным братом, — а также то, что дом ее был достаточно большим и зажиточным. Выйдя из тюрьмы, Петр сразу направился сюда, чтобы сообщить о своем освобождении. Девочка-рабыня по имени Рода была вначале так взволнована, что даже не могла открыть ворота. Услышав издалека голос Петра, она впала в радость и замешательство. Этот эпизод — один из самых ярких и живых во всех Писаниях.

Иоанн Марк является автором Евангелия от Марка. В то время, когда Павел объявился в их доме, Марк был совсем еще юным, но позже он стал спутником и секретарем Петра. И неудивительно, что в основу Евангелия от Марка легли личные воспоминания его учителя. Именно этим большинство ученых объясняют особую атмосферу достоверности, которая отличает данное Евангелие.

Мне видится чрезвычайно важным тот факт, что родной дом Марка располагался в Иерусалиме. В связи с этим возникает весьма интересный вопрос: а не являлся ли дом Марии тем самым домом, где проходила Тайная Вечеря? В Евангелии от Марка мы находим

некоторые подробности, которые могут служить косвенным подтверждением данной гипотезы. В сцене ареста Христа, случившегося в Гефсиманском саду, есть один любопытный и явно «посторонний» эпизод, который отсутствует во всех остальных евангелиях. Я имею в виду рассказ о том, как солдаты натолкнулись на ночной улице на молодого человека, который шел, обернувшись в льняное покрывало. Когда солдаты попытались задержать юношу, он выскользнул из их рук и бежал нагим, оставив свое покрывало.

Почему бы не предположить, что этот молодой человек был Марк? Представьте себе, как в ночь Тайной вечери он просыпается в материнском доме и испытывает гнетущую тревогу. Юноша чувствует, что на Масличной горе должно произойти нечто страшное и потому, когда Христос с учениками покидают дом Марии, он поднимается с постели и, замотавшись в льняную простыню, тайно следует за ними в Кедронскую долину.

Если наши предположения верны и все происходило именно так, то иерусалимский дом Марии должен стать священным местом для всех верующих. Ведь в этом доме — ни много ни мало — зародился ритуал святого причастия!

Итак, Павел и Варнава вернулись в Сирию в сопровождении юного Марка. В одну из ночей, когда пророки и учителя молились в маленькой антиохийской церкви, на них снизошел Святой Дух, который повелел:

«Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершивши пост и молитву и возложивши на них руки, отпустили их. Сии, бывши посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр»¹⁴.

Обратите внимание, это очень важный момент: христианство совершило первый смелый шаг в окружающий мир.

9

Первая моя попытка добраться до Селевкии окончилась неудачно. В двух милях от Антиохии меня задержал паводок. Мой водитель, араб из Сирии, совершил ошибку и проехал дальше, чем нужно. В результате наша машина безнадежно застряла в жидкой грязи, и мы — перепачканные с ног до головы — вынуждены были обратиться за помощью к трудившемуся неподалеку пахарю. Снизойдя к нашим отчаянным просьбам, он выпряг волов из плуга и вытащил наш несчастный автомобиль.

После этого целую ночь лил дождь, и все дафнийцы в один голос заявили мне, что снова отправляться в подобную поездку — сущее безумие. Не поверив их разумным доводам, я решил снова попытать счастья — на сей раз верхом, в надежде, что конь сумеет вброд перейти разлившиеся потоки. И действительно, начали мы довольно бодро, но затем дорогу нам преградил приток Оронта — обычно узкий и маловодный, но теперь вздувшийся и ставший непроходимым. Понукая заупрямившегося коня, я заставил его сделать первый шаг, и несчастное животное сразу увязло по самые бабки. Бросив унылый взгляд на взбесившийся поток, я вынужден был отступить. Несколько дней спустя я предпринял третью попытку и на этот раз преуспел.

Мы выехали ранним солнечным утром. Шофером моим оказался сирийский щеголь в кокетливой феске и начищенных ботинках. Про себя я злорадно ухмылялся, предвкушая, во что обратится это великолепие после нескольких часов пути. Однако, к великому моему удивлению, поездка прошла без особых приключений, если не считать, конечно, за приключение то, что мы дважды заблудились, ибо водитель дороги не знал, а расспрашивать местных жителей высокомерно отказывался. В конце концов мы все же добрались до чудесного уголка Сирии, где мужчины и женщины до сих пор носят красочные национальные костюмы в качестве повседневной одежды. Я собственными глазами видел старика, обряженного в плиссированные синие шаровары и расшитый жакет темно-шафранного цвета. Ансамбль довершала малиновая феска. Женщины здесь разгуливали в длинных юбках, красных или зеленых. Лица их были открыты, а во всех движениях сквозила природная грация.

Горы в этой части Сирии суровы и лишены растительности, зато долины утопают в густой зелени виноградников, абрикосовых и тутовых деревьев. Склоны холмов покрыты ковром нарциссов, в низинах пламенеют кусты олеандра. В голубом безоблачном небе парят ястребы, зорко высматривающие добычу на горных перевалах.

Мы подъехали к живописному заливу, на берегу которого высится остроконечный пик Кассиуса. Развалины селевкийского порта расположены на северном полукружье залива.

Дорога, по которой мы ехали, постепенно сужалась, пока не превратилась в тропу. Время от времени ее пересекал ирригационный канал. Моему водителю, очевидно, было в новинку ездить по такой пересеченной местности. Всякий раз, когда мы натыкались на подобную преграду, он громко взывал к милости Аллаха, выходил из машины для проведения подробной

рекогносцировки и лишь после этого неохотно пускался в дальнейший путь. Честно говоря, это мне изрядно надоело, и я вздохнул с облегчением, когда дорогу преградил широкий ручей, и стало ясно, что дальше проехать не удастся. С легким сердцем я покинул машину и пошел пешком.

До развалин Селевкии оставалось еще около мили. Во времена Павла это был один из самых известных портов мира. Беда в том, что он не слишком подходил Антиохии. Город был выстроен на вершине горы, которая отвесно обрывалась в море; в то же время сам порт располагался на равнине у подножия горы. И хотя не одно поколение императоров вкладывало деньги в усовершенствование и укрупнение порта, однако неудачное расположение сводило все их усилия на нет. Это место более напоминало сирийский Гибралтар, нежели крупный торговый порт, — факт, который немало радовал соперничавшие с Антиохией Тир и Сидон.

С другой стороны, в качестве пассажирского порта для Кипра и Малой Азии Селевкия была идеальна. Строки Нового Завета, в которых говорится, что наши миссионеры «пришли в Селевкию», означают, что они прибыли в Верхний город. С высоты в пять тысяч футов в ясную погоду они могли разглядеть далекий остров Кипр, голубой тенью лежавший на горизонте.

По дороге к развалинам я любовался ослепительно голубым морем и золотыми горами, видневшимися сквозь ажурную листву фиговых и тутовых деревьев. Возле колодца стояла группа местных женщин, они прервали свою беседу и уставились на меня так, будто я был призраком.

За минувшие столетия портовые здания разрушились, и теперь на несколько миль окрест земля была усеяна острыми осколками мрамора и известняка. Сельские жители расчистили поля от обломков, свалив их кучами на узких тропинках.

Надо сказать, эта получасовая прогулка стала одной из самых неприятных в моей практике. Невыносимая жара и острые камни под ногами — каждый величиной с грушу — доставляли изрядные мучения. Утешала лишь одна мысль: мало кто из путешественников забирался в такую глушь.

Поднявшись на горный склон и обзрев окрестности, я обнаружил, что руины порта занимают гигантскую территорию. Их и взглядом-то окинуть нелегко, не говоря уже о том, чтобы отреставрировать. Собственно, вся гора, на которой стоял Верхний город, была усеяна полуразрушенными фундаментами зданий. Крутые прибрежные склоны испещряли огромные пещеры, в прошлом, очевидно, служившие складскими и подсобными помещениями. В скалах было вырезано множество гробниц,

некоторые из них размером с большую комнату. В каждой обнаруживалось от шести до десяти камер, но уже без дверей, выглядевших так, будто их только вчера разгромили и разграбили.

Наиболее примечательной деталью селевкийского пейзажа является огромный туннель, вырезанный в скале еще в римские времена. Длина этого грандиозного сооружения, служившего для отвода горного ручья, составляет почти полторы тысячи футов, ширина и глубина — двадцать футов.

Стены туннеля гладко отшлифованы, по дну до сих пор струится поток. Побывавшая здесь Гертруда Белл обнаружила над входом высеченную надпись, которая гласила «Divus Vespasian» — «Божественный Веспасиан». На самом деле это лишь часть посвящения, остальное было скрыто под наносной породой. Сейчас скала полностью обнажилась, и я без труда прочитал надпись «Divus Vespasian et Divus Titus» — «Божественный Веспасиан и божественный Тит». Это позволяет отнести сей гений инженерной мысли примерно ко времени Иудейской войны 70 года. Внутри туннеля я увидел и другие надписи, одна из которых была оставлена солдатами Четвертого Сирийского легиона и моряками.

Но, пожалуй, еще более меня заинтересовали остатки портовых построек на берегу, которые сверху хорошо просматривались среди тутовых рощ. Чтобы их осмотреть, мне пришлось спуститься с холма. Благодаря тоннам ила и грязи, которые на протяжении веков приносил Оронт, устье значительно изменилось, а вместе с ним изменилась и конфигурация окружающей местности. Там, где раньше плескалось море, теперь простиралась плодородная почва, засаженная фруктовыми садами.

Среди них стояли фрагменты стены, которой был обнесен порт, и некий фундамент, который при ближайшем рассмотрении оказался фундаментом маяка. Под покровом ежевичных зарослей просматривался лестничный пролет, спускавшийся к бывшей пристани. Вполне возможно, по этим самым ступеням проходили Павел, Варнава и Марк, прежде чем ступить на борт корабля и отправиться в свое бессмертное путешествие на Кипр и в Малую Азию.

На тот момент еще не было написано ни единой строчки Нового Завета. Евангелие хранилось в сердце апостола, а не в его руке. Все, что Павел знал об Иисусе, он получил из своего уникального духовного опыта, а также из уст Петра и других прижизненных учеников Господа. И хотя слова Иисуса пока еще не облеклись в письмена, они уже были известны Павлу. Мы можем представить, как он стоял под тугими парусами, обернувшись лицом в сторону далеких берегов Малой Азии.

«И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой...»¹⁵

В душе Павла звучал Глас, и, возможно, именно эти слова слышались ему в завывании морского ветра.

Глава четвертая

Кипр: история и современность

Мое путешествие на Кипр на грузовом судне и моя встреча с хорошо замаскированным учеником святого Павла; далее рассказывается о моем посещении руин Саламиса и прогулке по городу крестоносцев Фамагусте. Я люблю Пафосской богиней в музее Никосии, провожу ночь в горном монастыре Кикко и стою на развалинах Пафоса, где некогда святой Павел держал речь перед римским проконсулом и одержал победу над его астрологом.

1

В Александrette к нам на судно загнали две сотни сирийских коз, нагулявших жирок на весенних пастбищах Оронтской долины. Они чрезвычайно смахивали на участников ежегодного съезда какого-нибудь ученого общества.

Эти создания сразу же заполнили наш корабль отвратительным языческим запахом и кипучим движением. Козы напрыгивали на фальшборт, словно намереваясь на глазах у всех совершить самоубийство. Они ловко перепрыгивали с деррик-крана на сходни и каким-то образом *ухитрились* перегнать всех пассажиров третьего класса с кормы на палубу первого класса. Одна злобная тварь — старый рыжий козел — умудрилась тайком проникнуть в крошечную кают-компанию и похитить пучок салата.

Стадо вовсю резвилось, пока мы медленно двигались на юг вдоль сирийского побережья, но когда корабль миновал Сидон и Тир, козы, похоже, прониклись философским подходом к жизни и уже стояли неподвижно. Мы распростились с ними в Хайфе, надо сказать, без всякого сожаления. Я наблюдал, как лохматое блеющее сборище хлынуло по трапу на залитую солнцем набережную. Процесс контролировали пастухи: они подталкивали коз и что-то приговаривали на хриплом, гортанном наречии, которому обучились, должно быть, еще у Пана в те дни, когда наш мир был юн и весел.

Какое-то время судно постояло, покачиваясь на волнах, возле горы Кармел, а затем двинулось в сторону Кипра. Проходя по полубаку, я заглянул в открытый люк и там, в полутьме, разглядел с десяток сирийских коров, которых везли в Египет. Они флегматично лежали на полу, а вокруг них суетились индюшки и

куры. Птицы бродили туда и сюда, что-то выклевывали, порой перебегая через неподвижные тела коров. Над ними на палубе стояла дюжина арабских скакунов, направлявшихся к тренеру в Александрию. Эти заметно волновались: переступали с ноги на ногу, нервно вскидывали породистые головы и раздували ноздри.

Корабль представлял собой сущий ад, составленный из жары, тарахтящих двигателей и неистребимого запаха масла. Смуглые египтяне драили палубу, производя при этом невероятный грохот своими швабрами. Они сутились в металлических переходах под каютами и выплескивали воду из жестяных ведер. Двери кают были открыты настежь, выставляя на всеобщее обозрение повседневную жизнь корабля. За дверью с табличкой «Каюта № 1» скрывался инженер-шотландец, который в этот самый миг ввинчивал стальную трубу в недра своих ритмично постукивавших механизмов. В «Каюте № 2» обретался грек-повар, с мрачным энтузиазмом помешивавший в котле с жирной подливкой. За табличкой «Каюта № 3» открывался замечательный вид на полутемную кладовую, где в поисках мертвых цыплят шнырял мальчишка, помощник повара.

После того как палуба освободилась от полчища коз, пассажиры третьего класса, большей частью сирийские арабы, вновь заняли свои места на корме и теперь лежали в более или менее страдальческих позах — в зависимости от степени подверженности морской болезни. То и дело одна из женщин, укутанная в традиционное покрывало, неверной походкой спешила к борту судна и здесь, бесстыдно откинув покров, обращала лицо к волнующимся глубинам. И никому до этого не было никакого дела. Как быстро условности отступают перед болезнью! Муж, который в нормальных условиях отреагировал бы разводом на подобное нарушение приличий, лежал с закрытыми глазами, время от времени увлажняя губы смоченной в воде салфеткой и неустанно перебирая янтарные бусы *комбологиона*^[21].

В крохотной кают-компании я встретил лишь одного своего соотечественника. Он меланхолично потягивал пиво из стакана и наблюдал за греком-стюардом, который гонялся за мухами с полотняной столовой салфеткой. Англичанин был крупным мужчиной среднего возраста и со времен войны проживал в Палестине.

— Я просто приехал сюда и остался, — сказал он. — Нет, по родине я никогда не скучал. Мне нравится здешний климат. Черт побери, дружище! Наша жизнь слишком коротка, чтобы проводить ее среди дождей и туманов.

Он рассказал, что едет на Кипр набираться опыта в выращивании апельсинов. Я поинтересовался, почему так много арабов туда направляются.

— Намереваются покупать жен, — пояснил англичанин. — Кипр ведет обширную брачную торговлю с материком. Причем ценятся не только местные женщины — на этот остров всегда приезжали за любовью... ну, вы понимаете. Но жены на Кипре дешевле, чем в Сирии или Палестине.

После этого мой собеседник оседлал любимого конька и говорил уже без умолку. Его навязчивой идеей было выращивание апельсинов, которые он почему-то предпочитал называть «цитрусовыми плодами». Меня это раздражало безмерно: всякий раз, как он произносил это словосочетание, меня передергивало, словно я только что сжевал лимон.

Тему «цитрусовых плодов» англичанин развивал на протяжении полутора часов, и в тот момент, когда я уже намеревался взвыть, раздался сигнал к обеду. Звук маленького колокольчика в руке стюарда веселой трелью прокатился по палубе, суля нам острый греческий суп и прочие кулинарные изыски корабельного кока.

После обеда я устроился на залитой солнцем палубе и, лежа с полужакрытыми глазами, лениво наблюдал, как палестинский берег узкой коричневой полоской тает на горизонте.

Однако мое блаженное состояние было грубо нарушено появлением давешнего собеседника. С нараставшим смятением я увидел, как он появился на палубе с раскладным шезлонгом и радостно направился в мою сторону. Притворяться спящим было бессмысленно.

— Хелло! — прокричал он. — А я-то гадаю, куда вы подевались. Скажите, вы, часом, не католический священник? — спросил он затем изменившимся тоном.

— Нет, а почему вы так решили?

— Ну, человек ведь не станет просто так читать Деяния апостолов.

— А, ясно. Что касается меня, то я часто их читаю.

— С ума сойти, какое совпадение! — воскликнул он, блеснув голубыми глазами. — Можете себе представить, а я ведь когда-то написал книжку о святом Павле!

Это меня удивило. Трудно было увязать этого энтузиаста цитрусового бизнеса с апостольской эпохой. Англичанин, словно угадав мои мысли, насмешливо произнес:

— Вы хотите сказать, что цитрусовые плоды плохо согласуются со святым Павлом, не правда ли? А дело было вот как. На самом деле по образованию я школьный учитель. Правда, благодарение

богу, недолго проработал в таком качестве, ибо из всех отвратительных профессий эта — самая худшая. Грянула война, и я просто воспользовался своим шансом. Скажите, встречали вы когда-нибудь человека, который бы радовался войне? Так вот, один перед вами. Но я вроде начал говорить про книжку. Дело в том, что святой Павел был моей темой. Сначала я написал о нем диссертацию, а затем решил: почему бы не снабдить ее картами, диаграммами и не выпустить в виде отдельной книги?

Чем дольше мы беседовали, тем большую симпатию я испытывал к этому человеку. Просто не верилось, что еще совсем недавно он едва не доконал меня своими «цитрусовыми плодами». Англичанин оказался весьма начитанным человеком. Несмотря на долгие годы, проведенные на Востоке — когда книги едва ли составляли весомую часть его жизни, — он до сих пор помнил текст посланий и легко мог их цитировать на память. Но что меня больше всего радовало — это его глубокое понимание души Павла.

— Это один из немногих античных писателей, которые кажутся абсолютно современными, — утверждал он. — Вы так не думаете? Задумайтесь, ведь вы бы совсем не удивились, встретив такого вот Павла где-нибудь в придорожном пабе. А почему бы и нет? Человек зашел опрокинуть стаканчик эля перед обедом. И если бы вам понадобилось срочно занять у кого-нибудь пятерик, то, думаю, вы обратились бы именно к Павлу. Он ведь был на редкость общительным человеком и изрядно побродил по свету. Это видно по его посланиям. Но одновременно Павел является и самой непонятной фигурой во всем Новом Завете. Вы спросите почему? Прежде всего, потому, что никто не может понять его посланий в «Авторизованной версии». Спору нет, язык Библии короля Якова прекрасен, но тяжел для современного читателя. К тому же и греческий на него плохо ложится, вы не находите? Затем проблема номер два: большинство людей почему-то считают Павла женоненавистником. В наше время, когда женщины забирают все больше власти, такое убеждение, мягко говоря, не способствует популярности святого. Трудно объяснить нашим современникам, что если он против чего и возражал, так это против малоазийских сексуальных культиков. В повседневной жизни Павел вовсе не враждовал с женским полом. Достаточно вспомнить, сколько женщин ему помогали. Он, как бы это объяснить, возражал против деградации женщины в языческом мире. Почему вы улыбаетесь? Не согласны со мной?

— Да нет, вполне согласен, — вынужден был признать я. — А улыбаюсь при мысли, как быстро с вас слезла шелуха учености. Сейчас вы рассуждаете так, будто на прошлой неделе встречались

с Павлом в Яффе, или где там вы выращиваете свои цитрусовые плоды.

— Так и есть, — серьезно подтвердил англичанин. — Это вы чертовски верно подметили. У меня такое чувство, будто сегодня я гораздо лучше знаю и понимаю Павла, чем сколько-то лет назад, когда я мог навскидку цитировать Левина, Конибэра и Хаусона, а также Рамсея, Хаусрата и кучу других авторов, имена которых я сейчас уже позабыл. Видите ли, я оказался в трудном положении — в чужой стране, где у меня почти не было друзей. В какой-то момент я едва не сломался, но все же выстоял. Потому что не боялся тяжелой работы и не любил сдаваться. А ведь это, в конце концов, как раз главные черты самого Павла.

С широкой ухмылкой он протянул мне свои руки.

— Взгляните! — сказал он. — Когда работал в школе, они выглядели совсем по-другому. Помните эту сцену в Милете, когда Павел прощается со старейшинами церкви. Как он там говорил? Ага! «Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии»¹⁶. По-моему, подобные слова как раз доказывают, что Павла никогда не воспитывали как ремесленника. Подумайте сами, какой ремесленник станет в таком тоне говорить о своих руках? Скажите на милость, они послужили его нуждам! Ну и что здесь такого? Рабочие руки для того и существуют, чтобы с их помощью зарабатывать на жизнь. А вот такой человек, как я — или Павел — вполне мог бы так сказать.

— А сейчас вы перечитываете послания?

— Я не заглядывал в них со школьных времен, но тем не менее все помню.

Мы проговорили о Павле до самого заката.

После ужина я отправился в свою каюту, намереваясь завалиться спать. Но как только я прикоснулся к подушке, из-под нее выскочили три огромных, словно глянцевых таракана и скрылись в щели между койкой и стеной. Если уж тараканы завелись на судне — да еще в жарком климате, — можете быть уверены: избавиться от них можно, лишь расколошматив корабль на мелкие кусочки. Я не люблю этих тварей. Мне неприятны их согнутые ноги, та скорость, с которой они передвигаются, и ощущение, что в любой момент они могут расправить свои темно-коричневые крылья и улететь. Посему я прихватил с собой пару одеял, предварительно хорошенько их вытряхнув, и отправился ночевать на палубу.

Луна спряталась за облаком, но морская поверхность, казалось, сама по себе светилась серебряным светом. Тишину нарушал лишь

плеск волн, расходившихся за кормой судна. В середине ночи я проснулся и долго смотрел на небо, усеянное яркими звездами. Наши якорные огни горели на фоне темного неба подобно маленькой луне.

Я наблюдал, как серый свет постепенно опускается на спящий мир. Корабль покачивался на светло-свинцовых волнах, звезды одна за другой потихоньку гасли. В этом причудливом полумраке я разглядел длинную темную тень на морской поверхности — тень эту отбрасывал лежавший на востоке остров Кипр. Стало светлее, но солнце все еще пряталось за горизонтом. Я лежал и ждал: когда же, когда оно взойдет? В какой-то миг я с чувством внезапного облегчения увидел, как на востоке обозначилась полоска пронзительно-розового света. С каждой секундой она ширилась, наливалась цветом и затем вдруг — взрыв яркого желтого света. Солнце буквально выпрыгнуло из морских глубин на небо!

Моему взору предстало протяженное зелено-коричневое побережье. Вдалеке угадывались высокие горы, а на переднем плане виднелся маленький белый городок Ларнака.

2

Наш корабль стоял на якоре в заливе Ларнаки в ожидании официальных представителей с берега. Хотя еще не было семи часов, солнце припекало сильнее, чем в английский летний полдень. Кипр выглядел таинственным и прекрасным, с туманами, подобно королевским вуалям, сползающими с гор.

Я стоял у поручней и с удовольствием разглядывал землю, где некогда были выкованы медные доспехи для Агамемнона, а божественная Афродита вышла из морской пены. Остров значительно изменился с классических времен. Исчезли густые леса, и кустарник больше не подступает к кромке прибоя. Как так получилось, спросит любой путешественник, что многие области Средиземноморья, славившиеся в древности своей буйной растительностью, превратились в голую, выжженную землю? Ответ прост — козы. Эти животные уничтожили весь зеленый покров, и сегодня трудно переоценить вред, нанесенный козами средиземноморскому миру. В свое время венецианцы страстно стремились на Далматийское побережье именно из-за богатых запасов корабельного леса. Сегодня же это побережье выглядит голым, как обглоданная кость. Козы оставили свой след также в Палестине и в Сирии. Вообще ничто другое — кроме разве что землетрясений — в такой степени не изменило очертаний древнего

мира, как козы. Полагаю, в Древней Греции и Риме отсутствовали законы, запрещавшие этим животным лакомиться молодыми побегами растений и мешать таким образом воспроизводству растительного покрова. Хотя несколько сохранившихся строк из утраченной комедии Евполида наводят на размышления: там представлен хор коз, которые ноют и жалуются на нехватку их любимых кустов.

Наконец показалась моторная лодка под британским флагом. На борт поднялся портовый врач в сопровождении официальных лиц. Вся команда выстроилась на полубаке. Доктор прошелся перед строем, проверяя состояние горла, глаз, на ощупь определяя температуру. Покончив с командой и пассажирами третьего класса, он дал разрешение на высадку на берег.

Я занял место в маленькой гребной лодке и, прежде чем вода вспенилась под ударами весел, успел заглянуть в чистые, зеленые глубины моря. Я увидел огромные витые раковины на дне и косяки незнакомых рыб, проплывавшие над ними.

На залитом солнцем приморском бульваре стояли экипажи, поджидавшие пассажиров с судна. Щелкая хлыстами, возницы наперегонки бросились мне навстречу, что-то лопоча на жуткой смеси английского и греческого. Кипр уже свыше пятидесяти лет находится под британским правлением, но это не сильно улучшило английский язык местного населения. Наконец я набрел на парня с машиной, который довольно сносно изъяснялся на американском английском.

Мы направились к автомобилю, который стоял в тени финиковых пальм.

— Мне хотелось бы попасть в Саламин, — сказал я водителю.

— Нет проблем, шеф, — блеснул тот улыбкой. — Садитесь.

— Как далеко?

— Думаю, около тридцати пяти миль.

Мы благополучно выехали из города.

— Я самый лучший водитель на Кипре, — похвастался парень.

— Вы, наверное, долго жили в Штатах?

— Да, почти шесть лет. Подкопил деньжат, затем вернулся сюда, женился и купил машину.

Мимо проносились поля, засаженные кормовыми бобами. Стоял сезон цветения, и над всей округой разносился сладкий, одуряющий аромат. Время от времени мы обгоняли неуклюжие деревенские повозки, запряженные волами. Иногда попадались маленькие грязные деревушки, представлявшие собой кучку домиков с плоскими крышами и деревянными балконами в окружении фруктовых садов (все те же апельсины и гранаты) и

кунжутowych полей. На протяжении десяти миль дорога тянулась вдоль побережья, затем повернула в глубь острова и вскарабкалась на коричневые холмы.

Мы миновали обнесенный стенами древний город Фамагуста и примерно через пять миль приехали к развалинам Саламина. Два тысячелетия назад это был порт, куда прибыли со своей миссией Павел, Варнава и Марк.

«И бывши в Саламине, проповедовали слово Божие в синагогах Иудейских»¹⁷.

Вот и все, что сказано в Деяниях апостолов об этом визите. Более подробную информацию о Саламине мы находим в трудах Иосифа Флавия и других античных писателей. Оказывается, в то время это был один из крупнейших портов Средиземноморья. Более того, Саламин являлся торговой столицей римского Кипра, роль же административного центра исполнял Пафос на противоположном конце острова.

В те времена действовало безошибочное правило: если в каком-нибудь городе есть хоть одна синагога, его смело можно считать процветающим торговым центром. В первом веке евреи попросту не селились в бедных местах. На Кипре они объявились за несколько столетий до начала нашей эры и занимались в основном экспортом оливкового масла, фруктов, вина и меди. Еврейская община существовала уже достаточно давно, чтобы приобрести власть и богатство.

Я вышел из машины и углубился в густой лес, которым заросли прибрежные дюны. Очень скоро я натолкнулся на обломок мраморной колонны, затем еще на один. Они прятались в тени акаций и эвкалиптов и были густо затянуты зарослями ежевики. В нескольких шагах от колонн обнаружился пролет мраморной лестницы, наполовину скрытый под травой и тамариском. Здесь леса буквально нашпигованы напоминаниями об античном Саламине.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы найти остатки трех городских рынков. Эти огромные площади были некогда вымощены мраморными плитами и окружены мраморными же храмами с колоннами. Неподалеку я увидел развалины великолепного римского дома с системой центрального отопления и множеством ванных комнат. Вскоре я уже перестал удивляться мраморным колоннам — их обломки валялись повсюду. Стоило раздвинуть кустарник, и вы натыкались на сломанную колонну с полустершейся надписью на греческом языке. Все надписи были примерно одного содержания: «славный город Саламин» приносит что-то в дар или же издает какой-то декрет. Обследуя самый

крупный форум, я остановился перед заросшими травой ступенями. И тут меня пронзила мысль: а ведь это центральная площадь города, и Павел неминуемо должен был сюда прийти. Значит, его нога касалась вот этих самых ступеней!

Затем я отправился на поиски знаменитого порта, о котором столько писали древние хронисты. Увы, я долго и безрезультатно бродил среди песчаных дюн. Землетрясение не только сровняло с землей гордый город Саламин, но и разрушило портовые сооружения. И все же я не уходил. Мне все мерещилось, что вот-вот из тени эвкалипта появится печальный призрак и поманит меня пальцем. Сердце мое сжималось от тоски при виде этого обезлюдевшего места. Меня угнетала мысль о той легкости, с какой дикая природа уничтожает наиболее амбициозные творения человека.

Развалины на холме смотрятся сурово и печально, однако ничто не может сравниться с разрушенным городом в джунглях. Поверьте, друзья мои, это ужасно! Всю обратную дорогу до Фамагусты я не мог отделаться от мыслей о мертвом городе. Я вспоминал упавшие колонны, едва различимые в гуще акациевой рощи. В ушах у меня стоял шелест ветра в ветвях старых деревьев, выросших на костях Саламина.

3

По своим очертаниям остров Кипр напоминает распяленную оленью шкуру, где роль хвоста выполняет длинная низменная полоска земли, уходящая в восточном направлении и оканчивающаяся мысом Андреас. Размеры Кипра идеальны для острова: он не слишком велик — так, что везде ощущается присутствие моря, но, с другой стороны, в глубине суши есть такие города и села, где появление рыбака станет целым событием. Горы для этого острова то же самое, что мачты для корабля. Если подняться достаточно высоко, то вдалеке на севере можно разглядеть заснеженные пики Таврских гор, а на юго-востоке виднеется тенистый профиль Ливана. Один горный хребет проходит вдоль северного побережья, параллельно линии прибой. Его остроконечные пики вздымаются в небо подобно защитному валу. Этот хребет очень напоминает Таврские горы в миниатюре. В западной части острова располагается второй горный кряж — Троодос, его покрытые сосновыми лесами пики достигают еще большей высоты.

Это смешение гор и равнин — в идеальной, на мой взгляд, пропорции — составляет главную прелесть острова. Сюда следует добавить живописные холмы, чьи поросшие оливами склоны плавно спускаются к пустынным заливам. Настойчивый треск цикад смешивается с ласковым плеском волн и создает основной звуковой фон острова.

Кипр представляется мне таким историческим заповедником, по территории которого разбросаны реликты двух цивилизаций: греческой и средневековой. И если от первой осталось, в сущности, немного — руины, подобные тем, что я видел в Саламисе, то цивилизация крестоносцев и их преемников, венецианцев, подарила миру великолепные образцы в виде неприступной крепости Святого Николая — подобно драгоценной короне венчающей пик Дидимас — и упомянутой выше Фамагусты с ее бесподобными стенами и воротами. Порой я задаюсь вопросом: если бы мне — в силу каких-то фантастических обстоятельств — пришлось провести остаток своих дней вдалеке от родины, то какое место я выбрал бы в качестве замены любимой Англии? Я бы с радостью согласился жить на волшебном острове Делос в ласковом Эгейском море. Увы, это только мечты! Я-то знаю, что на этом острове живут одни лишь хранители исторических памятников. Ну что ж, тогда у меня есть вариант на замену — это Кипр.

В настоящее время остров имеет статус британской колонии. Власть находится в руках губернатора, поддержку осуществляют пехотные полки, расквартированные в Александрии. Впервые «Юнион Джек» взвился над Кипром в 1878 году, когда королева Виктория при содействии Дизраэли подписала договор с турецким султаном Абдул-Хамидом II. Согласно данному соглашению Британия обязалась заключить с Турцией оборонительный союз против России и выступить на турецкой стороне в случае начала военных действий. Чтобы обеспечить союзнику удобный плацдарм вблизи опасной зоны, Турция передавала Кипр под британское управление.

В день подписания договора вице-адмирал лорд Джон Хей получил телеграмму, в которой ему предписывалось приступить к временному управлению островом от имени королевы. Для решения поставленной задачи лорд Хей использовал простые, но надежные средства. Он въехал в Никосию на линейке, к которой были привязаны два мула, навьюченных мешками с английскими шестипенсовиками. Привезенные деньги новый правитель использовал для выплаты сумм, которые турецкий султан задолжал своим чиновникам. Подобная мера обеспечила энтузиазм местного

населения. В назначенный срок прибыл первый высокий комиссар, сэр (позже виконт) Гарнет Уолси.

Однако смена администрации никак не отразилась на статусе киприотов, которые оставались турецкими подданными. Да и формально остров оставался в собственности Османской империи. За привилегию управления Кипром британцы должны были ежегодно выплачивать Турции сумму в 42 тысячи фунтов стерлингов. Подобное положение вещей сохранялось до 1914 года, когда турки вступили в Первую мировую войну на стороне Германии. Британия отреагировала на сей шаг фактической аннексией Кипра. В 1915 году, после болгарского вторжения в Сербию, мы предлагали остров Греции в обмен на военную помощь Сербии, но Греция отвергла это предложение. В 1925 году Кипр был провозглашен колонией Соединенного Королевства.

Итальянская война в Абиссинии на примере Мальты продемонстрировала всему миру легкость, с какой можно осуществить нападение с воздуха на любой остров. Было ясно, что и Кипр — фактическая военно-морская база Великобритании — нуждается в срочной модернизации и укреплении. Причем мне рассказывали, что усовершенствование портовых сооружений Фамагусты можно произвести за сравнительно небольшие деньги. Если бы этот проект осуществился, то поездки на Кипр стали бы намного проще и дешевле. В результате этот чудесный остров открылся бы для широкого доступа англичан, которые, в принципе, имеют возможность бежать от нашей неприятной зимы в более теплые края. Увы, пока все остается по-прежнему, и лишь небольшая группа людей может похвастать знакомством с Кипром, одним из самых привлекательных островов в мире.

Путешественники, посещавшие Кипр в девятнадцатом веке, описывали его как разоренную землю, где люди жили в постоянном беспокойстве за свою собственность, а подчас и за саму жизнь. Мусульманские чиновники угнетали христианское население, представленное в основном греками. В свою очередь, турки-киприоты тоже подвергались жестокой финансовой эксплуатации со стороны правительства. Порты находились в неудовлетворительном состоянии, дорог, по сути, не существовало, ирригационные системы постепенно разрушались. Остров, который в древности славился своим плодородием, превратился в голый, бесплодный край. Прошло менее полувека, и Кипр преобразился. На острове появились полиция и судебная система. Здесь проложены прекрасные дороги, построены больницы, школы и сельскохозяйственные предприятия. И за все это следует благодарить горстку британских администраторов, которые

правили островом на протяжении последнего полувека. Тем киприотам, которые выражают недовольство британским правлением, я бы посоветовал почитать путевые журналы столетней давности.

Уильям Тернер, в 1820 году совершавший путешествие по Леванту, охарактеризовал Кипр как жертву турецкого паши. По его словам, население острова с каждым годом уменьшалось, а весь торговый баланс едва дотягивал до двух миллионов пиастров. Джон Карн, посетивший Кипр шесть лет спустя, нашел его в еще худшем состоянии. «Грустно видеть, — писал он, — этот большой и прекрасный остров разоренным и опустевшим... Крупные участки земли продаются буквально за бесценок; усадьбу с садом и прилегающей деревушкой можно купить за несколько сот фунтов».

Население острова составляют греки и турки. Число греков-христиан достигает 247 тысяч человек, а количество турок-мусульман составляет примерно 60 тысяч. Красивейшим строением на острове является собор Святого Николая, который был переделан турецкими властями в мечеть и поныне остается таковой.

Сегодня, когда Кемаль Ататюрк ввел запрет на ношение турецкой одежды, равно как и на многие другие национальные привычки, Кипр стал последним местом в мире, где можно увидеть настоящего старого турка, не затронутого европейской реформой. Он по-прежнему носит любимую феску и плиссированные шаровары, а вечером любит посидеть с кальяном под окнами турецкого кафе. Деревни на Кипре, как правило, моноэтнические — либо греческие, либо турецкие. Изредка попадаются смешанные поселения, но и там обе общины жестко разделены расовыми и религиозными предрассудками. Турки разговаривают на некоей разновидности османского турецкого языка, относительно свободного от арабских и персидских вкраплений. Греки, соответственно, пользуются разговорным греческим, в котором присутствует множество слов французского, итальянского и турецкого происхождения — неизбежный результат последовательной оккупации острова различными захватчиками.

Период британского правления был образцом обычной «незаинтересованной» колонизации. Но теперь, когда Кипр стал частью Британской империи, хочется надеяться на более тесные культурные контакты между киприотами и правящей нацией. Лично мне кажется странным и недопустимым такое положение, когда подавляющее большинство достаточно обеспеченных и образованных жителей острова говорят на чудовищном английском. И это при том, что каждый день через их руки

проходят монеты с отекающим ликом королевы Виктории! «Юнион Джек» уже почти шестьдесят лет реет над Кипром, но и до сих пор в отдаленных частях острова едва ли сыщется человек, способный связать пару слов по-английски.

4

В Фамагусте я снял номер в очаровательной гостинице. Центральное место в комнате занимала удивительная кровать, представлявшая собой нечто среднее между брачным ложем и смертным одром. Пропорциями она напоминала катафалк, но противомоскитная сетка наводила на мысль об извечной вуали невесты. При ближайшем рассмотрении в сетке обнаружились такие откровенные прорехи, что над этой преградой посмеялся бы даже самый неопытный комар. Правда, горничная, миниатюрная киприотка, опровергла мои сомнения:

— О нет, сэр. Это хорошая сетка. Никаких комаров — пока.

С балкона, опоясывавшего мою комнату с двух сторон, открывался вид на эвкалиптовые заросли, сквозь которые просматривалось занесенное песком шоссе. Если бы меня привезли сюда с завязанными глазами, то я бы изрядно помучился, пытаюсь определить, в какую именно точку земного шара попал. Фамагуста — по крайней мере в окрестностях отеля — имела совершенно тропический вид.

В просвет между эвкалиптовой зеленью я разглядел двух верблюдов (довольно редкое зрелище для Кипра), которые медленно брели по направлению к городу. Навстречу им ехал на велосипеде мужчина средних лет в турецкой одежде. Внизу под балконом раздавался голос моего давешнего спутника, знатока святого Павла: он требовал два бокала шампанского с джином. Однако теперь это был уже не поклонник Павла, а всецело любитель цитрусов, и голос у него был под стать — громкий, самоуверенный. Он что-то толковал о влажности, насекомых и квадратных акрах.

Но что за райский уголок для отдыха! Этот отель в Фамагусте был тем самым местом, которое безоговорочно, с первого взгляда нравится «образованным» женщинам. Они привозят сюда своих приятелей-писателей и безапелляционно заявляют, что только в таком месте и можно создавать книги. Я еще раз окинул взглядом залитую солнцем веранду и буйно разросшиеся эвкалиптовые деревья. Неподалеку раздавался перестук копыт — по дороге неторопливо шел мул; этому звуку вторил хор птичьих трелей. А

мне казалось, что я слышу звенящий женский голос с непреклонными интонациями — о, сколько мужских душ было погублено такими голосами! Он все твердил, повторял: «Это очаровательное место для работы! Так тихо, так спокойно... Тебя ничто не будет отвлекать. Просто сядь и пиши!» И устраиваясь поудобнее в плетеном кресле, я мысленно вел спор с бестолковой советчицей.

— Вы ошибаетесь, мадам, — говорил я. — Жизнь неоднократно доказывала, что лучше всего писателю работается в кошмарном шуме больших городов. Когда под окнами грохочет отбойный молоток путепрокладчиков, по соседству дребезжит расстроенная шарманка, а под дверью стоит квартирный хозяин, пришедший за очередной арендной платой.

И все это более или менее соответствует истине. Мирная атмосфера Фамагусты действует на человека расслабляюще. В ничем не нарушаемой тишине дух воспаряет к заоблачным высотам и отказывается спускаться на грешную землю. Разуму здесь не на чем сконцентрироваться. В такой обстановке не тянет работать. Хочется только одного — растянуться во весь рост на кушетке и, глядя на ажурное сплетение остроконечных листьев, размышлять о тщете мирской суеты и заманчивой прелести ничегонеделанья.

5

В саму Фамагусту я прибыл на закате.

Взору моему предстали крепостные стены, сложенные из массивных коричневых камней и обнесенные рвом. Я долго разглядывал приземистые угловые башни и укрепленные ворота дивной красоты. Затем вошел в город и замер в удивлении: нынешняя Фамагуста ничем не отличалась от средневековой! Город остался почти таким же, как в 1571 году, когда под стенами его палили турецкие пушки. Подозреваю, большинство медиевистов и студентов-архитекторов даже не догадываются, насколько хорошо сохранился этот полностью обнесенный стеной город. Боже, какое богатство! Эти башни, эти ворота, охраняющие вход с моря и с суши, великолепный романский собор и не менее красивые церкви с сияющими фресками. Никакие путеводители не способны в должной мере передать то чувство, которое тебя охватывает, когда идешь по мощеным улицам этих средневековых Помпей.

Существует причина, по которой Фамагуста вдруг обезлюдела и оставалась в таком состоянии на протяжении трех с половиной столетий. Дело в том, что турки, раздосадованные долгой и

изматывающей осадой Фамагусты, поклялись, что впредь ни один христианин не будет жить в этом городе. Верные своему слову, они возвели хрупкие деревянные хижины посреди тех разрушений, которые сотворили, а далее их пыл исчерпался. Современная наука должна вечно благословлять традиционную инертность турок, в силу которой они не стали крушить крепостные стены Фамагусты и ее великолепные церкви, а просто оставили их постепенно ветшать под воздействием времени. И сегодня, когда христиане вольны селиться в бывшей крепости, город все еще выглядит полупустынным: сады и пустыри занимают большую его часть. В этом отношении Фамагуста похожа на Ипр и Реймс, подвергшиеся ожесточенным бомбардировкам во время Первой мировой войны.

На мой взгляд, средневековая Фамагуста является одним из самых замечательных исторических памятников Европы. Если бы нашелся какой-нибудь тщеславный миллионер, возжелавший увековечить собственное имя, то он сумел бы превратить Фамагусту в одно из чудес света. Сейчас, когда Кипр стал британской колонией, мы просто обязаны запретить жилищное строительство на огороженной территории города и заняться немедленной реставрацией старинных зданий. Сохранение средневековых церквей с их великолепными фресками — задача не менее важная, чем прокладка дорог, возведение школ, больниц и ирригационных сооружений. Было бы очень уместно открыть в Фамагусте филиал Британской школы археологии. Вспоминая, сколько средств маленькая Италия тратит на восстановление Родоса и каких блестящих результатов она достигла на этом острове, я должен с горечью и стыдом признать, что британские власти проявляют преступное небрежение в данном вопросе.

Начало европейской колонизации Кипра положил английский король Ричард Львиное Сердце, который, направляясь в Третий крестовый поход, по пути завоевал этот остров. Остро нуждаясь в деньгах, он продал Кипр тамплиерам за сто тысяч безантов. Однако местное население приняло новых хозяев в штыки, и рыцари-храмовники поспешили отделаться от острова, перепродав его королю Иерусалима Ги де Лузиньяну, к тому моменту изгнанному из Святой Земли Саладином. В результате падения Латино-Иерусалимского королевства тысячи рыцарей-крестоносцев вместе со своими семьями остались без крова над головой. Христианские религиозные ордена также лишились своих владений в Палестине. Вся эта толпа хлынула на гостеприимные берега Кипра, под защиту Ги де Лузиньяна. Так начался золотой век в истории этого острова. Три с половиной века династия Лузиньянов правила Кипром, и все это время золото неиссякающим потоком текло во вновь

образованное королевство. Фамагуста приобрела статус одного из богатейших городов мира. Блеск кипрской аристократии и несметные сокровища купцов превратили остров в легенду Востока. К этому периоду относится возведение великолепных церквей Фамагусты, причем некоторые из них — как, например, церковь Святых Петра и Павла — были построены на доходы от единичного торгового предприятия.

И все это время короли из династии Лузиньянов лелеяли мечту вернуть себе Иерусалим и вновь короноваться в храме Гроба Господня. Пока же они назывались королями Кипра и короновались в Никосийском соборе. А перед главным престолом церкви Святого Николая в Фамагусте получали чисто номинальный, ничем не подтвержденный титул короля Иерусалима.

Кровопролитная междоусобица привела к смене правления на Кипре. Остров перешел в руки сначала Генуэзской республики, а позже Венецианской республики, которая владела им на протяжении восьмидесяти трех лет. Вслед за тем остров захватила Османская империя, и он оставался в ее собственности до конца девятнадцатого века, когда Дизраэли заключил с Турцией уже упомянутый оборонительный союз.

Прогуливаясь по Фамагусте, я осмотрел с дюжину церквей, располагавшихся на расстоянии нескольких сот ярдов друг от друга. Любое из этих зданий стало бы подлинным украшением современного европейского города, но наибольший интерес, на мой взгляд, представляет собор Святого Николая. Это величественное здание было в свое время построено крестоносцами, а позже переделано турками под мечеть. Оставив обувь у порога, я вошел в типичную раннеготическую церковь, которая вполне могла бы стоять где-нибудь в Линкольншире. Удивление вызывали лишь турецкие коврики, в изобилии разбросанные по полу. Приглядевшись, я заметил и другие изменения: стены побелены, окна лишились своих витражей с ликами святых, а все здание ориентировано в направлении Мекки. Алтарь, естественно, отсутствовал, но благодаря совершенной планировке здание можно было буквально за полчаса подготовить к христианской службе. Интересно, что бы сказал Ричард Львиное Сердце, увидев сегодняшний храм Святого Николая?

Снаружи перед зданием я заметил каменную плиту, некогда служившую фундаментом для статуи. На ней сохранилась выгравированная надпись на греческом языке: «Город Саламин преподносит эту статую императору Траяну...»

Очень вежливый киприот отвел меня в недавно отреставрированный греческий собор Святого Георгия Экс Оринос,

который является самым древним из всех фамагустинских зданий, используемых в качестве христианской церкви.

— Когда-то здесь были турецкие конюшни, — сообщил мой экскурсовод. — В один прекрасный день святой Георгий спустился с гор и был очень разгневан тем, что в его церкви стоят верблюды. Так что он выкинул верблюдов через круглое окно-розетку...

Проходящая по церкви, я подошел к иконе святого Георгия, которая стояла в обрамлении множества подношений, выполненных из воска в виде ног, рук, ушей, пальцев и грубо вылепленных голов. Наибольшее впечатление производила цельная фигурка человека примерно в два фута высотой — дар какого-то Мехмета. Это удивило меня, и я заинтересовался:

— А что, турки тоже почитают эту икону?

— Еще как почитают, — ответил мой гид без тени улыбки. — Ведь святой Георгий исцеляет от многих болезней.

Мне неоднократно доводилось видеть подобные восковые подношения в христианских храмах Италии, Греции и Ближнего Востока. Однако эти восковые фигурки больше всего напоминали терракотовые скульптуры, которые археологи обычно находят на месте бывших языческих храмов.

В нескольких ярдах от этой церкви стояло еще одно здание — если верить путеводителю, церковь Святых Петра и Павла. Изнутри доносился какой-то неподобающий шум. Я заглянул внутрь и увидел, что церковь доверху заполнена ящиками и коробками. Выяснилось, что в настоящее время здание используется как хранилище для апельсинов. Какой позор! Даже если британское правительство не может изыскать средства для приведения города в надлежащий порядок, то оно, по крайней мере, может запретить столь варварское использование исторических построек!

Я обошел кругом городские фортификации и подумал, что только эти сооружения — столь впечатляющие в своей мощи и сохранности — ставят Фамагусту в один ряд с Каркассоном, Рагузой и Авиллой. Воистину это один из самых великолепных укрепленных городов мира! Его крепостная стена имеет пятьдесят футов в высоту и местами достигает двадцати семи футов в толщину. Бастион Мартиненго — одно из самых замечательных фортификационных укреплений шестнадцатого века, которые мне только доводилось видеть. И сегодня — по милостивой воле времени — он сохранил тот же самый неприступный вид, какой имел в 1550 году; в сводчатых казематах можно даже видеть отверстия для выпуска порохового дыма.

В другом бастионе мне показали место, где венецианский кузнец ремонтировал оружие для рыцарей. Земля там голубая от

древней золы, которая за прошедшие столетия насмерть втопталась в почву. Возможно, одним из наиболее эффектных сооружений являются построенные турками морские ворота Фамагусты. Надо видеть эти массивные кованые створки, над которыми в лохмотьях паутины нависает заостренная опускающая решетка.

А бастион Джамбулата имеет богатую историю. Он назван в честь одного из самых отважных турецких командиров, участвовавшего в осаде города 1571 года. Если верить легенде, венецианцы установили на этом бастионе вращающееся колесо с лопастями в виде остро отточенных ножей. Конструкция работала таким образом, что искрошила бы в капусту любого, кто осмелился бы приблизиться к бастиону. И, представьте себе, нашелся такой человек! Видя, насколько его войска деморализованы смертоносным приспособлением, Джамбулат-бей решил уничтожить его — пусть даже ценой собственной жизни. Верхом на коне он бросился прямо на адскую машину. В мгновение ока животное изрубило на кусочки, а славный турецкий рыцарь оказался обезглавленным. Тем не менее он добился своего: механизм вышел из строя. И до самого конца осады, утверждает легенда, призрак Джамбулата являлся соотечественникам: голову он держал под мышкой и яростно размахивал ятаганом, призывая турок в бой.

История эта изложена в книге «Исторический Кипр» сэра Руперта Ганниса, которую должны прочесть все, интересующиеся историей этого острова. Так вот, в конце своей книги мистер Ганнис приводит еще один факт — никак не связанный с героическими событиями тех дней, но от того не менее любопытный. Он утверждает, что сотни бездетных пар ежегодно приходят на могилу Джамбулата вкушать плодов с выросшего там фигового дерева. Якобы плоды эти обладают чудодейственным свойством разрешать проблемы страждущих супругов. «Немалая часть населения Фамагусты, — пишет автор, — обязана своим появлением на свет Джамбулату и его фиговому дереву».

И еще одно имя навечно вписано в анналы истории Фамагусты. Этот венецианец по праву заслужил звание героя благодаря своей стойкости и силе духа. Во время печально знаменитой турецкой осады Марк-Антонио Брагадин командовал гарнизоном Фамагусты. На долю этого человека выпала столь мучительная смерть, что даже в тот жестокий век она потрясла всю Европу. Раздраженный долгим сопротивлением крепости турецкий военачальник Лала Мустафа-паша решил примерно покарать ее коменданта. Колонопреклоненный Брагадин стоял над плахой и ожидал смерти.

Дважды меч турецкого палача взлетал над его головой, но останавливался в дюйме от шеи. На третий раз ему отсекали нос и уши.

— Ну, и где же твой Христос? — издевался паша. — Почему он не приходит тебе на помощь?

Люди, присутствовавшие на казни Брагадина, вспоминали, с каким достоинством держался венецианец. Все насмешки мучителей он встречал гордым молчанием. На протяжении десяти дней его заставляли перетаскивать тяжеленные корзины с камнями к крепостному валу. При этом всякий раз, проходя мимо палатки паши, он должен был опускаться на колени и целовать землю. Затем Брагадина подвесили на нок-рее флагмана Мустафы с пяткой якоря, привязанной к его ногам. Десять дней он висел там в качестве живой мишени для злобных шуток турецких солдат.

По истечении этого срока Брагадина — под торжественный бой барабанов и пронзительные звуки труб — привели на центральную городскую площадь Фамагусты. Здесь несчастного коменданта привязали к колонне, и палач-иудей живьем содрал с него кожу. Паша с наслаждением наблюдал за казнью своего врага. Из кожи Брагадина изготовили чучело, которое затем укрепили на спине коровы (под издевательским красным зонтиком) и в таком виде провезли по улицам города. Окровавленную плоть венецианца изрубили на куски и подвесили над воротами Фамагусты. Когда турецкий флот направился в Константинополь, зловещее чучело снова заняло место на нок-рее и демонстративно проследовало мимо средиземноморских портов.

Конец этой истории служит еще одним свидетельством поистине непостижимого характера Мустафы-паши. Он не постеснялся вступить в переговоры с сыновьями Брагадина и после долгой торговли за немалые деньги продал им кожу казненного героя.

Всякий раз теперь, как судьба заносит меня в Венецию, я обязательно нанимаю гондолу, чтобы она отвезла меня к маленькой площади, на которой стоит статуя Коллеони. Кажется, будто знаменитый кондотьер, приподнявшись в стременах, скачет навстречу испытаниям. Неподалеку от памятника стоит церковь Святого Павла, в которой хранится кожа Брагадина. Глядя на погребальную урну, я вспоминаю славную осаду Фамагусты и благодарю судьбу за то, что хотя бы останки этого отважного героя обрели покой в великолепных интерьерах его родной Венеции.

Примерно в четырех милях от Фамагусты располагается монастырь Святого Варнавы. Мы знаем, что этот святой был уроженцем Кипра, и местные крестьяне не без основания полагают, что Варнава лучше всех других небожителей — может быть, за исключением самой Панагии, Богородицы — понимает нужды жителей острова и заботливо печется о них.

Монастырь, живописное здание с множеством куполов, стоит в стороне от главной дороги, посреди засеянного бобами поля. В маленьком залитом солнцем дворике не было видно ни души. Полуденный зной сгустился над Кипром, и в вязкой тишине, казалось, было слышно, как за оградой прорастают стебли.

Я прошел под прохладные своды маленького беленого здания, чьи купола подпирали мраморные колонны, обнаруженные на древних развалинах Саламиса. Позолоченный иконостас, который в греческих церквях играет роль крестной перегородки и отделяет клирос от нефа, тихонько поскрипывал под тяжестью икон.

Греческая православная церковь не приемлет скульптурных изображений — запрет этот восходит к тем далеким временам, когда все статуи рассматривались как элемент языческого идолопоклонства, — зато горячо приветствует иконопись. Даже самые крохотные и бедные из греческих церквей считают своим долгом иметь целую выставку этих священных изображений. Деревенский люд приписывает им чудодейственные свойства, и нередко можно наблюдать, как крестьяне благоговейно целуют деревянные оклады.

Заглянув в полуоткрытую дверь, я увидел греческого монаха, корпевшего возле мольберта с иконой. Он был так увлечен работой, что даже не заметил моего появления. Я рассматривал тщедушную фигурку, волосы, собранные в хвост на затылке, смешную шапку пирожком. В руке у монаха была тонкая бамбуковая кисточка, и он осторожно, высунув язык от старания, добавлял разноцветные мазки — красные, голубые, золотые — к фигуре святого на иконе. Заметив наконец постороннего человека, он прервал работу, вытер руки о рясу и со смущенной улыбкой шагнул мне навстречу.

Из разговора с монахом я выяснил, что техника православной иконописи уходит корнями в византийскую эпоху. Смешивать краски и наносить изображение его обучал семидесятилетний старец, который сам, в свою очередь, учился у такого же древнего старца — и так далее в глубь веков, когда только зарождались традиции иконографии. Как и все люди, занимающиеся милым сердцу трудом, этот греческий монах представлял собой приятное и трогательное зрелище.

Я обмолвился, что хотел бы осмотреть гробницу святого Варнавы, и монах охотно предложил свои услуги.

Мы миновали церковный дворик, пересекли бобовое поле и направились к уединенному каменному строению. К подземной гробнице вела каменная лестница. В склепе было прохладно и сыро. На стенах висели полуистлевшие иконы, чья-то заботливая рука зажгла свечу. Монах поведал мне историю этого захоронения.

— Поблизости от того места, где было обнаружено тело святого Варнавы, — рассказывал он, — располагался колодец со святой водой. Вода эта излечивает все виды кожных заболеваний.

Покинув подземный склеп, мы прошли в здание, выстроенное над колодцем. Там в углу стояло жестяное ведро на длинной веревке. Привычным движением монах сбросил ведро в колодец и вскоре вытянул обратно, наполненное кристально-чистой ледяной водой. Оказывается, местное население до сих пор использует здешнюю воду как целебное средство от всяких болезней.

После этой импровизированной экскурсии монах вернулся к работе над иконой, а я присел на камень рядом с гробницей святого Варнавы и попытался свести воедино все, что мне было известно об этом человеке.

Итак, мы достоверно знаем, что приблизительно в 47 году Варнава вместе с Павлом и Марком совершил свое первое миссионерское путешествие на Кипр. Планировалось в дальнейшем еще раз сюда вернуться в той же компании, но Павел почему-то отказался ехать с Марком.

Посему он взял с собой Силу и направился в Малую Азию, а Варнава, как и собирался, снова поехал со своим родственником Марком на Кипр. Начиная с этого момента мы покидаем область исторических фактов и переходим в туманную область легенд.

Среди киприотов широко распространено убеждение, что при вторичном посещении острова Варнава пал жертвой интриг некоего Вариисия, исполнявшего роль астролога при дворе римского проконсула. Святой Павел во время своего первого миссионерского путешествия вступил в конфликт с этим человеком и поразил его слепотой. Вариисий затаил злобу на апостола и решил отомстить его сподвижнику. Он подговорил саламинских евреев, и те до смерти забили камнями Варнаву на городском ипподроме. Марк выкрал тело друга и тайно захоронил его в одной из римских гробниц за пределами Саламина.

Ну что ж, легенда эта выглядит вполне правдоподобно. Принимая во внимание нравы того времени, события и вправду могли развиваться подобным образом.

С тех пор миновало свыше четырех столетий. Христианство превратилось в официальную религию государства. В 474–491 годах христианская церковь Кипра оказалась втянутой в долгий и безнадежный спор с антиохийской церковью. По сути это была борьба за главенство. Антиохийская церковь считала, что из территориальных соображений остров Кипр входит в ее юрисдикцию. Однако представители Кипра указывали, что их церковь основана апостолом и посему должна быть независимой и равной в правах с антиохийской. Время шло, и перевес в споре складывался явно не в пользу киприотов.

И в этот критический момент к ним неожиданно пришла помощь свыше. Анфиму, архиепископу Кипрскому во сне явился святой Варнава и указал место, где сокрыты его нетленные мощи. Он же посоветовал Анфиму ехать в Константинополь и искать правды у императора Зенона.

На следующий день архиепископ в сопровождении большой толпы отправился в названное место и там под рожковым деревом действительно обнаружил останки Варнавы. На груди у него лежало Евангелие от Матфея, с которым Варнава никогда не разлучался при жизни.

Анфим тут же выехал в Константинополь с драгоценными находками. Они произвели столь сильное впечатление на императора Зенона, что тот поспешил созвать специальный синод, который и принял решение в пользу кипрской церкви.

Таким образом, церковь Кипра стала автокефальной, то есть никому не подчиненной. Она получила привилегию избирать собственного главу — архиепископа Кипрского, каковой и пользуется поныне.

Помимо того, император дозволил архиепископу Кипрскому подписывать свое имя красными чернилами (ранее такое право принадлежало лишь императору), а также носить ризу императорского, пурпурного цвета и скипетр вместо посоха.

Современные архиепископы Кипра свято чтут эти привилегии, дарованные тысячу четыреста пятьдесят лет назад. Они подписывают документы красными чернилами, носят пурпурную ризу с колокольчиками и скипетр, похожий на скипетр византийских императоров.

Вспоминая длинную череду экзотических блюд, испробованных мною за время путешествий, я прихожу к выводу, что все же самую

странную еду мне преподнесли в гастрономическом магазине Фамагусты.

Прежде всего владелец лавки расчистил место на столе, уставленном упаковками мыла, корзинами с хлебом и горами козьего сыра. Затем — тяжело дыша и без усталости нахваливая свои яства — он выставил на освободившееся место обещанный деликатес. Им оказались замаринованные птички с забавным названием *бекафико*, что переводится как «пожиратель фиг». Это мелкие птички, не крупнее воробья, но настолько жирные, что я вообще удивляюсь, как они могли при жизни летать. Да, полагаю, они и не летали: просто переползали с ветки на ветку, объедаясь спелыми фигами, пока сами, подобно фигам, не шлепались на землю.

Мой хозяин, киприот, не знал английского аналога их названия, а внешний вид птичек, к сожалению, не давал ключа к разгадке этого ребуса. Я подозреваю, что это некая разновидность наших садовых славок или славок-черноголовок. Мне рассказывали, что они огромными стаями прилетают на Кипр из Сирии и селятся на фиговых деревьях. Местные жители их солят, перчат, маринуют, достигая удивительного эффекта: кости размягчаются, а мясо, наоборот, становится жестче. В результате вы едите птичку целиком, нисколько не заботясь о костях и прочем.

Не могу даже описать удивительный вкус этого блюда. *Бекафико* одновременно перченые, но сладкие, маслянистые, но вязущие. Что меня больше всего подкупает в *бекафико* — это их необычный, пикантный аромат. Такое можно найти лишь в старомодных рецептах, присущих кухне елизаветинской эпохи. Я бы сказал, подлинный аромат древности. Думаю, это оттого, что *бекафико* впервые начали готовить крестоносцы, явившиеся на Кипр вместе с Ги де Лузиньяном.

Упоминание об этих птичках встречается у Джона Локка, посетившего Кипр в 1553 году. Он писал:

А еще у них тут на острове есть мелкие птички, немного похожие на трясогузку. Так вот, они настолько раскармливают этих птичек, что в их теле ничего не остается, кроме жира. Сейчас как раз сезон для этих птичек. Островитяне их обычно маринуют с уксусом и солью, помещают в горшки и вывозят в Венецию и другие итальянские города в качестве очень ценного подарка.

Аббат Марити, путешествовавший по Кипру в 1760 году, утверждал, что правильно приготовленный *бекафико* может

храниться в течение двенадцати месяцев и что киприоты ежегодно экспортируют четыреста маленьких бочонков этого деликатеса в Англию, Голландию, Францию и Турцию.

Мой хозяин принес бутылку замечательного янтарного вина с названием «Коммандерия». Начали его производить рыцари Иерусалимского ордена святого Иоанна (они же иоанниты или госпитальеры), и до сих пор каждая бутылка напоминает нам об их Великом магистре — так сказать, коммандере.

На Кипре это вино появилось в 1294 году, когда сюда нахлынули первые крестоносцы после падения Акры. Даже после того, как в 1310 году рыцари перебрались на Родос, они по-прежнему содержали свои виноградники в магистерии Колосси. Их вино было столь превосходным, что оно экспортировалось по всему средневековому миру. Наши Плантагенеты охотно согревали им свои сердца в холодной и туманной Англии.

Это крепкое сладкое вино, по вкусу напоминающее белый портвейн. Мне легко представить, как какой-нибудь вояка, в жаркий день перебравший «Коммандерии», атакует великие ворота Фамагусты, замахиваясь палкой на пожелтевшие камни и отдавая команду лучникам: «Тетиву до отказа!»

8

Я преодолел на автомобиле тридцать семь миль до древней Никосии, нынешней столицы Кипра. Город располагается в самом центре выжженной равнины и является круглым, как легендарный стол короля Артура. Полагаю, на свете где-то имеются и другие совершенно круглые города — их породила инженерная мысль позднего средневековья, — но не могу припомнить, чтобы я прежде видел хоть один.

Крепостные стены Никосии возводились в страшной панике перед надвигающейся угрозой турецкого нападения, и строители успели буквально в последнюю минуту: турки атаковали Никосию за год до Фамагусты. После семинедельной осады город вынужден был сдаться. Говорят, что тогда в уличных боях погибли двадцать тысяч христиан.

В своей книге «Исторический Кипр» Руперт Ганнис пишет:

После захвата Кипра особую ненависть турки испытывали к приверженцам римско-католической веры, против них и были направлены основные гонения. Поэтому представители латинской знати — те, кому

посчастливилось бежать, — стремились смешаться с основной массой населения, которое исповедовало православие. Они меняли имена и религию и постепенно растворились в крестьянстве Кипра. Где сегодня Норы? А д'Ибелины? Куда подевались Гиблеты? Имена исчезли, но кровь сохранилась. Пусгь в разбавленном, едва уловимом виде, но эти старинные фамилии продолжают существовать на Кипре. И какой-нибудь неприметный крестьянин, полицейский из Никосии, священник из Карпасса или мальчик-рыбак из Пафоса — все эти люди, сами того не зная, являются продолжателями древних аристократических родов. В их жилах течет кровь более голубая, более благородная, чем у половины европейской аристократии. И эти неизвестные киприоты, возможно, могут похвастать более знатными гербами, нежели какой-нибудь Говард или Сэквилл.

А что можно сказать о королевской крови? По слухам, великий род Плантагенетов окончился где-то в глухой сельской глубинке. Не менее печальна судьба и гордой династии Лузиньянов. На протяжении трех столетий этот род поставлял миру королей и королев. Их сыновья сочетались браком с правящими домами Европы. Пять дочерей Лузиньянов носили королевские короны, остальные стали членами правящих семейств Майорки, Неаполя, Савойи и Португалии.

Полагают, что последним потомком этого славного аристократического рода была маленькая сморщенная старушка — мисс Элиза де Лузиньян, в середине прошлого века работавшая гувернанткой на Цейлоне. Она скончалась на вилле в Нижнем Эдмонтоне, и с ее смертью погас последний слабый, трепещущий на ветру огонек. Так в лондонском пригороде пресекся благородный род Лузиньянов, королей Кипра, Иерусалима и Армении.

Я прогуливался по узким улочкам Никосии, где кипела лихорадочная жизнь турецкого базара. Обычная картина: скопление маленьких прилавков, где смуглые оживленные продавцы предлагали примерно один и тот же ассортимент товаров. Здесь царил дух братского соревнования. Я, как и многие путешественники по Востоку, отметил одну особенность: если вы явно демонстрируете свои предпочтения, то остальные торговцы — сколь яростно бы они вас ни осаждали до того — молча и безропотно отходят в сторону. Как говорится, на все воля Аллаха!

Я зашел в местный музей полюбоваться на черный конической формы камень, который выставлялся как изображение Афродиты Пафосской. Несколько лет назад его случайно обнаружили в одном из коровников Пафоса, после чего привезли в столичный музей, воссоздав для него декорации в духе храма Афродиты, каким тот изображен на римских монетах.

В течение долгих столетий Афродита Пафосская являлась одной из наиболее почитаемых культовых скульптур, и все это время она сохраняла неизменной свою примитивную форму. Забавно, что языческая богиня, во всем мире считавшаяся воплощением физической красоты и привлекательности, у себя на родине представляла в таком условном, далеком от человеческих идеалов виде. Увы, с тех пор, как Афродита покинула Кипр и овладела умами греков, она не стала прекраснее.

После музея я направился к католическому собору тринадцатого века, являвшему собой совершенный образец французской готики: три великолепных входа, просторный беленый интерьер. Он вырос волею Людовика IX, который был вынужден зазимовать в Никосии по пути в неудавшийся Седьмой крестовый поход. Французский король путешествовал в сопровождении большой свиты, в которой нашлось немало архитекторов и ремесленников. Их стараниями и был возведен собор Святой Софии, тоже позднее превратившийся в турецкую мечеть. И если собор Святого Николая в Фамагусте напомнил мне родную Англию, то храм Святой Софии, несомненно, несет отпечаток Франции. В этих двух сооружениях, посвященных ныне уже не Христу, а Мухаммаду, боевые трубы крестоносцев сыграли свой последний марш.

Внешне греческий православный собор в Никосии похож на драгоценную шкатулку. Ни одного квадратного дюйма пустой поверхности — все стены и потолок покрыты затейливыми фресками, иконами и позолоченной резьбой. Сверху спускаются хрустальные люстры, и когда служитель собора зажег свет, внутреннее пространство заискрилось, заиграло и наполнилось мерцающей жизнью. В то время как католическая церковь воплощает в себе мужественный дух Римской империи, греческая православная церковь отражает неожиданные и эксцентричные, женственные по своей сути причуды Византии. Помню, как-то одна моя приятельница, очень умная женщина, обронила такую фразу: «В Англии католицизм воспринимается как нечто экстравагантное, но чем дальше он продвигается на Восток, тем проще становится в своих внешних проявлениях. И наконец латинская церковь

достигает такой точки, где она уже практически неотличима от пресвитерианства!»

Я вышел во дворик и осмотрелся. Старая лестница вела на галерею, где располагался вход в архиепископский дворец. Очень вежливый монах на хорошем английском сообщил мне, что в настоящий момент архиепископ в отъезде, но я могу осмотреть его апартаменты. Меня провели в длинную прохладную комнату, главным украшением которой являлись живописные портреты бывших архиепископов. Некоторое время мы развлекались обычной светской беседой, затем появился еще один молоденький монах с подносом, на котором стояли чашечки кофе, блюдце с вишневым вареньем, стаканы с водой и лежала пачка сигарет.

— Может, вам будет интересно осмотреть архиепископское одеяние? — спросил молодой человек. — Вы, наверное, знаете, что оно напрямую связано с находкой мощей святого Варнавы. Помните историю, приключившуюся во времена императора Зенона? Если желаете, я могу принести одежду.

Несколько минут спустя он вернулся с богато расшитым парчовым одеянием. За ним следовал второй монах, он нес митру архиепископа и пастырский посох. Они осторожно разложили свою драгоценную ношу на столе.

Тяжелая куполообразная митра была украшена финифтью, а также большим количеством рубинов, изумрудов и бриллиантов. Она напомнила мне корону, которую носит во время страстной недели Иерусалимский патриарх греческой православной церкви. Знаменитый епископский скипетр, дарованный архиепископу Кипра византийским императором почти полторы тысячи лет назад, имел в длину пять футов. Он был инкрустирован перламутром и заканчивался гранатовым навершием с золотым крестом.

Пока монахи раскладывали на столе одеяния архиепископа, раздавалось тихое серебристое позвякивание. Дело в том, что архиепископская риза и густо расшитая алая мантия украшены маленькими колокольчиками: их насчитывается двадцать штук, и каждый размером с вишню. Такие же колокольчики крепятся и к stole, или *епитрахилеону*, как называют ее греки. Обычай пришивать колокольцы к одежде священников был известен еще задолго до христианской эпохи. Доказательством тому — описание одеяния первосвященника, которое приводится в Книге Исход. Там тоже присутствуют нашитые колокольчики — «чтобы слышен был... звук, когда он будет входить во святилище перед лицом Господним и когда будет выходить»¹⁸. Первосвященники Израилевы носили колокольчики («позвонки») из чистого золота, числом семьдесят два. Сходные детали встречаются в языческих церемониях, в

частности при описании культа Диониса и других языческих богов. Полагаю, назначение этих колокольчиков в том, чтобы отгонять злых духов. Собственно, в тех же целях использовался и систр, которым некогда размахивали жрицы Исиды и до сих пор продолжают размахивать абиссинские христиане в Иерусалиме.

После того, как мы обсудили эти удивительные связи с византийским христианством, монах повел речь о кипрских святых, среди которых явное предпочтение отдавалось Варнаве. Ежегодно 11 июня в память об этом святом устраивается большое празднество в монастыре рядом с Саламисом. Согласно заведенному порядку, проходит торжественная служба, на которой обязательно распевает акафист святому и благоверному апостолу Варнаве. Сняв с полки древнюю книгу, монах стал переводить мне ту часть службы, где излагалась история жизни апостола. Меня заинтересовала одна фраза, касающаяся уходящих вглубь веков традиций:

«Аристовул, который первый проповедовал евангелие в Британии, был, по слухам, братом Варнавы».

Какое интригующее заявление! Хотя имя «Аристовул» было довольно распространенным в апостольские времена (его носили несколько членов рода Ирода), но мне сразу пришел на ум Аристовул, упоминающийся в конце Послания к Римлянам. Помните, как пишет святой Павел: «Приветствуйте верных из дома Аристовулова». Естественно предположить, что это некий римлянин или грек, который в то время проживал в Риме и имел в своем хозяйстве рабов-христиан.

К сожалению, монах не мог просветить меня на сей счет. Единственное, что он мог утверждать, опираясь на традиции греческой православной церкви, — что действительно первого британского евангелиста звали Аристовул и жил он в одно время со святыми Павлом и Варнавой.

Утром я покинул Никосию в обществе своего друга-киприота, который во что бы то ни стало желал показать мне остров. Решено было провести первую ночь в монастыре Кикко, стоявшем высоко в горах Троодос.

Мой друг с головой погрузился в изучение раннехристианской истории, он так и сыпал именами различных святых. Похоже, в этой области ему не было равных. От него я узнал, что, согласно местной

традиции, интересующая меня компания — Павел, Варнава и Марк — пробыла на Кипре всего десять дней.

— Они высадились в порту Саламиса, — рассказывал друг, — встретились с членами тамошних синагог и после этого пешком отправились через весь остров в Пафос. В то время Пафос считался столицей Кипра, там находилась официальная резиденция римского проконсула. А Саламис играл роль торговой столицы.

У Варнавы наверняка было множество знакомых на острове, ведь он здесь родился и вырос. Довольно странно, что до нас не дошло никаких сведений о его семье или друзьях. Но вот апостольская миссия Павла и Варнавы описана достаточно подробно. Достоверно известно, что — независимо от первоначальных намерений Павла — трое святых не искали контактов с язычниками, а методично обходили синагоги острова. Даже их историческая встреча с римским проконсулом состоялась сугубо по инициативе последнего.

А теперь я вам расскажу местную историю, которую вы не найдете ни в одной книжке. Итак, трое миссионеров двигались от Саламиса к Китиуму, нынешней Ларнаке. По пути они отклонились от прибрежной дороги и решили посетить славный город Тамассос, который, к сожалению, не сохранился до наших дней. Сейчас мы, кстати, именно туда направляемся. Вы сами сможете убедиться, что от этого некогда процветавшего города не осталось ничего, кроме двух крошечных деревушек. Сведения относительно маршрута следования Павла можно считать вполне достоверными, ибо они вполне согласуются с историческими хрониками того времени. Так, нам известно, что император Август сдал в разработку богатейшие медные рудники Ироду Великому. А, поскольку горная промышленность концентрировалась как раз вокруг Тамассоса, то вполне естественно предположить, что в этой области проживала крупная еврейская община, которая и привлекла внимание Павла.

Пересекая выжженную равнину, мы проехали мимо оливковой рощи. Таких огромных деревьев мне никогда раньше не доводилось видеть.

— Сколько лет этим оливам? — поинтересовался я.

— Кто знает? — ответил мой друг. — Да и вообще, есть ли смысл обсуждать возраст оливкового дерева? Мне кажется, они никогда не умирают. Взгляните-ка на это старое дерево. Да, оно засохло, но дало молодые побеги... Видите, как они тянутся к солнцу? В деревне Саламиу, что стоит на холмах за Пафосом, любят рассказывать, будто их оливы — а там деревья еще больше

здешних — выросли на тех самых камнях, на которых сживали Павел и Варнава, когда останавливались на обочине перекусить.

Мы свернули на проселочную дорогу, которая вела к деревушкам Политико и Пера — тем самым, которые сохранились на месте древнего Тамассоса. Между прочим, в европейских языках слово «медь» образовалось от искаженного названия острова Кипр. Древние называли этот металл «aes cyprium». Позже это название сократилось до «cuprium» и преобразовалось в «cuprum», а отсюда уже рукой подать до английского «copper», французского «cuivre» и немецкого «Kupfer».

— Все окрестные холмы, — рассказывал мой друг, — усеяны кучами шлака, невидимого под буйной растительностью. Это отходы деятельности древних шахт, функционировавших здесь во времена римлян. В деревне Катидата, на северо-западе острова, я покажу тебе одну такую шахту. Ты увидишь цепочку ведер, спускающуюся под землю. С помощью этих ведер породу поднимают на поверхность. Когда-то там работали рабы Ирода Великого, теперь то же самое делают рабочие американской компании...

Дорога привела нас в запущенный сад. Здесь среди апельсиновых деревьев стояла самая интересная из всех византийских церквей Кипра. В ней находится гробница святого Гераклеида, первого епископа Кипра, который был знаком Павлу и Варнаве.

На нашу беду, здание церкви оказалось запертым. Ключ, как выяснилось, был у кого-то из местных крестьян, работавших в поле. Прямо рядом с входной дверью свисала веревка, уходившая на колокольню. Мы потянули за нее, и густой голос старого бронзового колокола поплыл над окрестными полями и оливковыми рощами.

Некоторое время спустя на наш зов явился крестьянин, одетый в рабочую одежду. Он представился Леонидом, и я искренне порадовался этому старинному имени. Кипр богат на подобные открытия: маленькую горничную в Никосии звали Антигоной, а официанта в Фамагусте — Фемистоклом.

Леонид отпер дверь, и мы прошли в полутемную, пыльную церковь, где традиционный блеск икон контрастировал с общей атмосферой упадка и небрежения. Казалось, сюда не заходят годами. Тем не менее на стуле обнаружился открытый деревянный ящик, внутри которого покоился пожелтевший человеческий череп. Я намеревался подойти поближе, чтобы разглядеть его, но Леонид меня опередил. Мягким, но решительным движением он закрыл ящик и отставил его в сторонку.

— Это череп святого Гераклеида, — пояснил он. — Вчера у нас был праздничный день, вот почему он стоит открытый. А так вообще-то ящик хранится под креслом епископа.

Крестьянин опустил на колени и запечатлел благоговейный поцелуй на стеклянной крышке.

Позже мой друг пересказал мне историю этого святого.

— У нас на Кипре бытует легенда, — начал он, — что Гераклеид был сыном греческого священника в храме Аполлона в Тамассосе. Во время своего визита на остров Павел и Варнава встретились с этим человеком и обратили в христианство. Тогда же они назначили Гераклеида первым епископом Тамассоса. Он был очень хорошим христианином: строил церкви на Кипре, лечил болезни, умел даже творить чудеса. Но жизнь свою окончил на костре...

Тем временем Леонид отпер другую дверь, и нашему взору предстала боковая часовня, на вид еще более древняя, нежели сама церковь. Выяснилось, что это погребальная часовня, в которой похоронен святой Гераклеид и еще трое других святых. Я был поражен той степенью запустения, которая царила здесь. Толстый слой белой пыли — не иначе как столетней давности — покрывал все предметы в помещении. С потолка свисала огромная паутина. Полуистлевшие иконы давно уже утратили линии и краски.

Когда мои глаза привыкли к полумраку, я смог разглядеть четыре гробницы. Кто-то проковырял в них отверстия, чтобы можно было заглянуть внутрь. Я не преминул воспользоваться такой возможностью и увидел нечто серое на комьях земли.

— Это могила святого Феодора, — сообщил Леонид.

Пока мы исследовали это царство гнили и пыли, в дверях появился древний старик. Он опирался на суковатый посох, голова его была обмотана цветной тряпкой. Это оказался сельский священник. Он медленно проследовал в комнату и указал своим посохом на один из саркофагов.

— Могила святого Мнасона, — проскрипел он.

— Вы имеете в виду того Мнасона, который упоминается в Деяниях апостолов? — поразился я.

Ответить на этот вопрос священник не мог, но тут вмешался мой друг.

— Да, — подтвердил он. — Мнасон был уроженцем этого острова.

Я припомнил соответствующие строки из Деяний:

«С нами шли и некоторые ученики из Кесарии, провожая нас к некоему давнему ученику, Мнасону Киприянину, у которого можно было бы нам жить»^{[19](#)}.

Согласно распространенной на Кипре легенде, Мнасон крестился в Иерусалиме у самого Иоанна Богослова. Дом его располагался всего в одном дневном переходе от Иерусалима, и Мнасон принимал у себя Павла и Луку во время из последнего визита в столицу.

Среди многих чудес, которые творил этот человек, следует отметить одно — когда он парализовал руку бессовестного вымогателя-ростовщика.

10

Гора Троодос возвышается над островом подобно зеленой башне, подпирающей безоблачное небо. Именно здесь, на могучей вершине Троодоса, собираются по осени серые тучи — верный знак того, что в скором времени на иссушенную с мая землю падут животворные дожди.

Местный путеводитель информирует туристов:

Гора Троодос, она же древняя гора Олимп, на которой некогда собирался внушительный конклав богов и богинь, ныне является летней резиденцией правительства Кипра.

Оцените неподражаемую иронию этого сообщения: вот она, преемственность правящих кругов! Правда, остается неясным: выставили ли богов и богинь вон или же они благоразумно удалились по собственному желанию, как только на горизонте появились королева Виктория и Дизраэли? В скупых сточках путеводителя кроется и легкая предостерегающая нотка. Они как бы предупреждают путешественника: не стоит ждать, что за ближайшим углом он натолкнется на божественную Персефону, забавляющуюся на клумбе с гиацинтами. Скорее ему надо ответственно подготовиться к встрече с миссис Брауни-Джонс, чей супруг подвизается в отделе контроля и учета.

Солнце уж садилось на западе, когда мы покинули долину и начали подъем среди виноградников и крошечных деревушек, которые подобно гнездам диких пчел прилепились к горным склонам. Теперь вокруг нас расстилался совершенно другой мир. Дышащий прохладой мир папоротников и молчаливых лесов, где звук шагов поглощался густым ковром сосновой хвои, а мысли невольно улетали к тенистым лощинам Борнмута.

Как странно, что эти рощи и леса, где некогда бродили ясноокая Афина, воинственная Артемида и прелестная Афродита,

ныне превратились в уютные декорации для отдыха правительственных чиновников. И странность эта достигала своего апофеоза на вершине горы: там, где в древности Зевс-громовержец оттачивал свои огненные стрелы, изумленный путешественник находит ныне теннисные корты. Уединенные горные долины, ранее предназначенные для смелых эскапад языческих богов, теперь слуги его величества монополизировали для своих чинных развлечений.

Ближе к вечеру в поле нашего зрения показалась группа зданий, подобно орлиному гнезду взгромоздившаяся на самом гребне горы. Странное и неожиданное зрелище представляло собой скопление куполообразных крыш и печных труб, четко вырисовывавшихся на фоне закатного неба. Здесь, над бездной, им было явно не место.

Горный монастырь Кикко — самый знаменитый из всех древних монастырей Кипра — расположился на высоте 3800 футов над уровнем моря. И сам факт его мирного сосуществования с теннисными кортами выглядит таким же абсурдом, как если бы мы сделали попытку усадить за один стол Томаса Бекета и «Банни» Остина^[22]. Нелепо, невозможно! И тем не менее вот он — перед моими глазами.

Кикко — средневековый монастырь и ничем другим быть не желает. Его внешний вид, его местоположение и распорядок жизни — все остается неизменным с тринадцатого века. Равно как и привычка систематически гореть. Первый пожар случился здесь в 1365 году, когда один из местных жителей пытался выкурить диких пчел из гнезда. В следующий раз монастырь горел в 1542-м, затем в 1751-м, и наконец, в 1813 году. И всякий раз после катастрофы деревянные здания отстраивались заново, причем воссоздавалась точная копия сгоревшего монастыря.

Тем вечером, когда я впервые увидел величественные ворота монастыря, возле них собралась оживленная толпа погонщиков мулов. Они устраивали своих животных возле специальных железных столбов, привычным движением накидывая уздечки на крючья. Глядя на них, я подумал: подобная картина характерна для какого угодно столетия, но только не для двадцатого! В воздухе стоял острый запах стряпни и горящих дров. Заглянув в ворота, я увидел, как целая шеренга греческих монахов пересекает двор с блюдами в руках; какой-то мужчина вел под уздцы мула, навьюченного винными мехами.

Наше появление не вызвало особого удивления у обитателей монастыря, ведь начиная с тринадцатого столетия Кикко постоянно

принимает у себя странников. Просторный монастырский двор со всех сторон окружен галереей, на которой обустроено свыше семидесяти гостевых комнат. Пилигримы со всего греческого православного мира стремятся в Кикко. Мы с моим другом присоединились к толпе у ворот. Ждать нам пришлось недолго. Один из погонщиков мулов вежливо подергал за веревку колокола, и где-то во внутренних помещениях раздался довольно громкий и пронзительный перезвон. Тотчас появился пожилой чернобородый монах, который жестами пригласил нас войти. Я ожидал, что нас сразу же отведут в приготовленные помещения, однако здесь царили иные порядки. Старый монах повел нас какими-то темными переходами, вверх и вниз по стертым каменным лестницам. В конце концов он привел нас к какой-то комнате и, распахнув тяжелые деревянные двери, молча указал на плюшевые канапе, расставленные вдоль стен. Очевидно, нам предлагалось подождать.

В комнате было сумрачно и прохладно, в воздухе ощущался слабый запах ладана и кофе. По стенам были развешаны портреты бывших архиепископов: неизменно бородатые мужчины в блестящих одеяниях задумчиво смотрели на нас с фотографий.

Внезапно перегораживавший комнату тяжелый занавес раздвинулся и пропустил вперед бородатого священника средних лет с лучистыми глазами. На его черной рясе отсвечивал золотом пектораль. Я обратил внимание, что одежда его была из более дорогой и качественной ткани, чем у остальных монахов, а рука, протянутая в приветствии, выглядела мягкой и ухоженной. Перед нами стоял настоятель Киккского монастыря, один из самых влиятельных иерархов на Кипре.

Следует отметить, что в греческой православной церкви существует колоссальная дистанция между рядовым монахом и настоятелем монастыря. Путешественник, который прежде встречался только с простыми сельскими священниками, может решить, что церковь рекрутирует своих служителей исключительно из грубых малограмотных крестьян. Однако дело обстоит совершенно иначе, и чтобы осознать свою ошибку, достаточно познакомиться с кем-нибудь из высших церковных чинов.

Настоятель был весьма опытным руководителем. По мере того, как мы обменивались вежливыми приветствиями, я чувствовал, что он должным образом ведет дела монастыря. Ежегодный финансовый баланс, рекордные урожаи пшеницы и винограда, показатели прироста поголовья овец и крупного рогатого скота — все у него было в порядке, и самый строгий аудитор не нашел бы, к чему придраться. Во время нашей беседы тяжелый занавес снова

раздвинулся, и молодой монах внес традиционное угощение: на подносе стояли стаканы с водой и блюдечко с вишневым вареньем.

Настоятель с дружелюбной улыбкой предложил мне освежиться. Греческие монастыри всегда отличаются гостеприимством и предлагают своим посетителям легкую закуску. Как правило, это консервированные фрукты — вишня, айва, фиги, иногда засахаренные грецкие орехи. Я съел ложечку варенья и пригубил стакан с водой.

— Насколько я понял, вы пишете книгу о святом Павле, — продолжил беседу настоятель. — Тогда скажите, — улыбнулся он, — вы верите в то, что Павла подвергли бичеванию в Пафосе?

Я знал, что эта легенда давно бытует на Кипре, и мне не хотелось бы обижать своего собеседника. Однако, памятуя, что лучший способ избежать серьезных проблем — говорить, по возможности, правду, я решил рискнуть и ответил:

— Нет, не верю.

— Вот и я не верю.

У меня словно гора свалилась с плеч.

Вскоре я обнаружил, что мне выделили личного слугу — молодого послушника с буйной копной черных волос и черными усиками, прибывающимися над верхней губой. Он рассказал, что родился в Пафосе и в какой-то миг ощутил потребность посвятить себя служению церкви. Послушник провел меня по каменным лестницам и бесконечным галереям, пока мы не достигли двери в конце балкона.

С низким поклоном юноша ввел меня в огромную комнату со сводчатым потолком. По моим подсчетам, в этой комнате легко могли разместиться пятьдесят человек. Обстановку составляли умывальник, диван с плюшевым покрывалом и небольшой круглый столик, вокруг которого стояли простые стулья. Как выяснилось, моего друга устроили в другом месте, а все эти хоромы предназначались исключительно мне.

Я изъявил желание умыться, и послушник тут же принес кувшин с водой и чистое полотенце. Вместо того чтобы налить воду в таз, он стал осторожно поливать мне на руки. Я вспомнил, что именно так поступали в древности.

В углу комнаты находилась лестница, которая вела в расположенную на втором этаже спальню. Здесь обнаружилось несколько кушеток, а возле зарешеченного окна стояла широкая кровать с москитной сеткой. Комната была обставлена очень просто — ни ковров на деревянных полах, ни картин на беленых стенах. Выглянув в окно, я увидел сосновый лес, на несколько сот

футов простиравшийся вокруг монастыря. Лунный свет лежал на ветвях подобно серебряному туману.

Ни единый звук не нарушал ночной тишины, действовавшей почти гипнотически. Каждые несколько секунд мимо окна с писком пролетала летучая мышь, но этот едва слышный звук лишь подчеркивал синее безмолвие, окутавшее местность.

Я немного посидел, наслаждаясь безмолвным пейзажем, затем спустился в гостиную. Послушник тем временем накрывал стол к позднему ужину. Он зажег парафиновую лампу, но ее слабый свет едва дотягивался до углов необъятной комнаты. Я узнал, что мой друг, с которым мы приехали в монастырь, ужинает с кем-то из знакомых.

Паренек поставил на стол бутылку вина, приготовленного из монастырского винограда, положил буханку хлеба — опять же из монастырской пшеницы. Затем отправился на кухню, а я уселся посреди каменной комнаты, ощущая себя странником-богомольцем из средневекового романа. На первое мне подали бобы со спаржей. Послушник все время стоял за моей спиной, упреждая каждое мое желание: услужливо нарезал хлеб и передавал мне солонку.

Он выглядел довольно странно — сумрачная фигура в неверном свете лампы. Буйная шевелюра стянута в хвост на затылке, черная шапка пирожком, на круглом юношеском лице залегли темные тени. Мне он напоминал озорную школьницу, загримировавшуюся для роли Яго в школьном спектакле.

Послушник проворно выскочил за дверь, чтобы вернуться через пару минут с дымящимся пловом и тушеным цыпленком.

По окончании обеда я предложил ему сигарету, но юноша молча помотал головой.

Вскоре меня снова пригласили к отцу-настоятелю. При моем появлении он с улыбкой приподнялся из-за стола, любезно предложил мне кофе и крепкие македонские сигареты. Я чувствовал себя довольно странно, сидя при свечах в этой незнакомой комнате и обсуждая визит святого Павла на Кипр. Мы поговорили о том, как римский проконсул был обращен в христианство, святой отец поведал мне несколько местных легенд.

В одной из них рассказывалось, как во время своего путешествия апостолы натолкнулись на группу молодых язычников. Юноши и девушки намеревались затеять какие-то состязания и по такому поводу разделись донага. Эта картина якобы настолько смутила Павла и его спутников, что те повернули обратно. Честно говоря, данная история вызвала у меня большие сомнения. Святые Павел и Варнава достаточно долго проживали в развращенной Антиохии, чтобы вид обнаженных юных тел мог их напугать.

Распрощавшись с настоятелем, я вернулся в свои покои и стал готовиться ко сну. За окном уже совсем стемнело, ночную тишину нарушала лишь какая-то беспокойная дворняга, которая выла на луну. На рассвете меня разбудил колокольный перезвон. Если верить часам, было пять утра. Монах на колокольне без устали дергал за веревку, и радостные, ликующие звуки разносились над округой. Это были не простые монотонные удары колокола, а мощный переливающийся поток звука, который плыл над поросшими лесами горными склонами и докатывался до отдаленных деревушек в долине.

Из келий один за другим стали появляться монахи. Проходя мимо меня, они улыбались и кланялись. Я решил уточнить, по какому поводу был устроен перезвон.

— Сегодня, наверное, праздник? — поинтересовался я у молодого монаха.

— Нет, — просто ответил он. — Эти колокола в вашу честь.

Это сообщение повергло меня в растерянность. При мысли, что по моей вине добрую половину Троодоса перебудили на рассвете, я пришел в ужас.

Кроме того, я осознал, что просто обязан присутствовать на службе, а потому быстро оделся и спустился в церковь. Монахи уже все стояли по своим местам и низкими голосами тянули «Kyrie eleison».

Мне отвели центральное место напротив иконостаса, который слегка накренился вперед, словно под тяжестью драгоценных икон. Я без труда распознал чудотворную икону Божьей Матери, благодаря которой Киккский монастырь славится на весь православный мир. Говорят, это одна из трех икон, собственноручно написанных святым Лукой. Изображение обрамляла богатая резная рама, сверху спускалась бархатная пелена, скрывающая сияющий лик Богородицы.

По окончании службы церковь заполнилась крестьянами. Среди них были две женщины, которые простерлись ниц перед иконой. Помолившись, они поднялись с колен и перед уходом оставили дар — повесили вышитую рубашку на бронзовую руку, выступавшую из ширмы с одной стороны от иконы. Мне показалось забавным такое подношение.

Двое молодых монахов сдвинули в сторону бархатную пелену, но под ней обнаружилась дополнительная драпировка. Когда конец ее приподняли, я увидел, что почти всю поверхность иконы — за исключением небольшого кусочка размером со спичечный коробок — скрывает посеребренный оклад. В отверстии открылось

несколько дюймов деревянной доски, покрытой древней, уже пошедшей пузырьками живописью.

На протяжении нескольких столетий никто не видел знаменитого изображения. Считается, что того, кто попытается это сделать, поразит неминуемая болезнь. Последнюю такую попытку предпринял в 1776 году один монах с Родоса. В Кикко до сих пор пересказывают эту историю: как он умолял настоятеля позволить ему провести ночь в церкви и как, поддавшись любопытству, протянул руку, дабы открыть икону. Легенда гласит, что в тот же миг в нечестивца ударила жаркая волна, которая поразила его и оставила лежать бесчувственным на полу церкви.

Пресвятая Дева Мария Киккская почитается как дарительница дождя. В былые дни во время засухи устраивалась торжественная процессия, во время которой чудодейственную икону в окружении горящих свечей выносили из церкви и разворачивали лицом к небу, в ту сторону, откуда ожидался дождь. И меня уверяли, будто Пресвятая Дева ни разу не обманула ожиданий киприотов.

— А что за бронзовая рука торчит возле иконы? — поинтересовался я.

— А это рука турка, — ответили мне, — который попытался прикурить сигарету от святой свечи.

На моих глазах все новые и новые крестьяне входили в церковь и склонялись в поклонах перед святыней.

Мы тепло попрощались с отцом-настоятелем и остальными монахами. Я отдельно поблагодарил послушника, который так трогательно обо мне заботился.

Во дворе монастыря царило привычное оживление. Одна партия паломников покидала Кикко, другая только прибыла — люди спешили и привязывали своих мулов возле железных столбов. Мой пышноволосяй послушник вышел нас проводить за ворота монастыря.

— Пожалуйста, — обратился он ко мне. — Вы ведь пришлете мне мою фотографию?

— *Malista*^[23].

— *Efcharisto!*^[24] — ответил он с сияющей улыбкой.

Уже изрядно отъехав, я оглянулся и увидел, что парень стоит на повороте, машет нам вслед и кричит:

— *Chaerete!*^[25]

По пути в Пафос мы остановились у придорожного кафе залить воды в автомобиль. Пока мы с моим другом отдыхали за чашечкой кофе в тени виноградника, вышел хозяин кафе и разговорился с нами.

Он представлял собой удивительное зрелище — вылитый разбойник из какой-нибудь комической оперы. Казалось, будто каждая деталь его одежды обладала собственной трагической историей. Мужчина был одет в мешковатые турецкие штаны, старомодный европейский жилет, полосатую рубашку, заправленную под широкий пояс-кушак. На ногах у него красовались приспущенные полосатые гетры, выглядевшие реликтами бурного финала Кубка Англии по футболу. Каким-то странным и необъяснимым образом все компоненты его костюма — нелепые по отдельности — складывались в довольно яркое и гармоничное одеяние.

Человек, который сидел рядом с нами, допил свой кофе и не спеша зашагал по тропинке, ведущей в холмы. На нем была турецкая одежда, и я обратил внимание, что, беседуя с погонщиком волон, он непрерывно перебирал янтарные четки. По всем этим признакам я принял его за турка. Но хозяин кафе, пошептавшись с моим другом, безапелляционно объявил, что это один из *линобамбако*.

— В былые дни их было очень много на Кипре, а сейчас почти не осталось, — пояснил мой друг. — Это особые люди: внешне ведут себя как мусульмане, а втайне исповедуют христианство. Говорят, они потомки тех христиан, которые пытались спастись от преследований после турецкого завоевания в 1571 году. Тогда, чтобы выжить, им пришлось имитировать обращение в мусульманство.

Однако все эти годы в кругу семьи и близких людей они продолжали носить христианские имена и соблюдать все православные традиции. Они принимали тайное крещение у наших священников, у них же причащались. Вот такая двойная жизнь.

В середине дня мы спустились в зеленую долину Пафоса. Морские волны лениво накатывали на каменистое побережье Западного Кипра, лизали нагретые солнцем скалы. А безоблачное небо позволяло надеяться на сухую и жаркую погоду в течение ближайших месяцев.

Согласно Деяниям апостолов именно здесь Павел выступал перед римским проконсулом Сергием Павлом и поразил слепотой еврейского мага Елиму. В то время на этом выдающемся в море побережье стоял величественный и прекрасный город, где располагалась резиденция римского правительства. Землетрясения

и малярийные комары сгубили это место, и сейчас оно выглядит скорее как каменистая пустыня, нежели как руины античной столицы. В маленьком заброшенном порту покачиваются на якоре рыбацьи лодки, на молу одиноко маячат развалины турецкой крепости. В их тени босоногие рыбаки латают свои сети.

От римской столицы Кипра не осталось ничего, кроме нескольких курганов, наспигованных мраморной крошкой, глиняными черепками и обломками древних колон. Вблизи маяка едва можно различить остатки античного театра.

До приезда сюда я не знал, что знаменитый храм Афродиты Пафосской находился на некотором расстоянии к востоку от древнего города. Расстояние составляло приблизительно десять миль. И если Павел действительно пришел в Пафос из Троодоса, то вполне возможно, что он и не видел этот процветающий центр языческих суеверий. Храм был выстроен на берегу моря и соединялся с портом Пафоса дорогой, по которой обычно двигались процессии. Если верить древним авторам, дорога пролегла среди беседок, увитых розами и другими цветами и посвященных любимой богине.

Мы медленно ехали в сторону храма Афродиты.

Какое же горькое разочарование ждало меня на месте! Я увидел невысокий холм, на котором обнаружилось всего несколько камней, ранее, очевидно, служивших пьедесталами для статуй. Этих обломков было явно недостаточно, чтобы восстановить — хотя бы мысленно — картину величественного храма, некогда стоявшего здесь. К нам подошел старый турок, который жил на маленькой ферме неподалеку. Он отвел меня к себе домой и продемонстрировал на заднем дворе остатки мозаичного покрытия. Наверное, когда-то это был пол роскошного вестибюля.

Считается, что черный конус, виденный мною в Никосийском музее, и есть та прекрасная богиня, которой поклонялись на Кипре в языческие времена. На мой взгляд, единственное, что в ней прекрасного — это легенда о рождении богини. Не одно поколение художников вдохновлялось образом прекрасной Венеры, выходящей на берег из морской пены. Что касается пены, то мне рассказывали, что в зимний сезон — при известном стечении направления ветра и приливного течения — на берег выносит, причем как раз неподалеку от бывшего храма, огромные массы морской пены.

Афродита была варварской богиней финикийского или азиатского происхождения. И многие столетия ей — в форме этого усеченного черного конуса — поклонялись цари и простые люди. Они приходили в храм, чтобы посоветоваться с оракулом Афродиты.

Единственным источником сведений о внешнем виде святилища являются древние кипрские монеты. Если верить полустертым изображениям, оно было маленьким и скорее похожим на египетские храмы. Перед входом стояли два увитых гирляндами пилон, а внутри находилось полукруглое пространство с алтарем посередине. В темноте храма трудно было различить священный темный камень. Мы даже не знаем, был ли он чем-то накрыт или представлял обнаженным взорам посетителей храма.

Известно, что Тит, направляясь на Иудейскую войну — ту самую, которая закончится разрушением Соломонова Храма, — специально изменил маршрут и направил свои корабли к Кипру. Он хотел посоветоваться с богиней относительно того, что ожидает его в будущем. Вот как об этом пишет Тацит:

Узнав, что путь открыт и море спокойно, он принес обильные жертвы и лишь после этого осторожно попытался выяснить, какая судьба ждет его в будущем. Сострат (так звали жреца), увидев по благоприятному расположению внутренностей, что богиня согласна ответить на вопросы столь знатного посетителя, сперва ограничился несколькими словами, обычными в таких случаях, а потом, явившись к Титу тайком, открыл ему будущее, которое его ожидает. Воспрянув духом, Тит продолжил свое путешествие и прибыл к отцу.

В качестве жертвоприношений Афродите допускались лишь животные мужского пола, а самые лучшие предсказания делались по сухожилиям и плеве детенышей. Хотя алтарь и располагался под открытым небом, но каким-то чудодейственным образом дождь никогда не проливался на него, и капли крови тоже никогда не попадали на алтарь Афродиты.

В этом храме были собраны несметные богатства, а слава его гремела по всему миру. Раз в год тысячи паломников высаживались на Кипре и проделывали путь в десять миль от Пафоса до святилища богини. То, что происходило дальше в храме Афродиты, являлось поводом для сурового осуждения со стороны раннехристианских священников.

На следующее утро мы решили исследовать курганы на месте древнего Пафоса. Первая наша остановка была возле гранитных

колонн, наполовину занесенных тысячелетними наслоениями грунта. Здесь — как и в Саламисе и Фамагусте — казалось, сама земля вопиет в ожидании будущих исследователей.

— На этом месте когда-то стоял римский храм Венеры, — пояснил мой друг. — Местные жители называют его «Холмом сорока колонн».

Мы осмотрели то, что осталось от массивного фундамента храма и подземных переходов, ныне заросших и обвалившихся. Рассказывают, что сколько-то лет назад здесь прятался некий турок, которого обвинили в убийстве. Сколько времени он там провел, неизвестно, но вылез он на свет божий в четверти мили отсюда и с ужасом рассказывал о подземных залах, доверху заполненных человеческими черепами.

В нескольких минутах ходьбы от бывшего храма находится маленькая греческая церковь. Построена она на месте то ли крупного римского храма, то ли рынка. Во всяком случае, здесь до сих пор стоят две гранитные колонны, явно относящиеся к тому периоду. Кроме того, сохранился обломок мраморной римской колонны, который называют столбом святого Павла. Согласно местной традиции, именно к этому столбу был привязан апостол во время бичевания. Крестьяне из окрестных деревень почему-то вообразили, что столб этот помогает исцелиться от малярии, а потому откалывали кусочки мрамора и уносили с собой. Чтобы защитить реликвию от окончательного разрушения, пришлось окружить ее каменной стеной и накрыть сверху железной решеткой. Лично у меня история с бичеванием на Кипре вызывает сомнения. Начать с того, что она никак не согласуется с текстом Деяний. Сам Павел в Послании к Коринфянам жалуется, что был трижды побит палками (римское наказание); однажды — камнями; и от иудеев он пять раз получал в качестве наказания «по сорока ударов без одного». Сверим его слова с тем, что говорится в Деяниях. Там действительно упоминается побиение камнями в малоазийской Листре и наказание палками в Филиппах. Но ничего, что подтверждало бы версию киприотов о бичевании в Пафосе.

Сидя на печальных руинах этого прекрасного города, я снова перечитывал лаконичный рассказ о том, как Павел явился к римскому проконсулу и впервые столкнулся с языческим астрологом — иудеем по имени Елима, состоявшим в свите Сергия Павла. Передо мной разворачивалась великолепная драма, все детали которой идеально вписывались в картину римской провинции первого века нашей эры.

Проконсул Сергий Павел был умным человеком. Подобно одному из своих предшественников на этом посту, знаменитому оратору

Цицерону, он отличался большой любознательностью и образованностью. Если верить Плинию, жившему в ту же эпоху, Сергей Павел был автором значительного трактата по истории Кипра. И вот этот человек узнал, что на его острове появились два бродячих философа, проповедующие новую религию. Естественно, он пожелал встретиться с ними и послушать, что они говорят. Если же учесть, что Кипр находился на пересечении путей из Палестины на Запад, то вполне возможно, что до Сергея Павла доходили рассказы о распятии Христа и его последующем чудесном воскрешении.

Так или иначе, Павла и Варнаву пригласили на аудиенцию к римскому прокуратору. Тот с большим интересом выслушал своих гостей и, возможно, проявил открытое сочувствие к их религиозным доводам. Однако за его спиной маячила фигура, ставшая уже традиционной в окружении древнеримских правителей. Человек этот претендовал на роль восточного теософа и ученого, в Библии же он называется «волхвом» и «лжепророком». Подобно нашему апостолу, он был иудеем и носил двойное имя: евреи называли его Вариисием, а римляне — греческим именем Елима. Какая захватывающая коллизия! Савл и Вариисий, Павел и Елима — два протагониста, столь схожие по происхождению и общественному статусу и столь различные по образу мыслей, пытающиеся дискредитировать противника в глазах Сергея Павла, представителя Римской империи. И сколь символичной и значимой выглядит эта первая из описанных побед Павла на миссионерском поприще! Елима «противился им, стараясь отвратить проконсула от веры»²⁰. Павел же, считавший, что все магические способности волхва от дьявола, собрался с духом и приготовился дать решительный бой силам Тьмы. Вот как описывается этот миг в Деяниях: «Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, сказал...» И он победил! Все, кто присутствовал при этой сцене, с изумлением наблюдали за поражением астролога, который был смят, как листок бумаги, и раздавлен гневной тирадой Павла. И все это время апостол не сводил испепеляющего взгляда со своего врага — «устремив на него взор».

«И ныне, вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал провожатого. Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню».

Мне хотелось бы отметить два знаменательных момента, отличавших эту аудиенцию в Пафосе. Во-первых, апостол никогда больше не звался своим прежним именем Савл, и, во-вторых,

произошло коренное изменение отношений в паре Варнава — Павел. Если прежде Павел следовал за Варнавой в качестве преданного друга, то теперь он сам превратился в ведущего. Прежний порядок написания их имен — «Варнава и Савл» сменился на новый: впредь миссионеров будут называть «Павел и его товарищи».

На протяжении веков ученые пытались установить причины, по которым Савл внезапно принял новое, римское имя «Павел». Некоторые гипотезы кажутся вполне правдоподобными, другие попросту фантастические. На мой взгляд, убедительнее всего выглядит следующее объяснение: пока Савл отстаивал христианскую религию перед лицом высокопоставленного римского чиновника, проконсула Сергия Павла, он осознал, что «иудей Савл» является куда менее могущественной фигурой (а следовательно, имеет меньше шансов на успех), нежели представитель правящей расы, «римский гражданин Павел». Таким образом, на встречу с Римской империей вышел именно Павел.

С этого самого мгновения он избрал новое направление своей миссионерской деятельности и превратился в ведущего проповедника среди нееврейского населения. В Пафосе его сила получила блестящее подтверждение, Павел всем доказал, что над ним простерта десница Божия.

В соответствии с вновь избранным направлением «Павел и его товарищи» погрузились на корабль и отбыли к берегам Малой Азии. Их ближайшей целью была Пергия.

Отныне весь мир превратился в благодатную ниву, с которой Павел намеревался собирать урожай.

Глава пятая

Преддверие Европы

Я снова посещаю Турцию, объединяю свои усилия с турком, направляюсь в глубь страны и останавливаюсь в Иконии (нынешней Конье), посещаю пустующую мечеть танцующих дервишей, получаю кое-какие сведения о новом режиме и обедаю в современном турецком доме.

1

Итак, три миссионера отправились из Пафоса к берегам Малой Азии. А значит, настало время и мне, следуя по их стопам, снова посетить Турцию. Ах, как я понимал Иоанна-Марка, который в аналогичной ситуации решил повернуть назад и возвратиться домой!

Мою первую поездку в Турцию никак нельзя было назвать приятной. Тот, кому приходилось жить в атмосфере всеобщей подозрительности, кто имел случай оценить изобретательность зловредных мелких чиновников, поймет уныние, охватившее меня при мысли о необходимости возвращаться в эту страну. Снова преодолевать нелепые препятствия и доказывать незнакомым людям, что ты не шпион! Однако на сей раз я решил быть умнее — заручился массой рекомендаций, и в том числе письмом от турецкого посла в Лондоне. Несмотря на эти разумные меры предосторожности, я чувствовал себя очень неуютно, когда приближался на каботажном судне к Мерсину.

Этот маленький портовый городок живописно расположился на зеленой равнине, позади которой вздымаются белоснежные вершины Таврских гор. Возможности портовых сооружений Мерсина ограничиваются приемом лишь рыбацких лодок. Крупные морские суда вынуждены вставать на якорь чуть ли не посреди залива и пересаживать пассажиров на турецкие *каики*.

Современный Мерсин выполняет те же функции, которые в древние времена возлагались на Тарс. Он является отправной точкой для экспорта с Киликийской равнины. Древесину, зерно, шерсть и прочие товары грузят здесь на суда и отправляют в Россию, Сирию и другие страны.

Городок утопал в лучах полуденного солнца. На берегу толпились местные жители с корзинами, наполненными только что

сорванными апельсинами. За их спинами виднелись маленькие турецкие кафе — столь привлекательные в солнечную погоду и превращающиеся в мрачные развалюхи в дождливый день. От толпы отделился крепкий мужчина лет сорока на вид. Одет он был в приличный твидовый костюм, и сначала я принял его за англичанина. Мужчина приблизился ко мне и вежливо представился.

— Я ваш гид, — сообщил он с улыбкой. — Так сказать, прибыл в ваше распоряжение.

Рассмотрев своего новоявленного гида, я решил, что в сложных ситуациях на него можно положиться.

— Не выпить ли нам кофе? — предложил я.

— С удовольствием, — ответил мужчина, и мы направились к жестяному столику, стоявшему в тени виноградника.

Всего в нескольких ярдах от нас волны накатывались на деревянный настил. Нас тут же взяли в оборот два чистильщика обуви: они пристроились у наших ног и начали полировать наши ботинки.

Я тем временем завязал шутливый разговор со своим новым знакомым. Пожаловался, что во мне, должно быть, присутствует нечто, что будит необоснованные подозрения у его соотечественников. Рассказал, что буквально чудом избежал заключения в тюремную камеру во время первого визита в Турцию. Мой собеседник беззаботно взмахнул рукой, словно разгоняя докучливую толпу полицейских, подозрительных таможенников и рядовых осведомителей.

— Вы можете не опасаться подобных проблем, — сказал он. — Теперь я покажу вам Турцию.

— Вы отлично говорите по-английски, — отметил я и поинтересовался: — Вы, наверное, бывали в Англии?

— Никогда, — ответил он с улыбкой. — Я служил кавалерийским офицером и попал в плен в Египте. Меня захватили на Суэцком канале, так что язык я изучал в одной из ваших тюрем.

Я немедленно припомнил своего аданского попутчика, который рассказывал мне точно такую же историю.

— Надеюсь, — осторожно спросил я, — мы хорошо с вами общались?

— Увы, нет, не слишком. — Он нахмурился, закуривая сигарету.

— Остается только сожалеть об этом. Ведь сейчас я, в некотором смысле, ваш пленник.

Лицо его осветилось улыбкой, и я еще раз убедился, что турки любят и понимают иронию.

— Ну что ж, на войне, как на войне! — громким голосом объявил он.

После чего мы демонстративно пожали друг другу руки и вернулись к кофе.

Слыша, что разговор ведется на иностранном языке, чистильщики попытались вытянуть из нас больше обычных пяти пиастров. Мой собеседник наклонился к ним и прошипел что-то вполголоса. Всего одно слово, но назойливые турки тут же подхватили свои ящички и ударились в бегство.

Я неимоверно зауважал своего нового знакомого. Хотелось бы надеяться, что и с полицейскими он управляется не хуже.

После обеда мы наняли экипаж, запряженный двумя белыми лошадками, и отправились на развалины древнего города Сола. Примерно в миле от города дорога превратилась в обычную деревенскую тропу, где на каждом шагу попадались рытвины и выбоины. Мимо нас неспешно вышагивали верблюды, груженные такими огромными тюками, что они занимали половину дороги. Внезапно, без всякого предупреждения из поля, засеянного сахарным тростником, показалась сотня солдат с винтовками наперевес и залегла в придорожной канаве.

Хассан — так звали моего провожатого — наблюдал за ними с профессиональным интересом.

Я выяснил, что после освобождения из тюрьмы он принимал активное участие в военных действиях, приведших в конце концов к установлению республики и диктатуры. Он буквально боготворил Кемаля Ататюрка. По мнению Хассана, все, что делал Гази, было абсолютно правильно. А все, что он еще предполагал сделать, не вызывало сомнений.

— Под предводительством нашего Вождя турки получили шанс стать великой нацией в современном смысле этого слова, — растолковывал мне Хассан. — Турция слишком долго была «больным человеком Европы». Теперь мы наконец выздоровели. Все старое, плохое, что связывает нас с прошлым, искореняется, и мы с надеждой смотрим в будущее.

Мимо шествовал караван верблюдов, во главе которого ехал крупный мужчина на маленьком ослике.

— Турки, — произнес Хассан с внезапной страстью в голосе, — не азиаты, они европейцы.

Я подумал, что он сам — в своем элегантном твидовом костюме, в легкой фетровой шляпе, надвинутой на глаза, служит наглядным подтверждением этой теории. Этого человека вполне можно было принять за француза или англичанина.

Руины Сола вызывали у меня исключительный интерес, ибо я наверняка знал, что святой Павел побывал здесь во время своих миссионерских странствий. Архитектурой и планировкой этот город напоминал Антиохию, Дамаск, Джераш, Пальмиру и прочие греко-римские города Сирии и Малой Азии. Через всю Солу протянулась длинная обрамленная колоннами улица — «улица, называемая Прямой».

В древние времена всякий путешественник, прибывавший в великолепный порт Сола, должен был подняться по широкой лестнице, которая приводила на улицу с колоннами. Двадцать три из них до сих пор стоят, выстроившись в безупречно прямую линию. Остальные лежат рядом, укрытые густым покровом из травы и мелкого кустарника. Под буйной растительностью прячутся останки общественных бань, домов, стен и амфитеатра.

Сидя на развалинах Сола и слушая болтовню моего попутчика, я размышлял о счастливой судьбе этого исчезнувшего города, чье имя вписано в историю не кровью, но... филологией. Древняя Сола даровала нам слово «солецизм», и это все, чем она знаменита.

Дело в том, что этот греческий город был в свое время разрушен армянами. Помпей Великий восстановил его и заселил плененными киликийскими пиратами, которые разговаривали на столь чудовищном греческом, что вскоре прославили свой город. Когда кто-то совершал грубейшую ошибку в произношении или грамматике, греки снисходительно вздыхали: что взять с бедняги — он, должно быть, из Сола. Греческий термин *soloikismos* со временем породил сходные понятия в наших языках: «solecism» в английском и «solecisme» во французском.

Забавная вещь этимология. Вот слово, которое все мы время от времени используем. И оказывается, что оно имеет непосредственное отношение к этим двадцати трем колоннам, неистребимо торчащим из древнего скелета мертвого города.

— Турция для турок, — донесся до меня голос Хассана.

— Прошу прощения?

— Я говорю, что наконец-то настали времена, когда турки сами правят своей страной. Армяне, греки и прочие иностранцы, которые в прошлом контролировали нас, ушли. И сегодня Турция для турок!

— Когда Ллойд Джордж... — начал я.

— Не говорите мне о нем! — с ненавистью возопил Хассан. — Это ужасный человек! Была б его воля, он бы, не задумываясь, отдал Турцию грекам!

Однако уже через секунду он успокоился и заговорил другим, почти мягким тоном:

— Впрочем, мы должны быть ему благодарны. Этот человек заслуживает, чтобы его статуи установили во всех турецких городах. Ллойд Джордж должен стоять рядом с Ататюрком.

— Но почему? — спросил я озадаченно.

— Потому что он заставил нас сражаться за Турцию!

У меня возникло тревожное ощущение: вот сейчас, сию минуту, Хассан вытянется в струнку и начнет исполнять национальный гимн. Я понятия не имел, как звучит турецкий национальный гимн, но на всякий случай поспешил подняться и побрел через руины Сола к нашему экипажу.

2

Сначала миссионеры совершили путешествие из Пергии в Антиохию Писидийскую, затем Павел и Варнава проповедовали в Иконии, Листре и Дервии. Мне кажется, что такой выбор маршрута не случаен. По-моему, уже в тот момент Павел осознавал — и это неудивительно при его безошибочном чутье, — что для реализации его великой задачи остров Кипр малоперспективен. Если они желают распространить семена христианства по всему свету, то им следует двигаться на север от Пергии и последовательно «обрабатывать» крупные города, расположенные вдоль великого торгового пути. Таким образом, уже в самом начале своей апостольской деятельности Павел продемонстрировал трезвый склад ума и изрядную практическую сметку. Планируя свои миссионерские путешествия, он проявил себя настоящим стратегом.

Однако прежде чем они развернули наступление на север, произошел знаменитый спор между Павлом и Марком. Я бы даже рискнул употребить здесь более сильное слово — «разлад», ибо он на долгие годы пошатнул веру Павла в Марка. В то же время надо отметить, что упомянутый спор никак не повлиял на отношение Варнавы к своему молодому родственнику.

Что же стало камнем преткновения? О чем тогда поспорили Павел и Марк? Вполне возможно, что Марка, воспитанного в духе ортодоксального иудаизма, испугало и насторожило намерение Павла адресовать проповеди нееврейскому населению. Не исключено также, что, будучи преданным поклонником своего родственника Варнавы, Марк возмущался новыми командными нотками, которые проявились у Павла после его встречи с римским правителем Пафоса. А может, у юноши вызывала сомнения сама возможность распространения христианства по всему миру? Или

его страшили встречи с разбойниками, которые — несмотря на все полицейские меры, предпринятые Помпеем и Августом, — продолжали рыскать в непроходимых Таврских горах. Или напугал полет Павловой мысли, пики и бездны его разума, не менее ужасные, чем в реальных горах.

Существовало и еще одно обстоятельство, которое могло повлиять на отношения миссионеров. Вы помните, в начальных главах Деяний нередко упоминается некая «Мария, мать Марка». Так вот, двое старших мужчин забирают ее юного сына из дома и увлекают его на полный тягот и опасностей путь христианского миссионерства. Что думала об этом «Мария, мать Марка», сидя в своем иерусалимском доме? Была ли она спокойна, зная, что любимый сын бродит по опасным тропам Таврских гор или заживо гниет в малярийных болотах Малой Азии? Думаю, ответ напрашивается сам собой. Вполне возможно, что в какой-то момент Марк получил послание из дома, содержащее упреки и призывы вернуться. А зная характер Павла, я вполне могу предсказать, какой была его реакция. Павел порой мог быть мягким, как женщина. Он мог рыдать и жаловаться, как девушка. Но, коль скоро дело касалось распространения Христова Евангелия, он становился непреклонен, как скала.

Древняя традиция утверждает, что Марк имел некий физический изъян, описываемый греческим словом *κολοβοδακτύλος* и касавшийся пальцев рук: то ли они у него были изуродованы, то ли недоразвиты. Ряд исследователей предполагает, что этот недостаток мог послужить препятствием для далеких и долгих путешествий. Лично мне эта гипотеза не кажется убедительной. Истории известны примеры, когда люди имели куда более тяжкие физические недостатки, и это не мешало им преодолевать жизненные тяготы. Скорее всего, прав аббат Констан Фуар, который писал: «...Этот ученик иерусалимской церкви, воспитанный в атмосфере строгого иудаизма, неминуемо должен был испытывать тревогу, оказавшись рядом с апостолом народов».

Затея Павла — привести непонятных и неудобных чужаков в лоно христианской церкви, причем, возможно, действуя вопреки воле синагог, — выглядела страшной ересью в глазах правоверного иудея Марка. Люди, как правило, долго обсуждают свои планы, прежде чем приведут их в исполнение. И кто знает, сколько раз за время пребывания на Кипре бедняге Марку доводилось сидеть и с растущим беспокойством выслушивать рассуждения Павла?

Как бы то ни было, но Марк решил покинуть своих друзей и вернуться домой. Для Павла это стало неожиданным ударом. И пройдет немало лет, прежде чем оба — повзрослевший Марк и

состарившийся Павел — сумеют забыть давнюю ссору на берегах Малой Азии.

Интересно, каким же образом путешествовал Павел? Думаю, подобный вопрос неизбежно встает перед каждым, кто, подобно мне, решился пройти по его стопам. Читая Деяния, мы невольно удивляемся той легкости, с какой апостолы планировали и реализовывали свои многолетние странствия. Их путешествия осуществлялись по суше и по морю, в рамках регулярной связи, существовавшей тогда между ранними христианскими церквями. Известно, что за несколько лет, последовавших за распятием Спасителя, весть об этом событии распространилась по всему цивилизованному миру. Как это стало возможно? Отвечаю: благую весть несли по дорогам, ныне заброшенным, с нею выплывали из портов, ныне обезлюдивших. Ведь в эпоху святого Павла Малая Азия играла ту же самую роль, что и современная Европа.

Завоевание Александром Македонским Востока, которое пришлось на 334–323 годы до н. э., распахнуло двери в мир. Ведь прежде путешествовал строго ограниченный контингент людей. Кого в те времена можно было застать в дороге? Прежде всего военный люд: либо армии, направлявшиеся в Трою, либо персы, двигавшиеся на завоевание Греции. К ним надо добавить финикийских моряков, бесстрашно уходивших за Геркулесовы столпы, ну и, конечно, паломников, шедших к тому или иному оракулу.

И вдруг за какое-то десятилетие все изменилось. Армии Александра проложили новые дороги, которые связали между собой вновь возникшие города. В дельте Нила и в тени сирийских утесов выросли крупные порты. Александрийский маяк освещал путь мореходам. Повсюду — от Стримона до Ганга — звучала греческая речь. На этом языке говорили торговцы и покупатели, исследователи и мыслители. Фасос и Пангея снабжали серебром весь мир, персидское золото красной рекой текло на запад.

В эпоху Павла — в римскую эру — мир приближался к своему современному виду. В море появилось множество галер, державших путь в Остию и Рим. По свидетельству Страбона, за один только год сто двадцать кораблей отправились к берегам Индии и Египта. В восточных портах скапливалось огромное количество предметов роскоши, ждавших отправки в Рим; а склады Путеолы и Остии были завалены продуктами земледелия. Хлеб, выпекавшийся в Риме, изготавливали из зерна, которое выращивали в Египте, Галлии, Испании, на Сицилии и Сардинии. Сенека рассказывает нам, что, когда на горизонте появлялись

египетские корабли с зерном в сопровождении военного эскорта, все население Путеолы бежало в порт, чтобы не пропустить момент, когда начнется выгрузка товара.

Обычно на набережной собирались торговцы, перекупщики, простые горожане — все эти традиционные персонажи средневекового города. Они голосили, торговались, размахивали купчими. По обоим берегам Тибра на целую милю тянулись просторные склады, где хранились смола и благовония, фимиам и слоновая кость, шелка, краски из Тира, оливковое масло, зерно и вино из Сирии, стекло из Сидона и прочие разнообразные товары. «Множество людей, — писал Сенека, — охваченных жадностью торговцев, стремились посетить каждый берег и каждое море». А Плиний сообщал, что Рим ежегодно отправляет на Восток свыше миллиона монет в обмен на косметику, благовония и шелка. «Вот во что обходятся нам наши женщины и наша любовь к роскоши», — заключал он.

Сенека, возмущенный образом жизни и привычками своих соотечественников, писал:

Пусть боги и богини обрушат свой гнев на головы тех, кто из привязанности к роскоши нарушают границы империи, и без того опасно растянутые. Они желают, чтобы их и без того изобильные столы пополнялись за счет дичи с дальних берегов Фасиса. И хотя Рим еще враждует с парфянами, эти бесстыжие гурманы норовят заполучить парфянскую птицу. Они готовы скупать все и повсюду — в известных и неизвестных краях, — лишь бы усладить свой привередливый вкус.

По вновь созданным дорогам двигались караваны, груженные несметными богатствами. И все дороги, по которым они путешествовали, вели в Рим. По ним мчались курьеры имперской почты, учрежденной Августом. На всем протяжении пути были устроены специальные станции, где можно было отдохнуть и сменить лошадей. Депеши от военачальников, инструкции провинциальным чиновникам, эдикты императора и прочие официальные документы пересекали горы и равнины, двигаясь со скоростью пять миль в час — средней скоростью императорских гонцов.

Рядовые путешественники в наемных экипажах, как правило, преодолевали от сорока до пятидесяти миль в день. В римские времена существовало множество разнообразных видов транспорта, которые можно было нанять для дальних странствий.

Аналогом нашего роскошного «роллс-ройса» служила *каррука* — четырехколесная крытая повозка с откидным верхом. Она полностью оправдывала свое полное название *каррука dormitorio*, то есть «спальная», поскольку была укомплектована мягкими постелями. Благодаря роскошной отделке цена таких экипажей могла достигать и даже перекрывать стоимость загородной фермы. *Бастерны* представляли собой комфортабельные носилки, подвешенные на шестах меж двух мулов — один шел впереди, а другой сзади. У дам наибольшей популярностью пользовался *карпент* — двухколесный экипаж, который иногда имел задерживающийся шелковый полог. Кроме того, существовали еще *кизий* — быстрый кабриолет, и *реда* — легкая прогулочная повозка, запряженная четверкой лошадей. В городских условиях (или для краткосрочных загородных выездов) использовались и старомодные носилки, которые обычно несла на плечах восьмерка тренированных носильщиков.

Тот факт, что высокопоставленные персоны путешествовали с максимальным комфортом, находит свое подтверждение в трудах классиков. Так, например, Цицерон писал, что где-то в азиатской глуши встретил Ведия «с двумя экипажами, повозкой, носилками, лошадьми, дикими осликами, многочисленными рабами и, кроме того, обезьянкой на маленькой колеснице».

Вообще, надо заметить, что средства транспорта в древнеримские времена были более многочисленны и разнообразны, чем в любую другую эпоху, если не учитывать Англию девятнадцатого столетия. Естественно, что столь интенсивное движение на римских улицах требовалось регулировать. В целях борьбы с дорожными заторами был издан специальный закон (*Tabula Heracleensis*), запрещавший в течение первых десяти часов дня передвижение по улицам города в колесных экипажах. Исключение делалось лишь в нескольких случаях: для повозок, занятых на общественных работах; для экипажей весталок; для жрецов, едущих на публичные жертвоприношения; и для военачальников во время триумфа. В результате большинство поездок совершалось вечерами, и после наступления темноты в Риме стоял невыносимый шум. «Только очень богатые люди могут себе позволить спать в Риме», — отмечал Ювенал.

Путешествия по морю были еще более рискованными, нежели по суше. С 10 ноября по 10 марта навигация на Средиземном море практически закрывалась, и лишь неотложные государственные дела могли подтолкнуть к морскому путешествию в этот сезон. Но даже и в благоприятное время года мореходы опасались выходить

в открытое море и предпочитали, по возможности, двигаться вдоль побережья и ловить береговые бризы. На ночь суда, как правило, заходили в порты и предоставляли пассажирам возможность ночевать на суше.

Судя по всему, Павел имел богатый опыт морских путешествий, а потому с полным правом подавал советы во время кораблекрушения на Мальте. Он трижды попадал в аналогичную ситуацию, а как-то раз ему пришлось целые сутки дрейфовать на плоту. Возникает закономерный вопрос: с чем это было связано? То ли яростный и нетерпеливый характер толкал апостола на плавание во время неурочного сезона? То ли такой уж Павел был невезучий и притягивал к себе неожиданные шквалы даже в безопасное время года?

Размеры торговых кораблей, ходивших в эпоху Римской империи, поражают даже по нынешним меркам. К примеру, Иосиф Флавий описывал судно, совершавшее плавание из Иудеи в Египет: на его борту помещалось шестьсот человек, и это был еще не предел. В Египте строились корабли и крупнее — в основном для перевозки зерна иobelisks, пользовавшихся в то время большой популярностью. Если вы знакомы с историей транспортировки «Иглы Клеопатры» — какobelisk поместили в специально изготовленный понтон цилиндрической формы и как он едва не погиб во время шторма в Бискайском заливе, — то наверняка проникнетесь уважением к кораблестроителям и мореходам первого столетия, которые доставляли подобные монументальные грузы из Египта в Рим. У Плиния мы находим упоминание о судне, перевозившем тысячу двести пассажиров, а также немалый груз холста, папируса, перца и специй. В Риме на площади перед собором Святого Петра тоже стоит египетскийobelisk. Так вот, судно, транспортировавшее этотobelisk, было таким огромным, что четверо человек, взявшись за руки, едва могли обхватить его мачту.

Зима была неприятным временем в Малой Азии. С ноября по март не только моря закрывались для путешествий, но и горные перевалы Тавра оказывались погребенными под тоннами снега. Да и на равнинах дело обстояло немногим лучше: над степями Малой Азии гуляли пронизывающие ветры, а проливные дожди превращали почву в жидкое болото и делали дороги совершенно непроходимыми.

Все это следует принимать во внимание, когда мы пытаемся установить хронологию миссионерских путешествий святого Павла. Неоднократно случалось так, что он просто не мог попасть из одного места в другое.

Традиционно Павла изображают в виде путника с посохом в руке, и это изображение исполнено глубокого смысла. В условиях нехватки денег он чаще всего вынужден был передвигаться пешком, проделывая по пятнадцать миль в день — средний показатель для опытного путешественника в данной части света. Естественно, всякий раз, когда ему предлагали проехать на свободном муле или повозке, он с радостью использовал такой шанс.

Лично мне удалось найти лишь одно указание на то, что апостол получал удовольствие от пеших переходов. Когда Павел покидал Троаду в конце своего последнего путешествия, его товарищи наняли корабль, чтобы обогнуть полуостров и попасть в Асс. По их словам, Павел отказался плыть на корабле, велел дожидаться его в Ассе — «ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком»²¹.

Таким образом, он решил проделать двадцать миль пешком вместо того, чтобы плыть с товарищами на корабле.

Хассан неоднократно навещался на маленькую станцию в Мерсине, вел переговоры и в результате объявил, что завтра утром мы сможем сесть на поезд до Аданы, а там пересесть на другой поезд, который доставит нас в Конью.

Эту ночь мы провели в маленькой и чистенькой турецкой гостинице. Ее хозяин оказался сирийцем, который некоторое время жил в Соединенных Штатах. По непонятной причине он решил, что я тоже американец. Он пользовался каждым случаем, чтобы заглянуть ко мне в номер — поинтересоваться, как мне нравится у него в отеле, и отпустить несколько комплиментов в адрес Нью-Йорка. Лично мне хозяин показался приятным человеком, хотя Хассан относился к нему с шовинистической подозрительностью, не одобряя его неанатолийское происхождение.

3

Весь день мы мчались по просторам Турции.

Распростившись с Аданой, мы пережили незабываемые три четверти часа, когда наш поезд на черепашьей скорости преодолевал подъем на Таврские горы. Мы ныряли в туннели, вырубленные в скальной породе, и снова выезжали на белый свет в горных лощинах. Слева открывался вид на дикое ущелье, которое даже в солнечную погоду выглядело сумрачным и необжитым. Я, не отрываясь, смотрел в окно. Пейзаж напомнил мне сильно увеличенный перевал Киллекранки. Далеко внизу бежал горный

ручей: он низвергался с одного выступа скалы на другой, а в промежутках извивался, прокладывая себе путь в горных расселинах. Склоны густо заросли соснами и елками.

Полковник Балфур из Дэвика, большой специалист по деревьям, как-то рассказывал мне, что, в отличие от средиземноморской растительности, в Малой Азии деревья практически не изменились с апостольских времен. Таким образом, когда Павел шел через Таврские горы с благой вестью о Рождестве, со всех сторон его обступали тысячи рождественских елочек. И каждая из них представляла собой идеальный пушистый конус высотой примерно в четыре фута, и каждая топорщила ветки в ожидании свечек и нарядной мишуры.

Довольно скоро мы очутились на высокогорном плато, где воздух был ощутимо холоднее, чем в Тарсе и Мерсине. Весна здесь наступает на месяц позднее, чем на Кипре и на Киликийской равнине, а пухлые облака на могучих склонах Султан-Дага только и ждут часа, чтобы пролиться дождем на окружающую местность. Киликийские Ворота — своеобразный рубеж: за какие-нибудь сорок-пятьдесят минут мы попали с Востока на Запад.

В конце концов пейзаж за окном меня утомил. Там тянулась скучная зеленовато-бурая равнина, которую лишь изредка оживляли случайные всадники и огромные отары овец. Пастухи в квадратных войлочных бурках останавливались, чтобы поглазеть на проезжавший мимо поезд. Некоторые из них махали вслед своими посохами. Огромные белые собаки вставали на дыбы и злобно скалили зубы. У них на шеях я разглядел массивные ошейники с железными шипами в три дюйма длиной. В Малой Азии пастушьи собаки носят такие ошейники в качестве защиты от волков.

Время медленно тянулось час за часом, а картина за окном не менялась: все та же равнина, переходящая на горизонте в цепочку холмов. Изредка мелькали убогие деревушки, однако в основном пейзаж оставался безжизненным: необъятное дикое нагорье, на котором лишь кочевые *юруки* чувствуют себя хозяевами.

Спустя несколько часов появились первые признаки приближающегося жилья. Чаще всего это оказывалась расхлябанная подвода, двигавшаяся параллельно нашему поезду. Где подвода — там должна быть и дорога, а все дороги ведут в города. И действительно, вскоре вдалеке показался ряд растрепанных тополей, над ними возвышалась белая башня минарета. Через десять минут мы медленно подъезжали к пыльной платформе, на которой толпились оборванные бездельники. Они

прогуливались вдоль вагонов и молча, с каким-то тупым любопытством заглядывали в окна.

Солдаты в просторных мундирах, с винтовками за спинами патрулировали вокзал. Тут же появились вездесущие полицейские с красными петлицами на кителях и красными же околышами фуражек. Из здания станции показался их командир, он настороженно шарил взглядом по толпе.

Однако железнодорожные поездки по Турции имеют и свои светлые стороны. Каждое такое путешествие оборачивается бесконечным пикником. Дело в том, что лишь столичные поезда — те, что отправляются из Анкары, — имеют такую роскошь, как спальные вагоны и вагоны-рестораны. В обычных же поездах пассажиры сами должны заботиться о пропитании. Поэтому закупка провизии становится главным занятием на всех полустанках, где останавливается состав. Некоторые станции специализируются на кебабах — это маринованное мясо, нарезанное кусками и запеченное на шампурах. Продают его обычно маленькие мальчишки, шумной гурьбой бегающие по вагонам. Они заходят в купе, держа шампур за верхушку, и ловким движением стряхивают кусочки мяса на обрывок газеты.

Иногда вместо кебаба продают апельсины, яблоки и пакетики жареных каштанов. И нигде не обходится без *симит* — наивкуснейших бубликов, обсыпанных кунжутом, — и маленьких чашечек горячего, сладкого кофе, который носят все те же мальчишки.

Однако в этой поездке мне не пришлось покупать еду. Хассан прихватил с собой большую корзину, в которую были уложены жареные цыплята, сыр и свежий хлеб.

С нами в купе ехал молодой офицер-пехотинец, возвращавшийся в свой полк из отпуска. Он оказался весьма приятным попутчиком, я бы даже сказал, образцом любезности и гостеприимства. Мое внимание привлек его багаж, куда, помимо обычных чемоданов, входила шкура черно-бурой лисы и аквариум с пятью золотыми рыбками.

Рыбки эти являлись предметом его особой заботы. Время от времени офицер зачерпывал чашкой воду из аквариума и выплескивал прямо за окно. После этого поспешно бежал в туалет в конце коридора и возвращался со свежей водой, которую и выливал в аквариум.

Офицер вез с собой такое количество еды, что ее хватило бы на целый полк. Матушка дала ему огромную жестяную коробку, набитую всеми видами турецких деликатесов. Он угостил нас превосходной *долмой*: это национальное блюдо представляет собой

рисовые шарики, сдобренные пряностями и завернутые в виноградные листья. Мы взамен предложили ему наших цыплят, но офицер с улыбкой откупорил еще одну коробку и продемонстрировал точно таких же жареных цыплят.

Он достал из сумки бутылку душистой воды под названием «Кемаль» и освежил лицо и руки. Вслед за тем извлек на свет великолепное белое вино — предмет гордости современных турецких виноделов.

Медленно тянулись часы праздного времяпрепровождения. За окнами расстилалась все та же бесконечная равнина. Солнце уже перевалило через зенит... Офицер снял китель и, устроив своих рыбок в тени, улегся спать. Хассан тоже заснул, положив под голову свернутый пиджак.

А я смотрел в окно и думал о святом Павле. Похоже, его путешествие по Малой Азии было не столь тяжелым, как мне представлялось. Я-то ранее всегда воображал его преодолевающим труднопроходимые горные перевалы.

А на самом деле к западу от Таврских гор Киликия больше всего напоминала сильно увеличенную равнину Солсбери. К тому же во времена Павла все крупные города соединялись между собой отличными римскими дорогами. Населенные пункты возникали повсюду, куда можно было доставить воду. В первом столетии Малая Азия очень напоминала средневековую Европу — множество процветающих городов, принадлежащих единой цивилизации, связанных прочными узами и воодушевленных идентичными идеями.

В своих миссионерских странствиях Павел передвигался от одного такого города к другому — всегда по качественным, широким дорогам и в относительной безопасности. На центральных дорогах Малой Азии риск подвергнуться нападению грабителей был невелик, ведь там человек редко путешествовал в одиночку. Рядом двигались торговые караваны, перемещались отряды римских легионеров и местного ополчения. Тут же шли бродячие актеры и жонглеры, священники и странствующие философы. Да и гладиаторские школы нередко переезжали с места на место, гастролируя по провинциям. Только когда Павел покидал главные дороги, он превращался в одинокого путешественника и, следовательно, мог пострадать от грабителей или стихийных бедствий.

Я подробно изучил историю его странствий и нашел лишь одно упоминание о постоялом дворе: это «Три таверны» на Аппиевой дороге. Да и то нет никаких доказательств, что Павел останавливался именно там. И тем не менее где-то же он должен

был устраиваться на отдых — в каких-нибудь придорожных харчевнях или гостиницах. Полагаю, что «угроза грабителей» скорее относилась не к бандитам с большой дороги, а к так называемым «гостиничным ворам», которые были неотъемлемой чертой тогдашней кочевой жизни.

В древности города изобиловали низкопробными тавернами, а содержатель постоялого двора являлся довольно зловещей фигурой. Что же касается постоянных дворов в захолустье, то они, полагаю, были еще хуже современных *ханов*: убогие места, где рядом отдыхали и люди, и животные. Эти заведения не предоставляли ни мебели, ни еды, а посему путешественники спали на собственных одеялах (если таковые имелись), еду же готовили самостоятельно на общем огне.

Очень сомневаюсь, чтобы в те времена помещения снабжались надежными запорами — сплошное раздолье для воровских шаек и злодеев-хозяев, которые тайно пробирались в комнаты спящих постояльцев, грабили, а то и убивали невинных людей.

Цицерон рассказывает страшную историю о двух друзьях из Аркадии, которые остановились на отдых в сельской гостинице. Один из них проснулся среди ночи: ему показалось, что из соседней комнаты, где ночевал его друг, доносятся крики о помощи. Путешественник знал о безобразиях, которые творятся в подобных местах, и побоялся выходить из своего убежища. Вместо того он перевернулся на другой бок и снова заснул. Правда, ненадолго: вскоре он снова был разбужен — на сей раз призраком убитого друга. Призрак укорял его в бездействии и умолял не оставить преступление безнаказанным. Он рассказал, что хозяин гостиницы зарезал его, а труп спрятал в подводе с навозом. И заклинал друга отправиться на рассвете к городским воротам с тем, чтобы перехватить подводу на выезде. Аркадиец так и сделал. В подводе действительно обнаружился труп, и хозяин гостиницы понес заслуженное наказание.

В больших городах можно было найти и роскошные заведения. Чаще всего их строили городские власти для привлечения богатой публики. Эпиктет упоминал гостиницы столь комфортабельные, что постояльцы без всякой нужды надолго задерживались в них. А вот что писал Страбон о заведениях, расположенных вдоль канала Александрия — Канопус: «Мужчины и женщины пляшут там — совершенно бесстыдные, с крайней степенью развращенности; некоторые на кораблях, а иные в гостиницах на берегу канала, которые специально построены для распутных гостей».

Согласитесь, подобное описание вполне могло бы принадлежать перу современного пуританина, случайно

подгладевшего, как эмансипированная молодежь развлекается на вечеринке.

В своих путешествиях святой Павел неминуемо сталкивался с таможенными чиновниками. Система поборов, куда входили и подорожные налоги, и пограничные пошлины, местные и имперские, вызвала у современников апостола не меньшее раздражение, чем у наших сограждан. Полагаю, легендарный Аполлоний Тианский — философ, получивший образование в Тарсе и странствовавший по всему свету (судьба занесла его даже в далекую Индию), был едва ли не единственным путешественником, которому удалось одержать победу над алчными таможенниками:

...Когда они добрались до границы Двуречья, мытарь, надзиравший за Мостом, привел их в таможенную и спросил, что у них с собой. «Со мною, — отвечал Аполлоний, — Рассудительность, Справедливость, Добродетель, Выдержка, Храбрость, Воздержанность», — и так он перечислил множество имен женского рода. Мытарь, радея о своей корысти, сказал: «Этих рабынь следует записать в таможенное объявление». — «Никак невозможно, — возразил Аполлоний, — ибо не рабынями они при мне, но госпожами»^[26].

4

Как выяснилось, в прошлом Хассану уже доводилось бывать в Конье — в качестве командира кавалерийского эскадрона, естественно, воевавшего на стороне республики. Сейчас, приближаясь к городу, он горел нетерпением снова увидеть места своей боевой славы.

— Смотрите! — громко воскликнул он, указывая на группу деревьев. — Вот здесь раньше была ферма, которую я сжег дотла! На ней укрывались мятежники, и, едва пламя занялось, они стали выскакивать наружу — прямо к нам в руки.

Хассан выглядел разочарованным тем, что местечко отстроили заново.

Я, в свою очередь, с любопытством рассматривал город, ради которого проделал столь долгий путь. В Новом Завете он именовался Иконий.

Прямо по курсу лежали густые зеленые сады, составлявшие приятный контраст каменистой Ликаонийской равнине, по которой мы ехали день напролет. Со всех сторон город обступали горы —

цепочка голубых вершин на горизонте напоминала острова, поднимающиеся из морской глади. Лишь в северном направлении простиралась буроватая равнина.

Когда наш поезд подошел ближе, я разглядел крыши одноэтажных домов, маячившие над кронами деревьев. То там, то здесь вздымались белые башни минаретов и купола мечетей. Затем обнаружились и более мелкие детали: караван верблюдов, медленно двигавшийся по городской окраине; старенький «форд», битком набитый молодыми турками, который катил по ровной дороге вдоль железнодорожной линии. Он сопровождал нас на протяжении нескольких миль, очевидно, вознамерившись посоревноваться в скорости с поездом. Глядя на современную Конью, я пытался представить себе, каким увидел Иконий Павел. Наверное, он напомнил святому Дамаск.

Благодаря присутствию воды оба города — совершенно неожиданно — утопают в зелени. Подобно тому, как Абана пробивает себе путь сквозь известняковые породы Антиливана и питает Дамаск, точно так же горные ручьи со склонов Писидии собираются вместе, дабы оживить долину Коньи. Оба города располагаются выше уровня моря, и оба в древние времена стояли на перекрестье караванных путей.

Как только поезд остановился, мы вышли на платформу и сразу же оказались в окружении разношерстной толпы, которая является непременным элементом всех турецких вокзалов. Здесь, как и везде, шла оживленная торговля. Измученные пассажиры — все, как один, в рубашках без пиджаков — высовывались в окна, чтобы купить шампур-другой *кебаба*, бутылки с водой или апельсины. В вагонах первого класса ехали турецкие офицеры, похожие на британцев в рубашках цвета хаки и сразу же превращающиеся в немцев, стоило им только надеть серовато-зеленые приталенные кители.

На привокзальной площади нас дожидались три десятка ветхих экипажей. Каждый экипаж был запряжен парой резвых, хорошо подобранных лошадок и управлялся шумными, размахивающими кнутами кучерами. В дореспубликанские времена все они носили национальную турецкую одежду, сейчас же были вынуждены натягивать на себя поношенные европейские костюмы. Их матерчатые кепки давно потеряли форму, а златанные пиджаки были настолько старомодными, что привели бы в отчаяние даже обитателей парижских блошиных рынков.

— Я знаю, они выглядят убого, — проговорил Хассан, заметив мой взгляд, — но это совершенно несущественно. Важно то, что эти люди порвали с традициями и сегодня мыслят по-новому.

Мы выбрали подходящую арбу и — под гиканье и щелканье кнута — поехали в город, который располагался на некотором расстоянии от станции. На окраине Коньи я заметил небольшой сквер, посреди которого красовался неременный памятник Гази. Президент был, как всегда, в военном мундире, однако выгодно отличался от сотен своих собратьев тем, что рука его не сжимала, как обычно, рукоять сабли, а поглаживала колосющуюся рожь. Это творение турецкого скульптора поразило меня своим величием и символизмом.

Вскоре колеса нашего экипажа загромыхали по мощеной мостовой Коньи. Как и подобает одному из крупнейших городов между Смирной и Тавром, Конья хвастливо выставляла напоказ заново отстроенный центр, чьи просторные улицы резко контрастировали с узкими лабиринтами традиционных базаров.

Любопытно, что новые дома и магазины в Конье соседствуют с древними строениями сельджукского периода, некоторые датируются одиннадцатым столетием. К тому же самому периоду относятся и старые городские стены, потихоньку разрушающиеся и уже успевшие местами обвалиться. Не менее живописное зрелище представляют протянувшиеся на целые мили маленькие лавочки с открытыми фасадами, чьи хозяева сидят у всех на виду и изготавливают свои товары.

И над всей мешаниной старого и нового вздымаются легкие, изящные минареты городских мечетей и приземистые воронкообразные постройки, покрытые серовато-зеленой плиткой: это бывшие обители ныне изгнанных мевлеви — танцующих дервишей.

Наше появление в городе произвело настоящий фурор. Судя по всему, иностранцы были нечастыми гостями в Конье. И всякий раз, ловя на себе настороженный взгляд полицейского, я с удовольствием думал о Хассане, олицетворявшем собой мои верительные грамоты.

С размещением в гостинице возникли неожиданные сложности. Первый отель, куда мы обратились, сразу же отпугнул меня старым граммофоном, который стоял в холле и непрерывно извергал громогласные турецкие мелодии. В конце концов мы остановили свой выбор на скромной гостинице с названием «Сельджук-Палас», расположившейся поодаль от дороги в окружении небольшого садика. Мне сообщили, что принадлежит он русским эмигрантам.

Хозяева оказались очаровательными людьми. Они радушно поспешили мне навстречу и помогли поднять багаж по не застеленной ковром лестнице. Потом они столь же поспешно

завладели моим паспортом и, я нисколько не сомневаюсь, сразу же побежали с ним в полицейский участок.

Мне отвели маленькую спальню, где, помимо кровати, помещались только стул да гардероб. Два потертых коврика покрывали идеально чистые деревянные полы. Оконные занавески словно усохли одновременно сверху и снизу — так что ни о какой приватности не приходилось и мечтать. Самым же важным предметом обстановки (как выяснил я позже) оказалась печь, стоявшая почти в центре комнаты. Черная печная труба уходила в потолок и визуально делила помещение пополам. Как я уже упоминал, Конья лежит значительно выше уровня моря, если быть точным, то на половине высоты Бен-Невиса, и это определяет специфику ее климата. Солнце может всю припекать здесь днем, но ночью температура едва поднимается выше нуля. Вот тут-то я и оценил достоинства русской печки: стоило ее растопить, и за каких-нибудь десять минут выстуженная комната прогрелась до комфортной температуры.

За ужином мне прислуживал лучезарно улыбавшийся официант в рубашке без воротничка. Он поставил передо мной грубо обтесанный кусок мяса с гарниром из картофеля, который, судя по всему, сначала старательно нарезали тонкими ломтиками, а затем долго вымачивали в каком-то отвратительном жире. На лицах у официанта, хозяина гостиницы и его жены застыло такое выражение, что я почувствовал себя всесильным судьей, в руках которого находится их жизнь. Вид блюда не внушал мне оптимизма, но тем не менее я отважно отрезал кусочек мяса и отправил его в рот. Официант заметно приободрился: он засуетился, кланяясь и ухмыляясь во весь рот. Хозяин — тоже с поклоном — выступил вперед и, указывая на мое блюдо, произнес с видимым затруднением:

— Биф-рост!

И тут до меня наконец дошел смысл происходящего. Я понял, что передо мной на тарелке не просто неудавшийся ростбиф, а проявление того душевного тепла, которое преодолевает все расовые барьеры. Даже в этой турецкой глубинке простые русские люди нашли способ, чтобы выразить симпатию к моей родине. Я поднялся из-за стола и, стараясь говорить медленно и внятно, объявил, что поданное мне мясо выше всяких похвал. Хозяева радостно рассмеялись и снова начали кланяться, переговариваясь между собой. Я же воспользовался паузой, когда все покинули комнату, и прибегнул к помощи маленькой голодной собачки, которая крутилась под столом. Вот уж воистину: друзья познаются в беде!

Как и все маленькие городки, Конья засыпала рано. Когда я, покончив с ужином, уединился в своей спальне, городок уже погрузился в ночное безмолвие. Однако заснуть удалось далеко не сразу, поскольку благодатную тишину вдруг нарушил пронзительный заунывный свист. Ему ответила такая же трель, затем еще одна... Казалось, будто филины со всей округи собрались в этот неурочный час над Коньей, чтобы вдосталь пообщаться. Один свисток раздался совсем близко. Я на цыпочках подкрался к окну и, отодвинув занавеску, выглянул наружу. На моих глазах от противоположной стены отделилась громоздкая, неуклюжая тень и медленно проследовала через гостиничный дворик.

Незнакомец был одет в меховую шапку и овчинный тулуп, вывернутый мехом наружу. При ходьбе человек опирался на толстую палку, на поясе у него болтался револьвер. Время от времени он подносил к губам свисток и издавал долгий унылый звук, который так меня заинтриговал. Услышав ответный свист, он двигался дальше — странная варварская фигура, которой самое место было возле бивачных костров Чингисхана.

Так я впервые столкнулся со свистящей стражей, которая с наступлением ночи выходит на улицы Коньи.

5

Весь следующий день я провел в тщетных попытках обнаружить хоть что-нибудь, сохранившееся в Конье со времен Павла и Варнавы. Напрасный труд: от греко-римского Икония не осталось никаких следов. Мне, правда, продемонстрировали древний подвал в частном доме, своды которого были затянуты вековой паутиной, а по углам расселись жирные пауки размером в полкроны. Но полагаю, это помещение не имело никакого отношения к апостольской эпохе. Скорее всего, данный подвал являлся частью старинной византийской церкви.

В то самое время, когда Вильгельм Завоеватель покорял Британские острова, на Востоке неистовствовали сельджукские султаны. Они создали империю, которая простиралась от Афганистана до Средиземноморья. Своей столицей они сделали Иконий, и самые интересные исторические памятники Коньи принадлежат цивилизации сельджуков. К их числу относятся фрагменты крепостной стены, парочка великолепных ворот и развалины нескольких мечетей. С горечью, однако, приходится констатировать, что все постройки находятся в плачевном состоянии — страна, которая до недавнего времени не

интересовалась своим прошлым, ничего не делала для сохранения этих зданий.

Меня всегда привлекала жизнь, кипящая на узеньких, пересекающихся под немыслимыми углами улочках старых городов. Каждая из этих улочек представляет собой скопление небольших магазинчиков, где обычно продаются предметы первой необходимости. Гордость и краса здешних базаров — большие фаянсовые кувшины для воды тыквообразной формы. Я убежден, что традиции местного гончарного искусства восходят к византийской школе, поскольку и краски, и состав густой желтой глазури идентичны тем, что использовались византийскими мастерами.

Неподалеку от рыночного лабиринта располагалась площадь, откуда начинались все караванные пути. Здесь стояли нагруженные верблюды, а вокруг сутились дикие кочевники в козьих полушубках и мешковатых штанах, заправленных в высокие сапоги. Они ходили вдоль каравана, здесь подтягивая веревку, там поправляя поклажу. И вот наступал срок: первый верблюд изгибал спину, протестуя вскрикивал, с пузырящейся пеной на губах медленно поднимался и делал шаг. За ним следовал другой, третий... И скоро весь караван медленно двигался по узким улочкам Коньи — начиналось долгое путешествие в Таврские горы. Сюда же, на площадь, прибывали всадники с равнины, их одежду покрывал толстый слой пыли, а загорелые лица с крючковатыми носами, казалось, списаны с хеттских памятников.

Судя по всему, полицейская система в Турции одинаково эффективно действует как в городах, так и в отдаленных районах страны: запрет на ношение фесок свято соблюдался даже кочевниками, прибывшими из пустыни и с далеких холмов. Вместо них была диковинная коллекция войлочных колпаков, бесформенных матерчатых кепок и совсем уж экзотические изделия из кожи и ткани, не имевшие сходства ни с одним из известных мне головных уборов. Посреди этого безумного скопления грязных, запыленных погонщиков и их шумных животных — верблюдов, ослов, низкорослых горных лошадок — вдруг возникала абсолютно неправдоподобная фигура молодого правительственного чиновника в полосатых брюках, черном сюртуке, жилете и котелке.

Я нанес визит губернатору Коньи, чей офис занимал величественное здание на главной улице. Перед зданием располагался просторный, смахивающий на *хан* двор с круговой галереей. На галерее был устроен своеобразный зал ожидания. Здесь с утра собиралась привычная толпа просителей: публика

побогаче сидела на диванах, а те, кто попроще, размещались прямо на полу.

Полицейский тут же проводил меня в отдельный кабинет, где за столом восседал заместитель губернатора (сам губернатор оказался в отъезде). Он любезно разрешил мне фотографировать все, что не входило в разряд военных объектов. На этом с делами было покончено, и мы перешли к более приятной части нашей встречи. На столе появились сигареты и кофе. Чиновник позвонил в звонок и отдал распоряжение, которое было бы абсолютно невозможно в старой Турции. Он во что бы то ни стало желал представить мне свою дочь, которой вскоре предстояло ехать в Англию на учебу. В комнату вошла девушка лет восемнадцати. Она была одета примерно так, как одеваются юные англичанки. Под требовательным взглядом отца девушка застенчиво пожала мне руку и поприветствовала. Чувствовалось, что этим несмелым «здравствуйте» все ее знание английского языка и исчерпывается.

Покинув мэрию, я отправился к самому любопытному объекту Коньи — знаменитой мечети танцующих дервишей. Прежде, в дореволюционные времена, это место считалось священным, и христианам запрещалось входить в зал, где под вышитыми покрывалами стоят саркофаги основателя ордена Джалаледдина и его отца. Здание выглядит очень живописно — с массой куполов и минаретов, главный из которых представляет собой усеченный конус, облицованный глазурованной зеленой плиткой. Перед мечетью разбит чудесный маленький садик с фонтаном посередине. Думаю, это одно из самых прелестных мест во всей Турции. Раньше на воротах стоял один из танцующих дервишей, теперь, когда мечеть превратилась в музей, его сменил служитель в коричневой униформе и заостренной фуражке.

Ныне в Турции запрещены все религиозные сообщества, как христианские, так и мусульманские. И если католические монахи и монахини захотели бы остаться в стране, им пришлось бы носить обычную одежду и искать себе квартиры, ибо жизнь в общинах тоже запрещена. Мне рассказывали, что некоторые сестры пошли по этому пути — стали носить обычные юбки и кофты, отпускали длинные волосы, но большая часть миссионеров предпочла покинуть страну, в которой чинят препятствия отправлению религиозных культов.

Случившиеся в 1925 году разграбление мечетей и конфискация земель, принадлежавших мусульманским орденам, повергли турецкое общество в глубокий шок. Все мусульманские ордена были объявлены реакционными организациями. Гази декларировал, что они несут в себе угрозу молодой республике. Поистине

удивительный человек этот Ататюрк! В стране с вековыми традициями он расправился с исламом буквально одним росчерком пера: упразднил мусульманские ордена, присвоил себе их собственность, а мечети превратил в музеи.

На Востоке и поныне существует около сотни дервишских орденов. Все они различаются по внешнему виду, и каждый поклоняется своему святому, основателю ордена. Некоторые из дервишей выглядят невероятно старыми, грязными и ведут себя, как форменные безумцы. Милостыню они не просят, а требуют, причем в исключительно грубой и оскорбительной манере. Странное дело, но чем старше и грязнее дервиш, тем больше почтения выказывают к нему турецкие крестьяне. Безумцы всегда пользовались глубоким уважением на Востоке.

Большинство дервишей практикуют какой-нибудь вид искусства, посредством которого достигают состояния транса или экстаза. Говорят, что в подобном состоянии душа их отделяется от тела.

Мне посчастливилось присутствовать на поистине фантастическом представлении — бдениях воющих дервишей. Эти люди приводят себя в неистовство, непрерывно повторяя имя Аллаха. Помогают им в этом бой барабанов, звуки цимбал и специальная методика движений: дервиши вскакивают с места, раскачиваются и беспрестанно выкрикивают одну и ту же фразу, пока на губах у них не появляется пена. В таком состоянии они становятся нечувствительными к физической боли — так что могут спокойно втыкать себе в тело докрасна раскаленные булавки. Мне кажется, что эти дервиши являются идеологическими потомками жрецов Ваала, о которых рассказывали, будто они «кричали вслух и резали себя ножами, покуда из ран не начинала хлестать кровь».

Лично мне куда более привлекательным кажется орден танцующих дервишей, который зародился в Конье, а затем распространился по всему Востоку. Их ритуалы видятся мне настолько же интересными и красивыми, насколько кажутся неприятными и отталкивающими воющие дервиши. В прежние времена глава ордена Мевлеви являлся одним из самых влиятельных и уважаемых людей Турции. Он в обязательном порядке присутствовал на церемонии возведения на трон нового султана, в его почетные обязанности входило препоясывание новоиспеченного правителя священным мечом Османов.

Как я уже упоминал, основателем ордена был Джалаледдин Мевлана — выдающийся персидский поэт-суфий, который родился в Малой Азии в 1207 году и скончался в Конье в 1273 году. Здесь же, в Конье, он прославился благодаря благочестивому образу жизни и

красоте своей мистической поэзии. Джалаледдин выработал собственный морально-этический кодекс, основные положения которого изложены в эпико-дидактической поэме под названием «Месневи». Эта грандиозный труд включает в себя свыше сорока тысяч рифмованных двустиший, посвященных единой теме вечности:

Говоря о море и его волнах, ты не имеешь в виду разное.
Ведь, вздымаясь и опадая, море как раз и порождает волны;
а сами волны, откатываясь с берега, возвращаются в море.
Точно так же и люди являются волнами Бога и после своей
смерти растворяются в нем.

Будучи страстным поклонником музыки, Джалаледдин изобрел религиозные танцы под аккомпанемент флейты.

Впервые увидев эту церемонию в Дамаске, я был поражен ее красотой и экспрессией. Широко распространенный термин «танцующие дервиши» не вполне точно отражает характер движений. На мой взгляд, правильнее их называть «вертящимися дервишами».

Ритуал, который мне довелось наблюдать, был исполнен серьезности и величия. Предварительно группа дервишей из девяти, одиннадцати или тринадцати человек долго молится, затем они отступают в сторону, и на первый план выходит оркестр из восьми музыкантов. Они играют на таких старинных инструментах, как цимбалы, тамбурины и однострунные скрипки. Мелодия получается ритмичная и красивая.

Танцоры облачены в длинные, ниспадающие до самой земли одеяния — приталенные выше пояса и сильно расширяющиеся книзу. На голове у них высокие фетровые шапки конической формы. В процессе танца дервиши держат правую руку поднятой вверх, а левую опускают к полу. Ладони открыты, правая направлена в небо, левая, соответственно, к полу. Голова танцора слегка склонена к правому плечу. Я поинтересовался у одного из дервишей, вкладывается ли какой-нибудь смысл в такую позу.

— Наш танец символизирует вращение сфер, — ответил он. — А руки служат для передачи Божьего благословения: правая воспринимает благодать сверху, от небес; через левую та нисходит на землю.

Сумрачный интерьер мечети с белеными стенами сохранился неизменным с тех пор, когда орден Мевлеви был здесь полноправным хозяином. В застекленных витринах хранятся огромные тюрбаны и конические шапки дервишей, рядом с ними —

ритуальные одеяния и музыкальные инструменты. Особую ценность представляют древние манускрипты, специально подсвеченные мощными лампами.

Стены и пол мечети украшены дорогими арабскими и персидскими коврами. Слева располагается зал, где некогда проводились церемонии «вращения». Часть зала напротив отгорожена: здесь — тоже под мощными светильниками — стоят несколько огромных саркофагов. В них захоронены сам Мевлана и его последователи. В изголовье каждой гробницы лежит открытый и уже порядком запылившийся тюрбан.

Увы, в современной Турции обычаи отцов объявлены глупыми суевериями и подвергнуты всеобщему осмеянию. Тенденция эта задается правительственными постановлениями, и все чиновники волей или неволей ей следуют. Музейный смотритель не был исключением и все свои комментарии в ходе экскурсии отпускал в характерном снисходительном тоне. Однако когда мы перешли в ту часть мечети, где под роскошными покрывалами покоится прах Джалаледдина и его отца, я уловил в голосе хранителя нотки благоговейного трепета. Основатель ордена танцующих дервишей во всем исламском мире почитается как великий святой.

Вначале здесь располагался только саркофаг отца. Затем, когда возник вопрос о захоронении сына, отцовский саркофаг переместили повыше. Но многим такое объяснение кажется слишком прозаическим. Служитель музея предложил мне иной вариант.

— Когда в мечеть внесли прах великого святого, — рассказывал он, — гроб его отца вознесся и склонился в почтительном поклоне. В таком состоянии он пребывает и поныне.

После посещения мечети мне позволили осмотреть здание, где раньше жили дервиши. Оно представляло собой беленое строение со сводчатыми потолками и кухней в стиле помещицкой усадьбы елизаветинской эпохи. Как ни странно, но великолепная библиотека мечети сохранилась в неприкосновенности: каждая книга занимает свое место на полке.

Другой достопримечательностью является замечательная коллекция уникальных английских часов восемнадцатого века, которые по-прежнему отсчитывают минуты проходящих мимо столетий. Я отметил два совершенно роскошных экземпляра: на одних часах красовалась гравировка «У. Джордан, Лондон», на других — «Джордж Прайор, Лондон». На циферблате последних указывается, что часы могут исполнять «добрую английскую мелодию». Меня позабавила мысль, что эти реликты георгианской

Англии стоят у гробницы святых дервишей, подобно исполненным достоинства дворецким.

Сэр Уильям Рамсей, непревзойденный знаток этой части Малой Азии — по крайней мере в том, что касается истории странствий святого Павла и археологии, — позволил себе высказать совершенно неожиданные догадки в отношении происхождения ордена танцующих дервишей. В своей книге «Города Святого Павла» он предположил, что данный орден корнями уходит в христианство.

Всем известно, — писал он, — что священный цвет мевлеви не традиционно-мусульманский зеленый, а голубой, как у христиан. Кроме того, члены ордена не подчиняются запрету на употребление виноградного сока, а, наоборот, публично пьют вино сами и предлагают другим.

А в своей работе «Исторический комментарий к Посланиям к Галатам» сэр Уильям пошел еще дальше: он связывает танцевальные мелодии мевлеви с древним культом поклонения Кибеле.

Современные исследователи сходятся на том, что если мир чем-то и обязан фригийцам, так это изобретениям в области музыки. Речь идет, прежде всего, о различных видах музыкальных инструментов, как то: цимбалы, флейта, треугольник и сиринкс, которые считаются исконно фригийскими. Кроме того, всем, кто изучал музыку, известен фригийский лад — минорная тональность, однако не заунывная, а экспрессивно-взволнованная. До наших дней сохранились некоторые мелодии фригийского происхождения — это «Литиерс», песнопения жнецов; дорожные песнопения и некоторые другие. Ну и, конечно, знаменитый фригийский танец. Все перечисленное мы смело можем отнести к наследию фригийской религии.

Ассоциации с фригийским культом прослеживаются и в различных персонажах — таких как пастухи, корибанты, певцы гимнов, сатиры; все они были известны в различных областях Малой Азии, пережили древнеримскую эпоху и дошли до наших дней. В современной Турции они представлены в ритуалах мевлеви, или танцующих дервишей. Их церемонии сопровождаются танцами

и музыкой — странными, но чрезвычайно выразительными, в которых, несомненно, прослеживается связь с культом Кибелы».

Если сэр Уильям Рамсей не ошибся в своих предположениях, то ритуальная музыка мевлеви — одна из древнейших в мире. Это открытие потрясло меня, а посему я счел необходимым представить вниманию читателей несколько тактов причудливой мелодии. Будучи в Конье, я узнал, что у одного из жителей имеется граммофонная пластинка с записью танца мевлеви. Приложив немало усилий, я раздобыл ее и обратился к мистеру Бекету Уильямсу с просьбой переложить мелодию на современные инструменты.

Он любезно прислал мне манускрипт, снабдив его следующими комментариями:

Мне пришлось немало потрудиться, чтобы аранжировать эту тему для фортепиано. Дело в том, что на современном пианино невозможно в точности воспроизвести тембр звучания свирелей. А тот факт, что свирели эти оказались еще и расстроенными, только усугубляет варварское звучание, совершенно не предусмотренное нашей клавиатурой. Далее возникает проблема аккомпанемента. Согласно общепринятому мнению, в древних мелодиях аккомпанемент (или гармония, если угодно) либо вовсе отсутствовал, либо сводился к простейшей мелодии в басовом ключе — примерно так, как звучит волынка или же — из последних достижений — композиции небезызвестного объединения «Дребезжащих жестянок»^[27]. Чтобы воссоздать соответствующий примитивный эффект, предлагаю к исполнению маленький музыкальный отрывок:

Замечание: играть левой рукой с использованием демпферной педали.

Данная мелодия заинтересует исполнителя своими секвенциями. Полагаю, что главную тональность, или ключ, определяет миксолидийский лад, однако с нередкими отступлениями. Надеюсь, Вы одобрите мою аранжировку, сколь бы странно она ни выглядела.

И еще одна небольшая ремарка. То, что часто ставит в тупик наших ученых мужей от музыки и порождает множество заумных монографий, подчас оказывается всего-

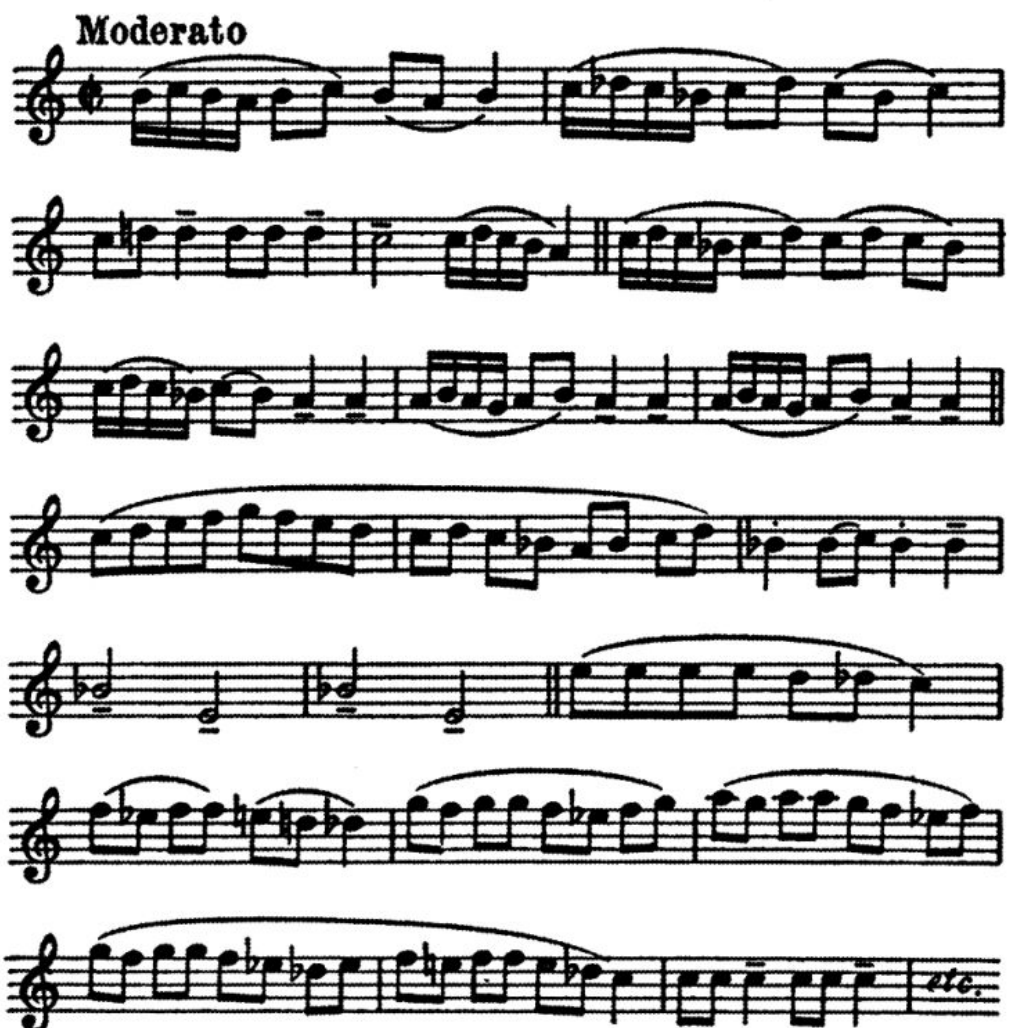

навсего неверно взятой нотой! Это понятно. Мы все склонны ошибаться, что уж говорить о наших предках, примитивных музыкантах.

Насколько мне известно, единственное описание проводимой в Конье церемонии танцующих дервишей содержится в книге Уолтера Э. Холи «Малая Азия» (1918).

После того, как смолкнут барабаны и отзвучит скорбное песнопение, напоминающее погребальную панихиду, — пишет автор, — начинается основное действо.

THE DANCE OF THE MEVLEVI DERVISHES

Группа из девятнадцати дервишей — некоторые из них еще сохраняют юношеский румянец, другие с бледными, аскетическими лицами — приходит в движение. Сначала они торжественным шагом несколько раз обходят зал,

останавливаясь лишь для того, чтобы выразить свое почтение — перед гробницами почивших вождей, перед Челеби и старейшинами. Затем, встав на расстоянии друг от друга, дервиши начинают вращаться — вначале медленно, с пустым, ничего не выражающим взглядом. Судя по всему, в этот момент их сознание постепенно отключается от внешнего и погружается в глубочайший покой. Постепенно движения дервишей убыстряются, пока каждый из них не превращается в стремительно вращающийся волчок. При этом траектории их пересекаются, но танцоры в своем вращении никогда не сталкиваются. Между ними расхаживает опытный мастер, их старейшина. Он зорко следит за порядком, в знак неодобрения топают то на одного, то на другого. Все дервиши одеты в темные одеяния, лишь на одном белая гофрированная юбка до пола. Судя по всему, это лучший танцор, он движется с неуловимой, почти женской грацией. И даже ему не всегда удается избежать критики наставника. Вскоре наступает миг, когда охваченные экстазом дервиши утрачивают связь с реальностью и полностью погружаются в священный транс.

День тем временем клонился к закату. Свинцовые тучи застилали небо, и редкие лучи солнца не могли разогнать полумрак, царивший в мечети. Постепенно силуэты танцующих размывались, они словно утрачивали свою материальность, пока не превратились в призрачные, потусторонние тени, неуловимо скользившие и перемещавшиеся с места на место. Почтенная публика сохраняла спокойствие. Челеби и старейшины сидели неподвижно, в полном молчании, будто погруженные в глубокую задумчивость. Казалось, что они вместе с танцорами ускользнули в мир грез, и все происходящее едва ли фиксируется у них в сознании — великолепие убранства, причудливый характер музыки и странная зыбкость форм. У меня создалось впечатление, будто они утратили контроль над своими мыслями и чувствами и оказались в плену у тех загадочных и могущественных сил, что символизировал танец мевлеви.

Покинув мечеть танцующих дервишей, я вышел на узенькую улочку. Возле лавки, торгующей хлебом, я заметил худого согбенного старика. Ветхий коричневый балахон висел на нем, как на вешалке, широкий подол развевался вокруг костлявых ног. Даже комичная маленькая шапочка — из тех, что носят мальчишки на пляже, — не могла скрасить ощущения трагичности и потерянности, исходившего от старика. С голодным блеском в глазах он переходил от прилавка к прилавку, и десятки любопытных глаз провожали эту нелепую темную фигуру. Мне сообщили, что старик когда-то принадлежал к ордену танцующих дервишей.

— И как он сейчас живет? — спросил я у Хассана.

— Понятия не имею.

— Ему разрешается попрошайничать?

— Нет.

— Ну, может, люди сами подают ему в память о былых временах?

— Кто знает?

Больше ничего не удалось выяснить. Но мне не верилось, чтобы в Конье — на протяжении многих столетий оплоте мевлеви — не нашлось ни одной доброй души, готовой пожертвовать корку хлеба несчастному дервишу, который в силу каких-то причин не сумел уехать в один из заграничных монастырей.

Мы продолжили прогулку по базару, и в одном месте мое внимание привлекла куча фетровых шляп, сваленных на мостовой. Видно было, что их только-только изготовили и выложили на солнышко просушиваться. Я не смог сдержать улыбки при мысли, что обнаружил источник обеспечения Ататюрка его любимыми шляпами.

В этот миг дверь лавочки распахнулась, и на пороге появился улыбающийся человек. Это был хозяин, который, очевидно, увидел меня через окно и решил пригласить внутрь. Я обнаружил, что все турки (если только они не носят полицейскую форму) — весьма милые и добродушные люди, которые превыше всего в жизни ценят хорошую шутку. В частности, хозяин лавки наверняка заметил мою иронию по поводу его шляп, но даже и не вздумал обижаться. Более того, похоже, он и сам относился к ним с юмором: пропуская меня в дверях, он бросил взгляд на гору своей продукции и рассмеялся.

Итак, я нежданно-негаданно попал на турецкую шляпную фабрику. Внутри я увидел двух мастеров, которые сидели на полу, скрестив ноги. Это, кстати, был единственный признак их национальной принадлежности, во всем остальном они выглядели

совершенно по-европейски. Я отметил, что они — как законопослушные граждане нового государства — одеты в прекрасные новые костюмы, сшитые по лучшим европейским образцам.

Мастера старательно мяли и отбивали войлок. А хозяин, которому явно польстил мой интерес к производству, с гордостью демонстрировал примитивные, работающие на пару механизмы.

— Так это и есть промышленность новой Турции? — спросил я.

— О нет, — поспешил вмешаться Хассан. — Эта лавка функционировала и раньше — поставляла головные уборы для танцующих дервишей... ну, знаете, такие высокие фетровые шапки. Когда дервишей изгнали, они остались без работы. И что им оставалось делать? Эти люди сказали себе: «Раньше мы делали отличные шапки для дервишей. Почему бы теперь немного не поменять форму и не производить отличные шляпы для фермеров? Сейчас, когда фески оказались под запретом, это может стать неплохим бизнесом».

От своих собеседников я узнал, что высокая конусообразная шапка дервиша — а она достигает в высоту почти фута — называется *кулах*. Мевлеви утверждали, что давным-давно, еще до того, как возник материальный мир, существовал мир духа, в котором душа Мухаммада обитала в виде света. Создатель взял ее и поместил в драгоценную вазу, тоже сделанную из света. Так вот, эта ваза как раз и имела форму *кулаха*.

Я поинтересовался у одного из шляпников, верит ли он — человек, из-под чьих рук вышло множество *кулахов*, — в эту историю. В ответ тот лишь рассмеялся:

— Нам не полагается задумываться о таких вещах.

Тогда я задал вопрос, что легче производить — шапки для дервишей или шляпы для верноподданных Кемаля.

— Никакого сравнения, — уверенно отвечал мастер. — Дервишская шапка — это произведение искусства, а нынешние шляпы обычный ширпотреб. Их можно штамповать сотнями.

И он пренебрежительно махнул рукой в сторону товара, сваленного перед лавкой.

— А это прибыльно? — не унимался я.

Шляпник лишь покивал с улыбкой, как бы говоря: в этом мире все в порядке.

Уже на улице, распрощившись с гостеприимными хозяевами, я поинтересовался у Хассана, куда подевались фески старой Турции.

— Их уничтожили, — последовал лаконичный ответ.

Я видел: вопрос несколько не интересовал моего провожатого. Бесполезно было ему доказывать, что многие старики припрятали

свои фески и бережно хранят их по сей день — как напоминание о тех днях, когда Турция была Турцией, а гарем гаремом.

— Если б это соответствовало истине, то против них давно бы придумали законы.

С подобной логикой не поспоришь, однако мне не хотелось сдаваться.

— Но скажите честно, положив руку на сердце, неужели вам действительно нравится носить шляпу вместо фески?

— Нам нравится носить то, что велит Кемаль Ататюрк, — не задумываясь, ответил Хассан, и в воздухе снова запахло национальным гимном, который неизменно сопровождает любое упоминание имени президента.

— Разве китайцы не поотрезали свои косички в 1911 году? — продолжал развивать патриотическую тему Хассан. — А феска для прогрессивного турка то же самое, что косичка для прогрессивного китайца. Обе символизируют рабскую привязанность к прошлому. Они избавились от косичек, мы отбросили фески... Старая легенда гласит: пока турки не покинут берега Босфора и не вернуться в Анатолию, они не станут великой нацией. Константинополь, который ныне зовется Стамбулом, — препятствие на нашем пути. Он сдерживал и принижал турок. Но теперь, когда мы перенесли свою столицу в Анкару, все изменится. Мы снова станем турками с большой буквы!

7

Прогулка по современной Конье стала бы культурным шоком для любого, кто знаком со старой Турцией. Наибольшее удивление вызывает поведение женщин. Если в прежние времена женщины появлялись вне дома с ног до головы закутанными в темные покрывала, то теперь они без всякого смущения носят европейские одежды и даже позволяют себе остановиться на улице и поболтать со знакомым мужчиной. Турецкие дамы с увлечением листают журналы мод и пытаются не отставать от парижанок.

Прежний идеал турецкой женщины — безвольного существа, разжиревшего от безделья и чрезмерного употребления сладостей, — остался в далеком прошлом. Нынешние турки восхищаются стройными, изящными женщинами. И я заметил, что на рекламе сигарет (да и любых других товаров, где уместно изображение женской фигуры) появляются именно такие девушки — тоненькие красавицы, одетые по последней моде, частенько с

сигаретой в руках и уж, во всяком случае, несомненные сторонницы женской эмансипации.

Подойдя к окну гостиницы, я окинул взглядом окрестности. Наибольший интерес представляло новенькое здание начальной школы, стоявшее как раз напротив отеля. Примерно за полчаса до того, как привратник отпер двери, перед школой собралась большая и шумная толпа детишек. Не меньше сотни учеников — мальчиков и девочек с книжками под мышкой — с нетерпением ждали, когда им можно будет войти внутрь. Наконец двери распахнулись, и это послужило сигналом: из-за всех углов показались десятки ребятишек, они поспешно пересекали игровую площадку и скрывались в здании школы. В это же время появилась группа молодых турецких девушек — это были студентки-практикантки, направлявшиеся к месту работы. Все девушки были одеты в синие пиджаки и темные юбки, на головах у них красовались щегольские фуражки с золотой тесьмой. Глядя на этих будущих учительниц, степенно вышагивавших с портфелями и сумками в руках, я думал, что в дореволюционные времена они безвылазно сидели бы в гаремах, а если и выходили бы на улицу, то лишь под покровом плотной чадры.

Чем больше я познавал современную Турцию, тем сильнее восхищался достижениями Гази и его сподвижников. Заседавшее в Анкаре правительство уже добилось многого. Будь в запасе у него хотя бы десять лет мирной жизни, я уверен: весь мир с удивлением взирал бы на совершенно новую Турцию.

Надо признать, что нынешним турецким правителям досталось тяжелое наследие. В начале двадцатого века Турция представляла собой безнадежно нищую страну, развращенную многолетним равнодушием и кумовством, связанную по рукам и ногам мусульманской традицией. Правительство Ататюрка провело тотальную модернизацию: оно решительно порвало с традицией, избавилось от алчных иностранцев, реанимировало производство и заставило турок работать.

Мне кажется, что Кемаль Ататюрк чем-то напоминает нашего Альфреда Великого. Тот тоже начал с того, что изгнал из Англии данов и занялся переустройством родной страны. Подобно своему британскому предшественнику, нынешний турецкий президент отложил в сторону меч и посвятил себя созданию новых законов для турецкого народа.

Организация турок-кемалистов близка по духу к ирландскому движению Шинн Фейн. На протяжении столетий турки находились в подчинении у греков, армян, евреев и других иноземцев, сумевших узурпировать все коммерческие рычаги в стране. При

этом страдала не только турецкая экономика, но также язык и религия. Доказательством тому множество арабских слов и верований, проникших в турецкую культуру. Ататюрк поставил перед собой цель создать новую, турецкую Турцию, и для этого ему пришлось сокрушить тысячи чужеродных идолов. Он избавился от всего иностранного.

Удивление вызывает то спокойствие, с которым турецкий народ отнесся к ниспровержению традиций. Похоже, турки беспрекословно доверяют своему Гази: они никак не отреагировали на исчезновение султанов и халифов, смирились с изменением социальных обычаев, небывалой свободой женщин, запретом на ношение национальной одежды и фактической отменой религии.

Нашлись, конечно, люди, которые цинично посмеивались над новой моделью поведения, усиленно пропагандируемой президентом, — особым нападкам подвергались алкогольные коктейли, фокстрот и нелепые котелки. Но даже критики не могли не восхищаться той энергией и решимостью, с какой Кемаль Ататюрк взялся переделывать Турцию на новый, европейский лад. Он не остановился даже перед тем, чтобы заново переписать историю страны — и все для того, чтобы открыть перед своим народом новые перспективы.

На мой взгляд, из всех этих достижений наибольший интерес представляет новая система образования.

Я высказал пожелание посетить начальную школу в Конье. Хассан на мою просьбу отреагировал неожиданно.

— Думаю, туда вам лучше отправиться одному, — сказал он и пояснил: — Если я пойду с вами, то могу расплакаться и покрыть себя позором. Все-таки я кавалерийский офицер.

Тут уж я не сумел скрыть своего удивления. Неужели передо мной тот самый человек, который совсем недавно хвастал своими военными «подвигами»? Герой, который жег деревни, убивал мятежников, с шашкой наголо скакал в атаку на греков и роялистов?

— Вам этого не понять! — воскликнул Хассан. — Вы-то родились и жили в стране, где получить образование очень просто, а школа — самое обыденное явление. Не то что у нас! Вы только подумайте: в детстве я был вынужден ходить в какое-то непонятное заведение при мечети. Мы сидели на грязном полу, а наш с позволения сказать учитель — старик, которому было наплевать на нас, — читал вслух Коран. Вот и все. Такова была Турция во времена моей юности. Теперь все изменилось. Каждый молодой турок — не важно, юноша или девушка — имеет возможность учиться бесплатно. В вашей стране образование — как вода, всем дается

даром. Повсюду бесплатно! Потому я и говорю, что вы не поймете. Когда я смотрю на этих детей, у меня все здесь сжимается...

И Хассан, кавалерийский офицер, стукнул себя по груди.

Тем не менее в школу мы отправились вместе. Я получил возможность разглядеть изблизи это светлое, наполненное воздухом здание в лучших традициях современной архитектуры. В вестибюле стоял неперенный бюст Ататюрка.

Я познакомился с директором школы, и он изложил мне систему правил, действующих в учебном заведении. От него я узнал, что классы в школе смешанные. Учителями тоже работают как мужчины, так и женщины. Старый арабский алфавит под запретом, говорить или писать можно только на новом турецком языке, в котором используются латинские символы. Преподавание религии строжайше запрещено.

После краткой беседы мы заглянули в одну из классных комнат. При нашем появлении весь класс — пятьдесят маленьких мальчиков и девочек — встал и вытянулся по стойке «смирно». Меня это не удивило, подобную картину можно наблюдать в любой муниципальной школе Лондона. Каждый ребенок сидел за отдельной партой. На стене — черная доска, и когда мы вошли, молодая учительница как раз что-то на ней писала. В задней части комнаты находился большой поднос с песком, размером примерно три на шесть футов. Оказывается, младшие школьники обучаются грамоте по оригинальной и весьма остроумной методике. Дети наполняли песком маленькие воронки и с их помощью «писали» (на самом деле выдавливали, как делает кондитер с кремом) буквы. Контролировался процесс очень просто — при помощи пальца: то открывая, то закрывая отверстие воронки.

Когда учительница спросила, есть ли желающие выйти и написать предложение на доске, тут же взметнулся лес рук. Выбор пал на маленького коротко стриженного мальчика. Без малейшего смущения тот прошествовал к доске и взялся за мел. Он уверенно написал несколько слов, после чего поклонился директору и вернулся на свое место.

— Что он написал? — поинтересовался я.

— Он написал следующее, — прокомментировал директор, — «Когда вырасту, я буду служить своей стране».

Я оглянулся в поисках Хассана и как раз успел заметить, как тот, прижимая платок к глазам, выходит из класса.

Одну за другой я осмотрел все классные комнаты. Больше всего меня поразили два факта: во-первых, серьезность и сообразительность учащихся — в этих классах никто не баловался; а во-вторых, равноправие, которое царил между мальчиками и

девочками. Они трудились бок о бок и вносили равноценный вклад в общее дело. Издревле женщина в Турции считалась как бы человеком второго сорта. В мальчиках с рождения воспитывали чувство собственного превосходства. Сын — маленькое божество домашнего очага, дочь же всего-навсего служанка. Учитывая, что это происходило на протяжении многих веков, можно было бы ожидать, что подобная атмосфера — в той или иной степени — сохранится и в смешанных классах. Ничего подобного! Молодое поколение турок росло свободным от мужского шовинизма. Отношение к женщине как к низшему существу изжило себя — вместе с гаремами и прочими пережитками прошлого.

Внезапно прозвенел звонок. По всей школе прокатился дружный гул — это ученики поднялись из-за парт и снова застыли по стойке «смирно». По команде учителя они построились попарно и дисциплинированно покинули класс, распевая на ходу какой-то патриотический гимн.

Бедняга Хассан не расставался с носовым платком. Сначала он откашлялся, затем громко, с трубным звуком высморкался.

— Вы видите новую Турцию, — прошептал он. — Скажите, разве она не прекрасна?

Директор школы стоял в коридоре, сияя улыбкой, а мимо него шествовала длинная колонна поющих детей. Один за другим они сворачивали за угол и выходили на залитый солнцем школьный двор.

— Перед вами будущие учителя, врачи и архитекторы новой Турции! — воскликнул Хассан. Голос его окреп и зазвенел от избытка чувств. Он с нескрываемой гордостью смотрел на маленьких темноглазых и голубоглазых турок, которые дружными рядами с песней проходили мимо бюста своего вождя — Кемаля Ататюрка.

8

В результате наших долгих вечерних бесед с Хассаном я начал в какой-то степени понимать его энтузиазм по поводу Гази. Этот человек многое сделал для своего народа. Он не только пробудил турок от вековой спячки, не только поднял уровень их самооценки — по сути, Ататюрк даровал своему народу новую духовность. Заставил оторваться от прошлого и встать на новый путь, который, возможно, приведет Турцию к великому и прекрасному будущему.

Хассан пояснил мне один из важнейших шагов, предпринятых правительством на пути национального возрождения страны.

— Помните, во время разговора в Соле я сказал, что туркам следовало бы воздвигнуть памятник Ллойд Джорджу, — начал он. — Вы тогда еще улыбнулись, и совершенно напрасно. Я говорил вполне серьезно и готов повторить еще раз. В 1920 и 1921 годах — когда мы были смяты и ослаблены после неудачной войны — европейские политики приняли сторону Венизелоса и тем самым оказали нам немалую услугу. Они пробудили нашу доблесть, влили свежую кровь в наши жилы, стимулировали наше самосознание. Турки снова почувствовали себя нацией — возможно, впервые с тех пор, как захватили в Средние века Константинополь. Даже в том состоянии, проиграв войну, мы сумели оправиться от военного поражения, объединились для борьбы с греками и под руководством Гази выиграли эту схватку. Именно там — за столом переговоров в Лозанне — родилась новая Турция. С того момента она стала страной для турок. Иностранцам пришлось убраться вон.

Вы обратили внимание, сколько армян и греков вам встретилось в Турции? Я и сам отвечу: немного. Их сейчас меньше, чем было после походов Александра Великого. И это результат лозаннских договоренностей. Тогда было решено, что все турецкие греки должны покинуть нашу страну, а взамен турки уйдут из Греции и Македонии. В 1921-1927 годах множество греков (если быть точными, миллион триста пятьдесят тысяч) выехали из Турции, им на смену приехали около полумиллиона турок из Греции. Тогда европейские экономисты смеялись над нами. Говорили: «На что рассчитывают эти глупые турки? О каком прогрессе может идти речь, если страна лишилась своих главных коммерсантов?» Однако они не понимали, что греки и армяне исполняли лишь посредническую роль. Да, они продавали нам европейские товары, но мы прекрасно могли сами справиться с этой задачей. Так что мы в результате не пострадали.

На следующем этапе Гази решил избавиться от халифа. И снова европейцы подняли вой: «Турки, верно, сошли с ума! И эта страна когда-то грезилась панисламизмом?» А мы именно потому и изгнали халифа. Дело в том, что ислам статичен, он не оставляет возможностей для развития. Республиканская Турция понимала: если она желает стать современным государством, ей придется порвать с традициями, которые тянут назад.

Хассан достал блокнот и начал быстро писать. Вскоре он предъявил мне список основных достижений на пути экономического восстановления Турции. Полным ходом идет железнодорожное строительство. Открываются новые угольные шахты, в качестве побочного продукта страна получает сырой бензол, угольную смолу и метан. В скором времени должны

открыться предприятия по добыче меди. В Кекилбурли начинается разработка залежей серы. В Бурсе начала функционировать шелкопрядильная фабрика, а в Анкаре — фабрика шерстяных изделий. В Пасабахче на Босфоре открылось производство стекла, скоро планируется выпускать по пять тысяч тонн штампованного стекла ежегодно. В Алпуллу построили сахарорафинадный завод, еще три завода строятся в Ушаке, Эскишехире и Турхале.

— Если это не экономический прогресс, — воскликнул Хассан, — тогда что, по-вашему?

— А все деньги, которые остаются от промышленного строительства, вы пускаете на армию и на образование? — спросил я.

— Естественно, — подтвердил мой собеседник. — Мы обязаны крепить оборону страны, и мы должны учить наших детей — тех, кто будет жить в новой Турции.

— А вам никогда не приходило в голову, Хассан, что новая Турция, которой вы так гордитесь, появилась благодаря христианству?

Он бросил на меня удивленный взгляд и ответил, что в Турции выбор религии — личное дело каждого гражданина.

— Мне кажется, вы просто не вполне понимаете. Европа — в том виде, в каком она сейчас существует, — результат многовекового господства христианства. Избрав европейский путь развития, вы невольно копируете достижения христианской культуры. Посмотрите, у вас даже выходной день установлен в воскресенье, а не в пятницу, как у мусульман. Возможно, когда-нибудь вы придете к логическому завершению и примете христианство.

9

Во время пребывания в Конье нас пригласили на обед в турецкой семье. Речь шла о муниципальном чиновнике, с которым меня связывали деловые отношения. Это был приятный, спокойный человек, неизменно одевавшийся в черный пиджак и полосатые брюки и тем самым напоминавший мне лондонского клерка.

Дом стоял на узкой темной улочке, где даже тротуар отсутствовал. Несмотря на смену владельцев, здесь царила атмосфера исконной Турции с ее фесками, гаремами и прочими приметами старого быта. Однако, как только мы попали внутрь, сразу стало ясно, что хозяева — современные люди.

Жена хозяина, которой на вид было около тридцати лет, провела нас в холл, где — в соответствии с лучшими европейскими

традициями — гостей встречал сам хозяин. Он обменялся с нами рукопожатиями и пригласил в гостиную, намеренно выдержанную в западном стиле. Стены были покрыты серой клеевой побелкой и украшены вставленными в рамку фотографиями хозяина в военной форме. Обстановку составляла мебель из мореного дуба с бархатной обивкой табачного цвета. Посередине возвышался уже накрытый обеденный стол. Маленькая позолоченная статуэтка полуобнаженной балерины — из тех, что можно увидеть на витринах французских антикварных лавок, — очевидно, призвана была символизировать решительный разрыв с прежними традициями. Фигурка занимала почетное место на каминной полке, претендуя на роль экзотического божества домашнего очага, но лично у меня она вызвала стойкие ассоциации с кабаре и вечерним фраком.

В качестве аперитива хозяин предложил нам *ракию* в маленьких стаканчиках. Его энергичная жена тем временем отдавала последние распоряжения относительно праздничного обеда.

В этом доме все мне казалось удивительным. Я подумал, что попади я сюда в 1920 году, не увидел бы ни хлопотуньи-жены, ни роскошного стола из мореного дуба. Скорее всего, мне пришлось бы сидеть по-турецки на низкой оттоманке и обмениваться любезностями с хозяином, который, кстати сказать, тоже выглядел бы совсем иначе.

Любопытно, подумалось мне, каким образом провинциальные турецкие семьи умудряются обставлять свои дома на европейский манер. Полагаю, если бы кто-нибудь из моих лондонских знакомых вздумал устроить у себя турецкую гостиную, он оказался бы в совершенно безвыходном положении. Затем я припомнил многочисленные иллюстрированные журналы — немецкие и французские — и понял, что проблема решается достаточно просто. Вот уж вряд ли парижские и берлинские создатели интерьеров, а также великосветские красавицы, позирующие фоторепортерам в Лоншане, рассчитывали на подобную популярность в отдаленных уголках Малой Азии.

Наше меню включало в себя густой суп, красную икру и дымящийся ароматный плов. На десерт подали домашнюю пахлаву и медовые пирожные, которые являются фирменным блюдом в Тарсе. Символом новых турецких порядков стала бутылка белого вина с серым волком на этикетке. На вкус вино оказалось превосходным, и я подумал, что, если бы турки взяли его экспортировать в Европу по разумным ценам, то они бы не испытывали недостатка в покупателях.

Я с интересом наблюдал за хозяйкой дома, которая выглядела типичной представительницей современных эмансипированных турчанок. В молодости она посещала Американский колледж в Тарсе, а потому неплохо владела английским. Она была яркой поклонницей республики и тех новаций, которые революция привнесла в жизнь женщины. Она с улыбкой рассказывала о своей служанке — деревенской девушке, которая приехала из соседней деревни и упорно придерживалась старомодных взглядов на жизнь.

— Вы себе не представляете, — говорила хозяйка, — как трудно прививаются новые идеи среди невежественных людей.

В конце концов мы сошлись на том, что все это — вопрос образования. И снова темой обсуждения стала деревенская горничная. Оказывается, ее мужа совсем недавно призвали на воинскую службу, и женщина — вместе с новорожденным ребенком — переехала жить в дом хозяев.

— Она просто напичкана нелепыми предрассудками, — жаловалась хозяйка. — Например, она убеждена, что до полугода ребенка нельзя мыть. Правда, правда! Она искренне верит, что вода убьет мальчика. Бедняжка и не подозревает, что как только она выходит из дома, я тут же хватаю младенца и тащу в ванную. Вы ведь согласны, что гигиена очень важна в нашей жизни?

После обеда она подала мне пепельницу из опалесцентного стекла фирмы «Лалик». Пепельница была выполнена в виде летящей нимфы с развевающимися волосами. Я подумал, что подобный предмет привел бы в ужас мать хозяйки, а уж какое впечатление произвел бы на бабушку, и вовсе не берусь предсказать. Хозяин дома решил сыграть с Хассаном партию другую в нарды, а жена его взялась меня развлекать с помощью семейного альбома, где были отражены различные этапы взросления ее мужа. Как ни странно, но данное занятие оказалось весьма поучительным с социальной и политической точки зрения. На одной из первых фотографий я увидел маленького и толстого турецкого мальчика в запрещенной ныне феске. Он стоял рядом с пожилым мужчиной в национальном турецком костюме.

— О, это его дедушка, — со смехом прокомментировала хозяйка, а я про себя отметил: возможность смеяться над поколением дедушек и бабушек — еще одна привилегия современной Турции.

По мере того как женщина перелистывала страницу за страницей, передо мной разворачивалась хроника превращения ее супруга в стопроцентного европейца. Военный каракулевый *калпак* превратился в штатскую остроконечную шапку, а затем, с наступлением республиканских времен, хозяин и вовсе предстал в

полном блеске западного костюма, который включал уже знакомый мне черный пиджак, полосатые брюки и заливчатский котелок.

Игра в нарды завершилась, и мужчины принялись обсуждать злободневный вопрос — наследственное право в мусульманских странах. Система эта грешила множеством нелепостей, которые были исправлены в ходе юридической реформы Гази. Старые законы запрещали туркам произвольно распоряжаться имуществом. В частности, они не имели права завещать недвижимость какому-то одному лицу по своему выбору: в случае смерти владельца его достояние автоматически распределялось между всеми членами семьи. В результате дом и прочее хозяйство переходили в пользование пятнадцати (а то и более) хозяев. И каждый из новых владельцев имел право немедленно въехать в дом со своими чадами и домочадцами. На Востоке принцип множественного наследования распространялся даже на крупный рогатый скот, лошадей и прочее, казалось бы, неделимое имущество. Вот и получалось, что человек становился владельцем десятой части коровы или четверти оливкового дерева.

Очевидно, подобной абсурдной системой и объясняется то страшное запустение, которое царит в восточных городах. Множество неплохих домов ветшают и разрушаются просто оттого, что толпа собственников — а подчас это двадцать или тридцать родственников — не могут прийти к согласию по поводу условий продажи.

Теперь, когда в вопросах наследования Турция приняла за образец швейцарский Гражданский кодекс, у собственников появилась возможность передавать свое имущество конкретному наследнику, который будет достойно заботиться о недвижимости и содержать ее в надлежащем порядке. Может, именно поэтому в наше время появилось множество каменных домов, в то время как в старой Турции в основном строили из дешевых пород дерева.

Вскоре на вечеринке прибавилось народа — в гости зашла семейная пара, друзья наших хозяев. Муж оказался застенчивым молодым человеком, который говорил только по-турецки; жена же — очаровательное болтливое создание — напомнила мне туберозу в полном цвету. Подобно многим пропорционально сложенным женщинам, она обладала кошачьими повадками, и я с восхищением наблюдал, как грациозно она передвигается в загроможденной гостиной. Она тоже прошла курс обучения в Американском колледже, но, в отличие от хозяйки дома, не сильно продвинулась в овладении английским языком. Говоря откровенно, ее познания в данной области не выходили за пределы детсадовской группы.

— Мадам, вы говорите по-английски? — деликатно поинтересовался я.

Женщина энергично закивала и, устремив на меня взгляд своих прекрасных темных глаз, старательно продекламировала:

— Кошачка, кошачка, где ты бывать?

Я бывать в Лон-дон.

Кошачка, кошачка, что ты там видать?

Я видать маленький мышка

Под королевский трон.

Ну, что тут скажешь? Я вежливо поаплодировал даме и, возможно, с излишней педантичностью исправил пару ошибок. Тем временем остальные гости прервали светскую беседу и с откровенным интересом прислушивались к нам.

— Скажите, разве такое возможно? — серьезно спросил Хассан. — Чтобы под троном английской королевы сидела мышка?

— Вряд ли, — ответил я.

Он удовлетворенно кивнул.

— Я так и думал, но на всякий случай решил спросить.

К тому времени, как наш вечер подошел к концу, я обогатил багаж туберозы еще одним детским стишком, который она мне и зачитала на прощание:

— Ты мигай, маленько звезд...

Хозяин дома вооружился крепкой суковатой палкой и объявил, что непременно проводит нас до гостиницы. Мы всячески отнекивались, но он настоял, объяснив, что в ночное время по улицам бегают большое количество одичавших собак. На этом вечеринка окончилась. Мы раскланялись с хозяйкой дома и покинули гостеприимный особняк.

Ночная Конья представляла собой очаровательное зрелище: лунный свет заливал узкие улочки и четко обрисовывал очертания крепостных стен. Все было погружено в зеленоватый полумрак. Уже завернув за угол, мы услышали пронзительный свист и увидели массивную тень стражника, которая появилась из темноты в овчинном тулупе с револьвером на поясе.

Глава шестая

По Галатии

Достопримечательности Антиохии Писидийской и Дервии, а также мое путешествие в горы, где находится потерянный город, и через равнину, где я увидел людей с жертвенным бараном. Позже, в тишине Икония, я перечитываю Послание к Галатам.

1

К тому моменту, как святые Павел и Варнава появились в Антиохии Писидийской с проповедью Евангелия, город уже на протяжении полувека являлся римской колонией. Это была одна из шести колоний, которые император Август избрал для утверждения закона и порядка в Южной Галатии. С некоторых пор в этой части империи развелось огромное количество разбойничьих шаек, и для борьбы с ними требовались стационарные опорные пункты.

Как и во всех римских колониях, в Антиохии Писидийской проживали немало бывших солдат: в основном это были алауды — ветераны Пятого легиона. Юлий Цезарь сформировал этот легион в основном из трансальпийских галлов, и legionеры носили на боках шлемов перья, напоминавшие хохолки жаворонков. На полковых штандартах также изображались эти птички, широко распространенные в северной Галлии. Следует отметить, что империя не забывала своих солдат, и бывшие legionеры, нынешние жители Антиохии, обладали рядом важных гражданских привилегий.

В Антиохии Писидийской римляне унаследовали город с долгой и интересной историей. Это была одна из шестнадцати Антиохий, которые Селевк Никатор основал на просторах эллинистического мира и назвал в честь своего отца Антиоха. Место для города было исключительно удачное — на холме над Антиохийской равниной, которая заканчивалась у подножия горного массива Султан-Даг. Там, меж гигантскими пиками, залегали укромные лощины, в которых снег не таял даже в середине лета.

Переход в ранг римской колонии для Антиохии Писидийской означал конец демократической греческой традиции. Отныне городу предстояло развиваться по римскому образцу. Главенствующее положение занимали бывшие legionеры, которые — независимо от национального происхождения — считались в

большей степени римлянами, чем сами коренные римляне. Свои постановления они издавали на латыни, вся муниципальная деятельность тоже строилась на римский лад. Тем не менее Антиохия оставалась многонациональным городом, и наверняка роль интеллектуальной элиты принадлежала греческому населению. Здесь также имелась еврейская торговая колония, которая сложилась еще в эллинистические времена. Недаром ведь старинная пословица гласила, что за флагами всегда следует торговля. Ну и, конечно же, в Антиохии было немало рабов — в основном из числа коренных анатолийцев.

Антиохия апостольской эпохи — достойное порождение воинственного Рима: неприступный, обнесенный высокими стенами город, служивший военной столицей провинции Галатия. Чтобы попасть сюда, Павлу пришлось проделать тяжелый многодневный путь по горной дороге. И вот он наконец-то в Антиохии: ходит по улицам, рассматривает латинские надписи на многочисленных статуях и публичных зданиях. Можно было вообразить, что он попал в саму столицу мира, в великий Рим (или уж, во всяком случае, оказался ближе нему, чем когда-либо прежде). К тому моменту Павел уже имел миссионерский опыт: он проповедовал в Сирии, в Киликии, на Кипре, но вот в римскую колонию попал впервые. Укладываясь спать в антиохийской гостинице, он слышал за окном громкие голоса — это перекликалась на латыни ночная стража. Здесь, на холмах Малой Азии, явственно ощущался отблеск величия далекого Рима.

Сразу по прибытии в Антиохию Павел и Варнава связались с местными евреями и получили приглашение выступить перед общиной на субботнем собрании. Две субботы подряд они говорили перед иудеями и вначале были приняты вполне благожелательно. Но затем ортодоксальные евреи резко воспротивились проповеди Евангелия. Вот тогда-то апостолы и сделали заявление, которое стало переломным:

«Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию; но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам»²².

Так далекая Антиохия Писидийская стала городом, где свершилось одно из важнейших событий христианской истории. Давайте проследим всю цепь событий с момента Распятия. Первый город в списке — Иерусалим, где принял смерть Стефан, первый христианский великомученик. За ним следует Дамаск, где произошло крещение Павла, и Яффа, где крестился Петр. Далее следует упомянуть Антиохию Сирийскую, где возникла первая миссионерская церковь. И вот теперь — Антиохия Писидийская, где

Павел своим заявлением широко распахнул двери и всем желающим открыл доступ в христианскую религию. *«То вот, мы обращаемся к язычникам»*. Отныне, чтобы стать христианином, не надо было сгибаться перед дверьми синагоги. Здесь, на этом маленьком клочке Рима, два проповедника «преисполнились смелости» и основали всеобщую христианскую церковь.

Я думаю, если бы Микеланджело взялся живописать эту сцену, то он изобразил бы Антиохию Писидийскую, а высоко в облаках над нею начертал образ святого Петра.

Если заглянуть в Деяния апостолов, мы увидим, что последние три стиха тринадцатой главы и первые четыре стиха главы четырнадцатой посвящены бегству Павла и Варнавы — сначала из Антиохии Писидийской, а затем из Икония, следующего города, который они посетили. В обоих случаях к бегству принудили ортодоксальные евреи, но любопытно, что в каждом случае они использовали различные методы, чтобы избавиться от неугодных проповедников.

Антиохийские иудеи действовали «подстрекнувши набожных и почетных женщин». Возникает закономерный вопрос, почему они прибегли к косвенному способу? А все дело в том, что жили они в римской колонии и попросту не посмели открыто выступить против христианских апостолов. Упомянутые «набожные и почетные женщины» принадлежали к числу прозелитов, группировавшихся вокруг антиохийских синагог. Многие из них были достаточно высокопоставленными особами, женами и дочерьми влиятельных чиновников. Евреи прекрасно понимали: если они прямо обратятся к городским властям с просьбой изгнать из города Павла и Варнаву, то, скорее всего, наткнутся на отказ. Их спросят: «А что, эти люди нарушили какие-то законы?» И евреи вынуждены будут признать, что нет, никаких законов христианские проповедники не нарушали.

Поэтому они вынуждены были пойти на хитрость, которая оказалась весьма эффективной. Каждая женщина приставала дома к своему мужу с бесконечными просьбами избавить город от «богохульников». Ведь рабби — такой хороший человек и добрый друг Римского государства — объяснил ей, сколь опасны эти проповедники. Они не признают культа императора, а их рассказ о царе, который в будущем станет править всей землей, является прямым оскорблением цезаря! Недаром говорится, что вода камень точит. Вот и евреи тихо, без лишнего шума добились своей цели.

Теперь посмотрим, что же произошло в Иконии — городе, расположенном всего в шестидесяти милях от Антиохии. Здесь евреи действовали по-другому, они не стали науськивать

«набожных и почетных женщин». Вместо того чтобы использовать хитроумный косвенный подход к отцам города, они спровоцировали недовольство населения, которое вылилось чуть ли не в открытый мятеж. Впрочем, мнение горожан разделилось: «одни были на стороне иудеев, а другие на стороне апостолов». В результате Павел и Варнава, узнав, что готовится побиение камнями, сочли разумным покинуть Иконий и бежать в Листру, соседнюю римскую колонию.

В чем же дело? Почему столь разнилось поведение евреев в этих двух городах? А причина заключалась в том, что Иконий не являлся римской колонией. Он продолжал оставаться демократическим греческим городом, где власть принадлежала народу. В таких условиях наиболее эффективным способом борьбы с христианскими проповедниками было открытое противостояние. Евреи понимали: достаточно затеять публичный спор, восстановить против апостолов горожан, и потом можно преспокойно сидеть и ждать, когда демократия выполнит грязную работу.

Я думаю, эти несколько стихов Деяний, во-первых, служат доказательством педантичной точности Луки, а во-вторых, позволяют глубже проникнуть в смысл его сочинения. Даже если прямо и не сказано, что во времена Павла Антиохия являлась римской колонией, а Иконий — греческой демократией, столь различное поведение евреев в этих двух городах служит доказательством — не менее надежным, чем прямая запись на латыни или греческом языке.

2

В шестидесяти милях к западу от Коньи, рядом с турецким городком Ялова, на вершине голого холма сохранились обрушившиеся арки римского акведука. Это, пожалуй, и все, что осталось от некогда процветавшей Антиохии Писидийской, если не считать неестественной формы местных скал. А скалы здесь выглядят действительно необычно — сглаженные и уплощенные. Причем видно, что произошло это не под действием ледников или огненной стихии, а в результате медленной и планомерной работы мотыг и топоров.

В древние времена акведук тянулся поверх холмов и уходил в подножие Султан-Дага. Здесь, в скальном туннеле, он наполнялся водой, которую нес затем в Антиохию Писидийскую.

Чем больше я исследовал разрушенных городов Малой Азии, тем более укреплялся во мнении, что история этой страны

буквально написана водой. Порой, чтобы добраться до того или иного пункта, мне приходилось путешествовать по таким укромным горным лощинам, куда даже орлы нечасто заглядывают. И там, на диких горных склонах, я, к своему удивлению, обнаруживал, что когда-то, давным-давно здесь уже побывали люди. В этих, казалось бы, совершенно непроходимых местах они умудрились возвести беломраморные библиотеки и сидели в них, внимая словам Эсхила. Проезжая по выжженной солнцем равнине, я неожиданно наткнулся на курган, покрытый белыми камнями, которые в изобилии были разбросаны по земле. Подобрал один из этих камней, я увидел, что это обломок мрамора, который столетия назад прибыл сюда на корабле из Греции. Другой камень имел красный цвет: он оказался египетским порфиром. Эти камни — единственное доказательство того, что столетия назад здесь стоял прекрасный город. Философы прогуливались под мраморными колоннами, окружавшими рыночную площадь; скульпторы трудились над великолепными дворцами; торговцы везли свои грузы — золото, специи и благовония для богатых покупателей.

Поневоле задумаешься, каким образом эти скалистые утесы и знойные пустыни могли стать пристанищем для античного города? Ответ прост — благодаря воде. Сегодня ее, возможно, и не видно. За прошедшие века река могла пересохнуть или, изменив свое русло, уйти на другой склон холма. Но повсюду — даже в самой безжизненной и негостеприимной местности — если уж вы наткнетесь на руины древних городов, то можете быть уверены: в свое время предприимчивые греки или римляне протянули сюда акведуки, которые снабжали города живительной влагой.

Однако цивилизация, основанная на акведуках, сильно рисковала. Если недоставало сил защищать «воздушные водопроводы», рано или поздно они становились жертвами варваров, которые за короткое время превращали дворцы и храмы в груды развалин. Разрушенный акведук означал гибель города. И тогда провалятся крыши домов, на останках агоры буйно разрастется златоцветник, обрушатся мраморные полки библиотек, в пересохших фонтанах устроят свои гнездовья птицы, а на месте бывших храмов будут бродить стаи шакалов.

Именно это и случилось с блестящими центрами эллинистической эпохи. Шайки варваров прервали живительный водоток, и вода свободно изливалась на землю в местах разломов. Пользуясь этим, разрушители возвели свои походные палатки возле разрушенных акведуков. А стены заброшенных городов постепенно осыпались. Мраморные постройки растаскивали на загоны для овец. Великолепные колонны, когда-то доставленные на греческих

кораблях, заносило песком. Древние гробницы с их мраморными и золотыми гробами подвергались разграблению. Резные саркофаги, в которых римляне хоронили усопших, в конце концов превратились в банальные поилки для коз.

И вот столетия спустя я стоял перед разрушенным акведуком Антиохии Писидийской, и передо мной разворачивалась трагическая история не только этого города, но и Эфеса, Милета, Пергама, Иераполиса и других блестящих городов Малой Азии, чьи имена славились на весь мир в античную эпоху.

3

Турецкое завоевание обернулось для Малой Азии тяжкими последствиями. Черные времена настали для античных малоазийских городов. Наиболее убедительным доказательством служит тот факт, что менее чем через столетие было забыто даже место, где некогда стояла блистательная Антиохия Писидийская. О Листре не вспоминали до 1885 года, Дервия оставалась в забвении до 1888 года.

Первым городом, который вновь открыли для себя неблагодарные потомки, стала Антиохия Писидийская. Случилось это в 1883 году благодаря корнуоллскому священнику Фрэнсису Вивьену Джаго Арунделлу, который — в бытность британским капелланом в Смирне — совершил путешествие по внутренним областям Турции.

Ныне этот человек, внесший неоценимый вклад в изучение географии Нового Завета, покоится на церковном кладбище Ландульфа. Этот маленький корнуоллский городок стоит на берегу реки Тамар, там, где она широко разливается на пути на запад и образует озеро Кингсмир. В той же самой церквушке захоронен прах Феодора Палеолога, потомка последнего императора Восточной империи. Если верить семейным хроникам, то благодаря брачным связям семейство Арунделлов находилось в отдаленном родстве с византийскими императорами.

Феодор был четвертым по счету потомком Фомы, родного брата императора Константина XIII, погибшего при защите Константинополя от турок. Вынужденный скрываться за границей, Феодор нашел себе пристанище в Англии. Здесь он женился на дочери Уильяма Боллса из Хэдли, в графстве Саффолк. Одна из их дочерей и стала женой Арунделла из Ландульфа. В 1636 году во время визита в Корнуолл Феодор Палеолог скончался и был похоронен в маленькой местной церквушке.

А нам остается лишь удивляться причудливости судьбы, которая свела вместе на корнуоллской земле (пусть и с интервалом в несколько столетий) человека, обнаружившего останки Антиохии Писидийской, и потомка христианского императора, сложившего голову в борьбе против ислама. Можно сказать, что в этом невероятном месте — на церковном кладбище далекого Корнуолла — сошлись воедино начало и конец христианства в Малой Азии.

Находясь по долгу службы в Смирне, Арунделл свел знакомство с семейством Морье. Это событие укрепило интерес к археологии и истории Востока, который жил в душе молодого корнуолльца. Джеймс Морье был выдающимся путешественником и дипломатом. Его перу принадлежали две книги о Персии и совершенно замечательный труд, посвященный быту и психологии Востока, — «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана». Вскоре Арунделл женился на сестре Морье.

Открытие Антиохии Писидийской сыграло важную роль в процессе отыскания и остальных античных городов. Как только определилось местонахождение Антиохии, целая группа соседних городов обрела свое место на географической карте.

В планы Арунделла входили также поиски Листры и Дервии. Однако, уже выйдя с экспедицией, он вынужден был остановиться в однодневном переходе от Коньи. Близился сезон зимних дождей, когда почва превращалась в сплошное море грязи и всякое передвижение по дорогам останавливалась. Опасаясь, что не сможет вернуться в Смирну, Арунделл был вынужден прервать экспедицию.

Однако вернемся к Павлу и Варнаве. Изгнанные из Антиохии, они решили искать убежища в Иконии, что располагался в шестидесяти милях к юго-востоку. В этом городе они задержались надолго. Любопытные и чуткие ко всем новым веяниям, греки с охотой слушали пришлых проповедников. Но и здесь мнения публики разделились. Миссионерской деятельности Павла и Варнавы посвящено пять коротких стихов из «Деяний», однако, увы, там ни слова не сказано о страстной и благородной девственнице по имени Фекла.

Эта чарующая и драматическая история излагается в апокрифе «Деяния Павла и Феклы», написанном неизвестным малоазийским священником предположительно во втором веке нашей эры. В свое время она пользовалась большой популярностью, а Фекла стала одной из самых знаменитых греческих святых. Император Юстиниан приказал воздвигнуть в ее честь церковь в Константинополе, рядом с Юлианскими воротами. Еще одна

церковь Святой Феклы была построена в Риме — на Виа Остиенсис, неподалеку от базилики Святого-Павла-Вне-стен. Ценность данного апокрифа не только в том, что он передает атмосферу апостолических времен. Благодаря исследованиям сэра Уильяма Рамсея современные ученые рассматривают историю Феклы в определенном ракурсе: либо как свидетельство имевших место событий, либо как доказательство прочного успеха миссионерской деятельности святого Павла.

История начинается с бегства Павла из Антиохии Писидийской. Некий житель Икония по имени Онисифор знал, что апостол будет проходить через их город, и вышел встречать его на Царской дороге. Ранее Онисифор никогда не видел Павла, поэтому был вынужден опираться на его словесный портрет. Итак, Онисифор стоял в том месте, где дорога ответвлялась на Листру, и внимательно наблюдал за всеми путниками, проходившими мимо.

«И увидел он Павла шествующего, мужа низкорослого, лысого, с ногами кривыми, с осанкою достойною, с бровями сросшимися, с носом немного выступающим, полного милости; и то являлся Павел как человек, то ангела имел обличье»^[28].

Поприветствовав апостола, Онисифор отправился с ним в Иконий, и «вошел Павел в дом Онисифоров; и была там радость великая, и колен преклонение, и хлебов преломление». И все, что тогда происходило, было видно и слышно в соседнем доме, где жила богатая женщина Феоклия со своей восемнадцатилетней дочерью Феклой. Жилища эти, подобно домам Помпеи и Геркуланума, разделялись дорогой шириной всего в несколько футов. Поэтому Фекла, сидя у своего окна, вполне могла расслышать проповедь апостола, посвященную целомудрию. «...И не отходила она от оконца, но в вере исполнилась ликованием. Видя же многих жен и дев, к Павлу приходивших, желала и она сподобиться стоять пред лицом Павловым и слушать слово Христово; обличия же Павлова она еще не видала, а только слово слышала».

Мать Феклы была сильно обеспокоена такой переменой в умонастроении дочери. А что уж говорить о женихе девушки — молодом греке по имени Фамирид! Рассказ же Феоклии только подлил масла в огонь:

«Новое имею поведать тебе, Фамирид; ибо три дня и три ночи не отходит Фекла от оконца своего, ни есть не хочет, ни пить, но как уставилась в оконце, так и сидит, словно ей в том радость некая, и слушает мужа чужестранного, обманным и хитрым словесам поучающего; и дивлюсь я, как это девица столь стыдливая так тяжело честь свою роняет...»

И они оба направились к окну, возле которого, словно зачарованная, сидела Фекла.

— Фекла, мне обрученная! — воскликнул Фамирид. — Что сидишь ты так и что за страсть обуревает тебя?

Но девушка, казалось, даже не слышала своего жениха. Тогда и мать принялась ее увещевать:

— Чадо, что сидишь ты, в землю глядя, и ничего не ответишь, но вне себя пребываешь?

Однако Фекла все так же молчала и напряженно прислушивалась к звукам Павлова голоса.

И Фамирид, преисполнившись гнева, решил жаловаться на апостола правителю города. Римский проконсул повелел схватить смутьяна и бросить в тюрьму. Это известие вывело Феклу из отрешенности: робкая мечтательная девушка обратилась в своевольную молодую женщину. Тайком она выбралась ночью из дома (для этого ей пришлось отдать привратнику драгоценный браслет) и, подкупив с помощью серебряного зеркальца тюремного стражника, проникла в камеру к Павлу.

«Вошла она к самому Павлу и слушала, сидя у ног его, о дивных делах Божиих. И ничего не страшился Павел, но вещал в свободе Божией; у нее же возрастала вера. И лобызала она оковы его».

Родственники, обнаружив поутру пропажу девушки, кинулись на поиски. В результате Павел снова, на сей раз вместе с Феклой, предстал перед проконсулом. Апостола подвергли бичеванию, а после изгнали из города. Феклу же приговорили к сожжению на костре — в назидание остальным женщинам Икония.

«Меж тем отроки и девицы носили дрова и сено, дабы сожечь Феклу огнем. Когда ввели ее нагую, заплакал игемон^[29] и подивился сущей в ней силе. Палачи же сложили костер и повелели ей взойти на него; сотворив знамение креста, поднялась она на дрова, они же подожгли. И разгорелся огонь великий; но не жег ее огонь, затем что Бог, умилосердясь о ней, шум сотворил подземельный, и осенил ее свыше облак, влаги исполненный и града, и излилось все вместилище его, отчего многие в опасность пришли и живота лишились. Огонь же угас, и Фекла спасена была».

Сэр Уильям Рамсей, который проанализировал историю Феклы в своей книге «Церковь Римской империи», утверждает, что весь эпизод судилища и сожжения в Иконии является более поздней вставкой. Дело в том, что в ту пору в Иконии не было римского правителя, и суд должны были вершить магистраты греческого города. Однако анализ текста убедил сэра Уильяма, что основа была создана в первом веке нашей эры и в дальнейшем переписана. Он подвергает сомнению реальность сцены сожжения,

которую я позволил себе процитировать, но указывает на реалистичность и живость, с какой описаны дальнейшие похождения Феклы в Антиохии Писидийской.

Однако вернемся к апостолу Павлу. После суда он укрылся в тайном склепе где-то на окраине Икония. Не зная исхода казни, он горько оплакивал судьбу девушки. Апостола поддерживали находившиеся с ним Онисифор и его семья. А Фекла тем временем бродила по городу и разыскивала Павла. Случайно она повстречала сына Онисифора, которого послали за хлебом. Он же и привел девушку в тайное убежище апостола. И тогда сказала Фекла:

«Обрежу власы мои и последую за тобою, куда бы ни пошел ты».

Павел долго не соглашался, но в конце концов сдался.

Онисифор с семьей вернулся в Иконий, а Павел и Фекла отправились вместе в Антиохию Писидийскую. В город они прибыли накануне праздника. По такому случаю в амфитеатре было устроено представление с дикими зверями. Когда Павел с девушкой вошли в Антиохию, они столкнулись с процессией, в которой участвовал «некий наместник Сирии» по имени Александр. Сраженный красотой Феклы, он остановился и попытался обнять девушку. Более того, он попытался выкупить ее у Павла. Затем произошло то, что сэр Уильям Рамсей охарактеризовал как «отвратительный со стороны Павла инцидент — отречение и предательство Феклы». Впрочем, данный эпизод сэр Уильям также относит к позднему вкраплению.

«Не ведаю, о какой женщине ты говоришь! Не моя она!» — якобы сказал Павел, прежде чем скрыться в толпе. Сэр Уильям Рамсей настаивает, что в более ранней версии изложения Павел и вовсе отсутствовал при этой встрече. Попав в беду, Фекла просто воззвала к имени апостола, а «тупые умы более позднего времени истолковали это как его физическое присутствие».

Итак, Фекла помимо своей воли оказалась в объятиях незнакомца. Как же она отреагировала? «И сорвала она хламиду с Александра и разодрала ее; и венюк сняла с главы его. И так торжествовала она победу свою». Согласитесь, серьезная обида для пылкого влюбленного. Ситуация осложнялась тем, что она оскорбила сирийского первосвященника во время церемонии, так сказать, при исполнении обязанностей. Проступок Феклы истолковали как святотатство, и девушке вынесли суровый приговор: во время праздника ее должны были выставить на арену к диким зверям.

Следует отметить редкостный реализм, с которым автор передает ярость, охватившую антиохийских женщин, когда они

услышали о принятом решении. Дело в том, что город только недавно стал римской колонией, и его жители еще не успели привыкнуть к этому кровавому виду спорта, никогда не пользовавшемуся популярностью у греков. Еще одно свидетельство подлинности истории заключается в том, что в ней участвует царица Трифена, которая приютила у себя Феклу. Это реальное историческое лицо: Трифена действительно являлась понтийской царицей, и во время описываемых событий ей было около шестидесяти лет. Мы узнаем, что царица прониклась участием к несчастной девушке и горько оплакивала, «что предстоит такой красоте кинутой быть зверям на пожрание».

Сцена на арене представлена очень колоритно и жизненно — с шумом и ропотом в толпе, с ревом голодных животных. Некоторые зрители кричали: «Выводи святотатицу!» Другие же, в особенности женщины, возражали: «Да погибнет город наш за беззаконие сие! Казни всех нас, проконсул! Горькое зрелище! Кривой суд!»

«Фекла же, из руки Трифениной взятая, была совлечена одежд своих и препоясана поясом, только прикрывавшим срам ее, и так брошена на ристалище. И выпустили на нее львов и медведей; и лютая львица, подбежав, к ногам ее прилегла, и толпа жен возопияла громко. И выбежала на нее медведица; но львица кинулась навстречу и растерзала медведицу. Затем лев, приученный терзать людей, что принадлежал Александру, выбежал на нее; и тогда львица, соплетшись со львом тем в борьбе, испустила дух вместе с ним. И возопияли жены громче прежнего, видя, что и львица, защитница Феклина, погибла. После того выпущены были на нее звери многие; она же стояла, простерши руки свои в молитве».

Молитва Феклы не приводится в греческой версии текста, знакомой мне в переводе Дж. Джеймса («Апокрифы Нового Завета»), но ее можно найти в сирийском варианте текста. Она подкупает своей красотой и искренностью:

«Господи, Боже мой, Отче Господа нашего Иисуса Христа, Ты — Помощник преследуемых, Ты — спутник бедных, взгляни на служительницу Твою, ибо вот обнажен у меня стыд женский, и стою я посреди народа этого всего. Боже мой, вспомяни служительницу Твою в сей час».

«Когда же окончила она молитву свою, обернулась она и увидела водоем, полный воды многой, и сказала: “Ныне пора мне омыться”. И вверглась она в воду рекши: “Во имя Иисуса Христа, крещусь в последний мой день!” Видя это, жены и весь народ стали вопиять с плачем: “Не ввергайся в воду ту!” Сам игемон прослезился, что такую красоту, и тюлени пожрут. Она же

вверглась в воду, призвав имя Иисуса Христа; и тюлени, ослепленные блистанием огня молнийного, замертво всплыли. И был вокруг нее как бы облак пламенный, так что ни звери ее не касались, ни нагота ее видима не была.

Когда же пустили в водоем иных зверей, лютее прежних, возопияли жены и принялись кидать кто листья, кто нард, кто касию, кто амом, так что благовоний было премного. А все звери, пущенные в водоем, словно дремой были обуяны и Феклы не трогали. И сказал Александр игемону: “Есть у меня быки весьма грозные; привяжем звероборицу к ним”. С отвращением отвечивал игемон: “Делай как пожелаешь”. И привязали ее за ноги между быков, быкам же принялись подкладывать к мужскому их естеству железа раскаленные, чтобы они сильнее взбесились и умертвили ее. И вот быки прынули, однако жар от желез пережег веревки, и встала Фекла, словно бы и не вязали ее.

Это стало последним испытанием Феклы. После этого правитель города призвал ее и спросил: “Кто ты?” И дева ответила: “Я есмь раба Бога Живого”.

Тогда игемон повелел принести ризы и сказал: “Облеки себя в ризы!” Фекла же молвила: “Облекший наготу мою пред зверями, Сей облечает меня в день суда спасением Своим”».

Она облачилась в принесенные одежды, после чего правитель освободил ее. И возрадовались все жены Антиохии Писидийской и, славя Бога, закричали «гласом великим, и словно бы едиными устами», так что «сотрясся от гласа ликования их весь город».

Фекла же, переодевшись мальчиком, отправилась на поиски Павла. Долго он блуждала, пока не отыскала его в городе Миры. И слова ее приветствия кажутся мне апогеем этой наивной и прелестной истории.

— Омыта я, Павел, — сказала Фекла. — Тот, Кто привел тебя к благовестию, привел и меня к купели.

После этого пути их разделились: Павел отправился дальше со своей миссией, а Фекла вернулась в родной город, где проповедовала землякам Евангелие. Легенда гласит, что в дальнейшем Фекла жила в Селевкии Исаврийской и Риме.

Сегодня трудно установить, в какой степени это романтическое сказание соответствует исторической действительности. Но полагаю, всякий, кто прочитал «Деяния Павла и Феклы», согласится со мной, по крайней мере, в том, что автору апокрифа — кем бы он ни был — наверняка доводилось сидеть в амфитеатре и наблюдать за римскими играми.

Думаю, большинство читателей воспринимает историю Феклы как красивую легенду, имеющую под собой некое историческое

основание. Лично меня в этой истории подкупают ее искренность и безыскусность, которая возвращают нас к эпохе зарождения христианства.

4

Каждое утро в Конье начиналось одинаково: не успевал я подняться с постели, как объявлялись мои друзья. Откуда ни возьмись возникали маленькие подносы с дымящимися кофейными чашечками, несколько человек рассаживались на моей постели, и я чувствовал себя царствующей особой на утреннем приеме. Друзья разворачивали мои карты и с энтузиазмом обсуждали неизвестные мне маршруты, планируя поездки в места, которые я вовсе не собирался посещать. Постепенно я проникся симпатией к этим туркам. Они выглядели простодушными и на редкость ребячливыми. Я был приятно удивлен, обнаружив, что им совершенно не свойственны пороки, которые молва обычно приписывает левантийцам, а именно — алчность, леность и лицемерие.

Теперь я уже горько жалел, что не понимаю ни слова по-турецки. Стоило бы выучить этот язык, хотя бы для того, чтобы вести археологические беседы со страстным энтузиастом этого ремесла, престарелым школьным учителем, который, казалось, никогда не удалялся от моего гостиничного номера. Он был единственным археологом в Конье, и — несмотря на языковой барьер — между нами тотчас же возникли узы профессионального братства. Этого человека звали Гаффар Тотайсалгир, и мне навсегда запомнилось его коричневое пальто, мягкий взгляд карих глаз, окруженных сетью морщинок, его кроткая непритязательность, которая чудесным образом сменялась на непреклонный фанатизм при одном только слове «хетты».

Наша маленькая компания — Хассан, Гаффар и я — трижды предпринимала попытки добраться на автомобиле до Листры, и каждый раз внезапный ливень расстраивал наши планы. Подобные ливни — ужасающие по силе и возникающие без всяких предупреждений — нередко случаются в Малой Азии и заставляют вспомнить о чудодейственных вмешательствах свыше, которыми изобилуют апокрифические евангелия. Представьте себе: ясный день, вы, доверившись безоблачному небу, отправляетесь по своим делам, и вдруг все вмиг меняется. На вас неожиданно обрушивается водная стихия, вы беспомощно мечетесь под проливным дождем, который безжалостно поливает землю в

радиусе мили от вас, в то время как остальная округа по-прежнему наслаждается сухой и солнечной погодой.

Мне очень хотелось, следуя своему плану, попасть в Листру, ведь именно туда вели следы святого Павла. Городок этот располагался всего в двадцати пяти милях от Коньи, и тем не менее путешествие оставалось проблематичным до тех пор, пока летнее солнце не подсушит и как следует не прожарит размокшую землю.

Мне посчастливилось заполучить превосходного водителя — огромного турка, носившего рубашки без воротничков. Его основное достоинство заключалось в неизменной готовности, невзирая на все трудности, доставить меня куда гнала фантазия путешественника. Средством передвижения нам служил превосходный американский автомобиль типа «седан», который неизвестно каким образом оказался в собственности у моего водителя.

Дороги в этой части Турции обладают одним неприятным свойством: начинаясь в каком-нибудь городке, они поначалу выглядят вполне прилично и бодро разбегаются во всех направлениях, но уже через полчаса изменяются до неузнаваемости, вырождаясь в обычные протоптанные мулами или верблюдами тропы. Однако подобные трудности нисколько не обескураживали моего шофера. Напротив, они лишь подогревали его беспримерный энтузиазм. Столкнувшись с очередным препятствием, он издавал воинственный клич и безжалостно гнал вперед своего «железного коня». Наш многострадальный седан послушно карабкался по скалистым склонам, аккуратно катил вдоль кромки распаханного поля, объезжал неведом откуда взявшиеся валуны и лихо форсировал горные ручьи, встречавшиеся у нас на пути. Запах горелой резины — кошмар всех водителей — у моего шофера вызывал лишь пренебрежительный смех. Когда мы, совершив лихой прыжок, приземлялись на пределе возможностей рессор, он с удивленным видом потирал ушибленную макушку и мчался дальше. Расплачиваясь в конце каждого рабочего дня, я чувствовал себя неловко, ибо осознавал, что одна только стоимость амортизации несчастного автомобиля намного превышает оговоренную сумму.

На самом деле идея автопробега в этой стране выглядит достаточно абсурдной, и я — если б не побоялся выглядеть сумасшедшим — предпочел бы передвигаться на лошади или на хорошем муле. Беда в том, что турецкая экономика грешит досадной диспропорцией: продажи автомобилей здесь намного опережают дорожное строительство. А поскольку местные

водители даже понятия не имеют о нормальном шоссе, они ежедневно спокойно выполняют такие трюки, которые заставили бы побледнеть от страха американских каскадеров.

После долгого ожидания наконец-то выдалось утро, когда все мои друзья и советчики согласились с лихачом-водителем и решили, что можно отправляться в путь. Мы стартовали в южном направлении. Дорога была очень приличная, вокруг расстилалась равнина, которую оживляли лишь вздымавшиеся в пяти милях к юго-западу пики Святого Филиппа и Святой Феклы.

Однако вскоре случилось неизбежное: нам пришлось расстаться с удобным шоссе и свернуть на разбитый копытами проселок, уходящий вверх по склону холма. Трясло немилосердно, но когда мы наконец одолели подъем, то были вознаграждены в полной мере. Далеко на юге маячил величественный горный массив, и должен признаться, что ничего подобного мне не доводилось наблюдать ни в одной части света. Это были все те же Таврские горы — голубые, с белыми шапками льда, ослепительно сверкавшими сквозь окутывавшие их облака. Если раньше, находясь в Тарсе, я видел их с юга, то теперь рассматривал Тавр с северной стороны, и горы ничуть от этого не проигрывали. Я вспомнил, как выглядели Таврские горы с Кипра, когда их отделяло от меня шестьдесят миль водной поверхности. А со склонов Троодоса они напоминали огромные айсберги, плавающие на горизонте. Тавр — своеобразное чудо природы: удивительно разнообразное и одинаково прекрасное в любом ракурсе.

Вволю налюбовавшись, мы покатали дальше. Миновали относительно ровный участок пути, кое-как преодолели вспаханное поле, с трудом продрались сквозь каменистые холмы и наконец-то снова очутились на хорошей дороге. В этот самый миг выяснилось, что в самом начале мы свернули не в ту сторону.

Гаффар пришел в совершеннейший восторг! Оказывается, всего в шести милях отсюда в горах стоит чудная деревушка, где есть замечательные развалины... просто замечательные! Это колоссальное везение, утверждал он, что мы заблудились. В конце концов, Листра мало чем нас порадует. Никакого сравнения с тем местом, куда он нас отвезет. Вот там уж есть на что посмотреть! Надо только проехать шесть миль к подножию гор, а там он знает одного человека, который предоставит нам лошадей или мулов. Машину, конечно же, придется оставить, поскольку дальше дорога не такая хорошая, как эта. Тут нас основательно потрянуло. Гаффар ударился о крышу автомобиля, и шляпа слетела у него с головы. Выбор был сделан: мы отправились навстречу новому приключению.

Нам пришлось подниматься по крутой тропе, которая по несчастной случайности оказалась залитой водами горного ручья. В результате сама тропа превратилась в мелкую речушку. Стоит ли удивляться, что вскоре наша машина остановилась. Мотор работал вхолостую, колеса вертелись на месте — короче, мы застряли. Автомобиль был весь забрызган грязью, колеса ушли под воду. Нам пришлось заняться сбором валежника, который мы выкладывали перед машиной. Мы набросали также кучу камней в русло ручья. После этого водитель подошел к задней части машины, где, как выяснилось, среди запасных деталей у него хранилась лопата. Он прокопал две новые дорожки для колес, мы тут же завалили их ветками и для надежности придавили мелкими камнями. Усевшись за руль, шофер медленно подал машину назад, отыскал опору для колес и мощным рывком выбрался на берег ручья. Это был великолепный пример езды по пересеченной местности.

Следующие полчаса у нас занял спуск в маленькую зеленую лощину. Ее склоны были из какого-то хрупкого скального грунта, который, разрушаясь, образовывал конструкции наподобие колонн. Миля за милей эти странные образования тянулись вдоль нашего пути. В конце ущелье упиралось в одиноко стоящую гору, представлявшую весьма эффектное зрелище. Издали серая громада напоминала удивительный город крестоносцев. В ней просматривались могучие крепостные стены, окружавшие скопление кривых улочек, башенки, церковные шпили и зубчатые укрепления с круглыми бойницами. Однако при ближайшем рассмотрении стало ясно, что это невероятное впечатление создается все теми же колоннообразными скальными образованиями. Весь холм был сложен из вулканического туфа, который на протяжении столетий противостоял разрушительной стихии, прорезавшей в горах узкую теснину. Серые скалы местами поросли темно-зеленым лишайником, из-за чего весь холм приобрел странную пятнистую окраску. На его вершине приютилась турецкая деревушка, которая благодаря грязно-серому цвету домов сливалась с холмом и становилась практически невидимой уже на расстоянии пары миль. Зато отсюда нам были хорошо видны круглые черные отверстия, сделанные в отвесной туфовой стене на высоте нескольких сот футов от земли. Мне объяснили, что это — входы в многочисленные пещеры, которые в древности служили жилищем местным обитателям.

Мы решили обследовать необычный холм и, оставив машину у его подножия, начали нелегкий подъем. От Гаффара я узнал, что деревушка называется Килистра. Если мне не изменяет память, сэр Чарльз Уилсон и сэр Уильям Рамсей посетили эти места в 1883 году.

Кроме того, деревне с таким названием посвящены семь строчек в книге профессора Стеррита «Экспедиция Вульфа в Малую Азию». Больше, насколько мне известно, она нигде не упоминается.

Мы обнаружили множество пещер, которые некогда были обитаемы, и маленькие византийские церквушки с греческими крестами, вырезанными над входом. Внутри некоторых из них сохранились следы древних фресок. Мое внимание привлекла миниатюрная церковь, высеченная в стоявшей особняком колонне из туфа. Здание, крестообразное в плане, могло вместить приблизительно двадцать человек. Центральная башня, как и западный и восточный концы церкви, имела квадратную форму, поперечные же нефы были закруглены. За долгие годы сюда набилось изрядно сухих веток и листьев, поэтому, чтобы попасть внутрь, пришлось ползти на четвереньках. Здание — само по себе любопытное, поскольку было вырезано в отдельном куске скалы — поражало тем, что выглядело миниатюрным макетом более крупного строения. Его пропорции и конструкция были бы идеальны для здания примерно в сто раз крупнее.

Вначале я подумал, что эти пещеры служили убежищем для кучки мирных анахоретов, но с другой стороны холма обнаружился длинный наклонный скат, который спускался в долину. С двух сторон его обрамляли сторожевые башни, вырезанные в твердой скале. И мне подумалось: если создателями этого пещерного города являлись христианские монахи, то они должны были принадлежать к какому-то воинственному ордену. Уж больно неприступной выглядела крепость на скале, а единственное уязвимое место охранялось по всем законам военной науки того времени.

Похожие пещерные города существуют в Каппадокии, в регионе Ургуба. Один мой друг посетил те места и прислал мне фотографии, которые удостоверяют несомненное сходство этих диких городов. Там тоже скалы сложены из легкого, но прочного вулканического туфа, да и в архитектуре церквей видны общие черты. Сомневаюсь, чтобы когда-либо предпринимались серьезные попытки датировать эти постройки. Ясно одно: люди, которые некогда селились здесь, либо были изгнаны из более комфортных мест проживания, либо сами удалились сюда в поисках убежища от враждебного окружения.

Маленькая турецкая деревушка Килистра расположилась на самом гребне холма. Жители ее ведут образ жизни более примитивный, чем я наблюдал в остальных районах Турции. Европейская одежда здесь не пользуется успехом, хотя я и заметил несколько мальчишек в остроконечных шапках, что предполагает

их принадлежность к начальной школе. Все девушки и большая часть женщин носят старомодные мешковатые шаровары и самодельные кожаные чупаки с загнутыми носами. Мужчины, как и везде, обезображены ужасными матерчатыми кепками.

Позади деревни возвышается темный купол горы Али-Сумасу-Даг. На заднем фоне высятся заснеженные вершины Таврских гор. Выяснилось, что Али-Сумасу-Даг и была той горой, которую предлагал штурмовать оптимист Гаффар. Мне хватило одного взгляда на эту громаду, чтобы понять, чем закончится такая попытка. В лучшем случае мы обречены на ночевку под открытым небом, о худших перспективах не хотелось и думать. К моему удивлению, на сей раз Гаффар не стал спорить. Поэтому после осмотра необычной сталагмитовой деревни мы уточнили дорогу и направились напрямик к Листре.

5

Местонахождение этого древнего города известно с 1885 года, когда американскому профессору Дж. Р. Ситлингтону Стеррету в ходе археологических раскопок повезло установить его изначальное расположение. Тогда же профессор обнаружил и зарисовал знаменитый алтарь, который дал Листре имя, а позже и статус древнеримской колонии.

С этим городом связан один из самых ярких и колоритных эпизодов Деяний апостолов. Как известно, в Иконии Павел и Варнава столкнулись с ожесточенным сопротивлением местной еврейской общины. Опасаясь физической расправы, которую вполне могли спровоцировать иудеи, апостолы благоразумно удалились в Листру, каковая на тот момент являлась римской колонией и не разделяла предубеждений своего греческого соседа.

Проходя по улицам Листры, они обратили внимание на калеку, которые тогда во множестве встречались на Востоке. Этот человек был парализован от рождения и никогда не обладал счастьем самостоятельно ходить. Несчастный обычно сидел в пыли возле городских ворот и кланчил милостыню у прохожих. Павел, взглянув на этого человека, увидел, что «он имеет веру для получения исцеления». Он велел калеке встать на ноги, и тот действительно поднялся. Люди вокруг были поражены. Они вообразили, что боги в человеческом обличье сошли на землю.

Статного и представительного Варнаву они приняли за Зевса, царя богов, а более разговорчивому Павлу отвели роль Гермеса, посланца богов. В таком повороте событий нет ничего

удивительного, ибо как раз неподалеку приключилась весьма поучительная история с Филемоном и Бавкидой. Естественно, что все жители Листры — мужчины, женщины и дети — знали эту притчу наизусть: как Зевс и Гермес спустились на землю под видом простых смертных, и как все, кроме Филемона и Бавкиды, прогнали их прочь. Овидий пересказал эту историю в «Метаморфозах»:

Есть там болото вблизи, — обитаемый прежде участок;
Ныне — желанный приют для нырка и лысухи болотной.
В смертном обличье туда сам Юпитер пришел, при отце же
Был отвязавший крыла жезлоносец, Атлантов потомок.
Сотни домов обошли, о приюте прося и покое,
Сотни к дверям приткнули колы; единственный — принял,
Малый, однако же, дом, тростником и соломой крытый...
Лишь подошли божества под кров неприметных пенатов,
Только успели главой под притолкой низкой склониться,
Старец придвинул скамью, отдохнуть предлагая
пришельцам.
Грубую ткань на нее поспешила накинуть Бавкида^[30].

Особо значительным для крестьян Листры выглядел финал истории, ибо, по легенде, вскоре после появления богов последовало страшное наводнение, и все, кто отказал Зевсу и Гермесу в приюте, исчезли с лица земли. А пожилые супруги — Филемон и Бавкида — не только благополучно пережили бедствие, но и получили заслуженную награду: их скромная хижина превратилась в великолепный храм, а сами они стали в нем жрецами.

Стоит ли удивляться, что, увидев чудесное исцеление калеки, суеверные жители Листры решили: история повторяется, Зевс и Гермес (Юпитер и Меркурий) снова спустились с Олимпа. И уж на сей раз они не сваляют дурака и как следует встретят богов!

«Боги в образе человеческом сошли к нам!»²³ — кричали они, «говоря по-ликаонски». Это, кстати, единственный отмеченный в Деяниях случай, когда Павел и Варнава оказываются среди обитателей Малой Азии, говорящих на родном языке. Во всех прочих ситуациях апостолы общались с грекоговорящими слушателями. Что же взять с жителей Листры, ведь они были коренными ликаонийцами, так сказать, необразованными провинциалами Римской империи!

С удивлением и растущей тревогой наблюдали апостолы, как толпа бросилась к храму Юпитера. Вскоре все прояснилось, когда появился жрец с быком для жертвоприношения. Тут оба — Павел и Варнава — лишились самообладания: разодрали свои одежды и бросились к народу, громогласно крича: «Мужи! Что вы это делаете? И мы — подобные вам человеки...»

С большим трудом удалось им удержать простодушных жителей Листры от жертвоприношения в свою честь.

Конец же их пребывания в Листре был внезапным и вовсе не таким забавным. Евреи из Икония продолжали преследовать апостолов, не поленились приехать в соседний город и возмутить его население. Те самые люди, которые недавно готовы были славить апостолов, как богов, теперь видели в них врагов. Павла побили камнями и, посчитав мертвым, бросили на окраине города. Благо, ученики разыскали апостола и оказали ему помощь. Так или иначе, на следующий день Павел вместе с Варнавой покинул негостеприимную Листру и отправился в Дервию.

Мы спустились с холмов в тихий, пасторальный край. Вдоль дороги стояли ряды стройных тополей. В полях зеленела рожь. Целая компания аистов разгуливала по заболоченной низине, выискивая лягушек. Мы подъехали к покосившемуся мосту через ручей. В нем было семь пролетов, и каждый камень был взят из какого-нибудь древнего города. Эти огромные каменные глыбы некогда являлись частью величественных зданий римской и византийской эпох. В основании моста виднелись несколько перевернутых надгробных камней. Миновав мост, мы подъехали к турецкой деревне с названием Хатын-Серай. Навстречу нам бросилась стая деревенских собак: они злобно лаяли, а за их спиной плотным кольцом стояли местные ребяташки — молчаливые, но не менее возбужденные.

Появился староста деревни и отогнал собак, детишки же боязливо жались поблизости. Всякий раз, как кто-нибудь из нас оглядывался в их сторону, они ударялись в паническое бегство. Затем, подобно стаду осторожных диких оленей, снова шаг за шагом подкрадывались ближе — до следующего косога взгляда незнакомцев, когда вся ватага вновь прыскала за ближайший угол — лишь босые пятки сверкали, да мелькали на ветру поношенные одежды.

Староста предложил нам осмотреть место, где некогда располагалась Листра, примерно в миле от деревни. Нашему взору предстал длинный невысокий холм, усеянный камнями и мелкими осколками древней керамики. Поковырявшись палкой в земле, я

откопал ободок и днище кубка из красной глины. К сожалению, время не пощадило античных построек: на поверхности не сохранилось ни одного здания, однако можно предположить, что под землей скрывается множество удивительных находок. На склоне холма стоял загон для овец, стенки которого были сложены из массивных коричневых камней, некоторые достигали трех — четырех футов в длину. Соломенная крыша опиралась на коньковый брус. Только в одной стене я насчитал свыше пятидесяти крупных кубических камней, которые ранее явно принадлежали либо крепостной стене Листры, либо какой-нибудь значительной постройке древнего города.

Единственной несомненной достопримечательностью этого дикого, заброшенного места является алтарь — он возвышается на вершине холма, там же, где его обнаружил в 1885 году профессор Стеррет. Для меня этот объект представлял исключительный интерес, поскольку он наверняка присутствовал в городе во время достопамятного визита Павла и Варнавы. Алтарь представляет собой тяжелый резной камень около трех с половиной футов в высоту и двенадцати дюймов в толщину. Он, конечно, изрядно побит и поврежден, но все еще можно различить надпись, высеченную четкими латинскими символами. Она гласит:

DIV AUG (ustum)
COL (onia) IUL (ia)
FELIX GEMINA LUSTRA CONSECRAVIT
D (erecto) D (ecurionum).

В буквальном переводе это означает: «Будучи юлианской колонией, город Лустра посвящает божественному Августу Цезарю (этот алтарь), возведенный по решению городского совета».

Интересно, что в этом чудом уцелевшем реликте древней Листры сохранилось римское название города — Лустра, встречающееся также на монетах, в античные времена чеканившихся в колонии. Принятый ныне вариант произношения — Листра — скорее всего, является эллинизированной формой местного анатолийского названия (подобно Килистре и Илестре). Римляне же предпочитали называть колонию словом «Лустра», в чем сэр Уильям Рамсей усматривает очевидную связь с латинским «Lustrum» — «берлога, нора».

Насколько мне известно, холм никогда не раскапывали, как и не предпринимали попыток сохранить то, что осталось от античной Листры. Древнему городу просто позволили разрушиться, а затем все крупные обломки растащили по соседним деревням в

строительных целях. Однако же капитель массивной мраморной колонны, торчавшая из земли, разожгла мое воображение. Я долго стоял над этим камнем и размышлял над тем, какие чудесные открытия сулит грядущим поколениям археологов этот заброшенный холм.

По деревне Хатын-Серай тем временем распространился слух, что объявился очередной чужестранец, интересующийся древними камнями. Мне с готовностью устроили экскурсию по овчарням и задворкам деревенских домов. Пока я рассматривал старинные камни с сохранившимися надписями, местное общество разглядывало меня. На плоских крышах соседних домов неизменно собиралась ватага сельских ребятишек в сопровождении одетых в черное старух: сохраняя полную серьезность, они бросали в мою сторону любопытные взгляды и о чем-то тихо перешептывались.

Как я и подозревал, вернуться в Конью засветло нам не удалось. Хлынувший ливень превратил узкую дорогу, по которой мы ехали, в вязкую красную кашу. Со всевозможными мерами предосторожности мы двинулись к обочине. Пришлось включить фары, лучи которых едва пробивались сквозь сплошную пелену дождя. Кое-как добравшись до берега этой кашеобразной реки, мы попытались его форсировать. Машина сначала забуксовала, но затем каким-то чудом сумела преодолеть препятствие. Мы едва не потеряли равновесие и не завалились на бок, однако все обошлось. Даже выбравшись наконец на относительно твердую почву, мы оказались, что называется, «по колено» в размокшей почве. И одного взгляда на наш увязший автомобиль было достаточно, чтобы понять: бесполезно даже пытаться столкнуть его собственными силами.

Гаффар припомнил, что ближайшее здание — заброшенный хан — находится в шести милях отсюда. Еды тоже оставалось немного: два крутых яйца, кусок хлеба и три апельсина. Мы уныло стояли на обочине, наблюдая, как наш водитель с помощью многострадальной лопаты пытается проложить новую дорогу. Он велел нам закидывать вырытые канавки камнями, и мы принялись усердно заполнять русло двух ручьев всем, что могло обеспечить хоть какое-то сцепление шин с дорогой. Покончив с этой задачей, мы затаили дыхание, а наш сногшибательный водитель потихоньку, полегоньку продвигал вперед авто. В условиях, когда один неверный дюйм угрожал неминуемой катастрофой, он демонстрировал, на мой взгляд, чудеса виртуозной езды.

В конце концов ему удалось спасти машину и нас всех. Через час вдалеке замаячили городские огни. Я почувствовал

колоссальное облегчение. Конья, которая прежде выглядела довольно-таки убогим местом, теперь показалась мне едва ли не метрополией.

Пока мы размещали промокшую одежду возле огня, Гаффар признал, что попытка восхождения на Али-Сумасу-Даг стала бы большой ошибкой. Водитель же воздержался от комментариев. Он молча опрокинул стаканчик ракии и, выкручивая свою кепку, поинтересовался, нужно ли ему приезжать завтра с утра. Великолепный пример самообладания. Если говорить о данном качестве, то я бы поместил турок где-то между шотландцами и китайцами.

6

На следующее утро солнце снова вовсю сияло над Ликаонийской равниной, и мы катили на юго-восток — туда, где некогда стояла древняя Дервия.

Раньше мне доводилось пересекать эту равнину на поезде. Однако на сей раз — при более близком контакте с местностью — появилась возможность лучше прочувствовать ее дикий характер: бьющий в лицо холодный ветер, вид дороги, извивающейся среди разбросанных скал и валунов, и постоянное опасение, что вновь обрушится ливень и погребет меня посреди многих миль жидкой грязи.

И снова я задумался над тем, какое это было странное решение: покинуть комфортное субтропическое побережье Малой Азии и направиться сюда — в дикий край, где горы, подобно часовым, стоят на пустынной равнине, на уровне четырех тысяч футов над уровнем моря.

Слева от нас возвышался Кара-Даг, местные жители весьма романтично зовут его «горой тысячи и одной церкви» — за развалины византийских церквей, покрывающие склоны. Это действительно романтическая, но и зловещая гора, ее великолепные очертания вздымаются посреди бурой равнины. На вершине гнездятся облака. В силу какого-то особого преломления света вся эта облачная масса приобретает необычный черно-фиолетовый цвет. В общем, я понимаю, почему турки называли эту гору Кара-Даг, что в переводе означает Черная Гора.

Я всегда буду жалеть, что мне не хватило времени исследовать Кара-Даг. Руины византийских церквей заслуживают самого подробного осмотра — может, более всего на свете. Они датируются пятым — одиннадцатым веками, и нигде больше нет

такой великолепной возможности проследить развитие христианской архитектуры на протяжении шести столетий.

На протяжении многих миль темная громада неизменно высилась слева от нас, пока наконец на юге не возникли другие горы — огромные, своими вершинами подпирающие небо. На этих вершинах лежали снежные шапки, которые постепенно таяли и стекали вниз животворными ручьями, а по их берегам на нижних склонах гор лепились крохотные грязные деревушки, напоминавшие лагеря кочевников.

Единственными признаками жизни на этой бескрайней равнине были овечьи отары, которые медленно перемещались с места на место в поисках скудного корма. Охраняли их злобные белые псы, по своей величине не уступающие большому датскому догам. Непривычный вид нашего автомобиля пробуждал их ярость, и псы, покидая сторожевые посты, с низким горловым рыком кидались нам навстречу и злобно скалили зубы.

Здесь пастушьи собаки носят ошейники с устрашающего вида четырехдюймовыми шипами. Это необходимая защита от волков, которые всегда стремятся вцепиться собаке в горло. Мне известно, что подобные шипастые штуки раньше повсеместно использовались и в Европе. Нынешние медные заклепки на ошейниках наших бульдогов — напоминания о тех далеких временах, когда стаи волков бродили по Англии.

Многие путешественники, вернувшиеся из Малой Азии, рассказывали о лютой злобе пастушьих собак, однако мало кто удосужился похвалить их великолепное сложение и характерные морды. А между тем у этих собак необычная расцветка: шерсть кремового цвета, лишь под глазами темные полосы, да на висках — уходящие к ушам светло-коричневые пятна. В зрелом возрасте у этих собак нижняя челюсть утяжеляется, придавая им неуловимое сходство с мастифами, а вокруг глаз появляются интеллектуальные морщинки. Несмотря на свой внушительный вес, эти животные способны развивать на бегу поистине удивительную скорость. Они абсолютно бесстрашны, и за одну схватку способны загрызть двух-трех волков. В наше время барсы и медведи встречаются довольно редко, да и то чаще в верхних отрогах Таврских гор, а вот волки по-прежнему водятся повсюду и доставляют множество хлопот пастухам. Так что именно волки — главные враги турецких овчарок.

Обычно маленькие щенки пастушьих собак выглядят милыми и очаровательными созданиями. Вспомните, как они трогательно поскуливают и тыкаются носами, стоит их взять на руки. Однако щенки турецких овчарок почему-то не производят подобного

впечатления. Как правило, в младенчестве морды у них коричневатого-черного цвета, словно щенок залез носом в миску с золой.

7

На краю равнины возвышается припорошенная снегом гора под названием Хаджи-Баба, что в переводе означает «Отец паломника». У ее подножия некогда и стояла Дервия. Здесь, как и в Листре, от города ничего не осталось, кроме большого кургана, усеянного керамическими черепками. Местные жители называют этот курган Гуделесин.

Взбираясь на холм, я заметил множество осколков гранита, мрамора и порфира. Все это доказывает, что в древности на этом месте стояли великолепные храмы и статуи. Здесь (как и в Листре) никогда не проводились археологические исследования. Надеюсь, когда-нибудь такой день настанет и значительно расширит наши знания по географии Нового Завета.

Жители Дервии оказались благодарными слушателями. Они с энтузиазмом восприняли евангелическую весть и ни о каких гонениях на апостолов даже не помышляли. Кроме того, Дервия стала последним пунктом в первом миссионерском путешествии Павла. Вместо того чтобы отсюда двинуться на юго-восток исхоженным торговым путем (который вел через Киликийские Ворота напрямик в Тарс), апостолы после посещения Дервии повернули назад и с беспримерным мужеством и храбростью снова направили свои стопы в края, где их бичевали и забрасывали камнями. Они пришли сначала в Пергию, а затем в прибрежную Анталию, где сели на корабль, отправлявшийся в Антиохию Сирийскую.

Так завершился первый миссионерский поход Павла к язычникам.

Примерно в трех милях от этого безлюдного места располагалась турецкая деревня под названием Зоста. Отсюда, с высоты холма, она выглядела как неряшливое скопление низких крыш и обшарпанных каменных стен. В самом центре селения возвышался купол мечети — как выяснилось позже, сельджукской.

Местные жители вышли нам навстречу — отогнать собак и поприветствовать приезжих. Выяснилось, что не так давно деревня поменяла свое название: теперь ее называли Аккар-Куей, то есть «Белая деревня». Как всегда бывает в подобных случаях, вокруг

нас собралась любопытная толпа: женщины украдкой выглядывали из-за каменных стен, детишки радостно бегали между взрослыми, оглашая окрестности визгом.

Мое внимание привлекло удивительное зрелище. По улице двигалась группа мужчин, перед собой они гнали упиравшегося и возмущенно блеявшего барана. Рога его были перевиты венком из полевых цветов, в шерсти поблескивали мониста, а вдоль спины свисали яркие цветные ленты.

— Ого, да это свадьба! — воскликнул Хассан. — Они собираются совершить жертвоприношение, чтобы удача сопутствовала браку.

Мне доводилось читать, что в отдаленных районах Турции крестьяне до сих пор придерживаются тех суеверий и диковинных обычаев, которые сохранились со времен Греции и Древнего Рима. И тем не менее я был немало удивлен, воочию увидев украшенное для жертвоприношения животное. Почти две тысячи лет назад Павел и Варнава наблюдали такую же картину всего в нескольких милях отсюда, в Листре.

И вот я стою на деревенской улице и наблюдаю, как крестьяне — потомки того народа, о котором рассказывается в Новом Завете, — гонят жертвенного барана к дому жениха. Мы присоединились к толпе, собравшейся во дворе. Навстречу вышел мужчина, который пригласил войти в дом.

— Хотите посмотреть? — спросил Хассан. — Они приглашают вас присутствовать на свадебном торжестве.

Поднявшись по каменным ступеням, я оказался перед низенькой дверью. Я разулся и прошел внутрь. Моему взору предстала комната размером примерно пять ярдов на четыре. Вдоль стен были расстелены полосатые коврики из верблюжьей шерсти, на которых разместились, по меньшей мере, пятьдесят человек. Середина комнаты оставалась свободной.

Несколько старейшин поднялись со своего места и поприветствовали нас со сдержанной учтивостью, которая выгодно отличает турок от шумных и темпераментных арабов. Гости потеснились, и мы, усевшись, приступили к обычному обмену приветствиями и поздравлениями.

— Какой национальности этот господин? — спросили Хассана.

— Он из Англии.

И старики, которые наверняка не умели ни читать, ни писать и, уж конечно, за всю свою жизнь не встречали ни единого англичанина, спокойно и серьезно кивали в ответ — будто гости из далекой Англии представляли собой обычное явление в их деревенской жизни.

По правде говоря, я нахожу в турках множество черт, которые роднят их с англичанами. И одна из них — достойное принятие всякого рода неожиданностей и упорное нежелание публично проявлять удивление. Вот и сейчас, окидывая взглядом живописное общество, собравшееся в этой маленькой турецкой хижине, я отметил довольно любопытную особенность. Если закрыть глаза на местную экзотику — полосатые коврики, жалкие лохмотья и неуловимый налет какой-то естественной дикости на лицах, — добрая половина присутствующих мужчин, светловолосых и голубоглазых, вполне могла бы сойти за англичан.

Тем временем в комнату вошел молодой турок, на подносе он нес чашечки кофе, которые на Востоке, словно по волшебству, появляются даже в пустыне. Пока мы с удовольствием потягивали дымящийся напиток, ожила группа музыкантов, сидевших в углу. В их арсенал входили гитара, однострунная скрипка-*рабаба* и барабан. Зрители поплотнее сдвинулись к стенам, на освободившуюся середину комнаты вышел танцор.

Вначале мне показалось, что это женщина. Но, внимательнее присмотревшись к фигуре — узкие бедра, плоская грудь, — я понял, что перед нами молодой человек в женской одежде. На нем было красное шелковое платье, глаза и брови жирно подведены *кохлом*, щеки ярко подцвечены румянами. Двигался юноша с грацией дикой кошки.

Раздалась нервная дробь тамтамов, в которую вплетался высокий диссонирующий плач скрипки. Изгибаясь и тряся плечами, танцор принялся притоптывать и медленно поворачиваться вокруг своей оси; глаза его были полузакрыты. Резким движением он откинул волосы со лба, но они тут же снова упали ему на лицо. Вся фигура выражала гротеск, и тем не менее юноша не выглядел смешным. Во всяком случае, у меня он не вызывал улыбки. Скорее он напоминал опасное дикое животное, наряженное для выступления в цирке.

Шаги юноши ускорялись, глаза сверкали, дыхание сделалось прерывистым. Всякий раз, когда танцор резко поворачивался, юбка взлетала в воздух, обнажая высокие, заляпанные грязью сапоги. На юноше были серые шерстяные носки домашней вязки — настолько длинные, что их приходилось заворачивать на голенища. Наблюдая, как сельский танцор кружится и притопывает, я подумал: должно быть, и дикие кочевники Чингисхана вот так плясали вокруг костра.

Восточные люди всегда вызывали у меня живой интерес. Они интриговали меня своей непроницаемостью и непредсказуемостью реакций. Сейчас они никак не выражали своего отношения к происходящему: не смеялись, не шумели, выражая одобрение или,

напротив, неодобрение. Просто сидели с отстраненным видом и наблюдали за танцем соплеменника. Так кошка пристально следит немигающим взором за резвящейся мышью. Время от времени кто-нибудь молча стряхивал пепел с сигареты — прямо на пол, едва ли не под ноги танцующему. Завершив номер, юноша остановился. И тут кто-то подал голос; судя по тону, танцора просили продолжать.

— Сейчас будет танец с ножами, — шепотом пояснил Хассан. — Если танцор подойдет к вам, постарайтесь не выказывать волнения.

Я понял, что первый танец был всего лишь прелюдией к «гвоздю программы» — танцу с ножами. В руках у юноши появились два тонких кинжала примерно в фут длиной, и он принялся ими размахивать и с лязгом чиркать друг о друга. Одновременно он стремительно двигался, совершал невероятные прыжки, протыкал невидимого противника. В самые напряженные мгновения, когда сталь сверкала в каком-нибудь дюйме от лиц зрителей, танцор что-то приглушенно приговаривал гортанным голосом.

Музыканты выводили простую, однообразную мелодию — одна и та же тема повторялась вновь и вновь, в разных тональностях, — и эта монотонность оказывала гипнотическое воздействие. Юноша энергично топал по земляному полу, поднимая облако пыли. Вскоре облако достигло груди танцора; казалось, будто вся нижняя часть фигуры — грязные сапоги, мелькающая красная юбка — окутана клубами дыма. Однако лицо — с гротескным гримом, с полузакрытыми глазами и злобно искривленными губами — оставалось выше пылевой границы и было хорошо различимо. Здесь же мелькали смертоносные кинжалы. Это было дикое, жестокое зрелище: на наших глазах вершилось кровавое убийство.

Мне объяснили, что далее танцор должен выбрать кого-то из зрителей и, внезапно приближаясь к нему, буквально наскакивая, скрестить кинжалы в дюйме от его горла, а затем взмахнуть ими в опасной близости от глаз бедняги. Очень важно, чтобы избранная жертва сохраняла полное самообладание. Человек должен неподвижно смотреть танцору в лицо, словно не замечая кинжала, который того и гляди оставит его без носа или глаза.

Теперь мне стало ясно, почему Хассан счел нужным предупредить меня. Жителям деревни наверняка было интересно посмотреть, как заезжий иностранец поведет себя в такой ситуации. Я и сам считал весьма вероятным, что выбор танцора падет на меня. Однако эти простые, необразованные люди преподали мне очередной урок деликатности и такта — качеств, которые, несомненно, присущи турецкому характеру. Возможно, им показалось невежливым подвергать гостя подобному испытанию. Так или иначе, но меня пощадили.

Закончив выступление, танцор швырнул кинжалы кому-то из зрителей и довольно неуклюже, бочком удалился.

— Кто этот человек? — спросил я у Хассана.

— Просто деревенский парень, считающийся хорошим танцором.

С появлением жениха танцы закончились. Это был скромный молодой человек, который не сильно отличался от какого-нибудь норфолкского фермера. Мы обменялись рукопожатием, я поздравил новобрачного, пожелал ему счастья и много сыновей. Он вспыхнул от смущения, но отвечал с достоинством, что все в руках всемогущего Аллаха.

Вслед за этим мы распрощались и покинули гостеприимный дом. Приятно было снова оказаться на улице и полной грудью вдохнуть свежий воздух. Ко мне подошел один из старейшин и предположил, что, наверное, господин из Европы, как и все, интересуется древними камнями. Посему не желает ли господин осмотреть камни, которые встроены в стены мечети и других деревенских зданий?

Я с радостью принял это предложение, и во главе разношерстной толпы мы прошествовали по узким деревенским переулкам, меж грязных каменных стен, на задворки домов, где местная детвора наблюдала за нами с соседних крыш. Мне продемонстрировали фрагменты греческих алтарей, старинные камни с полустершимися надписями на греческом языке и прочие реликвии античной эпохи. Эти камни некогда принадлежали Дервии — величественному городу на холме, в котором апостол Павел проповедовал истинную веру.

Провожать нас вышла вся деревня. Женщины по-прежнему держались в сторонке и тихо переговаривались между собой. Где-то позади остался дом, чей порог сегодня оросила кровь жертвенного барана. Эту жертву принесли в знак почтения к древним анатолийским богам. Тем самым богам, которые существовали еще до прихода святого Павла и которые, как выяснилось, сохранили свою значимость для суеверных крестьян.

Мы снова возвращались в Конью, вторично пересекая бескрайнюю плоскую равнину. Я смотрел в окно, перебирал в памяти события минувшего дня и размышлял о поразительном великодушии турецкого народа. Трудно придумать место, где иностранец встретил бы более теплый и гостеприимный прием.

Конья была окутана ночной тишиной, которую нарушали лишь пронзительные свистки дозорных.

Итак, я выполнил первую часть своей задачи: посетил те места Галатии, которым посчастливилось первыми услышать Христово благовестие. И теперь я сидел и при свете свечи перечитывал Послания, написанные святым Павлом восемнадцать столетий назад и адресованные жителям этого города.

В те времена Галатия представляла собой огромную территорию в самом сердце Малой Азии, которая лишь недавно приобрела статус римской колонии. Своим названием местность обязана галлам, которые неоднократно вторгались во Фригию в третьем веке до н. э.

В своем движении на восток многочисленные кельтские племена прокатились по Македонии и достигли пределов Малой Азии. Это были дикие, грубые воины, которые выходили на поля боя обнаженными, в лучшем случае используя в качестве щитов плетеные корзины. Должно быть, они представляли устрашающее зрелище: голубоглазые и светловолосые великаны, любившие выпить и подраться. Галлы расселились по всей Фригии: они жили в хорошо укрепленных городах и деревнях, сохраняя при этом племенной строй. Одним из главных галльских городов была Анкара — та самая, которую Кемаль сделал столицей современной Турции.

Мне не удалось найти свидетельств того, что Павел вступал в контакт с кельтским населением. Апостол предпочитал проповедовать в греческих и римских городах, общаясь с римлянами, греками, иудеями, ликаонийцами и фригийцами. Если он когда-либо и встречался с галлами из Галатии, то, скорее всего, это были отдельные личности, которые по каким-то причинам отбились от своих племен и переселились в чужие города. В связи с этим возникает вопрос: почему же тогда Павел именует своих новообращенных христиан галатами? Мне хочется задать встречный вопрос: а существовало ли какое-то иное название для той смешанной, разноплеменной толпы, с которой общался апостол? Если даже предположить, что большая часть его паствы была фригийского или ликаонийского происхождения, он не мог использовать эти слова для обращения к толпе. Дело в том, что в ту эпоху Фригия славилась своими рабами — настолько, что имя Фрикс стало нарицательным для всех древнеримских рабов. В свою очередь, Ликаония традиционно считалась краем воров и бандитов. Таким образом, использовать названия этих национальностей было равносильно тому, чтобы обратиться к новоиспеченным христианам: «Возлюбленные рабы и воры». В то же время термин

«галаты» являлся вполне корректным с политической точки зрения и охватывал всех, кто проживал под римским правлением, — от изысканного антиохийского аристократа до маленькой девочки-рабыни из Икония.

Это письмо Павел написал, находясь — уже достаточно давно — вдалеке от Галатии. Это негодующее послание, в котором слиты воедино гнев, боль, удивление и доброта. Причиной тому — события, случившиеся уже после визита апостола в Галатию. Молодая христианская церковь оказалась втянутой в противостояние: иудейская партия оспаривала позицию Павла по отношению к язычникам. По сути, это была попытка сохранить христианство в тени синагоги, то есть сделать из него одно из направлений иудаизма. К бывшей пастве Павла стали приходиться адвокаты от фарисеев, которые доказывали, что Павел не может претендовать на звание истинного апостола, а потому и его отношение к язычникам было неверным. Судя по всему, хитрые словоблуды неплохо обработали публику. Они объясняли, что все евреи пользуются особой защитой перед лицом римского закона. Недаром во всех городах империи им обеспечен статус «еврейского царства внутри города». По свидетельству святого Иеронима, евреями считались все граждане, подвергшиеся обрезанию, и, соответственно, они получали защиту государства. Язычники же, принявшие христианское крещение от Павла, оказывались в сложном положении: они не являлись ни язычниками, ни евреями — некий промежуточный народ. Именно на это и упирали оппоненты Павла: насколько разумнее принять обрезание и кодекс законов Моисея и, тем самым, перейти в узаконенную и защищенную законом прослойку общества. В качестве доказательства они звали к главным иудейским апостолам, которые тоже веровали во Христа, но тем не менее соблюдали законы Моисея.

Такова вкратце была ситуация, побудившая Павла написать свое Послание к Галатам. Это письмо стало ответом на проiski врагов и одновременно величайшей христианской декларацией свободы выбора.

Чтобы по достоинству оценить живость слога и широту мысли автора Послания, следует учитывать особенности эпохи, в которую оно было написано. Необходимо как минимум прочесть его по-гречески или в современном переводе. «Если взять обычных прихожан наших церквей, то, боюсь, там не найдется и одного человека на тысячу, который бы мог изложить в нескольких словах то, что написано в Посланиях, — писал преподобный Р. Г. Молден в своей книге «Современные проблемы Нового Завета». — У меня есть серьезные опасения, что те, кто посещают современные

богослужения, понимают лишь ничтожную часть из прослушанных уроков Нового Завета».

Причина в том, что письма, написанные восемнадцать столетий назад на живом разговорном греческом языке, дошли до нас в трудном для понимания, суровом английском якобинской эпохи. Споры нет, «Авторизованная версия» является чрезвычайно художественным переводом, но, к сожалению, она не способна донести до современного англичанина ту блестящую простоту, тот взрывчатый темперамент, с которыми святой Павел писал свои письма. Если вы хотите не только понять послания Павла, но и по достоинству оценить все его идиомы, вам требуется перечитать их на современном языке.

И еще: анализируя послания Павла, мы должны помнить, что они созданы до того, как евангелия были составлены и записаны. Всякий раз, обращаясь к имени Иисуса, апостол был вынужден опираться на собственные представления о Нем или же на знания, которые он получил от прижизненных учеников Господа. Послания Павла не претендуют на роль богословских работ, он вообще изначально не являлся богословом. Павел был просто одиноким миссионером, который наугад прокладывал путь сквозь мрак язычества, не имея под рукой путеводителя в виде Евангелия. Однако, судя по всему, ему и не требовалось подобное руководство. Неписаное Евангелие таилось в глубине его души: «...не я живу, но живет во мне Христос»²⁴. Эти несколько слов служат ключом ко всей жизни Павла, равно как и к жизни любого доброго христианина.

Свое Послание к Галатам он начинает с автобиографии и делает это с целью опровергнуть нападки оппонентов. Он описывает чудодейственное прозрение, которое снизошло на него по пути в Дамаск. В словах апостола чувствуется искренняя тревога, боль и удивление. Обратите внимание, как он в первых же строках послания торопится изложить суть конфликта:

«Павел Апостол, избранный не человеками и не чрез человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом, воскресившим Его из мертвых, и все находящиеся со мною братья — церквам Галатийским... Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатию Христовою так скоро переходите к иному благовествованию, которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорим: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема!»²⁵

Прислушайтесь к этим начальным словам, гневным, беспощадным, и перед глазами у вас встанет картина: вот Павел беспокойно ходит по комнате и диктует свое послание. Мысли его текут быстро, обгоняют друг друга и спешат излиться на бумагу. Это ощущение торопливой ярости проходит путеводной нитью через все письмо.

Следует понимать: это не личная обида человека, а гнев созидателя, который видит, что величайшему из его творений — господству Христа — угрожают. По сути, Павел сражается за выживание языческой, нееврейской церкви. Возможно ли, чтобы великая всемирная церковь, на создание которой апостол положил столько сил, согнула шею и покорно протиснулась в узкие двери синагоги? Кто, в конце концов, главнее — Христос или Моисей?

«Я сораспялся Христу, — восклицает Павел, — и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня. Не отвергаю благодати Божией. А если законом оправдание, то Христос напрасно умер».

В этот миг гнев Павла утихает и переходит в любовь и сочувствие к его возлюбленным «церквам Галатии».

«О несмысленные Галаты! — взывает он. — Кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых пред глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый? Сие только хочу знать от вас: чрез дела ли закона вы получили Духа или чрез наставление в вере? Так ли вы несмысленны, что, начавши духом, теперь оканчиваете плотию? Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!»

Затем мягкость и доброта, которые всегда скрываются под строгой и властной манерой Павла, вновь берут верх и изливаются в следующем отрывке:

«Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас...

К свободе призваны вы, братия, только бы свобода (ваша) не была поводом к угождению плоти; но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: *«люби ближнего твоего, как самого себя»*. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом. Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти... Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолопоклонство, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное; предваряю вас,

как и прежде предвещал, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона... Делая добро, да не унываем; ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере».

И здесь, мне кажется, следовало закончить письмо. Павел прекратил диктовать. Затем он подошел, взял перо из рук секретаря, обмакнул его в чернила и добавил следующие слова: «Видите, какие крупные буквы написал я вам своею рукою!»

Казалось бы, все сказано. Но Павел был не в состоянии остановиться. Подобно многим людям, оказавшимся во власти эмоций, он чувствовал, что еще не полностью оправдался, не полностью излил душу. Ах, если бы он мог выразить все словами!

— Возьми перо! — велел он секретарю и снова взволнованно зашагал по комнате. Полагаю, именно этим и объясняется тот факт, что последние шесть стихов Послания к Галатам оказались фактически повтором сказанного ранее.

Сколько догадок и толкований породили эти несколько слов: «Видите, какие крупные буквы написал я вам своею рукою!» Короткая фраза, смысл которой оказался утраченным в искаженном переводе современной: «Видите, как много написал я вам своею рукою!»

Было высказано предположение (ошибочное, на мой взгляд), что приписка Павла — это малограмотные каракули, в которых обнаруживается неуклюжая рука работника физического труда. Также пытались доказать, что апостол страдал слабым зрением и с трудом разбирал то, что писал. Наиболее разумным лично мне видится предположение, что Павел желал напоследок еще раз подчеркнуть основную мысль и потому поступил так, как нередко поступают и наши современники: финальную фразу написал неоправданно большими буквами.

В эпоху Павла было принято, чтобы богатые, высокопоставленные лица пользовались услугами секретаря: они диктовали свои письма и лишь последние несколько слов писали собственноручно. Именно так и написаны все послания святого Павла.

Любопытно отметить, что в этих письмах мы дважды наталкиваемся на информацию, расширяющую наши познания о письменных принадлежностях той поры. Во Втором послании к Коринфянам (3:3) Павел упоминает чернила, которые в то время представляли собой смесь сосновой золы и клея. А во Втором

послании к Тимофею (4:13) апостол просит, чтобы ему по возможности прислали книги, писанные на пергаменте.

Во времена Павла для письма использовали либо папирус (почти такой же тонкий, как современная бумага), либо более толстый пергамент. Сохранились записки Квинтилиана, где тот жалуется на качество тогдашнего пергаamenta: якобы поверхность у него грубая и не позволяет выводить мелкие изящные буквы. А что? Чем не еще одно — и, по-моему, вполне разумное — объяснение спорной фразы Павла? Возможно, именно так и надо трактовать его слова: «Видите, какими крупными буквами я вынужден писать (поскольку не привычен к грубому пергаменту)». Может, это апостол и имел в виду?

Я отложил в сторону книгу с четким ощущением, что голос Павла вновь прозвучал в краю, который некогда назывался Галатией. Свеча моя догорала. Ночная тишина, окутывавшая Конью, усиливала ощущение ужасного, беспросветного одиночества, которое испытываешь на центральных равнинах. Откуда-то издалека донесся пронзительный свист дозорных. Он стал последним звуком, который я услышал, прежде чем уснуть. Затем древний Иконий погрузился в более плотную, почти абсолютную, тишину.

Глава седьмая

Из Фригии в Македонию

Мое путешествие в Измир, поездка в Митилену, а также на берега Македонии. Я вижу место, где Павел впервые ступил на землю Европы; поднимаюсь на холмы, чтобы побродить среди руин Филипп; стою на берегу ручья, в котором приняла крещение Лидия. В Салониках я становлюсь свидетелем странных похорон, а в Берее, которая ныне называется Верией, узнаю кое-что новое о святом Павле.

1

Прошло почти полтора года с тех пор, как Павел вместе с Варнавой и Марком приплыл на Кипр. Это было весьма плодотворное время служения во имя Христа, однако на долю апостолов выпало немало испытаний: непомерные физические нагрузки, непонимание со стороны окружающих и даже реальная угроза жизни.

Период, когда апостолы пребывали в Антиохии, ознаменовался первым кризисом христианской церкви. Тот был связан с происками иудейских законников, которые требовали, чтобы язычники проходили через обряд обрезания и лишь после этого допускались в лоно церкви. Данный вопрос стал камнем преткновения, из-за которого Павел впервые вступил в открытую схватку со своими извечными врагами — ортодоксальными евреями. Эти люди преследовали его всю жизнь, они буквально шли по пятам Павла, натравливали на него окружающих — и все ради того, чтобы навечно привязать христианство к иудейской традиции. Павел ясно видел цели врагов и сражался с ними, не жалея сил. Он верил: лишь освободившись от пут иудаизма, христианство может стать мировой религией.

Получив божественное указание, Павел решил передоверить решение данного вопроса иерусалимской церкви, которую в ту пору возглавлял святой Петр. Апостол надеялся на поддержку Петра и не ошибся в своих расчетах. Тот — тоже руководствуясь божественной волей — принял решение о крещении римского центуриона по имени Корнелий. Тем самым он открыл двери церкви перед необрезанными язычниками.

Воодушевленный этой победой Павел загорелся идеей нового миссионерского путешествия. Мыслями он постоянно возвращался к своим возлюбленным галатам. Как они живут в его отсутствие? Непосвященным трудно понять любовь миссионера к обращенным, это совершенно особое чувство. Но именно такая любовь наполняла сердце Павла на протяжении всей его апостольской жизни — с начала первой миссии и до мученической кончины в Риме.

И сказал Павел Варнаве: «Пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут»²⁶.

Варнава полностью поддержал идею старшего товарища. Он тоже стремился в новое путешествие и хотел взять с собою Марка. Это позволяет предположить, что Марк мучился угрызениями совести. Он страстно стремился вернуть себе благорасположение Павла и изгладить из памяти тот страшный миг, когда слабость или неверие заставили его покинуть соратников в Пергии и вернуться домой. Я почти слышу голос Марка, умолявшего родича: «Пожалуйста, упроси его взять меня с собой. Скажи, что я сожалею о случившемся. Я знаю, он тебя любит и пойдет навстречу». Однако слишком долго Павел носил в сердце обиду; он не пожелал простить Марка. Его отказ взять юношу во второе миссионерское путешествие имел печальные последствия: испытанный тандем двух проповедников распался. Варнава предпочел остаться с родственником, и они с Марком отправились на Кипр. Павел же для путешествия в Малую Азию вынужден был искать себе нового компаньона.

Таким человеком стал Сила — тоже иудей, один из ведущих членов иерусалимской церкви. Считается (хотя письменных доказательств тому не сохранилось), что Сила, подобно Павлу, имел римское гражданство. В Деяниях он именуется именно укороченным греческим именем, хотя Павел в посланиях предпочитает называть его полным римским именем — Сильваний.

Итак, они вышли вместе и вновь посетили пункты первой миссии Павла: Дервию, Листру, Иконий и Антиохию Писидийскую. Точно неизвестно, в каком городе — Листре или Дервии — к ним присоединился молодой человек по имени Тимофей. Он происходил из смешанной семьи: отец его был греком, а мать еврейкой. Тимофею предстояло сыграть важную роль в дальнейшем развитии христианской церкви.

Вместе с двумя новыми последователями Павел отправился в путешествие, которое в Деяниях называется наиболее важным и значительным. Подробно его не описывают: вначале миссионеры находятся в центре Малой Азии, а в следующий момент мы их

видим уже на берегу Эгейского моря, то есть в Европе. Не имея никаких указаний на маршрут следования, мы знаем точно: Павла вел Дух Святой, именно Он удержал апостола от проповеди в Азии. Известно, что Павел намеревался посетить Вифинию, но «Дух Иисуса» не допустил его туда. Руководствуясь наставлениями Духа, Павел воздержался от посещения крупных городов, куда, как можно представить, стремился попасть в первую очередь.

Почему, задаемся мы вопросом, Павла столь настойчиво удерживали от, казалось бы, вполне логичного посещения Эфеса? Одно из возможных объяснений дает теория Ракхэма: «То, что человеку кажется логичным и очевидным, не всегда совпадает с выбором Бога. Так и святому Павлу пришлось скорректировать свои планы. Ему не суждено было попасть в Эфес, куда он так стремился. “Асия” на тот момент являлась центром эллинизма, и создается впечатление, что апостолу потребовалась предварительная тренировка в сугубо греческой жизни. Точно так же Эфес — с его космополитическим смешением — стал подготовкой к Риму».

Таким образом, Павел в сопровождении Силы и Тимофея оказался на побережье Эгейского моря, в римской колонии Александрия Трояда. Но возникает вопрос: действительно ли их было всего трое? Не было ли с ними четвертого товарища, который скромно умалчивает о своем присутствии? Дело в том, что именно с этого момента в повествовании появляется то самое местоимение «мы», которое вызвало столько споров у исследователей. Вслед за этим «мы» святой Лука, автор Деяний, естественно соскальзывает в так называемые «наши странствия». В этом мне видится прямое указание на то, что он присоединился к путешествию миссионеров. Если Лука был выходцем из Македонии (как принято считать), то вполне понятно, почему именно с этого момента он подчеркивает свою сопричастность. Ведь Македония стала следующим пунктом назначения странствующих миссионеров. В Писании говорится, что Павлу было видение: он узрел человека, который по всему был македонцем и умолял проповедников отправиться в Европу.

«И было ночью видение Павлу: предстал некий муж Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам»²⁷.

Утром апостол поведал товарищам о своем видении, и все усмотрели в этом перст Божий. Посему они пошли на пристань Трояды и отыскиали корабль, отправлявшийся в Македонию. Так Павел, Лука, Сила и Тимофей пересекли море и попали в Европу.

Выяснилось, что попасть в Александрию Троаду мне не удастся, поскольку развалины данного города располагались на территории турецкой военной зоны. Поразмыслив, я решил отправиться в Смирну (или Измир, как она теперь называется), а оттуда водным путем добираться до македонского побережья. Железнодорожное путешествие из Коньи в Измир занимало двадцать четыре часа.

Весь долгий день я провел у окна, рассматривая проносившиеся мимо холмы и однообразную голую равнину. Единственной деталью, хоть как-то оживлявшей монотонный пейзаж, были аисты. Раньше я их видел лишь издалека — высоко в небе над Киликийскими Воротами, зато теперь получил возможность наблюдать вблизи и в неограниченных количествах. Эти гладкие, откормленные птицы обнаруживались повсюду: на каждом болотце, на каждой полоске свежевспаханной земли можно было видеть, как они стоят в задумчивой позе или методично вышагивают по пашне, то и дело что-то склевывая у себя под ногами. Благодаря черно-белому оперению, красным лапам и длинным клювам аисты выглядят очень живописно на фоне бурозеленых малоазийских равнин. Часть этих птиц прилетает по весне из Индии и Южной Африки, они вольготно чувствуют себя на турецких просторах и охотно вьют гнезда на деревенских печных трубах. Другие продолжают путь на север: летят над Палестиной вдоль Иордана, причем на такой высоте, что лишь солнечные блики на перьях выдают их присутствие в небе.

Интереснее всего наблюдать этих птиц в поле. Аисты не боятся людей, и нередко мне приходилось наблюдать, как они неотступно следуют за пахарем, словно наблюдая за его работой и критически оценивая каждую проложенную борозду. Аист может часами стоять на месте. В такой медитативной позе он напоминает уважаемого президента научного общества, который мучительно пытается вспомнить, куда положил свой цилиндр. По правде говоря, шелковый цилиндр — единственное, чего не хватает аистам для завершенности образа.

Хассан сообщил мне, что в их стране аист считается символом удачи.

— Иногда деревенские жители выходят встречать их за околицу, — рассказывал он. — Глупо, конечно, но что взять с простых, суеверных крестьян? Они верят, что аисты приносят с собой весну. Человек, на чьей крыше аист устроит гнездо, считается счастливчиком. И, кстати, эти птицы подают отличный

пример семейных отношений. Знаете, когда я жил в деревне — да-да, не удивляйтесь, в моей жизни был такой период, — мне довелось стать свидетелем любопытной истории. Несколько мальчишек из озорства забрались в гнездо аистов и подменили их яйца на куриные. Настал срок, и в гнезде появились цыплята. Когда отец семейства — как назвать его по-английски? Ну, скажем, аист-самец — рассмотрел потомство, которое, мягко говоря, выглядело весьма странно, он очень, очень рассердился. Надо было видеть, как он отчитывал свою супругу! Этим дело не кончилось. Аист взмыл в воздух и вскоре вернулся со своими друзьями — чтобы все увидели, какую скверную шутку с ним сыграли! И стая напала на бедную — как там вы ее называете? — аистиху... Да, великолепный пример семейных отношений. Эти птицы любят себе подобных, но терпеть не могут цыплят.

Самому Хассану история казалась забавной, и он очень озаботился, когда я заметил, что в качестве «нового турка» он мог бы проявить больше сочувствия к женскому полу.

Я уже описывал выше, как ведут себя люди в турецких поездах. Уж не знаю почему, но такие поездки способствуют быстрому знакомству и плотному общению: не проходит и десяти минут, как вы уже предлагаете своему попутчику сваренное вкрутую яйцо, а взамен получаете от него кусочек холодного цыпленка или восхитительную домашнюю *долму*.

И на сей раз все было как обычно. На каждой станции нас осаждала ватага бойких ребятишек со сладостями и прохладительными напитками; вдоль перрона прохаживались старики, торговавшие традиционными *симитами*, а маленькие оборванные девочки стояли в стороне и молча тянули свои грязные кулачки, в которых были зажаты крутые яйца. С какой трогательной жадностью эти худые, маленькие пальчики хватали несколько пиастров, вырученных от продажи нехитрого товара! Я понимал, как ждали жители провинции этот дневной поезд с его десятиминутной стоянкой. Ведь для них это единственная возможность заработать хоть немного денег.

За первые восемь часов дороги у меня скопился изрядный запас продуктов: коричневый кувшин чистой родниковой воды, сетка яблок, кулек жареных каштанов, пара аппетитных *симитов*, порция поджаренной баранины, завернутая в обрывок газеты, берестяная коробочка халвы и с полдюжины яиц, сваренных вкрутую.

На одной из станций к нам в купе вошел маленький пухлый мужчина с крючковатым носом. Как выяснилось, это был еще один представитель новой Турции — местный бизнесмен. Я тут же угостил его вареным яйцом и получил взамен апельсин.

— Я говорить много плохо английский, — сообщил он.

— Я был бы счастлив, если б мог так же говорить по-турецки.

— Вы есть много добрый, — ответил он, поднимаясь с места и вежливо кланяясь.

Наш попутчик сообщил, что занимается продажей машин. Я высказался в том смысле, что дороги должны опережать автомобили. Он, похоже, удивился и согласился, что мысль стоящая, хотя и несколько неожиданная. Затем бизнесмен упомянул, что бывал в Англии, и я, естественно, поинтересовался, как ему моя страна.

— Берлин лучше, — ответил он. — Лондон нет нравится.

Мы углубились в обсуждение сравнительных достоинств обеих столиц, а за окном проплывали все те же бескрайние просторы Малой Азии. Я едва не пропустил миг, когда мы покинули пределы бывшей провинции Галатия и въехали на территорию, которая в эпоху Павла называлась Фригией.

Над равниной догорал закат. Наш поезд остановился на маленькой станции, позади которой вздымались могучие холмы. Мы зашли в привокзальное кафе выпить по чашечке обжигающе горячего сладкого кофе. Зал был заполнен молчаливыми ширококостными мужчинами — жителями окрестных гор. Они развлекались игрой в нарды и делали это на свой, турецкий лад. Игроки молча, с непроницаемыми лицами трясли кости, а их товарищи столь же невозмутимо наблюдали за игрой, задумчиво потягивая кальян.

Центральное место в комнате занимала большая печка, по стенам были развешаны цветные литографии, изображающие сцены охоты: прячась за соснами, люди в высоких меховых папах целились в разъяренного медведя, тот поднялся на задние лапы и угрожающе надвигался на охотников.

В углу кафе жалась небольшая стайка сельских женщин, они нянчили многочисленных отпрысков. Несколько солдат-пехотинцев разместились за столиком, убрав с прохода вещевые мешки. Они достали из карманов какие-то пакеты и теперь сосредоточенно поедали нехитрый ужин, запивая его горячим кофе. Крошечные чашечки выглядели до смешного нелепыми в их огромных, огрубелых руках.

Звук колокола оповестил пассажиров о скором отправлении поезда, и мы поспешили вернуться в купе. За окном совсем уже стемнело. Наш поезд медленно полз по бесконечной равнине, далекие холмы терялись в ночной тьме. Дорожные разговоры как-то незаметно стихли, все стали готовиться ко сну. Хассан улегся очень компактно — словно задремал в кавалерийском биваке с

саблей под боком. Маленький продавец автомобилей тоже заснул и неожиданно будто превратился в толстого восьмилетнего мальчика. Его рот приоткрылся, на смуглом лице застыло довольно глупое выражение. Трудно было представить, что этот человек еще недавно говорил о бизнесе, планировал какие-то сделки. Впрочем, я тут же одернул себя: не слишком-то красиво подсматривать за спящими людьми. Посему я поспешил отвести любопытный взор от своих товарищей и, соорудив себе подушку (чудовищно неудобную) из собственной куртки, улегся спать.

Открыв поутру глаза, я не сразу сообразил, что же изменилось. Холодный свет заливал купе, проникая через запотевшие, заляпанные грязью окна. Обратив внимание на опустевшую койку напротив, я понял, что наш попутчик сошел ночью. В этот миг проснулся Хассан: он вырвался из пучин сна, как опытный пловец выныривает из морской глубины. Уже в следующее мгновение он обрел ясность мышления и заговорил:

— Ага, наш друг покинул нас в Алашере. Он просил передать вам наилучшие пожелания...

В Алашере! Я подумал: каким же надо быть оптимистом, чтобы рассчитывать развернуть автомобильный бизнес в этом захудалом городишке.

Я по привычке выглянул в окно. Оказалось, что мы едем по прибрежной равнине. Здесь было ощутимо теплее, буро-коричневые тона сменились зелеными. Вокруг нас на многие мили тянулись колоссящие посевы и фруктовые сады, солнце щедро заливало своими лучами плодородную долину. Окружающий пейзаж радовал глаз, вскоре на горизонте показалось море и на его берегу — город Измир.

3

Для меня картина Измира складывалась из нескольких составляющих. Прежде всего, это впечатление от посещения пароходства. Затем бесконечные поездки по городу на конных экипажах — запряженных парой лошадей арбах, которые бодро грохотали по булыжным мостовым Измира. Естественно, как и повсюду в Малой Азии, кофе: мне кажется, я пил его беспрестанно — чашку за чашкой. Ну и напоследок хочется выразить благодарность тому незнакомому фотографу, который щелкнул меня на измирской набережной и уже через полчаса принес готовые фотографии (они, кстати, оченьгодились для

полицейского отчета, который в обязательном порядке составляется на всех отъезжающих).

Измир может похвастать совершенно великолепным месторасположением: он лежит у подножия горы Паг в окружении многочисленных холмов, которые спускаются к побережью. Эгейское море образует гавань, где на рейде стоят корабли с Родоса, Пирея, Салоник и прочих древних городов.

Однако что касается коммерческого благополучия Измира, о котором я столько читал и которое подспудно ожидал увидеть, здесь меня ожидало горькое разочарование. От бывшего величия не осталось и следа. По решению союзников после Первой мировой войны город перешел к Греции на правах колонии. Такое положение вещей сохранялось до 1922 года, когда турки захватили Измир, что вылилось в жуткую массовую резню. В ту ночь город был сожжен дотла на глазах у союзного флота. Я разговаривал с людьми, которые стали свидетелями тех трагических событий. У них до сих пор перед глазами стоит ужасная картина: вся береговая линия превратилась в сплошное пожарище, и на фоне бушующего пламени мечутся тысячи фигур — они сражались, сопротивлялись и умирали. Кому-то повезло: они сумели попасть на одну из перегруженных шлюпок, которые бежали под защиту военных кораблей. Но тысячи людей — греков, армян, евреев — погибли в ту ночь.

Измир так до сих пор и не оправился от той трагедии. Его, конечно, отстроили заново, но это уже другой город. Он не только утратил былое богатство, но и лишился своей деловой аристократии. Те, кому удалось пережить резню двадцать второго года, навсегда покинули город. Некогда могущественные европейские компании сегодня переживают не лучшие времена: они лишились всех привилегий, постоянно терпят притеснения со стороны государства и в условиях повальной паранойи и шпиономании отчаянно пытаются спасти хотя бы остатки своего финансового благополучия.

В одной из кофеен мне поведали историю, связанную с бриджем — любимейшей игрой европейской знати. По словам рассказчика, бридж зародился в Измире на базе карточной игры под названием «хедив». Якобы в конце девятнадцатого века прародитель современного бриджа просочился в лондонские клубы, но уже под другим именем — «русский вист» или «бирич».

В Измире мы распрощались с Хассаном.

— Когда-нибудь ты вернешься, — сказал он, — и мы организуем экспедицию в Милет и Галикарнасс.

— От всего сердца надеюсь, что так и будет.

После этого я отправился в рекомендованную гостиницу — она стояла возле вокзала и называлась «Английский пансион». Затем мне пришлось заниматься неотложными делами, которые заняли у меня большую часть дня. Освободился я уже к вечеру и испытывал лишь одно желание — поскорее добраться до постели. Я вошел в отведенный мне номер и замер в удивлении. Если бы мы перенеслись на двадцать лет назад, то эта комната вполне могла бы принадлежать какой-нибудь английской школьнице. Обстановку ее составляла покрытая белой эмалью мебель, которую дополняли плетеные журнальные столики. На одной стене висела литография, изображавшая встречу Данте и Беатриче; на другой принимала ванну Психея. Сэр Лоуренс Альма-Тадема тоже внес свой вклад — с репродукцией картины «Вопрос».

Скажу честно: за все время путешествий я не встречал ничего подобного. Мне приходилось снова и снова повторять себе, что я нахожусь в Измире, на берегу Эгейского моря. Что совсем рядом возвышается громада Пага, со склонов которого наверняка можно разглядеть береговые огни Митилены. Что город со всех сторон окружен холмами, которые постепенно повышаются, пока не достигают высокогорного центрального плато Малой Азии. На одном из журнальных столиков я обнаружил экземпляр «Байстендер» двухмесячной давности. Судя по сгибам, журнал аккуратно упаковали в Англии и отправили сюда по почте.

Нет, что ни говори, это была невероятная комната! Создавалось впечатление, будто кто-то — упорно не желавший расставаться с прошлым — взял и перенес частичку своей юности в самое сердце Турции. По сути, время здесь остановилось на Альма-Тадеме и лорде Лейтоне. Странно был наблюдать кусочек викторианской Англии, перенесенный на эту пропитанную кровью землю.

В семь утра меня разбудил осторожный стук в дверь. Заботливые смуглые руки поставили чайный поднос. Помимо чайника, на нем стояла тарелка с печеньем. Чайную ложечку украшал незнакомый мне герб и одно-единственное слово «Скегнесс».

Я поспешил спуститься вниз в столовую, поскольку намеревался с утра пораньше отправиться в порт и искать судно, отправлявшееся в Митилену. Пока я поглощал традиционный английский завтрак, в комнату вошла одетая во все черное англичанка средних лет.

— Доброе утро, — поздоровалась она. — Меня зовут сестра Грейс. Очень жаль, что вы так скоро уезжаете.

Она носила оригинальную брошку в виде трех древнеримских денариев — три цезаря бок о бок разместились на тщедушной

грудь сестры Грейс. Монахиня олицетворяла собой тот тип немолодых англичанок, которые способны воссоздать стерильную атмосферу британской больницы даже в условиях безжизненной пустыни или гибельного болота. Такие женщины решительно шагают под открытым зонтиком через мятежи и революции, стремясь везде, где возможно, восстановить изначальный порядок. Они — порождение нашей нации. И не важно, насколько хорошо они знают иностранный язык и насколько глубоко проникли в тонкости чужой психологии. Все равно: такие, как сестра Грейс, во всех ситуациях остаются англичанками до мозга костей. И куда бы их ни забросила судьба, они повсюду — даже в самые отдаленные и гиблые места — привносят маленький кусочек Танбридж-Уэллса и Истборна.

Сестра Грейс рассказала мне, что это здание построил Артур Хитченс, родной брат писателя Роберта Хитченса. Оказывается, в довоенные годы он служил в Измире капелланом. Я поинтересовался у своей собеседницы, присутствовала ли она при трагических событиях 1922 года.

О да, конечно, она была здесь и собственными глазами наблюдала, как погибал старый мир в пламени пожаров. Вместе с другими англичанами сестре Грейс пришлось бежать на борту «Железного герцога». В пустом доме она оставила тело мертвого англичанина, упокой Господь его душу. Это было ужасно, но в тот миг она не могла поступить иначе. Через несколько лет сестра Грейс вернулась. В доме царил страшный беспорядок, но, слава богу, он уцелел. Надо отдать должное туркам, они ничего здесь не тронули.

— Ну что ж, — улыбнулась женщина, — всего вам хорошего. Напишите мне, расскажите, как поживаете. Вы ведь не забудете это сделать?

Как я мог забыть эту маленькую отважную англичанку, которая носит на своей груди сразу трех цезарей?

Маленькая гребная лодка вышла из Измирской бухты и направилась на север — туда, где вырисовывались контуры Митилены. В предвкушении встречи с Македонией и Грецией я испытывал небывалый подъем. Скоро, совсем скоро, повторял я про себя, я пройду по разрушенным улочкам Филипп, мне предстоит увидеть Фессалонику и Берею, передо мной откроются Афины и Коринф. Несись вперед, моя лодочка, — вперед, по морской глади, уже тронутой колдовскими чарами лета. Предстоящее путешествие я не променяю ни на что на свете.

В Кастро мы прибыли незадолго до обеда. Издали этот городок, удачно вписавшийся в окружающий холмистый пейзаж, завораживал своей солнечной, по-южному гостеприимной и щедрой красотой. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружился ряд деталей, которые, мягко говоря, диссонировали с обликом средиземноморского курортного городка. Крохотная гавань была завалена емкостями с маслом, приготовленными к отправке. В воздухе стоял раздражающий запах мыла — неизбежные издержки местного мыловаренного производства. Сам Кастро представлял собой скопление узких улочек вокруг порта. Здесь царила атмосфера турецкого города — несмотря на обилие шумных смуглолицых греков на улицах. Я наблюдал за этими подвижными, говорливыми людьми и думал, как же они отличаются от сдержанных и замкнутых турок.

За баррикадой ящиков и бочек я обнаружил контору по аренде судов. Клерк — маленький темноволосый человечек, распространявший запах чеснока — объявил, что мне неслыханно повезло. Мне не придется три дня сидеть на этом богом забытом острове (сам он был из Афин) и дожидаться okazji. Дело в том, что одно из рейсовых судов задержалось на пятнадцать часов и уходит на Салоники ровно сегодня вечером. Довольные друг другом мы отправились в маленький *кафенейон* — выпить по чашечке кофе и выкурить по хорошей македонской сигарете. Усевшись за столик, маленький афинянин пустился в долгое и нудное обсуждение политической ситуации в Греции.

Митилена — это, конечно же, античный Лесбос, однако мой собеседник не интересовался античностью и наверняка даже не слышал имени Сапфо. Зато он проявил завидную осведомленность во всем, что касалось оливкового масла. Он рассказал мне, что в древности на острове выращивали виноград, но сейчас полностью перешли на оливки. Это оказалось куда прибыльнее.

Из боязни пропустить свое судно я не решился далеко уходить от города. Никогда ведь не знаешь, что взбредет в голову капитану греческого грузового судна, которое опаздывает на пятнадцать часов. Поэтому я решил ограничиться осмотром развалин генуэзской крепости, которые высились на вершине холма. Как выяснилось, смотреть там особенно не на что, поскольку от крепости остались лишь внешние стены. Зато отсюда, с высоты открывался замечательный вид на холмы Малой Азии, которые от нашего острова отделяло десять миль морской поверхности. Холмы эти, розовые в закатных лучах, неровной цепью окружали Пергам. По вечернему небу плыли облака — медленно дрейфовали в направлении холмов, чтобы осесть там на ночь, а утром растаять

без следа. В воздухе пахло летом — тем восхитительным, устойчивым летом, которое отличает средиземноморский климат. Я предвкушал приближение долгих безоблачных дней, когда над головой расстилается безупречно-синее небо, а коричневые острова вздымают свои вершины на фоне блестящего голубого моря.

Отчалили мы с наступлением темноты, на небе сияла почти полная луна. В каюте, на мой взгляд, было слишком душно, поэтому я постелил себе на палубе и лежал, любясь лунной дорожкой на темной поверхности моря. Возможно, точно такой же ночью Павел, Лука, Сила и Тимофей покинули Троаду и поплыли в Кавалу, которая в ту пору носила название фракийского Неаполя.

«Итак, отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь, оттуда же в Филиппы: это первый город в той части Македонии, колония; в этом городе мы пребыли несколько дней...»²⁸

Мнение, что Лука являлся уроженцем Филипп, кажется мне вполне обоснованным, ибо его рассказы об этом городе не только отличаются подробностью и живостью, но и обнаруживают законную гордость местного жителя. Если дело обстоит именно так, то можно предположить, что Лука сообщил Павлу много интересных сведений, которые, несомненно, оказались полезными для миссионера.

Думаю, и судно, на котором плыл Павел, не сильно отличалось от нашего корабля — маленькое судно для каботажного плавания, совершавшее рейсы между островами Эгейского моря и принимавшее грузы в дюжине мелких портовых городов. Выйдя из Троады, проповедники проплыли мимо острова Тенедос, вошли в Дарданеллы и, миновав мыс Геллес, на всех парусах устремились в южном направлении — благо им удалось поймать попутный ветер. Впереди по курсу лежал остров Имброс, за ним высились горы Самофракии. Прошли века с тех пор, как Павел совершал свои миссионерские путешествия. Некоторые города, например Листра и Дервия, обратились в руины; другие — как Иконий и Антиохия Сирийская — изменились до неузнаваемости. Что касается береговой линии Эгейского моря, она осталась прежней, и современный путешественник проходит тем же путем, которым в первом веке нашей эры двигался апостол.

Я прислушивался к ритмичному плеску волн о борт корабля и наблюдал, как на горизонте вырастают темные холмы, окружающие Адрамитскую гавань. Здесь нам предстояло сделать остановку на пути к Лемносу.

Хотя было раннее утро, солнце уже изрядно припекало. Наш корабль стоял на якоре, покачиваясь на зеленых, как бутылочное стекло, волнах. Обращая взгляд на берег, я видел прекрасный город, раскинувшийся у подножия горы. Высокая скала выдавалась далеко в море, на ее террасах лепились жилые дома, а на вершине расположился древний замок с крепостными стенами и сторожевыми башнями. Двойные арки римского акведука соединяли эту скалу с окрестными холмами.

Так выглядела Кавала, или Неаполь Фракийский, как его называли во времена святого Павла. Здесь, в этой маленькой гавани, апостол впервые ступил на европейскую землю. Это один из важнейших и драматических моментов его великой миссии. Христианство наконец-то преодолело невидимую границу между Востоком и Западом! Однако сам Павел вряд ли осознавал важность текущего мгновения. Он не разделял Европу и Азию — так, как это делаем мы. Он просто сошел на берег в Македонии, еще одной римской колонии. Перебрался из римской Трояды в римский Неаполь. Перед ним тянулась Виа Эгнатия, но вела она не на другой континент, а просто в римские колонии и эллинистические города — такие же, как те, что остались у него за спиной в Азии. Египетские и сирийские города олицетворяли великую энергию и богатство, в Малой Азии остались города с крупными библиотеками и великими храмами. Впереди Павла ждали измученные, разрушенные Афины — город, живущий былой славой, — и Рим — олицетворение жизненной энергии, великий повелитель мира. К западу от Рима жили чуждые, непонятные племена германцев и галлов, а еще дальше, почти у пределов обитаемого мира, лежал маленький и дикий остров Британия, лишь недавно присоединенный императором Клавдием к Римской империи.

С точки зрения Павла, Неаполь был небольшим лагерем в тени холма, почти островом, на гребне которого стоял храм, построенный по образцу афинского Парфенона. В нем хранилась известная статуя Венеры Неапольской. Эти места уже в эпоху Павла хранили множество исторических воспоминаний. Во время битвы при Филиппах в здешней гавани стоял на рейде флот Брута и Кассия. А в нескольких милях от Кавалы лежит чудесный островок Тасос, куда Брут отправил для погребения тело погибшего Кассия. Он вынужден был так поступить, дабы не уронить моральный дух армии.

Полагаю, тот Неаполь, который посетил Павел во время своего второго миссионерского путешествия, был весьма схож с Кавалой, какой она предстала моим глазам этим солнечным утром. К сожалению, храм на гребне холма не сохранился, на его месте выстроена византийско-турецкая крепость. Но маленькие белые домики, крытые красной черепицей, все так же — ряд за рядом — стоят на склоне холма и отражаются в водах залива.

И линия горизонта наверняка сохранилась со времен Павла — просто потому, что не меняются дикие горы Македонии. Они все так же начинаются у самой кромки изумрудной бухты и тянутся на север, туда, где в тридцати милях проходит болгарская граница. А далеко на западе — почти неразличимый в жарком мареве — маячит силуэт горы Афон...

Всякий отъезд скрывает в себе некую драму. Но, наверное, ни один из вариантов отбытия не несет такого отпечатка окончательности и безысходности, как отправление гребной шлюпки. Когда вы видите, как ваш багаж сбрасывают лодочнику, стоящему в тени корабля; когда вы собираетесь с духом, чтобы спуститься по ненадежному, прямо-таки самоубийственному трапу — в такие минуты вам кажется, что суша, этот прочный и твердый мир, куда-то отступает. И вы ощущаете такое всеобъемлющее, безнадежное одиночество, какое переживал лишь Робинзон Крузо на необитаемом острове.

Нечто подобное пережил и я, оказавшись на борту гребной лодки. Сидевшие на веслах лодочники громко распевали на два голоса, но я, как ни старался, не мог разобрать ни слова. Это тем более странно, что пели они по-гречески, хотя мелодия была явно турецкого происхождения. Наконец мы причалили к маленькому песчаному пятачку, где толпились люди и ослики. Загорелые босоногие грузчики бегали вверх и вниз по сходням, спуская на берег древесину с Фасоса и мешки с углем, доставленные с горы Афон. Дальше поклажу перегружали на осликов и отправляли в город.

Неподалеку, всего в нескольких ярдах, расположился рыбный рынок, игравший чрезвычайно важную роль в жизни города. Я никогда не упускал возможности посетить такой рынок, да еще в столь отдаленной местности. Мне всегда хотелось взглянуть на экзотическую рыбу, которую люди вылавливали в чужих водах. Здешние экземпляры выглядели настолько странными, что их следовало бы отправить в аквариум, а не на рынок. Я даже не знал их названия: нечто необычное, плоское, ярко окрашенное; а рядом с ними — длинная, тонкая, серебристая рыба. На прилавках стояли подносы с черными и зелеными осьминогами — насколько мне

известно, их ловят на всем средиземноморском побережье и на островах Эгейского моря. Рядом с ними громоздились кучи кальмаров и каракатиц, имевших удручающе-обвислый вид после смерти. Ужаснее всего выглядели красные устрицы в своих огромных шишковатых раковинах. Заметив мой интерес, продавец выбрал одну из самых уродливых раковин и с вежливым поклоном протянул мне. Увы, мне не хватило смелости прикоснуться к этой штуке. Тогда — очевидно, желая показать пример — продавец ловким движением ножа вскрыл раковину и тут же, у меня на глазах проглотил ее содержимое.

Мне показалось, что Кавала — как и многие прибрежные города в этой части света — не оправдывает своей древней репутации. Я не обнаружил в ней ни особой красоты, ни гражданского величия. В новой части города доминировали большие каменные склады, выстроившиеся вдоль набережной. Старый город был похож на муравейник — узкие пыльные улочки с невзрачными домишками, со всех сторон обступавшие холм с крепостью.

Мне повезло свести знакомство с молодым археологом по имени Георгиос Бакалакис. Его бескорыстная любовь к древнему Неаполю вызвала живейший отклик в моем сердце. Сколь скучен и мрачен был бы наш мир без таких вот юных энтузиастов, которые готовы разнести десять ратуш, чтобы обнаружить одну древнюю надпись. Георгиос привел меня в пыльный сарай, где среди паутины и крысиного помета хранились его находки — все, что осталось от беломраморного города павловской эпохи.

Затем мы решили прогуляться по городу. По дороге Георгиос поведал мне, что Кавала является центром табачной промышленности Македонии. Табак собирают вручную и раскладывают на просушку в просторных сараях, выстроенных в портовом районе. Я узнал много интересного, в частности, где выращивают самый популярный сорт табака (его до сих пор называют «турецким»), а также кто является основным импортером македонских сигарет. Среди всего прочего выяснил, что рабочие-табачники единственные на выборах в парламент голосовали за коммунистов.

Посреди маленького городского парка я увидел скромный военный мемориал. Его трудно было назвать вдохновенным кенотафом, где традиционный лев буйствовал бы на каменном пьедестале. Но меня заинтересовала надпись, выполненная греческими буквами: «Посвящается тем, кто умер в 1912-1922 гг.»

У нас в Британии тоже немало военных памятников с высеченными на них цифрами «1914-1918», в них увековечен короткий, но насыщенный болью и страданиями период. На долю

же Македонии выпало целое десятилетие войны. В 1912 году разразилась Первая Балканская война, страна в тот момент находилась под властью Турции. Позже, когда турок изгнали, Кавалу заняли болгары. Вскорости началась Вторая Балканская война, и город перешел в руки греков. В ходе Первой мировой болгары снова захватили Кавалу, период их оккупации ознаменовался ужасными зверствами. В 1918 году Греция вернула себе свои владения, но, чтобы отстоять их, ей пришлось в 1921 году ввязаться в войну с Турцией.

Я пожелал осмотреть крепость, для чего нам пришлось подняться на холм. Увы, тут меня ждало разочарование: замок только с моря выглядел великолепной цитаделью, на деле же оказался пустой скорлупкой — от крепости сохранился эффектный фасад, за которым зияла пустота. Здесь же, на вершине холма, я обнаружил любопытный памятник. На одной из террас, обращенных в сторону острова Фасос, стоит укрытая от любопытных глаз конная статуя бывшего египетского правителя Мегемета-Али. Много лет она замаскирована и скрыта от глаз широкой публики. Придя к власти, египетский король Фуад торжественно пообещал легализовать памятник, но так и не сдержал своего обещания.

Собственно, единственной достопримечательностью Кавалы является дом, в котором в 1769 году родился Мегемет-Али. Сейчас это строение находится в собственности египетского правительства, что подтверждает наличие смотрителя в феске. Музей произвел на меня приятное впечатление: старинный турецкий дом с решетками на окнах гарема и скрипучими деревянными полами. Я раньше как-то не задумывался, что Мегемет-Али — до того, как в тридцатилетнем возрасте стать вице-королем Египта — был рядовым жителем Кавалы, зарабатывавшим на жизнь торговлей табаком.

Спустившись с холма, мы очутились на маленькой площади в припортовом районе. Здесь под матерчатым навесом собралась та часть мужского населения Кавалы, которая не была занята упаковкой табака, разгрузкой судов или продажей рыбы. Сидя за столиками, мужчины попивали кофе и, в соответствии с турецкими традициями, играли в нарды. Но стоило мне присоединиться к этой праздной толпе, как я сразу же стал объектом внимания целой ватаги маленьких оборванцев, жаждавших почистить мои ботинки. Похватав свои нехитрые принадлежности, с пронзительными криками «*Loostro verneeki!*» они бросились мне навстречу. У моих ног немедленно завязалась потасовка. Я смотрел на этих мальчишек и думал, что подавляющее число юных греков начинает свою трудовую жизнь в качестве «*loostro verneeki*».

Неподалеку от набережной я обнаружил греческую церковь, с которой была связана любопытная история. В прошлом эта церковь была посвящена святому Павлу, затем превратилась в мечеть, а сейчас вновь обрела христианский статус, но уже называется церковью Святого Николая. Священником в ней был высокий грек с окладистой, как у еврейского пророка, бородой. Он бурно отреагировал на мое замечание о том, что позор для всей Кавалы не иметь церкви, посвященной святому Павлу.

— Ах, как вы правы! — воскликнул священник. — Да ведь в прежние времена все так и было. Церковь возведена как раз на том месте, где святой апостол Павел ступил на берег. В древности здесь как раз была набережная, потом море отступило. Пойдемте, я покажу вам!

Он провел меня на задворки церкви, где на мощеной дорожке виднелась круглая отметина.

— Вот то самое место, где апостол Павел высадился на берег Македонии. Раньше здесь рос великолепный платан, — сообщил священник и добавил дрогнувшим голосом: — Но болгары его срубили!

— Вы говорите, что прежде церковь была посвящена святому Павлу. Как же так получилась, что она сменила своего покровителя?

Оказывается, когда турки покинули Кавалу, мечеть решили переоборудовать в место христианского культа. Для этого нужны были средства. Местные рыбаки соглашались собрать деньги, но и слышать не желали о святом Павле. Что поделать, столетия мусульманского засилья сильно поколебали христианские традиции. Имя Павла утратило свое значение, в особенности для греческих моряков, которые традиционно считали своим покровителем и заступником святого Николая.

Вот так и вышло, что церковь, которая в византийской традиции прочно связывается с первыми шагами Павла на западной земле, носит имя Николая.

Между прочим, святой Николай покровительствует не только морякам, путешественникам, торговцам и детям. Ростовщики, ссужающие деньги под залог, тоже считают его своим «профессиональным» святым. Если верить легенде, то в Параре, родном городе Николая, приключилась такая история. Некий аристократ внезапно разорился и страшно горевал по этому поводу: ведь три его дочери-красавицы оказались бесприданницами. Прознав о его беде, Николай решил помочь безутешному отцу. Поздно ночью он пришел к его дому и забросил в окно три мешка с золотом. Это был богатый дар, позволявший

обеспечить девушек достойным приданым. На ранних иконах эти три мешка символически изображаются в виде трех золотых яблок. Со временем золотые яблоки святого Николая стали профессиональным символом ростовщиков.

5

Следующим пунктом моей программы числилось посещение Филипп. По такому случаю я нанял старую машину, в которой окна были затянуты целлулоидной пленкой, и отправился в девятимильную поездку по холмам.

Дорога делала неожиданный изгиб и выводила к серой громаде горы Симбол, которая служила природным барьером между морем и долиной Филипп. Эта гора является продолжением Пангейского кряжа, в древности знаменитого серебряными рудниками. Высота Симбола составляет 1670 футов, и с его склонов открывается вид на безбрежную плоскую равнину, где зеленые участки зерновых посевов сменяются унылыми бурыми пятнами болот. Дорогу покрывал толстый слой пыли, и каждая подвода, каждый всадник или пеший путник двигались в собственном облаке коричневой пыли.

На этих обширных равнинах, посреди предательских заболоченных участков давным-давно — за сорок один год до рождения Христа — наступил крах Римской республики. В решающей битве легионы Антония и молодого Октавия нанесли поражение войскам Брута и Кассия. И именно здесь, на смертном ложе Республики, триумвиры заложили новую колонию, которую называли Филиппами.

Уверен, что всякий, кому довелось исполнять роль Брута в школьной постановке шекспировского «Юлия Цезаря», с особым, жгучим интересом рассматривал бы эту пустынную плоскую равнину. Вот она, реальность, говорил я себе. Та самая, которую мы стремились воссоздать на маленькой пыльной сцене в директорском кабинете. Как часто я пытался представить себе это место — далекую равнину при Филиппах, где сражались и погибали живые люди, где в реальности разыгрывалась одна из величайших в истории человечества драм. И сейчас, когда я оказался на арене исторических событий, мне казалось, будто я снова слышу голос моего школьного партнера, игравшего Цезаря (этому пареньку предстояло совсем скоро погибнуть во Франции): стоя в лучах ramпы, он обещал мне, что мы еще встретимся в Филиппах...

Проехав восемь миль, мы увидели на обочине дороги сельскую гостиницу. Обследовав здание, я обнаружил остатки римского памятника, вделанные в ее стену. Это был установленный на цоколь могильный камень примерно двенадцати футов в высоту. На нем было высечено имя римского легионера К. Фибия. Пока я изучал надпись, из гостиницы вышел крестьянин. Видя мой интерес, он стал давать советы, где лучше встать и под каким ракурсом лучше рассматривать камень. В книге Дж. Ф. Эббота «Македонский фольклор» я читал, что местное население до сих пор бережно хранит память об Александре Македонском, но, по правде говоря, не ожидал так скоро получить подтверждение этой мысли.

— А что это за памятник? — поинтересовался я.

— Мы называем его Кормушкой Буцефала.

— И кто такой этот Буцефал? — спросил я, подозревая, что он, как попугай, просто повторяет незнакомое имя.

— Буцефалом звали коня царя Александра, — тут же не задумываясь ответил мужчина.

Я попросил его рассказать какие-нибудь истории из жизни «царя Александра», но крестьянин отказался, угрюмо покачав головой. Наверное, решил, что я над ним насмехаюсь.

Мы проехали еще около мили, прежде чем наткнулись на холм конической формы, на вершине которого возвышалась древняя башня. Я оглянулся и неожиданно обнаружил вокруг себя развалины древних Филипп. Современная дорога следовала вдоль Виа Эгнатия и, следовательно, проходила прямо через древний город. Его развалины лежали на глубине десяти — пятнадцати футов. Покинув шоссе, я спустился на место античного форума: благодаря недавним раскопкам французских археологов здесь обнажились основания мраморных колонн, остатки водосточного желоба и несколько акров булыжной мостовой.

Единственным современным строением была хижина сторожа. Она скромно стояла на обочине дороги, а вокруг нее раскинулись безлюдные руины города, который святой Лука с гордостью описывал как «первый город в той части Македонии».

В сопровождении сторожа я обошел развалины мертвого города. Наибольшее впечатление на меня произвели остатки византийской базилики — дверной проем с колоннами, который ранее ошибочно принимали за триумфальную арку. На самом деле это был греческий собор, несомненно, посвященный святому Павлу. До начала археологической экспедиции эти развалины были единственным наземным ориентиром на территории древних

Филипп. Местные жители хорошо его знали и, по словам зрителя, называли «дворцом Александра Македонского».

Интересно, какова история этой церкви? Может, ее возвели на месте темницы, где держали Павла? Или же на месте дома Лидии, в котором апостол останавливался? Судя по масштабам строения и его торжественному характеру, это был один из главных храмов Филипп.

С особым интересом я исследовал форум — центральную площадь города, где в свое время собирался рынок и проходили наиболее значительные общественные мероприятия. В любом древнеримском городе форум являлся самым посещаемым местом, и апостол Павел не мог обойти его стороной. Большая часть площади уже раскопана, и я поразился совершенству ее планировки. Каменные водостоки настолько хорошо сохранились, что и в наши дни исправно исполняли свою функцию. От форума вверх вели каменные ступени. Мраморные полы и остатки колонн на верхних ярусах обозначали место, где некогда стояли великолепные храмы и публичные здания — они кольцом окружали центральную площадь.

Повсюду лежали извлеченные из земли камни с высеченными на них надписями. Я попытался расшифровать одну, самую сложную, и понял лишь, что речь идет о посвящении какого-то храма. Другие надписи носили более личный характер, и из них можно было заключить, что жители Филипп отнюдь не являлись долгожителями. Вот рядом два надгробия. Одно из них удостоверяет смерть Кассии Гемеллы и Антония Александра — оба скончались, не дожив до двадцати пяти лет; второй камень повествует о некоем Веллее Платоне, который умер в 36-летнем возрасте, но перед смертью успел построить гробницу для себя и для своего родственника (врача по профессии).

Наиболее интересной оказалась надпись, сделанная на пьедестале статуи. Тринадцать строк на латыни великолепно сохранились: они выглядели так, будто высечены лишь вчера. Надпись гласила, что статуя возведена легионерами под командованием Л. Татиния, который начинал свою воинскую карьеру в качестве простого рядового, а в конце дослужился до звания центуриона.

Далее сторож повел меня к одному из разрушенных домов, и по его важному и довольному виду я сделал вывод, что сейчас мне продемонстрируют особо ценную реликвию. Так и оказалось. Вооружившись метлой, сторож удалил слой песка в несколько дюймов, который покрывал пол здания. При этом обнажилась

прелестная мозаика, составленная из красных, белых и черных плиток.

— Перед вами стены Филипп! — торжественно объявил сторож.

Присмотревшись, я действительно обнаружил план-схему крепости. На мозаике четко просматривались квадратики укрепленных башен, дуги арочных ворот и прямые стены с навесными бойницами.

Я вспомнил, с какой нескрываемой гордостью Лука отзывался о родных Филиппах — «первом городе в той части Македонии», — и понял, что и здесь проявляется тот же патриотизм. Человек, давным-давно живший в Филиппах, решил украсить свое жилище. И какой же сюжет он выбрал для мозаики на полу? Самое прекрасное, что знал в своей жизни — план родного города с его стенами и башнями.

Сторож дал мне вволю налюбоваться картинкой, а затем принялся снова наметать песок на разноцветные плитки. Глядя, как он орудует метлой, я почему-то подумал о неотвратимости смерти. Потребовалось совсем немного фантазии, чтобы преобразовать безобидную метлу в смертоносную косу, а самого сторожа — в старца, олицетворяющего время.

Виа Эгнатиа, открывшаяся в результате раскопок, проходит на глубине от десяти до пятнадцати футов под землей, почти в точности повторяя очертания современной дороги. Она сложена из огромных камней (некоторые из них достигают шести дюймов в толщину), причем верхний слой в три-четыре дюйма изрядно разбит лошадиными копытами и колесами экипажей. Виа Эгнатиа тянулась от самого Неаполя, пересекала гору Симбол, с запада огибала холм, на котором стоял старый город, и в конце концов приводила к форуму Филипп. Таким образом, путешественник, двигавшийся по этой дороге, оказывался в самом центре Филипп. Любопытно, что на одной из каменных плит я обнаружил нацарапанную схему для игры в кости. Наверное, когда-то здесь стояло караульное помещение, и легионеры развлекались подобным образом во время дежурства. Игровое поле представляло собой круг, поделенный на девять сегментов. Каждый из сегментов помечен полукругом, нарисованным в расширяющемся конце сегмента.

Прогуливаясь по пустынным развалинам древнего города, я пытался представить, каким увидели Филиппы Павел, Лука, Сила и Тимофей, пришедшие по Виа Эгнатиа из Неаполя. Старый город, построенный еще Филиппом Македонским, отцом Александра, был похож на остальные древнегреческие города. Он располагался на холме, узкие улочки круто карабкались в гору, мраморные храмы ярко сверкали на солнце и благодаря этому были видны за многие

мили. А на плоской равнине у подножия холма раскинулась новая римская колония, основанная императором Августом. Эта часть города имела совсем иной вид — типично римский полис, очень официальный, величавый и надменный. Населяли его в основном старые солдаты — бывшие легионеры, а также их подросшие сыновья и внуки.

Идея подарить ветеранам собственный город показалась Августу удачной. Таким образом он выразил благодарность воинам, которые помогли ему победить Брута. Десять лет спустя к старожилам Филипп добавились новые жители — ветераны морского сражения при Акции, в котором Август разгромил объединенные силы Антония и Клеопатры. Описанные события происходили за восемьдесят лет, до того как Павел пришел в Филиппы проповедовать христианство. Внуки августовских ветеранов повзрослели, обзавелись собственными семьями и теперь входили в число уважаемых отцов города.

Евреев в Филиппах было совсем немного, в этом отношении город напоминал уже знакомую Павлу Листру, еще одну римскую колонию. Иудеи в основном ориентировались на коммерческую деятельность, и молодые военные поселения до поры до времени не привлекали их внимания. Таким образом, придя в Филиппы, Павел не обнаружил традиционной синагоги и решил в ближайшую субботу отправиться на берег реки, «где по обыкновению был молитвенный дом»²⁹. Я имел возможность посетить этот «берег реки» — местечко примерно в миле на север от разрушенного города. Река здесь имеет в ширину десять-двенадцать ярдов, дно чистое, неглубокое, зато течение довольно быстрое. Спутать это место ни с чем нельзя, поскольку в округе нет других рек такого размера.

Итак, четверо миссионеров ушли за город и там, на песчаном берегу реки, обнаружили группу местных женщин, собравшихся для молитвы. Среди них была уроженка города Фиатир — довольно богатая и влиятельная женщина по имени Лидия. Она занималась тем, что торговала багрянницей — дорогой тканью, которую производили в ее родных местах. Эта Лидия и стала первой новообращенной христианкой в Европе. Павел крестил женщину и ее домочадцев в водах мелкого ручья, который до сих пор протекает по широкой безлюдной равнине. В благодарность Лидия пригласила апостолов остановиться в ее доме. Так, собственно, и возникла первая в Европе христианская церковь.

Затем в Деяниях описывается яркий эпизод — вот, пожалуйста, зарисовка из античной жизни — с бродячей пророчицей. Случилось так, что, направляясь на место молитвы, апостолы натолкнулись на

группу людей, каких нередко можно было встретить на дорогах в ту эпоху. Полубезумная девушка-рабыня, наделенная даром прорицания, бродила по окрестностям Филипп, бормоча предсказания. Хозяева ходили следом и за умеренную плату толковали ее невнятные речи. Подобные персонажи — пифии, чревовещательницы и стерноманты^[31] — находились на нижней ступени пророческого ремесла. Во главе же культа стоял Дельфийский оракул с его таинственными жрицами, чьи предсказания славились на весь античный мир. Его советов спрашивали, основывая новые колонии и затеявая великие военные походы. Самые влиятельные и богатые люди хоть раз в жизни, но совершали паломничество к знаменитой расселине в скале. Девушка-рабыня, о которой мы повествуем, не могла даже мечтать о том, чтобы приблизиться к великому оракулу. Ее удел сводился к пророчествам на сельских дорогах под присмотром хозяев, которые якобы умели толковать ее предсказания.

Увидев Павла, она последовала за ним. День за днем девушка ходила за проповедниками, выкрикивая одни и те же слова: «Сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения. Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел тот же час».

Хозяева рабыни, увидев, что она не может больше пророчествовать, очень рассердились, ибо лишились дармового заработка. Они схватили Павла и Силу (Лука и Тимофей, очевидно, в тот момент отсутствовали) и «повлекли на площадь к начальникам» — полагаю, это была та самая площадь, которая в наши дни расчищена французскими археологами. Здесь они выдвинули обвинения против миссионеров: якобы те принадлежат к иудейскому племени и в таковом качестве распространяют учение, которое римлянам не подобает ни слушать, ни соблюдать. Они доказывали, что христианство является опасной ересью, которая несет угрозу официально принятому культу правящего императора. А поскольку власти колонии были обязаны поддерживать честь и престиж Рима, вопрос решился быстро. Непонятно другое: по какой причине Павел и Сила не сопротивлялись, в общем-то, противоправным действиям ликторов. Почему позволили сорвать с себя одежды и бить палками? Они либо хранили гордое молчание, либо же — и это кажется более вероятным в свете их дальнейшего поведения — кричали: «Civis Romanus sum!»^[32], но их протесты потонули в криках разъяренной толпы. Не исключено, конечно, что римское гражданство было только у Павла, и апостол не пожелал в одиночку воспользоваться

иммунитетом, который не распространялся на его товарища. Как бы то ни было, обоих проповедников избили и бросили в темницу.

Итак, Павел и Сила оказались в подземной камере, да еще и закованные в колодки. Полночи они молились и распевали гимны, а остальные узники их слушали.

«Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узлы ослабели».

Вот как комментирует это событие сэр Уильям Рамсей:

Тот, кто хоть однажды побывал в турецкой тюрьме, не станет удивляться легкости, с которой двери отворились. Дело в том, что камеры, как правило, запираются на плохонькие засовы. Случись землетрясение, дверные косяки придут в движение, и засов попросту выскользнет из захвата, и двери действительно откроются. Далее, узников поместили в деревянные колодки, которые, скорее всего, были вмонтированы в стену. Во время землетрясения камни расшатываются, между ними возникают зазоры, и колодки с цепями могут выпасть из стены.

Несчастный тюремщик, увидев открытые двери камер, решил, что узники разбежались. Дабы доказать свою невиновность, он извлек меч и хотел, по традициям Филипп, умертвить себя. Но тут он услышал голос Павла: «Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь!»

После этого и стражник, и вся его семья уверовали в Иисуса Христа и крестились. Прекрасным и трогательным завершением истории служит картина: тюремщик, вчерашний враг апостола, собственноручно оmyвает его раны. За сим последовала благодарственная трапеза, на которой новообращенный страж доказал: хоть он и немногое узнал о христианстве, но полученные семена упали на благодатную почву.

На следующее утро появились ликторы с приказом об освобождении узников. Похоже, городские власти к тому времени осознали, насколько серьезную ошибку допустили. При их попустительстве унизили достоинство римских граждан, и если пострадавшие решат жаловаться в вышестоящие инстанции, их проступок может обернуться крупными неприятностями. Павел тоже это понимал. И не собирался безропотно сносить оскорбление: его, римского гражданина, «без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают?» Он отказался покидать тюрьму, пока городские власти не принесут публичных извинений.

Те вынуждены были согласиться. «И, пришедши, извинились пред ними и, выведши, просили удалиться из города». Павел и Сила распрощались с членами христианской церкви в Филиппах и, оставив где-то Луку и Тимофея, направились в сторону Фессалоники.

6

Я шел по тропинке вдоль того ручья, где некогда крестили Лидию. Сторож сообщил, что современные турки называют его Бунарбаши, что переводится как «верховье, исток реки».

Усевшись на песчаной отмели, я наблюдал за стадом буйволов, которые мирно паслись в зарослях кресс-салата. В этот момент на берегу появилась крепкая босоногая девушка. Не замечая меня, она вела себя без всякого стеснения: подоткнула повыше юбки, вошла в ручей и принялась срезать стебли салата. Мне захотелось сфотографировать юную крестьянку, но тут она наконец-то меня увидела и впала в совершенную панику. Девушка побросала срезанный кресс-салат и с громкими, испуганными воплями выскочила на берег. В удаленных деревнях Турции и Македонии до сих пор живут люди, которые верят, что злые иностранцы могут похитить их душу и спрятать в маленькую черную коробочку. И, честно говоря, я не уверен, что у нас есть право смеяться над их суевериями.

В своем гневе девушка выглядела очаровательной. Я даже и не догадывался, что в массивном, мускулистом теле может скрываться столько юной девичьей грации. Она топала босыми ногами и раздраженно размахивала ножом. Я отправил сторожа, чтобы тот попытался успокоить девушку, но это лишь еще больше разожгло ее гнев. Наконец мне надоело. Я достал книгу и углубился в чтение. Это произвело неожиданный эффект: местная фурия моментально успокоилась и вновь вернулась к своим делам. Казалось, она вовсе забыла о моем существовании.

Свое Послание к Филиппийцам Павел адресовал к христианам, которых он крестил в этом ручье в 50 году.

Письмо это появилось на свет через несколько лет после визита Павла в Филиппы. По ряду признаков можно предположить, что апостол писал письмо, сидя в темнице. Большинство исследователей сходятся на том, что это происходило в Риме — когда Павел сидел в тюремной камере и дожидался ответа цезаря на апелляцию. Однако некоторые ученые полагают, что речь может идти о неизвестном (во всяком случае, не зафиксированном в

Деяниях) случае пленения в Эфесе. Приступая к посланию, апостол намеревался выразить благодарность христианам Филипп за деньги, которые те собрали и отправили попавшему в беду апостолу. Собранные средства были переданы через человека по имени Епафродит, жителя Филипп, которому удалось поднять дух Павла, находившегося в заключении. Во время своей миссии Епафродит серьезно заболел, однако в конце концов смог вернуться в Филиппы и доставить своим землякам павловское послание.

«Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, — писал Павел, — всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву (мою), за ваше участие в благовествовании от первого дня даже доныне... Как и должно мне помышлять всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати, Бог — свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа...

Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью безбоязненно проповедывать слово Божие»³⁰.

В этом месте послания мы ощущаем некую нотку усталости. Ну, что ж, Павел уже немолод. За спиной у него долгие годы физических и моральных трудностей, и сейчас, вынужденный переносить тяготы заключения, он мечтает об отдыхе.

«Ибо знаю, что это послужит мне во спасение... при уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью! Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение. Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня и то, и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере, дабы похвала ваша во Христе Иисусе умножилась чрез меня, при моем вторичном к вам пришествии.

Только живите достойно благовествования Христова, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру евангельскую. И не страшитесь ни в чем противников; это для них

есть предзнаменование гибели, а для вас — спасения. И сие от Бога; потому что вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него. Таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне».

Далее Павел сообщал, что Тимофей, его возлюбленный товарищ, находится рядом с ним, и напоминал, что тот «как сын отцу, служил мне в благовествовании». Павел выражал надежду, что скоро — как только разрешится судебное дело — сумеет послать Тимофея в Филиппы, чтобы получить через него известия о тамошней христианской церкви, и добавлял: «ибо я уверен в Господе, что и сам скоро приду (к вам)».

Теплота, с которой Павел относился к филиппийцам, освещала последние главы его послания. Вслушайтесь, какими словами он называл свою паству — «радость и венец мой»! Он давал советы, которые с неослабевающей силой звучат сквозь столетия.

«Наконец, братия (мои), что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, — и Бог мира будет с вами».

Апостол завершил свое послание благодарностью за ту материальную поддержку, которую филиппийская церковь ему оказала. Кстати, эта часть письма характеризует самого святого.

«Я весьма возрадовался в Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне; вы и прежде заботились, но вам не благоприятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь; ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть: умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть в изобилии и в недостатке; все могу в укрепляющем меня (Иисусе) Христе. Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби.

Вы знаете, Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаванием и принятием, кроме вас одних; вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду. Говорю это не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу. Я получил все и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу...»

Так — с достоинством, благодарностью, любовью и христианской премудростью — обращался Павел из темницы к первой в Европе и, возможно, самой его любимой христианской общине.

Я бросил прощальный взор на развалины, притаившиеся в тени холма. Многие поколения людей рождались и умирали на этой земле. Они исчезали, не оставив после себя никакого следа на равнине, где некогда стояла римская колония Филиппы. Но слова, обращенные Павлом к этому городу, сохранились и остались такими же живыми и теплыми, какими были почти две тысячи лет назад — в те времена, когда по Виа Эгнатиа шли путники и катились подводы, а на улицах Филипп — ныне холодных и безжизненных — звучали голоса жителей...

Я прибыл на конечную станцию в Дrame с тем, чтобы продолжить свой путь по Греции. Мне казалось, что этот пыльный македонский городок стоит на краю света. На вокзале я увидел нескольких солдат, возвращавшихся из отпуска — они сидели в станционном кафе и вяло отмахивались от маленького армянина, безуспешно пытавшегося продать им ковер.

Мне предстояло два часа прождать поезда на Салоники. Поэтому я уселся рядом с солдатами, пил одну за другой чашки турецкого кофе и поглощал турецкий рахат-лукум. Вначале меня донимал местный деревенский дурачок — молодой парень, у которого волосы росли прямо из лба: он незаметно подкрадывался ко мне, трогал за руку и раздражался беззвучным смехом. Однако к концу второго часа я начал к нему привыкать.

Постепенно окружающие горы меняли цвет. Над ними вздымались клубы пыли, будто бы из-под копыт приближавшегося всадника, и вот наконец на перроне показался длинный, забрызганный грязью поезд.

7

Салоники находятся всего в семидесяти милях от Филипп, если двигаться по прямой. Святому Павлу понадобилось три дня, чтобы преодолеть это расстояние. Шел он по Виа Эгнатиа и по дороге миновал Амфиполис и Аполлонию — два города, которые исчезли с современной карты. Нашему поезду приходилось пробираться меж горами к западу от Драм, и в результате мы проделали примерно сто пятьдесят миль, прежде чем добрались до Салоник. Железнодорожное полотно прокладывали по горным долинам. Рельсы изгибались и петляли, двигаясь в обход горного массива Бешик-Даг, на чьих вершинах до середины лета лежат снежные шапки. Из-за забавного сходства этого массива с горкой риса на

блюде местные жители прозвали его Пилаф-тепе, то есть «блюдо плова».

На протяжении многих миль мы ехали по долине Струмы, вдоль Болгарских гор. А возле озера Дойран оказались в непосредственной близости от югославской границы. Рубеж между двумя странами проходит по озеру и делит последнее на две части — македонскую и югославскую. Более двух лет наши войска занимали позицию в районе Дойранского сектора и все это время вынуждены были сражаться в тяжелейших условиях на пределе возможностей^[33]. С тех пор на этих безлюдных склонах осталось множество военных кладбищ.

В Салониках мне неожиданно повезло: в отеле я получил номер с ванной — после долгого путешествия по провинциальным городкам это воспринималось как верх роскоши. Помимо того, в комнате был маленький балкончик, откуда открывался вид на городской порт. Сквозь переплетения телеграфных проводов я мог разглядеть стоявшие на якоре корабли.

Очарование гостиницы еще более усиливалось тем фактом, что из кранов практически всегда текла вода, а на звяканье колокольчика, как правило, появлялась прислуга. К тому же я обнаружил несомненную связь между выключателем на стене и светом в номере, а также между жалюзи и приделанным к ним шнуром. В общем, условия меня вполне устраивали.

В результате утренней прогулки по городу я пришел к выводу, что, очевидно, в древности Салоники производили очень приятное впечатление. Город был построен на склоне холма, возвышавшегося на берегу голубого залива. Со всех сторон его окружали горы, а далеко на юге из моря вздымалась заснеженная вершина фессалийского Олимпа. Современные Салоники — довольно убогое смешение двух городов. В низине, у подножия холма, раскинулся новый город, построенный по европейским стандартам. К несчастью, значительная его часть уничтожена во время большого пожара, случившегося в 1917 году. Старый город, как и прежде, располагается на склоне холма и потому благополучно пережил пожар 1917 года. Сегодня он выглядит как беспорядочное и живописное скопление домов, укрывшихся за мощными крепостными стенами. Стены эти — еще византийской постройки, снабжены воротами и квадратными сторожевыми башнями. Наиболее заметной достопримечательностью нового города является Арка Галерия, украшающая главный проспект Салоник (кстати сказать, улица эта проложена поверх Виа Эгнатиа и повторяет ее очертания). Также в городе сохранилось несколько византийских церквей, чья архитектура и уникальные мозаичные

полотна представляют немалый интерес для студентов, специализирующихся на данном историческом периоде.

К сожалению, самая знаменитая из этих церквей — базилика Святого Деметрия, покровителя Салоник — сильно пострадала во время пожара. По сути, весь интерьер выгорел, и лишь по счастливой случайности огонь пощадил некоторые великолепные фрески и мозаики. В 1919 году при проведении реставрационных работ строители наткнулись в восточном крыле церкви на подземную крипту, датирующуюся четвертым столетием. В центре крипты рядом с мраморным сводчатым навесом, который поддерживали семь колонн, располагалась круглая мраморная купель. Она предназначалась для сбора мира, по преданию, истекавшего из мощей святого Деметрия. В северной части крипты обнаружили захоронения четырех настоятелей церкви в полном парадном облачении. Увы, эти тела не сохранились: как только гробницы вскрыли, они рассыпались в прах. Рабочий проводил меня в подсобное помещение, где среди глиняных черепков лежали металлические украшения, найденные в крипте. Я рассматривал драгоценную пряжку от пояса и другие фрагменты византийской эмали и думал, что эти экспонаты следует срочно поместить в музей. Иначе они вполне могут очутиться в кармане случайного посетителя и навсегда покинуть пределы храма.

Старый город показался мне сущим муравейником: узкие кривые улочки с неожиданными вкраплениями пыльных деревьев, закрытые дворики и мечети, переставшие функционировать с тех пор, как турки покинули город. В соответствии с Лозаннским договором 1923 года Салоники были «реэллинизированы» и заселены в основном греками, армянами и испанскими евреями. В сухую солнечную погоду этот город покоряет своим необычным обликом. В основе его обаяния лежит сугубая приверженность индивидуализму. Но стоит солнцу скрыться за тучами (или, тем паче, пойти дождю), как старые Салоники превращаются в скопление хибар, где отсутствуют элементарные удобства и царит страшная антисанитария.

На одной из узких крутых улочек старого города я увидел на стене мемориальную табличку. Она гласила, что в этом скромном доме (первый этаж которого был отведен под лавку гончарных товаров) в мае 1881 года увидел свет великий Гази Мустафа Кемаль. Надпись была выполнена на французском, греческом и турецком языках. А пройдя немного дальше, я натолкнулся на необычные похороны. По узкому мощеному переулку двигалась нестройная процессия, которую возглавляли два греческих священника, распевавших религиозный гимн. За ними шел

мужчина, который нес крышку гроба, а далее катился катафалк с открытым гробом. Меня покорило, что тело покойницы — молодой еще женщины — было бесстыдно выставлено на всеобщее обозрение. Однако окружающих это, судя по всему, несколько не смущало. Все воспринимали похоронный ритуал совершенно естественно: игравшие на мостовой ребятишки умолкли и посторонились, несколько прохожих при виде гроба сдержали с голов шапки.

Мне рассказывали, что в греческих селах до сих пор принято провожать покойников на кладбище в открытых гробах, но я не был готов увидеть нечто подобное на улице такого большого города, как Салоники. Данный обычай восходит к эпохе турецкого владычества, когда Греция лишь начинала борьбу за независимость. Турецкие власти прослышали, что греки нередко инсценируют похороны, дабы тайно перевозить оружие в закрытых гробах, и приняли закон, запрещающий подобные похороны.

Молодой студент, с которым я познакомился в Салониках, сообщил мне много интересного о погребальных обрядах в Греции. Оказывается, в комнате покойника полагается на протяжении трех дней держать зажженную свечу. Это связано с тем, что по греческим верованиям душа усопшего может на три дня задержаться на земле. Чтобы ей легче было найти дорогу к своему бывшему жилищу, и зажигают свечу.

— А возле свечи кладут кусок особого пирога, пропитанного медом, — добавил он.

Я тут же вспомнил кувшины с медом на погребальном костре Патрокла и подумал, что многие погребальные ритуалы восходят к античным временам.

Через три года после похорон производится процедура «освидетельствования останков». С моей точки зрения, это чрезвычайно мрачный ритуал, однако греки придают ему большое значение. Если у трупа отсутствуют признаки разложения (редко, но такое случается), это вызывает сильнейший переполох в стане родственников. Дело в том, что нетленность — которая в западной традиции всегда почиталась признаком святости — в Греции трактуется совсем иначе. Это означает, что на умершем лежит проклятие или же он превратился в вампира. И в том, и в другом случае требуется немедленное вмешательство: следует провести ритуал изгнания злого духа, а сам «нечистый» труп должным образом «обработать». Слава богу, подобные ситуации возникают нечасто! Отправляясь на процедуру «освидетельствования останков», родственники несут с собой вино, в котором надлежит обмыть кости усопшего. После этого их упаковывают в небольшой

деревянный ящичек. На каждом греческом кладбище существует специальное хранилище для таких ящиков с костями. Также на церемонии обязательно присутствует священник — на тот случай, если потребуется освободить покойника от наложенного проклятия.

Всякий человек, приезжающий в Салоники, отмечает большое количество газет и объявлений на еврейском языке. С давних пор в городе существовала крупная еврейская община, селившаяся в основном в районе порта. Правда, мне говорили, что население общины заметно сократилось с тех пор, как Салоники перешли в руки греков. В эпоху турецкого владычества Салоники часто называли еврейским городом. Однако те евреи сильно отличались от иудеев Нового Завета. Салоникские евреи большей частью были выходцами из Испании, они и говорили на *ладино*, представлявшем собой сильно испорченный испанский язык. При Фердинанде и Изабелле в Испании на евреев начались гонения, в результате чего они и эмигрировали в Салоники.

Я целыми днями ходил по улицам города, выискивая какие-нибудь следы пребывания святого Павла. Мне удалось обнаружить одну улицу в старом городе, которая в просторечье называлась «улицей Павла». А на самой вершине холма в окружении кипарисов стоит маленький греческий монастырь под названием Влатадон. Он, несомненно, так или иначе связан с визитом апостола. Согласно традиции, придя из Филипп в Фессалонику, Павел посетил некий дом в этой части города и вышел во двор помолиться. Я обнаружил в монастырском дворе место, отмеченное круглым мраморным камнем. Этот черный камень из Фессалии образует сердцевину белого креста. Очень заманчиво посчитать его тем местом, где молился Павел, но, к сожалению, тому нет никаких доказательств.

Монастырь не очень древний, и мне не удалось найти никого, кто подтвердил бы, что он построен на месте более ранней церкви. Основателями его считаются два выходца с Крита, братья Влата, жившие в тринадцатом веке. Влатадон является единственным христианским монастырем, который пользовался особыми привилегиями после турецкого завоевания 1430 года. Объяснение кроется в поведении монахов Влатадона, которые вызвались помочь туркам, осаждавшим Салоники. В обмен на обещание защиты и поддержки они рассказали врагам, как можно захватить город. Единственный способ сломить сопротивление защитников города заключался в том, чтобы перерезать водопровод, подававший воду с горы Хортиати. Турки воспользовались советом монахов, и город вынужден был сдаться. Понятно, что после этого

гнев жителей Салоник обратился против монахов-предателей. Сила гнева была такова, что для охраны монастыря турецкому султану пришлось приставить *чауша*, специального полицейского офицера. С тех пор горожане стали называть монастырь Чаушским.

Позади городской больницы стоит маленькая часовня, посвященная святому Павлу. Если верить легенде, то здесь, вне городских стен, апостол провел ночь, после того, как его изгнали из Фессалоники. Якобы опечаленный Павел проливал слезы, и из этих слез образовался ручей со святой водой.

8

В Фессалонику Павел пришел вместе с Силой и Тимофеем. Трое проповедников сразу же направились в еврейскую колонию, которая, несомненно, в то время была большой и процветающей.

Фессалоника являлась свободным греческим городом, чьи привилегии получили свое подтверждение после битвы при Филиппах — благодаря поддержке, которую горожане оказали Антонию и Октавию. Фессалоника была столицей одного из четырех македонских округов. Управление осуществлялось при помощи магистратов — так называемых «политархов» — и собственного народного собрания. В эпоху деструктивной критики Библии, когда считалось, что Деяния — не более чем фальшивка, изготовленная во втором веке н. э., само слово «политарх» стало камнем преткновения. Некоторые ученые полагали, что автор выдает себя с головой, поскольку данный термин не использовался в античной литературе. Однако совсем недавно это слово было обнаружено в одной из греческих надписей на камне, найденных в Салониках, а также на папирусе из Оксирина. Эти находки позволяют реабилитировать Луку, автора Деяний апостолов, и лишний раз доказать историческую точность его творения.

Павел вместе с Силой и Тимофеем остановился в доме некоего Иасона и по субботам ходил проповедовать в синагоге. Им удалось обратить в христианскую веру множество языческих прозелитов, а также женщин из числа македонянок. Мне кажется, что дополнительные подробности из Первого послания к Фессалоникийцам и Послания к Филиппийцам позволяют сделать вывод, что апостол пробыл в Фессалонике значительно дольше, чем вытекает из текста Деяний. Прежде всего, мы узнаем, что Павел прибег к ремеслу изготовителя палаток — впервые мы получаем свидетельство, что он собственными руками зарабатывал на жизнь. Кроме того, мы узнаем о финансовой помощи, которую ему

оказывала маленькая христианская община Филипп. Все это доказывает, что Павел задержался в Фессалонике дольше, чем на означенные три недели. Да и наставления, предназначенные для фессалоникийцев, подтверждают долгое знакомство с ними.

Успех христианских проповедей в Фессалонике возбудил недовольство ортодоксальных евреев — здесь повторилась та же самая история, что и в Антиохии Писидийской. И снова иудеи прибегли к методам, столь же хитрым, сколь и эффективным. Они возмутили «некоторых негодных людей», из числа собравшихся на агоре Фессалоники — зевак, как их называют в наше время, — и заставили тех сеять в городе смуту и настраивать общественное мнение против проповедников.

Следует отметить, что иудейские оппоненты христианства всегда очень ловко находили струнки, на которых можно было сыграть в свою пользу. Чаще всего они эксплуатировали страх и своекорыстие. Достаточно вспомнить, как они «обрабатывали» Понтия Пилата, доказывая, что если тот проявит мягкость к приспешнику Иисуса Христа, то потеряет право называться «другом кесаря». Точно так же и в Фессалонике евреи сыграли на рабской боязни горожан потерять те привилегии, которые им даровал Рим. Они доказывали, что Риму не понравятся эмиссары самозванного «императора» по имени Иисус. Надо сказать, что в то время одного намека на «*loesa maiestas*» было достаточно, чтобы посеять панику. Недаром Тацит писал, что в правление Тиберия обвинение в измене носило универсальный характер и годилось на все случаи жизни. И Плиний свидетельствовал, что ничто так не обогащало государственную казну, как подобные обвинения. Таким образом, политархи Фессалоники — независимо от личного мнения — были обязаны отреагировать на иудейские наветы.

По счастью, Павла и его спутников не оказалось в доме Иасона, когда македонские стражники пришли их арестовывать. Тогда они захватили самого Иасона и других христиан, крича, что те «поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса»³¹. Иасону и его товарищам сделали внушение и с тем отпустили. «Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию...»

Судя по всему, Тимофей сумел избежать гнева евреев и остался, так сказать, на заднем фоне событий.

Посему он — скорее всего, по приказу Павла — задержался в Фессалонике, в то время как апостол с Силой направились в Верию, город в сорока милях на запад.

Очевидно, что первое письмо фессалоникийцам было написано Павлом в Коринфе, то есть через несколько месяцев после бегства из Фессалоники. Оно имело целью опровергнуть клевету евреев, а также укрепить связи апостола с оставленными в Фессалонике новообращенными. Ну и, конечно, Павел намеревался дать наставления по вопросу, который в то время волновал всех, а именно по поводу второго пришествия Христа. Мне кажется, это послание было написано в ответ на письма, которые фессалоникийцы передали Павлу через Тимофея. За первым вскоре последовало второе послание, призванное устранить некоторые недоразумения.

Если читать между строк, то можно сделать вывод, что Тимофей принес апостолу множество новостей. Прежде всего, он сообщил, что фессалоникийцы сохраняют верность истинной вере и мечтают снова увидеть Павла. Затем он подтвердил, что иудеи обвинили апостола в своекорыстных целях и пытались всячески исказить его мотивы. Тимофей предупредил, что среди обращенных фессалоникийцев есть нетвердые в вере, которые готовы соскользнуть в прежние заблуждения. И что некоторые из них используют угрозу второго пришествия как оправдание для собственной лени. А другие, лишившиеся родственников и друзей, жаждут узнать, могут ли те надеяться на воскрешение.

Полагаю, именно на эти вопросы и намеревался ответить Павел, когда приступил к диктовке Первого послания к Фессалоникийцам.

Прочитайте это трогательное послание, и перед вами явственно возникнет образ любящего пастыря, обеспокоенного духовным здоровьем паствы. Павел напоминал последователям о той работе, которую ему пришлось проделать:

«Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие»³². Миссионеры работали со всеми вместе и с каждым в отдельности — «просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призавшего вас в Свое Царство и славу».

Воистину поражают обаяние характера и сила личного примера Павла. Он проходил через различные города и оставлял за спиной христианские общины, не имевшие никакой церковной организации и связанные между собой лишь силой христианского послания, которое он им принес, и воспоминанием о личном примере апостола. Павел и его христианские общины — нигде в человеческой истории мы не находим ничего, что бы хоть отдаленно напоминало этот феномен. И не будем забывать, что в ту пору язычество еще не утратило своей силы и обаяния. Из следующего абзаца мы видим, насколько велика была угроза того,

что павловские новообращенные вновь соскользнут на языческую стезю:

«За сим, братия, просим и умоляем вас Христом Иисусом, чтобы вы, принявши от нас, как должно вам поступать и угождать Богу, более в том преуспевали. Ибо вы знаете, какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как язычники, не знающие Бога; чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво: потому что Господь — мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали».

Перед глазами встает картина: апостол, утомленный многолетними трудами, сидит в кругу последователей и беседует с ними с той задушевной простотой, с какой учитель говорит с детьми, с любимыми учениками. Мягкость, долготерпение и даже нежность, с которыми Павел (в общем-то, человек взрывного темперамента) обращался к своим последователям — уникальный пример во всей античной литературе.

В то время в Фессалониках только и было разговоров, что о конце света. За долгую историю человечества эта тема неоднократно возникала и, я уверен, еще будет возникать в умах. «Похоже, данный вопрос больше всего трогает неуравновешенные умы, — писал преподобный Р. Г. Молден в своей книге «Современные проблемы Нового Завета», — и неизменно с пагубным эффектом». Понятно, что паства святого Павла также была взволнована и обеспокоена неясными перспективами. В последние годы правления Клавдия страх перед грядущим концом света охватил не только иудейские круги, но распространился также среди язычников. Христиане ожидали второго пришествия Христа, евреи — появления Мессии, а языческий мир с ужасом взирал на безумства и беззакония, которые творили слабоумные глупцы на императорском престоле. Язычники вполголоса обсуждали правление таких зловещих женщин, как Мессалина и Агриппина, и верили, что недалек тот час, когда боги покарают человечество за его нечестивые деяния. На небе то и дело появлялись зловещие знамения. Многим людям приходили вещие сны и другие предзнаменования. «Это один из тех моментов, — писал Хаусрат, — когда все человечество с замиранием сердца ожидало: что готовит грядущий день? В павловском послании к Фессалоникийцам, как в зеркале, отразились проблемы, которые в тот период беспокоили все человечество».

Во Втором послании Павел возвращается к данной теме. Возможно, к тому времени он получил новые известия от фессалоникийцев, в которых те просили наставлений апостола. Они сообщали, что в ожидании второго пришествия многие христиане прекратили трудиться и предпочитают жить за счет благотворительности. Посему в своем послании Павел призывал их сохранять ясность ума и не верить подложным письмам, написанным якобы от его имени (здесь перед нами еще одно живое доказательство непрекращающихся происков врагов апостола).

Перечитывая заключительные фразы второго послания, я почувствовал, что минувших столетий как ни бывало и я заглядываю в двери маленькой фессалоникийской мастерской первого века.

«Завещаем же вам, братия, — писал Павел, — именем Господа нашего Иисуса Христа, удалиться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас. Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеб даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас. Не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы самих себя дать вам в образец для подражания нам. Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь. Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб. Вы же, братия, не унывайте, делая добро. Если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его! Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата...»³³

Затем Павел по своему обыкновению взял перо из рук секретаря и приписал:

«Приветствие моею рукою Павловою, что служит знаком во всяком послании; пишу я так: Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь».

9

Берея, куда ночной порой направились Павел с Силой, располагалась примерно в сорока милях на юго-восток от Салоник. Город был назван по имени его основателя Фереса. Но, поскольку македонцы испытывают некоторые трудности с произношением звука «ф», то «Ферея» очень скоро превратилась в «Берею».

Любопытно, что современные греки в некоторой степени вернулись к древнегреческому произношению, и ныне название города звучит как «Верия».

Рано утром я выехал в Верию на автомобиле в сопровождении молодого человека, проживавшего в Салониках и увлекавшегося историей Византии. В Верии он намеревался показать мне «тайные» церкви, которые я, по его словам, не имел шансов обнаружить самостоятельно.

Дорога бежала по широкой равнине, по которой бродили отары овец. За ними присматривали пастухи в грубых черных накидках с капюшонами. Чаще всего они неподвижно стояли, опираясь на посохи, и громко окликали собак, которые с лаем бросались под колеса нашего автомобиля. Там и сям были разбросаны плетеные загоны для овец. Равнина жила обычной жизнью: иногда вдалеке появлялось медленно бредущее стадо буйволов; с мелких болот то и дело взлетали, хлопая крыльями, утки; высоко в небе парил коршун. Примерно в шестнадцать миль от Салоник мы пересекли реку Вардар, которая берет начало в горах Югославии, а затем несет свои воды через болотистые пустоши к морю.

Далеко на западе громоздились горные вершины: это место, где сходились воедино горы Македонии, Югославии и Албании.

Верия оказалась маленьким и тихим сельскохозяйственным городком, примостившимся у подножия горы Вермион, которая поднимается на шестьсот футов над плоской заболоченной равниной. По склонам горы стекает множество ручьев, которые наполняют своим журчанием сады и улицы Верии. Эти же ручьи питают богатую растительность, из которой наибольшую пользу для жителей представляют гранаты, фиговые пальмы и виноград. Городок отстроен в традиционном македонском стиле, на мой взгляд, напоминающем английский стиль елизаветинских времен. И еще одна деталь, роднящая Верию с милым моему сердцу Йорком: верхние этажи зданий на пару ярдов выступают над нижними, и создается впечатление, будто старые кумушки-соседки склонились над улицей, чтобы обсудить последние городские сплетни.

Однако сходство лишь внешнее, внутри македонское жилище выглядит совсем иначе. Закругленные ворота в каменной стене, как правило, ведут в маленький мощеный дворик. А чтобы попасть на первый этаж здания, надо подняться по скрипучим ступенькам деревянной лестницы. Пока мы разглядывали один такой дворик, на балкон вышла седовласая старушка и с улыбкой пригласила нас зайти. Эта женщина живо мне напомнила старух с портретов Рембрандта. Свои седые волосы она прятала под маленькую легкую шапочку, наряд ее состоял из пышной черной юбки и короткого

жакета, отороченного мехом. Так или примерно так одевались все пожилые жительницы Верии. Женщины помоложе с удовольствием носили косы.

Поднявшись по лестнице, мы попали в небольшую, но светлую гостиную. Старушка ненадолго покинула нас и вскоре вернулась с подносом, на котором стояли блюдечки с засахаренными дольками апельсина и маленькие стаканчики с узо, излюбленным аперитивом греков. Усевшись напротив, она привычно сложила руки на коленях и сразу же стала похожа на тысячи таких же старушек в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии.

— Ах, — вздохнула она, — всякий раз, как вижу иностранца, вспоминаю своего сыночка.

Из безмятежного выражения лица я заключил, что, скорее всего, с ее сыном все в порядке — он жив и здоров. А потому безбоязненно поинтересовался его местонахождением. Старушка сообщила, что сын живет очень, очень далеко, и вот уже три года, как они не виделись.

— Он, должно быть, уехал в Америку, — наугад предположил я.

Выяснилось, что я ошибся: парень перебрался жить в Драму, которая отстоит всего-то на сотню миль от Верии...

Мой друг завел речь о «тайных» церквях, и старушка с готовностью вызвалась показать нам одну такую. По словам хозяйки, та стояла у нее на заднем дворе. Мы прошли через садик и приблизились к небольшому каменному строению под красной черепичной крышей. Со стороны можно было подумать, что это каменный амбар, очень добротный сарай или что-то еще, но уж никак не церковь. Войдя внутрь, мы обнаружили, что каменные стены и черепичная крыша — сплошная маскировка. Каменные стены были возведены для того, чтобы скрыть от посторонних глаз крошечную византийскую церковь, способную вместить человек сорок. На глаз я определил, что постройка приблизительно четырнадцатого века. Внутри, как и полагалось, находился иконостас, увешанный древними иконами. На всем лежал толстый слой пыли, но даже он не мог скрыть великолепие фресок, покрывавших стены и куполообразный потолок здания.

— В Верии больше двадцати таких церквей, — с гордостью сообщил мой знакомый. — Все это православные церкви, которые скрывали от турок.

Мы распрощались с гостеприимной старушкой и отправились на дальнейшую экскурсию по городу. Полдня мы ходили по «тайным» церквям Верии. Одни из них были крупнее, другие — такие же крохотные, как во дворе у старушки. Но все они производили впечатление заброшенных — темные, пыльные, притаившиеся за

каменными стенами. Мы осмотрели церкви, посвященные Иисусу Христу, святым Фотинии, Кирикусу, Стефану, Георгию, Николаю, Параскеве и апостолам. Должен признать, мой друг оказался прав: ни один иностранец не смог бы отыскать эти церкви самостоятельно.

В Вери Павел и Сила столкнулись с единственной еврейской колонией, которая доброжелательно отнеслась к их проповеди. Наконец-то апостолы могли перевести дух: никто не собирался их преследовать. Напротив, берейские евреи с радостью восприняли Евангелие, как, впрочем, и греки. Казалось, все шло замечательно, но в один из этих благодатных дней в городе появился Тимофей. Он принес недобрые новости: оказывается, враги Павла не успокоились, идут по следам апостола. Не желая рисковать, Павел решил покинуть Берею. Он оставил Силу и Тимофея в городе, а сам, в сопровождении нескольких верных берейцев, отправился на побережье, чтобы уплыть в Афины.

Мне приятно было узнать, что та любовь и понимание, с которыми древние берейцы отнеслись к Павлу, продолжают жить в сердцах их потомков, современных жителей Вери. Если в таком крупном и просвещенном городе, как Салоники, почти не вспоминают об апостоле-подвижнике, то маленькая провинциальная Верия по-прежнему гордится своей связью со святым Павлом. Здесь каждый ребенок отведет вас на школьный двор и укажет огороженную лестницу из четырех массивных ступенек, на которых апостол некогда читал свои проповеди. На самой верхней ступеньке до сих пор можно разглядеть имя «Pavlos», начертанное греческими буквами.

Мы обратились к епископу Вери (ибо этот маленький городок — один из немногих в апостольском христианстве, где управление осуществляет епископ) и вскоре были приглашены в мрачный и пустынный дом, служивший резиденцией местному епископу. Нас встретил высокий пышнобородый мужчина в черной сутане. Он получил образование в Стамбуле и живо интересовался легендами и преданиями этого маленького городка. После того как слуга накрыл на стол — все те же засахаренные апельсины, кофе и бренди, — священник углубился в обсуждение связи святого Павла с Береей.

— Вы, конечно, знаете, — говорил он, — что первым обращенным в Берее стал человек по имени Сосипатр, который впоследствии был признан святым в греческой православной церкви.

В «Авторизованной версии» Нового Завета Сосипатра именуют Сопатром. Можно предположить, что этот человек находился рядом

с Павлом в Коринфе, когда тот писал письмо к римлянам, ибо апостол упоминает его имя в конце своего послания (называя Сосипатром).

Я поинтересовался мнением епископа по вопросу, который обсуждается уже многие годы: покинул ли Павел Македонию на корабле или ушел по суше через Фессалию? Священник сказал, что согласно традиции греческой православной церкви, которая также принята в Берее, апостол уплыл на корабле.

— Мы определенно считаем, — заявил епископ, — что Павел, торопясь покинуть Берею, сначала пришел в Колиндрос, который в древности именовался Эгинионом, оттуда перебрался в прибрежную деревушку под названием Элевтерокори (ныне Метери). Здесь апостолу посчастливилось найти лодку, отходившую в Афины.

С большим сожалением я расстался с этим славным, отлично образованным человеком. Но мне пришлось попрощаться с ним и с его милым городком, потому что я спешил в Салоники. Я едва-едва поспел к отправлению судна, которое должно было доставить меня в Афины.

Глава восьмая

Под сенью Акрополя

Я прибываю в Афины и знакомлюсь с человеком по имени Софокл. Поднимаюсь на Акрополь и осматриваю ареопаг, чтобы увидеть Афины глазами святого Павла. Благодаря своим друзьям я знакомлюсь с жизнью современных Афин и в невыносимо жаркий полдень купаюсь в бухте Фалерон.

1

Жарким летним вечером наше судно двигалось вдоль побережья Фессалии. На фоне нежно-розового неба четко выделялась вершина горы Олимп, в тридцати милях к югу вырисовывалась Осса, а еще в тридцати милях вздымался лесистый Пелион, на котором, по преданию, некогда срубили огромное дерево для постройки «Арго».

Временами наше судно шло так близко от берега, что до меня долетали запахи береговых трав — мяты и тимьяна, и доносился лай собак, устроивших вечернюю переключку на далеких склонах холмов. Вскоре солнце скрылось за горами, на горизонте морская поверхность украсилась медно-золотистой полосой тумана — словно колесницы Приама вновь подняли пыль с полей Трои. Затем ночная тьма опустилась на мир, и небо засветилось мириадами ярких звезд.

Ранним утром мы вошли в залив Ламия — узкий канал с совершенно неподвижной водой, в которой отражались тянувшиеся по обоим берегам холмы. Поверхность воды была неправдоподобно спокойной: ни малейшей ряби, такого не увидишь даже в деревенском пруду. Она казалась густой и тягучей — как оливковое масло зеленого цвета. На поверхности воды плавало огромное количество медуз. Я впервые разглядывал вблизи эти создания, и меня неприятно удивил способ их передвижения: они втягивали в себя и вновь выплевывали воду, создавая подобие реактивной тяги. Мы стояли на якоре уже несколько часов, и я в деталях изучил береговой пейзаж. Скромная деревянная пристань, загроможденная ящиками и бочками, — все это называлось портовыми сооружениями городка Стилис.

Наконец-то нам разрешили сойти на берег. Я тут же, на пристани, нанял автомобиль и поехал в Фермопилы. Лето, словно безжалостный враг, обрушилось на Грецию и сразу ее завоевало. Стояла невообразимая жара. Люди без сил лежали в тени олив и даже не пытались что-то делать. Животные — собаки, козы — вели себя примерно так же: тоже искали укрытия в тени стен домов и терпеливо ожидали, когда наступит вечер и дневной зной спадет. Окрестные холмы, обычно радующие взгляд зеленью, приобрели неопрятный коричневатый окрас. Листья на деревьях пожухли и свернулись в трубочку, цветы завяли. Земля тихонько потрескивала, как раскаленная сковорода. Через горные лощины, усеянные белыми накаленными камнями, были перекинuty пустынные и абсолютно бесполезные мосты. И над этим адом синело безжалостное небо — яркое, слепящее, без малейшего намека на облачко.

Фермопилы напомнили мне солончаковую пустыню, которую я видел в Аризоне. Трудно было в этой растрескавшейся равнине с редкими вкраплениями грубой пожухлой травы разглядеть знаменитый проход, который царь Леонид — во главе трехсот спартанцев и семи сотен феспийцев — оборонял от огромной армии персов. Возможно, свежим весенним утром я и справился бы с такой задачей, но сейчас, в знойный летний полдень, это было выше моих сил. Многочисленные землетрясения, случившиеся за прошедшие столетия, неузнаваемо изменили здешний рельеф, а трудолюбивая река Сперхей нанесла столько ила, что воздвигла широкое плато между горами и кромкой прибоя. Я смотрел на якобы неприступное ущелье и думал: бросить бы сюда батальон шотландских горцев, они бы управились за полчаса. И никакая сила в мире (уж прости меня, покойный Леонид!) не смогла бы им помешать. Тем не менее я не считал свою поездку в Фермопилы бесполезной. Сюда стоило приехать хотя бы для того, чтобы постоять на этих древних холмах, где царь Леонид сражался во главе горстки героев, которые один за другим падали под стрелами мидян. Падали, но не сдавались. Пройдет много лет, я забуду этот изнуряющий зной, но зато смогу сказать себе: я был там, где спартанец Диенек произнес свои исторические слова:

...еще до начала битвы с мидянами он услышал от одного человека из Трахина: если варвары выпустят свои стрелы, то от тучи стрел произойдет затмение солнца. Столь великое множество стрел было у персов! Диенек же, говорят, вовсе не устрасился численности варваров и беззаботно ответил: «Наш приятель из Трахина принес

прекрасную весть: если мидяне затемнят солнце, то можно будет сражаться в тени»^[34].

Я прошел к горячим сернистым источникам, от которых Фермопилы, то есть «Теплые ворота», и получили свое имя. Обычно от воды поднимался пар, но сегодняшний день был настолько жарким, что источники даже не парили. Вода в них была зеленоватой, теплой и имела тот же неприятный запах, что и лечебные воды нашего Харроугита. Я присел в ненадежной тени засохшего виноградника и выпил бутылку вина в компании местных крестьян (наверняка они посчитали меня сумасшедшим). Затем, призвав на помощь всю свою храбрость, я снова выполз в одуряющий зной и потащился в Стилис, где меня ждал корабль.

Ночь застала нас в узком проходе между материком и островом Эвбея, а поутру мы уже приближались к Марафону.

Моему взору открылся маленький залив, за ним расстилалась плоская равнина у подножия холмов. Где-то там, на этой равнине стоит невысокий курган, под которым похоронены жертвы сражения — греки, polegшие под дождем персидских стрел. Десять тысяч афинян маршем пришли из-за далеких холмов, чтобы встать на пути несметной армии Дария. Им удалось не только остановить персов, но и оттеснить к морю, туда, где стояли персидские корабли. В этом заливе Кинагир, брат Эсхила, держался за галеру правой рукой. Когда персидский меч отсек ему эту руку, он ухватился левой. Когда и ее постигла та же печальная участь, он вцепился в дерево зубами. В последнее столетие мемориальный курган Марафона был вскрыт, и люди смогли увидеть обуглившиеся кости, осколки керамики и прочие предметы, которые захоронили вместе с погибшими две тысячи четыреста лет назад.

Наш корабль миновал Марафон и приблизился к каменистому мысу Суний. За этой грандиозной скалой располагались серебряные рудники Лавриона. Благодаря их серебру греки смогли построить флот, который в пух и прах разбил персов при Саламине. Затем мы обогнули мыс (который, кстати, является самой южной точкой Аттики), и моим глазам открылось великолепное зрелище, которое я сохраню как одно из самых драгоценных воспоминаний о Греции.

Высоко, на самом гребне мыса возвышаются развалины белоснежного храма. Это все, что осталось от храма Посейдона на мысе Суний. В древности моряки, плывшие в Грецию из Малой Азии или Египта, ориентировались по отблеску солнечных лучей на стенах храма. Он был построен в незапамятные времена с целью умиловить Посейдона, бога морей. Этот мыс пользовался дурной славой у моряков. Считалось, что Посейдон гневается на людей,

пытавшихся обогнуть мыс Суний, и насылает на них бури. Известно, что именно здесь погиб Фронтин, сын Онетора, славившийся как непревзойденный кормчий. Он вел корабль, на котором Менелай возвращался после своего похода на Трою, но пал от руки Аполлона и был похоронен возле мыса Суний.

Обычно, едва корабль проплывал мимо храма Посейдона, моряки тут же собирались на носу судна, пытаясь обнаружить среди холмов первый признак приближающейся греческой столицы. Это был позолоченный наконечник копья Афины, стоявшей на Акрополе, — он ярко блистал на солнце, а потому был виден издалека.

Корабль святого Павла шел тем же путем, и апостол тоже увидел вспышку света на далеких холмах. Собравшиеся вокруг моряки наверняка стали ему объяснять (как объясняли любому путешественнику-новичку), что это светится на солнце наконечник копья великой Афины Промехос, Воительницы. Попутно сообщили, что это бронзовая статуя работы Фидия, и высота ее — от ступней до кончика позолоченного шлема — составляет семьдесят футов. Этот величественный памятник, свидетельство могущества греческой столицы, стоял долгие годы — даже тогда, когда слава самих Афин обратилась в прах. Известно, что в четвертом веке нашей эры вождь готов по имени Аларик дошел до Афин, но, увидев издали гигантскую статую, устранился и повернул вспять.

Трудно подобрать слова, чтобы передать первое впечатление от этого древнего города. Когда корабль медленно пересекает Фалеронскую бухту, направляясь к Пирею, морским воротам Афин, вы ощущаете, что наступила кульминация вашего путешествия.

Солнце медленно, как бы нехотя, опускалось за остров Эгина, последние его лучи освещали склоны горы Гимет. В пяти милях от себя я видел невысокий берег, на котором раскинулся город — огромное скопление бело-коричневых домов, среди которых круто (не менее круто и неожиданно, чем замок Стерлинг в Шотландии) вздымался коричневый холм. Прозрачный вечерний воздух позволял рассмотреть ослепительно белые колонны Парфенона. Я смотрел на них и понимал: передо мной тот самый легендарный Акрополь, за которым тянется шлейф тысячелетней истории. И в этот миг, глядя, как последние отблески дневного света гаснут на древних стенах Афин, я вдруг почувствовал такую острую, пронзительную радость, что это ощущение счастья останется со мной до конца моих дней.

Я пережил один из величайших моментов в своей жизни, и совершенно не важно, что будет происходить в дальнейшем. Я не боялся разочарования, которое могут доставить мне современные

Афины. Пусть даже город обернется дешевой подделкой, прячущейся за славным именем. Я все равно сохраню воспоминания об этом вечере, когда я увидел Афины своей мечты — гордый, величественный и древний центр человеческой цивилизации.

Стоило мне сойти на берег, как на меня тут же накинута толпа смуглых говорливых людей. Кто-то предлагал купить коричневую губку, кто-то протягивал коробочку с рахат-лукумом. Некоторые разглядели во мне потенциального покупателя забавной игрушки, облаченной в костюм греческого *эвзона*^[35], другие пытались всучить почтовые открытки с изображением Акрополя или грубо сделанные гипсовые копии Венеры Милосской. Все они что-то выкрикивали пронзительными голосами и — без всякого поощрения с моей стороны — снижали цену на свой товар: с пятидесяти драхм до сорока, затем тридцати, двадцати и так далее. Те же, кто не пытался ничего продать, предлагали свои услуги в качестве гида; они обещали самую лучшую машину и самые захватывающие экскурсии по Афинам.

Я смотрел на эту толпу если и не с удовольствием, то, по крайней мере, без раздражения. Они выглядели истинными детьми своего века, когда любой обман и подлог воспринимается как остроумная шутка. Эти люди казались мне сошедшими со страниц аристофановых комедий.

Стоя посреди алчной толпы и ощущая себя костью, которую бросили на растерзание стаи псов, я пытался сохранить непредубежденный взгляд стороннего наблюдателя. Интересно, думалось мне, а существовала ли благообразная Греция сэра Альма-Тадемы — умытая, опрятная, в плиссированных юбочках — где-нибудь еще, кроме как в воображении викторианских джентльменов, прекраснодушных романтиков, которые пытались найти в перикловских Афинах все то, чего им не хватало в викторианском Шеффилде? Честно говоря, я оказался неподготовленным к такой встрече с Грецией. Я вспомнил, как жаловался Ликин, герой произведения Лукиана «Две любви»: стоило ему ступить на берег Родоса, как «тотчас два-три проводника, подбежав... предложили за небольшую мзду объяснить содержание всех картин»^[36].

Кое-как отделавшись от непрошенных экскурсоводов, я прыгнул в ближайшую же машину и велел водителю везти меня в Афины. Оставив позади шумный Пирей, мы обогнули Фалеронскую бухту, на поверхности которой покачивался гидроплан частной авиакомпании «Imperial Airways», и вскоре выехали на прямую пятимильную магистраль, которая должна была привести нас в Афины. Эта дорога построена на месте северного участка Длинных

стен Фемистокла, которые — в сочетании с южным участком стены — играли роль якорной цепи, привязывавшей Афины к берегу.

Мы приблизились примерно на расстояние мили от города, и передо мной возник мимолетный образ Акрополя, горделиво восставшего в лучах утреннего солнца. Это было незабываемое зрелище, одно из самых величественных в мире.

Афины предстали перед нами современным европейским городом — с широкими прямыми проспектами, с элегантными магазинами, зелеными трамвайчиками и огромным количеством шумных автомобилей. Мы прогуливались мимо газетных киосков и маленьких уютных кафе, чьи столики были вынесены прямо на тротуары. Заглядывали в общественные парки с экзотическими растениями, где немецкие няни выгуливали греческих младенцев. И наконец пришли в самое сердце современных Афин — на площадь Конституции, где за столиками под перечными деревьями сидели горожане и с характерным для греков пылом обсуждали последние политические новости.

Я поселился в отеле с плоской крышей, откуда открывался прекрасный вид на город и окрестности. Отсюда был виден высокий продолговатый холм Акрополя и зеленый пик Ликабета — маленького вулкана местного значения. Меня удивили размеры Афин, поскольку я знал, что этот огромный город — в том виде, в каком он сейчас существует — вырос за небольшой исторический период в сто лет.

Странно было сознавать, что Афины — жемчужина античности — со времен Павсания фактически перестали существовать. Во всяком случае, на протяжении долгого срока — со второго века и до новейшего времени — история не хранит никаких воспоминаний, связанных с Афинами. Мы практически ничего не знаем о городе византийской поры, о латинских Афинах и Афинах под турецким игом. Могущественный античный город сошел с исторической арены, чтобы вновь появиться в 1675 году в виде провинциальной турецкой деревушки.

Первым англичанином, изъявившим желание увидеть Афины, стал Мильтон, но, увы, его желанию не суждено было осуществиться. Как раз когда он собрался посетить Грецию, в Англии разразилась гражданская война, и Мильтону пришлось вернуться. Как истинный гражданин своей страны он посчитал «недостойным путешествовать в удовольствие за границей, в то время как его соотечественники сражаются за свободу».

Поэтому первым англичанином, посетившим Афины и описавшим знаменитый Парфенон, стал житель Лондона по имени Фрэнсис Вернон. Этот человек, родившийся в 1637 году, по складу

характера был любознательным авантюристом, всю жизнь испытывал «неодолимое желание видеть», Это любопытство не единожды ввергало его в пучину неприятностей: как-то раз он попал в плен к пиратам и был продан в рабство. Да и закончил Вернон не лучшим образом: погиб на чужбине в возрасте сорока лет. Находясь в Персии, он ввязался в пьяную драку с арабами и был зарезан перочинным ножом. Впечатления от посещения Афин Вернон изложил в письме к своему английскому другу. Насколько мне известно, это письмо находится в собственности Королевского общества и никогда не было опубликовано.

Впервые же английская читающая публика познакомилась с этим городом благодаря сэру Джорджу Уэллеру, который в 1675 году провел целый месяц в турецких Афинах. Его книга под названием «Путешествие в Грецию» вышла в свет в 1682 году. Это очень ценное издание, поскольку автор его являлся ученым-классиком, достаточно наблюдательным, чтобы передать очарование страны, на ту пору незнакомой и неисследованной. Именно Уэллер сообщил, что Парфенон превратился в турецкую мечеть (он даже поднимался на вершину вновь построенного минарета). Он первый поведал, что в Парфеноне устроен пороховой склад, и пожаловался, что не имел возможности посетить Эрехтейон, «поскольку жившие там турки устроили в здании *сераль* для своих женщин».

В Афинах тогда проживали от восьми до десяти тысяч человек. Три четверти из них были христианами, остальные — турки. Город не имел крепостных стен, но внешняя цепочка домов была выстроена таким образом, что вполне заменяла стены. На ночь вход в город запирался. Поскольку даже в те времена бандитские шайки составляли серьезную проблему, то город содержал гарнизон, который по ночам патрулировал стены Акрополя. «Как правило, они производили много шума, чтобы обозначить свое присутствие».

Турки — вопреки бытовавшему о них мнению — произвели на Уэллера впечатление вполне мягких и терпимых людей. В Афинах насчитывалось около двухсот церквей, пятьдесят из которых являлись постоянно действующими и имели штатных священников.

Если говорить об афинянах, то Уэллер был шокирован количеством косметики, которое использовали греческие женщины. По его словам, «они очень изящны в своей манере одеваться, но при этом так безбожно размалеваны, что трудно определить естественный цвет кожи из-за толстого слоя “колдовской краски”, наложенной на лицо». А вот еще одно интересное наблюдение: «Когда девушка выходит замуж, она приходит в церковь с таким количеством богатых украшений, какое только могут себе

позволить ее родственники. При этом лицо ее так замазано грубой краской, что скорее похоже на гипсовое изделие, чем на живую плоть. Она возвращается из церкви в дом мужа с огромной позолоченной короной на голове. Сопровождают девушку ближайшие родственники и остальные гости, они играют на свирелях и маленьких барабанах. Процессия движется так медленно, что порой кажется, будто она вообще стоит на месте. Когда невеста наконец появляется на пороге дома своего супруга, соседи из окон забрасывают всю толпу, собравшуюся у двери, леденцами и мелкими монетками».

Большинство путешественников отмечали эту манеру афинянок злоупотреблять декоративной косметикой. Мне кажется, эта привычка уходит корнями еще в античные и византийские времена. В классической литературе мы неоднократно наталкиваемся на упоминания о краске для глаз, румянах и белилах, которыми пользовались жительницы Афин.

Существует большая разница между исследованиями Дж. Уэллера и его последователей, продолживших изучение греческой культуры в восемнадцатом веке. Исследования, к которым приступили в 1751 году Дж. Стюарт и Н. Ревет, оказали большое воздействие на формирование взглядов английских ученых-классиков в следующем, девятнадцатом столетии. Они исподволь готовили английское общество к поддержке независимости Греции. Современные греческие патриоты отождествлялись с античными героями, которыми все привыкли восхищаться еще со школьной поры. В своем монументальном 4-томном труде «Афинские древности» Стюарт и Ревет выдвинули великолепную концепцию города — такого, каким он был в эпоху турецкого владычества.

В те времена Акрополь представлял собой запутанный лабиринт узких турецких улочек и прятавшихся за высокими стенами садов. Турки чувствовали себя здесь полновластными хозяевами. Они разгуливали в высоких тюрбанах и развевающихся шелковых одеяниях. В свободное время (которого у них было хоть отбавляй) они упражнялись в стрельбе из лука и объезжали великолепных скакунов. Когда Уэллер впервые увидел Парфенон, тот еще сохранял крышу в целости и сохранности. Однако в 1687 году корабли венецианского флота обстреляли Афины, один из снарядов попал в здание Парфенона, где к тому времени был устроен арсенал. Произошло возгорание порохового склада, повлекшее за собой гибель трехсот турок. Зданию был нанесен серьезный урон: оно лишилось крыши, большая часть колонн оказалась разрушена. Показательно, что турки не стали восстанавливать Парфенон,

вместо того они построили на его руинах жилые дома и мечеть. Эрехтейон, во времена Уэллера служивший гаремом, превратился в кучу развалин, одна из великолепных кариатид бесследно исчезла. Если судить по древним изображениям, Афинский акрополь постепенно заносится землей. Причем «опускание» настолько значительно, что современное шоссе проходит всего на два фута ниже кариатид. Таким образом, античный акрополь почти наполовину «ушел» под землю.

В следующем, девятнадцатом веке посещение Афин вошло в моду. Молодой Байрон впервые приехал сюда в 1809 году, то есть за десять с лишним лет до начала войны за независимость. Этот визит был частью его путешествия по Европе, которое 22-летний Байрон совершил в обществе своего товарища по Кембриджу, молодого человека по имени Джон Кэм Хобхауз (впоследствии лорд Броутон). Свои воспоминания об этой поездке Хобхауз изложил в виде увесистого тома под названием «Путешествие по Албании и другим турецким провинциям в Европе и Азии». В свою очередь, Байрон тоже поделился впечатлениями от поездки по Греции во второй песне поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда». Перед юными путешественниками открылись незабываемые красоты классической Греции. Помимо этого, лорд Байрон стал свидетелем процесса, который вызвал у него бурное негодование. Молодые люди увидели, как их соотечественники, эмиссары лорда Элгина, сдирали метопы со стен Парфенона и упаковывали их для отправки в Англию. С тех пор в Греции было выдвинуто немало обвинений против лорда Элгина. Однако мне хочется предложить простой эксперимент. Возьмите для сравнения два набора слепков, хранящихся в Британском музее. И те и другие — копии фрагментов, все еще пребывающих на стене Парфенона. Но одни слепки сделаны с «мраморов Элгина», а другие — на пятьдесят лет позже. Достаточно взглянуть на эти слепки, чтобы установить, насколько ухудшилось состояние парфенонского фриза. В конце концов следует признать: если бы лорд Элгин не снял мрамор со стен Парфенона, это сделал бы кто-нибудь другой.

Война греков за независимость началась через одиннадцать лет после визита Байрона. Но лишь в 1833 году последние турецкие гарнизоны покинули Грецию. В 1834 году Афины были объявлены столицей независимого Греческого королевства.

Для перестройки Афин, которые в 1834 году представляли собой деревню, где проживали чуть более пяти тысяч человек, был приглашен немецкий архитектор Эдуард Шойберт. Он разработал генеральный план, предусматривавший строительство широких проспектов, площадей и бульваров. Через сто лет, к 1936 году,

Афины действительно превратились в столичный город с населением свыше четырехсот пятидесяти тысяч человек.

2

Я мог бы часами сидеть на площади Конституции — современной афинской агоре — и наблюдать за греками, ведущими нескончаемые политические споры. За минувшие столетия нация изрядно изменилась благодаря вливанию всевозможных балканских кровей, но основополагающие черты классического греческого характера сохранились. Помните у Демосфена — греки собираются на агоре и спрашивают друг у друга: «Что новенького?» или же: «Каковы последние новости?» Так и здесь, в кафе на площади Конституции, они сидят за столиками в тени перечных деревьев, и время от времени кто-нибудь обращается к соседу с извечными вопросами: «Ну, что нового?» или «Что в мире случилось за последние сутки?»

Головы в черных фетровых шляпах, которые до того прятались за разнообразными газетными листками, немедленно поднимаются, едва на улице появляется мальчишка-разносчик. Он бежит по тротуару и звонко, радостно кричит: «Эфемериды!» К услугам читателей газета — последние новости с политического небосклона.

В одном углу площади высится огромное безобразное здание желтого цвета. В прошлом это дворец короля Оттона, ныне превратившийся в здание парламента — Були. Напротив расположена могила Неизвестного солдата, возле которой несут постоянный караул *эвзоны*, солдаты национальной гвардии. Они выглядят очень живописно в своих старых албанских костюмах. Непременными атрибутами являются короткий белый килт (здесь он называется *фустанелла*), вышитые жакеты, белые шерстяные чулки и массивные красные башмаки с квадратными каблуками и огромными черными помпонами; на голове высокая красная феска с длинной кисточкой. Как правило, *эвзоны* неподвижно стоят, опершись на ружья. Но стоит кому-нибудь из иностранных туристов изъявить желание их сфотографировать, как солдаты инстинктивно принимают героическую позу — в этом они до смешного схожи с лейб-гвардией Уайтхолла.

Первое, на что обращают внимание гости греческой столицы, — это потрясающе чистый воздух. Плутарх в свое время сравнил его с шелковой пряжей, и этот «шелковый» воздух до сих пор окутывает Афины, порождая ощущение приподнятости и всеобщего

возбуждения. Кажется, будто в атмосфере Афин рассыпаны искры счастья, которые гонят прочь раздражение и дурное настроение.

Язык Аристофана не только сохранился в веках, но и приспособился к современной жизни. Проинспектировав щиты для объявлений, я обнаружил, что самыми продаваемыми товарами являются шоколад, сигареты и шины «Данлоп»: ΣΟΚΟΛΑΤΑ, ΣΙΓΑΡΕΤΤΑ, ΕΛΑΣΤΙΚΑ ΔΥΝΛΟΠ.

На двери, за которой принимал стоматолог, я увидел начертанную надпись «ΟΔΟΝΤΙΑΤΡΟΣ». А заглянув в афинскую газету, выяснил, что местные ученики Эскулапа, в отличие от своих британских коллег, отнюдь не грешат ложной скромностью и не стесняются делать себе шумную рекламу. Афиши кинотеатров доказывали, что греческий язык обогатился именами новых героев — правда, в несколько искаженном виде. После некоторого колебания я трансформировал «ΜΑΡΛΕΝ ΝΤΗΤΡΙΧ» в Марлен Дитрих. С Гретой Гарбо дело обстояло еще сложнее — «ΓΚΡΕΤΑ ΓΚΑΡΜΝΟ». Вот уж что заставило меня задуматься, так это имя Кларка Гейбла: по-гречески оно звучало как «ΚΛΑΡΚ ΓΚΕΙΜΛΛ». Высоко в воздухе парила табличка, на которой — с триумфом возвратившегося Одиссея — красовалось одно-единственное слово «граммофон» — «ΓΡΑΜΜΟΦΟΝΑ».

Приятно было сидеть солнечным летним днем посреди оживленно болтающей толпы, не принимать участия в разговорах — просто наблюдать и слушать. Причем последнее тоже не обязательно, поскольку греки в совершенстве владеют языком жестов. Этим они славятся на весь мир. Трудно представить себе нечто более понятное и убедительное, нежели жест, которым греки выражают сомнение и неодобрение (он же — предостерегающий жест). Человек слегка сжимает правый лацкан пиджака — делает он это большим и указательным пальцами правой руки. Затем легким, почти незаметным движением сдвигает пиджак назад и вперед и произносит при этом что-то вроде «па-па-па-па». А чего стоит жест, которым греки обозначают нечто редкостное и прекрасное! Согнутая в локте правая рука движется так, чтобы высоко поднималось плечо. Большой и указательный пальцы соединены, остальные сжаты в кулак — ладонь повернута к лицу говорящего. И в таком положении он делает несколько резких движений рукой — словно дергает рычаг: раз, два, три... Двигаются при этом только рука и предплечье. Или вот еще один роскошный жест, обозначающий богатство и красоту: открытой правой рукой человек хватает воздух и бросает его себе в лицо — как бы загребая невидимое золото. Короче, на площади Конституции есть на что посмотреть. И зрелище это, думается, не уступит

красочностью тому, какое можно было наблюдать на афинской агоре в эпоху Перикла.

В Греции не существует аристократических титулов, если не считать старых венецианских, имеющих хождение в основном на Ионических островах. Соответственно, нет и понятия общественных каст. В этом отношении Греция уникальна. Нигде я не видел, чтобы бедные и богатые так легко шли на контакт, забыв о социальных барьерах. Маленький чистильщик башмаков — а, надо сказать, это один из самых характерных звуков в Греции, стук обувной щетки о деревянный ящик, — так вот, этот самый нищий чистильщик обуви, усердно полируя ботинки политика или высокопоставленного чиновника, может оторваться от дела, чтобы, как равный равному, поприветствовать своего клиента. Традиционное греческое приветствие звучит так:

— И что вы думаете по поводу политической ситуации в стране?

Трудно найти другую страну, где члены правительства были бы столь доступны для различного рода просителей и просто праздношатающихся. В других государствах путь в кабинет министра преграждают секретари, помощники секретарей и всяческие клерки. Так обстоят дела везде, но только не в Греции. Здесь любой человек, у которого возникла какая-то проблема, идет на прием к чиновнику, который может ее разрешить. Возможность личной встречи греки считают своим законным и неотъемлемым правом. Не исключено, что подобная демократическая традиция уходит корнями еще в античные времена. Так или иначе, но эта особенность сразу же бросилась мне в глаза в Греции. Представьте себе: человек, торгующий дынями с тележки, грозно обещает, что завтра он пойдет и побеседует с премьер-министром. И вы знаете, что это не пустое бахвальство.

Георг I, дедушка нынешнего короля, прекрасно понимал эту черту греческого характера. Он нередко выходил в город — прогуляться по улицам и побеседовать с простыми людьми. Как-то раз, столкнувшись с убежденным республиканцем, он с улыбкой поинтересовался:

— Вы все еще мечтаете меня повесить?

— Несомненно, ваше величество, — ответил собеседник. — Постольку, поскольку вы остаетесь королем. Но если завтра вы отречетесь от трона и сделаетесь республиканцем, то я стану вашим лучшим другом.

Для обозначения этого понятия у греков есть специальное слово — *«automismos»*, что переводится как «индивидуализм». И самый скромный, малоимущий грек хранит этот *automismos* как зеницу ока. Это самое главное его богатство. Подобная установка

на индивидуализм, естественно, усложняет управление страной. Но у этой тенденции есть и положительные черты. Независимость и свобода в выражении своего мнения, полное отсутствие раболепия в отношениях между богатыми и бедными — все это делает маленькую Грецию яркой и интересной (пусть иногда сложной для понимания) страной.

Каждый грек мечтает жить в Афинах. У нас в Англии люди всю жизнь копят деньги, чтобы приобрести себе маленький домик в деревне. В Греции первое, что делает разбогатевший человек, — переезжает жить в столицу.

Как следствие, в Греции отсутствует сельская жизнь — в том виде, в каком мы привыкли ее воспринимать в Англии. Здесь, конечно же, есть крестьянство — часть общества, которую я очень люблю и уважаю, но вот земельных собственников как таковых нет. И сельские дома — наподобие тех, что в Англии, французских шато или испанских усадеб — отсутствуют.

Мечта среднестатистического грека — сидеть за столиком афинского кафе и перечитывать газеты по мере того, как они выходят из печати. Подсчитано, что каждый грек ежедневно прочитывает по десять газет. Возможно, это соответствует действительности в Афинах. Я даже готов допустить, что это было верно и для остальной территории Греции, если бы там эти десять газет выходили.

— Почему у вас по радио так мало политических новостей? — спросил меня знакомый грек. — Когда бы я ни поймал Лондон, там всегда говорят про футбол или крикет. Неужели вам больше не о чем думать? Лично мне — чтобы узнать британские политические новости — приходится ловить Берлин или Рим.

— Видите ли, — попытался я объяснить, — крикет и футбол в нашей стране занимают то же место, что и политика в Греции. У нас проводятся международные матчи и финал Кубка — все, как у вас. Только *вы* их называете революциями.

На первый взгляд может показаться, что в современных Афинах не осталось и следа от старого турецкого города. Однако это не так. Возле самого подножия Акрополя тянутся узенькие кривые переулочки, на которых стоят ветхие турецкие лавочки (давно перешедшие в собственность греков). В память о прежних мастерах-сапожниках район носит название Обувной переулочек, хотя сейчас это центр антикварной торговли. Гости столицы могут здесь приобрести поддельную танагру, псевдо-греческие вазы, только что отчеканенные тетрадрахмы и прочий «антиквариат»,

который могут себе позволить. И, надо сказать, стоит все это недешево.

В этих переулочках и обретается дух турецких Афин. Здесь вы можете увидеть старика в европейской одежде, целыми днями перебирающего янтарные бусы — *комбологион*, или четки, как они называются на Востоке. Заглянув в кафе, вы застанете там грека, который сидит, присосавшись к мундштуку *наргиле*, не хуже какого-нибудь турка или сирийца. На базаре, куда местные крестьяне приносят на продажу овощи и фрукты, обратите внимание на мулов и осликов: у них на шеях болтаются короткие нитки голубых бус — мусульмане верят, что таким образом ограждают животных от сглаза.

Нет, что ни говорите, а в греческой столице ощущается слабый, едва уловимый аромат Востока. Он проявляется в финиковых пальмах, растущих в общественных парках, в блюде плова, который обязательно входит в меню ресторана, в маленьких стаканчиках *узо*, столь же обязательных здесь, как *арак* в Сирии и Палестине, и даже в оживленной жестикуляции греков. Все это вместе создает неповторимую атмосферу и является неотъемлемой частью очарования Афин.

3

Я внес положенную плату в десять драхм и начал подъем по длинной широкой лестнице, которая вела к Пропилеям. Нам всем с детства знакомо изображение Акрополя со стоящим на нем Парфеноном. Мы неоднократно видели его в книгах, церковных учебниках, на гравюрах в многочисленных офисах и на почтовых открытках, которые наши друзья присылают нам из средиземноморских круизов.

Правда, профессор Магаффи предупреждал, чтобы мы не ждали слишком много от визита на Акрополь. Вот что он пишет в своей книге «Прогулки по Греции»:

Во всем мире не найдется руин, которые сочетали бы в себе такую пронзительную красоту, такую безукоризненную архитектуру, такой мощный пласт истории и такую длинную вереницу бессмертных воспоминаний. Фактически ни одно здание на земле не может вынести подобного груза величия, поэтому первый визит на Акрополь, как правило, разочаровывает. Каждый путешественник связывает культуру Старого Света с Грецией; Греция для него

воплощается в Афинах, Афины — в Акрополе, а Акрополь — в Парфеноне. В результате в голове у человека клубится так много мыслей и воспоминаний, что он невольно ищет какое-нибудь вечное, бессмертное здание, к которому все это можно было бы привязать. Для осмысления многовековой истории человечества во всем ее величии человеку требуется некая отправная точка, и чаще всего он выбирает Акрополь. Что же он видит, попав сюда в первый раз? Расколотые колонны и разбитые пьедесталы — эти детали не соответствуют накалу страстей, кипящих в душе путешественника. И у него возникает — возможно, помимо воли — горькое чувство разочарования.

Я поднимался по лестнице, ведущей к Пропилеям, держа в памяти это предупреждение. Солнце ярко сияло над древними колоннами, и глазам было больно. Известно, что афиняне гордились этими великолепными воротами. Персонаж одной из античных комедий сообщает: «Они (афиняне) всегда восхваляли четыре достояния: свои миртовые ягоды, свой мед, Пропилеи и свои смоквы».

Я миновал величественные Пропилеи, и передо мной — огромная скала, незаметно повышавшаяся к дальнему концу. А там, на самой верхней точке на фоне ослепительно голубого неба стоял Парфенон.

И я подумал: это самое прекрасное из всего, что я видел в своей жизни. Я боялся сделать хотя бы шаг, приблизиться и тем самым разрушить очарование. Не понимаю, чем руководствовался доктор Магаффи, когда писал свои комментарии? Если в мире и существовало зрелище, которое превзошло все мои самые смелые ожидания — это вид Парфенона на краю обрыва. Вознесенный на самую вершину холма — так, что Афины с их обитателями остались где-то далеко внизу, а рядом лишь знойное летнее небо, — Парфенон стоял и продолжает стоять в гордом одиночестве. Хотя он оказался массивнее и тяжелее, чем я предполагал, храм — странным образом — выглядит почти невесомым. Глядя на него, трудно отделаться от мысли, что кто-то из могущественных небожителей взял и опустил это чудо архитектуры на самую макушку Акрополя. Пусть стоит и радуется глаз!

Я медленно, шаг за шагом приближался к священному храму и тихо бормотал про себя: «В своих многочисленных путешествиях мне довелось повидать немало удивительных памятников — египетские пирамиды и менгиры Карнака, высеченные в скале храмы Абу-Симбела и великолепный Баальбек, древний город

Тимгад и другие останки античного мира... Но ты, величественный Парфенон, навсегда останешься моим самым лучшим, самым прекрасным воспоминанием. Ты единственное место на Земле, куда хочется возвращаться вновь и вновь. Не знаю, сколько мне суждено прожить, но в эти оставшиеся годы я хотел бы ежегодно возвращаться сюда — чтобы снова подняться на холм и увидеть тебя, о прекрасный Парфенон!»

Следом явилась мысль: месторасположение храма выбрано не случайно. Долгий подъем по лестнице, прохождение через Пропилеи — все служило подготовкой к встрече с Парфеноном. Недаром Сократ говорил, что храм не должен быть легкодоступным. Дорога к нему должна быть достаточно долгой и трудной, чтобы человек успел очиститься душой и сердцем. В Парфенон не попадают случайно, с улицы. Для встречи с ним вы должны возвыситься.

Я не раз задавался вопросом, почему не одной фотографии или рисунку не удастся в полной мере передать очарование и величие этого места? Вопрос непростой. Необычный баланс здания, его аскетизм — а греки при строительстве Парфенона отринули все лишнее, ненужное — это трудно передать на бумаге, ибо взывают они, скорее, не к глазу, а к разуму. Если бы мне предложили описать мое впечатление от Парфенона, то я бы вспомнил птицу, которая, спускаясь с заоблачной высоты, в какой-то миг сложила крылья и продолжает парить в воздухе — не делая никаких движений, лишь благодаря одной ей ведомой магии полета.

Железная арматура, заложенная в колонны Парфенона, со временем окислилась, благодаря этому высокие колонны из пелопоннесского мрамора приобрели желтоватый оттенок. Этот цвет часто ошибочно описывают как золотой или коричневый. На мой взгляд, он больше всего напоминает по цвету пенку на девонширских сливках.

Стоя на вершине Акрополя, я испытывал огромную благодарность к туркам, которые превратили Парфенон в мечеть, понастроили по соседству домишки и обнесли их стенами. Таким образом они невольно способствовали сохранению древнегреческого ансамбля на Акрополе. Если бы на их месте оказался народ более энергичный и последовательный в своих начинаниях, то от Парфенона не осталось бы и камня на камне. Так что отдадим должное природной лени турок: они никогда не потрудятся поднять то, что упало, но точно так же не станут ломать то, что само по себе не разрушилось.

Я пытался представить, как выглядел Парфенон полторы тысячи лет назад. Несомненно, он сильно отличался от тех

молочно-белых развалин, которые мы наблюдаем сегодня. Здесь все сияло золотом и яркими красками — в соответствии со вкусами владельцев.

Известно, что греки любили раскрашивать и покрывать позолотой свои статуи. Богини у них были рыжеволосые, обряженные в ярко-красные, голубые и зеленые одеяния. Наконечники копий, сандалии, цепи и конская узда — все изготавливалось из бронзы или позолоченной бронзы. И посреди этого многоцветья в полумраке Парфенона стояла огромная статуя, ради которой, собственно, и строился храм. Это была сорокафутовая деревянная фигура Афины в шлеме с высоким гребнем. Левую руку богиня опустила на щит, а в правой держала крылатую Нику.

Эта работа Фидия была одним из величайших достижений античного мира. Сделана она была из дерева (обычного в ту пору материала), но даже самый внимательный наблюдатель не смог бы разглядеть ни единого дюйма деревянной поверхности. Лицо и руки богини покрыты пластинами из слоновой кости, в глазницы вставлены драгоценные камни, из-под позолоченного шлема выбиваются золотые же локоны.

Даже в те времена, когда люди создавали столь прекрасные творения, как Парфенон и все, что в нем находилось, людская зависть не дремала. Увы, человеческая натура не блещет благородством. Перикл, предвидя проблемы, которые могут возникнуть у Фидия с согражданами, настоял, чтобы все золотые пластины весом свыше сорока талантов были съемными.

Однако это не помогло талантливому скульптору. Настал день, когда враги выдвинули обвинение против Фидия: якобы он присвоил часть золота, которое ему выделили на оформление статуи. Вот тут-то и пригодилось предостережение Перикла: все крупные золотые пластины сняли и перевзвесили. Выяснилось, что обвинение надуманное, и Фидий чист перед законом. Тем не менее в результате вражеских интриг скульптора бросили в темницу, где он и принял смерть.

Эрехтейон представляет разительный контраст суровому и аскетическому Парфенону. Это чудное здание, которое не портит то обстоятельство, что частично оно перенесено на чуждую почву далекого туманного Альбиона. В настоящее время уменьшенная копия портика афинского Эрехтейон! — закопченная и потемневшая от лондонского смога — входит в ансамбль церкви Святого Панкратия на Юстон-роуд.

Думаю, любой путешественник, побывавший в Афинах, согласится со мной: самое ценное, что мы вынесли из поездки —

это воспоминание о Парфеноне. У меня до сих пор перед глазами стоит античный храм, парящий над современным городом; сквозь его колонны проглядывает ослепительно-голубое море, а солнечные лучи освещают и согревают древний пожелтевший мрамор.

Ни один художник не смог бы найти в целом мире более подходящего места для воплощения своей идеи. И ни одна сцена в мире не могла бы похвастать более гениальным художником.

4

Уже покидая Акрополь, я увидел справа от лестницы отдельно стоящую скалу. От Акрополя ее отделяла узкая тропинка, на вершину вели древние, вырубленные в скале ступеньки (я насчитал пятнадцать или шестнадцать). Верхушка скалы была искусственно выровнена. Это знаменитый ареопаг — место, где происходили общественные собрания и где в 51 году святой Павел держал речь перед афинянами.

Собственно, мнения по данному вопросу расходятся. Некоторые исследователи считают, что Павел проповедовал на скале ареопага, их оппоненты в качестве альтернативы приводят иные места, например Афинскую агору или же Царскую стую.

Если принять за истину первый вариант, то Павлу пришлось подняться по этим вырубленным в скале ступенькам. Далее он занял место на возвышении и, произнося свою тираду — «Но Всевышний не в рукотворных храмах живет», — должен был указывать на Акрополь, который находился от него буквально в паре шагов. Слушатели невольно обращали взоры на мраморные храмы Акрополя и на колоссальную фигуру Афины, чей золотой наконечник служил путеводным указателем для моряков, огибавших мыс Суний.

В летнюю пору ареопаг представляет собой, наверное, самое уединенное место во всех Афинах. Мало кому взбредет в голову взобраться на эту прожаренную солнцем скалу. Исключение составлял грустный человечек в черной шляпе, который встрепенулся при моем появлении и без особой надежды на успех предложил:

— Если господин пожелает, я могу показать вам место, откуда святой Павел держал речь перед афинянами.

Не желая показаться невежливым, я позволил отвести себя к плоскому участку скалы, где мой незванный гид произнес короткую, но прочувствованную речь. С тех пор, стоило мне только появиться

в окрестностях Акрополя — будь то ранним утром или на закате, — я неизменно натыкался на этого человека. Он всегда приветствовал меня, прикасаясь к полям черной шляпы, и постепенно мы даже подружились. Как-то раз он представил мне своего сына, который — судя по его нынешнему виду — обещал со временем стать грозой несчастных туристов. Кроме этих двоих, я никого почти не встречал и мог беспрепятственно сидеть на ступеньках, наблюдая, как закатное солнце окрашивает Пропилеи в нежно-розовые тона.

Когда Павел посетил Афины, этот город был уже на пути к упадку. Величие Эллады было так же отдалено от апостола, как, скажем, тюдоровская эпоха от современных англичан. Слова «Марафон» и «Фермопилы» значили для него немногим больше, чем «битва при Босуорте» для наших соотечественников.

Мне неизвестно доподлинно, был ли Павел знаком с трудами Гомера, Фукидида и Геродота, интересовался ли историей народа, на чьем языке говорил. Но, будучи человеком эллинистической эпохи, получив образование в одном из крупнейших эллинистических центров, он, конечно же, должен был испытывать волнение при мысли, что находится в Афинах — центре античной цивилизации.

Прогуливаясь вдоль Длинных стен, обращая взгляд на Акрополь, он, наверное, прислушивался к голосу Иисуса Христа. И в ушах его звучали слова, которые позже появятся в Евангелии от Иоанна: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь»³⁴.

Намереваясь проповедовать Евангелие в Афинах, апостол попал в непростую ситуацию. Впервые в жизни он оказался один на один с язычниками — жителями самого прославленного на Западе города. Правда, ему и раньше доводилось убеждать язычников — например, в Антиохии Писидийской, но там за своей спиной он ощущал поддержку местной синагоги. Прежде он путешествовал по Малой Азии и Македонии и имел дело с представителями еврейской диаспоры. Сейчас же он оказался без всякой поддержки — первый христианский миссионер, которого судьба занесла в самое сердце Западного мира, так сказать, в интеллектуальную твердыню Римской империи. Полагаю, миг, когда Павел впервые поднялся на Акрополь, был одним из самых драматичных в ранней истории христианства.

В тот период Афины еще не успели стать столицей senatorской провинции под названием Ахайя. Пирей пришел в негодность, и коммерческая жизнь Греции перемещалась в направлении новых

римских колоний — таких как Патры, Никополь и, прежде всего, Коринф, который по своему богатству и распушенности нравов вполне мог соперничать с Антиохией Сирийской. Однако Афины — даже утратив бывшее политическое и коммерческое значение — все еще оставались самым знаменитым городом Греции. Римляне, как известно, были первыми филэллинами, и в своей любви проявляли снисходительность, пусть и с оттенком высокомерия. Афинам прощалось многое. Им сходило с рук то, что привело бы к гибели любой другой город империи. Афины превратились в своеобразный университетский кампус. Город Перикла и Платона еще купался в лучах былой славы. Но Афины уже ничего не производили, а только изучали историю и критиковали. В академиях и библиотеках, да и на афинских улицах велись нескончаемые разговоры о платониках, перипатетиках, стоиках и эпикурейцах.

Когда Павел появился в Афинах, город, похоже, достиг крайней точки морального и интеллектуального падения. Начиная с Феомнеста, исполнявшего роль куратора Афинской Академии в 44 году до н. э., и до Аммония Александрийского, наставника Плутарха, который учил в последнюю декаду первого века, Афины не подарили миру ни единого великого ума. Научная мысль, зародившаяся и развившаяся в тени Акрополя, постепенно перемещалась в другие города, среди которых следует назвать Рим, Александрию, Антиохию и Тарс.

Если судить по внешнему виду, то Афины процветали как никогда. Город был заполнен толпами блестящей молодежи, в философах и учителях не было недостатка. Выдающиеся деятели, которые в силу каких-то причин оказались не ко двору у себя на родине, приезжали в Афины. Несмотря на все признаки упадка, этот город по-прежнему считался центром образованности. Чужеземцы, намеревавшиеся осмотреть разрушенные храмы Египта или нацарапать собственное имя на пьедестале Фиванских колоссов, не ленились сделать крюк и посетить Афины. Эти первые туристы эллинистической эпохи внимательно изучали реликвии прошлого, восторгались древнегреческими статуями, в благоговении взирали на Акрополь, чьи храмы сияли золотом и яркими красками. Здесь по-прежнему, как и во времена Перикла, скапливались жертвоприношения, и Афина Промахос благосклонно взидала на них, сжимая золотое копье.

Несмотря на наметившийся упадок, афиняне бережно сохраняли свои памятники и прочие древности, ведь от них зависело само существование города. Приезжие неизменно удивлялись щедрости жертвоприношений и количеству паломников, тянувшихся в Афины со всех концов света. Для их

привлечения устраивались пышные празднества. К традиционным Дионисиям и Панафинейм, а также ежегодным мистериям в Элевсине добавились празднования годовщины битвы при Марафоне и дней рождения таких знаменитых греков, как Платон и Сократ. Все это оживляло жизнь в Афинах, добавляло ей веселья и красоты.

Одновременно с Павлом Афины посетил еще один странник, в котором современные читатели легко признали бы Бернарда Шоу первого века. Речь, конечно же, об Аполлонии Тианском, чью встречу с представителями таможни я уже имел удовольствие описать. Подобно святому Павлу, Аполлоний тоже отмечал, что в Афинах «алтари возводятся даже неведомым богам». По дороге из Пирея в Афины он видел те же достопримечательности, что и Павел. Филострат, который взял на себя труд составить жизнеописание мудреца из Тианы, сообщает некоторые подробности этого путешествия в Афины.

...И, наконец, прибыли в Пирей, как раз в пору мистерий, когда справляют афиняне многолюднейший из эллинских праздников. Аполлоний, сойдя с корабля, поспешил в город, и тут навстречу ему попала толпа Любомудров, направлявшихся в Фалер: кое-кто из них загорал телешом, ибо осень в Афинах солнечная, кое-кто усердствовал над книгами, кое-кто упражнял гортань, кое-кто спорил, но мимо Аполлония ни один не прошел — все тут же догадались, что это он и есть, окружили его и радостно приветствовали. Сразу десяток юношей бросились к нему, восклицая: «Афина — свидетельница! — И с этими словами простерли они руки к Акрополю. — А мы-то уж отправились в Пирей, чтобы плыть к тебе в Ионию!» И Аполлоний обласкал их, сказавши, что Любомудрствующим рад.

Пребывание Аполлония в Афинах тоже представляет для нас интерес, поскольку характеризует те условия, в которых приходилось жить и проповедовать апостолу Павлу. Известно, что, добравшись до Афин, философ первым делом отправился к устроителям Элевсинских мистерий и изъявил желание пройти посвящение и принять участие в празднестве. Однако иерофант, главный жрец, отказал ему, ссылаясь на то, что Аполлоний — дилетант в таинствах. В ответ философ выдал едкую тираду, вполне в духе Бернарда Шоу: «Ты еще не назвал главной причины записаться от меня, а именно того, что, будучи сведущ в таинствах

более тебя, я все же явился к тебе за посвящением как к мудрейшему».

Философ побывал на празднике Дионисий и был возмущен тем, что увидел. Он обратился с речью к танцорам, исполнявшим традиционные для Дионисий танцы. В речи Аполлония как в зеркале отразился тот прискорбный упадок, который царил в Афинах эпохи эллинизма. Вот отрывок из этой речи, приведенный в книге Филострата «Жизнь Аполлония Тианского»:

Не переплясывайте славу Саламинских бойцов и множества доблестных мужей, ныне усопших! Была бы ваша пляска лаконской, я мог бы сказать: «Молодцы! Удаль свою вы упражняете для войны, а потому и я попляшу с вами!» Однако, видя такую едва не бабью разнеженность, что сказать мне о былых победах? Их трофеи воздвигнуты не в укор мидянам и персам, но вам в укор, ибо недостойны вы тех, кто их воздвигал. Откуда у вас все эти шафренные, пурпурные и багряноцветные одеяния? Поистине, ни ахарнянки так не наряжались, ни всадники колонские! Да и стоит ли о них поминать?.. Вы изнеженнее ксерксовых наложниц, вы все — хоть старцы, хоть юнцы, хоть мальчишки — наряжаетесь несообразно с собственной природой! В былые времена мужи, сойдясь в Агравлийском святилище, клялись с оружием в руках пасть за отечество, а ныне, похоже, клянутся ради отечества буйствовать, вцепившись в тирс! Шлемов вы не носите, обабились совершенно и — совсем по слову Еврипидову — превосходны лишь в позоре. Мне доводится слышать, что вы ко всему прочему сделались ветрами: трясете подолом и говорите, что-то, — де корабль распускает паруса, — а уж ветры вам надобно почитать, ибо были они вам соратниками и часто порывы их шли вам на пользу! Непозволительно делать бабой Борея, из всех ветров мужественнейшего, свояка вашего, ибо никогда не сошелся бы Борей с Орифией, когда бы увидел ее пляшущей на такой вот лад!

Речь эта может показаться излишне жесткой (тем более что сами афиняне отнюдь не числили героизм среди своих добродетелей), зато помогает нам восстановить живую картину легкомысленных и распущенных нравов, царивших в Афинах той поры, и представить, какое негодование они вызывали у аскетов старой закалки.

Нетрудно вообразить, какое впечатление Афины произвели на святого Павла. Некоторые авторы расписывают изумление и ужас, с которыми апостол взирал на многочисленные статуи, выстроившиеся в ряд на улицах Афин. Лично мне это видится более чем сомнительным. Конечно, религия и жизненный уклад афинян не вызывали у него одобрения, но он ничему не удивлялся. Ведь он достаточно долго жил в Антиохии Сирийской и привык к подобному положению вещей. Как истый христианин он презирал языческих идолов, но удивления не испытывал — слишком часто он видел их в своей жизни.

Думается, Павел вместе с толпой приезжих обошел все достопримечательности Афин. Он наверняка побывал в Парфеноне и внимательно рассмотрел статую Афины: отметил тусклый блеск золота в полумраке храма, взглянул на позолоченные сандалии, которые располагались как раз на уровне глаз зрителей, и, задрав голову, полюбовался шлемом, который едва не упирался в крышу. После этого заглянул в храм Ники Бескрылой, в Эрехтейон и в расположенную на северном склоне Акрополя пещеру Пана. Я уверен, что он добросовестно (пусть и без особой радости) осмотрел все статуи — как греческие, так и чужеземные, — которые высились на пьедесталах в храмах и на городских улицах.

Павел дожидался своих товарищей — Силу и Тимофея, которые задержались в Фессалонике. «В ожидании их в Афинах, Павел возмущен духом при виде этого города, полного идолов. Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чужими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися. Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: “Что хочет сказать этот суеслов?”, а другие: “Кажется, он проповедует о чужих божествах”, потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение.

И, взявши его, привели в ареопаг и говорили: можем ли знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши; посему хотим знать, что это такое? Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое»³⁵.

Сколь точно подметил автор Деяний любопытство и интеллектуальную неугомонность, присущие афинянам! Эту их характерную черту отмечали Платон, Федон, Протагор, Демосфен и Плутарх, который к отмеченной уже неугомонности афинян добавлял проницательность, любовь к шуму и всяческим новшествам. Их отношение к заезжему проповеднику правильное всего характеризовать как любопытство с оттенком высокомерия.

Слово, которое в Деяниях переведено как «суеслов», по-гречески звучит как «σπερμολογος»^[37]. На сленге афинян это означало бездельника, человека, который целыми днями ошивается на агоре и в ее окрестностях, подбирая всякую всячину. (В современных условиях этим словом стали называть нищих бродяг, которые начинают свой день с того, что обследуют мусорные баки и припасают объедки и окурки.) Понятно, что употребив это слово в отношении Павла, афиняне выражали таким образом свое презрение. Философы полагали, что перед ними малограмотный самоучка, нахватавшийся обрывков непроверенных знаний.

Павел прекрасно чувствовал это отношение свысока, но тем не менее с нетерпением ждал случая обратиться к высокомерной афинской публике. Получив такую возможность, он построил свое выступление в тоне вежливой иронии. Апостол признался, что вместе с другими приезжими добросовестно осмотрел все достопримечательности Афин, но они его не впечатлили, ибо ум апостола был занят другим — возможностью спасения человечества через учение Иисуса Христа. Он был сосредоточен на своей миссии, а все остальное рассматривал как вторичное и незначительное. Таким образом, он не стал льстить афинянам — как поступили бы большинство ораторов на его месте, восхваляя красоты города и обращаясь к древней славе. Нет, Павел сразу же перешел к тому, что имело непосредственное отношение к его миссии, он заговорил о множестве алтарей, которые заметил на улицах Афин.

Стоя на скале (а может, на ареопаге), он начал свою речь так: «Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны»³⁶. Или же в переводе доктора Моффата: «Жители Афин, я заметил, что вы в высшей степени религиозный народ. Ибо, проходя по улицам и рассматривая объекты вашего поклонения, я обнаружил алтарь с поразившей меня надписью “НЕВЕДОМОМУ БОГУ”».

Согласитесь, это блестящее начало. Апостол сумел не только установить связь с аудиторией, но «зацепил» ее, пообещав интересное продолжение. На самом деле, для афинян, собравшихся послушать Павла, в таком посвящении не было ничего необычного. Все помнили историю о том, как в шестом веке до нашей эры на город обрушилась страшная эпидемия чумы. Горожане взывали ко всем известным богам, совершали обильные жертвоприношения, но эпидемия не шла на убыль. Тогда они позвали на помощь критского пророка по имени Эпименид. Тот пригнал с собой отару овец — черных и белых. По его настоянию овец пустили пастись на ареопаге. К каждой овце Эпименид приставил наблюдателя и велел отмечать место, где животное приляжет отдохнуть. В этих точках

были возведены алтари, на которых и принесли в жертву овец. В качестве посвящения на алтарях было высечено: «Неведомому богу». Чума покинула город, и афиняне уверовали в могущество «неведомого бога». С тех пор это стало традицией, и не только в Афинах, — возводить подобные алтари.

Завладев вниманием аудитории, Павел начал излагать свое учение:

«Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам давая всему жизнь и дыхание и все; от одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли...»³⁷

В стремлении донести свое послание Павел проявил незаурядное мастерство и такт. Ему хватило ума не упоминать еврейское Писание, поскольку оно никак не касалось греков, а сразу же перейти к изложению основ новой религии.

Афиняне слушали проповедь довольно внимательно — пока апостол не заговорил о Страшном Суде и воскресении Иисуса. На этом месте они прервали проповедника — одни насмехались, другие говорили: «Об этом послушаем тебя в другое время». Так бесславно провалилась попытка Павла достучаться до сердец афинян.

Очевидная неудача, постигшая проповедника, насмешки, которые ему пришлось вынести, нарочитое терпение, с которым слушали греки — все это тяжким грузом легло на сердце легко ранимого апостола. Павел чувствовал себя одиноким в этом чужом и надменном городе. Отвергнутый и осмеянный он потерянно бродил по улицам Афин, как никогда ощущая трагедию Иисуса, тоже вынужденного в одиночестве нести свой крест. Эта грусть и опустошенность прокралась даже на страницы Деяний.

Однако история учит, что самые горькие поражения в конечном счете оборачиваются триумфом христианского учения. Так или иначе, семя было брошено. Глядя на языческие храмы Акрополя, Павел не знал (и не мог знать), что настанет день, когда могущественный Парфенон сделается христианским храмом, посвященным Богородице.

Пока же ему оставалось радоваться скромным успехам: несмотря на позорный провал, двое афинян — всего двое из тысяч — открыли свои сердца для Благой Вести. Этими двумя стали участник Дионисий Ареопагит (то есть член ареопага) и «женщина по имени Дамарь».

Если о дальнейшей судьбе женщины нам ничего не известно, то имя Дионисия сохранилось в истории. По свидетельству отца

церковной истории Евсевия Кесарийского, он стал первым афинским епископом. Однако по другим источникам Дионисий отправился с Павлом в Рим и находился там со святым вплоть до его мученической кончины. После этого римский епископ Климент послал Дионисия проповедовать во Францию. Обосновавшись на маленьком островке посреди Сены, он занялся активной миссионерской деятельностью: обратил в христианство великое множество народа и со временем стал парижским епископом. При императоре Домициане случились гонения на христиан, во время которых епископ Дионисий принял мученическую смерть. Его обезглавили на вершине горы, которая с тех пор получила название Монмартр (фр. «гора мучеников»). Христианская церковь причислила Дионисия к лику святых. Святой Дионисий — или Сен-Дени, как его называют французы — считается одним из святых покровителей Франции.

Сидя вечером на ступеньках ареопага и наблюдая, как последние лучи солнца гаснут на коричневых склонах Акрополя, я попытался подсчитать, сколько же мест в этом городе связано с именем Павла. Меня всегда интересовали здания (или их развалины), которые являлись современниками апостола. Я попытался их отыскать в Палестине, Сирии, Малой Азии и Македонии. Забавно, но в одном только городе — Афинах — я обнаружил больше подобных объектов, чем во всех названных странах, вместе взятых.

Я точно знаю, что святой Павел осматривал Акрополь и те здания, чьи руины сейчас венчают знаменитый холм. Это — Пропилеи, Парфенон, Эрехтейон и храм Ники Бескрылой. Помимо этого, он наверняка видел святилище бога врачевания Асклепия, Асклепийон, чьи развалины располагаются на южном склоне Акрополя. Помимо того, апостол не мог пройти мимо чудесного театра Диониса, который располагался у подножия холма. Следует еще упомянуть Тесейон — наиболее сохранный греческий храм во всем мире. А также Башню ветров и круглый Монумент Лисикрата. Все эти памятники сохранились со времен Павла, сумев устоять под леденящим дыханием времени.

5

Я провел в Афинах не менее недели, прежде чем начал привыкать к невероятным именам моих греческих друзей. Среди них был Софокл и Деметрий, а также два Вайрона, что является

искаженным вариантом фамилии лорда Байрона. Замечу попутно, что Байрон — одно из самых популярных мужских имен в Греции.

Полагаю, именно один из Вайронов — а может, и Софокл — никогда не упускал случая, чтобы представить меня как убежденного филэллина. Вначале это определение вызывало у меня улыбку. Все равно, как если бы кто-то употребил слово «щеголь» или «повеса» в их отжившем уже значении. Я даже не догадывался, что этот термин пользуется такой популярностью в Греции. И это было не единственное открытие. Помнится, я был удивлен и тронут, обнаружив, с какой неизменной благодарностью вспоминают греки помощь, которую Великобритания оказала им во время войны за независимость. Особой же любовью здесь пользуется «лорд Вайрон»: памятник этому человеку воздвигнут не только в садах Заппейон, но и в сердце каждого грека.

Нам, англичанам, надо приехать в Грецию, чтобы узнать насколько велик был наш соотечественник. Мы — кто ставит томик его стихов на книжную полку рядом с другими непрочитанными поэтами — даже не подозреваем о той репутации, какой Байрон пользовался в Европе. Каждое его новое стихотворение моментально переводилось на различные языки мира. Насколько мне известно, поэма «Манфред» выдержала девять переводов на немецкий язык, четыре на русский, три на испанский, и еще по три — на венгерский и итальянский. Дважды она переводилась на польский, французский, голландский и датский языки. А к этому еще следует прибавить новогреческое, румынское и цыганское издания. Ни один живой автор не может похвастаться подобной аудиторией. То, что величайший поэт своей эпохи, английский «милорд» решил помочь угнетенным грекам в их борьбе против турецкого ига — дорогого стоит. А тот факт, что Байрон трагически погиб в Греции — пусть ему и не довелось услышать ни одного ружейного выстрела — придает особый трагизм этой фигуре. И не важен тот цинизм, с которым современные биографы поэта пытаются трактовать филэллизм Байрона; греки все равно будут верить, что он умер за освобождение их страны — как если бы поэт погиб на поле боя. И они никогда не забудут его предсмертные слова: «Так вперед, на спор с громами...»^[38] Якобы именно с этими словами на губах скончался «лорд Вайрон».

Во времена Байрона греки не интересовались античной эпохой. Поднимаясь на борьбу за независимость, они отстаивали византийскую Грецию, ту самую, которая жила в каждой маленькой православной церквушке на этой земле. Русская императрица Екатерина II окрестила своего внука Константином и разослала

агентов для агитации среди греческих поданных османского султана. Она лелеяла мечту о возрождении Византийской империи с христианским императором на троне. В этой схеме роль столицы отводилась Константинополю, знаменитая мечеть Айя-София должна была вновь стать собором Святой Софии, где будет проводиться православное богослужение. Эта заманчивая идея крепко укоренилась в умах греков. Именно с Константинополем, а не с Афинами — и со Святой Софией, а не с Парфеноном — связывали они свои мечты.

Эта ориентация на Византию была естественной — и инстинктивной по своей сути. Еще совсем недавно, во время войны, на сцене афинских театров шел спектакль, в котором актер, изображавший царя Константина, восседал на византийском троне, как божество на иконе. Эта картина задевала какие-то глубинные струны суеверной греческой души, глубже поверхностного филэлленизма. Мне рассказывали, что в этом месте публика всегда разражалась громкими аплодисментами.

Наверное, подобные мысли неизбежно возникают у человека, которого называют филэллином. А вместе с ними рождается естественное недоумение: почему все греки, которых мы встречаем на улицах Афин, не обнаруживают ни малейшего внешнего сходства с творениями Фидия и Праксителя? Осталась ли хоть капелька крови древних эллинов в венах современных греков?

Это очень непростой вопрос, который давно уже волнует ученые умы. В 1829 году Дж. Ф. Фалмерайер безапелляционно заявил, что греческая раса как таковая исчезла с лица земли. Якобы все греки поголовно числят среди своих предков албанцев, франков, ломбардцев или выходцев из Азии. Сложно сказать. Как палестинские арабы возводят свое происхождение к древним хананеям, описанным в Ветхом Завете, так и современные греки настаивают на родстве с древними греками античной эпохи.

За прошедшие тысячелетия они, конечно, утратили ту классическую красоту, которая восхищает нас в античных скульптурах. Но ведь вполне возможно, что и древнегреческие мастера выбирали себе в качестве моделей исключительно красивых людей. Находясь в Греции, я исследовал тысячи лиц в надежде найти классический «греческий» нос, который без всякой ложбинки переходит в линию лба. Увы, мои старания не увенчались успехом. А ведь мне рассказывали, что многие греческие матери (особенно в сельской местности) проделывают разнообразные манипуляции с носами новорожденных — лишь бы достичь желанного результата. Тем не менее, сколько я ни вглядывался, мне так и не удалось обнаружить Аполлона или Афродиту среди

современных греков. Досадно признавать, но легче натолкнуться на эталон классической греческой красоты, прогуливаясь по Риджент-стрит или на ежегодных гребных соревнованиях между Оксфордом и Кембриджем, чем на афинских улицах.

6

— В Афинах я заметил множество маленьких забегаловок, расположенных в узких неприметных переулочках, — поделился я своими наблюдениями. — Как правило, они выглядят очень уютно: кованые решетки увиты виноградными лозами, а заглянув в дворик, вы непременно увидите парня в рубашке с короткими рукавами, который нацеживает в кувшин вино из бочонка. Мне бы очень хотелось пообедать в таком местечке.

— Как хочешь, — легко согласился Софокл.

Было около девяти вечера — время, когда афиняне ужинают. Дневной зной еще ощущается, но легкий ветерок со стороны Фалеронской бухты уже обещает ночную передышку.

Мы покинули залитую солнцем центральную улицу и свернули в один из тех тенистых переулков, где тишина нарушается лишь грохотом колес рыночной подводы по мощеной мостовой. Зашли в первый же попавшийся крытый дворик, заставленный винными бочками.

Мое внимание привлекла маленькая, но колоритная группа: жизнерадостный мужчина в рубашке с короткими рукавами, мешковатых брюках и ковровых тапочках примостился на табурете возле колючей изгороди. Он кормил пучками травы маленького ягненка, а рядом сидел, изнывая от нетерпения — ему тоже хотелось урвать толику хозяйского внимания, — лохматый щенок.

Как и в большинстве греческих таверн, над двориком был устроен решетчатый навес. По весне он бывает увит виноградными лозами, которые обеспечивают благословенную прохладу и уют. Но сейчас, в разгар лета, листья съежились и почернели, и прока от такого навеса было немного. По периметру дворика размещались три или четыре маленьких ниши, в которых стояли столы, уже накрытые для обеда. Из противоположного конца двора тянуло манящим ароматом жареного мяса. Приглядевшись, я увидел в открытом кухонном окне внушительную фигуру повара, который колдовал над ярко горящей горелкой.

— Желаете перекусить? — поинтересовался хозяин заведения, обменявшись рукопожатием со мной и моим спутником. — Проходите и заказывайте.

Он проводил нас прямо на кухню.

На мой взгляд, это один из самых восхитительных обычаев в греческих тавернах: посетителю разрешается наблюдать за процессом приготовления заказанных блюд. Кухня, куда нас препроводили, была заполнена винными бутылками, мясом, рыбой и овощами. Здесь лежали лангусты, красная кефаль (местные жители называют ее *барбуна*), а также жуткая каракатица, которую полагалось тушить в большом количестве масла.

После того как мы определились с меню, хозяин таверны проводил нас в одну из беседок, где мы и уселись за столиком (под внимательными взглядами щенка и ягненка).

На столе немедленно появились традиционные стаканчики *узо* и легкая закуска, ибо греки не имеют привычки пить, не закусывая. На сей раз нам были предложены бутерброды с красной икрой, фисташковые орешки и нарезанный кружочками огурец.

Хозяин поднял тост за гостей: сказал, что обожает Англию и англичан и чрезвычайно горд, что уважаемые иностранцы решили пообедать в его скромном заведении. Опрокинув свой стаканчик *узо*, он удалился на кухню надзирать за процессом приготовления пищи.

— Говорят, что правительство приняло решение... — начал было Софокл.

— Я был бы очень обязан, Софокл, — мягко прервал я друга, — если сегодня вечером мы обойдемся без разговоров о политике. Давай лучше побеседуем о еде. Это гораздо приятнее и здоровее. Расскажи мне, что греки обычно едят...

И когда он описал примерное меню среднестатистической греческой семьи, я подумал, что это меню явно досталось грекам в наследство от турецких поработителей. Практически все греческие блюда имеют турецкое происхождение. Не исключено, конечно, что все обстоит как раз наоборот, и это турки — среди всего прочего — позаимствовали у Византии ее кухню. Практически все названия греческих блюд — турецкие с добавлением греческих окончаний. Так, *пилав* (то есть плов) превратился в *пилави*, *долма* — в *долмадес*. Почти все национальные греческие десерты представляют собой хорошо известные турецкие сладости.

Вскоре появился хозяин, он нес блюдо с ломтиками красной дыни.

— Где выращивают это чудо? — поинтересовался я.

— В Лариссе, столице Фессалии.

Мне припомнились высокие холмы Фессалии, со всех сторон обступавшие гору Олимп — такими они виделись с борта корабля. А Ларисса — это город, который на протяжении веков чеканил

собственные серебряные монеты с очаровательной головкой нимфы Аретузы работы художника Кимона.

— Самые лучшие красные дыни выращивают в Лариссе, — продолжал хозяин, — зато с Аргосом никто не может сравниться по части желтых дынь.

К дыне он выставил кувшин местной *рецины*, смоляного вина.

— Прошу принять в знак уважения, — произнес с поклоном хозяин. — Это вино с моего собственного виноградника.

Смоляное вино — *рецината* или просто *рецина* — представляет собой дешевое столовое вино, которое пользуется большой популярностью в Греции. Я слышал, что иностранцы не жалуют его, находя во вкусе *рецины* следы терпентина (или скипидара). Тому есть объяснение: молодое вино выдерживается в емкостях, которые — во избежание контакта с воздухом — заливали сосновой смолой. Эта технология используется с античных времен — вот уже на протяжении 2700 лет. Трудно придумать более древний обычай в жизни современной Греции. Доказательством тому жезл, который мы наблюдаем в руках у Диониса на тысячах барельефов и амфор — тот самый тирс, жезл Вакха, увенчанный сосновой шишкой.

— Доброго здоровья.

Мы дружно чокнулись и выпили. Греки очень ценят *рецину* и искренне радуются, если иностранцу удастся выпить стаканчик, не поморщившись.

Покончив с фессалийской дыней, мы перешли к более серьезному блюду — лангусту под винным соусом. Мне сообщили, что этот моллюск лишь сегодня был выловлен в Оропе, неподалеку от Эвбеи. Затем нам подали телятину с салатом из помидоров и огурцов.

Трапеза наша затянулась. Пока мы с Софоклом, уже изрядно отяжелевшие, вели тихую беседу над остатками роскошного ужина, входная дверь распахнулась и в таверну вошел тощий, мертвенно-бледный человек, которому явно не мешало бы побриться. Устремив на нас горящий взор, он сделал несколько неверных шагов. Затем остановился и, простерши руку, начал что-то нараспев декламировать.

— Кто это? — шепотом спросил я.

— Бродячий поэт, — так же тихо пояснил Софокл, — он ходит из таверны в таверну.

— Но я ни слова не понимаю. О чем он говорит?

— Эту поэму он посвятил политической ситуации в стране. Очень тонкая вещь, между прочим. Она восхваляет противников с обеих сторон, так что никто не сможет обидеться на автора.

— В таком случае он, наверное, не грек?

— Тут ты как раз ошибаешься, — возразил Софокл. — Судя по акценту, это коренной афинянин.

Тем временем поэт закончил декламацию и попросил у меня сигарету. Прикурив, он, очевидно, испытал очередной прилив вдохновения, потому что с ходу прочитал еще одно стихотворение, в котором жизнь сравнивалась с дымом от сигареты. В своем выступлении он обращался непосредственно к сигарете, выдувая при этом клубы дыма. В конце же чтец швырнул окурки на каменные плиты и решительно растоптал его, что, наверное, должно было символизировать трагический финал бытия.

По завершении импровизированного концерта поэт подошел к нашему столику и с удовольствием выпил стакан вина. Тем временем таверна заполнялась обычными посетителями. Рабочие и ремесленники — каждый со своей вечерней газетой под мышкой — усаживались на привычные места, заказывали бутылочку вина и немедленно углублялись в политические споры.

Когда вино было допито, Софокл широким жестом пригласил всех посетителей за наш столик, на котором красовался огромный кувшин *рецины*. Приглашение было с благодарностью принято. И каждый из вновь прибывших считал своим долгом выпить за здоровье «иностранца из Соединенных Штатов Америки». Забавно, но греки, как и итальянцы, не ощущают разницы между американцами и англичанами. Когда я внес необходимую поправку, наши гости поднялись и провозгласили отдельный тост за Англию. Америка, объявили они, «очень милая» страна, но Англия — о, это Англия!

Последовала целая серия тостов, и в результате обычная застольная беседа переросла в яростную политическую дискуссию. Будучи слабо осведомлен в тонкостях текущей политической ситуации в стране, я искренне обрадовался, когда один из наших сотрапезников поднял бокал за здоровье «Вайрона».

Как, должно быть, порадовался бы Байрон, доведись ему увидеть эту теплую компанию, знойным греческим вечером пьющую за здоровье «освободителя современной Греции».

— Вай-рон! — громогласно скандировали они, поднимая в воздух стаканы.

Я, к сожалению, не мог вспомнить ни единого современного грека, чье имя пользовалось бы единодушным одобрением. Поэтому предпочел ретироваться под сень безопасного филэллинизма.

— За Перикла! — провозгласил я.

— Что он такое сказал? — переспросили за соседним столиком.

Получив необходимые объяснения, все с удовольствием осушили стаканы.

Дверь снова распахнулась, и в таверну вошли трое музыкантов, которые запели высокими пронзительными голосами.

— Пожалуй, пора ретироваться, — решил Софокл, — иначе мы застрянем здесь на всю ночь.

— Неужели все греки такие дружелюбные? — спросил я. — И у всех такая страсть к застольным беседам? Если так, то вам известен рецепт счастливой жизни.

— То, о чем ты говоришь, — проклятие моей страны, — возразил Софокл. — Мы все знаем и считаем, что могли бы жизнь устроить куда приятнее, чем тем те, кто у власти. Любой из нас считает, что если бы ему доверили управлять страной, то он справился бы гораздо лучше нынешних правителей. Каждый грек в своих фантазиях управляет Грецией.

Хозяин стоял в дверях таверны (в неизменной компании щенка и ягненка) и наливал в стакан новую порцию *рецины*.

— Это вино мне особенно удалось, — сообщил он. — Не желаете ли попробовать?

Я с готовностью поднял стакан.

— Да здравствует Англия! — провозгласил хозяин.

— Благодарю вас, — поклонился я. — И да здравствует Греция!

После чего мы обменялись прощальными рукопожатиями и покинули гостеприимную таверну.

7

Летом в Афинах стоит страшная жара. Жарко настолько, что весь город предпочитает с полудня и до четырех часов дня погружаться в сон. Магазины в это время закрыты, кафе стоят пустыми, а большая часть горожан проводит время в собственных постелях.

Я так и не смог принять сиесту. Мне это казалось непозволительной тратой времени. Поэтому, проглотив в обед несколько ломтиков красной дыни (поверьте, это единственное, что можно съесть в такую жару), я отправлялся поплавать в Фалеронской бухте.

Море в это время года спокойное и теплое. Вода настолько чистая, что можно разглядеть белое песчаное дно, на котором играют преломленные солнечные лучи. Как правило, пляж выглядит пустынным, поскольку греки не слишком большие любители морских купаний. Кроме того, у местного населения существует глупое суеверие: они полагают, что купаться можно лишь после того, как созреют дыни. Таким образом, апрель и май

выпадают из купального сезона — несмотря на то, что солнце в эти месяцы греет сильнее, чем у нас в августе. К тому же времени, когда наступает настоящее пекло, греки уже так долго откладывают купание, что, похоже, и вовсе о нем забывают.

Вот так и получалось, что я оказывался на пляже в гордом одиночестве. Боже, какое это удовольствие — иметь в единоличном распоряжении целую бухту! Песок на берегу настолько раскалялся, что я вынужден был бегом бежать к кромке прибоя. Здесь можно наконец передохнуть и не спеша войти в воду — слишком теплую, чтобы охладить разгоряченное тело.

Далеко на юге лежит остров Эгина — голубое пятно в полуденном море. А на западе тянется каменистая береговая линия, уходящая к Коринфу. Перевернувшись на спину, я медленно дрейфовал в прозрачной голубой воде. И все время у меня перед глазами стоял Гиметт, подпирающий своими могучими отрогами знойное небо. Гора эта, как и в древние времена, служит обиталищем пастухов, которые песнями свирелей созывают разбредавшиеся отары. Пчелы, как и тысячи лет назад, собирают мед с дикого тимьяна, которым заросли склоны Гиметта. И хотя весь мед в Греции называется «гиметтским», вам, если вы действительно хотите получить натуральный душистый мед, надо идти к тем ульям, что стоят в тени могучей горы.

Интересная мысль пришла мне в голову во время моего последнего купания в бухте. Я осознал, что недели, проведенные в Афинах, были по-настоящему счастливым временем. Я посетил Марафон, осмотрел храм Посейдона на мысе Суний, побывал на серебряных рудниках Лавриона. Казалось, вся моя программа выполнена, но я не испытывал желания расставаться с Афинами. Этот город навсегда останется в моей памяти как одно из самых прекрасных мест на земле.

Глава девятая

На руинах Коринфа

Следуя маршруту святого Павла, я отправляюсь из Афин в Коринф и там — благодаря раскопкам американских археологов — вижу город, в котором проповедовал апостол. Я взбираюсь на вершину Акрокоринфа и встречаю грека, который поведал мне кое-что интересное о местных суевериях. Придя в Кенхреи, я с грустью вижу, что некогда оживленный порт превратился в заброшенную гавань.

1

Еще не было и шести утра, когда я выехал в Коринф. Это была вынужденная мера, ибо позже жаркое солнце сделало бы поездку невыносимой. Менее чем через час мы добрались до залива, своей невозмутимой гладью напоминавшего какое-нибудь внутреннее озеро. Остров Саламин — голубой в этот утренний час, как выращенный в оранжерее виноград — похоже, непонятным образом приблизился к морю. Вдалеке, на самой границе с морем, стоял сияющий в утренних лучах маленький городок Элевсин. От Афин до Элевсина протянулась дорога, которой в древности шли желающие принять участие в мистериях. Толпы людей двигались ночью, освещая путь факелами. Руины древнего города занимают огромную площадь у подножия холма, но еще пятьдесят лет назад они скрывались под землей. Сейчас, однако, их раскопали и повсюду в огромном количестве разбросаны обломки мраморных колонн и плиты дорожного покрытия.

Павел находился в Афинах летом или осенью, то есть как раз во время проведения Великих мистерий. Весь город был полон людей, желавших принять участие в этом священном празднестве. Малые мистерии (которые праздновались в Агре) являлись подготовкой к полной инициации, обычно проводились в весеннее время в храмах, посвященных Деметре и Коре. В связи с проведением мистерий во всей Греции объявлялось перемирие сроком на два месяца.

С трудом верится, что Павел, находясь летом в Афинах, мог проигнорировать такое событие, как мистерии — самое значительное религиозное празднество. Он наверняка наблюдал, как в полнолуние на четырнадцатый день месяца боэдромина многочисленная процессия направлялась из Элевсина в Афины.

Элевсинские жрецы в сопровождении почетного эскорта доставляли священные реликвии в Элевсинион — храм у подножия Акрополя. На следующий день иерофанты объявляли начало мистерий. Обязательным условием допуска к инициации являлись непричастность к убийствам и владение греческим языком (варвары не допускались на празднество). Вслед за этим следовал обряд очищения через омовение в Фалероне и принесение в жертву свиньи. После чего, дождавшись ночи, священная процессия двигалась в Элевсин.

Я посетил развалины, умудрившись сначала в них заблудиться. Большой зал, конечно же, я нашел безошибочно. Ведь это одни из самых знаменитых руин Греции. Это, кстати, единственный греческий храм, предназначенный для собраний, ибо главные церемонии Элевсинских мистерий — в отличие от прочих религиозных празднеств — проводились за закрытыми дверями.

Главный зал представлял собой крытый театр, способный вместить около трех тысяч человек. Испытания, через которые проходили соискатели посвящения, должны были проходить на глазах у всех, кто посетил мистерии. Что же собой представляли эти мистерии? Ранее считалось, что жрецы вели кандидатов по подземным переходам, где происходили пугающие встречи с духами, и наконец выводили инициируемого на свет дня. Однако раскопки, проведенные в районе Элевсина, не обнаружили ни подземных ходов, ни каких-то механических приспособлений, которые могли бы имитировать появление духов. Элевсин и поныне, по истечении многих столетий, строго хранит свои тайны — столь же надежно, как это делали сами участники инициаций.

В классические времена Элевсинские мистерии не раз подвергались язвительной критике, например со стороны Лукиана. Хватало насмешников и скептиков, но тем не менее никто не выдал тайну обрядов. И до сих пор мы можем лишь догадываться, что же творилось за закрытыми дверями в Главном зале храма Деметры, Телестериона.

Многие греческие философы, включая Платона, с большим уважением относились к церемониям мистерий. По словам Цицерона, он учил людей «не только жить счастливо, но и обрести надежду в смерти».

Дорога, ведущая из Элевсина в Коринф, сначала тянется по холмам, где редкие оливы отбрасывают спасительную тень на

раскаленные камни. Затем спускается к заливу, где застыли фигурки рыболовов со своими острогами — подобно тем, что изображены на аттических *киликсах*. Единственный город, который встречается по пути, — древняя Мегара, чьи жители гордятся чистотой своего происхождения.

За Мегарой дорога вновь углубляется в холмы. Она совершает головокружительные подъемы и спуски, проходя по самому краю Скиронских скал, отвесно обрывающихся в море.

Этот участок пути способен серьезно потрепать нервы неопытным водителям. Поэтому все, как правило, выпускают вздох облегчения, когда дорога наконец-то спускается в прибрежную долину и бежит вдоль Эгинского залива, чьи голубые воды просматриваются сквозь строй карликовых сосен, выстроившихся вдоль дороги.

Возле Коринфского канала я вышел из машины и пошел пешком через хрупкий на вид чугунный мост. Этот канал протяженностью четыре мили, словно ножом, разрезает глинистый перешеек, который некогда соединял Пелопоннес и Аттику. До того как канал был построен, корабли вынуждены были плыть в обход Мореи с ее зловещим мысом Малей — или мысом Доброй Надежды, как он назывался в античные времена.

Мост высотой в сто семьдесят футов построен как раз посередине канала. Стоя на нем, я обратил взгляд на запад — туда, где на расстоянии двух миль плескались волны Коринфского залива. Примерно такое же расстояние на восток отделяло меня от Эгинского залива.

Хотя целесообразность строительства подобного канала осознавали уже в глубокой древности, проект удалось осуществить лишь в 1893 году. Для нас, современных людей, причины задержки выглядят смехотворными. Всякий раз, как делалась попытка прорыть канал, возникали препятствия, связанные с местными суевериями. Говорили, что стоило вонзить лопату или кирку в землю перешейка, как земля начинала фонтанировать кровью. Многие великие люди того времени — среди них Александр Македонский и Юлий Цезарь — планировали прорыть канал, но каждый раз были вынуждены отказаться от своих проектов.

Одну из попыток сделал император Нерон. Произошло это в 66 году, всего за два года до его самоубийства. В назначенный день Нерон во главе блестящей кавалькады выехал из Коринфа и добрался до того места, где предполагалось рыть канал. Здесь он остановился, достал золотую лиру и исполнил торжественную оду в честь бога Нептуна и его жены Амфитриты. После этого императору передали золотую лопату, он снял пару пластов дерна и забросил

их в корзину, которую перенес на собственной спине. Затем обратился с прочувствованной речью к толпе рабочих, среди них находились и шесть тысяч молодых иудеев, которых захватил в плен Веспасиан. Все они были выходцами из мятежной Галилеи — той глухой провинции, где недавно началась Иудейская война. Странно осознавать, что строительство Коринфского канала начинали те евреи, чьи отцы и деды слушали проповеди Иисуса на берегу Галилейского моря.

Увы, предприятие Нерона постигла та же неудача, что и прежние проекты. В оправдание выдвигалась довольно спорная теория, согласно которой уровень воды в Коринфском заливе превышал таковой в заливе Эгинском. Если прорыть канал, через него хлынут воды Коринфского залива и затопят остров Эгина. Таким образом, идее Коринфского канала не суждено было реализоваться в римские времена. Вместо него соорудили *диолк* — волок, сухопутную мощеную дорогу, по которой корабли перекачивали на специальных бревнах. В 1881 году за дело взялась французская компания: она продолжила строительство, начатое Нероном.

Пока я стоял на мосту, по каналу медленно прошло тяжело груженное судно. Условия судоходства здесь действительно сложные. Поскольку глубина канала составляет всего двадцать шесть футов, даже маленькие лодочки должны соблюдать крайнюю осторожность. Встречные приливы с обеих сторон, ветры и капризные течения — все это создает проблемы шкиперам, которые не смеют покинуть мостик, пока не минуют коварный канал. Что касается крупных кораблей, то они и вовсе с трудом протискиваются через узкое пространство. Мне говорили, что команды вынуждены обвешивать борта специальными деревянными щитами — чтобы не повредить окраску и не разрушить стены канала.

Современный Коринф — небольшой городок на берегу Коринфского залива. Данная местность считается категорически неблагоприятной в сейсмическом отношении. Создается впечатление, будто все девять тысяч коринфян живут в постоянном ожидании очередного землетрясения. Они отдают себе отчет, насколько это рискованно, но тем не менее не находят в себе сил покинуть райский уголок. Коринфяне привыкли к этому бирюзовому морю и чудесным голубоватым холмам и не видят причины менять свои привычки. Мне, чуждому здравомыслящему человеку, трудно понять тот непрошибаемый фатализм, который заставляет людей жить на склонах вулкана, да еще в сейсмоопасной зоне. Я отдаю

себе отчет, насколько это опасно. Однако, как ни странно, коринфяне не выглядят ни напуганными, ни подавленными. Напротив, они производят впечатление веселого и жизнерадостного народа, испытывающего своеобразную гордость за свой город, который в любую минуту может погибнуть.

Коринф напоминает мне провинциальный американский городок Среднего Запада — один из тех, что любили показывать в эпоху немого кинематографа. Вернее, даже не сам городок, а недостроенные декорации. В нем имеются широкие, поражающие размахом улицы, но... беда в том, что они никуда не ведут. Более того, в этих улицах обнаруживаются зловещие разрывы — словно бы пара-тройка домов стала жертвой микро-землетрясения: вдруг, за единую ночь, эти дома исчезли с карты города. Дома в Коринфе строят из особого мягкого кирпича бурого цвета. Они хорошо поглощают ударную волну и в случае обрушения влекут за собой куда меньше человеческих жертв, чем полновесные каменные кубики.

В качестве награды за свою безрассудную смелость жители Коринфа имеют возможность ежедневно любоваться потрясающим пейзажем — зеленая поверхность залива в окружении могучих голубых гор.

Окрестности Коринфа — во всяком случае, все более или менее плоские участки почвы — заняты виноградниками и зарослями коринки. В процессе созревания они демонстрируют богатую цветовую гамму — от обожженного солнцем коричневого до темно-лилового оттенка достигшего зрелости винограда.

Я с детства любил набрать полную пригоршню ягод, и мои соседи — добрые великодушные люди, которые на все лето переселялись жить поближе к своим виноградникам, — щедро делились со мной урожаем. Я обнаружил, что нет ничего на свете вкуснее, чем коринфский виноград, когда он прожарится пару деньков на солнце. Двух дней вполне достаточно для того, чтобы ягоды успели прогреться и налиться соком, но летний зной не успевает превратить их в сморщенные пустые оболочки. Между прочим, слово «currunt» (виноград-коринка) является искаженным названием города «Коринф», в древнем произношении «Кораунц».

До 1858 года новый город строился на месте римского Коринфа (с учетом подземного залегания можно сказать, что прямо на плечах старого города). Так продолжалось до печально знаменитого землетрясения 1858 года, которое почти полностью разрушило новые постройки. Оставшиеся в живых коринфяне приступили к восстановлению города, переместив его ближе к заливу. Однако в 1928 году случилось новое землетрясение,

которое практически сравнило город с землей. Но коринфяне упрямы, и сейчас город почти полностью восстановлен. Чтобы осмотреть древний Коринф, мне пришлось проделать путь в три с половиной мили, и могу засвидетельствовать, что дорога, которой я передвигался, — самая пыльная во всей Греции. Глинистая почва Коринфа производит мельчайшую, похожую на пудру пыль, которая уже через десять минут пути плотным слоем покрывала мой автомобиль. В античную эпоху коринфские гончары изготавливали из этой глины оригинальную керамику — кувшины, в которых хранились оливковое масло и благовония. Осколки этой керамики находят не только на островах Эгейского моря, но и в Малой Азии, Италии и на Сицилии.

Я решил прогуляться к морю, чтобы проверить, осталось ли что-либо от знаменитого восточного порта Коринфа, носившего имя Лехеон. В ту эпоху Лехеон соединялся с Коринфом двойной стеной протяженностью в две мили. Увы, волны Ионического моря потрудились на совесть: они вынесли на берег такое количество песка, что образовали высокие дюны, бугры и возвышенности, которые вполне могут скрывать бывшие постройки. Великий порт Лехеон, где швартовались корабли из Италии и Испании — так плотно, что неба не было видно из-за леса мачт, — ныне превратился в пустынный берег, где ни единый парус не оживляет унылый пейзаж.

Продолжая поиски античного Коринфа, я обратил внимание, что, по мере удаления от побережья, почва постепенно повышается, образуя как бы две широкие террасы. Верхняя терраса, где, собственно, и стоял древний город, сейчас представляет собой длинное холмистое плато, над которым доминировала огромная гора под названием Акрокоринф. Если бы мне понадобилось сравнить с чем-то эту махину цвета львиной шкуры, то я сравнил бы ее с Гибралтаром. Так же неожиданно и круто она взмывает в небо, хотя ростом Акрокоринф затмевает своего собрата — его высота составляет почти две тысячи футов. Массивные склоны горы испещрены множеством лощин и оврагов, а крутые пики ловят солнечные лучи, на протяжении суток меняя цвет — от бледно-розового на рассвете до глубокого сине-фиолетового в часы заката. В тени этого могущественного стража и раскинулся древний Коринф — античный город, развалины которого рассеяны на территории в шесть миль. Мы знаем, что город был обнесен сплошной крепостной стеной, а двухмильная стена соединяла его с портовыми сооружениями Лехеона.

Вначале мне удалось обнаружить лишь семь дорических колонн — то, что осталось от перистиля храма. Они одиноко стояли на

плато, и я подумал: какая горькая ирония — когда любой современный город может похвастать набором из великолепных коринфских колонн, сам античный Коринф не сохранил ни одной! Прохаживаясь по неровной, перерытой земле, я наткнулся на раскопки, которые Американская школа классических исследований ведет с 1896 года. Неожиданно в поле моего зрения появился маленький симпатичный человечек, который хорошо поставленным профессиональным голосом начал излагать историю археологических исследований Коринфа.

Как выяснилось, раскопать удалось лишь часть древнего города, зато самую важную. В результате кропотливых многолетних трудов американцев подземный город начал обретать очертания. Посетив район раскопок, можно увидеть улицы, храмы, бани, фонтаны, публичные площади, несколько портиков, фундаменты древних лавок, одеон и амфитеатр. Прослеживается и линия крепостных стен.

Раскопана почти вся дорога, ведущая в Лехеон: она имеет сорок футов в ширину и вымощена брусчаткой — по восемь камней в ряд. Для отвода дождевой влаги с крыши колоннады (ныне уже исчезнувшей) служили водостоки, которые сохранились в идеальном состоянии. Дорожное покрытие Лехеонской дороги тоже радует: никаких следов колесного транспорта. Объясняется это тем, что дорога спускалась широкими ступенями, то есть не была предназначена для подвод и экипажей. Я смотрел на эти древние камни и думал, что наверняка по ним ступала нога святого Павла.

Еще одно любопытное открытие представляет фонтан Пирены. В античные времена это была одна из самых знаменитых достопримечательностей Коринфа. Усилиями древних поэтов и благодаря туманным высказываниям Дельфийского оракула Коринф стали именовать «городом Пирены». Рассказывая об этом, мой гид взобрался на полуразрушенную стену и углубился в цепочку каменных пещер. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Он сообщил, что во времена святого Павла фонтан представлял собой наполненный водой мраморный резервуар размерами примерно двадцать футов на тридцать и стоял под открытым небом. Вокруг этой чаши была проложена мраморная дорожка, чтобы посетители имели возможность свободно подойти и зачерпнуть воду кувшином. Источником воды был ключ, который бил из скалы, окаймлявшей мраморную чашу. Попасть к источнику можно было через шесть арок, некогда покрытых мрамором. За ними тянулись четыре туннеля, скорее резервуары, примыкавшие к скале. По словам гида, водоснабжение

этих резервуаров составляло сто тысяч галлонов — цифра, поразившая мое воображение.

Затем неугомонный экскурсовод повел меня в сырую подземную камеру. Прежде чем спуститься, он замешкался и тихим голосом предупредил:

— Сейчас мы с вами увидим фонтан — это очень древнее сооружение. Греки скрыли его в этих скалах за много веков до того, как римляне построили Коринф. А спрятали потому, что фонтан грозил иссякнуть. Не забывайте: это священный фонтан. Его охраняли так тщательно, что римляне ходили по поверхности, проложили свои улицы и не знали о чуде, спрятанном под землей. Вы только подумайте! — Он назидательно поднял палец. — Вам предстоит увидеть нечто такое, о чем римляне не догадывались... Даже святой Павел, посетивший Коринф, не знал о фонтане...

Он зажигал одну спичку за другой — так, чтобы я мог рассмотреть фонтан, который на пять столетий старше Иисуса Христа. Моему взору предстали две львиные морды, выступавшие из скалы: некогда из них сочилась вода, которая и питала фонтан.

Это место таило в себе глубочайшую тайну. Возможно, вода и считалась святой, но сам факт ее излияния был более или менее случайным. Львиные пасти вырезали специально, чтобы можно было подносить кувшины и собирать воду. Случись механизму износиться и перестать исполнять свою функцию, жрецы запечатали бы источник и устроили новый. Как странно сейчас, в двадцатом веке, стоять здесь и рассматривать фонтан, о котором коринфяне в эпоху святого Павла уже не имели понятия!

С этим местом связана еще одна тайна. Неподалеку имелся потайной ход, который — как и канал со святой водой — вел к развалинам маленькой гробницы. Полагаю, с помощью этого хода жрецы Диониса демонстрировали свое «фирменное» чудо — превращение воды в вино.

3

Я намеревался попасть на вершину Акрокоринфа в компании крестьян на мулах. Поскольку в Греции отсутствуют твердые цены — исключения составляют лишь сигареты, железнодорожные билеты и патентованные лекарства, — то я принялся яростно торговаться с владельцем свободного мула. Под конец наши переговоры больше смахивали на безобразную ссору, но, так или иначе, мне удалось отвоевать вожаемое средство

передвижения. Я с гордым видом взгромоздился в седло и последовал за своими попутчиками.

Стоило нам ступить на горную тропу, как летний зной обрушился на нас во всей своей ярости. Впечатление было такое, будто мы въезжаем в жерло раскаленной печи. Слава богу, дорога оказалась недолгой: примерно через час мы достигли обширных развалин крепости, которой последовательно владели византийцы, венецианцы и турки. Руины располагались на вершине горы, которая господствовала над южной Грецией.

Здесь я распрощался с попутчиками и направился к одной из будок привратника, через которую можно было попасть на территорию ныне разрушенной крепости. Укрепленные стены по-прежнему карабкались по склону крутого утеса, огораживая площадь примерно в полторы квадратные мили. Раньше, до турецкого завоевания, здесь стоял средневековый город. Теперь тут нет ни единой живой души.

В свое время это была одна из самых сильных и неуязвимых крепостей Средиземноморья. Пробраться в нее можно было только с запада, со всех остальных сторон крепость окружали отвесные стены, обрывавшиеся в пропасть глубиной две тысячи футов. По словам Плутарха, крепость считалась настолько неприступной, что для ее защиты держали всего четыреста человек и пятьдесят псов. О ее стратегическом значении свидетельствует следующий исторический факт. Советники Филиппа Македонского уверяли царя: чтобы овладеть «Морейской короной», необходимо ухватить и крепко держать один рог — гору Акрокоринф.

Мне понадобилось около получаса, чтобы добраться от сторожевой башни до вершины горы, зато я был вознагражден в полной мере. Отсюда открывался один из прекраснейших видов в мире. Перешеек, покрытый виноградниками, напоминал миниатюрную географическую карту, к югу от него лежал Эгинский залив (или Сароникос), из которого поднимались Кикладские острова, а на северо-востоке голубели воды Коринфского залива. Вдалеке вставали горы Беотии: хребты наползали друг на друга, являя взору все оттенки серого и голубого. За Дельфийской долиной высился могучий пик Парнаса. На юго-востоке голубые горы Пелопоннеса постепенно понижались, переходя в далекие холмы Аркадии. Знойное море стояло над Аттикой, но мне рассказывали, что в ясный день с вершины можно разглядеть афинский Акрополь, расположенный в сорока милях за горами Саламина.

Эти полчаса на вершине Акрокоринфа подарили мне больше географических знаний, чем месяцы, проведенные за книгами и

атласами. Здесь я понял, каким образом Коринф приобрел репутацию важнейшего делового центра античного мира. Все дело в его исключительно благоприятном географическом местоположении. Город располагался как раз посередине между Италией и Востоком, на полпути между Египтом, Малой Азией и Западом. Должно быть, Коринф представлял роскошное зрелище в эпоху святого Павла: город, построенный на узкой полоске земли, соединяющей Пелопоннес с остальной Грецией. В его восточном порту собирались египетские, азиатские и финикийские галеры, в то время как грузовые суда из Италии, Испании и Адриатики приходили в западный порт. Огромные фургоны с товарами из Египта, Малой Азии и Сирии постоянно пересекали те несколько миль, которые отделяли Кенхреи от Лехеона: там товары перегружали на корабли, отправлявшиеся на запад. Соответственно, западные товары двигались во встречном направлении — в Кенхреи, чтобы отправиться к покупателям на востоке. Неудивительно, что Коринф, стиснутый между двумя морскими портами, превратился в город-космополит, впитавший все пороки иностранных гостей.

Попав из Афин в Коринф, Павел был поражен резким контрастом между старой интеллектуальной столицей Греции и бурно растущим, ориентированным на материальные ценности насквозь римским городом. Улицы Коринфа заполняли торговцы и дельцы всего мира. Греки, римляне, евреи, сирийцы — всех сюда влекла жажда наживы.

Коринф был еще достаточно молодым городом, когда его посетил святой Павел. Несмотря на это, размерами он мог сравниться с Афинами. А концентрация торговли на Коринфском перешейке способствовала росту города. Практичные греки, сирийцы и евреи быстро осознали все выгоды посредничества между Востоком и Западом. Потомки старых торговых фамилий Коринфа, вынужденных бежать на остров Делос во время катастрофы 146 года до н. э., когда Муммий разрушил город, вернулись на родину с новыми деньгами и новыми проектами развития.

Собственно, деньги — вот та основа, на которой строился Коринф. Здесь не было иной аристократии, кроме денежной. И единственная традиция, которая доминировала в Коринфе, — традиция делания денег. За короткое время Коринф стал символом всех пороков античного мира. Слава Коринфа как самого роскошного и дорогого города гремела по свету, и действительно, стоимость жизни в этом городе превышала все мыслимые границы. Город прославился храмом проституток, посвященном богине

любви Афродите. Одной из таких «жриц любви» была скандально знаменитая Лаиса. Побывавший на ее могиле Павсаний отмечал уместность надгробного памятника: на нем изображалась львица, сжимавшая в когтях жертву. Сам храм Афродиты располагался на вершине горы, в его стенах жила тысяча жриц. И все это — показную роскошь Коринфа и его аморальность — следует принимать во внимание, когда мы перечитываем послание святого Павла к коринфянам.

Стоя на вершине горы, я рисовал в воображении красоту и кипучую деятельность города, в котором апостол провел полтора года жизни. На улицах Коринфа стояло множество статуй — некоторые позолоченные, другие с красными лицами. Попадались прекрасные беломраморные статуи, у некоторых руки и лица были вырезаны из дерева или камня. Поперек дороги на Лехеон стояла Триумфальная арка, поверх которой была водружена колесница из позолоченной бронзы. В ней восседал Гелиос, бог Солнца, со своим сыном Фаэтоном. В Коринфе было множество мощенных мрамором площадей, фонтанов, храмов, портиков с мраморными колоннами, общественных терм и два великолепных театра, устроенных таким образом, что публика имела возможность созерцать поверх вод залива далекий Парнас, на котором даже в июне не таяла снежная шапка.

На вершине Акрокоринфа я провел почти четыре часа. К концу этого срока я с удивлением обнаружил, что человек, одолживший мне своего мула, все еще дожидается меня, хотя я и предупредил, что обратный путь намереваюсь проделать пешком. Его товарищи давно спустились в долину, этот же улегся в тени стены и преспокойно заснул. Я был тронут его добротой и вежливостью по отношению к незнакомому иностранцу — вкупе с полным пренебрежением к потраченному времени. Чтобы хоть как-то отблагодарить великодушного грека, я подарил ему новенькую пачку английских сигарет, чем вызвал неумеренный восторг. Надо сказать, греки безумно любят виргинский табак, но — из-за неумеренных таможенных пошлин — редко могут себе позволить такую роскошь.

Мой проводник был настолько счастлив, что на протяжении обратного пути распевал трогательные малопонятные песни.

В моем отеле появился новый постоялец — маленький пухлый грек, смахивающий на раскормленного гнома. Этот забавный человечек демонстрировал изысканные манеры за столом. Царившая жара действовала на него весьма странным образом. Он, похоже, таял, но при этом не становился тоньше. Поскольку мы были единственными жильцами гостиницы, наше сближение казалось неминуемым. Дело кончилось тем, что однажды мы оказались за одним столом. Он был подчеркнуто вежлив: никогда не садился раньше меня, любое простое действие — будь то передача соли или перца — обставлял с торжественностью ритуала. По сути, он обращался со мной, как в мелодрамах старый порочный маркиз с молоденькой прелестной инженерю. Пытаясь отгадать профессию своего нового знакомого, я отнес его к классу торговцев коринкой. Но, как выяснилось, ошибся. Он зарабатывал на жизнь, устраивая для иностранцев ознакомительные путешествия по Греции. Слово «гид» ему почему-то не нравилось, он предпочитал называться агентом. Он только что вернулся из поездки в Дельфы, куда возил одно баснословно богатое американское семейство. Всякий раз, как вспоминал своих клиентов, он важно надувал щеки и делал неопределенное движение рукой в воздухе — очевидно, загребал невидимое золото. Он бегло говорил по-английски, но с таким чудовищным акцентом, что я не всегда его понимал.

Когда мы познакомились поближе, бахвальства у него поубавилось, и это сильно упростило наши отношения. Мой новый приятель, как и большинство его соотечественников, был достаточно умен и сообразителен. Будучи выходцем из деревни, он оказался подлинным кладезем сельских историй и обычаев. Он почему-то вбил себе в голову, что я пишу книгу по греческому фольклору, и потому старательно снабжал меня информацией из этой области. Каждую свою историю он начинал словами: «Это вам надо обязательно записать». После чего старательно заглядывал мне через плечо, чтобы убедиться, что я пишу все верно.

В частности, он рассказал мне, что в некоторых областях Греции пастухи трижды в год выбрасывают толику зерна — чтобы умиловить некое «чудовище», которое способно навести порчу на овец.

— И что это за чудовище? — поинтересовался я.

— Это Пан, — отвечал мой собеседник. — Тот самый, козлоногий.

Кроме того, он сообщил, что современные крестьяне до сих пор верят в наяд и дриад из классических легенд. Говорят, по всей стране сохранились пещеры и деревья, где обитают эти

мифические девы. Наяды предстают в виде прекрасных белокожих женщин, ростом выше среднего. Их часто можно видеть вечерами где-нибудь на опушке оливковой рощи. Если увидишь такую красотку, нужно трижды перекреститься и поскорее бежать. Особенно много наяд водится в Спарте. Кроме того, была замечена целая компания весельчаков, которые любят ночами плясать на вершине горы Тайгет, а вместо ног у этих существ — ослиные копыта.

Греки любят рассказывать истории о наядах, которые вышли замуж за обычных мужчин. Почти в любой деревне найдется человек, у которого прабабушка — наяда. Подобно девам-тюленям из фольклора Гебридских островов, nereиды тоже неизбежно покидают своих мужей и лишь изредка возвращаются повидаться с детьми. Наяды всегда обретаются возле воды, поэтому в некоторых областях Греции их называют «томимыми жаждой». Считается, что наяды могут похищать людей, и крестьянские матери опасаются в сумерки отпускать своих детей к источнику.

Выслушивая эти фантастические истории, я подозревал, что мой приятель слишком умен и образован, чтобы в них верить. Тем не менее я со всей серьезностью заявил, что в такой древней стране, как Греция, вполне допустимо появление различных магических существ. После чего спросил, а доводилось ли ему самому сталкиваться с наядами?

Он замешкался. Я видел, как в его душе современный образованный человек борется с простым греческим крестьянином. Наконец, с заметным усилием, он произнес:

— Однажды вечером в Спарте я видел какое-то странное создание. Дело происходило в оливковой роще... Да, думаю, это была наяда.

Это признание как-то сблизило нас. Слушая его истории, я внезапно подумал: а ведь в основе всех греческих суеверий лежит не что иное, как классическая литература. Боги, нимфы, сатиры — все мифические персонажи — превратились в современных великанов-людоедов и привидения. Сотни сугубо греческих святых — чьи гробницы разбросаны по склонам диких гор или же стоят возле одиноких источников — либо новообращенные духи, либо некие христианские персонажи, помещенные туда для противодействия языческому влиянию.

Как-то за вечерней беседой мой приятель поведал мне, что исцелился от неведомой болезни, посетив чудотворную гробницу на острове Тинос.

— Посмотрите на меня сейчас! — воскликнул он, ударяя себя в грудь. — Разве я не здоровяк? Ни за что не скажете, что в свое

время я был похож на бледную тень! А ведь так и было. Я умирал. А затем съездил на Тинос и вернул себе здоровье.

Эта история меня заинтриговала, потому что я уже неоднократно слышал о чудотворной иконе с острова Тинос. Известно, что в процессе христианизации Греции многие языческие обряды выжили: они были поглощены новой религией и благодаря этому соблюдаются по сей день. Возможно, самым ярким примером тому служат ежегодные паломничества на остров Тинос, которые происходят в марте. Тысячи бедняг — хромых, кривых, парализованных — отправляются на остров и проводят ночь в крипте местной церкви. Таким образом сохраняется известный с античных времен обычай спать в храме. Подобная форма врачевания была распространена по всей Древней Греции, особенно в Эпидавре. Я попросил своего собеседника рассказать подробнее, как проходит лечение на острове.

— Я был настолько болен, — начал он свой рассказ, — что едва мог передвигаться самостоятельно. Но там все были больные. Тысячи людей поднимались ползком на холм, где стояла церковь, — кто на коленях, кто на руках. Некоторых катили родственники на колясках. Среди них были слепые или те, кто потерял руку или ногу. Несчастные со всей Греции приехали на Тинос. Ночь перед торжественной службой я провел в пещере под церковью — той самой, где когда-то нашли икону. Туда набилась целая толпа. Все прибыли со своими постельными принадлежностями. Перед сном мы выпили святой воды из источника, а потом постарались заснуть. Утром мы отправились на службу и приложились к чудотворной иконе. Она совсем маленькая и вся покрыта серебром. После этого я почувствовал, что здоровье понемногу возвращается ко мне. Не могу передать, какое счастье я испытал! Все это случилось много лет назад, и с тех пор я в полном порядке...

Через несколько дней мой агент покинул Коринф, ему предстояло везти группу туристов в Афины. Мне довелось еще раз с ним встретиться. Я увидел его стоящим на руинах Коринфа: хорошо поставленным, профессиональным голосом он что-то рассказывал компании англичан. Я помахал ему издали, а он снял шляпу и отвесил мне низкий поклон.

5

Во время своего пребывания в Коринфе святой Павел наверняка видел большую часть зданий, которые сейчас раскопаны

археологической экспедицией. Он видел Фонтан Пирены, дорогу на Лехеон, те улицы, чьи фундаменты ныне обнажены, ну и, конечно, семь колонн, оставшихся от величественного храма Аполлона.

Существуют, однако, две реликвии, которые связаны непосредственно с апостолом. Одна из них представляет собой камень с частично сохранившейся надписью на греческом языке. Предполагается, что этот камень располагался у входа в еврейскую синагогу. А вторая — план базилики, в которой вершил свой суд римский проконсул Галлион. В более поздний период это помещение расширили, однако при раскопках выявились первоначальные контуры здания — такие, какими они были при Павле.

Я пришел туда ранним утром, чтобы еще раз перечитать Послание к Коринфянам. Устроился с максимальным комфортом: уселся на стену, используя капитель мраморной колонны как подставку под спину. Под ногами у меня лежали заросшие травой развалины того зала, где некогда собиралась важная публика, а ныне резвились на солнышке зеленые ящерицы. Сейчас я сидел буквально в пяти минутах ходьбы от того места, где жили коринфские воспитанники Павла.

Я представляю себе Павла в Коринфе — немолодого уже человека, утомленного годами странствий и лишений; на спине его шрамы, оставленные филиппийскими ликторами, в душе память о преследованиях в Фессалонике, а в ушах до сих пор звучит издевательский смех афинских философов. Он сам признавался: «И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете»³⁸.

Павел не собирался надолго задерживаться в Коринфе. Это явствует из его Послания к Фессалоникийцам (2:17–18), которое он писал, находясь в Коринфе. Апостол намеревался как можно скорее отправиться на север, снова в Македонию. Он с нетерпением дожидался прибытия Силы и Тимофея, чтобы вместе с ними вернуться и продолжить в Фессалонике ту работу, которую им пришлось прервать из-за происков иудеев. Возможно, в душе его по-прежнему звучал приказ свыше идти в Македонию, и он горько корил себя за то, что поддался уговорам друзей и бежал в Афины.

Оказавшись в Коринфе, Павел, должно быть, вспоминал родной Иерусалим. Ибо Красные ворота Храма Ирода — те самые, возле которых Петр и Иоанн повстречали хромого человека³⁹, — которые так часто доводилось видеть самому Павлу, были изготовлены из знаменитой коринфской бронзы. Иосиф Флавий описывал их как «бронзовые ворота, являющиеся воротами Внутреннего Храма, которые выходят на восход солнца» (или на Масличную гору); он же

сообщал, что ворота были столь тяжелыми, что требовались усилия двадцати человек, чтобы их закрыть.

Коринфская бронза была сама по себе дорогой, а в подобных количествах представляла собой нечто неслыханное. Красные ворота обошлись Ироду в такую цену, что лучше уж он оббил бы их золотом и серебром. Полагаю, воспоминания о родном городе, притаившемся среди оливковых рощ и виноградников Иудеи, лишь добавляли тяжести на сердце апостола. И, чтобы избавиться от этой грусти, судьба даровала Павлу знакомство с двумя людьми, знакомство, которое впоследствии переросло в плодотворное сотрудничество — одно из самых прекрасных в истории апостольского христианства.

В Коринфе Павел повстречал семейную пару — Акилу и Прискиллу, лишь недавно перебравшихся из Рима. Акила был евреем «родом из Понта». Относительно же Прискиллы доподлинно неизвестно, являлась ли она еврейкой. Ряд ученых, к каковым относится и сэр Уильям Рамсей, полагают, что она принадлежала к знатым римлянкам.

Из Деяний мы узнаем, что супруги вынуждены были покинуть Рим, «потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима»⁴⁰. Римские историки называют причиной такого изгнания мятежное поведение иудеев, «которых подстрекал некий возмутитель по имени Хрестус». Заманчиво думать, что здесь мы сталкиваемся с первым упоминанием христианства в Риме.

И сегодня на плоской равнине Коринфа — под сенью виноградника или же на заднем дворе греческой фермы — стоит маленький беленый сарайчик, в котором Павел, Акила и Прискилла собирались вместе, чтобы заработать на жизнь. По счастливой случайности они оказались коллегами: Акила с женой тоже были обойщиками, то есть, как и Павел, изготавливали войлочные палатки и чинили порванные паруса. Тем временем лето близилось к концу, надвигались осень и зима, когда ремесло обойщика было особенно в цене. Коринф, в котором было два морских порта, с избытком обеспечивал их работой. В Лехеоне и Кенхреях стояло множество судов, мечтавших к началу судоходного сезона привести свои паруса в порядок.

Как известно, шитье — монотонная работа, которая, как никакая другая, располагает к размышлениям и неспешной беседе. О чем же беседовали Павел и Акила в те долгие осенние вечера, пока накладывали стежок за стежком на парусину? Полагаю, разговор у них шел о столице Римской империи. Судьба впервые близко свела Павла с иудеем, который достаточно долго жил в Риме, хорошо изучил его нравы и мог подробно ответить на

многочисленные вопросы апостола. Я нисколько не сомневаюсь, что мыслями Павел возвращался к столице империи. Рим всегда был в фокусе христианской церкви, о которой грезил Павел. Однако именно в эту зиму, проведенную в Коринфе, Павел принял окончательное решение посетить Рим. Сколько раз он, наверное, отправлялся в Лехеон и с жадностью рассматривал римские галеры, входившие в порт. Он стоял в толпе праздных зевак, наблюдал, как поднимают сходни, как надуваются ветром паруса и корабли один за другим выходят в плавание.

Акила много рассказывал апостолу о христианской церкви в Риме. В то время управлял ею Петр — согласно традиции, позиции Петра были очень сильны в эпоху правления императора Клавдия. Монсеньор Барнс придерживается иной точки зрения. Он считает, что гонения Клавдия распространились и на святого Петра: якобы апостол вынужден был покинуть Рим вместе с Акилой и Прискиллой и приехать с ними в Коринф. Правда, если и так, это произошло еще до того, как Павел появился в Коринфе. Так или иначе, мы не имеем свидетельств, что оба апостола встречались в Коринфе.

В канун субботы Павел и Акила откладывали в сторону работу и зажигали специальную ритуальную лампу. Наутро Павел отправлялся в синагогу, где проповедовал Евангелие от Христа. Затем суббота оканчивалась, и начиналась новая рабочая неделя.

Удивительно, насколько просто и естественно эпизоды коринфской жизни вплетаются в повествование рассказчика. Мы знаем, что в Филиппах и Галатии Павел «был... в немощи и в страхе и в великом трепете». А потому добросердечные филиппийцы и галаты не могли даже допустить возможности, чтобы апостол — с его слабым зрением — корпел над шитьем, дабы заработать парутройку жалких сестерциев. Они щедро делились с апостолом деньгами и пищей, и тот с благодарностью принимал благодеяния. Однако все было иначе в Коринфе и Фессалонике. В этих крупных торговых городах все подчинялось погоне за прибылью, и Павлу — чтобы не умереть с голоду — приходилось трудиться. Зарабатывал он немного, считал каждый трудовой сестерций. Поистине смешно: он находился в богатейшем городе мира (если не брать в расчет Антиохию Сирийскую), но чувствовал себя самым бедным человеком на свете. Павел знал: стоит попросить о помощи или даже принять то, что ему предлагали, и он получил бы поддержку, правда, под недовольное ворчание. Увы, в жизни чаще всего так и происходит: мы редко получаем финансовую помощь от богатых приятелей, и для этого нам приходится спрятать гордость в самый дальний карман. А Павел сполна обладал этим качеством: ему присуща была гордость богача, который внезапно превратился в нищего.

Существовала и еще одна причина щепетильности Павла. Ее изложил Дж. С. Дункан в книге «Пасторская миссия святого Павла в Эфесе»:

Павел не согласился бы взять ничего, что выглядело платой от тех, с кем он работал. Однако во имя распространения Евангелия он был готов принимать поддержку церквей, которые в прошлом основывал. В соответствии с этим принципом мы можем проследить высокую апостольскую идею миссионерского признания: в каждый город он входил как «посланец». И чувствовал, что необходимую поддержку он должен получать от тех, кто его посылал, а не от тех, к кому он шел. Подобная позиция выглядела весьма закономерной в языческом мире. По сути, это была уже знакомая нам фигура философа или религиозного лидера, окруженного собственными учениками. И учитель жил на те деньги, которые платили ему ученики. Если бы не особая щепетильность Павла, он тоже мог бы следовать такому принципу. И действительно, часть проблем, с которыми Павел столкнулся позже в Коринфе, проистекала от тамошней братии, с учетом тех принципов Божьей Церкви, в соответствии с которыми они выбирали, кто для них предпочтительней в роли учителя — святой Павел или Аполлос.

На протяжении всей зимы Павел вел однообразную жизнь — трудился в мастерской и проповедовал Слово Божие. Однако, сохраняя внешнее спокойствие, он отчаянно мечтал о возвращении в Македонию. С большим нетерпением ждал он возвращения Силы и Тимофея. А пока ощущал себя пленником, запертым между замерзшим заливом и непроходимыми горными перевалами. Чтобы как-то скоротать время, Павел регулярно проповедовал в синагоге и сумел обратить в свою веру большое количество народа. В отсутствие Тимофея он вынужден был собственноручно крестить новообращенных. Обычно он избегал это делать, чтобы не навлечь обвинений со стороны врагов — мол, крестит от собственного имени.

Сила и Тимофей появились только весной. Своего лидера они застали, как всегда, в обстановке крайнего возбуждения — умственного и душевного. Павел проповедовал с небывалым пылом, и его успех снова восстановил против него врагов из числа иудеев. Их враждебность вылилась в ужасную сцену. Во время спора, завязавшегося в синагоге, евреи проклинали Иисуса Христа. Нечто

подобное позволили себе несколькими годами ранее евреи Антиохии Писидийской. При виде такого богохульства Павел и Варнава отвернулись от евреев и обратились к язычникам. Теперь эта отвратительная ситуация повторилась. В гневе и ненависти коринфские евреи швырнули в лицо апостолу старое, испытанное оскорбление: всякий, принявший смерть через распятие, проклят! Войдя в раж, иудеи стали визжать: «Анафема! Анафема! Проклятие на Иисуса!» Святой Павел пришел в крайнюю степень гнева. Поднявшись, он исполнил жест отречения, знакомый еще со времен Нехемии: он, «отрясши одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне я иду к язычникам»⁴¹. С этими словами Павел покинул синагогу, чтобы никогда больше в нее не возвращаться.

После этого коринфские христиане стали собираться в доме римского колониста, чтущего Бога. Звали его Тит Иуст, и был он, очевидно, зажиточным и уважаемым горожанином. Как часто бывает в подобных ситуациях, членам синагоги предстояло сделать выбор. Апостол порвал с синагогой, и теперь евреи должны были либо полностью перейти на его сторону, либо остаться в стенах старой синагоги. Среди тех, кто встал на сторону Павла, был «начальник синагоги» по имени Крисп. Павел собственноручно крестил его, как крестил ранее Гая.

С этого момента история христианской церкви в Коринфе приобретает новое значение. На время апостол отложил в сторону мечты о Македонии, поскольку было ему видение, которое стало для Павла путеводной звездой. «Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла; потому что у Меня много людей в этом городе»⁴².

Лука — с характерной лаконичностью, оставляющей простор для фантазии читателя — так описал этот эпизод в Деяниях: «И он оставался там год и шесть месяцев, поучая их слову Божию»⁴³.

Это был самый длительный период, который Павел провел в одном месте с тех пор, как пустился в свои миссионерские странствия. Для апостола жизнь в Коринфе стала периодом ожесточенной борьбы. Новости, которые Сила и Тимофей доставили из Македонии, снова заставили Павла взяться за перо — так родились два Послания к Фессалоникийцам. Оба письма были отправлены из Коринфа с целью напомнить фессалоникийским христианам о чувстве долга и помочь им превозмочь страх перед ожидаемым концом света.

Не исключено, что это были первые послания апостола, хотя некоторые ученые настаивают, что к тому времени уже существовало Послание к Галатам. Интересно отметить следующий факт: хотя послания Павла являлись «первыми ласточками» такого рода литературы — они представляют собой наставления любящего и заботливого пастора, пекущегося о моральном и духовном облике паствы, — они имели прецедент, циркулярные письма, которые рассылал иерусалимский Синаггорион по многочисленным синагогам диаспоры. Благодаря этим циркулярам, миллионы евреев, рассеянных по всем концам Римской империи, получали сведения о ежегодном календаре религиозных праздников, о новых установлениях и прочие важные известия, которые связывали раздробленный народ с его теократическим правительством.

К концу восемнадцати месяцев, проведенных Павлом в Коринфе, местная христианская церковь неимоверно выросла в размерах. В своих комментариях к Деяниям Р. Б. Ракхэм пишет: «Число новообращенных значительно увеличилось, и все они принимали Божие Слово с неподдельным энтузиазмом. Тот период характеризовался вспышкой разнообразных духовных дарований: среди прочего можно назвать случаи пророчества и “дар языков”^[39]. Церковь представляла собой развивающийся организм, чья жизненная энергия выражалась в разнообразии пастырских функций: здесь были апостолы и пророки, учителя, чудотворцы, целители, всевозможные помощники, управители и “молящиеся языками”. Подобный всплеск энтузиазма вносил ощутимый беспорядок в собрания. Такой рост — едва ли не чрезмерный — в определенной степени поощрялся официальными властями, которые освобождали христиан от преследований».

А что же иудеи? Они заняли выжидательную позицию. Их долгое и упорное бездействие могло означать лишь одно: иудеи ждут удобного момента, когда появится возможность нанести удар по юной христианской церкви, а заодно и по ее ненавистному апостолу. Они посчитали, что такой момент наступил, когда в Ахайю прибыл новый проконсул — Юний Анней Новат Галлион. Этот человек лишь мельком упоминается в Деяниях, а между тем он заслуживает всяческих похвал благодаря своему мягкому и благородному характеру. Он являлся отпрыском знаменитого рода: родился в Кордове (Испания) в семье Луция Аннея Сенеки и его жены Гельвии. У него было два младших брата: Л. Анней Сенека стал знаменитым философом, наставником императора Нерона, а Анней Мела — отцом эпического поэта Лукана. Почему старший из сыновей носил имя Галлиона, следует пояснить особо: дело в том, что будущий прокуратор был в свое время усыновлен другом отца,

известным ритором по имени Юний Галлион, и, соответственно, взял его имя. Этот человек удостоился нескольких упоминаний в античной литературе. В частности, Сенека посвятил ему философские диалоги «О гневе» и «О счастливой жизни». Он восхвалял его обаятельный нрав; это же качество отмечал поэт Стаций, который называл своего друга «милым Галлионом».

И этот образованный и «милый» человек, едва получив назначение на высокий пост проконсула Ахайи, оказался вовлечен в исключительно глупый и бессмысленный спор иудеев. Враги Павла постоянно меняли тактику борьбы, приспосабливаясь к форме правления в том городе, где разворачивался конфликт. Мы уже видели, как они действовали в римской колонии — строили обвинения на законодательной базе. В свободном греческом городе они предпочитали использовать демагогию. В Коринфе их методы борьбы приобрели новый — и весьма тонкий — оттенок, который невнимательный читатель может и не заметить. Они понимали, что если просто обвинить Павла в неуважении к иудейской религии, это не даст желаемых результатов. Требовалось нечто более драматичное, что не только произвело бы впечатление на проконсула, но и напугало бы еще не свыкшегося с должностью Галлиона. В итоге «напали иудеи единодушно на Павла»⁴⁴. На практике это означало, что они устроили настоящую демонстрацию для привлечения внимания городского начальства, а затем привели апостола на судилище в базилику, поставив перед *бемой*^[40]. И обвинили его в том, что «он учит чтить Бога не по закону».

Суть обвинения заключалась в следующем: иудаизм, как форма поклонения божеству, подпадал под защиту римских законов, и Павел нанес оскорбление узаконенной религии. Это был образчик типичной еврейской казуистики, а поддержку оказывала собравшаяся толпа «обиженных». Вся картина приводит на память шумную сцену, разыгравшуюся в присутствии Понтия Пилата.

Галлион, однако, не поддался на провокацию и проявил завидное спокойствие. Ах, как бы я хотел присутствовать при этом зрелище! Облаченный в белую тогу брат Сенеки восседал в кресле, с одной стороны от него тянулась обрамленная колоннами дорога на Лехеон, а с другой — возвышалась огромная масса Акрокоринфа. Солнце играло на бронзовых шлемах римских легионеров, рядом стояли ликторы с заготовленными орудиями наказания. А перед проконсулом на цветном мраморном полу скорчился Павел. Можно представить, как Галлион повелительно вскинул руку, и шум в стане иудеев постепенно смолк. Проконсул выслушал обвиняющую сторону, затем — даже не дав раскрыть рта апостолу — повернулся в сторону евреев и объявил: «Иудеи! Если бы какая-нибудь была

обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушивать вас. Но когда идет спор об учениях и об именах и о законе вашем, то разбирайтесь сами. Я не хочу быть судьей в этом».

Ликторам был дан приказ очистить место судилища. Но поскольку вердикт проконсула напрямую касался собравшихся язычников, они разошлись не скоро. Они схватили Сосфена, начальника синагоги, и долго били его перед зданием судилища. Прокуратор же не обратил на это ни малейшего внимания: «Галлион ни мало не беспокоился о том».

Этот вошедший в историю приговор многократно обсуждали христианские писатели. Ему давали множество толкований, часто несправедливых. Недопустимо, на мой взгляд, что имя Галлиона стало синонимом безразличия к серьезным вопросам. Этот человек являл собой образец образованного и воспитанного римлянина, подлинного аристократа. Он потратил время, выслушал глупое, сфабрикованное обвинение и вынес решение. Толпа согласилась с ним. Если они решили навешать колотушек мстительному раввину, вызвавшемуся представлять мнение злобной и нечестной толпы, — что ж, это их дело! Злодей получил по заслугам.

«Галлиону до этого не было дела».

Павел остался еще на какое-то время в Коринфе, заканчивая свои труды. Минуло полтора года с тех пор, как он впервые пришел в этот город. За это время в Коринфе выросла большая, процветающая церковь. Настало время уходить. Выждав несколько дней, апостол нашел корабль, отправлявшийся к сирийским берегам, в Эфес, и вместе со своими возлюбленными помощниками Акилой и Прискиллой взошел на палубу.

Так Павел на время распрощался с Коринфом.

6

Первое послание к Коринфянам было написано примерно через три года после того, как Павел покинул этот город. Второе письмо появилось еще через год, в то время апостол путешествовал по Македонии, готовясь нанести последний визит в Коринф.

Если читать эти послания внимательно, можно почерпнуть важные подробности из жизни первых христианских общин. Один только список имен коринфских новообращенных говорит о многом. Он, скорее, напоминает список жителей какого-нибудь итальянского или греческого города. И это вполне понятно: ведь Павел проповедовал в основном среди язычников, большую часть которых составляли римские колонисты и греческие торговцы. Мы

находим такие имена, как Тит Иуст, Гай, Крисп, Кварт, Фортунат, Терций (который, кстати, оказался превосходным писцом — именно он под диктовку апостола написал Послание к Римлянам). К ним следует добавить троих евреев — Лукия, Ясона и Сосипатра, а также некоего влиятельного горожанина по имени Эраст, который, очевидно, являлся казначейщиком Коринфа. Вообще же, в массе своей христиане были выходцами из рабочего люда — «не слишком могущественные, не слишком благородные». Целый день они трудились в поте лица, а вечерней порой спешили в дом Иуста, дабы вкушать от вечера Господней.

Нам известно, что дом этот располагался неподалеку от синагоги, а поскольку синагоги обычно строились вблизи проточной воды, то резонно предположить, что жилище Иуста стояло где-то на склоне Акрокоринфа. Однако я исследовал расположение местности и пришел к другому мнению. Скорее всего, указанный дом находился не в центре города, а на рабочей окраине — в так называемом «районе горшечников», который американские археологи раскопали на краю плато. Сегодня здесь можно видеть целый лабиринт фундаментов — все, что сохранилось от некогда густо населенного ремесленного района Коринфа. Окаменевшие кучи серой глины обозначают те места, где раньше стояли печи для обжига. Кроме того, здесь присутствуют огромные мусорные кучи, из которых археологи извлекают сотни тысяч пробных образцов, в свое время выброшенных за негодностью, а также формы для изготовления статуэток и других гончарных изделий. А почему бы не предположить, что Тит Иуст принадлежал к знаменитому семейству Титов — коринфских гончаров, чьи изделия, по словам Страбона, ценились во всем Средиземноморье?

Такое предположение дало бы разумное объяснение богатству и достаточно высокому положению, которое христианин занимал в городе. А заодно подтвердило бы мою теорию о том, что его дом располагался на рабочей окраине, в «районе горшечников», где, кстати, вполне могла бы оказаться и синагога.

Совсем нетрудно, стоя на камнях, которых касалась нога святого Павла, представить себе Коринф воскресным вечером полторы тысячи лет назад. Мужчины и женщины поспешно шли по улицам, со всех сторон облепленным тавернами. В этих кабаках кипело веселье: моряки из Тира, Александрии и Карфагена с увлечением били физиономии своим коллегам из Остии, Сиракуз и Кадиса. Но такого рода развлечения не привлекали коринфян, о которых мы рассказываем. Они поспешно пересекали улицы и залитые лунным светом площади, на которых каменные лики богов и правящего императора освещались светом горящих жаровен. Вот,

оставляя в стороне священные рощи Афродиты Азиатской, они сворачивают в один из темных переулков «горшечного квартала» и спешат к дому Иуста. Павел со своими неизменными спутниками — Силой и Тимофеем — тоже там. Он приветствовал собравшихся и представил им новых членов христианской общины — Акилу и Прискиллу. После чего начал читать проповедь, сопровождавшуюся пением религиозного гимна. Каждая такая встреча завершалась вкушением вечери Господней, и в этом ритуале все были равны — бедные и богатые сидели рядом. Но из единой ссылки на святость этого ритуала, которая встречается в Первом послании к Коринфянам, мы можем сделать вывод, что далеко не всегда в первых христианских общинах он носил форму священной трапезы.

Жители Коринфа, проходя ночью мимо дома Иуста и слыша голоса, наверняка пользовались случаем, чтобы заглянуть в незанавешенное окно. И что же они видели? В слабом свете лампы стоял человек, который рассказывал историю о Ком-то, Кто призывал: «Сие творите в Мое воспоминание»⁴⁵. И мог ли этот случайный свидетель предвидеть, что подобные безобидные сборища, множась во всех городах мира, в конце концов станут причиной разрушения храмов мраморным и бронзовым богам?

К сожалению, далеко не все коринфские питомцы Павла оказались подобными тем первым христианам, которые описаны в «Знаке креста». Это были обычные мужчины и женщины, вынужденные любыми способами выживать в языческом обществе. Некоторым из них приходилось орудовать на больших дорогах и на окольных тропах и затем искупать свои грехи. «Ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас», — писал Павел членам своей церкви. Едва личный пример апостола перестал поддерживать их, в сообщество христиан прокрались зависть, безнравственность и прочие пороки. Как раз Первое послание к Коринфянам и направлено на борьбу с этими пороками.

Это письмо дает нам исключительную возможность заглянуть в жизнь языческого города и быт первых христианских общин в подобных условиях. За короткий период отсутствия Павла в христианскую общину просочились: раскол, судебные тяжбы, растущая безнравственность, пьянство, обжорство и даже неуважение к вечере Господней. Маленькая церковь неотвратимо сползала в болото язычества. Священная трапеза превращалась в обычный церковный праздник, на котором мужчины и женщины предавались пьянству. Христианская община была слишком маленькой и слабой, чтобы противостоять роскоши и беспутству, царившим в Коринфе. Напуганные этим возвратом языческих

нравов, некоторые члены ударились в неумеренный аскетизм, иные же искали спасения в *антиномии* — греховной теории, доказывающей, что моральная распущенность не способна замарать душу человека.

Наиболее ревностные были озабочены вопросами, которые современным верующим даже трудно понять. Их волновало, например, может ли добрый христианин есть мясо, подносимое в качестве жертвоприношения божеству. Сегодня эти проблемы кажутся нам надуманными и даже фантастическими, но они были весьма актуальны для христиан, живших в языческом окружении. В античные времена все жрецы являлись в некотором смысле мясниками. По закону они имели право на часть мяса приносимого в жертву животного. Это мясо они, как правило, продавали на городском рынке. В древнегреческом языке фактически не было слова «мясо» как такового — вместо него употреблялось слово, обозначающее жертвенное животное. Вопросы, которые первые христиане задавали своему апостолу, касались повседневной жизни: например, допустимо ли есть мясо, пожертвованное языческому божеству? Возникали и общественные проблемы. Скажем, сосед-язычник приглашал на обед. Должны ли они поинтересоваться, из какого храма поступило мясо?

Кроме того, возникали проблемы, связанные с положением женщин. И вопросы эти были достаточно насущными, потому что среди новообращенных оказалось немало женщин. Не менее важными казались вопросы относительно семейных уз. Они были тем более острыми, что христиане первого века верили: второе пришествие свершится еще при их жизни.

Ничто, пожалуй, в посланиях Павла не вызывало столько кривотолков, как совет холостым христианам, который в «Авторизованной версии» переводится прямолинейно: «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться». Однако я уверен — когда апостол писал эти слова, он, конечно же, не имел в виду адское пламя в душе. Мне кажется, более точным будет перевод: «Лучше вступить в брак, нежели сгорать от страсти».

Немало вопросов возникло в связи с высказыванием Павла о покрывале на голове женщины. Он утверждал, что женщина не должна молиться с непокрытой головой. Она должна носить покрывало или же «свой знак власти над нею» — как переводится в «Авторизованной версии», «знак власти на своей голове». Объяснение этому загадочному утверждению предлагает сэр Уильям Рамсей в книге «Города святого Павла».

На Востоке, — пишет он, — вуаль на голове женщины символизирует силу, честь и достоинство. С покрытой головой женщина может идти куда угодно, и везде ей будут обеспечены безопасность и глубокое уважение. В таком виде она невидима для окружающих. Считается исключительно дурным тоном, если кто-нибудь на улице обращает внимание на женщину под покрывалом. Она желает пребывать в одиночестве. Остальные люди для нее не существуют, как и она для них. Такая женщина выше толпы. Она идет по своему выбору, и ей должны уступать дорогу. Если посторонний мужчина попытается воспрепятствовать ей или как-либо досадить, то у него возникнут большие проблемы в восточном городе. Он может даже распрощаться с жизнью. Дом мужчины — его крепость, если в нем находится женщина. В противном случае — без женщины — любой незнакомец может войти в этот дом не только как гость, но и как временный хозяин.

Однако женщина без покрывала — никто и ничто, всякий может ее обидеть и оскорбить. Восточный человек — если он не сведущ в западных обычаях — склонен относиться к европейской женщине на улице без должного почтения: он может толкнуть ее или еще как-то проявить свое неуважение. Если женщина скинет покрывало и появится на улице без него, она теряет свои достоинство и власть. Таковы восточные обычаи, с которыми святой Павел столкнулся в Тарсе.

В Первом послании к Коринфянам Павел коснулся и вопроса, который волновал многих из паствы, а именно — воскрешения из мертвых. Спокойная красота его слов призвана утишить боль расставания, где бы те ни были зачитаны: «...Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших... Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе... Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении. Сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе... Когда же тленное сие обречется в нетленное и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?»⁴⁶

В этом же письме мы находим прекрасный гимн Состраданию — или Любви, как переводит «Авторизованная версия». Слова эти часто произносятся во время ритуала бракосочетания.

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий... Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла; не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

Вполне вероятно, что в промежутке между этим письмом и Вторым посланием к Коринфянам Павел еще раз ненадолго съездил в Коринф. В то время морское путешествие из Эфеса было несложным и занимало совсем немного времени. Но на сей раз визит в Коринф доставил апостолу глубочайшую боль. Неизвестно в точности, что там произошло. Возможно, его авторитет оказался подорван благодаря проискам врагов — соперничающей миссии еврейских христиан. Они опровергали учение святого Павла и умаляли его достижения и личные заслуги. Высказывалось даже предположение, будто один из коринфских обращенных оскорбил апостола.

Когда Павел с разбитым сердцем вернулся в Азию, он написал «суровое письмо» коринфянам, но оно не сохранилось. Некоторые критики считают, что отдельные фрагменты этого письма вошли во Второе послание к Коринфянам (в виде частичных включений в главы 10–13). На мой взгляд, это вполне объяснимая ошибка, если учесть отсутствие печатных изданий в ту эпоху и многократные рукописные копии, возникшие за прошедшие столетия.

Во время пребывания Павла в Эфесе случился мятеж среди серебряных дел мастеров. Это событие ускорило отъезд апостола из этого города, в котором он и так пробыл слишком долго. Павел решил еще раз навестить Коринф. Находясь в пути (скорее всего, где-то в Македонии), он написал Второе послание к Коринфянам. В этом письме апостол разрывается между противоречивыми чувствами: с одной стороны, он ощущал счастье, с другой — давал выход обиде и досаде. Он обрушивался с упреками на «сверхапостолов», которые унижали его в Коринфе. В то же время он радовался близкой встрече с членами своей церкви, обсуждал предстоящие дела — в частности, сбор денежных пожертвований в пользу бедных иерусалимских христиан.

Письмо ненамного обогнало Павла. Вскоре апостол и сам прибыл в Коринф и провел там несколько месяцев.

Среди ночи меня разбудил ужасный шум. За окном что-то гремело, окна и двери хлопали. Сначала с перепуга я даже подумал об очередном землетрясении, но выяснилось, что всего-навсего начался ливень. Тугие струи дождя яростно барабанили по крыше гостиницы, половинки ставен болтались, выдравшись из петель. Растрескавшаяся, пересохшая за лето земля была не в состоянии впитать такое количество влаги, и по ней текли шумные потоки.

Утром я рискнул выехать в сторону порта Кенхреи, который находился всего в пяти милях от Коринфа. Однако благодаря ночному ливню дорога — обычный пыльный проселок — превратилась в размокшую, скользкую кашу. Примерно на протяжении мили мы — опираясь на силу торможения — пытались бороться с силами скольжения, но в конце концов потерпели полное фиаско. Наш автомобиль безнадежно увяз, и, чтобы вытащить его, пришлось прибегнуть к помощи местного крестьянина и двух мулов. Это малоприятное занятие натолкнуло меня на весьма полезную мысль: я подумал, что до Кенхрей можно ведь добраться и иным путем. Вернувшись в Коринф, я позвонил в Афины своему другу, который имел кое-какие связи в Службе каналов и мог помочь в аренде моторной лодки. Затея увенчалась успехом, и на следующее утро я выехал в центральный офис в Каламаки.

Стоя на маленьком каменном пирсе, расположенном на восточном конце канала, я наблюдал за маленькой лодочкой, которая прокладывала путь по абсолютно гладкой, маслянистой поверхности залива. Управлял лодкой молодой грек, вполне достойный стать моделью для Праксителя. Название судна было почему-то начертано английскими буквами — «Нарцисс». Разгадка обнаружилась в виде медной таблички с именем владельца судна — англичанина; помимо фамилии там значилось еще «Мейденхед»^[41].

Денек выдался замечательным, хотя тяжелое облако, нависшее над горами, обещало близкий дождь. Мы пустились в плавание вдоль скалистого побережья. Лежавший в трех милях залив Кенхреи до поры скрывался за грядой холмов. Когда мы приблизились вплотную, мой юный Аполлон указал на высокую гору, маячившую над Кенхреями, и рассказал, что возле самой вершины горы есть пещера, в которой раньше жил отшельник. Этот человек, в прошлом монах, ушел из монастыря, поскольку был не

согласен с рядом бессмысленных нововведений, в частности с новым православным календарем^[42].

— Он, наверное, был святым? — спросил я.

Глаза у юноши расширились, а губы сжались. Он несколько раз энергично кивнул, одновременно ладонью свободной руки выполняя загребающие движения. На греческом языке жестов это означало крайнюю степень чего-либо.

Кенхреи удивили меня. Я ожидал увидеть небольшую деревушку на месте, где некогда раскинулся всемирно знаменитый порт. Однако здесь не осталось ничего, если не считать стоявшей на берегу крохотной беленой хижины, которая, казалось, целиком перенеслась с коннемарских берегов. Со всех сторон Кенхреи окружали горы. Но там, где долина постепенно повышалась в северном направлении, в холмах открывался проход, и в самом центре этого прохода возвышался огромный голубой купол Акрокоринфа.

Все население Кенхрей — состоявшее из двух сторожей оливковой рощи и одной престарелой дамы — собралось на берегу: очевидно, прибытие моторки являлось экстраординарным событием. Если вы любитель поразмышлять о тщете и скоротечности жизни, то вот вам прекрасная иллюстрация! Там, где некогда стояли могущественные флотилии из самых отдаленных уголков мира, сегодня не осталось ничего и никого, кроме двух старичков и одной старушки, которые спешат на берег, если появится крохотная моторная лодка. Впрочем, стоп! Похоже, я недооценил население Кенхрей. Здесь присутствовал еще как минимум один член общества: тощий старик, забравшись почти по пояс в воду, пытался ловить острой рыбу.

На дне бухты лежали развалины древнего порта — того самого, откуда Павел отправился в Эфес. Когда-то они стояли на берегу, землетрясение сбросило их в море. Под толщей зеленой воды я разглядел фрагменты портовых стен. А у самого берега виднелись еще узнаваемые руины римского оборонительного вала — тоже жертвы землетрясения. Ни за что бы не поверил в то, что раньше здесь был древний порт, если бы не знал об этом заранее. Во времена Павла здесь существовала полукруглая бухта, со всех сторон окаймленная холмами. На одном конце мыса стоял храм Афродиты, на другом — святилища Асклепия и Исиды. В центре бухты (на плотине) установлена была колоссальная статуя Посейдона: в одной руке — дельфин, в другой — трезубец. За портом тянулись многочисленные складские помещения, которые постепенно переходили в город.

Я прошел в глубь долины, где выращивают оливки и пшеницу. Возвышенности и пригорки выглядели так, будто скрывают античные руины. А на склоне холма, как раз над развалинами порта, сохранились стены древней часовни, все еще покрытые штукатуркой и разрисованные грубыми контурами рыб. Рыбы — один из тайных символов христианства. Возможно, и эта постройка была одной из первых христианских церквей? Известно, что в павловскую эпоху в Кенхреях существовала церковь, и не исключено, что она была заложена при участии апостола. В Послании к Римлянам упоминается некая женщина по имени Фива (Феба). Павел представлял ее как «сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской: примите ее для Господа, как прилично святым... ибо и она была помощницею многим и мне самому»⁴⁷.

Стоя на берегу пустынного залива и глядя вдаль, где на юге вздымались горы Арголиды, я вполне мог вообразить, что нахожусь в одном из самых глухих уголком Гебридских островов. Именно здесь Павел в исполнение обета обрил волосы. Впрочем, на эту тему написано множество исследований: кто дал этот зарок — сам Павел или его товарищ Акила? Согласно эфиопской версии, это сделали оба. В античные времена это была распространенная традиция (как среди евреев, так и среди язычников) — жертвовать свои волосы божеству, которое помогло избежать серьезной опасности. У Гомера мы встречаем упоминание о родителях, принесших в жертву божеству волосы детей. Император Нерон, впервые сбрав бороду, поместил волосы в золотой ларец и посвятил богам в храме Юпитера на Капитолийском холме. Вполне возможно, что в случае Павла речь шла об обычном назорейском обете, предполагавшем сбривание волос, воздержание от вина и виноградного сока, а по истечении тридцати дней — снова снятие отросших волос и возложение их на алтарь Иерусалимского храма.

Вполне возможно, именно таковы и были намерения Павла. Он собирался посетить праздник Пятидесятницы в Иерусалиме. Для этого он должен был сесть на корабль пилигримов, который сначала шел в Эфес, а затем на юг, в Сирию. Нам известно, что апостол провел в Эфесе, по крайней мере, одну субботу, во время которой проповедовал в синагоге. Однако дольше остаться в Эфесе он отказался — возможно, обет влек его в Иерусалим. Оставив Акилу и Прискиллу присматривать за формированием общины, Павел сел на корабль, отправлявшийся в Кесарию.

Во время своего краткого визита в этот величайший город Малой Азии апостол обдумывал следующий этап миссионерской жизни. В качестве сцены для апостольской деятельности Павла Эфес был даже важнее, чем Коринф. Павел прибыл в Сирию весной

53 года. Летом того же года он покинул эту страну, чтобы отправиться в свое третье миссионерское путешествие. Он снова посетил «возлюбленных галатов», а вслед за тем пошел в Эфес, где провел три года, проповедуя Евангелие Христа.

В мои планы — буквально по шагам восстановить путь святого Павла — вмешалась стихия. Начался сезон дождей, а это означало, что дожди, которые по силе и ярости могли сравниться с тропическими ливнями, будут идти практически ежедневно. Такая же погода ожидала меня и в Малой Азии. Посему я решил, что будет благоразумно вернуться в Англию и лишь через полгода возобновить знакомство с Эфесом.

Глава десятая

Из Эфеса через Кесарию в Рим

Мое путешествие в Эфес; я осматриваю руины древнего храма Дианы и того театра, в котором серебряных дел мастера выступили против Павла. Далее я путешествую в Палестину, останавливаюсь у кармелитов и посещаю Кесарию. Затем сажусь на корабль, отправляющийся на Мальту; там моему взору предстает кладбище мертвых кораблей. После этого я плыву в Неаполь и добираюсь до Рима. Путешествие мое оканчивается возле гробницы святого Павла.

1

Капитан корабля был крепким и невозмутимым уроженцем Гебридских островов. Его голубые глаза настолько привыкли вглядываться в ночной туман или в нечто, находящееся за пределами обычной видимости, что приобрели какой-то особый, почти мистический блеск. Когда капитан смотрел на вас своим характерным остановившимся взглядом, казалось, будто он, впад в состояние транса, попросту никого не замечает. У него был необычный тембр голоса — низкий и глубокий, а поскольку обычно он говорил негромко, то создавалось впечатление, будто он мыслит вслух.

Когда наше судно проходило между южным побережьем Троады и северным берегом Митилены, капитан передал мне через стюарда приглашение подняться на капитанский мостик. Я застал его прильнувшим к биноклю — капитан внимательно разглядывал проплывавший мимо берег. Не отрываясь от своего занятия, он обратился ко мне с вопросом:

— Вам это ничего не напоминает?

Я внимательно пригляделся к проплывавшему мимо мысу Баба и холмам, подступавшим к заливу Адрамиттий.

Судно ощутимо покачивало. Стоял один из тех туманных мартовских дней, когда бирюзово-голубые волны Эгейского моря приобретают неприятный серо-стальной оттенок; а над горными вершинами собираются насыщенные громами и молниями тучи. Наплывающие клочья тумана внезапно скрывают из вида проплывающие острова, а самые высокие из гор как-то съеживаются и уменьшаются в размерах.

— Что мне это напоминает? — переспросил я. — Конечно же, Шотландию.

— Вот именно, — пробурчал капитан. — А если точнее, острова.

Когда мы уже приближались к Троаде, над заливом Адрамиттий пошел дождь. Стоявшая на самом берегу крепость Ассос на время скрылась за пеленой серых струй. Но едва дождь прекратился, и крепость, и белый городок за ней засияли с новой силой.

— Можно представить, что мы пересекаем залив Раасей, направляясь к Портри, — задумчиво сказал капитан. — Ужасно похоже на острова.

Он пустился в воспоминания о начале своей карьеры, когда между Кайлом и Скаем еще курсировали колесные пароходы. Слушая капитана вполуха, я пытался представить себе, как святой Павел плыл к Троаде. Интересно, его взору тоже предстали свинцово-серые волны, разбивавшиеся о прибрежные скалы. Долетал ли до его слуха вой ветра в горах Митилены? Провожал ли он взглядом проплывавшие мимо туманные берега?

— Дождь кончается, — услышал я голос капитана и, проследив за его взглядом, увидел голубые просветы в, казалось бы, безнадежно сером небе. Задолго до того, как мы свернули на юг к Митилене, солнце снова выглянуло из-за туч, и море приобрело нежно-фиолетовый оттенок.

Я смотрел на острова Эгейского моря: за лето они высохли и прожарились. Весь запас своей влаги они отдали плодам фиговых деревьев, дыням и гранатам, а сами сейчас напоминали сморщенные прошлогодние каштаны. Но настанет весна, и они снова оживут, зазвучат на сотни голосов благодаря речушкам, которые весело прокладывают себе дорогу через сосновые боры к заливу, куда несут свои воды. Острова засверкают изумрудной зеленью заколосившихся зерновых, листья инжира подобно раскрытой пятерне будут ловить солнечное тепло, виноградные лозы побегут по земле, как маленькие зеленые ручейки. Жимолость оплетет белые стены; бледно-палевые нарциссы расцветут на склонах холмов, а олеандры заполонят болотистые низинки. Мужчины и женщины, которые в летний зной отсыпаются в тени олив, весной усердно трудятся в поле. Вечерней порой сельские улицы огласятся перезвоном колокольчиков на шеях мулов — это крестьяне возвращаются домой со своих виноградников.

Острова чутко отзываются на любое изменение освещения. Ранним утром вы можете видеть золотые облака, покрывалом лежащие на них. Горы окрашиваются в яркий шафранный цвет. Долины перечеркнуты полосами экзотического оттенка — от темно-фиолетового до розовато-лилового. По вечерам сгущаются

чернильные сумерки, над ними расстилается непроницаемо черное небо с первыми неяркими звездочками.

Измир встретил нас серой предутренней полутьмой. Мы разглядели город, свернувшийся клубком в изгибе бухты, в окружении высоких гор. Солнце, встававшее из-за горы Паг, заливало все таким нестерпимым светом, что пришлось воспользоваться очками с затемненными стеклами — иначе было больно смотреть.

Я стоял на палубе и пытался убедить себя, что все это происходит на самом деле и я действительно через несколько часов увижу Эфес. Забавно, как некоторые города одной только магией своего имени влияют на нашу жизнь. Тысячи людей стремятся в далекие края, надеясь повидать места, которые они считают красивыми. Это, собственно, единственная причина, по которой они совершают путешествия. Для меня же такой причиной могут послужить волшебные названия — названия, которые одним только своим звучанием способны оживить и осветить самый скучный и безрадостный день. Для меня такими названиями являются Эфес, Фивы, Тинтагель, Ла-Манча, Камелот и Авалон. Они очаровывали меня с ранней юности, звучали, как боевые трубы неведомых королевств. Удача сопровождала меня в жизни: я повидал Тинтагель и Фивы, а также Тобосо Дон Кихота. И вот сегодня, как только солнце встанет над Измиром, мне предстоит отправиться в Эфес.

С грохотом упал якорь в голубые воды залива. Вокруг нашего корабля в ожидании заработка засуетились маленькие *каики*. В них стояли турки, энергично работая веслами. Буквально за несколько минут меня доставили на пристань. Вскоре я уже катил по булыжной мостовой Измира на железнодорожную станцию, где уже стоял под парами почтовый поезд. Ему предстояло проделать сорок миль до Айасолука, откуда можно добраться до Эфеса.

С пронзительным скрипом поезд тронулся с места, выбрался на живописную долину, засаженную фиговыми пальмами. Измир славится своими фигами еще со времен Римской империи. Согласно новому республиканскому декрету, деревья высаживают планомерно, ровными рядами — как в вишневых садах Кента. Вскоре, однако, теплая плодородная долина осталась позади, и наш поезд покати по необжитой местности, где на целые мили раскинулись болота, заселенные дикими птицами. Со всех сторон надвинулись голубые горы, и железнодорожные пути пролегли по узким каменистым ущельям, где до сих пор водятся дикие кабаны.

В конце концов поезд прибыл на конечную станцию, ранее известную под названием Айасолук, но теперь — в соответствии с

намерением турецкого правительства избавиться от всего греческого — получившую название Сельджук. Остается только пожалеть о подобной смене имен. Старое являлось искаженным вариантом «Айос Теологос» — византийского имени святого Иоанна Богослова, который жил и скончался в Эфесе. Однако турки не заинтересованы в сохранении христианских традиций, им важнее подчеркнуть свою связь с сельджуками.

Деревня Сельджук представляла собой небольшое скопление домов, для строительства которых использовали древние камни, перенесенные с развалин Эфеса. Вдоль одной из деревенских улиц выстроились высокие опоры акведука, возведенного еще в эпоху императора Юстиниана. Эти опоры давно стали привычной деталью сельского пейзажа, маленькие домики строят прямо между ними, на верхушках опор свили гнезда аисты. Мой приезд как раз совпал с брачным периодом у этих птиц, и я долго сидел за столиком маленького кафе, с интересом наблюдая за любовными играми аистов.

В отличие от журавлей — чье курлыканье неоднократно описывалось в произведениях Еврипида и Аристотеля — аистов можно назвать безмолвными птицами. Большую часть своей жизни они проводят в гордом молчании. Исключение делается лишь для весны, когда в жизнь аистов врывается любовь. Едва аист-самец находит себе подругу, он испытывает потребность каким-то образом излить чувства. Но для безмолвной птицы сделать это весьма и весьма непросто. Свое ликование аист выражает при помощи движений: он совершает фантастические прыжки, сопровождая их странным дробным перестуком — фактически, щелканьем, поскольку звуки эти аист производит, быстро-быстро открывая и защелкивая клюв.

Самочка восседает на построенном в ее честь гнезде, а самец летает по округе. И всякий раз, возвращаясь после недолгого отсутствия, он приносит возлюбленной жирную лягушку, которую и опускает ей в клюв. После чего запрокидывает голову и разражается новой серией торжествующих щелкающих звуков. Уж не знаю, как местные жители это выдерживают, но по весне вся деревня полнится «любовными песнями» аистов.

2

Руины Эфеса лежат на некотором расстоянии от деревни. Примерно в миле отсюда располагается место, где прежде стоял

храм Дианы, а чтобы достичь развалин Эфеса, надо проделать еще милю в юго-западном направлении.

Я шел по пыльной дороге, вдоль крестьянских полей. За спиной у меня остался огороженный сад, расположенный на выходе из деревни. В нем стояло около двадцати изувеченных, безголовых статуй, найденных среди руин Эфеса. Фигуры были заботливо водружены на пьедесталы и стояли, обратившись несуществующими лицами к дороге. Они образовывали своеобразное призрачное преддверие мертвого города.

По обеим сторонам от дороги тянулись поля, на которых виднелись дружные всходы — пшеница поднялась на три фута, да и бобовые от нее не отставали. Для крестьян началась жаркая страда: там и здесь виднелись полусогнутые фигурки, копошившиеся среди всходов. Волы тянули за собой плуги, своей конструкцией не сильно отличавшиеся от тех, что можно видеть на стенах египетских гробниц. Я с наслаждением вдыхал кристально чистый, насыщенный озоном воздух, который образуется в результате недельных дождей в Малой Азии. Жаркое солнце обещало устойчивую сухую погоду, и земля нежилась в живительном тепле. Пшеничные поля были усеяны цветущими маками. Желтый душистый горошек, дикая горчица, анемоны, крохотные маргаритки и трогательные незабудки — все эти полевые цветы обильно росли на обочине, усеивали каждый клочок невспаханной земли. И повсюду, куда ни кинь взгляд, виднелись обломки белого мрамора. Полагаю, вряд ли в радиусе нескольких миль от Эфеса найдется хоть один дом, в чьих стенах не обнаружится ни одного камня с развалин древнего города.

Свернув направо, я пошел по узкой дорожке вдоль пшеничного поля. Она привела меня к большому застоявшемуся пруду, чья водная гладь была так густо усеяна мельчайшими белыми водорослями, что казалось, будто перед вами мраморная поверхность. Я тихо стоял, прислушиваясь к раскатистому кваканью миллиона лягушек, облюбовавших этот пруд в качестве жилища. В воздухе звенело эхо... Постепенно разрозненные звуки стали складываться в стройный хор:

«Да здравствует Диана... Великая Диана Эфесская... Да здравствует Диана Эфесская!»

Казалось, этими словами пронизан сам воздух в здешних местах. И неудивительно: ведь когда-то на месте мертвого пруда стоял величественный храм Артемиды — или, как называли его римляне, Дианы Эфесской. Это здание по праву считалось одним из Семи чудес света.

Я много побродил по миру и, по роду своей деятельности, интересовался именно следами былых культур. Но могу со всей определенностью сказать: нигде на меня не обрушивалось такое пронзительное чувство утраты, как здесь, над мертвым, заросшим водорослями прудом. Храм, который некогда стоял на этом месте и чей фундамент явственно просматривался под мутными водами пруда, был больше и великолепнее, чем прославленный Парфенон. По словам Павсания, «этот храм превосходил любое творение рук человеческих». Другой античный писатель, Плиний, свидетельствовал: «Видел я стены и висячие сады Древнего Вавилона, статую Зевса Олимпийского, Колосса Родосского, величественные египетские пирамиды и древнюю гробницу Мавсола. Но когда увидел я храм в Эфесе, возвышающийся до облаков, то понял, что все прочие чудеса померкли в его тени».

Сидя на берегу пруда и прислушиваясь к пению эфесских лягушек, я пытался вообразить себе фантастическую ситуацию: английские студенты потерянно бродят по заросшему куманикой болотистому Ладгейт-Хиллу и пытаются отыскать хоть какие-то следы собора Святого Павла. Невероятно? А ведь две тысячи лет назад Эфес тоже выглядел вечным и незыблемым! Кому могло прийти в голову, что великолепный храм Дианы превратится в грязную лужу, по берегам которой распевают лягушки?

В то время, когда Павел приехал в Эфес, этот храм и связанная с ним организация были на пике могущества. Слава Дианы Эфесской гремела по всему свету. Но это была не та очаровательная, грациозная богиня-охотница, сестра Аполлона, которая бродила по лесным дубравам и которой поклонялись греки. Нет, это была архаичная богиня — темная, жестокая, скорее всего азиатского происхождения. Она пришла из далекого прошлого человечества и принесла с собой пугающие традиции кровавых жертвоприношений. Считалось, что Артемида подобно Афродите Пафосской упала с небес. Поэтому суеверное сознание наших далеких предков наделяло ее чудотворными способностями. В Неапольском музее имеется статуя Дианы Эфесской, которая представляет собой странную, варварскую фигуру. Вся нижняя часть обмотана бинтами на манер египетских мумий. Руки и лицо Дианы — вполне обычные, а верхняя часть корпуса усеяна какими-то странными предметами, в которых сэр Уильям Рамсей признал пчелиные яйца. По его мнению, эти яйца символизируют детородную функцию, поскольку Артемида считается богиней плодородия.

Пчела вообще является символом Эфеса. Это насекомое изображено на большинстве эфесских монет и лучше всего

проработано в античной скульптуре. Таким образом, богине присваивался статус пчелиной матки. Храмовая организация включала множество жрецов, исполнявших роль трутней (одевались они, кстати, в женские одежды). Кроме того имелись жрицы — рабочие пчелы, они и назывались *melissai*, что по-гречески означает «пчелы». Эта необычная организация зародилась в Анатолии из примитивного верования, что жизнь пчелиного роя определяется Божьим промыслом.

Хотя греки ошибочно считали, что пчелиная матка мужского пола, азиаты, которые, собственно, и организовали в Эфесе культ богини-пчелы, восстановили истину в отношении пола этих насекомых.

Жрецы-трутни и жрицы-пчелы составляли костяк храмовой организации; кроме них, существовало множество категорий обслуживающего персонала. К ним относились флейтисты (в огромном количестве), вестники, трубачи, люди, носившие скипетры, кадильщики, подметальщики святилища, танцоры, акробаты, прачки и гардеробщики. При храме существовала своя вооруженная охрана, которая патрулировала прилегающую территорию и обеспечивала порядок на праздниках. Одним из признаков эллинизации стали ежегодные игры, проводившиеся в честь Артемиды — Артемисии, на которые съезжались паломники со всего света. Эфесский порт едва вмещал корабли. На период игр (длительностью примерно в месяц) прерывались все работы. Жители Эфеса и чужеземные гости с увлечением участвовали в атлетических состязаниях, драматических представлениях и жертвоприношениях. Паломники приобретали тысячи серебряных раков, чтобы привезти их домой в качестве сувениров.

В храм приезжали преисполненные благоговения чужестранцы. Перед алтарем стояло изображение богини, обычно скрытое от глаз посетителей — занавешенное покрывалом. Любопытно, что покрывало поднималось снизу вверх, под потолок. В этом заключалось отличие от, скажем, Юпитера Олимпийского, статую которого в нужный момент при помощи веревок опускали на постамент. В храме Исиды тоже использовалось покрывало, но оно, по свидетельству Апулея, раздвигалось в стороны, и происходило это на рассвете. Меня очень интересовал вопрос: почему в храме Дианы покрывало поднималось вверх? Может, в это вкладывали особый смысл? Ведь сначала обнажались ноги богини, затем туловище и лишь в последнюю очередь открывалось для обозрения лицо.

Известно, что статуя Дианы была деревянная, но античные авторы расходятся во мнении, какой сорт дерева для нее

использовался. Некоторые называют березу или ясень, другие настаивают на кедре, есть и такие, кто предполагает виноградную лозу. На большинстве монет, где изображается богиня, мы видим, что ее руки соединяются с землей двумя линиями. Полагаю, это изображение двух прутьев (возможно, золотых), которые необходимы для того, чтобы держать статую — у которой центр тяжести расположен в массивной верхней части — в вертикальном положении. По праздничным дням изображение богини провозили по городу. Обычно для этого использовалась подвода, запряженная мулами, но иногда впрягали и молодых самцов-оленей.

В эти дни гимны Диане распевались денно и нощно. По всем улицам Эфеса разносились священные слова: «Да здравствует Диана! Велика Диана Эфесская!»

Тайна заросшего пруда раскрылась всего шестьдесят лет назад, и благодарить за это следует английского архитектора Дж. Т. Вуда, который проводил исследования при финансовой поддержке Британского музея. К тому времени месторасположение храма было безнадежно утрачено, и ученый на протяжении шести лет продолжал безрезультатные поиски. Многие на его месте, наверное, сдались бы. Но для Вуда поиски стали страстью всей жизни. Он верил, что рано или поздно ему удастся разыскать место, где стоял храм Дианы. Вдохновение он черпал из книги Эдварда Фолкенера, который не только примерно указал месторасположение затерянного храма, но и произвел предположительную реконструкцию. Перед лицом такой фанатичной веры и упрямой решимости трудности просто обязаны были отступить.

На долю Вуда выпало много испытаний: он заболел малярией, постоянно испытывал давление со стороны турецких властей, страдал от нехватки денежных средств и назойливости незваных гостей. Но тем не менее год за годом продолжал свои исследования. Этот забавный человечек в цилиндре и наглухо застегнутом сюртуке являл собой типичный образец негибкого викторианского джентльмена. Я видел старую, выцветшую фотографию, на которой Вуд запечатлен в момент триумфа: с видом победителя, который не портили ни отросшая неопрятная борода, ни нелепый сюртук, он стоит на дне глубокого котлована и одной рукой опирается на барабан колонны из числа тех, что некогда окружали мифический храм. Бедняга Вуд! В тот миг, позируя фотографу, он и не догадывался, что у него под ногами находится хранилище храма, в котором огромное количество золота и других ценных предметов. Среди прочего, там лежала

статуя Артемиды, выполненная из бронзы и слоновой кости — та самая, что ныне является украшением Стамбульского музея. Все эти сокровища, скрытые под алтарем храма, были обнаружены тридцать лет спустя Дэвидом. Дж. Хогартом, в ходе очередной экспедиции, организованной Британским музеем.

История открытия Вуда — своеобразный археологический роман. После того, как он буквально изрыл окрестности Эфеса и ничуть не приблизился к цели, ему наконец-то повезло. Как-то раз, проводя раскопки в древнем театре — том самом здании, где состоялся описанный в Деяниях мятеж серебряников — Вуд обнаружил остаток плиты с латинской надписью. В ней говорилось, что некий римлянин по имени Фибий Салюстарий, живший в Эфесе через пятьдесят лет после посещения города Павлом, пожертвовал храму Дианы множество серебряных и золотых образов, каждый весом от шести до семи фунтов. Помимо этого, он завещал храму значительную сумму, которую надлежало употребить на ремонт и очистку указанных образов. В заключение Салюстарий изъявлял желание, чтобы его дары пронесли по городу — от храма до театра — в ходе очередной праздничной процессии. Причем он оговаривал, чтобы образы внесли в город через Магнесийские ворота, а вынесли на обратном пути — через Корессианские. Подобный протяженный маршрут наверняка был выбран из тщеславных соображений: римлянину хотелось, чтобы как можно больше эфесян увидели его щедрые дары. Археолог мгновенно оценил важность находки. Вот ведь как случается: благодаря тщеславию неведомого римлянина, который умер восемнадцать столетий тому назад, Джон Вуд получил ключ к решению задачи, над которой бился шесть лет! Если удастся отыскать указанные ворота и вычислить пути, ведущие к ним, то он сумеет добраться до вожаемого храма!

Вуд приступил к работе с удвоенной энергией и, действительно, вскоре обнаружил Магнесийские, а вслед за ними и Корессианские ворота. Следуя рассчитанному маршруту, он нашел место, где некогда стоял знаменитый храм Дианы Эфесской! Случилось это в последний день 1869 года, когда все финансовые ресурсы были уже на исходе. Настал миг триумфа! Последние три недели Вуда по ночам одолевали приступы малярии, он был измучен и истощен. Но как же он ликовал и радовался находкам! Вот они — сохранившиеся колонны, остатки мраморного напольного покрытия и, самое главное, украшенные скульптурными изображениями барабаны колонн, которые считались отличительной особенностью именно храма Дианы Эфесской. Захватывающую историю своих поисков и их триумфального завершения Вуд изложил в книге под названием «Эфесские открытия».

Находка Вуда вызвала переполох в научных кругах. Одним из первых в Эфес с поздравлениями прибыл доктор Шлиман, на тот момент еще не успевший прославиться открытием легендарной Трои. По собственному признанию Шлимана, в Эфес его привело неодолимое желание ощутить под ногами плиты, некогда устилавшие пол величественного храма. Оглядевшись по сторонам, он заметил — с некоторой долей зависти, столь понятной ученым-исследователям, — что своим открытием Вуд обеспечил себе бессмертие. Хотел бы я присутствовать при исторической встрече: с одной стороны, полный законной гордости Джон Вуд, а с другой Шлиман, которого в будущем ожидает еще более оглушительная слава открывателя легендарной Трои. Более того, у этого человека присутствовал сверхъестественный дар (которым он воспользуется сполна) — заставлять землю делиться сокровищами, скрытыми в недрах.

Для транспортировки в Англию многотонных находок Вуда пришлось использовать мановар. Впрочем с легкой руки лорда Элгина использование Королевского военно-морского флота в качестве археологического транспорта стало привычным делом. Археологи уже привыкли к этому и раздражались, когда капитаны военных кораблей отказывались расширить люки — чтобы можно было разместить наиболее массивные из античных экспонатов. Благодаря Вуду и Королевскому флоту нынешние посетители Британского музея имеют возможность любоваться великолепными скульптурными барабанами Эфесского храма. Если Павел когда-либо поднимался по ступеням этого храма, то, вполне возможно, древние камни, выставленные в Британском музее, помнят прикосновение его руки или скромного одеяния.

3

Город Эфес находился примерно в миле от храма Дианы. Сам храм был построен в низине, а город расположился на более возвышенной территории, переходящей в предгорья Приона.

Пятнадцатиминутная прогулка по пустынной дороге завершается у самых впечатляющих развалин Малой Азии. Малярийные комары, облюбовавшие здешнюю местность, изгнали людей и превратили Эфес в мертвый город. Со временем он превратился в руины, столь милые сердцу Пиранези: исполненные меланхолии развалины домов, сплошь увитые ползучими растениями. Пустынный пейзаж оживляет лишь пара-тройка коз,

пасущихся в тени сломанного саркофага, или одинокая фигура крестьянина, чернеющая на фоне багрового заката.

Именно таким предстал моему взору Эфес. Местные жители редко забредают сюда. Время от времени турецкие мальчишки приходят пасти сельджукских коз, но и они, похоже, чувствуют себя неуютно в этих заброшенных развалинах. Уж слишком дикий и неприветливый вид у древнего Эфеса.

Море, которое раньше плескалось у самых стен портовых сооружений, теперь отступило на несколько миль. Этот процесс начался еще во времена римлян. Равнина, на которой стояли храм и прилегающая к нему нижняя часть города, оказалась погребенной под 20-футовым слоем илистых осадков, которые за минувшие столетия принесла река Каистр. Некогда прозрачная лагуна превратилась в огромное болото, комариный рассадник. Здесь ничего не растет, кроме жесткой болотной травы, да тростника, который печально шелестит на ветру. Звук ветра в тростниковых зарослях — музыка Эфеса, слышная даже на вершинах холмов. Этот зловещий напев — все, что осталось от некогда шумного, оживленного города.

На развалинах античного стадиона, чьи контуры все еще просматриваются в зарослях травы, я заметил крестьянина, трудившегося над грядкой. Но когда я направился к нему, мужчина вскинул на меня испуганные глаза, будто увидел древнего эфесянина, восставшего из могилы. Когда-то на этой арене, вырубленной в скале, устраивались шумные представления — дрались гладиаторы, люди погибали от когтей диких животных, а ныне мирный крестьянин выращивает бобы. Я попытался отыскать пещеры, где содержали зверей, но от них не осталось и следа. Скорее всего, фразу Павла — «когда я боролся со зверями в Ефесе»⁴⁸ — следует воспринимать как метафорическое описание схватки с врагами. Ибо, во-первых, маловероятно, чтобы римского подданного бросили на растерзание диким зверям, а во-вторых, если бы такое и случилось, то вряд ли несчастный вышел бы живым из такой передряги. Однако метафора апостола явно подкрепляется каким-то событием, имевшим место на данной арене. В том, что Павел был хорошо знаком с подобными кровавыми спектаклями, сомневаться не приходится. Но сомневаюсь, что все читатели правильно поняли фразу апостола из Послания к Коринфянам, писанного в Эфесе: «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти»⁴⁹. Ключевое слово здесь «последние», ибо преступников, приговоренных к смерти, как правило, приберегали для финальной части представления. Сначала следовали соревнования в кулачном

бою, состязания бегунов и спортивных колесниц и лишь в самом конце на арену выпускали обнаженных смертников, которым предстояло погибнуть в схватке с дикими зверями.

Обойдя трибуны амфитеатра, я поднялся на склон Приона, откуда открывалась широкая панорама Эфеса. Я увидел высокие отроги Кореса, уходящие к морю. Они образовывали высокую стену, защищающую город с юго-запада. На оконечности этого длинного мыса стояло древнее двухэтажное здание, носившее название темницы святого Павла. Глядя отсюда, с верхней точки, я понял, насколько серьезную угрозу несла река Каистр для окружающей долины. Еще римским инженерам постоянно приходилось заниматься этой проблемой. Дело в том, что эфесская гавань представляла собой искусственно созданную бухту, отстоящую от города на несколько сот ярдов и соединявшуюся с ним специально вырытым каналом. Павел, очутившись в Эфесе, наверняка заинтересовался здешним портом и сравнивал его с искусственной бухтой в родном Тарсе. Регулярные дренажные работы в Эфесе (как, впрочем, и в современном Глазго) являлись вынужденной необходимостью. У эфесского порта и без того хватало недостатков, к коим следовало отнести не только протяженный канал, но и сравнительно небольшую пристань. Над городом постоянно висела угроза, что чужеземные торговые корабли предпочтут пользоваться отличной открытой гаванью Смирны, которая находилась практически рядом — всего в нескольких милях на север.

Зато какой эффектный вид открывался во время путешествия по каналу! Стоя на палубе, наблюдатель видел прямо по курсу изумительной красоты белый город. Великолепным фоном к нему служила гора Пион (она же Прион), переходящая в отроги Кореса. Стоило перевести взгляд чуть левее, и вы видели знаменитый храм Дианы — он сверкал золотом, синими и красными красками, которыми был расписан белый мрамор. Здание располагалось столь хитрым образом, что по мере приближения к гавани наблюдатель мог рассмотреть храм почти со всех сторон.

Я провел не один час, блуждая по развалинам Эфеса, которые занимают огромную площадь. Утомившись, я присел на поваленную мраморную колонну и съел пару заготовленных сандвичей. В нескольких ярдах от меня сохранился обломок храмовой лестницы — широкие, величественные ступени, ведущие вверх... в никуда. Рядом с ними валялся камень с высеченным именем Августа Цезаря. Вся его обратная сторона была испещрена сотнями царапин — будто кто-то точил ножи. В нескольких шагах от меня густые заросли тамариска скрывали вход в подземную пещеру: возможно,

в свое время здесь было хранилище золотых запасов и прочих сокровищ Эфеса. Пока я обдумывал такую возможность, кусты тамариска зашевелились, и из них выглянула небольшая бурая мордочка. Вначале я подумал, что вижу лисицу, но, как выяснилось, это был шакал. Он вскинул голову, принялся и вдруг как-то совсем по-собачьи затыкался. В этот миг порыв ветра вынес на полянку обрывок оберточной бумаги, в которую были упакованы мои бутерброды. Все, меня засекли! Я поймал взгляд круглых глаз, устремленных прямо на меня; маленький черный нос сморщился... а в следующее мгновение шакал исчез из поля зрения. Я снова остался один посреди мертвого города. Тишина и одиночество обрушились на меня с такой силой, что я пожалел о бегстве маленького зверька...

В памяти встали слова из «Откровения Иоанна Богослова»:

«Ангелу Ефесской церкви напиши: так говорит Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников... Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак, вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься...»⁵⁰

Я бросил еще один взгляд на заросли тамариска. Я слышал крик выпи, с болота доносился лягушачий хор. Воистину, светильник Эфеса сдвинут с места.

4

Я сидел в эфесском театре.

У меня под ногами лежал огромный полукруг. Белые ярусы с прикрепленными к ним сидениями местами разрушились. В одном месте выросло фиговое дерево, и сквозь его фигурные листья я смотрел на призрачную дорогу, которая тянулась сквозь заболоченные земли к бывшей гавани. Слева от дороги виднелись какие-то белые руины, напоминавшие кости доисторического животного, а справа под зарослями тамариска и высокой травой угадывались странные формы.

Этот театр когда-то вмещал двадцать четыре тысячи зрителей. Несмотря на позднейшую перестройку, он в основном сохранил тот же вид, какой имел во времена Павла. Именно здесь, в эфесском театре случился бунт серебряников, направленный против христианства и его апостола. Я открыл Новый Завет, чтобы просмотреть краткое упоминание о жизни Павла в Эфесе.

Павел посетил этот город в ходе третьего миссионерского путешествия. Он пришел сюда из Антиохии Сирийской, пройдя всю Малую Азию. Мы помним, что годом ранее он отбыл из Кенхрей, восточного коринфского порта. На том же корабле с ним плыли преданные друзья и единомышленники Акила и Прискилла.

Эта семейная пара, как и сам Павел, владела ремеслом обойщиков. Они решили перебраться из Коринфа в Эфес в поисках более выгодной работы. В Коринфе тоже не было недостатка в заказах, но это была простая, грубая работа — шитье палаток, починка парусов. А Эфес славился производством роскошных шатров, что открывало заманчивые перспективы перед умелыми мастерами. Кроме того, Акила и Прискилла надеялись обжиться в Эфесе и подготовить почву для прибытия своего учителя Павла. Апостол полностью доверял этой семейной паре и отзывался о них с неизменной любовью и уважением. По весьма меткому замечанию Артура Макгифферта, Акила и Прискилла «являли собой самый в апостольской эпохе прекрасный пример того, как муж и жена, имея стремление к добру и действуя согласно, использовали его для распространения Евангелия».

С какой радостью встретили они любимого учителя, когда тот наконец спустился по горной дороге, ведущей в Эфес! Супруги отвели апостола в скромный дом на окраине города. У них накопилось множество тем, которые требовали обсуждения. Это и развитие христианской церкви, и те инструкции, которые Акила и Прискилла дали умному и образованному еврею из Александрии по имени Аполлос, и, конечно же, перспективы дальнейшей работы. Павел заявил о намерении самому зарабатывать на жизнь. Он не желал зависеть от щедрости новообращенных христиан. Таким образом, анализируя жизнь апостола в Эфесе, мы видим, что его духовные поиски шли параллельно с борьбой за хлеб насущный. Насколько это было трудно, мы можем судить по выдержке из письма коринфянам, отправленного из Эфеса: «Даже доньше терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся; и трудимся, работая своими руками...»⁵¹ И позже, прощаясь со старейшинами Эфеса, он объяснил, насколько серьезное влияние пережитые трудности оказали на его жизнь: «Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии».

В канун субботы Павел откладывал в сторону рабочие инструменты, в субботу зажигал священную лампу и шел утром в синагогу рассказывать иудеям о Господе, Его страданиях и чудесном воскрешении. Так продолжалось три месяца. Но та же самая оппозиция, которая изгнала его из Антиохии Писидийской, Икония, Филипп, Берей и Коринфа, вскоре снова подобралась к

дверям синагоги, замыслив недоброе против апостола. История повторялась: евреи не желали принимать Евангелие от Христа. Обращаясь к христианам Коринфа, Павел писал о широких возможностях, которые открываются перед ним и его врагами из числа иудеев: «Ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много».

Задумайтесь о проблемах, которые приходилось решать этому героическому человеку. Шесть дней в неделю он вел жизнь обычного рабочего, вынужденного в поте лица добывать себе пропитание. Но по субботам он превращался в одного из величайших духовных учителей, которые нам только известны. Он вел борьбу за души людей и планировал развитие христианской церкви. И — словно нарочно, для того, чтобы испытать прочность духа Павла — именно в это время он получил дурные вести из Коринфа: в тамошней церкви наступили разлад и шатание. Павел отреагировал жестко и решительно — он написал Первое послание к Коринфянам. Вчитайтесь в строки этого послания. Вряд ли вам предстанет образ спокойного, благодушного пастора. Нет, перед нами человек, который — помимо того, что вынужден ежедневно трудиться ради куска хлеба — ведет яростную борьбу, и ей он отдает все моральные и духовные силы, чтобы посеять зерна истинной веры и прорастить их на сухой, неблагодарной почве. С тех пор нашлось немало миссионеров, которые совершали подлинные подвиги во имя истинной веры. Они проявляли стойкость и отвагу, и я уверен: в самые черные дни своей жизни они вдохновлялись личным примером Павла, черпали силу и поддержку в его неукротимой храбрости и целеустремленности.

Несмотря на все тяготы, Павел вполне преуспевал в Эфесе. Когда же еврейская оппозиция в очередной раз готова была нарушить мир и покой в городе, апостол покинул синагогу и перенес свои проповеди в зал, принадлежавший Тиранну. Двери этого заведения были открыты как для евреев, так и для фактически любого мужчины и женщины, которые хотели послушать проповедь.

Нам не известно, арендовал ли Павел этот зал за деньги, или же Тиранн бесплатно пускал туда апостола, когда сам не пользовался помещением. Однако в знаменитом кодексе Безы^[43] мы находим интересное добавление (не вошедшее в «Авторизованную версию»), согласно которому Павел занимал зал «с пяти до десяти часов». Это означало, что Тиранн пользовался залом с рассвета до одиннадцати часов утра. Затем помещение занимал Павел и освобождал его за два часа до заката солнца. Это было не вполне привычное расписание. В ту эпоху школы

открывались ранним утром (часто до восхода), пока еще было прохладно. Затем на жаркое время дня занятия прерывались и возобновлялись, только когда дневной зной спадал.

Таким образом, Павел проповедовал и вербовал новых христиан среди жителей Эфеса не ночью, как обычно представляют, а, напротив, в самый разгар дня, когда большинство горожан наслаждались сиестой. Затем, когда время проповеди истекало, апостол вынужден был возвращаться в какую-то грязную лачугу, где трудился до глубокой ночи, чтобы закончить свой дневной урок — работу, которую начинал ранним утром и должен был завершить до окончания дня.

Возможно ли, чтобы Павел жил в Эфесе двойной жизнью? Лично мне кажется сомнительным, чтобы немолодой (и не слишком здоровый) человек на протяжении долгого времени мог выдерживать столь суровый и напряженный распорядок жизни. Да и потом, как совмещается труд простого обойщика в нищем квартале Эфеса с тем фактом (между прочим, зафиксированным в Деяниях), что Павел водил дружбу с асиархами. Принадлежа к богатейшей прослойке провинции Асия, эти должностные лица получали почетный титул «верховного жреца» в обмен на готовность оплачивать из собственного кармана, например, гладиаторские бои и другие игры, которые считались частью культа поклонения правящему императору. Мне видится сомнительным, чтобы такие богачи поддерживали близкие отношения с бедным еврейским ремесленником. Это как-то не в духе эпохи. Возможно, жизненные обстоятельства апостола изменились в лучшую сторону?

Как бы то ни было, но Павел провел в Эфесе больше времени, чем в любом другом городе (если не считать Рима). Целых два года он читал проповеди в зале Тиранна. И за это время он вошел в неизбежный конфликт с эфесскими магами. Собственно, это противостояние имело давние корни. В самом начале своей миссионерской карьеры во время пребывания на Пафосе Павел столкнулся с языческим магом по имени Елима. Затем в Филиппах ему пришлось иметь дело с умалишенной прорицательницей. Однако это были отдельные эпизоды. В Эфесе же Павел попал в эпицентр — можно сказать, кипящий котел — черной магии. Темная ипостась богини, покровительствующей Эфесу, в сознании суеверных жителей города ассоциировалась с чудодейственными способностями, целительством и ворожбой. Сам воздух Эфеса был пропитан магией.

Миссионерские успехи Павла и то почтение, которым он пользовался у паствы, вызвали зависть эфесских магов. Они

решили присвоить себе часть власти апостола, которая, как они справедливо полагали, проистекала из духовного авторитета Иисуса Христа. Они попытались использовать имя Христа в заклинаниях, но это привело к губительным последствиям. Ибо человек, из которого они пытались изгнать злого духа, избил и изгнал их из дома, крича при этом: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?»⁵² В результате некоторые христиане, самодеятельно практиковавшие магию, разочаровались в своих занятиях. Они собрали книги с магическими рецептами, присовокупили к ним списки заклинаний и прилюдно сожгли. «С такую силою возрастало и возмогало слово Господне».

После двухлетнего пребывания Павла в Эфесе произошло драматическое событие, которое положило конец его миссии в этом городе. Изначально Павел намеревался остаться в Эфесе до Пятидесятницы, то есть до конца мая. Его мотивы были вполне понятны. В мае проходили Артемисии, ежегодный праздник в честь Дианы Эфесской. По этому поводу в город съезжалось большое количество народа со всех концов Средиземноморья и с берегов Эгейского моря. Мог ли такой страстный проповедник, как святой Павел, упустить подобную возможность — в рамках одной проповеди охватить жителей различных стран? Деяния разворачивают перед нами поистине удивительную картину последних дней, проведенных апостолом в Эфесе. Мы видим, как силы добра и зла сталкиваются в остром и непримиримом конфликте. Павел и раньше терпел гонения со стороны соотечественников-иудеев, но на сей раз впервые сложилась ситуация, когда христианство открыто бросило вызов законным интересам языческого божества. В эпизоде мятежа эфесских серебряников мы видим пророческую картину того далекого дня, когда многочисленные боги и богини будут низвергнуты с пьедесталов, когда погаснет огонь на языческих жертвенниках и звон церковных колоколов разольется над землей.

В Эфесе сыскался серебряных дел мастер по имени Димитрий, который принялся возмущать товарищей по ремеслу против христианской проповеди Павла. Эти ремесленники изготавливали серебряные раки и маленькие копии храма Артемиды, которые скупали в качестве сувениров многочисленные паломники, приехавшие на праздник. Павел же, расположившись неподалеку от храма, принялся проповедовать Евангелие Христа и убеждать слушателей отказаться от ложных богов. Серебряники возмутились, но — сами того не сознавая — сыграли на руку христианскому проповеднику. Они хотели изгнать Павла из города или же бросить

в темницу — короче, любым образом избавиться от конкурента, который портил им праздничную торговлю.

«Друзья! — сказал Димитрий. — Вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше. Между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти по всей Азии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Азия и вся вселенная». Выслушав эту речь, эфесские серебряники преисполнились гнева и стали кричать: «Велика Артемида Ефесская!»⁵³

Мы уже упоминали, что многие события преподносятся в Деяниях так, будто автор лично присутствовал при них. Однако свидетельство о мятеже серебряников и описание кораблекрушения на Мальте затмевают прочие рассказы своей живостью и правдоподобием. Хотя сцена мятежа в театре не относится к знаменитым «наблюдениям» и, соответственно, святой Лука не претендует на роль непосредственного свидетеля, я уверен: автор там был и все видел собственными глазами.

Думаю, большинство людей, которые давали интервью репортерам или имели какое-то отношение к детективным расследованиям, со мною согласятся. Если приходится составлять рапорт, скажем, о небольшом лесном пожаре, то существует заметная разница между показаниями человека, который видел все воочию, и отчетом профессионального следователя, пусть опытного и грамотного, но приехавшего позже, когда пожар уже потушили. На мой взгляд, описание инцидента в Деяниях имеет характер именно такого острого, что называется, «из первых рук» свидетельства.

Возмутители спокойствия повели толпу в театр, который являлся общепризнанным местом публичных выступлений. По дороге они захватили Гая и Аристарха, двух спутников Павла. Слух о мятеже прокатился по всему городу. Павел тоже хотел отправиться в театр, чтобы ответить на обвинения, выдвинутые против него. Однако друзья из числа асиархов, хорошо зная, сколь опасна разъяренная толпа (особенно если затронуты ее финансовые интересы), отговорили апостола от этого отважного безумства. Тем временем беспорядки усиливались. Бестолковость толпы — как этой, так и ей подобных — гениально описана в нескольких словах Деяний: «Между тем одни кричали одно, а другие другое; ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, за чем собрались».

В этот миг иудеи, которые опасались традиционного антисемитского развития беспорядков, выставили вперед человека по имени Александр (не о нем ли пишет Павел в Послании к Тимофею: «Александр медник много сделал мне зла»?⁵⁴). Александр хотел говорить с мятежниками, но те, увидав, что он иудей, заглушили его криками. И снова автор с фотографической точностью передает картину на площади. «Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу». У нас буквально перед глазами стоит беспомощный человек: он машет рукой, но сам не может себя расслышать из-за яростных криков толпы. И так продолжалось два часа; толпа затыкала рот любому оратору, скандируя один и тот же лозунг: «Велика Артемида Ефесская!» Аналогичную картину мы можем наблюдать сегодня во время политических демонстраций арабов, когда обезумевшая толпа раз за разом повторяет одну и ту же фразу. Эфесяне скандировали традиционную формулу, выкованную в моменты политического и религиозного волнения, что неоднократно звучала на улицах города.

И вдруг шум стих. На сцену театра вышел блюститель порядка. Он обвел взглядом заполненные ряды амфитеатра, которые полукругом уходили ввысь. После чего произнес блестящую, типично греческую речь. Холодная логика его слов, подобно снегу, обрушилась на разгоряченные головы смутьянов. Он начал с того, что величие Артемиды Эфесской не подвергается сомнению. Затем указал, что христиане «ни храма (Артемидина) не обокрали, ни богини вашей не хулили». Если у серебряников и других граждан имеются жалобы, то для их рассмотрения существуют специальные судебные собрания. Если же собравшиеся откажутся разойтись спокойно по домам, то римские власти будут рассматривать этот инцидент как мятеж, а каково наказание за мятеж, всем известно. «Сказав это, он распустил собрание».

Павел понимал, что после такого выступления бессмысленно оставаться в Эфесе. Наверняка друзья-асиархи поддержали его в этом решении. Посему апостол распрощался с городом, где прошли три наиболее важных и успешных года его миссионерской жизни. Павел, «призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними, вышел и пошел в Македонию».

Описанная сцена разыгрывалась перед моими глазами, пока я сидел в полуразрушенном театре Эфеса. Я не видел ни травы, пробивавшейся меж камней, ни деревьев, выросших на месте сидений, ни поваленных колонн просцениума. Перед моим мысленным взором пылала ярость толпы, заполнившей театр;

улицы — ныне занесенные многовековыми слоями земли — снова ожили: по ним катился бурлящий людской поток. Кто-то что-то спрашивал, ему отвечали... И над всем шумом звучал мощный клич: «Велика Диана Эфесская!» Затем наваждение исчезло. Я снова сидел в разрушенном театре. Впереди тянулась мертвая дорога, терявшаяся в болотистых пустошах. Но над этой дорогой, как и над зеленой водной гладью, разносился мерный шум, ритм которому задавали жирные лягушки в пруду: «Велика Диана... Велика Диана... Велика Диана Эфесская!»

Письмо, известное под названием Послание к Ефессянам, было написано не только для эфесян: это был циркуляр, в котором в качестве адреса указывалось «для христиан города....», а далее стоял прочерк, куда надлежало занести название любого необходимого города. Так уж случилось, что со временем эта общая энциклика стала связываться именно с Эфесом, в то время как другое циркулярное письмо, Послание к Римлянам, соответственно, с Римом.

Поскольку Послание к Ефессянам посвящено не местной конкретике, а поднимает общие богословские вопросы, которые лежат за пределами данной книги, я ограничусь следующей цитатой из книги преподобного Р. Г. Молдена «Современные проблемы Нового Завета»:

Эта энциклика «О Церкви (Ефесян)» является естественным следствием более ранней энциклики «О Природе Христианской Религии (Римлян)» и служит наиболее полным выражением мнения святого Павла из всех имеющихся в наличии. Возможно, в мире никогда еще не возникало более насущной необходимости воспринять это мнение, чем в наши дни. Я уверен: если бы мысли, высказанные в Послании к Ефессянам, были всесторонне и внимательно изучены и если бы их положили в основу европейской цивилизации, то сегодня бы не возникло необходимости в такой организации, как Лига Наций. Именно набор идей, изложенных святым Павлом в его послании, обеспечил эффективность Лиги Наций.

Согласно вековой традиции, Павел написал Послание к Ефессянам в Риме, в ожидании суда (то есть практически в конце жизни). В тот же период он пишет и другие послания:

Послание к Колоссянам;

Послание к Филиппийцам;

Послание к Филимону.

Все эти четыре письма известны под названием «Тюремных посланий». Однако возникает вопрос, в какой темнице они были написаны? В самих посланиях нет сведений на этот счет. Существует предположение, правда не подкрепленное историческими данными, что апостол написал послания в те два года, что провел в Кесарии в ожидании высылки в Рим. В Деяниях упоминается одно пленение — ночь, проведенная в тюрьме Филипп. Однако вполне резонно предположить, что за длинную и многотрудную жизнь апостола возникали и другие аналогичные ситуации. Разве сам Павел в Послании к Коринфянам, написанном вскоре после отъезда из Эфеса, не упоминал случаи, когда он был брошен в темницу за распространение Евангелия Христова?

В последние годы был выдвинут ряд весьма убедительных гипотез, объединенных под общим названием «эфесской теории». Эта теория допускает, что по крайней мере единожды (а возможно, и чаще) Павел подвергался пленению во время пребывания в Эфесе. А также то, что «Тюремные послания» были написаны не в Риме, а именно в Эфесе.

Ведущую роль в разработке гипотезы об эфесском пленении сыграл доктор Дж. С. Дункан, профессор библеистики в университете Сент-Эндрюс. Полнейшее выражение теория нашла в книге Дункана «Эфесское пасторство святого Павла». В ней автор ссылается на собственные слова апостола, утверждающего, что противостояние в Эфесе было куда более опасным, чем может показаться из текста Деяний. «По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе...» И далее он говорит «о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых»⁵⁵. Безусловно, апостол имеет в виду какую-то ситуацию, более опасную, нежели описанный в Деяниях мятеж серебряников.

Профессор Дункан задается вопросом: а не станут ли «Тюремные послания» более понятными, если допустить, что писали их в Эфесе, а не в римской темнице? В Послании к Филимону мы находим два интересных примера. Там говорится о некоем рабе Онисиме, бежавшем от хозяина в маленьком городке Колоссы, всего в сотне миль от Эфеса. И неужели мы поверим, что этот раб отправится за моря, с необходимостью пройти тысячи миль по незнакомым дорогам, чтобы обрести безопасность в Риме? И это при том, что он мог укрыться в соседнем Эфесе, где, кстати, находился храм Дианы, предоставлявший убежище должникам, вора и даже убийцам! И затем в конце письма апостол просил Филимона приготовить для него помещение, ибо надеялся, «по

молитвам вашим», вскоре оказаться в Колоссах. Эта просьба выглядит более естественной, если предположить, что на момент написания письма Павел находится в Эфесе, а не в далеком Риме. Не говоря уж о том, что из Рима апостол надеялся отправиться на запад, в Испанию.

Анализируя Послание к Филиппийцам, профессор Дункан берет на себя смелость утверждать, что у него имеются все основания считать, будто это письмо написано в эфесской тюрьме во время третьего миссионерского путешествия Павла. Это вызывает некоторые сомнения, ибо мы привыкли считать доказательством римского происхождения письма следующие фразы апостола: прежде всего, в начале письма он упоминает «преторию», а в конце шлет приветствия «из кесарева дома». Однако профессор Дункан доказывает, что «Преторией» могло называться любое место, где обосновалась римская провинциальная власть, т. е. это эквивалент современного понятия резиденции губернатора. Что же касается «кесарева дома», то, по мнению Дункана, это всего лишь указание на большое количество гражданских слуг, задействованных в провинциальной администрации.

Если допустить, что Павел был посажен под арест в Эфесе, то возникает вопрос: по какому обвинению? Доктор Дункан полагает, что ответ кроется в речи блюстителя порядка, который утихомирил бунтовщиков в театре. Помните? «Ни храма (Артемидина) не обокрали, ни богини вашей не хулили». Согласно теории Дункана, асийские евреи состряпали весьма нечистоплотное (и притом весьма остроумное) обвинение против Павла — якобы он обокрал храм Дианы, растратив денежные суммы, предназначенные для ежегодной отправки в Иерусалим. Это тянуло на серьезное преступление!

И кем же был тот римский правитель, чьей поддержкой пытались заручиться иудеи, к которому Павла водили столь часто, что, по собственному признанию апостола, «...узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим»⁵⁶; и который в конце концов решил закрыть дело против апостола? Доктор Дункан называет имя Юния Силания — чиновника, который стал первой жертвой императора Нерона, ибо показался опасным соперником Агриппине, матери императора.

Согласитесь, доктор Дункан проводит целое детективное расследование, которое добавляет интереса сухой истории святого Павла, изложенной в Деяниях. Тут вам и заговор с целью обвинить апостола в государственном преступлении, и затянувшиеся слушания, и оправдание подсудимого, и — как завершающий аккорд — тайное отравление судьи!

Если это соответствует истине, то возникает закономерный вопрос: почему же Лука никак не отразил столь захватывающую историю в Деяниях? У доктора Дункана и на это есть ответ. Он считает, что Деяния создавались в ту пору, когда Павел взывал к справедливости императора Нерона. Насколько уместным было упоминание Галлиона, брата Сенеки — нероновского «премьер-министра», настолько же политически безграмотно было упоминать имя Юния Силания, первой жертвы Нерона.

Все это, конечно, очень интересно. Но насколько убедительно? Все доказательства Дункана носят дедуктивный, то есть выведенный логическим путем, характер. Однако сколько людей и в более серьезных вопросах опираются на подобного рода доказательства! Я понимаю, что данная теория — как, впрочем, все новые теории — выглядит обескураживающей. Если принять за данность, что «Тюремные послания» были написаны не в Риме, а гораздо ранее — в Эфесе, это сильно уменьшит нашу осведомленность в том, что касается жизни Павла в Риме.

Я отправился в обратный путь по пыльной тропинке, уводившей к зеленевшему вдаль пшеничному полю. Прежде чем свернуть на поле, я обернулся и бросил прощальный взгляд на место, где когда-то высился храм Дианы.

Идя через поле, я слышал, как распевался лягушачий хор (Аристофану бы понравилось!). Мое приближение к пруду заставило лягушек смолкнуть. Но затем постепенно — одна, другая, третья — потихоньку, неуверенно, они вновь затянули свою песню: «Велика... велика... велика» А затем хор грянул во всю мощь, и над болотом разнесся гимн: «Велика Диана Эфесская!»

5

Наш корабль медленно двигался вдоль берегов Малой Азии. Мне никогда не наскучит этот пейзаж с изрезанной заливами береговой линией и голубыми контурами гор, притаившихся на горизонте. Время от времени мимо проносилась легкая турецкая лодочка, спеша первой проскользнуть в крошечную бухту с заросшими тростником берегами. Трудно поверить, что тысячелетия назад здесь была облицованная мрамором гавань, в которой швартовались римские триремы. Обезлюдивший, мертвый мир, который давно мечтает о толковой археологической экспедиции. Возможно, когда-нибудь эти мечты воплотятся в жизнь. И тогда зеленые возвышенности возле затянутой илом

гавани откроют свои секреты. Хотелось бы, чтобы это произошло еще на нашей памяти...

Прибегнув к помощи бинокля, я разглядел малярийное болото на том месте, где некогда стоял Милет. В древности город имел четыре гавани, но все они давно погибли под вековым грузом ила и наносов. Зато греческий театр — крупнейший во всей Малой Азии — дожил до наших времен. Я страстно мечтал попасть в Милет. Но мне еще в Измире объяснили, что — в условиях заболоченности окружающей местности и отсутствия надежного брода через реку Меандр — это займет по меньшей мере десять дней. Так что пришлось отказаться от этой идеи. Однако еще долго мне снилось, что я, преодолев все препятствия, добрался до развалин Милета и стою на том самом месте, где Павел прощался со старейшинами эфесской церкви.

Известно, что после мятежа серебряников апостол покинул город и отправился бродить по Греции, в конце концов вернувшись в Македонию. Вместе с Лукой он сел на корабль, который доставил его в Троаду, где апостол провел семь дней. Пребывание в Троаде ознаменовалось любопытным случаем. Во время одной из ночных проповедей Павла юноша по имени Евтих нечаянно заснул и вывалился из открытого окна с третьего этажа. Безутешные родственники подняли мертвое тело, но апостол велел им: «Не тревожьтесь, ибо душа его в нем»⁵⁷. Молитвой Павлу удалось вернуть юношу к жизни, и тот вскоре вернулся к своей семье.

Читая Деяния, мы не устаем удивляться огромной жизненной силе Павла. Так, он мог ночь напролет проповедовать, а потом — вместо того, чтобы сесть с товарищами на зафрахтованный корабль — проделать пешком тридцать миль, отделяющие Троаду от Асса. Встретившись там со своими попутчиками, он поплыл в Митилены, затем на Хиос, Самос и в Милет, куда и были вызваны старейшины из Эфеса.

Это одна из самых трогательных сцен во всем тексте Деяний. В сердце Павла жила глубокая любовь к духовным «детям». И, стоя на пустынном берегу, он произнес слова прощания, в которых ощущалось предчувствие грядущих несчастий:

«И вот, ныне я по влечению Духа иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною. Только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня».

Похоже, Павел уже тогда предчувствовал, что, возвращаясь в Иерусалим, он — подобно Иисусу Христу — отдается в руки врагов.

«И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие... Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас

блюстителем, пасти Церковь Господа и Бога, которую он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада... Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными...»

Апостол преклонил колени и молился на пустынном берегу. «Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не видят лица его. И провожали его до корабля».

В этот печальный и торжественный миг они увидели, как Павел ушел — великий апостол, заложивший фундамент христианской церкви в Азии, Греции и Македонии, — отвернулся от верных друзей и обратил лицо в сторону Иерусалима, зная, что заканчивается важная глава его жизни.

Утром мы прибыли на Родос. Это один из островов, на которые заходил корабль святого Павла по пути в Палестину. Согласно местной традиции, судно бросило якорь в маленькой бухте, рядом с Линдосом, крохотным городком в восточной части острова. У меня как раз оставалось время осмотреть бухту до того момента, как наш корабль продолжит путь в Хайфу.

Я плыл вдоль берега на гребной лодке. Проскользнув меж двух колонн, я очутился в одной из самых прелестных бухт, какие мне только доводилось видеть. Колонны эти были возведены итальянцами, которые правили островом с 1912 года. Они же возвели на колоннах символы Рима и Родоса: на одной красуется изображение бронзовой волчицы, а на другой — бронзовый олень.

Рядом с «волчьей» колонной стоит массивный форт Башни святого Николая — на том самом месте, где некогда была возведена статуя Колосса Родосского (она возвышалась на сто двенадцать футов над водой). Эта статуя являлась одним из Семи чудес света и по высоте уступала лишь статуе Свободы, которая имеет сто сорок футов в высоту. Колосс представлял собой изображение обнаженного Аполлона, державшего в правой руке горящий факел. Голову статуи украшал венец из расходящихся во все стороны лучей. Внутри фигуры была проложена винтовая лестница, которая поднималась до самой головы. Рассказывают, что жители Родоса по ночам зажигали огни в пустых глазницах статуи. Согласно забавной средневековой традиции, фигура Колосса перегораживала вход в гавань — так что кораблям приходилось проходить меж его ног, однако это не соответствует

действительности. Греческий скульптор вовсе не имел такого намерения. Помимо прочего, это было невыполнимо с инженерной точки зрения: попробуйте установить огромную бронзовую массу в описанной позе на твердой морской скале!

Колосс недолго тешил гордость жителей Родоса: он простоял с 280 по 224 год до н. э. Затем случилось страшное землетрясение, которое опрокинуло бронзового гиганта в море, где он и пролежал на протяжении девяти столетий. Приплыв на Родос, Павел еще мог увидеть фигуру Колосса у входа в гавань — то же самое зрелище застал и Плиний, который посетил остров в том же веке.

Даже будучи расположенным на земле, — писал Плиний, — это чудо способно поразить наше воображение. Мало кто из людей мог охватить его большой палец своими руками, а пальцы гиганта превышают по размеру большинство статуй. Между металлическими осколками, испещренными многочисленными трещинами, находились обломки каменных глыб, которые придавали устойчивость статуе до ее падения.

Увы, Колосса Родосского ждал унижительный конец. Сарацины, захватившие остров в 672 году, продали статую одному еврею в качестве металлического лома. Тот распилил фигуру и полученную массу — около девятистот тонн — вывез на караване из девятистот верблюдов. Наверняка эта бронза превратилась в орудия войны.

Я сошел на берег, который, несмотря на свой средневековый вид, являлся вполне современным. Итальянцы не поскупились на денежные затраты и отреставрировали многие древние строения. Надо отдать должное безупречному вкусу итальянцев: все, что строилось заново, выдерживалось в архаичном стиле. После того как итальянцы покинули остров, новым хозяевам — рыцарям-иоаннитам — досталась уже готовая штаб-квартира в виде обнесенного стенами города. Понятия не имею, как выглядело это место до итальянской оккупации, но сейчас город настолько тщательно и грамотно отреставрирован, что любой приезжий в современном костюме чувствует себя неуместным анахронизмом. Улица Рыцарей сохраняет столь безукоризненно средневековый вид, что мне, грешным делом, показалось, будто Великий магистр со своими присными просто переживает традиционную сиесту. В любой момент они могут появиться из-за угла, поправляя доспехи или прилаживая к поясу ножны.

На малой скорости я проехал по холмам, заросшим оливковыми деревьями, и добрался до городка Линдос, который расположился

на одном из прибрежных холмов. Это прелестное тихое местечко, где летают пчелы, порхают бабочки, а по улицам расхаживают серьезные смуглые ребята. Поднявшись по узкой белой улочке, я вышел к массивному на вид замку. Рыцари построили его на вершине греческого акрополя Линдоса. В настоящий момент замок обратился в развалины, но очень ухоженные. Итальянцы обращаются с каждым камнем так, будто он сделан из золота. Кажется, Моммзен назвал античный Родос избалованным чадом Римской империи. Не знаю, как обстояло дело с Римской империей, но то, что Родос — избалованное дитя итальянского департамента древностей, не подлежит сомнению.

С высоты крепостных укреплений я бросил взгляд на маленькую бухту, которая навечно связана с именем святого Павла. Размером она примерно в половину озера Серпентайн в нашем Гайд-парке и образована морскими водами, пробившими себе путь сквозь вулканическую скалу. В результате получился крохотный заливчик, со всех сторон окруженный сушей и имеющий всего один узкий проход — идеальное укрытие для маленького корабля. Единственным признаком жизни, когда-либо существовавшей на этих берегах, служит византийская часовня, уже обратившаяся в руины.

Я так и не смог выяснить, почему эта гавань связана с именем Павла. Известно, что в его времена на месте Линдоса существовал греческий городок. И корабль, на котором плыл апостол, сначала разгружался на Родосе, а затем плыл к Линдосу. Мне показался символичным тот факт, что в византийскую эпоху христиане Родоса построили небольшую церковь на пустынном берегу залива и посвятили ее святому Павлу.

К обеду я вернулся на Родос и провел массу времени в музее, где итальянцы выставили на обозрение античные экспонаты, которые удалось обнаружить на острове. Процесс настолько захватил меня, что я едва не пропустил свой корабль. Во всяком случае, я никогда еще не был так близок к тому, чтобы опоздать на отходившее судно. И только тревожные звуки сирены, разносившиеся над островом, привели меня в чувство и заставили покинуть стены музея. В суматошной атмосфере — когда опускают и убирают сходни, когда офицеры истошными голосами отдают последние команды — мне удалось незамеченным проскользнуть на борт.

А еще четыре дня спустя на нас обрушилась палестинская жара, и из морской глади выросла несравненная гора Кармел.

На ночь я остановился у братьев-кармелитов в монастырской гостинице, расположенной на самой вершине горы Кармел. Этот монастырь может похвастать самым удачным месторасположением во всей Святой Земле. Он возвышается над заливом Хайфы, на северо-запад открывается великолепный вид на Акру, а на юго-западе тянутся песчаные пляжи вплоть до разрушенного замка Атлит. Когда несчастные жители долины не могут заснуть из-за комаров и moskitov, здесь, на вершине, вы спокойно можете укладываться в постель, даже не потрудившись закрыть окно. Монастырь стоит в окружении леса, и среди деревьев нередко можно увидеть во тьме светящиеся зеленым глаза шакалов.

В монастыре проживают пятьдесят четыре монаха семнадцати национальностей, но, как правило, они не попадаются на глаза. Даже во время мессы, которая проходит в базилике, вы видите только священника, отправляющего службу, сами же братья прячутся на хорах за алтарем. Гостевой домик тоже стоит на отшибе — почти на самой границе хребта. Гостям прислуживает веселый и очень исполнительный послушник с Мальты. Если вы желаете испытать, что такое настоящая христианская сердечность, попробуйте заболеть под гостеприимным кровом монастыря кармелитов.

История этого ордена — причудливая смесь злого рока, героизма и праведности. Гора Кармел издавна привлекала к себе отшельников, и еще в византийские времена здесь существовала процветающая община. Однако латинское монашество обосновалось тут благодаря калабрийскому крестоносцу по имени Бертольд, который в 1150 году поселился на горе Кармел с десятком товарищей. Их жизнь состояла из постоянных молитв, почти непрерывного молчания и нескончаемых постов. К 1242 году орден кармелитов начал распространяться по Европе. Первые английские монастыри появились в Нортумберленде и в Эйлсфорде, графство Кент. Члены ордена в Англии получили прозвание белых братьев.

Тем временем на общину с горы Кармел обрушилось первое из длинной череды бедствий, после того, как Саладин захватил в 1291 году Акру. Монахов вырезали, а монастырь сжигали. На протяжении четырех столетий гору Кармел венчала груда развалин — до тех пор, пока реформы святой Терезы не вдохновили орден на восстановление монастыря. Это произошло в 1633 году, когда трое героических монахов отслужили тут мессу и тем самым

ознаменовали возвращение кармелитов на гору Кармел. Однако в 1761 году разразилась местная война, в ходе которой монастырь снова был разрушен. На его восстановление ушло шесть лет. Когда в 1799 году Наполеон осадил Акру, монахи-кармелиты устроили у себя госпиталь и выхаживали раненых французов. Однако стоило французским кораблям уйти, как нагрянули турки. Они убили всех монахов (за исключением одного, которому удалось бежать) и перерезали раненых французов — прямо на больничных койках. И снова монастырь превратился в груды развалин. Такое положение сохранялось до 1827 года, когда был заложен первый камень нынешнего здания монастыря.

Однако на этом беды монастыря не окончились. В 1866 году несколько колонистов предприняли попытку завладеть земельной собственностью монастыря. Монахи были слишком бедны, чтобы успешно защищать себя в суде. Спасла их тысяча долларов, собранная в Соединенных Штатах Америки. Во время Первой мировой войны турки конфисковали здание монастыря. Двух испанских монахов они приговорили к смертной казни. Приговор удалось отменить лишь благодаря вмешательству папы Бенедикта XV и бывшего короля Альфонсо. В результате несчастным монахам разрешили вернуться на родину.

Во время войны турки разграбили монастырь. Под предлогом поисков боеприпасов они разрушили памятник наполеоновским солдатам. Могила была вскрыта, кости солдат разбросали по монастырскому саду. Однако их удалось тайком собрать и сохранить. После окончания войны в Палестине установилось британское правление. Отец Лэм стал первым со времен крестовых походов английским викарием на горе Кармел. Под его руководством захоронение французских солдат восстановили и даже вернули изначальный крест, который удалось отыскать в одном из иерусалимских садов.

С 1919 года монахи горы Кармел живут в мире. Отец Лэм со временем перебрался на службу в Египет, его место занял отец Эдмунд О'Каллаган. Под его твердым, но благожелательным правлением маленькая интернациональная община на горе Кармел растет и процветает. Стелла Марис — подходящее имя для этой святой обители. Когда на Святую Землю опускается ночь, здесь зажигается маяк. Он посылает в морские просторы луч, символ негасимого здешнего света: это свет христианской веры, любви и доброты.

Я прибыл на закате. Слуга-мальтиец, не знавший о моем приезде и до того не видевший меня больше года, вышел на звук

работающего мотора и приветствовал меня возле гостевого домика так, будто расстался только вчера.

— Добрый вечер. Желаете занять свою старую комнату или ту, что выходит окнами в сад?

— Но... неужели ты нисколько не удивился, снова увидев меня? — спросил я.

Я чувствовал легкое разочарование оттого, что мой внезапный приезд не вызвал никаких эмоций. Наверное, в этом сказывалось ущемленное тщеславие.

— А почему я должен удивляться? — парировал послушник. — Это весь ваш багаж или есть еще что-нибудь?

подавив вздох разочарования, я поднялся вслед за ним в маленькую белую комнатку.

Выяснилось, что отец Эдмунд уехал и вернется очень поздно. Брат Себастьян тоже отсутствовал: он отправился ранним утром в дальний монастырь на восточном склоне горы, где располагается традиционное место жертвоприношения Илии. Оттуда с террасы открывается замечательный вид: на севере — холмы Галилеи, на юге — волнистые коричневые холмы Самарии. Брат Себастьян повез почту для сестер-кармелиток. Ему необходимо посетить скромный монастырь, где несколько святых женщин трудятся в селении друзов. Раз в неделю кому-то приходится садиться верхом на ослика и доставлять груз медикаментов для матерей и их детей. Я пожалел, что не застал Себастьяна. Он бы взял меня с собой, как уже было однажды. И я бы увидел легкую улыбку, озарившую лица монашек при виде писем. Но они деликатно отложили бы почту в сторону и предложили бы нам по чашке некрепкого чая. Я бы увидел, как одна из сестер промывает глаза больному ребенку, в то время как его мать, скорчившись, сидит на земле. Там непременно был бы всадник из числа друзов — куфия закрывает нижнюю часть лица, только черные глаза блестят поверх; мужчина легким галопом направляет коня в монастырь, чтобы добыть нужную вещь. А вокруг собралась вся деревня — темноглазые, на наш взгляд, дикие люди. Такие же дикие рычащие собаки... узкие деревенские улочки, грязные домишки. И среди всего этого — пожилые, хрупкие сестры-кармелитки. Они говорят тихими голосами, почти шепотом, ничему не удивляются и ничего не боятся в этой стране, где до сих пор бродят волки, кабаны и гиены. В стране, где и сами арабы с опаской поглядывают по сторонам.

В ожидании обеда я прогуливался по монастырскому саду и услышал какой-то стук из длинного сарая. Толкнув открытую дверь, я зашел внутрь и увидел брата Луиджи, трудившегося над высокой мраморной панелью, на которой он вырезал сцену из жизни

кармелитского монастыря. Этот мальтийский монах — прирожденный скульптор, и его удивительные работы можно встретить во всех католических монастырях Святой Земли.

Он стоял перед плитой — круглая шапочка сдвинута на затылок, очки сползли на самый кончик носа, вандейковская борода и вся сутана густо обсыпаны каменной крошкой и пылью. Даже четки, висевшие на запястье левой руки, и те были покрыты пылью. Металлический резец он держал осторожно, как люди обычно держат кинжал. Время от времени он пускал в ход маленькую киянку. После каждого такого удара отходил на несколько шагов, натягивал на глаза очки и, склоняя голову то в одну, то в другую сторону, оценивал достигнутый результат. Затем снова возвращался к мраморному полотну и продолжал работать.

При виде меня Луиджи едва не выронил резец из рук. У монаха был такой вид, будто он увидел привидение. Я почувствовал себя польщенным. Наконец-то хоть кто-то удивился моему приезду! Мы уселись рядышком на перевернутый ящик, и Луиджи принялся пересказывать мне все новости, которые накопились в Стелла Марис за год моего отсутствия...

После обеда я расположился на балконе, выходящем на сад, и долго смотрел, как светлое ожерелье мерцает вокруг темного горла Хайфского залива. Стелла Марис расположена так высоко, что звуки Хайфы сюда не доносятся. Вокруг царит полная тишина. Над верхушками пальмовых деревьев мелькают черные контуры летучих мышей. С неба светят звезды — неправдоподобно большие и яркие. Ко мне на цыпочках приблизился мальтийский послушник:

— Вас к телефону...

Это был чиновник из полицейского управления. В трубке слышался бодрый голос, изъяснявшийся по-английски.

— Алло. Нам стало известно, что вы намереваетесь посетить Кесарию. Для вашей поездки все готово. Нужный вам поезд отправляется завтра утром из Хайфы, надо поспеть к семи тридцати. Едете до станции Бенъямина, это примерно двадцать миль по железной дороге. Полицейское сопровождение будет ждать вас на станции. Приятного путешествия...

Вечером, прежде чем отправиться спать, я восстановил в памяти события, приведшие святого Павла в Кесарию. Итак, его корабль покинул Родос и направился в Патару. Там путешественники пересели на судно, идущее в Тир. Они двигались к сирийским берегам, оставляя слева по курсу Кипр. Плыли они на большом грузовом шлюпе, которому потребовалась целая неделя для разгрузки в Тире. Все это время Павел, Лука и их попутчики, которые перевозили ларец с подношениями от языческих церквей,

провели у местных христиан. Всех мучили дурные предчувствия. Другим казалось, что Павел едет навстречу неминуемой смерти. Они пытались предупредить апостола о грозящей опасности, умоляли прервать путешествие.

Когда корабль наконец разгрузился, все христиане Тира — вместе с женами и детьми — пришли на набережную проводить своего любимого друга и учителя. На золотом песчаном пляже, усеянном лиловыми ракушками, они опустились на колени и хором молились за Павла. Наверное, это была очень трогательная сцена: единственный случай, когда мы видим апостола в окружении маленьких детей. После всеобщей молитвы Павел вернулся на борт корабля, который продолжил путь на юг. Лука использует всего несколько скупых фраз, чтобы описать то, что не всем дано было увидеть, — нежную и чувствительную натуру апостола. Мы помним, как в Милете старейшины плакали на груди Павла при мысли, что не увидят его более. В Тире вся паства собралась на берегу и с грустью следила, как паруса шлюпа скрываются за горизонтом.

В Птолемаиде (которая ныне зовется Акрой) Павел, Лука и их спутники сошли с корабля и проделали пешком сорок миль на юг, пока не достигли Кесарии.

Здесь они разместились в доме Филиппа Благовестника, одного из семи диаконов. Он жил с семьей, среди которой «были четыре дочери девицы, пророчествующие»⁵⁸. И вновь Павел получил предупреждение о надвигающейся беде. Здесь в повествовании снова всплывает некий иудейский пророк по имени Агав. Ранее в Деяниях рассказывалось, что этот Агав предсказал наступление голода. Теперь же пророк, взяв пояс Павла и связав себе руки и ноги, объявил, что иудеи «так свяжут мужа, чей этот пояс... и передадут в руки язычников»⁵⁹. Те, кто присутствовал при этой сцене, стали упрашивать Павла не ходить в Иерусалим, дабы не рисковать жизнью. «Что вы делаете? Что плачете и сокрушаете сердце мое? — мягко ответил апостол. — Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса».

Отчаявшись переубедить Павла, маленькая группа вышла вместе с апостолом в Иерусалим и прибыла туда — как и планировал Павел — в канун праздника Пятидесятницы. Первым делом они преподнесли дары от языческих церквей, и, естественно, были приняты с распростертыми объятиями. Однако жители Иерусалима по-прежнему истово чтити Моисеев Закон. Поэтому к Павлу они отнеслись с большим подозрением, видя в нем «дурного иудея». Чтобы смягчить критику в свой адрес, Павел должен был исполнить какой-нибудь типичный иудейский ритуал — доказать, что, служа Иисусу, он по-прежнему придерживается веры отцов.

Павлу надлежало исполнить обряд, распространенный в то время среди евреев. Ему предложили очиститься при помощи четырех иудеев, имеющих на себе обет. Они исполнят свой обет, а Павел должен взять на себя издержки «на жертву за них, чтоб остригли себе голову». Апостол согласился. «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»⁶⁰, — так описывал он содеянное в Послании к Коринфянам.

Итак, Павел обрил голову и проводил все время с четырьмя евреями во дворах Храма. Это было самое многолюдное место во всем Иерусалиме. Все римляне и греки, приехавшие в Иерусалим, обязательно посещали Хель, то есть двор, предназначенный для ритуально нечистых и язычников. Во время религиозных праздников здесь собирались тысячи евреев со всех концов света. Однако за пределы этого двора язычникам хода не было. Об этом оповещали многочисленные надписи на латыни, греческом и древнееврейском языках: любого нарушителя ждала немедленная смерть. Одно из таких предупреждений, грубое и лаконичное по форме (подобно бессмертному «Не влезай — убьет!»), обнаружено при раскопках в Иерусалиме и теперь выставлено в качестве экспоната в Стамбульском музее.

Павла перед этим видели в городе в компании с Трофимом, жителем Эфеса, недавно обращенным в христианство. Вполне возможно, он показывался и с другими греками на территории Хеля. Среди тех, кто вел наблюдение за апостолом, были асийские евреи, члены синагог, которые отвергали Евангелие и гнали Павла от своих дверей. Наконец-то он сам угодил к ним в лапы! В прошлом они обвиняли апостола перед римскими правителями и магистратами; науськивали на него чернь в греческих городах; гнали Павла от города к городу в надежде, что где-нибудь удастся с ним покончить. Однако все их происки были безрезультатны. На протяжении многих лет он постоянно ускользал от врагов — только для того, чтобы сейчас предаться в их руки, да еще не где-нибудь, а в Храме, на глазах у тысяч свидетелей! Глупо не воспользоваться такой прекрасной возможностью! Иудеи решили вменить апостолу страшное преступление против веры: они обвинили Павла в том, что тот ввел язычников в Храм, позволив пересечь границу святого места.

«Мужи Израильские, помогите! — кричали они. — Этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего: притом и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие!»⁶¹

И тут же поднялся шум и гвалт. Толпа впала в неистовство: иудеи вели себя примерно так же, как сборище мусульман,

обнаруживших, что некий христианин проник к священному камню Каабы в Мекке. С криками и воплями они вытащили Павла из Храма. Из страха перед назревавшим мятежом двадцать священников из всех сил налегли на массивные бронзовые двери и заперли их. Римская стража, находившаяся в соседней крепости Антония, тоже не осталась в стороне. Легионеры похватали оружие и стремглав — расчищая себе путь копьями и щитами — бросились на лестницу, ведущую во двор для язычников. Начальником гарнизона в то время был грек по имени Клавдий Лисий. В его обязанности входило не только обеспечивать порядок во время праздника, но и выявлять политических провокаторов, в том числе одного неуловимого египтянина, за которым давно уже охотилась стража. Взглянув на Павла, он решил, что это и есть тот самый египтянин. Если учесть, что апостол был брит наголо, а в суматохе драки лишился большей части своей одежды, ошибка римского тысяченачальника становится вполне объяснимой. Лисий отдал приказ заковать в цепи подозрительного незнакомца и отвести в казарму для выяснения личности.

Толпа была настроена так враждебно, что по пути в казарму римским солдатам пришлось защищать арестанта — иначе его бы разорвали на кусочки. Так что, можно сказать, Клавдий Лисий спас апостола от самосуда.

Наконец, когда двери казармы захлопнулись, а часовые сомкнули копья перед носом у наиболее ретивых смутьянов, Павел получил возможность высказаться⁶².

— Можно ли мне сказать тебе нечто? — обратился он к тысяченачальнику.

— Ты знаешь по-гречески? — удивился тот. — Так не ты ли тот египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?

Павел посмотрел на Лисия и ответил:

— Я иудеянин, тарсянин, гражданин небезызвестного киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу.

Начальник выполнил просьбу апостола, и тот, «стоя на лестнице, дал знак рукою народу» и заговорил на еврейском языке. Толпа, услышав родную речь, от неожиданности умолкла. И в установившейся тишине Павел вкратце пересказал свою историю. Он сообщил, что был рожден и воспитан в семье ортодоксальных евреев. Вспомнил, как участвовал в гонениях на христиан и даже присутствовал при казни Стефана. Упомянул, что стерег одежду казнителей и собственными глазами видел, как кровь святого обагрила камни Кедронской долины. Далее он подробно пересказал историю своего обращения по дороге в Дамаск. Он рассказал, что

воочию видел Иисуса и слышал Его голос. И что Бог послал его с миссией во все уголки мира — нести благую весть о возможности спасения для язычников. Но при словах «Я пошлю тебя далеко к язычникам» шум поднялся пуще прежнего, и кто-то из евреев взвизгнул: «Истреби от земли такого! Ибо ему не должно жить!»

Разъярившись, евреи разорвали на себе одежды и стали бросать «пыль на воздух». Павел, Лисий и римские солдаты наблюдали за этим спектаклем со ступеней лестницы. Лисий, видя, что его милосердие привело к плачевным результатам, велел увести Павла в казарму и там высечь.

Однако, когда римский легионер привязывал апостола к столбу, тот обратился к нему с провокационным вопросом:

— Разве позволено бичевать римского гражданина, да еще без суда?

Центурион испугался не на шутку: это действительно было противозаконно, и лично ему грозило большими неприятностями. Поэтому он пошел к Лисию и обо всем рассказал. Тысяченачальник решил разобраться самостоятельно. Он пришел к Павлу и спросил:

— Скажи мне, ты римский гражданин?

Апостол ответил утвердительно.

Лисий глядел на этого человека в замешательстве. Он-то был урожденным греком и за свое римское гражданство выложил немалую сумму. Павел производил впечатление откровенного бедняка и вряд ли мог себе позволить покупку гражданства. Углубившись в собственные воспоминания, Лисий произнес вслух:

— Мне это стоило немалых денег.

И услышал в ответ:

— Я получил гражданство при рождении.

В душе римского офицера смешалась сложная гамма чувств: страх, уважение, удовлетворение. Страх — оттого, что он едва не высек римлянина (а такой проступок карался весьма строго); уважение по отношению к Павлу, человеку, который по праву рождения получил то, за что ему, Лисию, пришлось платить; и, наконец, удовлетворение от того, что он умудрился спасти римлянина от ненавистных евреев. Клавдий Лисий решил собрать синедрион: ему хотелось услышать из первых уст — от самих иудеев, — в чем заключается вина Павла.

Заседание, однако, проходило так бурно, что страже пришлось — от греха подальше — снова увести Павла в казарму. Пока он находился под стражей, явился некий молодой человек и заявил, что хочет видеть апостола. Он оказался племянником Павла, сыном его сестры, которая вышла замуж и осталась жить в Иерусалиме. Это, кстати, единственное упоминание о членах семьи святого.

Судя по всему, его сестра была замужем за кем-то из членов синедриона. Она подслушала, что против ее брата готовится заговор с целью лишить его жизни. Получив это известие, Павел отправил племянника к Клавдию Лисию. Тот, «взяв его за руку и отошед с ним в сторону», спросил:

— Что имеешь ты сказать мне?

Юноша отвечал:

— Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла перед синедрионом, как будто они хотят точнее исследовать его дело. Но ты не слушай их; ибо его подстерегают более сорока человек, которые заклились не есть и не пить, доколе не убьют его; и они теперь готовы, ожидая твоего распоряжения.

Тысяченачальник отпустил юношу, предупредив:

— Никому не говори, что ты объявил мне это.

После того как молодой человек удалился, Лисий вызвал к себе двух центурионов и велел:

— Приготовьте мне воинов пеших двести, конных семьдесят и стрелков двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию. Приготовьте также ослов, чтобы, посадивши Павла, препроводить его к правителю Феликсу.

Затем он взял табличку и написал письмо прокуратору, в котором обрисовал в общих чертах возникшую проблему. Легкий оттенок самодовольства ощущается даже сейчас, по истечении веков.

«Я, пришед с воинами, — пишет он, — отнял его, узнав, что он Римский гражданин». Надо думать, Лука слышал, как это письмо зачитывалось в суде, или же имел на руках его копию. Ибо никто, восстанавливая подобное послание по памяти, не смог бы воссоздать эту атмосферу полуправды.

Запечатав послание, Лисий передал его начальнику эскорта. И в третьем часу ночи кавалькада всадников под прикрытием копейщиков прогрохотала по улицам спящего города. Они выехали на дорогу, которая спускалась с Иерусалимских высот в долину Шарона.

За ночь они проделали тридцать пять миль по холмам, направляясь к Антипатриде. Ехать приходилось по местности, кишевшей бандитскими шайками. Вот почему Лисий отправил апостола под усиленным конвоем. Однако когда кавалькада добралась до города Антипатрида (современный Рош ха-Аин), стоявшего на самом краю равнины, опасность засады практически миновала. Посему две сотни копейщиков вернулись в Иерусалим, предоставив Павлу в сопровождении кавалерийского эскорта самостоятельно проехать двадцать семь миль до Кесарии.

Свежим прохладным утром я отправился на станцию. Отсюда началось наше путешествие через долину Шарон, затем через Синайскую пустыню до местечка под названием Кантара-Восточная, куда приходит каирский экспресс. Заняв место в купе, я занялся тем, чем обычно занимаюсь в поездках, — стал смотреть в окно. Справа лежало Средиземное море. Оно было так близко, что при желании я мог бы бросить в него камень (если бы таковой оказался у меня под рукой). Слева тянулись бесконечные холмы, между них проходила песчаная дорога, по которой брели караваны верблюдов: мерно ступая, они несли свой груз в Хайфу.

Мы миновали массивные развалины замка Атлит, этого средневекового Замка паломников. Его золотистые стены и бастионы поднимались прямо из моря, и волны который век бились о древние камни, окатывая облаком брызг стены крепости.

Примерно через час наш поезд прибыл на маленькую станцию Беньямина. Перрон отсутствовал, железнодорожные пути пролегли прямо по песку. Это было сплошное царство песка: песчаные просторы тянулись во все стороны, лишь на востоке переходя в невысокие холмы. Сама станция имела весьма непритязательный вид: несколько деревянных навесов и столбы, к которым были привязаны сидящие верблюды. Выяснилось, что я единственный пассажир, которому вздумалось выйти в Беньямине. Ко мне тут же направился молодой светловолосый англичанин в форме сержанта полиции. При ходьбе он слегка постукивал стеком для верховой езды по своим голубым крагам. Поодаль стоял констебль, держа в поводу двух лошадей, одна из которых оказалась великолепной арабской кобылой белого цвета.

— Доброе утро, — поздоровался сержант. — Сегодня нас ожидает жаркий денек. Нам понадобится не меньше часа, чтобы добраться до Кесарии.

Мы подошли к лошадям. В сторонке стояла — под изучающими взглядами группы молчаливых арабов — нелепого вида тележка, запряженная парой мулов. По сути, это был деревянный ящик, поставленный на четыре колеса, который сейчас можно увидеть лишь в старомодных фильмах. Тележка была снабжена полотняным навесом, защищающим пассажира от палящих лучей солнца. На узкой лавке сидел возница — огромный польский еврей в рубашке без пиджака.

Сержант окинул меня оценивающим взглядом и деликатно откашлялся.

— Прошу прощения, — начал он и умолк.

— В чем дело? — поинтересовался я.

— Видите ли, я почему-то решил, что вы джентльмен преклонных лет, — пояснил он. — Потому и распорядился насчет тележки. Верхом мы могли бы проделать путь гораздо быстрее.

Я молча вскарабкался на злополучную тележку, которая отозвалась жалобным стоном своих подагрических суставов. Возница прикрикнул на мулов. Те с видимым усилием сдвинулись с места, и мы медленно потащились вдоль железнодорожной линии. Сержант и констебль играли роль конного эскорта, пристроившись по обеим сторонам нашего экипажа. Я поинтересовался у сержанта, кто по национальности констебль — араб или еврей?

— Еврей. Тоже очень хороший парень.

— А для чего нужно полицейское сопровождение в Кесарии?

— Видите ли, здесь все-таки глухая местность. Хотя, на мой взгляд, опасаться нечего. Здешние арабы отличные люди и никогда не создавали никаких проблем. Тем не менее вы первый европеец, пожелавший посетить Кесарию за последние три года. И я подумал, что будет спокойнее, если я сам пригляжу за вами.

Миниатюрные горные хребты, сложенные из золотого песка, тянутся вдоль всего палестинского побережья — от пограничного Рафаха почти до Хайфы. Дюны, протянувшиеся почти на сотню миль, образованы песком, принесенным из Египта и Синайской пустыни. Сэр Флиндерс Петри рассказывал мне об открытии, которое он сделал, исследуя местные дюны. Оказывается, в отдаленные времена данная местность представляла собой подобие Ривьеры: здесь стояли прибрежные города, окруженные пальмовыми рощами. Если бы удалось реализовать программу ирригации и озеленения, то наступление песков можно было остановить, и пустынная ныне местность вновь обрела бы прежний цветущий вид.

Пока же мои впечатления от поездки в Кесарию сводились больше к неприятным ощущениям: слепящее солнце, унылые изгороди из кактусов, тощие верблюды, бедуины, которые приводят к редким источникам огромные отары овец на водопой, а также нескончаемый скрип нашего допотопного экипажа, время от времени увязавшего в мягком песке.

Кесария располагается примерно в пяти милях от железнодорожной станции. Она по-прежнему носит древнее имя, хотя арабы предпочитают называть ее Кайзерией.

Первым признаком того, что мы приближаемся к Кесарии, стал голубой проблеск Средиземного моря на горизонте. Затем обозначилось некое подобие дороги, проложенной между стенами

из коричневого камня. Ура, мы на верном пути! Местность вокруг была усеяна грубо обтесанными обломками песчаника, по виду напоминавшего окаменелую губку. До меня не сразу дошло, что это — остатки строений древней Кесарии. По пути нам встретилась маленькая арабская деревушка, откуда выскочила дюжина чумазных ребятишек. При виде нашей процессии они с громкими криками бросились врассыпную — будто увидели самого дьявола. Деревня представляла собой скопление крохотных домиков с плоскими крышами, кучи сараев и парочки неприменных мечетей. В стороне, на песчаном пляже, виднелись полуразрушенные стены.

— Ну наконец-то прибыли, — сказал сержант. — Вот ваша Кесария.

Пока мы расседывали и устраивали на отдых лошадей и мулов, вокруг собралось почти все население деревни — несколько сотен мужчин. Закутанные в чадру женщины толпились на крышах домов или боязливо выглядывали из приоткрытых дверей. Правящая верхушка Кесарии была представлена тремя молодыми стройными арабами, настолько похожими друг на друга, что я их различал лишь по одежде. Один из братьев был одет в рубашку и обычные брюки, на другом вместо брюк были бриджи для верховой езды, однако сапоги (как и любая другая обувь) отсутствовали. Третий радовал взгляд традиционной полосатой *галабией*. После обмена рукопожатиями братья объявили, что почтут за честь принять иностранного гостя в своем скромном жилище. Насколько я понял, нас приглашали на маленький семейный обед, который состоится в любое удобное для нас время. Мы отвечали в духе местной куртуазии: мол, почтем за честь. Ничто не доставит нам столько радости, как возможность воспользоваться гостеприимством любезных хозяев. После этого мы снова обменялись крепкими мужскими рукопожатиями и разошлись по своим делам.

Я отправился исследовать Кесарию. Вернее сказать, те несколько разрозненных поваленных камней, которые остались от некогда величественного города Римской империи. Великолепный порт, гордость Кесарии, превратился в каменистую бухту с каменным пирсом, торчавшим в отдалении. Прохаживаясь по побережью, мы набрали на руины римского театра, высеченного в скале. Скорее всего, это был небольшой одеон, от которого осталось лишь несколько закругленных рядов с сидениями. Римские колонны, которые, несомненно, когда-то стояли здесь, давно уже перекочевали во дворы арабской деревни.

Правительство Палестины учредило в Кесарии пост хранителя древностей. Таковым оказался сухопарый арабский старичок, который, водрузив очки на кончик носа, сосредоточенно изучал

потрепанный экземпляр Корана. При виде гостей он с видимым усилием поднялся со своего кресла и медленно натянул на руку повязку, очевидно являвшуюся показателем официального статуса. После этого он отпер двери невзрачного сарая и предложил нам осмотреть экспозицию, включавшую набор побитых мраморных голов и несколько плит с полустершимися латинскими надписями.

Здесьняя местность на многие мили усеяна мраморными осколками. Случалось, что в полях раскапывали целые колонны. Однако систематических археологических раскопок никогда не проводилось, что сильно затрудняет составление плана античного города.

По свидетельству Иосифа Флавия, Ирод Великий строил Кесарию в качестве главного порта своего царства и посвятил его Августу (что и отражено в названии города — города цезаря). Вообще, надо сказать, Ирод был великим мастером посвящений. Даже английские писатели георгианской эпохи — которые, по общепризнанному мнению, довели искусство лести до совершенства — по сравнению с Иродом Великим выглядят наивными детьми. За годы его правления в Палестине выросло множество новых городов, и каждому из них было заботливо выбрано имя — в честь того или иного члена императорской семьи. Строительство Кесарии длилось двенадцать лет, за это время она и вправду превратилась в великолепный порт и один из самых современных городов той эпохи. Установив огромные каменные глыбы на глубине в двадцать фатомов, строители создали внушительный волнолом шириной в двести футов. Спору нет — кесарийский порт представлял собой значительное достижение инженерной мысли, и все городские дороги вели к нему. Все главные дороги пересекали широкие параллельные проспекты, а система подземных ходов соединяла городские кварталы с портом.

Самые красивые здания города группировались вдоль набережной. На обращенной к морю платформе стоял величественный мраморный храм, который был виден всем кораблям, направлявшимся в Кесарию. В этом храме Ирод установил две статуи: одна из них была посвящена Риму, а вторая — непосредственно императору Августу, который, как известно, приравнивался к языческим богам. Самым же роскошным зданием в городе, естественно, был дворец Ирода Великого.

После смерти Ирода Кесария стала политической столицей римской провинции. Дворец Ирода превратился в резиденцию губернатора, которую последовательно занимали римские прокураторы, включая небезызвестного Понтия Пилата.

В ходе нашей прогулки мы достаточно далеко удалились от деревни и очутились в местности, где в окружении апельсиновых рощ стояли разрозненные фермы.

— А что, здесь совсем нет христиан? — спросил я у сержанта.

— Есть отец Иоанн, греческий священник.

В этот миг из-за пригорка показался всадник. Он восседал в арабском седле, а поводьями ему служил кусок веревки. На незнакомце были полосатые брюки, которые когда-то, в незапамятные времена, явно входили в комплект визитки. Серая рубаха распахнута у ворота, на ногах у всадника красовались турецкие шлепанцы, которые чудом удерживались в стремях. За спиной у него торчал дробовик. Однако самым замечательным в этом человеке было лицо — худое, смуглое, как у араба, с прямым носом, заставлявшим вспомнить древнегреческие скульптуры. Жесткая густая борода росла от самых губ. Волосы были собраны в огромный узел на затылке. Я уверен: если бы его распустить, волна волос доходила бы мужчине до пояса. Я застыл, пораженный столь необычным персонажем — мне он виделся странной смесью святого и разбойника.

— Ради бога, — шепотом обратился я к сержанту, — кто этот человек?

— А это и есть наш отец Иоанн.

Приблизившись, священник извинился за свое внезапное появление. Очень жаль, сказал он, что я застал его в столь неприглядном виде, но дело в том, что ему показалось, будто в поле промелькнул заяц. И отец Иоанн не хотел упускать прекрасную возможность — приготовить жаркое из зайца к завтрашнему визиту Кесарийского епископа.

— Кесарийский епископ? — переспросил я. — Я и не слышал о таком сане.

— Ах! — воскликнул отец Иоанн. — Все это не более чем пустой звук! Оглянитесь вокруг. Что осталось от бывшего великолепия — одни только камни... Однако в прежние времена у нас были великие епископы. Например, Евсевий Кесарийский...

Он подпернул на плече дробовик.

— Нынешний епископ живет в Иерусалиме, а я всего-навсего сторожевой пес... охранник.

— И что же вы охраняете, отец Иоанн? — поинтересовался я.

— Тот кусочек земли, который греческая православная церковь сохранила за собой со времен Византийской империи. Это все, что осталось от некогда несметных владений. Раньше все вокруг, — он сделал широкий жест рукой, — все было христианским. А теперь... да что говорить, вы и сами видите.

— А что насчет вашего епископа? — продолжал допытываться я.

— Он приезжает сюда, когда у него возникает потребность в переменах. Очень жаль, что мне не удалось подстрелить зайца. Ну ничего, попытаюсь еще раз вечером.

— И что, сегодня в Кесарии не осталось христиан? — спросил я. — Ни одной семьи?

— Ну почему же? Есть четыре семьи, — ответил священник. — Но все они либо католики, либо марониты. А вас действительно интересуют такие подробности?

Пришлось сознаться, что я пишу книгу о святом Павле. Услышав это имя, отец Иоанн кубарем скатился со спины своего скакуна и бросился ко мне с распростертыми объятиями.

— Добро пожаловать в Кесарию, дорогой сэр! — воскликнул он. — Вы просто обязаны прийти и осмотреть мою церковь, ведь она посвящена святому Павлу.

Он задержал мою руку в своей, будто обрел давно утраченного друга. Не знаю уж, для кого это было важнее — осмотреть церковь Святого Павла. Я пообещал, что мы обязательно придем, как только отообедаем в доме у арабских друзей. Отец Иоанн снова взгромоздился в седло и, сияя всеми морщинками на худом лице, скрылся за ближайшим холмом. По дороге он постоянно оглядывался и с улыбкой махал мне.

— Замечательный человек, — охарактеризовал его сержант. — И, между прочим, отличный стрелок...

Согласно правилам вежливости, братья дожидались нас у ворот. Мы снова обменялись рукопожатием. Затем они распахнули ворота и провели нас в маленький дворик, в глубине которого стоял домик с белеными стенами. Мы поднялись по лестнице и очутились в прохладной комнате, где стоял стол, уже накрытый для трапезы. С отменной учтивостью, столь присущей всей арабской нации, братья провели нас на лучшие места. Я обратил внимание, что стол накрыт в европейских традициях — с вилками, ножами и чайными ложечками. Чтобы добиться такого эффекта, братьям, подозреваю, пришлось ограбить половину соседних домов.

Первым делом принесли воду для омовения рук. После этого один из братьев внес поднос, на котором стояли стаканы с тутовой настойкой. Затем последовал кофе с сигаретами. Всякий раз, как я делал хоть малейшее движение — убрать в сторону подушку или дотянуться до коробка спичек, — братья, опережая друг друга, бросались мне на помощь. Право, подобная предупредительность сбивала с толку. Так прошло полчаса. Затем три четверти часа... час. И никаких намеков на обещанный обед! Мы развлекались тем, что пили тутовую настойку. Однако к концу означенного часа в

комнату начали просачиваться дразнящие запахи еды. В соседнем помещении что-то шипело и шкворчало — я посчитал это за добрый знак. На лицах хозяев дома появилось выражение легкого нетерпения. Вскоре один из них вышел за дверь, но почти тут же вернулся. Вид у него был вполне довольный, из чего я заключил, что все идет по плану.

Внезапно дверь отворилась, показались две обнаженные женские руки с котелком, в котором, судя по всему, дымился крайне аппетитный суп. Братья одновременно бросились к дверям, общими усилиями суп был водружен на стол. Как выяснилось, это был куриный бульон, заправленный бог весть какими пряностями. Я не кулинар, но могу авторитетно засвидетельствовать — вкус у супа был отменный. Одно лишь смущало и портило удовольствие от еды: братьев никакими средствами нельзя было уговорить сесть вместе с нами за стол. Тут они были непреклонны: обязанность хозяев дома — прислуживать гостям. Мы вполне искренне похвалили стряпню, на что братья, проявив завидное единодушие, воздели руки вверх и заявили, что нет, суп совсем не удался! Что приготовлено так, на скорую руку... Вот если бы они знали заранее о визите столь уважаемых людей, тогда они постарались бы не ударить в грязь лицом.

И снова в открытой двери показались уже знакомые нам руки. На сей раз они держали огромное блюдо, на котором громоздилась живописная гора телятины, жареных помидоров и риса. Вкус был выше всяких похвал, но братья снова в возмущении воздели руки и заявили, что это не обед, а легкий перекус! Изрядно проголодавшись, мы с сержантом дружно накинулись на «перекус» и съели столько, что почувствовали: больше нам не одолеть. Мы надеялись, что на том обед и закончится. Однако ошиблись. Дверь снова тихо приоткрылась, оттуда появилось круглое блюдо с яйцами, рубленным мясом и жареным луком. Причем в таком количестве, что можно было накормить двадцать изголодавшихся великанов. Это уж слишком, простонали мы в искреннем ужасе. Да бросьте, возражали нам гостеприимные хозяева. Стоит ли вести речь о таких пустяках! При этом они накладывали фантастические горы снеди на наши тарелки и настаивали, чтобы мы поменьше говорили, а побольше ели.

— Это же настоящее пиршество! — простонал я.

— Да бросьте! Какое там пиршество, обычный обед, — ответил мне один из братьев, после чего умудрился подложить еще пару яиц на мою тарелку.

Братья сидели полукругом, излучая тонкую обходительность и абсолютное, подавляющее гостеприимство. Я почувствовал, что у

меня сперло дыхание. Я знал, что никогда в своей жизни больше не стану есть телятину, рис, рубленое мясо, яйца и лук. Затем меня охватило предчувствие, что сейчас произойдет что-то ужасное. И действительно, дверь снова отворилась! За ней вновь обнаружилась пара таинственных рук. Я едва заставил себя смотреть на все это. С чувством надвигающегося неминуемого конца я увидел, что в качестве *piece de resistance*^[44] предлагаются жареные куриные ножки и потроха. Судя по всему, ради нашего обеда в птичнике была устроена настоящая резня: на блюде лежало по меньшей мере двадцать ножек! По счастью, мой друг — еврейский сержант — обладал аппетитом Гаргантюа. Он съел — бог ведает, как — три куриные ножки и вдобавок к ним немереное количество потрошков.

В гробовом молчании, которое уже приобрело зловещий оттенок, я наблюдал, как дверь снова тихо приоткрылась. Слава богу, на сей раз появилась лишь тутовая настойка и кофе. Обед благополучно завершился.

Наши хозяева выкурили с нами по сигарете и завели разговор о древней Кесарии. Они постарались рассказать все, что знали на эту тему. Мне интересно было выяснить, сохранились ли воспоминания о древнем городе в виде песен и сказаний у современных жителей. Я узнал много интересного. Оказывается, развалины маленького театра, который я обследовал на побережье, у арабов называются «девичьим театром», а остатки ипподрома, расположенного на землях отца Иоанна, носят название «место лошадей». Интересно, связаны ли эти топонимы с греческими пьесами и соревнованиями колесниц, которые устраивались тысячи лет назад?

Мы распрощались с братьями, которые продемонстрировали нам высшую степень традиционного арабского гостеприимства, и, отяжелевшие от обильной еды, медленно направились к отцу Иоанну. Он встретил нас в дверях своего дома. На сей раз на нем была длинная ряса и традиционная шапка греческих священников.

— Вам надо что-нибудь перекусить! — радостно поприветствовал нас отец Иоанн.

— Нет, нет, только не это! — взмолились мы, усаживаясь за стол на кухне. — Пожалуйста, никакой еды!

Однако отец Иоанн, грек-киприот по происхождению, имел собственные представления о гостеприимстве. На столе появились кофе и блюдечко с джемом из дыни.

В этих краях, где людям нередко приходилось голодать, радушие хозяина заключается в том, чтобы накормить гостя до отвала. При этом вежливость требует, чтобы вы хвалили угощение, и — следуя этикету — приходится это делать, пусть похвала

чревата новой порцией еды, которую вы уже не в состоянии усвоить. Таким образом, я был чрезвычайно благодарен хозяйской кошке, которая, рискуя жизнью, совершила диверсию: залезла в открытый холодильник и стащила какой-то деликатес, явно припасенный к приезду епископа.

— А теперь, не желаете ли осмотреть церковь? — предложил отец Иоанн.

Он провел нас в сад, где золотисто-коричневые камни византийского периода соседствовали с фруктовыми деревьями и капустными кочанами. Здание церкви представляло собой апсиду храма, некогда стоявшего на этом месте. Древние камни все еще лежали по углам здания, но были заметны более поздние переделки, крышу тоже относительно недавно перекрывали.

— Когда-то на этом месте стоял собор Святого Павла, — рассказывал отец Иоанн. — А под ним находилась тюрьма, в которую заключили апостола. Я вам все покажу, но сначала давайте осмотрим церковь.

Приподняв подол рясы, он достал из кармана брюк ключ и отпер шаткую деревянную дверь, установленную в качестве защиты от овец и цыплят. Мы вошли в маленький темный склеп, чьи огромные камни странным образом диссонировали с размерами комнаты. Алтарем служил деревянный стол, накрытый обычной столовой скатертью. На нем покоились два медных подсвечника и деревянное распятие. По стенам были развешаны несколько икон, здесь же хранилась странная коллекция из мраморных осколков римской поры и византийских плит с посвящениями — все это отец Иоанн выкопал собственноручно на принадлежавшей ему земле.

Должен честно признаться, никогда еще мне не доводилось видеть столь маленькой и убогой церквушки. Это единственная православная церковь на моей памяти, в которой отсутствовал иконостас. По воскресеньям отец Иоанн проводит здесь службу — в полном одиночестве, ибо у него нет прихожан. Увы, на наших глазах христианство угасает в этом древнем краю, в городе, где некогда блистали Павел, Ориген и Евсевий.

Отец Иоанн распахнул затянутые паутиной ставни, чтобы впустить больше света и дать нам возможность насладиться деталями, невидимыми в полумраке. И в этот миг я понял, что был несправедлив к нему. Увидев его верхом на лошади и с дробовиком за спиной, я посчитал, что он интересуется в первую очередь охотой на зайцев и выращиванием бобов, а духовные интересы отошли для него на второй план. Однако здесь, в этой жалкой часовенке, отец Иоанн двигался с уверенностью и грацией человека, хорошо знакомого со своими владениями. В нем

появилась какая-то значительность, он даже ростом стал выше. Короче, передо мной был совершенно другой человек.

— Я всего-навсего бедный священник, — вздохнул он. — У меня нет ничего, но если бы я владел какими-то средствами, то, не задумываясь, отдал бы все, чтобы спасти от осквернения склеп — святой склеп, — который находится под этой церковью.

Я не нашелся, что ответить — столь велико было мое удивление при виде изменений, происшедших в этом человеке. Глаза его сверкали. Внезапно он превратился в воина христианской церкви.

— Под зданием церкви, — рассказывал он, — находится темница святого Павла. Вы сами увидите, во что она превратилась. Сейчас там конюшня для лошадей и осликов. Разве такое допустимо? Я называю это осквернением, причем, самым худшим из всех возможных. В 1925 году здание продали еврейской общине, которая занималась фермерством в здешних краях. И вот как они распорядились священным зданием. Пойдемте, вы все сами увидите!

Сердито нахмурясь, он зашагал вперед, указывая на пустые места, где некогда возвышались колонны храма. Отец Иоанн привел нас к длинному, прекрасно спроектированному склепу, в котором стояла фермерская повозка. Склеп был сложен из огромных камней, которые я бы датировал византийской или даже более ранней эпохой. Было заметно, что раньше помещение являлось частью крипты разрушенного собора. Согласно традиции греческой православной церкви, здесь располагалась темница, в которой содержался святой Павел. Я был настолько тронут глубиной чувств отца Иоанна, что пообещал написать от его имени прошение палестинскому правительству с просьбой прислать компетентного специалиста для обследования здания. Я сдержал свое обещание и от знакомых из правительственных кругов узнал, что дело движется в нужном направлении. Пока греческая православная церковь собирает средства для того, чтобы выкупить здание, предприняты некоторые шаги по его сохранению. В частности, «нынешним арендаторам предписано удалить из помещения животных и содержать склеп в надлежащем состоянии».

Посещение склепа настолько расстроило отца Иоанна, что прошло некоторое время, прежде чем он снова обрел свое обычное — веселое и уравновешенное — расположение духа. Вначале он молча шагал по прилегающему участку. Так же молча, угрюмо раздвинул заросли олеандра и пояснил:

— Здесь располагался ипподром.

Я с любопытством рассматривал остатки большой арены, ныне густо заросшей травой. В центре площадки валялся перевернутый обелиск из красного гранита — очевидно, одна из трех мет, от которых стартовали колесницы. Подобно большинству амфитеатров (включая знаменитый стадион в Олимпии), Кесарийский просто вырезан в холме и не облицован мрамором. Этим, очевидно, и объясняется его замечательная сохранность. Здесь просто не было ничего ценного для жителей окружающих сел. Я не сомневался, что передо мною тот самый амфитеатр, который был построен по приказу Ирода Великого. «В южной части города, позади порта, — писал Иосиф Флавий, — он построил амфитеатр, способный вместить огромное количество народа и позволявший наслаждаться морским видом».

На самом деле амфитеатр вмещал свыше двадцати тысяч человек. Он пребывает в отличном состоянии: если удалить заросли кустарника, то можно хоть завтра устраивать здесь бега. Время и дикая природа, конечно, внесли коррективы. На трибунах, где раньше располагалась публика, поднялись невысокие деревца диких лимонов, а на песчаном участке дорожки — там, где некогда стояла императорская трибуна — выросло огромное фиговое дерево. Оно словно намеренно отмечает место, откуда сначала Ирод, а затем римские прокураторы вели наблюдение за спортивными состязаниями...

С некоторой грустью мы распрощались с отцом Иоанном. Поскольку уже начинало темнеть, мой польско-еврейский возница безжалостно нахлестывал мулов — так что они бежали довольно резво. Позже, уже сидя в вагоне ночного поезда на Хайфу, я все возвращался мыслями к одинокому священнику, который живет на руинах Кесарии и раз в неделю спускается в склеп, чтобы зажечь свечу во славу Господа нашего Иисуса Христа.

8

В то время, когда святого Павла подвергли аресту, прокуратором Иудеи был Антоний Феликс. Он был назначен в 52 году, следовательно, ко времени описываемых событий уже несколько лет занимал свой пост.

Антония Феликса трудно было назвать приятной личностью. Тацит характеризовал его как человека, «запятнавшего свое правление жестокостью и грабежом и соединявшего в себе почти безусловную царскую власть с душою раба». Приговор этот полон едких намеков, ибо Феликс — человек плебейского происхождения

— стал мужем трех цариц. Он был братом другого печально знаменитого раба — Палласа, высокомерного вольноотпущенника Клавдия, чье баснословное богатство привело в конце концов к его безвременной смерти. Благодаря протекции брата Феликс получил звание прокуратора Иудеи и стал первым вольноотпущенником на таком высоком посту.

Личность его первой жены не установлена, но полагают, что она принадлежала к царскому роду. Вторично Феликс женился на внучке Антония и Клеопатры, а третьей его женой стала еврейка, сестра Агриппы I, царица по имени Друзилла. Феликс повстречался с ней вскоре после того, как стал прокуратором Иудеи. На тот момент Друзилла была замужем за Асизом, царем Емисийским, однако это не остановило Антония Феликса: он увел Друзиллу у мужа и сделал своей третьей женой. Ей было около девятнадцати лет, когда Павла доставили в Кесарию на допрос к прокуратору. Хотя все изложенное выше не нашло отражения в Деяниях, характер Феликса и обстоятельства его правления явственно читаются в тексте святого Луки.

Павла поместили во дворец Ирода, который (как я уже упоминал) исполнял роль резиденции губернатора Иудеи, а помимо того, являлся самым красивым зданием Кесарии. В пятидневный срок из Иерусалима прибыла группа обвинителей во главе с первосвященником, среди них находился законник Тертуллий. Само судебное разбирательство выглядело весьма неубедительно. Адвокат в своем выступлении изобразил Павла не только опасным провокатором, который подстрекает к мятежу жителей империи, но и нарушителем законов еврейской нации. Павел отвечал спокойно и с достоинством. Он отрицал выдвинутые против него обвинения. Феликс отложил слушание дела, сославшись на отсутствие Клавдия Лисия, начальника Иерусалимского гарнизона.

Это дело, равно как и личность самого апостола, вызвали большой интерес у обитателей дворца. Вполне естественно, что Друзилла, молодая жена прокуратора, пожелала встретиться со своим соотечественником. Мы читаем, что «...Феликс, пришед с Друзиллою, женою своею, Иудеянкою, призвал Павла и слушал его о вере во Христа Иисуса»⁶³. Полагаю, это была достойная сцена: римский губернатор, насквозь мирской человек, нечистый на руку жизнелюб; его молодая образованная жена, в жилах которой текла скверная кровь Иродов; и апостол, которому в ту пору было уже далеко за пятьдесят — за плечами годы тяжелейших испытаний, которые не смогли угасить пыл в его душе. Нам неизвестно в точности, что говорил Павел о христианстве. Но полагаю, что он — подобно Иоанну Крестителю в беседе с Иродом Антипой — обвинил

правителей в безнравственности и, судя по всему, сделал это в довольно резкой форме.

«И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойдя, а когда найду время, позову тебя».

После того Феликс неоднократно вызывал к себе апостола, и по весьма любопытному поводу: он надеялся, что Павел предложит ему взятку за свое освобождение. Согласитесь, выглядит по меньшей мере странно: прокуратор Иудеи, брат баснословно богатого Палласа, ждет денег от столь скромного человека, каковым являлся апостол Павел. Однако у алчности нет границ, жадность — чувство со своей собственной, извращенной логикой. Богач, как ребенок, способен радоваться даже небольшой подачке. Однако более правдоподобным кажется, что Феликс подозревал наличие значительных денег у Павла. Если так, то встает вопрос, когда Павел успел разбогатеть?

Можно предположить, что материальное положение апостола значительно изменилось за три года пребывания в Эфесе. По прибытии в этот город Павел был жалким обойщиком, зарабатывавшим на жизнь шитьем палаток. Когда же он покидал Эфес, то водил дружбу с богатыми и знатными асиархами. Затем апостол приезжает в Иерусалим, и первое, что мы о нем узнаем, — что он оплатил издержки на жертву четырех назаретян. Феликс обращается с апостолом с подчеркнутым уважением, а уважение такого человека означает только одно: он видит в своем визави богатого. Давайте заглянем на шаг вперед. Павел желает перенести суд в Рим, дабы предстать перед цезарем. А это, заметим, недешевое удовольствие. Все равно, как если бы в наше время житель Индии или Канады решил пересечь океан с единственной целью апеллировать к Тайному Совету королевы. Опять же, если верить свидетельству Луки, то, прибыв в Рим, Павел целых два года жил «на своем иждивении и принимал всех приходивших к нему»⁶⁴.

Возможно, Павел получил наследство от родственников из Тарса? Или, может, среди друзей апостола нашелся богач — например, тот же самый Лука, — способный удовлетворить аппетиты алчного Феликса? Все это вопросы, на которые мы вряд ли найдем ответы. Нам остается лишь молча согласиться с автором Нового Завета, который — без всяких объяснений — констатирует факт: материальное положение Павла значительно улучшилось.

Отчаявшись получить взятку от подсудимого, Феликс пошел по пути затягивания дела: следствие велось без малого два года. За это время судьба сделала неожиданный вираж: на скамье

подсудимых оказался не обвиняемый, а сам судья. По всей Кесарии прокатилась волна мятежей: сражались евреи с сирийцами. Феликс ввел в действия войска. В ходе «наведения порядка» многие евреи были убиты, а их дома разграблены. Мятежи в Палестине всегда были чреваты отставкой римского губернатора. Чтобы обезопаситься, Феликс немедленно задействовал могущественные иудейские рычаги, дабы с их помощью повлиять на центральную власть в Риме. Однако и это не помогло незадачливому прокуратору: он был сначала отозван, а затем разжалован. В Риме ему предъявили обвинение в дурном управлении, и лишь вмешательство брата Палласа спасло Феликса от сурового наказания. Но это был не последний удар судьбы: во время извержения Везувия в 79 году погибли Друзилла и ее сын — любимый отпрыск Феликса.

Лишившись своего поста, Феликс оставил Павла в заточении. Новый прокуратор, честный и справедливый Порций Фест, был удивлен явной несправедливостью такого положения дел, когда апостола, очевидно безвинного, два года содержали в узах. В древние времена, как и в наши дни, новому правителю часто отводили роль козла отпущения за нереализованные амбиции предшественника. Старые схемы и проекты извлекаются из дальних ящичков, где они пребывали в течение последних лет. С них стряхивают накопившуюся пыль и вновь предлагают для рассмотрения. Снова поднимая вопрос о виновности Павла, первосвященник и его коллеги попытались разыграть ту же крапленую карту, что и с Галлионом в Коринфе. Упирая на слабую осведомленность нового прокуратора в обстоятельствах дела, они предложили перенести суд в Иерусалим. На самом деле они рассчитывали, что апостол попросту не доедет до назначенного места: его собирались убить по дороге в Иерусалим. Но Фест оказался не столь прост. Он объявил, что Павел содержится под стражей в Кесарии и что он сам вскоре собирается туда. Так что те, кто намереваются в чем-то обвинить Павла, могут отправиться вместе с ним в Кесарию и предъявить свои обвинения.

Евреи не теряли времени даром. Те несколько дней, которые понадобились для подготовки поездки, они использовали для того, чтобы очаровать нового прокуратора и переманить его на свою сторону. Когда Павел наконец предстал перед прокуратором, Фест уже более или менее сориентировался в обстановке. Он понимал, что обвинения в измене надуманные, а корень проблемы лежит в некоем таинственном религиозном противоречии, разбираться в котором надлежит, скорее, синедриону, чем обычному римскому суду. Желая сыграть на руку воинственно настроенным иудеям, он

спросил у Павла, желает ли тот отправиться в Иерусалим на пересмотр дела. Фест пообещал лично присутствовать на суде в качестве гаранта честного и справедливого рассмотрения дела. Однако Павел сразу же почувствовал, откуда дует ветер.

И тут он сделал свое знаменитое заявление. Он произнес всего два слова, тем самым реализовав священное право римского гражданина. «Caesarem appello, — объявил он. — К цезарю взываю!»^[45]

Эти слова не на шутку встревожили Феста. Возникло ощущение, что почва уходит у него из-под ног. Получалось, что он не в состоянии самостоятельно уладить первую же возникшую неприятность. «Смехотворный вопрос», который он намеревался утрясти за десять минут, обернулся делом, которое приходится выносить на рассмотрение императора. Погруженный в колебания Фест обратился за помощью к советникам. «Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься»⁶⁵.

Эти весомые слова стали поражением для евреев. Их жертва ускользнула из когтей в тот самый миг, когда, казалось бы, победа была предрешена. Однако перед Фестом по-прежнему стоял ряд проблем. Ему следовало подготовить «переводные письма», то есть бумаги, обосновывающие передачу дела в ведение римского суда. Положение осложнялось тем, что ни сам Фест, ни окружавшие его римляне не понимали сути спора и, соответственно, затруднялись в выборе адекватных терминов — таких, чтобы были понятны римскому трибуналу.

И тут на сцене появляется новый персонаж — царь Ирод Агриппа II. Он пришел вместе со своей сестрой Береникой засвидетельствовать почтение новому правителю. Агриппа являлся сыном Ирода Агриппы I и правнуком Ирода Великого. Подобно всем членам Иродианского рода, Агриппа был римлянином и по воспитанию, и по убеждениям. Он получил образование в Риме, все его друзья были римлянами. Молодость он провел в кружке золотой молодежи из римской знати. Правящую верхушку еврейского народа Агриппа рассматривал как сборище непримиримых фанатиков. Лучше советчика для Феста трудно было и придумать.

Выслушав мнение прокуратора, Агриппа сказал: «Хотел бы и я послушать этого человека». На что обрадованный Фест отвечал: «Завтра же услышишь его».

И вот настал день блистательного бенефиса святого Павла. Ранее ему доводилось стоять перед четырьмя римскими правителями: Сергием Павлом на Кипре, Галлионом в Коринфе, Феликсом и Фестом в Кесарии. Если принять «эфесскую теорию»

доктора Дункана, к этому списку следует добавить еще и Юния Силания. Теперь ему впервые пришлось говорить перед царем, последним Иродом, сыгравшим известную роль в истории христианства. Ирод Великий предпринял попытку убить нашего Господа, сын его Антипа издевательски облачил Иисуса в мантию перед распятием. Он же обезглавил Иоанна Крестителя. Агриппа I казнил Иакова и наверняка казнил бы и Петра, если бы сумел до того добраться. И вот теперь его сын Агриппа II пришел послушать святого Павла.

Для такого важного случая специально подготовили один из залов претории. Это не было судилище, как иногда ошибочно полагают некоторые авторы. Скорее, это был маленький сюрприз для дорогого гостя из царской семьи. Высокопоставленные лица вошли в зал под звуки труб в сопровождении эскорта. Фест, обрядившийся по такому случаю в роскошную алую мантию, шествовал в окружении ликторов, за ним следовали хилиархи пяти когорт — все в парадном боевом облачении. Следом в зал вошли городские сановники и официальные лица, собравшиеся по поводу встречи Агриппы с новым прокуратором.

Агриппа и Береника, конечно же, были в центре внимания. Ему в ту пору исполнилось тридцать два года, сестра была на год моложе. Эта женщина, славившаяся своей красотой, сменила множество мужей, но по-прежнему оставалась желанным призом для многих мужчин. В сорок лет ей удастся пленить сердце Тита, сына правящего императора Веспасиана. Береника, одетая «с великой пышностью», прошествовала в зал рука об руку с братом. Фест, очевидно, чтобы подчеркнуть неофициальный характер встречи, уступил Агриппе главенствующее место — кресло, которое по праву принадлежало наместнику императора. Снова зазвучали трубы, и приглашенные гости стали рассаживаться по отведенным местам. Воздух в зале был насыщен благовониями. За спиной Агриппы и Береники стояли рабы, которые обмахивали их опахалами из крашенных страусиных перьев.

И вот посреди всего этого великолепия появился неказистый человечек, с запястья которого свисала цепочка — он был прикован к сопровождавшему его солдату. Интересно, что бы сказали эти блестящие дамы и господа, если бы каким-то чудом смогли заглянуть в далекое будущее и узнать, что память о них сохранилась лишь благодаря этому моменту — когда они собрались послушать маленького проповедника?

Фест произнес вступительную речь, в которой пояснил характер проводящегося расследования. Перед ними стоял человек, которого по всем правилам полагалось бы освободить. Но он воззвал к

правосудию цезаря. Удастся ли им в сегодняшней беседе выяснить нечто, достойное войти в обвинительное заключение, ибо негоже отправлять узника «и не показать обвинений на него». После чего Фест обернулся к Агриппе, как бы передавая тому слово^[46].

«Позволяется тебе говорить за себя», — произнес Фест. Тогда Павел, простерев руку, как бы желая объять Малую Азию, Македонию и Грецию, принялся говорить в свою защиту:

«Царь Агриппа! Почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться пред тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, тем более что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно...»

Павел кратко, но ярко и красноречиво изложил историю своей жизни: как он рос в строгой фарисейской семье, как участвовал в преследовании христиан; затем как по пути в Дамаск лицом к лицу столкнулся с Иисусом Христом и с тех пор стал совершенно иным человеком. Он рассказал Агриппе, как обращался к обращенным в посланиях и как пытался урезонить разбушевавшуюся толпу иудеев в Храме, как Господь говорил с ним, вследствие чего он, Павел, решил посвятить жизнь проповеди Евангелия.

Пока он говорил, в зале стояла тишина. Фест слушал с возрастающим вниманием и удивлением. Страсть, звучавшая в словах проповедника, поражала и пугала.

— Безумствуешь ты, Павел! — крикнул он. — Большая ученость доводит тебя до сумасшествия!

— Нет, достопочтенный Фест, — возразил апостол учтиво. — Я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла.

Затем он снова обратился к Агриппе как к царю иудеев, с вопросом, верит ли тот в пророков своей нации. Однако Агриппа был слишком хитер, чтобы делать вслух серьезные заявления. Он с улыбкой парировал вопрос Павла:

— Ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином.

Так выглядит его реплика в «Авторизованной версии». Однако в оригинале речи царя туманны, и вряд ли нам удастся установить их точное значение. Доктор Моффат переводит это место следующим образом: «Если так будет продолжаться, ты вскоре решишь, что сделал из меня христианина».

И тут Павел буквально взорвался речью — со всей страстью, на какую способен:

— Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все слушающие меня сегодня сделались такими, как я, — и затем, понизив голос, добавил: — Кроме уз.

На сем допрос был окончен. Царь и прокуратор поднялись и вышли из зала, на ходу говоря, что нет причин удерживать Павла в

узах.

— Можно было бы освободить этого человека, — заметил Агриппа, — если бы он не потребовал суда у цезаря.

Однако требование Павла было зафиксировано и посему требовало исполнения. Начались приготовления к отправке его в Италию. Павел должен был плыть туда в сопровождении Луки и под охраной центуриона по имени Юлий из когорты Августа.

9

В Хайфе мне посчастливилось сесть на круизный лайнер «Летиция», который набирал пассажиров — кто-то в был в Уре у халдеев — и затем направлялся прямиком на Мальту и в Неаполь.

«Летиция» стояла на рейде в Хайфской бухте, являя собой фрагмент Глазго. Громкие голоса матросов навеяли на меня воспоминания о людной Сокихолл-стрит и субботних футбольных матчах. Ни один корабль в моей жизни не доставлял мне такого удовольствия. Как я завидовал тем путешественникам, которые посещают интересные уголки мира — сегодня утром Афины, завтра Коринф, еще через несколько дней Кипр — и при том имеют возможность каждую ночь проводить в Глазго!

На палубе я познакомился с одним из пассажиров, который поведал мне крайне интересную и поучительную историю. Он занимал значительный пост в палестинском правительстве и по долгу службы часто общался с местными жителями.

— Многие друзья в Ливане, — рассказывал он, — производят впечатление совершенно диких людей. Тем удивительнее, когда они заговаривают на ломаном английском. Некоторые из этих кочевников умудрились побывать в Штатах и заработать небольшие деньги. Затем они вернулись домой, чтобы до конца жизни хвастать перед соплеменниками невероятными историями, привезенными из-за океана.

Я знал одного друга, который просто обожал рассказывать истории о Соединенных Штатах. Вот вам образец тех баек, которые он травит, сидя у костра и попивая любимый кофе. «Соединенные Штаты — это очень большая страна, в которой полным-полно людей и автомобилей. Народ там поклоняется великому вождю по имени Джордж Вашингтон. Когда этот человек родился, у его колыбели собрались все добрые джинны — чтобы одарить его всяческими талантами и добродетелями. Все они по очереди склонялись над младенцем и шептали благословения. Но один злой джинн воспользовался случаем и изрядно навредил бедному Джорджу

Вашингтону — лишил его возможности лгать. Вот так и получилось, мои дорогие братья, что этот Джордж Вашингтон вынужден был всю жизнь говорить только правду».

Утром в поле нашего зрения показался южный берег Крита. На протяжении нескольких часов остров с неподвижными золотистыми облаками, окутывающими верхушки гор, маячил у нас по правому борту. Мы находились так близко, что можно было разглядеть солнечные узоры на зеленой и горчишно-желтой почве, крутые склоны гор и глубокие лощины с протекавшими по дну голубыми ручьями.

Где-то посередине береговой линии, в нескольких милях к востоку от выдающегося мыса Литинас, я разглядел в бинокль темные бухточки, прятавшиеся среди холмов. Вход в них перегораживали один или два маленьких островка. Среди этих заливчиков прятался порт под названием Кали Лимнионес (что в Деяниях переводится как Хорошие Пристани), в котором останавливался корабль Павла перед тем, как потерпеть кораблекрушение на Мальте.

Пока я наблюдал за пенистым прибоем у берегов Крита, мне пришло в голову, что любовь к морю — современное чувство. Такие строки, как у Джона Мейсфилда:

И все, что нужно мне — корабль надежный
И путеводная звезда,

вряд ли нашли бы отклик в душе наших древних предков. Подозреваю, что даже знаменитые аргонавты почувствовали бы приступ дурноты при звуках знаменитого морского марша «Жизнь на океанских волнах». В античную эпоху люди слишком были заняты тем, чтобы обезопасить себя и свои города от морских опасностей, чтобы любоваться морскими пейзажами, которые очаровывают наших современников.

Израильтяне ненавидели море и не скрывали своей неприязни. Морская стихия представлялась им монстром, противостоящим Божьей воле. В Ветхом Завете мы находим немало негативных сравнений, связанных с морем: например, нечестивцы сравниваются с «бушующими волнами», и это не единственный пример.

Что касается древних греков, они если и любили море, то хорошо скрывали свои чувства. Лично я не припомню каких-либо сентиментальных высказываний в отношении морской стихии.

Римляне, со своей стороны, во весь голос заявляли об антипатии к океану и к кораблям. Сохранившиеся помпейские фрески наглядно демонстрируют отношение римлян к морю. Море не полагалось быть грубым, безрадостным, пустынным.

Лукреций даже плавник, выброшенный на берег, рассматривал как предостережение простым смертным о готовящихся «каверзах моря». Овидий утверждал, что безопасность возможна лишь на суше. После своего изгнания он часто прибегал к метафорам, связанным с кораблекрушением, а его отношение к морю становилось все более унылым и неприязненным. Гораций, который также не скрывал своей ненависти к морю, утверждал, что лишь алчность или бедность могут подвигнуть здравомыслящего человека на морское путешествие. Цицерон, который много путешествовал морем, но всегда держался вблизи берега, жаловался, что на корабле его всегда одолевают болезни и скука. И, смею заметить, это далеко не полный список морененавистников.

Несложно понять, почему в древности люди не любили и боялись водной стихии. Их корабли, как правило, были маленькими и ненадежными. Маяки на берегу в то время представляли большую редкость. У мореходов не было компасов. И если судно отошло далеко от берега, а небо оказывалось затянутым облаками, легко было затеряться на морских просторах. Большую опасность представляли рифы, которые обычно не отмечались на картах. В таких условиях можно было попасть в беду даже в дневное время, что уж говорить о темных беззвездных ночах. И тем не менее, несмотря на все эти сложности, несмотря на явную нелюбовь к морю, наши предки были великими мореходами.

Поездка Павла в Рим являет собой живую иллюстрацию всех опасностей, которым в то время подвергались путники, избравшие столь ненадежный способ путешествия. Описание этого эпизода — одно из самых ярких и достоверных во всем тексте Деяний. Лука, являвшийся очевидцем описываемых событий, не пожалел красок. Его отчет о маневрах судна и последовавшем кораблекрушении на Мальте претендует на роль самого красноречивого и правдивого рассказа в классической литературе. Эта глава Нового Завета всегда трогала сердца моряков, которые могли по достоинству оценить не только эмоциональность автора, но и приводимые им технические подробности. Известно, что адмирал Нельсон перечитывал двадцать седьмую главу Деяний в то утро, когда должна была состояться битва за Копенгаген.

Осень уже вступила в свои права, когда наши путешественники сели в Кесарии на каботажное судно, которое должно было

доставить их в Миры Ликийские, расположенные на южном побережье Малой Азии. У них оставалось совсем немного времени, чтобы добраться до берегов Италии, ибо с наступлением зимы судоходство прекращалось. Миры были выбраны по той причине, что этот город лежал на пути следования египетских судов, доставлявших зерно из Александрии в Рим. При известном везении удалось бы пересечь на один из таких кораблей и успеть попасть в Рим до закрытия судоходного сезона.

Сегодня нам может показаться странным, что Миры, лежавшие вдали от Александрии, тем не менее служили портом для подобных судов. Однако в античные времена навигация руководствовалась своими законами, не вполне понятными с современной точки зрения. С учетом западных ветров, дувших в летнее время, кораблям с зерном было удобнее добраться до Мир Ликийских, а затем уже двигаться под прикрытием южного берега Крита, чем плыть напрямик к Сицилии.

Ожидания путешественников оправдались. Им удалось застать в доках Мир судно, которое согласилось принять их на борт. Небольшая партия под началом центуриона Юлия включала в себя помимо Павла, Луки и некоего Аристарха — новообращенного из Фессалоник — нескольких безымянных узников, которых тоже надлежало доставить в Рим. Несомненно, все путники вздохнули с облегчением, поменяв скромное каботажное судно на почти океанский лайнер. Александрийские корабли, возившие зерно, в то время были самыми крупными и самыми надежными. Да и в античную эпоху египтяне славились как искусные мореходы. Эти «зерновозы» числились на имперской службе и субсидировались из государственной казны. Это была вынужденная мера, поскольку в тот период Рим полностью зависел от импортных поставок зерна. Любые перебои или хотя бы задержки в поступлении египетского зерна грозили серьезными политическими последствиями. Клавдий имел случай в этом убедиться во время «хлебных бунтов», когда разъяренные толпы со всех сторон обложили императорский дворец. В правление Нерона почти двести тысяч горожан состояли в списке тех, кто бесплатно получал каждый месяц от шести до семи бушелей зерна.

Корабль, на который погрузились Павел и его спутники, очевидно, был не самым крупным в «зерновой» флотилии. Вместе с новыми пассажирами на его борту оказалось двести семьдесят шесть человек. Из них сотню составляли члены команды, кроме того было сто человек солдат и, соответственно, семьдесят шесть узников.

Покинув Миры, корабль расправил паруса и тихим ходом двинулся против северо-западного ветра. Примерно две недели занял путь до Книда, где судно повернуло на юг и медленно двинулось в обход северо-восточной части острова — с тем, чтобы выйти к южному побережью. Путешествие выдалось нелегким. И команде, и пассажирам было ясно, что в ближайшем будущем ждут новые трудности и даже под прикрытием Критских гор придется немало потрудиться, чтобы добраться до Кали Лимнионес. В ожидании благоприятного ветра устроили совет. Путешественникам предстояло решить: не стоит ли прервать плавание и встать на прикол до весенней поры. Если так, следовало определиться: пережить зиму в Хороших Пристанях или же поискать более надежное место.

В качестве римского офицера центурион имел преимущество даже перед капитаном корабля. На обсуждение он пригласил Павла — вовсе не из вежливости, как можно было бы предположить, а как человека, имеющего богатый опыт морских путешествий. Павел посоветовал остаться там, где они сейчас находились. Он предсказывал, что если они выйдут в открытое море, то приключится несчастье. Однако моряки придерживались другого мнения, и центурион последовал их совету.

Введенные в заблуждение мягкостью южного ветра, они покинули Хорошие Пристани и поплыли в направлении Финика, казавшегося более удобной пристанью Крита. Не успели они добраться до мыса Матала, как разразилось несчастье, о котором предупреждал Павел. Сильный и порывистый ветер сбил их с курса и понес в сторону маленького острова, называемого Клавдой. Находясь под прикрытием берегов острова, они умудрились подтянуть к себе спасательную лодку, которая шла на буксире и была уже заполнена водой. Таким образом они получили еще один шанс подготовиться к шторму, который был уже не за горами.

Они использовали меру предосторожности, известную под названием «найтовка», которая заключалась в ослаблении напряжения на тимберсы. Это проделывается пропусканием каната под корпусом корабля и закреплением его при помощи брашпиля. Еще столетие назад подобная процедура на деревянных судах использовалась во время сильного шторма.

Судно пыталось ускользнуть от шторма, который неминуемо надвигался. Команда опасалась, что их выбросит на песчаные отмели возле берегов Туниса и Триполи, откуда ни один корабль не мог выбраться. В безысходном положении матросы «спустили парус», и судну позволили дрейфовать по воле ветра. Руль

установили таким образом, чтобы держаться подальше от берегов Африки.

На другой день пришлось выбросить часть груза. Узники работали бок о бок с командой под пронзительное завывание ветра. На третий день за борт спустили все вещи и часть такелажа, в том числе грота-рей, бесполезный в тех безнадежных обстоятельствах, в которых оказались путники.

Много дней подряд путешественники не видели ни солнца, ни луны. Они потеряли всякую ориентацию в пространстве и не знали, где находятся. Ослабевшие от голода и усталости, они утратили всякую надежду. На них обрушивались волны величиной с гору и вздымали корабль чуть ли не к хмурым небесам. Все путники готовились к смерти. Но только не Павел! Как всегда случалось в час смертельной опасности, его душа покидала землю и устремлялась за поддержкой к Богу. Он успокаивал товарищей по несчастью — точно так же, как в свое время утешал паству. Он призывал всех искать утешение в Боге и в вере в Иисуса Христа. В это время крайнего напряжения и смертельной опасности апостолу было видение: явился ему ангел и уверил, что никто из них не погибнет. Всех выбросит на берег, и будут они спасены. Ибо должно тебе предстать перед судом Нерона, сказал Ангел, «и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою»⁶⁶.

Четырнадцатая ночь застала их беспомощно дрейфующими в Адриатическом море, где-то между Грецией и Сицилией. В это время уши матросов уловили звук, который не был слышен никому из пассажиров: они услышали, как бьются буруны о неведомый берег. Они бросили грузило за берег и обнаружили, что под судном глубина в двадцать фатомов. Спустя некоторое время они повторили процедуру и обнаружили, что глубина уменьшилась до пятнадцати фатомов. Вокруг царил кромешная тьма, и они не знали, где находятся. Луна и звезды скрылись за облаками. Шторм, возможно, гнал судно на скалы у какого-нибудь пустынного берега. Моряки сбросили четыре кормовых якоря и стали с нетерпением дожидаться рассвета.

Команда, чувствуя близость берега, решила воспользоваться спасательной лодкой, предоставив корабль и пассажиров собственной участи. Павел разгадал их трусливые намерения и объявил об этом центуриону. Слова его прозвучали — и продолжают звучать сквозь века — как набатный колокол христианского единства:

«Если они (матросы) не останутся на корабле, то вы (солдаты) не можете спастись».

Услышав это, солдаты тут же выхватили мечи, побежали на корму и отсекли веревки, державшие лодку, которая скрылась в темноте.

Наконец рассвело. Павел ходил по палубе, утешая попутчиков и уговаривая их поесть. Полуживые от страха, ослабевшие от голода и долгой борьбы со стихией, люди лежали без движения и прислушивались к волнам, бьющимся о прибрежные скалы. Павел понимал, что от них потребуется немало усилий и смелости, чтобы вытащить корабль на берег. Поэтому он продолжал ходить от одного товарища к другому и, заботливо, по-женски, уговаривал подкрепиться. В конце концов они сдались и поели хлеба, который апостол раздал всем. Немного воспрянув духом, стали готовиться к предстоящему нелегкому дню. Когда окончательно рассвело, люди увидели, что их прибило к каменистому острову, возле которого кипели белые буруны. Хотя многие из моряков бывали раньше на Мальте, никто из них не узнал пустынных северных берегов. Оглядываясь по сторонам, они увидели «место, где встречаются два моря». Рукав, отделявший маленький островок от большего, намыл песчаную косу. Именно в этом месте и было решено высаживаться.

Последние запасы пшеницы полетели за борт, облегчив таким образом судно. Матросы наспех соорудили парус и подняли сброшенные накануне якоря. Освободив заклиненный руль, они наперекор бушующей стихии — ибо шторм все еще продолжался — направили корабль к намеченному месту. Нос судна застрял в песчаной косе, а волны били в корму. В этот тяжелый миг, когда все смешалось на борту увязшего судна, солдаты решили убить узников, чтобы те не сбежали. И если бы не присутствие Павла, так бы и случилось, ибо именно так поступали с пленниками в схожих ситуациях. Но центурион Юлий хотел спасти апостола, а потому настрого запретил солдатам пускать в ход оружие. Он приказал тем, кто умеет плавать, прыгать в воду и плыть к берегу; остальным же спастись на досках и на том, что осталось от судна после кораблекрушения.

Местные жители, которые робко наблюдали со стороны за этой сценой, подошли поближе, чтобы посмотреть, что за людей выбросил шторм на их берега. Они разожгли костер, и Павел помогал им. Когда он собирал дрова для костра, выползла змея и вцепилась ему в руку. Однако апостол стряхнул ее в огонь и «не потерпел никакого вреда». Видя это, местные жители стали шептаться между собой, что, наверное, к ним в гости пожаловал сам бог.

Так — под проливным дождем, в грохоте грома и бушующих волн — Павел ступил на остров Мальта.

10

Мальта предстала перед нами в утреннем свете в виде пологого холма горчичного цвета, ярко вырисовывавшегося на фоне моря. Нигде не было видно ни деревца. Зато волнистая линия горизонта была буквально утыкана маленькими деревушками. Они выглядели исключительно аккуратными и четко оформленными — будто на макете архитектора. В бинокль мне удалось разглядеть белый город со множеством барочных куполов — это была столица острова Валетта. Когда мы приблизились к порту, я смог расслышать перезвон церковных колоколов: почему-то в восточной части города они звучали громче и мощнее, чем в западной.

Гавань представляла собой полосу ярко-синего цвета в обрамлении горчичных скал. На рейде стояли линкоры и эсминцы, выкрашенные в традиционный средиземноморский голубой цвет, который на самом деле выглядел блекло-серым. Обманчивое спокойствие нарушалось светом сигнальных ламп, которые напоминали, что флот даже в мирное время настороже. Морской катер курсировал по всей гавани — от здания таможни до боевых кораблей. В тени лайнера болтались гребные лодочки с местными жителями. Эти смуглые темноволосые люди стояли, воздев руки — казалось, будто они исполняют оперную арию. Приглядевшись, я понял, что они пытались продать пассажирам лайнера изделия местных кружевниц.

Стоило нам бросить якорь, как к нашему судну тут же устремился адмиральский катер — или он по-прежнему называется баркасом? — радующий взгляд чистотой и свежей покраской. В маленькой застекленной кабине сидел важный молодой офицер. Двое матросов военно-морского флота ловко и согласованно подцепили отпорными крюками наш трап, и офицер поспешно взбежал на борт. Очевидно, он встречал кого-то из пассажиров — скромного и неприметного в течение рейса, но на которого теперь пал отблеск славы военно-морского флота Его Величества.

Что касается меня, я скромно добрался до берега на гребной лодке и нанял машину до Валетты. Столица острова представляет собой восточный город с узкими улицами, которые ведут к просторным площадям с великолепными церквями, сверкающими в солнечном свете. Непрерывной вереницей тянулись женщины,

отодвигая занавески на входе и скрываясь в цветном полумраке храмов.

В уличной толпе я высматривал пожилых, похожих на монахинь женщин в фальдеттах. Этот забавный капюшон, жесткий благодаря каркасу из китового уса, является неотъемлемой частью национального костюма мальтиек. Существует версия, что этот элемент костюма — то ли шляпа, то ли плащ — появился в 1798 году, когда войска Бонапарта оккупировали остров. Якобы местные жительницы, чтобы спрятаться от нескромных глаз французских солдат, накидывали на голову одну из верхних юбок. Мне больше по душе другая версия, которая гласит, что в давние времена бедные крестьянки — не имея ни шляп, ни платков — вынуждены были накидывать юбку на голову, чтобы иметь возможность войти в церковь с покрытой головой.

Забавное зрелище представляют собой британские семейства на улицах Валетты — папа-сержант, его жена и благовоспитанное чадо. Они чинно прогуливаются по городу, словно, сами о том не подозревая, каким-то чудесным образом перенеслись сюда прямо с Брикстон-Хай-стрит.

Я отправился осматривать Арсенал, размещенный в бывшем замке Великого магистра Мальтийского ордена. На мой взгляд, здесь собрана одна из лучших в мире коллекций оружия.

Затем, наняв автомобиль, я поехал к бухте Святого Павла, которая лежит примерно в девяти милях на северо-восток от столицы. Мы миновали окраины Валетты, где хозяйки доили коз, сидя на ступеньках домов, и выехали на залитую солнцем бурую равнину, где зеленую растительность сменили стены из белого известняка. Возможно, очень внимательный и благожелательный исследователь (который к тому же не ограничен во времени) способен постигнуть очарование Мальты, но лично я в этом сомневаюсь. Что можно обнаружить красивого на этой голой коричневой скале? Разве что скромные весенние цветы, которые на короткий срок распускаются на скалистых берегах синего теплого моря, вызывающего в памяти субтропический климат Корнуолла. Так, кратковременная радость... Сама же Мальта — выжженная плоская равнина с протянувшимися лентами дорог, с ничем не примечательной линией горизонта, чье однообразие нарушается редкими деревушками — никак не может конкурировать с другими средиземноморскими островами. Единственное достойное зрелище на Мальте — это возвышающийся над голой равниной город под названием Читта-Веккья (которое так и переводится — «старый город»).

Бухта Святого Павла вносит посильную лепту — украшает береговую линию Мальты. В то утро штормило, и волны с силой бились в полукруглый участок берега, который вместе с низким каменистым мысом образовывал бухту. У самого входа в бухту лежал отделенный узким проливом остров Салмонетта, или же остров Святого Павла — то место, где произошло кораблекрушение. На островке стоит, четко выделяясь на фоне неба, памятник апостолу.

Вначале мне показалось, что, если последовать узкой дорогой, огибавшей скалы в северной части бухты, можно спуститься на противоположной стороне острова, а возможно, даже пересечь его. Проливчик выглядел таким узким, что, по ощущениям, его легко можно было перепрыгнуть. Проехав две-три мили на машине, я вышел и стал спускаться по вулканической скале к песчаному пляжу. Увы, при ближайшем рассмотрении оказалось, что канал, отделявший меня от островка, достаточно широк, да и поток, по нему протекавший, был чрезвычайно бурным. Словом, попасть на ту сторону не представлялось возможным. Волны яростно били в каменистые берега островка, белой полосой вскипала пена. Пришлось мне удовольствоваться тем, что я смог рассматривать памятник Павлу издалека. Статуя водружена на высокий пьедестал и изображает апостола с непокрытой головой. Правая рука его вскинута вверх, будто он указывает на что-то в морской дали.

С давних пор два острова — Мальта и Мелита на Далматинском побережье — соперничали между собой за право быть тем самым легендарным местом, где потерпело крушение судно Павла. В последнее время, насколько мне известно, споры поутихли. Хотя я знаю, по крайней мере, одного старого морского волка, который свято верует, что катастрофа приключилась в Адриатическом море. Самым существенным возражением против Мальты служит тот факт, что на острове не водится ядовитых змей, хотя, на мой взгляд, это не серьезное соображение. Прежде всего, Мальта не всегда была таким голым, лишенным растительности местом. И вполне возможно, что в древности там водились змеи. Более того, я убежден, что на острове и сегодня существуют безвредные, неядовитые змеи. Просто их осталось так мало, что они почти не попадаются на глаза. На Мальте бытует легенда, согласно которой святой Павел извлек яд из змеиных клыков и вложил его в уста местных жителей!

Обширные римские развалины в сочетании с мелководьем бухты (которое в точности соответствует описанию Деяний), а также тот факт, что в дальнейшем компания продолжила свое путешествие на другом александрийском «зерновом» судне,

оставшемся зимовать на острове, — все свидетельствует в пользу Мальты как места кораблекрушения. Известно, что Мелита никогда не лежала на пути «зерновых» перевозок из Египта — и это соображение перевешивает доводы относительно ядовитых змей.

Глядя на маленький островок, я пытался восстановить картину кораблекрушения: представлял, как судно понесло к мысу Коура, южной оконечности Мальты, далеко выдающейся в бухту; как рев бурунов встревожил бывалых матросов и они поспешили бросить якоря. Где-то на этих вулканических скалах, возможно, в одной из местных пещер Павел и его товарищи пытались согреться у небольшого костерка.

Начальником острова в то время был некто Публий. Он проявил большое участие в жертвах кораблекрушения, и на протяжении трех дней гостеприимно их угощал. Дар апостола исцелять больных пришелся как нельзя кстати на Мальте. Ибо отец Публия страдал горячкой и болью в животе. Павел вошел к нему, помолился и исцелил наложением рук. Весть об этом немедленно разнеслась по острову. В благодарность жители Мальты буквально завалили дарами и самого апостола, и его друзей. Думается, что среди этих подарков нашлась и одежда — взамен той, что пришла в негодность во время морского путешествия.

Миновало три месяца, и снова открылся сезон навигации. Корабли были готовы выходить в море. Среди них было и александрийское судно под названием «Кастор и Поллукс». Эти мифические братья считались святыми покровителями судоходства, и их фигуры наверняка были установлены на носу корабля. В древности с именами Кастора и Поллукса связывали такое природное явление, как огни святого Эльма, возникающие при определенных атмосферных условиях. Эти огни, хорошо заметные в ночное время, представляют собой электрический разряд и имеют вид светящихся пучков или кисточек, возникающих на острых концах высоких предметов, в том числе корабельных мачт. Древние мореходы связывали огни святого Эльма со звездами, которые светили над головами Кастора и Поллукса во время плавания на «Арго». Их появление обычно рассматривалось как доброе предзнаменование.

Так или иначе, но, думается, римские солдаты и их пленники, вынужденные снова довериться морским ветрам, чувствовали себя гораздо увереннее оттого, что им предстояло путешествовать под защитой «великих братьев-близнецов».

На обратном пути в Валетту я решил посетить древнюю столицу острова, город Читта-Веккья, иначе Рабат. С высоты ее башен

равнина Мальты напоминала расстеленный отрез желтовато-коричневого харрисовского твида.

Здесь собор, посвященный святому Павлу, содержит ряд замечательных сокровищ. Прежде всего, это икона Божьей Матери, авторство которой приписывается Луке. Рассмотреть ее сложно, поскольку икона, как обычно, почти полностью скрыта за серебряным окладом. Кроме того, здесь хранится великолепный крест, по слухам доставленный сюда самим Годфруа Бульонским. Говорят, что этот крест он брал с собой в Иерусалим во время Первого крестового похода. Пожалуй, самым странным из экспонатов являются две створки дверей, изготовленные из мореного дуба. Якобы в 1090 году их привез на Мальту Роджер Нормандский, один из сыновей Танкреда. Теперь эти тяжелые резные двери хранятся в соборе Святого Павла.

Под собором располагается пещера, в которой стоит статуя апостола. Она находится за декоративной металлической решеткой и постоянно освещается горящими свечами. Священник, который сопровождал меня в эту пещеру, рассказал, что якобы Павел прожил в этом помещении те три месяца, которые провел на острове.

Рядом с собором находятся удивительные катакомбы. Могу сказать, что они идеально подходят к тому образу лабиринта, который сложился у меня в голове. Длинные темные галереи, множество открытых могил — все создает настолько зловещую атмосферу, что я был рад поскорее покинуть это место.

Я уже писал, что на Кипре истинным героем апостольской эпохи является не святой Павел, а местный уроженец — Варнава. Аналогичная картина наблюдается и на Мальте: хотя Павел пользуется здесь глубоким уважением, но главным героем острова считается святой Публий. Такова сила местного патриотизма, который определяет предпочтения людей, когда меньшее избирается в ущерб большему.

Стоило нашему кораблю войти в Неаполитанский залив, как внимание пассажиров немедленно сосредоточилось на курящейся громаде Везувия. В промежутках между катастрофическими извержениями этот вулкан напоминает безобидный локомотив, который стоит под парами на железнодорожной станции. И все равно люди не доверяют его притворному добродушию. В любой момент вы ждете, что произойдет грандиозный взрыв,

сопровожаемый выбросами пламени и пепла. Я уверен, что подсознательно каждый из нас ожидает чего-то подобного, когда смотрит на клубы дыма, тянущиеся из жерла Везувия.

Полагаю, что Павел, когда «Кастор и Поллукс» пересекал залив в направлении Путеол, не видел дыма Везувия. Вулкан в тот время пребывал в затишье и имел вполне безобидный вид горы, склоны которой заросли виноградником. А Помпеи и Геркуланум в его тени наслаждались последними отведенными им годами счастливой жизни. Менее двадцати лет отделяли миг, когда Павел проплывал мимо Везувия, от того страшного дня, когда горящая лава хлынула по склонам. Бедной Друзилле, молодой жене Феликса, с которой апостол совсем недавно беседовал, суждено было сгинуть в кошмаре той августовской ночи, когда вулкан проснулся.

Я высадился в Неаполе и, после неизбежной суеты с таможенной и паспортным контролем, нанес кратковременный визит в великолепный местный музей, где выставлены статуя Артемиды Эфесской, а также вгоняющие в дрожь предметы (в первую очередь, бронзовые кухонные принадлежности), обнаруженные в Помпеях. Этот музей является единственным заведением, где достойно представлена римская живопись. А поскольку я равнодушен к данной теме, то лучше мне умолкнуть, прежде чем я сяду на любимого конька.

Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы на автомобиле добраться до городка Пуццуоли, расположенного всего в нескольких милях от Неаполя. В древности это место носило название Путеолы и служило портом. Сюда прибыл корабль Павла, и здесь апостол впервые ступил на итальянскую землю. Именно сюда приходили александрийские суда, груженные зерном. Все прочие корабли обязаны были спускать паруса по прибытии в Путеолы. Лишь египетские суда являлись в порт при полных парусах, и все римляне — мужчины, женщины и дети — спешили в порт, чтобы приветствовать прибывший из Александрии хлеб.

Мне рассказывали, что некоторые фрагменты современного порта существуют еще с древнеримских времен. На глубине шести футов под водой сохранились массивные кольца, к которым привязывали древние галеры. И другие римские развалины лежат под водой, куда они опустились в результате закономерного понижения почвы.

Но даже если бы от древних Путеол ничего бы не осталось, все равно удивительно наблюдать, что корабли по-прежнему входят в узкое горло бухты и разгружаются на набережных, где апостол, написавший «я должен увидеть Рим», сошел на берег после долгого и опасного плавания.

Много лет я мечтал увидеть все те удивительные вещи, которые откопали в Геркулануме. И вот наконец мне представилась такая возможность. Взяв машину напрокат, я проехал по широкой дороге, которая вела к декоративным воротам с надписью «Геркуланум». Далее дорожка постепенно понижалась, переходя с современного уровня на уровень древнего города. И вровень с землей улетали столетия, пока мы не оказались в первом веке — в городе, застывшем навеки в 79 году н. э.

Помпеи действительно представляют собой мертвый город. Наверное, поэтому у меня не вызвали удивления окаменевшие трупы в музее, лежавшие в тех самых позах, в которых их застала катастрофа. Но Геркуланум выглядит не более мертвым, чем современный город, над которым промчался торнадо: несколько крыш снесло, кое-где помяты стены, но в основном город цел и дожидается возвращения своих обитателей. Похоже, что люди, работавшие на раскопках Геркуланума, были в большей степени строителями — стремились все привести в надлежащий порядок, — нежели археологами, которые видят свою задачу в том, чтобы пробудить от вечного сна древнее поселение.

Хотя Геркуланум и Помпеи погибли в результате одного и того же извержения, процесс в обоих случаях протекал по-разному. Помпеи оказались похороненными под восьмифутовым слоем пемзы, золы и воды. Но произошло это не мгновенно. У помпеян было время бежать из гибнущего города, и большая часть населения так и поступила. Подсчитано, что лишь две тысячи человек из двадцати, проживавших в Помпеях, не сумели выбраться из города. Здесь не было раскаленной докрасна лавы и удушливых клубов дыма. По сути, город подвергся длительной бомбардировке кусками пемзы и пеплом. Это было похоже на выпадение горячего града, где каждая градина достигала размеров средней фасолины. Конец Геркуланума выглядел совсем иначе. На него обрушилась стремительная лавина горячей грязи, которая изверглась из жерла Везувия, в короткое время преодолела пятимильную дистанцию и накрыла город вместе с ближайшими окрестностями. Геркуланум оказался погребенным под 65-футовым слоем застывшей лавы. Оба города настолько надежно скрылись под землей, что в Средние века даже не подозревали об их существовании. Помпеи и Геркуланум обнаружили лишь в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях. Их открытие установило хрупкую связь между прошлым и настоящим, и наши современники с удивлением обнаружили, что не так уж и отличаются от людей, живших в первом веке нашей эры.

Проходя по мощеным улицам Геркуланума, я смотрел на маленькие домики по обеим сторонам улицы, на переулки, убегавшие в глубь поселения, на фонтаны, украшавшие дворы и улицы, и чувствовал, что действительно оказался в мире святого Павла.

Если принять, что мученическая кончина апостола произошла в 67 году, выходит, что от разрушения Геркуланума ее отделяло каких-то двенадцать лет. То, что сейчас нам представляется древними руинами, было еще полно жизни во времена Павла. Мужчины и женщины сидели в тенистых садах, огороженных мраморными портиками, и просматривали последние книжные новинки. Они восхищались бронзовыми и мраморными статуями, прекрасно сохранившимися до наших дней. Они прогуливались по узким улочкам Геркуланума и отправлялись на морские купания в восточную часть города, где тогда располагался самый модный променад. Должно быть, Геркуланум очень напоминал Хуан-ле-Пен и другие курортные городки на юге Франции.

Я подошел к группе археологов и рабочих, которые трудились над маленькой гостиницей, лишь недавно освобожденной от окаменевшей грязи. Деревянная лестница, почерневшая и обуглившаяся, сохранилась в прекрасном состоянии. Каждая ступенька была любовно облицована толстым стеклом и, поднимаясь по лестнице, я осознавал, что иду по ступеням, сделанным в первом веке нашей эры. Наверху в комнатах я увидел кровати, на которых спали постояльцы в ту трагическую августовскую ночь 79 года. В каждой спальне стояли стеклянные сундуки, в которых хранились вещи, брошенные владельцами при паническом бегстве. И я подумал: это правильно, что вещи из Геркуланума не переносят в музей, они должны храниться там, где их нашли археологи.

На складе я обнаружил древний кабестан с веревкой, еще крепкой и сохранившей гибкость. В другом хранилище я увидел деревянный пресс, из тех, что и поныне используют современные переплетчики. Обследуя надворные постройки, лишь частично раскопанные, я наткнулся на кучу почерневшего зерна. Каждое зернышко было твердым, но легким.

Солнечные лучи освещали маленькие садики Геркуланума, которые столько столетий пребывали в полной темноте. Сейчас они снова ожили, и на цветущие кусты слетались пчелы. Когда вы стоите в таком месте, отделенном восемнадцатью столетиями от реальности, возникает странное чувство: будто зашел в пустой дом приятеля, который должен с минуты на минуту появиться. Глядя на

глыбы коричневого туфа, невольно думаешь: что они под собой скрывают?

Только вообразите, что может храниться в руинах Геркуланума. Представьте себе, что некий христианин в том далеком 79 году оставил в металлическом футлярчике копию Евангелия. Да ведь это книга старше всех, известных нынешним христианам! Возможно, какой-нибудь книголюб из Геркуланума хранил у себя дома не только утерянные книги Ливия, но и — страшно подумать! — некогда существовавший второй том Деяний апостолов.

Тем же вечером я сел на поезд, отправлявшийся в Рим.

12

Мое купе оказалось забитым дельцами из Неаполя. У каждого на лацкане пиджака красовался значок «Континентальный бизнесмен», каждый вез с собой портфель из тонкой телячьей кожи. Они расстегнули пряжки на ремнях и достали ворохи деловых бумаг, в которые и углубились с головой. Вскоре весь вагон заполнился табачным дымом. Я попытался открыть окно, но трое моих попутчиков тут же начали чихать. Пришлось вновь закрыть окно. Тогда я вышел в коридор и стоял у окна, наблюдая за пронесившимися мимо огнями и гадая, что за реку мы сейчас пересекаем.

На память пришли воспоминания кардинала Уайзмана: он описывал, как въезжал в Рим по этой дороге в прошлом столетии. Всегда наступал миг, когда карета поднималась на холм, с которого открывался вид на Рим. И возница непременно тыкал кнутом в сторону далекого города и говорил: «Ессо Рома!»^[47] Наверное, это был великий миг. Я пообещал себе, что когда-нибудь поеду в Рим не поездом, а старинным способом и услышу эти два слова, которые заставляли учащенно биться сердца многих поколений паломников — «Ессо Рома!»

Последний раз я был в Риме шесть лет назад. Тогда был февраль, и в Риме неожиданно выпал снег. Я приехал уже вечером и сразу же очутился на белой улице. Помнится, я поднялся на Капитолий, где толпа разгоряченной молодежи развлекалась тем, что катала снежки с холма. Решив поужинать, я направился в ресторан «Ульпия», рядом с Форумом Траяна. Пока я ждал свой заказ, в ресторан заявились какие-то юноши: они несли в руках снег и с гордостью демонстрировали своим друзьям. В зале царило

шумное веселье. Из всего этого можно было сделать вывод, что снег в Риме — явление редкое и удивительное.

Колизей тоже стоял заснеженный. Пустые ряды сидений поднимались к студеным небесам: они выглядели темнее обычного и, казалось, таили в себе некую угрозу. Я поймал себя на мысли: как странно стоять в месте, которое я всегда себе представлял окрашенным кровью святых, и наблюдать невинную белизну рождественского утра.

В ту неделю были подписаны Латеранские соглашения между Святым престолом и Муссолини. На улицах плескались желтые и белые папские флаги. Кармелиты, францисканцы, капуцины и семинаристы со всех концов света собирались кучками на улицах и пьяццах Рима и обсуждали историческое событие. Мне кажется, это была самая необычная толпа, которую я видел в своей жизни. Я стоял вместе со всеми перед Латеранским дворцом и слушал звон колоколов, оповещающих об успешном завершении переговоров. Вокруг меня были японцы и африканцы, молодые шотландцы, американцы, ирландцы, англичане, немцы и французы — все в традиционных одеяниях своих семинарий. Затем, когда колокола смолкли, кто-то из монахов начал декламировать «Te Deum», и весь Рим радостно подхватил молитву.

Тогда мне посчастливилось достать билет на папскую торжественную мессу, проходившую в храме Святого Петра. Папа Пий XI, наконец-то освободившийся от звания «ватиканского узника», должен был впервые показаться на публике. Снег тем временем превратился в дождь. Ранним утром, наряженный в смокинг, я отправился в собор Святого Петра, и клянусь, никогда еще часы ожидания не протекали так легко. Я сидел и наблюдал, как толпа заполняет огромное здание. Представители ватиканской гвардии ходили по рядам и следили за порядком. На них были традиционные медвежьи шкуры, бриджи из белой оленьей кожи и высокие черные сапоги, шпоры звонко цокали по мраморному полу собора. Я подумал, что они похожи на эскадрон, отставший от наполеоновской армии и затерявшийся в веках.

Возле балдахина, сооруженного над гробницей святого Петра, стоял караул швейцарской гвардии. На них была парадная форма (которая, по слухам, разработана самим Микеланджело): стальные шлемы, дублеты, рукава которых украшены красными, желтыми и синими лентами. Каждый гвардеец сжимал в руке пику. Медленно тянулось время. Официальные лица Ватикана — каждый из которых вполне мог быть персонажем Эль Греко — тихо передвигались по нефу, указывая именитым гостям их места. Остроконечные седые

бородки лежали поверх плоеных воротников, на черном бархате штанов выделялись средневековые шпаги.

Внезапно откуда-то из-за дальней арки раздались громкие слова команды. Все гвардейцы застыли по стойке «смирно». Затем, к моему удивлению, тысячи мужчин и женщин поднялись на ноги и, перекрывая звук серебряных труб, разразились аплодисментами.

Я бросил взгляд через пространство нефа на величественные западные ворота и увидел картину, олицетворяющую блеск и благородство средних веков. Там медленно двигалась процессия: я разглядел начищенные каски швейцарских гвардейцев, за ними следовали с обнаженными мечами личные гвардейцы папы. Они были одеты в малиновые туники и шлемы, с гребня которых спускались роскошные черные плюмажи. Члены ватиканского капитула чинно следовали попарно, за ними шли представители всех католических орденов и монахи в коричневых одеяниях. Когда аплодисменты стихли и на пару секунд воцарилась тишина, явственно прозвучал чеканный шаг гвардейцев и звон шпор.

Пока процессия медленным шагом пересекала неф, изменилось освещение. Зал, прежде залитый бледным дневным светом, вдруг взорвался сиянием бесчисленных огней. Резкое звучание труб сменилось торжественным маршем, и в дальнем восточном конце храма я увидел папу Пия XI: облаченный во все белое, он восседал на переносном троне, *sedia gestatoria*. На голове у папы блистала драгоценными камнями тиара. Он сидел совершенно неподвижно, лишь старческая рука поднялась вверх, дабы начертать в воздухе крест.

Два флабелла — огромных веера из страусиных перьев — медленно двигались над головой папы, и это неторопливое движение напомнило Константинополь византийских императоров и те далекие времена, когда представитель святого Петра правил всеми восточными христианами. В той церемонии, которая разворачивалась на наших глазах, не было ни единой несущественной детали. Все, что здесь происходило — каждый жест, каждое слово, каждый узор на вышивке, — соответствовало букве и духу церкви. Минувшие столетия объединились, чтобы прописать все мелочи сегодняшней процессии. Мне казалось, что храм буквально задыхается от воспоминаний. Я смотрел по сторонам и завидовал тем людям, которые в приливе чувств громогласно кричали «Вива!» Меня тоже захлестывали чувства, но совсем другого рода. Я ощущал, что минувшие столетия сконцентрировались в этой церкви и заполнили ее до самой крыши. В потоке исторических воспоминаний мой разум беспомощно бился, как утопающий на глубине.

Люди вокруг радовались и веселились, а у меня в горле стоял комок. Прокричать что-либо я сейчас не смог бы даже ради спасения собственной жизни. Странно, в эмоциональном плане я не воспринимал смысла вершащейся церемонии. Если в ней и было зашифровано какое-то послание, то оно взывало к моему разуму и воображению. Я видел старого человека в белом одеянии, которого несли в роскошном паланкине; я отмечал, как кресло покачивается в такт движению. Но я видел не одного старика и не одного папу: глядя на Пия XI, я прозревал всю предыдущую историю и всех пап, которые были прежде. Окружающий мир казался мне юным, а человек в паланкине был самым древним существом на этой планете. Моему внутреннему зрению открылось зримое воплощение памяти, уходившей корнями в самое начало христианской эпохи.

Наконец носильщики опустили паланкин. Старик в белом сошел со своего помоста и, сделав несколько шагов, пересел на величественный белый трон под алым балдахином. Кардиналы по очереди приближались к папе и целовали кольцо у него на руке. Из Сикстинской капеллы доносилось пение: высокие голоса выводили печальную нежную мелодию. Папа опустил на колени перед алтарем.

...То, что произошло дальше, не поддается описанию. Наверное, в моем мозгу что-то сдвинулось, потому что я увидел длинную, уходящую в прошлое череду коленопреклоненных людей, и первым в этом ряду был не кто иной, как сам святой Петр.

«Tu es Petrus, et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam»^[48].

13

После однообразного путешествия по широкой равнине Кампании наш поезд начал долгий подъем на холмы. Внезапно слева по ходу мелькнула запруда, мы подъезжали к станции под названием Формия. Железнодорожная ветка, тянувшаяся от Неаполя к Риму и проходящая через Формию, на одном участке совпадает с той дорогой, которой следовал Павел. Современная Формия существовала и в древности, только тогда она называлась немного иначе — Формие. Тогда это был милый прибрежный городок, знакомый нам по письмам Цицерона: именно сюда отправился на отдых знаменитый оратор, удалившись от дел. Я почти уверен, что центурион Юлий избрал Формию в качестве места отдыха для солдат и вверенных ему пленников.

После Формии путешественники прибыли в Террачину, где им предстояло сделать выбор: продолжать ли и дальше следовать по знакомому и популярному торговому пути или же пересечь на баржу, которая двигалась по каналу, проложенному через Понтинские болота. Мы не знаем, какое решение приняли путешественники, но в Деяниях говорится, что прибыли они на Аппиеву площадь, расположенную у северного конца канала. Надо сказать, что баржа двигалась на мускульной силе мулов, и как раз в этом месте мулов выпрягали, чтобы налегке отправить обратно. На площади было множество таверн сомнительного качества, а также постоянных дворов, где путешественники могли передохнуть, прежде чем отправиться в дальнейший путь.

Здесь, на берегу канала всегда собиралась разношерстная толпа. На сей раз среди них выделялась группа христиан, которая с жадностью всматривалась в лица путников, прибывавших с юга. Эти люди специально проделали дальний путь из Рима, чтобы встретить Павла и проводить его в столицу. Могу представить, какой радостью осветилось лицо апостола, когда он увидел единоверцев, прошедших сорок миль лишь для того, чтобы обнять его и запечатлеть братский поцелуй на его челе!

Возникает закономерный вопрос: чем объяснить такую четкую организацию в ранней христианской церкви? Как христиане из Путеол могли знать, в какой день Павел выйдет в путь и когда он доберется до Рима? А ведь надо было еще передать эту весть членам римской общины, чтобы они в назначенный день встречали апостола на «королеве дорог», Аппиевой дороге. Единственным разумным объяснением служит присутствие святого Петра в Риме. Согласно церковной традиции, он прибыл в Рим не позднее 42 года и занимался всеми организационными вопросами молодой христианской церкви.

Встреча Павла с христианами Рима — это, пожалуй, один из самых светлых эпизодов в тексте Деяний. Во время миссионерских путешествий апостолу не раз приходилось сражаться за свою жизнь. Не единожды он терпел поражение, подвергался давлению, возможно, неоднократно плакал, потрясенный злобой и подлостью своих неприятелей. Но никогда, ни на единый миг он не признавал себя побежденным, поскольку всегда ощущал присутствие Иисуса Христа в своей душе. Эта встреча с единоверцами из Рима стала заслуженной наградой за годы борьбы и лишений, которые пришлось вынести апостолу. Если в жизни Павла и был миг, когда его глаза увлажнились слезами радости, а «лицо сияло, как лицо ангела», то, думаю, это была неожиданная встреча с римскими христианами.

Они шли рядом с апостолом — словно тот был не узник, а победитель — и поднимали дух, пересказывая новости из жизни своей маленькой общины. Когда они проделали десять миль по Аппиевой дороге и приблизились к заведению под названием «Три таверны», то встретились с еще одной группой христиан. Очевидно, это были пожилые люди, которые не смогли пройти сорок миль до побережья канала. Однако им тоже хотелось встретить апостола и засвидетельствовать свое почтение. «Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился»⁶⁷.

Теперь они следовали по одной из самых многолюдных и знаменитых дорог в мире. Они почти достигли ворот в Рим. Каждый шаг приближал Павла к исполнению заветной мечты — увидеть собственными глазами Вечный Город! И пусть он прибывает в Рим в качестве узника, но это было триумфальное прибытие — в окружении людей, которые его любили и почитали. Любовь и почитание — вот два чувства, которые в веках останутся связанными с именем святого Павла.

Интересно, что думали о них другие путники, встречавшие эту необычную группу на Аппиевой дороге? Измотанные странствиями пленники, шествующие под конвоем, и среди них один — в окружении счастливых друзей. Наверняка люди спрашивали: «Кто этот человек?» А Юлий отвечал любопытным прохожим: «Это Павел Тарсянин, который идет искать справедливости у кесаря».

Таким образом они подошли к Риму, приблизились к Капенским воротам, по зеленым камням которых все время сочилась влага — из-за протекавшего акведука, который проходил прямо над воротами. Кое-как пробились сквозь толпу, всегда толкавшуюся возле ворот, миновали рыночные подводы и носильщиков портшезов, которые здесь как раз высаживали своих пассажиров, и вошли в Рим.

Раньше считалось, что Юлий доставил Павла в распоряжение преторианской гвардии на Палатинском холме. Должность Юлия описывается в Деяниях греческим словом «стратопедарх», что переводят как «начальник лагеря». Однако этот титул видится слишком скромным для префекта преторианской гвардии. Знаменитый историк Теодор Моммзен для обозначения должности Юлия использует старинное латинское выражение *Princeps Peregrinorum* — то есть главный над Перегринами, имперскими курьерами. Подобное толкование проливает совсем иной свет на условия содержания Павла в Риме.

Как я уже упоминал ранее, *peregrini* — особый корпус имперских гонцов, своеобразная военная почта. Хотя их набирали в основном из легионов, стоявших в провинциях, основная база курьеров

находилась в Риме. Перегрины освобождались от рутинных воинских обязанностей и использовались для особых выездных заданий. По их завершении они снова возвращались в столицу и ждали новых приказов. Таким образом, Юлий «из отряда Августа» был не простым центурионом, который получил приказ от кесарийских властей доставить Павла в числе прочих узников в Рим. Он являлся членом корпуса перегринов, который прибыл в Кесарию с какой-то срочной депешей и дожидался подходящего задания, чтобы вернуться обратно. Лагерь перегринов находился не на Палатинском, а на Целийском холме. Таким образом, ошибочно считать, что Павел сразу оказался в самом сердце Рима. Более вероятно, что маленькая группа вошла в город через Капенские ворота и, свернув направо, направилась к казармам перегринов.

Если внимательно читать текст Деяний, становится ясно, что Юлий относился к своему пленнику с глубочайшим уважением. Уверен, что, если только послание прокуратора Иудеи уцелело во время кораблекрушения, оно было дополнено личным свидетельством командира перегринов об отважном поведении апостола во время катастрофы и той услуге, которую он оказал солдатам, своевременно раскрыв заговор моряков.

Павла приняли с подчеркнутой вежливостью. Он был, так сказать, пленником на поручительстве. Это означало, что он мог выбирать себе жилье в соответствии со своими пожеланиями и средствами. Его не особенно стесняли в повседневной жизни, если не считать того факта, что он все же находился под военным надзором и должен был по первому требованию явиться в назначенное место. Вот заключительные строки, которыми Лука завершает повествование в Деяниях святых апостолов:

«И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно»⁶⁸.

Наш поезд продолжал путь к Риму. Слева мелькали разрозненные огоньки ферм, разбросанных среди Понтинских болот, справа вырисовывались контуры Альбанских холмов. Вскоре огней стало больше, они оформились в двойные цепочки уличных фонарей: мы въезжали в Рим. После неизбежной вокзальной суеты я вышел на улицы Вечного Города, где фонтаны выбрасывали водяные струи, сверкавшие в свете уличных ламп.

Я позвонил своему итальянскому другу, который трудился в организации по охране античных памятников. Он оказался свободен и согласился со мной пообедать в одном из ресторанов. Во время встречи он напустил на себя жутко таинственный вид: все намекал на какой-то секрет, который отказывался открывать до конца обеда.

— Тебе повезло, дружище, — повторял он, дразня мое любопытство. — Ты вовремя приехал в Рим. Впрочем, скоро сам увидишь!

В конце концов я оставил попытки выведать «страшный секрет» и принялся описывать свое путешествие. Я объяснил, что меня интересует лишь Рим первого столетия — то есть тот Рим, который предстал глазам святого Павла.

— Увы, мой друг, тогда большая часть Рима для тебя не существует. Собор Святого Петра вычеркиваем из списка, Латеранский собор туда же. Ватиканский музей тебе не нужен. Даже знаменитый фонтан Треви вне зоны твоего интереса! О, я знаю, дружище! Тебе надо посетить римские подземелья.

— Точно!

И снова на лице у него появилась дразнящая улыбка.

— Могу тебя поздравить: ты прибыл в Рим в подходящий момент. Ладно, ладно, не сердись! Скоро я перестану тебя мучить и все объясню.

Когда мы перешли к кофе, мой друг откинулся на спинку стула и, склонив голову набок, спросил:

— Ты был когда-нибудь на Форуме ночью?

— Нет, он ведь всегда закрыт.

— Ты никогда не видел Форума в лунном свете? Ну, ничего, сегодня мы это исправим. В связи с предстоящими праздниками я собираюсь проверять подсветку фонтанов и могу взять тебя с собой. Ты сможешь бродить там в одиночку и воображать себе Рим первого века. Это самое подходящее для тебя место. Собственно, уже пора собираться. Поднимайся, дружище.

Ночь выдалась довольно темной, луну то и дело заслоняли набегавшие облака. Мой друг должен был встречаться с электриками у входа на Форум, возле арки Тита. Мы прибыли слишком рано, поэтому стали медленно спускаться по склону Колизея.

— Ни одно здание в городе не обременено таким грузом воспоминаний, — говорил мой приятель. — Здесь даже воздух кажется тяжелым и плотным.

Лунного света хватало, чтобы осветить огромный овал каменной кладки: он сиял белизной, словно вновь обретя давно

утраченный мрамор. Двое или трое других посетителей на цыпочках бродили по арене, заглядывая в тени, которые казались более зловещими, чем в любом другом месте города.

— Даже Колизей не существует для тебя, — прошептал мой друг, — ведь Павел его не мог видеть.

Действительно, даже Колизей не представлял для меня интереса! Он был построен примерно через пять лет после кончины Павла. А до того здесь лежал живописный пруд, разбитый на территории Нероновских садов. Среди рабочих, возводивших Колизей, были и двенадцать тысяч евреев, захваченных в плен после падения Иерусалима и доставленных в цепях в Рим.

Мы остановились возле креста, возведенного в память о тех, кто принял мученическую смерть на арене Колизея. Я считаю, это один из самых драматических христианских мемориалов во всем мире. Считается, что первой жертвой стал святой Игнатий, епископ Антиохии. В восточной традиции он всегда изображался маленьким ребенком, которого Иисус поместил среди своих учеников как символ невинности. Говорят, он прожил настолько чистую и безгрешную жизнь, что в награду получил способность слышать пение ангелов. Возможно, с этим связано нововведение в виде антифонного пения, которое ввел Игнатий в своих службах. Это попытка воспроизвести на земле ангельские хоры, которые, перекликаясь, исполняют хвалебные гимны. По приказу императора святого епископа должны были доставить в Рим, дабы в Колизее бросить на съедение диким зверям. Грубые солдаты протащили праведника через половину империи, и везде по пути следования Игнатий восхвалял Бога и радовался предстоящему мученичеству как средству ускорить свою встречу с Создателем. Полагаю, даже ко всему привычная римская публика со стыдом отворачивалась, чтобы не видеть, как голодные львы терзают неможное тело святого.

Бросив взгляд на часы, мой друг объявил, что пора идти. Мы поднялись на пригорок, откуда была видна арка Тита, возвышавшаяся над руинами Форума. Эта арка — еще одно строение имперского Рима, которое Павлу не дано было видеть. Ее возвели в честь падения Иерусалима, которое произошло в точном соответствии с предсказанием Господа. Помните Евангелие от Луки: «Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне...»⁶⁹

Странно, что Иисус дал буквальное описание тех методов, которые использовали римляне в ходе одной из самых страшных

осад в истории человечества. Тит приказал выкопать огромную канаву вокруг городской стены. Отработанную землю использовали для сооружения насыпи, которая в конце концов окружила весь город. За этой искусственной насыпью легионы могли спокойно ждать, пока голод вынудит защитников города сдаться. Хотя Тит намеревался сохранить Храм Ирода, но в ходе последней атаки кто-то бросил горящую головешку, и здание Храма выгорело дотла.

Скульптор изобразил на арке триумф Тита, возвращающегося с победой в Рим. В качестве трофеев по улицам проносят семисвечную менору, золотой стол для хлебного предложения и серебряные трубы. По счастливой случайности изображение выполнено на внутренней части арки, поэтому хорошо сохранилось.

В ожидании запаздывавших электриков мы подошли к ограждению и заглянули в темные глубины Форума, который лежит на шестьдесят футов ниже уровня современного Рима. Каждый вечер на закате охранник запирает ворота, перегораживающие Священную дорогу, и древний мир погружается в темноту и тишину, которую нарушают лишь залетные совы да летучие мыши. С высоты мы могли разглядеть призраки храмов и древние дороги, белеющие, словно рассыпанные кости.

Наконец появилась группа людей и стала выгружать из фургона какие-то ящики. Отперли ворота, и мы, светя себе электрическими фонариками, вступили по Священной дороге в тишину теней Форума.

— Ну разве это не чудо? — вполголоса воскликнул мой друг.

— Много лет тому назад, — шепотом отвечал я, — в бытность мою начинающим репортером мне как-то довелось присутствовать на процедуре эксгумации, которая проводилась на сельском кладбище... Знаешь, поразительное сходство: тоже ночь, разговоры шепотом, люди, которые что-то тащат в темноте... и вокруг белые камни.

По мере спуска до основного уровня почвы Форума сходство только усиливалось: вокруг нас действительно расстилалось обширное кладбище с белеющими в лунном свете надгробиями. А ведь на протяжении целого тысячелетия это кладбище являлось центром цивилизованного мира!

Желтое пятно света от фонарика пришлось по разбитым колоннам, высветило свежую поросль, пробивавшуюся в щелях между мраморными плитами. Оно продолжало плясать, выхватывая то там, то здесь упавший архитрав, обломок какого-то памятника; наконец застыло, наткнувшись на три совершенно целых колонны, выглядевших еще более странно, чем их поверженные соседки.

— Вот храм Ромула, — пояснял мой друг, направляя луч в темноту, — а там, в противоположном направлении, стояли храм Весты и дом весталок. Между прочим, в жилище этих дам было центральное отопление и трубы с горячей водой. А прямо перед тобой колонны, оставшиеся от храма Антонина и Фаустины.

Над руинами царил могильный холод. Неужели это место, где некогда решались судьбы мира? Единственным звуком, нарушавшим тишину, было шарканье ног да шорох камешка, случайно скатившегося по склону. И вновь мне подумалось, что наша прогулка больше всего напоминает ночное вторжение в кладбищенский склеп.

— Ну вот, мы приступаем к работе, — объявил мой друг. — Так что, я тебя покидаю. Ты уж сам погуляй тут и реши, какая часть Рима тебе подходит. Да, тебе, наверное, понадобится какой-нибудь свет.

С этими словами он передал мне фонарь, и я медленно побрел в темноту. Рядом с Рострой — местом, где выступали древнеримские ораторы — я наткнулся на единственное живое создание в царстве мертвых теней. Кажется, это был тощий помоечный кот.

Я размышлял, что именно мог видеть Павел на Форуме? Апостол попал сюда еще до пожара, следовательно, Августово детище предстало перед ним во всем своем великолепии и блеске. Обилие богов — их храмов и статуй — безусловно, раздражало христианина Павла. Однако к тому неодобрению, которое он уже испытал на Акрополе, примешивалось новое волнующее чувство — осознание, что находишься в центре мира. Давным-давно Павел поставил перед собой цель — покорить Вечный Город, и вот он здесь, в сердце Империи. Павел наверняка не мог пройти мимо Золотого столпа, двухметровой мраморной стелы, от которой начинались главные римские дороги — Аврелиева, Аппиева и Фламиниева. От этой же точки отмерялись расстояния до важнейших городов империи — Иерусалима на востоке и Лондиния на западе. Будучи христианином, Павел отвергал и презирал акропольских идолов. Но как гражданин Римской империи он испытывал законную гордость, оказавшись на Форуме.

Два года, проведенные апостолом в Риме, покрыты налетом интригующей тайны. Лука сообщает только, что Павел жил «на своем иждивении» (буквально — «в арендованном доме»), проповедуя учение Иисуса Христа, и никто ему в этом не препятствовал. Итак, он терпеливо ждал суда кесаря, находясь под наблюдением легионеров. Вот и все, что нам доподлинно известно. Остальное относится к области догадок.

Если принять теорию доктора Дункана, согласно которой «Тюремные послания» были написаны не в Риме, это значительно сужает наши возможности для реконструкции данного периода жизни апостола. Однако теория Дункана — не более чем гипотеза. Официальная же традиция утверждает, что эти послания написаны в том самом «арендованном доме», и, отталкиваясь от этого факта, мы и воссоздаем картину римской жизни Павла. Судя по всему, «арендованный дом» был весьма оживленным местом. К его хозяину приходили люди, приносящие весточки из отдаленных церквей. Обсудив новости, они уходили, унося ответные послания с советами и наказами от апостола, основателя этих церквей. Некоторое удивление вызывает количество посланцев из Азии, достаточно удаленной от Рима местности. Кое-кто из этих людей нам уже знаком по описанию Луки.

Прежде всего, это, конечно, сам Лука, «возлюбленный лекарь» апостола, а с ним и Аристарх — оба прибыли с Павлом из Кесарии. Кроме того, появлялся Епафрас из Колосс и Епафродит, житель Филипп. Упоминается Тихик, которого Павел послал с письмом в эфесскую церковь; и Димас, обращенный в христианство язычник, чья вера, к сожалению, не выдержала испытаний. Сам Павел писал о нем следующее: «Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику»⁷⁰. Кроме них был христианин из иудеев — Иисус, прозываемый Иустом, о котором нам ничего не известно, кроме имени. Среди всех посетителей Павлова дома двое представляют для нас особый интерес: это небезызвестный Иоанн Марк и раб по имени Онисим.

До чего радостно сознавать, что в конце жизни Павел помирился с Марком, и тот навестил апостола в Риме — в тяжелый миг, когда тучи начали сгущаться над головой святого. Приятно представлять, как «состарившийся» Павел сидит в Риме и беседует с Марком, вспоминая Варнаву, иерусалимский домик Марии, где в былые дни (ах, как давно это было!) собирались члены церкви. Наверняка Марк много рассказывал о Петре и об Евангелии, которое тот написал (или только пишет). Павла должны были заинтересовать воспоминания Петра об Иисусе Христе, которого тот знал лично. Как хотелось бы, чтобы кто-то из великих живописцев изобразил эту сцену: Марк сидит с Павлом в «арендованном домике» и читает ему главы из Евангелия. О том, как трижды прокричал петух и как толпа, собравшаяся во дворе Каиафы, ждет ответа от Петра. Я так и вижу, как горят глаза Павла, как жадно ловит он каждое слово.

Не менее интересна личность Онисима. Он был рабом у человека по имени Филимон, жившего в Колоссах. Неизвестно, по

какой причине он сбежал от своего хозяина, но не приходится сомневаться, что жизнь беглого раба была полна опасностей. В первом веке подобный поступок считался серьезным преступлением. Если раба ловили, то обязательно клеймили, а в худшем варианте могли и убить. Разочаровавшись в обретенной свободе, этот несчастный кинулся разыскивать Павла, чье имя он мог слышать в хозяйском доме. Он верил, что в окружавшем его враждебном мире он может твердо рассчитывать на доброту одного человека — апостола по имени Павел. Тот факт, что оказавшийся в опасности человек — причем самого низкого звания — рискнул обратиться за помощью к Павлу, свидетельствует о том, какую власть над умами и сердцами людей имел апостол.

Павел впустил в свой дом Онисима и постепенно привязался к нему. Он познакомил бывшего раба с учением Иисуса Христа, заставил по-новому посмотреть на загробную жизнь и жизнь на земле. Павел хотел оставить Онисима при себе, но его моральные принципы не позволяли этого сделать. Раба следовало вернуть хозяину, а хозяина, по возможности, нужно было убедить простить проступок раба. Именно такое решение принял Павел, а потому он написал Послание к Филимону, в котором взывал к милосердию — не только по отношению к рабу, но и по отношению к себе самому.

Если кто-то из читателей представляет себе Павла таким строгим, непреклонным учителем, пусть он перечтет коротенькое письмо к Филимону. Кстати, единственное из всех сохранившихся писем Павла, которое посвящено не богословским вопросам, а чисто человеческой проблеме. Это послание — окно, позволяющее заглянуть в душу апостола.

«...Я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа; прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих. Он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его, ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удерживать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование. Но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно... Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня. Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. Я, Павел, написал моею рукою: я заплачу; не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен. Так, брат, дай мне воспользоваться от тебя в Господе; успокой мое сердце в Господе...»⁷¹

В Послании к Филиппийцам, если оно писано примерно в то же самое время, ощущается намек на некоторое духовное напряжение. «...Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше. А оставаться во плоти нужнее для вас»⁷².

Возможно, это настроение подавленности и уныния связано с тем «жалом во плоти», о котором мы писали раньше. Как бы то ни было, но даже в Послании к Филиппийцам радость и надежда затмевают все прочие чувства: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь».

Почти во всех попытках реконструкции жизни апостола в Риме вы натолкнетесь на утверждение, что он круглосуточно был прикован к охранявшему его солдату. Именно так: прикован цепочкой за запястье. Возможно ли поверить в такое? Лично мне это кажется грубым фарсом: чтобы старого человека (который не имел ни малейшего желания куда-либо бежать) на протяжении двух лет — день за днем, месяц за месяцем — держали на привязи! Да, мы знаем, что когда старший Агриппа находился под арестом, к нему была применена подобная мера. И его друзья ходили к префекту Макрону просить, чтобы на эту должность назначили доброго и учтивого солдата. Но не будем забывать: Агриппа был важным государственным преступником. Павел же если и являлся узником, то находился в ином положении. Он был человеком, задержанным, что называется, «под честное слово», который добровольно дожидался суда цезаря.

Я, со своей стороны, рискну предположить, что Павел пользовался куда большей свободой, чем считают многие ученые. В письмах, которые традиционно связывают с Римом, по меньшей мере восемь раз упоминаются «узы» Павла. Но, принимая во внимание безмятежную картину жизни, нарисованную в заключительных главах Деяний, не следует ли слова об «узах» воспринимать как фигуру речи? Если я хоть что-нибудь понимаю в солдатской службе, то готов побиться об заклад, что обязанность по охране апостола сначала превратилась в простую проформу, а затем и вовсе в своего рода синекуру, о которой все солдаты — как в первом веке, так и в наши дни — могут только мечтать. Павлу приходилось сталкиваться с различными представителями гвардии — ежедневно с разными. Но я нисколько не сомневаюсь, что, если бы я или вы были старшими офицерами, то очень скоро бы обнаружили, что солдат, который формально прикован к охраняемому узнику, на самом деле развлекается игрой в кости в ближайшей таверне.

Неоднократно высказывалось предположение, что Павел встречался с Сенекой. В принципе, в такой встрече нет ничего невозможного, если не принимать во внимание различие в социальном положении. Сенека на тот момент занимал пост премьер-министра при Нероне. Кроме того, он являлся братом «милейшего Галлиона» — того самого, перед которым Павлу

пришлось оправдываться в Коринфе, и большим поклонником земляка Павла — стоика Афенодора. Благодаря письмам Цицерона мы имеем представление о слухах, которые циркулировали в высших эшелонах власти. Почему бы Галлиону не написать письмо любимому брату, в котором описывалось бы прибытие в Коринф и рассказывалось о безобразной попытке местных евреев манипулировать мнением нового губернатора? Полагаю, было бы даже странно, если бы Галлион не написал такого письма.

Таким образом, получается, что Сенека уже слышал о прибывшем апостоле Павле. В обязанности премьер-министра входило ознакомиться с делом и принять предварительное решение. По сути, это было равносильно выработке определенной позиции имперского правительства к новой религии. В качестве приверженца философии стоиков Сенека обнаружил, что у них много общего с христианским апостолом. Оба, правда каждый на свой лад, осознавали, что мир пришел к моральному банкротству и человечеству требуется новый образ жизни. Суммируя эти соображения, почему бы не предположить, что однажды крытый паланкин Сенеки остановился возле «арендованного дома» и премьер-министр проскользнул в жилище Павла?

Каков был результат апелляции Павла? Тут мнения расходятся. Некоторые верят, что после двухлетнего ожидания он услышал смертный приговор, который и был приведен в исполнение приблизительно в 61 году. Но есть и другая, довольно стойкая традиция, которая поддерживается «Пастырскими посланиями» Павла. Согласно этой традиции, апостол был освобожден и продолжил миссионерскую деятельность.

Возможно, он уехал в Азию. Он ведь просил Филимона подготовить для него какое-нибудь жилье. Может, он посетил Эфес, где Тимофей курировал местную христианскую церковь. А может, апостол поехал на Крит, где оставил в качестве своего представителя Тита. Все эти догадки являются следствием «Пастырских посланий». Кроме того, существует очень древняя традиция, согласно которой Павел посетил Испанию. О нем говорили, что он пронес Евангелие «до западных границ». Многие из этого делают вывод, что апостол побывал на Британских островах, хотя мне все же кажется, что речь идет о пребывании в Испании. Удивляет, правда, тот факт, что в этой стране не сохранилось никаких легенд о посещении известного миссионера.

В то время, пока еще Павел был на свободе, в Риме произошел страшный пожар — случилось это ночью 18 июня 64 года. Тут, пожалуй, будет уместна краткая историческая справка. Дело в том, что император Нерон лелеял планы перестройки столицы, но ему

противостояла мощная оппозиция в лице жрецов и владельцев ветхого жилья: их старые храмы и жалкие лачуги как раз ютились в районе Большого цирка, на территории, которую Нерон предполагал расчистить и заново застроить достойными зданиями. Подозрительным кажется, что пожар начался именно на спорной территории. Пламя быстро охватило скученные постройки, и скоро пожар уже было не остановить. В результате из четырнадцати районов города три были полностью уничтожены, а семь серьезно пострадали. Нерона не было в Риме на начала пожара, но он успел вернуться, чтобы увидеть, как догорают последние здания. Римляне были потрясены масштабами несчастья и, как всегда, начали искать виновных. Аналогичная история произошла в Англии, когда в правление Карла II случился Большой пожар: тогда вину свалили на католиков. Поскольку по Риму поползли слухи, затрагивавшие имя императора, Нерон решил обратить ярость народа против христиан. Так начался первый этап великих гонений на христианскую церковь.

Картина горящего Рима живо отражена в тех стихах «Откровения Иоанна Богослова», где описываются рыдания торговцев и мореходов из Эфеса на набережной:

«И купцы земные восплачут и возрыдают о ней, потому что товаров их никто уже не покупает: товаров золотых и серебряных, и камней драгоценных и жемчуга, и виссона и порфиры, и шелка и багряницы, и всякого благовонного дерева, и всяких изделий из слоновой кости, и всяких изделий из дорогих деревьев, из меди и железа и мрамора, корицы и фимиама, и мира и ладана, и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота и овец, и коней и колесниц, и тел и душ человеческих...

Торговавшие всем сим, обогатившиеся от нее, станут вдали, от страха и мучений ее, плача и рыдая и говоря: горе, горе тебе, великий город, одетый в виссон и порфиру и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом! Ибо в один час погибло такое богатство. И все кормчие и все плывущие на кораблях, и все корабельщики и все торгующие на море стали вдали и, видя дым от пожара ее, возопили, говоря: какой город подобен городу великому! И посыпали пеплом головы свои и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе, город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море! Ибо опустел в один час»⁷³.

Нам неизвестен год, в который случился арест Павла, окончившийся его мученической смертью. Ясно только, что это произошло в ходе гонений на христиан, последовавших за великим

пожаром. Древняя традиция утверждает, что смерть Петра и Павла наступила в один день, и относит этот черный день к 67 году.

Именно этим периодом второго пребывания в Риме — уже не как «узника», а в качестве ненавистного христианина — датируется его последнее послание. Оно носит название Второго послания к Тимофею. В нем Павел жалуется, что многие старые друзья его покинули. Он просит Тимофея поскорее приехать и привезти фелонь и книги, которые он оставил в Троаде, в доме Карпа. Следует ли из этого, что апостол мерзнет в холодной темнице? Может, ему потребовался кепеник — дорожная накидка из шерсти киликийских коз, чтобы согреть кости в римской тюрьме? А для чего тогда книги и пергамент? Неужели его неукротимая натура даже в столь прискорбных обстоятельствах не желала смириться? Может апостол мыслил писать новые послания церквям?

Павел жалуется: «...один Лука со мною». И в то же время передает приветствия от Еввула, Пуда, Лина и Клавдии. Означает ли это, что Павел и Лука были заключены в одну темницу? И, невзирая на рядовые просьбы о плаще и пергаменте, ощущение надвигающейся трагедии пронизывает все послание. Это письмо человека, пребывающего в великой опасности и не ведающего, что ему готовит грядущий день и час. В этой ситуации Павел, величайший в мире миссионер, возвышает свой голос в обращении к христианской церкви.

«А ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, в гонениях, страданиях, постигших меня в Антиохии, Иконии, Листрах; каковыя гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь. Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь. А ты пребывай в том, чему научен, и что тебе вверено, зная, чем ты научен; притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса...

Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом (нашим) Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явление Его и царствие Его: проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием. Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням.

Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое. Ибо я уже становлюсь

жертвою, и время моего отшествия настало...»⁷⁴

Обратившись с призывом ко всем миссионерам христианского мира — прошлого, настоящего и грядущего, — Павел берет в руки перо и пишет собственную эпитафию:

«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил».

Таково последнее письмо, написанное святым Павлом. Цепь, протянувшаяся сквозь время до того далекого дня; цепь, которую мы именуем церковной традицией, утверждает, что десять дней спустя апостола вывели из Рима по Остийской дороге и обезглавили под пинией на Лаврентийской дороге, в месте, которое носит название Аква Сальвиа.

На следующее утро я отправился осмотреть гробницу святого Павла, человека, по чьим стопам я прошествовал через весь античный мир.

Стояло раннее утро. Рим еще не успел проснуться. Солнце уже поднялось и отбрасывало причудливые тени под застывшими в безмолвии деревьями. Мне подумалось, что это самое чудесное время в суточном ритме Рима. Из близлежащих деревень на телегах, запряженных мулами и белыми быками, подвозили бочки с вином. В городе стояла такая тишина, что можно было слышать шум фонтанов. Воздух наполнился шелестом падающих струй, которые изливались — из раскрытой пасти льва и дельфина, из объятий наяды и тритона — и падали в мраморные бассейны.

Совсем скоро зазвонят колокола к ранней мессе. Сонные ризничие выйдут на улицу и начнут перестилать коврики возле церковных дверей. По улице потянется тонкий запах ладана. Так все и произошло. И, пока слушал римские колокола, я думал о Листре, Дервии и Икони, лежащих на далеких взгорьях Малой Азии, и о Филиппах, просыпающихся под скупым солнцем Македонии. Я думал о древнем Коринфе, мертвом городе на равнине меж двух морей.

Бога поминали во всех местах, но сейчас — по прошествии столетий — они погрузились в тишину, и нам остается лишь вспоминать их историю. Мне пришла мысль, что эти церкви продолжают жить в звуке римских колоколов. Я подумал, что церковные колокола Рима звучат не только для римлян, но и для галатов, ефесян, колоссян, филиппийцев и коринфян — всех тех, чьи собственные колокола давно умолкли. Ибо в колоколах Рима, как и во всех христианских колоколах, продолжают звучать голоса святых Петра и Павла. И еще я подумал, как верно поступали

средневековые мастера, которые присваивали своим творениям — отлитым колоколам — имена апостолов.

Очень скоро улицы Рима заполнились стройными колоннами семинаристов. Они следовали на занятия, как солдаты на параде: шеренгой по двое, над каждой парой зонтик. Я смотрел на этих молодых людей, многим из которых предстояло стать миссионерами, и думал: «Что бы сказал святой Павел, если бы увидел этих юных “солдат Христа” — наверняка похожих на Тимофея или Тита, — когда они вот так шествуют под утренним римским солнцем?»

Я пересек Тибр по мосту Сант-Анджело и направился в храм Святого Петра. Пробыл я там довольно долго, спускался в крипту и поднимался на крышу. Когда я снова вышел на улицу, Рим уже проснулся. Я решил найти те несколько мест в городе, которые связаны с памятью святого Павла.

Рим святого Павла располагается на глубине от тридцати до шестидесяти футов по отношению к современному уровню города. Подземные сокровища охраняют монахи, которые прячут ключи под сутанами и неохотно пропускают посетителей на каменную лестницу, ведущую вниз. Иногда ключи застревают в проржавевших замках. Но в конце концов двери склепов распахиваются, и вы ощущаете холодное затхлое дыхание подземелья. Держа свечу над головой, вы входите внутрь и окидываете взглядом помещение, которое долгие столетия не видело дневного света. Вы вдыхаете кладбищенский запах, вслушиваетесь в глубокую, непроницаемую тишину. Пламени свечи едва хватает, чтобы осветить вырубленный в скале склеп. Иногда на стене обнаруживается полустершаяся фреска: вы можете различить чью-то голову или руку. Монах начинает рассказывать историю этой крипты, но вы слушаете рассеянно. Ваши мысли то и дело устремляются в прошлое, когда это темное помещение было полно света и жизни; здесь звучали человеческие голоса, хлопали двери — мужчины и женщины входили и выходили, а в маленькие оконца лился дневной свет.

На виа Урбана у подножия Эсквилина стоит, наверное, самая древняя римская церковь — спрятанная в полуподвале Санта-Пуденциана. Внешне это вполне современное здание, если не считать очаровательной звонницы, которая датируется примерно девятым веком. Церковь неоднократно реставрировалась, но в полукуполе над главным престолом сохранилась невероятно древняя мозаика, относящаяся к концу третьего — началу четвертого столетия. Помимо своей «естественной уникальности»,

она заинтересовала меня тем, что там представлены самые ранние мозаичные портреты святых Петра и Павла. Мы видим Иисуса Христа, восседающего на троне, а по обеим сторонам от него расположились апостолы. Слева изображен Петр в плаще странника, а справа — Павел с манускриптом в руке. Оба апостола уже в зрелом возрасте, бородатые, а Павел вдобавок — не то чтобы лысый, но с изрядно поредевшей шевелюрой. Таким образом, фреска отражает традиционное представление об его внешности.

Не приходится сомневаться, — пишет профессор Ланчани, — что в Риме трепетно сохранялись воспоминания о внешности апостолов. В результате даже простой школьник узнает святых на образах. Эти портреты дошли до нас в большом количестве. Они писались в тесных кубикулах древнеримских катакомб... При изображении апостолов художники строго следовали уже выработанному иконографическому типу. Святого Петра всегда рисовали человеком с грубым, волевым лицом, с вьющимися волосами и короткой бородкой. В отличие от него, святой Павел обладал более тонкими и изысканными чертами лица. Его можно было узнать по характерным особенностям, к коим относились: высокий лоб, намечающаяся лысина и длинная заостренная борода. Несмотря на древность изображений, портретное сходство не подлежит сомнению.

Эти *vetri cemeteriali* представляли собой стеклянные пластинки, которые помещали вместе с умершими в катакомбах второго или третьего века. Часто они украшались портретами одного или двух апостолов, выполненных на золотой фольге. Из трехсот сорока пластинок, исследованных археологом Рафаэлем Гаруччи, восемьдесят отмечены портретами святых Петра и Павла. Все портреты практически одинаковы, никаких вариаций в изображении не допускалось. Эти первые образа явно писались с реальных портретов апостолов, чьи лица были хорошо знакомы верующим. Попытки идеализировать модель (вошедшие в моду в более поздние времена) строго пресекались христианской церковью. Благодаря этому все изображения апостолов, вплоть до современных, сохраняют портретное сходство.

Многие скептики, доверяющие лишь тому, что написано в книгах, не способны взять в толк, как можно считать достоверным устное описание какого-то события или личности, которое на протяжении двух или трех столетий передается из уст в уста. Тем не менее в каждом старинном семействе существуют веские

доводы в пользу устной традиции. Мне кажется, что монсеньор Барнс исключительно убедительно изложил свое мнение по данному вопросу в книге «Мученичество святых Петра и Павла»:

Многие недооценивают человеческую память. Люди часто хранят воспоминания о каких-то выдающихся событиях на протяжении весьма и весьма длительного времени. Кроме того, существует такое понятие, как коллективная память человеческого сообщества — очень эффективная, в особенности если она подкрепляется какой-либо ежегодной церемонией. Все сказанное, несомненно, относится к памяти о мученической кончине двух апостолов. Воспоминания об этой трагедии не выветрились из памяти римлян (по крайней мере, в том, что касается основных фактов).

У меня есть знакомый писатель, который происходит из семьи долгожителей с очень давними традициями. Так вот, ему нет нужды искать на стороне — вне своего семейного круга — примеры для доказательства. Его мать скончалась в 1927 году в весьма преклонном возрасте, и буквально до последних дней она сохранила воспоминания об июньском дне 1837 года, когда она маленькой девочкой присутствовала на коронации королевы Виктории. В данном случае мы имеем дело с так называемой «чистой памятью», относящейся к событию второстепенной (для данной дамы) важности, но тем не менее бережно сохранявшейся на протяжении более чем девяноста лет. Еще одну пожилую даму мой приятель часто посещал в детстве. Она рассказывала ему всяческие ужасы о Французской революции и, в частности, о казни несчастной Марии-Антуанетты. Девочкой ей довелось жить в Филадельфии, где ее отец занимал высокий государственный пост. Старушка уверяла, что знала Бенджамина Франклина. Но Франклин родился в 1706 году, то есть за три года до доктора Джонсона и за восемь лет до смерти королевы Анны. Если моему другу-писателю посчастливится дожить до возраста его матери — событие маловероятное, но в принципе возможное, — то образуется промежуток времени в двести пятьдесят лет, перекрываемый тремя человеческими жизнями. Вот прекрасный пример устной традиции. Бенджамин Франклин вполне мог рассказывать нашей старушке о каком-либо событии из своего далекого детства — например, о Бостонском пожаре 1711 года, а она,

в свою очередь, передаст этот рассказ следующему поколению. Аналогичная картина могла сложиться в Риме первого века. Некий ребенок из христианской семьи мог присутствовать при мученической кончине святого Петра и своими глазами видеть, как вколачивали гвозди в его крест. В 150 году он еще вполне мог быть жив и рассказывать, допустим, своему внуку об этом событии. А его внук, при условии, что проживет достаточно долго, мог на склоне жизни пересказать эту историю другому мальчику, который имел шансы дожить до счастливого 312 года, когда — благодаря Константину Великому — христианская церковь наконец обрела право на спокойствие и земное счастье. Все мы отлично понимаем, какое значение римские христиане придавали мученической смерти апостолов. Так вот, с учетом всего вышесказанного, судите сами: возможно ли, чтобы христианский Рим забыл обстоятельства гибели святых Петра и Павла? Или еще пример. Представьте себе ребенка из лондонской семьи роялистов. Вся семья была потрясена, когда тридцатого января 1649 года законного короля Карла I обезглавили на Уайтхолле. Скажите на милость, сможет этот гипотетический ребенок впоследствии забыть, где и когда произошла эта злодейская казнь? Или же юный парижанин, слышавший, как едет к месту казни подвода с несчастной Марией-Антуанеттой — грохот колес по мощеной мостовой! — сможет ли он забыть, где и когда это случилось? До или после падения правительства Робеспьера? Да никогда в жизни! То же самое справедливо и в отношении мученичества святых Петра и Павла. Хотя какие-то мелкие детали могут забыться со временем, христианская традиция надежно сохранит самое существенное — время и место казни великомучеников. В этом отношении римская традиция — она же коллективная память христианской церкви — несомненно проявит исключительную точность и цепкость.

На меня большое впечатление произвели портреты святых Петра и Павла в церкви Санта-Пуденциана. Хотя наверняка существуют и более древние изображения, но эти — самые ранние из сохранившихся крупных мозаичных портретов апостолов. Я уже отметил ранее, что Петр изображен слева от Господа, а Павел справа. Этот любопытный факт вызвал столько споров между

специалистами, что мне кажется целесообразным вновь процитировать монсеньора Барнса:

Многие современные писатели озадачены тем фактом, что там, где оба апостола встречаются вместе на одном полотне, обычно (особенно это касается ранних произведений) святой Павел изображается справа, а святой Петр слева от Иисуса Христа. На этом основании доказывают, что в раннюю эпоху римская традиция отдавала главенство Павлу. И тем самым становится очевидным, к каким кардинальным ошибкам приводит недостаточная информированность. Очевидно, наши малограмотные специалисты не знают, что в Риме — с древнейших времен и на протяжении многих столетий — наиболее почетным считалось место слева от центральной фигуры. (Исключение составлял период правления Августа, когда ненадолго восторжествовала греческая традиция, отдающая предпочтение правой стороне). В подтверждение тому можно привести множество примеров из истории Рима вплоть до тринадцатого века. На алтаре, недавно обнаруженном в Сан-Себастьяне, Иисус Христос и святой Петр изображены в роли Добрых Пастырей. Так вот, в этой композиции Иисусу отводится место слева, а Петру справа. На некоторых официальных папских печатях до сих пор Павел изображается справа, а Петр слева. Известно, что в католической церкви крест кладут слева направо, в то время как православные греки поступают наоборот... Когда разбираешь живописные работы первых четырех столетий, это «справа — слева» как раз является четким показателем того, насколько сильно греческое влияние в творчестве того или иного художника.

Спустившись в крипту церкви, я оценил, каким великолепным пособием оказалась бы эта постройка для студентов, изучающих апостольскую эпоху. Кирпичное здание постройки первого века, очевидно, было значительных размеров, поскольку его фундамент простирается и под соседними домами. Предполагается, что нынешняя церковь построена на том месте, где некогда стоял дом римского христианина по имени Пуд (или Пудент), который принимал у себя апостолов Петра и Павла. Святой Павел упоминал его имя во Втором послании к Тимофею. В 1870 году в ходе раскопок под церковью открылся проход в римское здание.

У меня нет никаких сомнений, что оно существовало в то время, когда Павел находился в Риме. Вполне возможно, апостол заходил в это здание, и те самые стены, которые сейчас окружают меня, отражали эхо его голоса.

Вокруг личности Пуда существует множество загадок и домыслов. Считается, что он был сенатором и женился на британской принцессе, которая по такому поводу приняла имя Клавдия. Известный поэт Марциал посвятил этому событию эпиграмму, в которой воспевал внешность и характер чужестранки:

Клавдия родом пускай Руфина из синих британцев,
Но обладает она чисто латинской душой.
Как хороша и стройна!..
Да осчастливят ее небеса единым супругом,
Да осчастливят навек благом троих сыновей^[49].

Если Пуд и Клавдия, упомянутые в послании святого Павла, и есть те самые люди, которым посвящена эпиграмма Марциала; если Помпония Грецина, жена Авла Плавция, командовавшего римскими войсками в Британии, действительно, как утверждают, была уроженкой Британских островов и христианкой, то мы можем сделать приятное допущение — среди членов римской христианской общины были представители нашей родины.

После этого я отправился еще в одну римскую церковь. Она представляла для меня большой интерес, поскольку была связана с ближайшими друзьями Павла — Акилой и Прискиллой. Церковь расположена на Авентинском холме и носит имя Святой Приски. Согласно традиции, восходящей еще к апостольским временам, она построена на месте бывшего дома Акилы и Прискиллы. Данная церковь не столь живописна, как Санта-Пуденциана, зато с ней связана любопытная история, заслуживающая пристального внимания археологов. В 1776 году неподалеку от церкви была обнаружена подземная часовня, стены которой украшают фрески четвертого века. Трудно объяснить поведение людей, обнаруживших это подземное чудо, но, заглянув в часовню, они попросту снова ее замуровали — не сделав плана помещения, не сняв копий с уникальных фресок. Я почти не сомневаюсь, что это и было настоящее жилище Акилы и Прискиллы.

Единственным свидетельством этого открытия служит клочок бумаги (ныне хранящийся в Национальной библиотеке Парижа), который подписан человеком по имени Каррара и адресован казначею папы Пия VI. Насколько мне известно, с тех пор никто не

пытался заново откопать эту подземную часовню. А ведь если бы современные археологи потрудились это сделать, мы получили бы не менее интересные и ценные свидетельства об апостольской эпохе, чем те, что хранятся в крипте церкви Санта-Пуденциана.

Традиция, правда сложившаяся не ранее десятого века, утверждает, что «арендованный дом», в котором проживал Павел, и поныне стоит на Виа Лата. Последним же местом заключения апостола считается печально знаменитая Мамертинская тюрьма, расположенная рядом с аркой Севера. Сейчас верхнюю часть здания занимает церковь Сан-Джузеппе деи Фаленьяни, однако ризничий позволил мне спуститься в подземный склеп, который в свое время служил темницей святым Петру и Павлу. Находясь внизу, разом перестаешь сомневаться в былом назначении здания: кажется, здесь сами стены пропитаны людскими страданиями. Впоследствии на этом месте выстроили часовню, внутри которой над алтарем вырезаны в скале фигуры апостолов. Рассказывают, что до того, как сюда провели электрическое освещение, это было одно из самых мрачных и трагических мест во всем Риме.

Согласно церковной традиции, апостолов Петра и Павла на протяжении девяти месяцев держали в темнице и вывели оттуда в 67 году лишь для того, чтобы предать смерти.

Петра распяли в цирке Нерона — в месте, которое сейчас частично занято храмом Святого Петра. С Павлом так поступить не посмели — ведь он был римским гражданином. Поэтому его вывели за городские стены и там обезглавили. Остийская дорога, которой его вели, представляла собой оживленный тракт к порту Остия. Сейчас это улица Виа Остиенсе, она начинается от ворот Святого Павла, рядом с которыми стоит пирамида Цестия. Пирамида была на этом месте и тогда, когда Павел отправился в свой последний путь по Виа Остиенсис. Собственно, этим она меня и привлекает: последний римский монумент, на котором остановился взгляд обреченного апостола.

Сегодня Виа Остиенсе имеет вполне обжитой вид: вдоль нее выросли индустриальные окраины, появились рыночные прилавки и фабрики. Тогда же, когда по ней вели Павла, она была похожа на все загородные дороги — пустынная полоса с многочисленными усыпальницами по обочинам. Апостола довели до третьего верстового столба — местечко называется Аква Сальвиа — и здесь остановились и велели готовиться к смерти. Согласно греческой версии Деяний, вокруг стоял сосновый бор, но мы оставим эту деталь на совести рассказчика. А остановимся на следующей подробности: если верить автору греческих Деяний, отрубленная

голова апостола трижды подскочила, прежде чем покатиться по земле. И в каждой точке, где она ударилась о землю, забил источник живительной влаги. По этой причине место казни получило название Тре Фонтане — то есть «три источника».

Впоследствии на этом месте выросло цистерцианское аббатство Трех источников. Оно состоит из трех церквей в окружении живописной эвкалиптовой рощи. Церквушки вместе с надворными постройками обнесены сплошной стеной с воротами. Ворота всего одни, зато фундаментальные — широкие, массивные, а сторожка при них крыта черепицей. В маленькой церкви Святого Павла посетителям демонстрируют Спасительный источник, который, естественно, существовал задолго до смерти апостола. Другой достопримечательностью является фрагмент мраморной колонны, к которой якобы привязали Павла перед казнью.

До конца девятнадцатого века считалось, что автор греческого варианта Деяний дал волю собственной фантазии, когда описывал живописный сосновый бор. Но в 1875 году монахи-трапписты работали на задворках часовни — раскапывали фундамент местного хранилища для воды. При этом они обнаружили монеты, отчеканенные в период правления Нерона, и множество сосновых шишек, успевших окаменеть за прошедшие века. Так что версия с сосновым бором получила неожиданное подтверждение.

Тела казненных апостолов тщательно охраняли члены церкви. Рассказывают, будто группа еврейских христиан пыталась выкрасть останки и перевезти их на Восток, однако попытка оказалась безуспешной. На какое-то время великие апостолы снова встретились, теперь уже посмертно: их поместили рядом в Платонии — «мраморной гробнице», скрытой под церковью Святого Себастьяна на Аппиевой дороге. Римляне первого века называли это место *ad catacumbas* — то есть «в пещерах», — очевидно, имея в виду природный рельеф земли. Слово «катакомбы» изначально относилось только к данной гробнице и лишь в средние века приобрело свое современное значение и стало обозначать любое подземное кладбище.

Когда Константин Великий наконец-то принял христианство, он удостоил святых заслуженных почестей. Тело Павла лежало в римской гробнице, среди виноградных лоз, в живописном уголке, образованном пересечением Остийской дороги и пешеходной тропы вдоль берега Тибра. Константин велел поместить тело Павла (как и раньше тело Петра) в металлический гроб, а поверх поставить массивный золотой крест. Позже над могилой выстроили часовню.

Это была первая базилика San Paolo fuori le Mura — Святого Павла-Вне-стен. При следующих правителях здание неоднократно

расширялось и перестраивалось. Церковь Павла-Вне-стен и храм Святого Петра стали величайшими базиликами Рима. Великолепная колоннада со свинцовой крышей тянулась на протяжении двух миль — от церкви до городских ворот (к сожалению, она не сохранилась до наших дней). Величайшей трагедией стало разрушение старого храма Святого Петра в 1506 году и уничтожение церкви Павла-Вне-стен в огне пожара, случившегося 15 июля 1823 года.

Той ночью папа Пий VII лежал при смерти. Он очень любил церковь Святого Павла, где в свое время был монахом. И никто не посмел рассказать умирающему папе, что в этот самый миг огонь пожирает драгоценные фрески и мозаику на стенах церкви; что великолепные колонны, перенесенные с Форума, и прочие сокровища, которые придавали уникальность церкви, гибнут в пламени. Утром от базилики практически ничего не осталось. Лишь по счастливой случайности арка, возведенная над могилой апостола, защитила ту от разрушения. По сути, гробница Павла единственная уцелела от всей базилики.

Потребовалось тридцать лет, чтобы восстановить церковь по прежнему образцу. Иноземные короли присылали мраморные колонны для украшения базилики. Среди тех, кто внес свой вклад (редкие породы мрамора), был и Мегемет-Али, уроженец македонского города Кавала, где Павел впервые ступил на землю Европы.

За минувшие столетия орды разнообразных варваров неоднократно грабили Рим. Но, несмотря на это, такие археологи, как Ланчани, и такие ученые, как монсеньор Барнс, верят, что мощи святого Павла по-прежнему лежат под главным алтарем церкви, в металлическом саркофаге, куда их поместил Константин Великий. Подозреваю, немногим известно, что в наше время гроб Павла извлекался из убежища. Происходило это при несчастливых обстоятельствах, и люди, при том присутствовавшие, в силу естественного страха или иных эмоций не пожелали оставить письменных свидетельств. Случилось это во время перестройки церкви, когда потребовалось укрепить фундамент под алтарем. В ходе этих работ склеп, где покоятся останки апостола, случайно вскрыли. Произошло это 28 июля 1838 года. Все проделали без лишнего шума. Даже в Ватикан не сообщили о случившемся. Теми двумя, кто успел заглянуть в образовавшееся отверстие, были архитектор по фамилии Веспиньяни и аббат Дзелли, пожилой священник церкви Святого Павла. Много лет спустя Веспиньяни в подпитии хвастался, что он видел гроб Павла — как он говорил, «ящик из металлических брусков». После его смерти в личных

вещах архитектора обнаружился рисунок — весьма низкого качества — этого «ящика». Монсеньор Барнс описывает этот рисунок как изображение «крепкой решетки из металлических брусьев, перекрещивающихся друг над другом, так что образовывались отверстия диаметром в четыре или пять дюймов, с декоративными украшениями в местах перекрестья. Вся конструкция заключена в каменный каркас, как оконное стекло в деревянную раму. Фактически “ящик”, скорее, сделан из камня, с крупными отверстиями, прикрытыми металлической решеткой».

Сходное описание предоставил и аббат в своей беседе с монахом братом Гризаром. Сохранились записи этого монаха, в которых говорится, что аббат Дзелли признался ему, будто он заглянул в усыпальницу святого Павла. По словам аббата, святой лежит на каменном постаменте, а гробница окружена со всех сторон брусками из железа (или бронзы?), очень древними на вид. Монсеньор Барнс, который весьма тщательно исследовал все свидетельства, делает следующий вывод:

Святой Павел покоится в каменном гробу под главным алтарем. Если немного приоткрыть круглый проход под «билликом»^[50], то можно с всей осторожностью ввести туда приспособления для фотографирования содержимого гробницы. В результате исследований мы обнаружим склеп размером двадцать на семнадцать футов, по центру которого располагается гроб, приподнятый над уровнем земли. Как и следовало ожидать, гроб закрыт и спрятан в каменной конструкции с крупными зарешеченными отверстиями. Эта конструкция достигает почти самого потолка склепа и явно рассчитана таким образом, чтобы выдерживать немалый вес алтарного камня. На гробе может находиться (именно может) большой золотой крест весом сто пятьдесят фунтов, который Константин, по слухам, возложил туда и который, сам по себе, оправдывает и каменный футляр, и металлические решетки, которые служат для его защиты.

В результате пожара 1823 года обнаружилась еще одна деталь этой гробницы, которую до сих пор можно видеть под главным алтарем. Я имею в виду надпись, вырезанную на каменной плите размером семь футов в длину и четыре фута в ширину. Надпись (в том виде, в каком она сохранилась) гласит:

PAVLO APOSTOLO MART...

Последнее слово незавершенное, поскольку часть плиты, где должны были располагаться недостающие три буквы, обломана и отсутствует. Целиком, конечно же, подразумевается слово «martyri» (мученик). Первого декабря 1891 года профессор Ланчани пролез на четвереньках сквозь *finestrella* (окошко) под главным алтарем, чтобы обследовать надпись. Он установил, что надпись сделана «большими буквами, характерными для периода Константина». Этот крупный авторитет считает, что гробница не повреждена:

Гроб святого Павла дошел до нас, скорее всего, в том виде, в каком его оставил Константин Великий, упрятанным в металлический футляр. В 846 году сарацины повредили внешнюю мраморную обшивку и мраморную эпитафию, но до гроба не добрались. Что касается гроба — его формы, размеров, сохранности и содержимого, — то, боюсь, нам никогда не представится случая удовлетворить наше любопытство.

Прежде чем завершить эту главу, мне хотелось бы высказать одно наблюдение. С учетом туманных предположений о возможном посещении святым Павлом Британии, в свете того факта, что единственный крупный собор Святого Павла вне границ Рима находится именно в Лондоне, хочется лишний раз напомнить, что церковь, где захоронен апостол, до Реформации находилась под защитой английских королей. На гербе аббата храма Павла-Внестен до сих пор можно видеть руку, сжимающую меч, и ленту Подвязки с девизом: «Honi soit qui mal y pense» — «Пусть стыдно будет тому, кто плохо об этом подумает».

Церковь Святого Павла стоит на древней Остийской дороге, примерно в двух милях от Рима. Войдя внутрь, я подумал, что с таким же успехом мог бы очутиться в одном из дворцов имперского Рима. Эта церковь воплощает в себе величайшее достоинство, великолепие совершенных пропорций, а среди ее предшественников могли бы числиться дворцы цезарей и суды империи.

Чистое пространство сияющего мрамора простирается до главного алтаря — гладкое, как незамутненная поверхность озера в безветренный день. Колонны храма отражаются на этой мраморной поверхности, как стволы деревьев в водной глади озера. Падающий свет прекрасен, ибо напоминает нам о святом, который,

отправляясь завоевывать мир, шествовал среди сосен Киликийских Ворот и нес с собой послание, высказанное на берегу озера.

Я приблизился к главному алтарю, где под пологом, покоящимся на четырех колоннах, лежит прах святого Павла. Смотрители гробницы были так добры ко мне, что позволили ненадолго опуститься на колени и заглянуть через *finestrella* в сумрачное пространство, где на мраморной плите высечены знакомые слова «PAVLO APOSTOLO MART...»

И, стоя коленопреклоненным, я вспомнил старинную церковную легенду. В ней говорится, что святые Петр и Павел приняли мученичество в один и тот же день. Они вместе вышли через Остийские ворота и дошли по Остийской дороге примерно до того места, где сегодня стоит на обочине часовня Разделения. Тут они расстались. Петра повели в цирк Нерона, а Павла — к Спасительному источнику. Апостолы не стали прощаться.

Святой Петр сказал:

— Ступай с миром, Проповедник, благовествующий благое, води праведных к спасению.

Святой Павел ответил:

— Мир тебе, Основатель Церкви, Пастырь стада Христова.

И они разошлись, каждый к своему мученическому венцу. Случилось это в 67 году. Менее сорока лет прошло с той ночи в иерусалимской Верхней горнице; меньше сорока лет миновало со страстей Христовых в Гефсиманском саду и с тех пор, как на Голгофе был воздвигнут крест. За это короткое время брошенное семя успело пустить корни, и тень Божьего Царства простерлась над Землей.

Приложения

Хронология жизни святого Павла

Точное установление подобной хронологии вряд ли возможно. Источники лишь сообщают, что то или иное событие в его жизни произошло раньше или позже другого (собственные слова апостола в Послании к Галатам, 1:18 и 2:1, или указание Деяний, что он провел полтора года в Коринфе и три года в Эфесе — 18:11, 20:31); при этом исследователи высказывают самые разнообразные мнения по поводу точной датировки конкретных событий. Впрочем, у нас появилась возможность отчасти зафиксировать даты жизни Павла благодаря надписи, недавно обнаруженной в Дельфах. В этой надписи говорится, что Галлион, перед которым святой Павел предстал в Коринфе, занимал пост прокурора Ахайи в 50–51 годах.

Обращение Павла, по мнению ученых, произошло около 30–35 года. За этим последовал довольно долгий период (12–17 лет), о котором мы почти ничего не знаем, кроме того, что первые 2–3 года Павел провел в Дамаске и его окрестностях, затем совершил поездку в Аравию, и последующие годы: находился либо в Киликии (Тарс), либо в Сирии (Антиохия). Таблица, приведенная ниже, предложена профессором К. Г. Тернером в статье «Хронология Нового Завета» в первом томе «Библейского словаря» Гастингса. В этой таблице изложены основные события жизни апостола.

Варнава приглашает Павла к совместной работе в Антиохии	47
Первое миссионерское путешествие (Кипр и Галатия) (Многие ученые относят к этому периоду написание Послания к Галатам.)	48–49
Апостольский совет в Иерусалиме	49
Второе миссионерское путешествие (Галатия, Троада, Филиппы, Фессалоника, Беотия и Афины)	49–50
Годы, проведенные в Коринфе (В это время написаны Первое и Второе послания к Фессалоникийцам.)	50–52
Посещение Иерусалима и Антиохии	52
Начало третьего миссионерского путешествия	52
Годы, проведенные в Эфесе и в его окрестностях (К концу этого периода было написано Первое послание к Коринфянам; ему предшествовало другое письмо в Коринф (ныне утерянное) и так называемое «скорбное» письмо в Коринф. Некоторые критики относят также к этому периоду	52–55

Послания к Филиппийцам, Колоссянам, Ефесянам и Филимону.)	
Путешествие через Македонию (Написано Второе послание к Коринфянам.)	55
Последнее посещение Коринфа (Написано Послание к Римлянам.)	56
Задержание в Иерусалиме	56
Прибытие в Рим (Согласно общепринятой традиции, в этот период пишутся Послания к Ефесянам, Колоссянам, Филимону и Филиппийцам.)	начало 59

Дальнейшее течение жизни святого Павла не ясно. Некоторые ученые полагают, что он принял мученическую смерть после двухлетнего пребывания в Риме, таким образом относя смерть апостола к 61 году. Другие считают, что по истечении этих двух лет состоялся суд Нерона, который закончился оправданием Павла, и апостол покинул Рим для продолжения миссионерской деятельности. Предполагается, что во время этого путешествия он посетил Испанию. К этому периоду некоторые критики относят написание Первого и Второго Послания к Тимофею, а также Послания к Титу.

В 64 году в Риме случился пожар, вину за который возложили на христиан. Император Нерон начал преследование христианской церкви. Согласно устоявшейся традиции, святые Петр и Павел тоже подверглись гонениям и приняли мученическую смерть в 67 году. Петр был распят на кресте; Павел, как римский гражданин, был обезглавлен, «принял смерть от меча».

Причины, побудившие святого Павла к написанию посланий

До нас дошло тринадцать писем, написанных святым Павлом, — адресованных как христианским общинам, так и отдельным лицам. Авторство Послания к Евреям, несмотря на то что это письмо включено в состав Библии, вызывает серьезные сомнения. Поэтому в ряде изданий это послание не включается в число тех, что написаны Павлом. Ниже приводится перечень посланий святого Павла — с указанием причин, побудивших к их написанию, и с соблюдением наиболее вероятной последовательности их появления.

К Галатам: Римская провинция Галатия (Малая Азия) включала в себя города Антиохия Писидийская, Иконий, Листра и Дервия, которые Павел и Варнава посетили в ходе их первого миссионерского путешествия. Очевидно, христианам этой местности и адресовано данное послание. Оно было написано для опровержения воззрений некоторых иудейских миссионеров, которые активизировались с отъездом апостола. Они пытались опорочить учение Павла и поставить под сомнение его апостольский авторитет. До сих пор ведутся споры относительно датировки данного послания. Многие ученые полагают, что оно было написано сразу же после первого миссионерского путешествия Павла, еще до знаменитого совета в Иерусалиме. Если это соответствует истине, Послание к Галатам можно считать самым ранним из всех писем Павла, и, следовательно, оно является древнейшей частью Нового Завета. Если же правы исследователи, настаивающие на более поздней датировке письма, тогда честь самого раннего послания принадлежит Первому посланию к Фессалоникийцам.

К Фессалоникийцам (Первое и Второе послания): эти письма христианам Фессалоники (современных Салоник) были написаны в Коринфе приблизительно в 50 году. Апостол стремился укрепить дружеские отношения с религиозной общиной города, который — в силу особых обстоятельств — он был вынужден спешно покинуть. В этих посланиях Павел отвечал на вопросы прихожан и пытался развеять неверные представления о втором пришествии Христа и приближающемся конце света (первые христиане верили, что оба этих события произойдут еще при их жизни). Помимо прочего, Павел давал новообращенным наставления в христианской жизни.

К Коринфянам (Первое и Второе послания): из этих двух писем первое было написано в конце затянувшегося пребывания апостола в Эфесе; второе послание составлено непосредственно за первым — в то время, когда Павел пробирался через Македонию в Грецию. В отсутствие Павла коринфская община разделилась на враждующие фракции, снова возродилась языческая безнравственность. В первом письме Павел затрагивал ослабление веры и недопустимое поведение членов общины. Во втором он решительно клеймил зачинщиков раздора. Кризис, возникший в Коринфе, побудил апостола написать четыре послания, два из которых, к сожалению, ныне утрачены. Правда, большинство ученых склоняются к мнению, что одно из утраченных писем частично вошло в главы 10–13 Второго послания к Коринфянам.

К Римлянам: не вызывает сомнений, что письмо было написано в Коринфе ближе к концу третьего миссионерского путешествия апостола. Оно имело целью подготовить почву для поездки в Рим, ибо Павел никогда не расставался с мечтой посетить столицу империи. В этом послании Павел рассуждал о нуждах и заботах не только отдельной общины, но христианского мира в целом. Апостола угнетала степень нравственного разложения, царившего в античном мире; он сетовал, что «все совратились с пути». Спасение он видел в благовестии, идущем от Иисуса Христа, и призывал следовать Его откровению.

«Тюремные послания»

В эту категорию включаются послания к Филиппийцам, Колоссянам, Ефесянам и, отдельно, к Филимону. Среди исследователей не утихают споры о том, когда именно были написаны эти письма: в то время, пока апостол дожидался в Риме правосудия кесаря, или же в более ранний период пребывания в Эфесе и окрестностях.

К Филиппийцам: это письмо, адресованное христианской церкви города Филиппы, написано Павлом в состоянии душевного подъема. Апостол приветствовал и ободрял филиппийскую общину, которая всегда оказывала ему неоценимую поддержку — как материальную, так и моральную — в миссионерской деятельности. Павел выражал свою благодарность филиппийцам и призывал их крепить дух христианского содружества и самоотречения. Это одно из немногих посланий, безусловно написанных в радостном, торжествующем ключе.

К Колоссянам: послание адресовано жителям малоазийского городка Колоссы, расположенного примерно в сотне миль от Эфеса. Написано ради опровержения ложного учения, распространявшегося среди местных христиан под воздействием иудейских проповедников.

К Ефесянам: написано в тот же период и примерно с теми же целями, что и разбиравшееся выше Послание к Колоссянам. Это письмо на самом деле является посланием всем христианским церквям Малой Азии. Почему же оно называется именно Послание к Ефесянам? Объяснение очень простое: из всех заготовленных копий послания сохранилась именно эта — адресованная в Эфес.

К Филимону: это теплое и задушевное письмо стоит особняком в корреспонденции апостола, хотя бы потому что единственное является частным посланием Павла. Письмо адресовано Филимону, жителю городка Колоссы, и содержит просьбу, даже мольбу, простить беглого раба Онисима.

«Пастырские послания»

Под этим названием объединяются два письма к Тимофею и письмо к Титу. Все они посвящены пастырскому присмотру за христианскими общинами. В настоящее время ведутся споры о принадлежности этих посланий (в их нынешнем виде) перу святого Павла. Для сомнений имеются основания, хотя некоторые главы, несомненно, вполне павловские по стилю и духу. Если признать авторство апостола, следует отнести эти письма к последнему периоду жизни святого Павла, после первого римского заточения. Письма очень важны с этой точки зрения, поскольку проливают свет на период его миссионерской деятельности на Востоке, куда Павел смог выехать после оправдательного приговора кесаря.

К Тимофею (Первое послание): это письмо Павел отправил своему верному другу и сподвижнику, который от его имени руководил христианской общиной в Эфесе. Апостол давал младшему товарищу практические советы и предостерегал от лжеучителей и апологетов расплодившихся ересей.

К Титу: сходное послание, адресованное еще одному преданному помощнику, который занимался делами христианской церкви на Крите. В своих письмах Павел неоднократно с похвалой отзывался о Тите. Тем более странно, что имя этого человека ни разу не упоминается в Деяниях.

К Тимофею (Второе послание): это последнее письмо святого Павла, отправленное из римской темницы незадолго до

мученической кончины. Послание содержит советы и предостережения; тревожная тональность становится понятной, если мы вспомним о надвигавшейся казни.

Указатель библейских цитат

- 1 Лк 13:35.
- 2 Гал 4:19.
- 3 Деян 9:3-9.
- 4 Деян 9:17-20.
- 5 Деян 9:13.
- 6 Деян 9:24-25.
- 7 2 Кор 11:32.
- 8 2 Тим 4:13.
- 9 Флп 3:7-8.
- 10 Деян 11:25.
- 11 2 Кор 10:1 и далее.
- 12 Деян 12:3.
- 13 Деян 11:29 и 12:25.
- 14 Деян 13:2-4.
- 15 Мф 10:2.
- 16 Деян 20:34.
- 17 Деян 13:5.
- 18 Исх 28:35.
- 19 Деян 21:16.
- 20 Деян 13:8 и далее.
- 21 Деян 20:13.
- 22 Деян 13:46.
- 23 Деян 14:11 и далее.
- 24 Гал 2:20.
- 25 Гал 1:1 и далее.
- 26 Деян 17:36.
- 27 Деян 16:9.
- 28 Деян 16:11 и далее.
- 29 Деян 16:13 и далее.
- 30 Флп 1:3 и далее.
- 31 Деян 17:6-7 и далее.
- 32 1 Фес 2:9 и далее.
- 33 2 Фес 3:6 и далее.
- 34 Ин 10:16.
- 35 Деян 17:16-21.
- 36 Деян 17:22.
- 37 Деян 17:24 и далее.
- 38 1 Кор 2:3.
- 39 Деян 3:1-10.

- 40 Деян 18:2 и далее.
- 41 Деян 18:6.
- 42 Деян 18:9-10.
- 43 Деян 18:11.
- 44 Деян 18:12 и далее.
- 45 1 Кор 11:24 и далее.
- 46 1 Кор 15:20 и далее.
- 47 Рим 16:1-2.
- 48 1 Кор 15:32.
- 49 1 Кор 4:9.
- 50 Откр 2:1-5.
- 51 1 Кор 4:11 и далее.
- 52 Деян 19:15 и далее.
- 53 Деян 19:25 и далее.
- 54 2 Тим 4:14.
- 55 2 Кор 1:8.
- 56 Флп 1:13.
- 57 Деян 20:10 и далее.
- 58 Деян 21:9.
- 59 Деян 21:11 и далее.
- 60 1 Кор 9:20 и далее.
- 61 Деян 21:28.
- 62 Далее пересказ глав 22-23 Деяний апостолов.
- 63 Деян 24:24 и далее.
- 64 Деян 28:30.
- 65 Деян 25:12 и далее.
- 66 Деян 27:24 и далее.
- 67 Деян 28:15.
- 68 Деян 28:30-31.
- 69 Лк 19:43-44.
- 70 Тим 4:10.
- 71 Флм 1:9-20.
- 72 Флп 1:23-24 и далее.
- 73 Откр 18:11-13,15-19.
- 74 2 Тим 3:10-15 и 4:1-6.

Библиография

Anderson Scott C. A. Saint Paul: the Man and the Teacher. Cambridge University Press, 1936.

Idem. Foot-notes to St. Paul. Cambridge University Press, 1935.

Arundell F. V. J. Discoveries in Asia Minor. 2 vols. Richard Bentley, 1834.

Barnes Arthur Stapleton. The Martyrdom of St. Peter and St. Paul. Oxford University Press, 1933.

Idem. St. Peter in Rome. Sonnenschein, 1900.

Bate Herbert Newell. A Guide to the Epistles of Saint Paul. Longmans, Green, 1936.

Carpenter Rhys. Ancient Corinth. American School of Classical Studies at Athens, 1933.

Chandler Richard. Travels in Asia Minor. Oxford, 1775.

Conybeare and Howson. The Life and Epistles of St. Paul. Longmans, Green, 1862.

Conybeare F. C. Philostratus: the Life of Apollonius of Tyana. The Loeb Classical Library, Heinemann, 1912.

Deissmann Adolf. St. Paul. Hodder and Stoughton, 1912.

Idem. The New Testament in the Light of Recent Research. Hodder and Stoughton, 1929.

Duncan G. 5. St. Paul's Ephesian Ministry. Hodder and Stoughton, 1929.

Idem. The Epistle to the Galatians. Hodder and Stoughton, 1934.

Foakes-Jackson F. J. The Life of St. Paul. Jonathan Cape, 1933.

Fouard Аббй Constant. St. Paul and his Missions. Longmans, Green, 1911.

Glover T. R. The World of the New Testament. Cambridge University Press, 1933.

Idem. Greek Byways. Cambridge University Press, 1932.

Idem. The Ancient World. Cambridge University Press, 1935.

Cunnis Rupert. Historic Cyprus. Methuen, 1936.

Hastings J. Dictionary of the Bible. 5 vols. T. and T. Clark, 1905.

Idem. Dictionary of the Apostolic Church. T. and T. Clark, 1915.

Hausrath A. A History of the New Testament Times. Williams and Norgate, 1895.

Hobhouse J. C. A Journey through Albania, etc. James Cawthron, 1813.

Hogarth D. C. Excavations at Ephesus. British Museum, 1908.

James M. R. The Apocryphal New Testament. Clarendon Press, Oxford, 1926.

Knox Wilfred. St. Paul. Peter Davies, 1932.

Lake Kirsopp. Paul: His Heritage and Legacy. Christophers, 1934.

Idem. Landmarks of Early Christianity. Macmillan, 1920.

Lanciani Rodolfo. Pagan and Christian Rome. Macmillan, 1892.

Lewin Thomas. The Life and Epistles of St. Paul. George Bell, 1890.

Lowther Clarke W. K. New Testament Problems. S.P.C.K., 1929.

Lucas E. V. A Wanderer in Rome. Methuen, 1930.

Maiden R. H. Problems of the New Testament Today. Oxford University Press, 1923.

Miller William. Greece. Ernest Benn, 1928.

Moffatt James. A New Translation of the Bible. Hodder and Stoughton, 1936.

Idem. The New Testament. Parallel Edition. Hodder and Stoughton, 1922.

Idem. Introduction to the Literature of the New Testament. T. and T. Clark, 1920.

Mommsen Theodor. The Provinces of the Roman Empire. Richard Bentley, 1886.

Pewtress Leslie S. Saul who is also called Paul. Marlborough, 1923.

Rackham Richard Belward. The Acts of the Apostles. Westminster Commentaries. Methuen, 1912.

Ramsay Sir William. Luke the Physician. Hodder and Stoughton, 1908.

Idem. The Church in the Roman Empire. Hodder and Stoughton, 1893.

Idem. Pauline and other Studies. Hodder and Stoughton, 1906.

Idem. The Cities of St. Paul. Hodder and Stoughton, 1907.

Idem. The Teaching of Paul in Terms of the Present Day. Hodder and Stoughton, 1913.

Idem. Historical Commentary on the Galatians. Hodder and Stoughton, 1899.

Idem. St. Paul the Traveller and Roman Citizen. Hodder and Stoughton, 1896.

Idem. The Historical Geography of Asia Minor // Supplementary Papers. Royal Geographical Society. 1890. Vol. IV.

Idem. Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire. Aberdeen, 1906.

Schurer Emil. The Jewish People in the Time of Jesus Christ. T. and T. Clark, 1896.

Skeel C.A.J. Travel in the First Century. Cambridge University Press, 1901.

Smith James. The Voyage and Shipwreck of St. Paul Longmans, Green, 1866.

Stirling J. F. Philips' Atlas of the New Testament.

Stuart and Revett. The Antiquities of Athens. London, 1787.

Tucker T. C. Life in the Roman World of Nero and St. Paul. Macmillan, 1910.

Wade J. H. New Testament History. Methuen, 1932. Wheler, George. A Journey into Greece. London, 1682.

Whibley Leonard. A Companion to Greek Studies. Cambridge University Press, 1906.

Wood J. T. Discoveries at Ephesus. Longmans, Green, 1877.

Путеводители

Father Barnabas Meistermann. Guide to the Holy Land. Burns, Oates and Washbourne, Ltd., 1923.

La Grige. Les Guides Bleus, 1932.

Greece. Murray's Handbook, 1884.

Asia Minor. Murray's Handbook, 1895.

The Handbook of Cyprus. Christophers, 1930.

Иллюстрации

Иерусалим. Мечеть Купол Скалы и городская стена. *Фото Е. Кривцовой*

Иерусалим. Вид с Храмовой горы на Масличную гору. *Фото Е. Кривцовой*

Иерусалим. Городская стена. *Фото Е. Кривцовой*

Израиль. Памятник солдатам наполеоновской армии перед монастырем Стелла Марис. *Фото М. Башкатова*

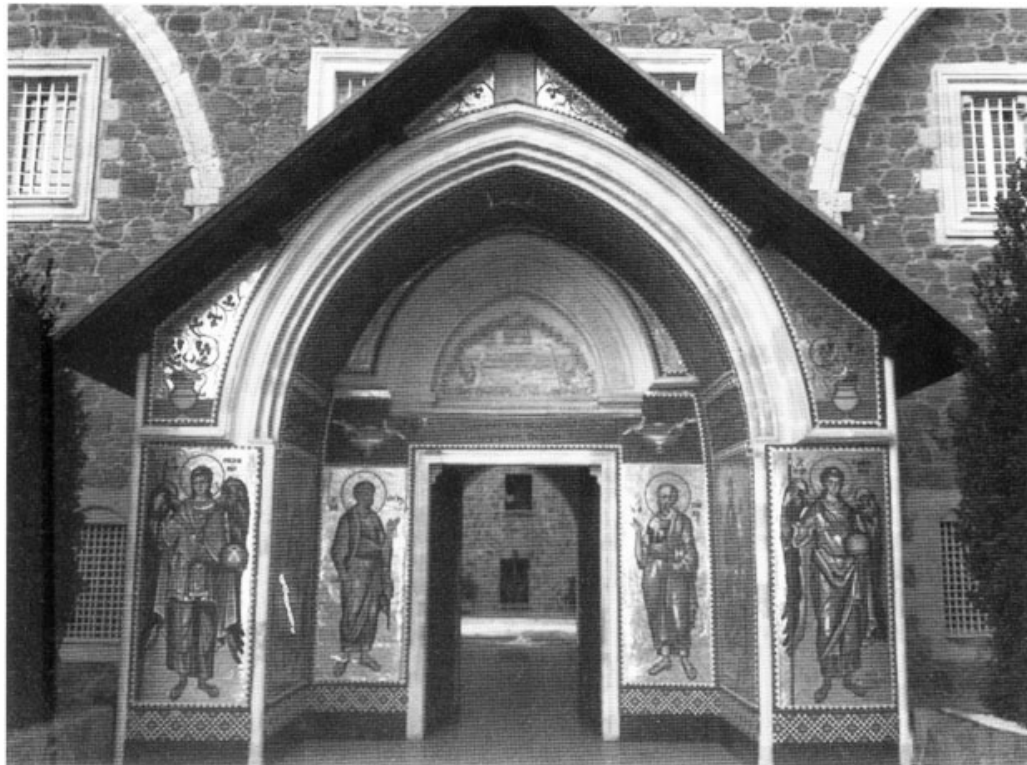
Тарс. Церковь Святого Павла. *Фото М. Башкатова*

Тарс. Колодец Святого Павла. *Фото М. Башкатова*

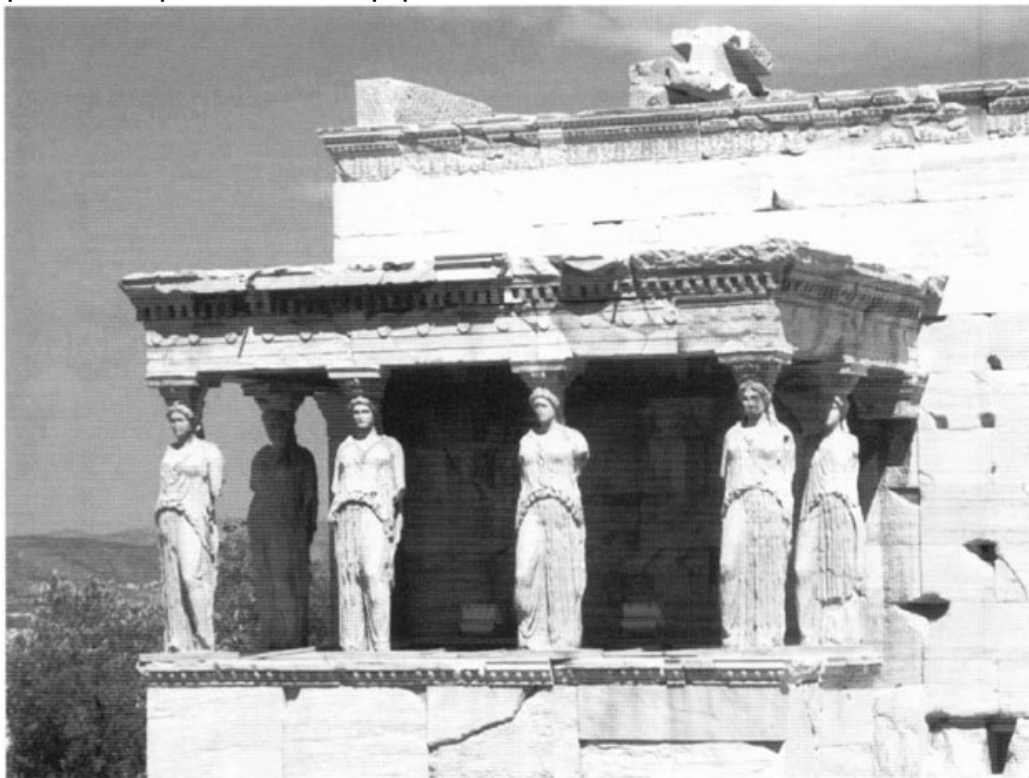
Кипр. Пафос. Место, где, согласно мифу, Афродита вышла на сушу. *Фото М. Башкатова*

Кипр. Монастырь Кикко. Вход. *Фото М. Башкатова*

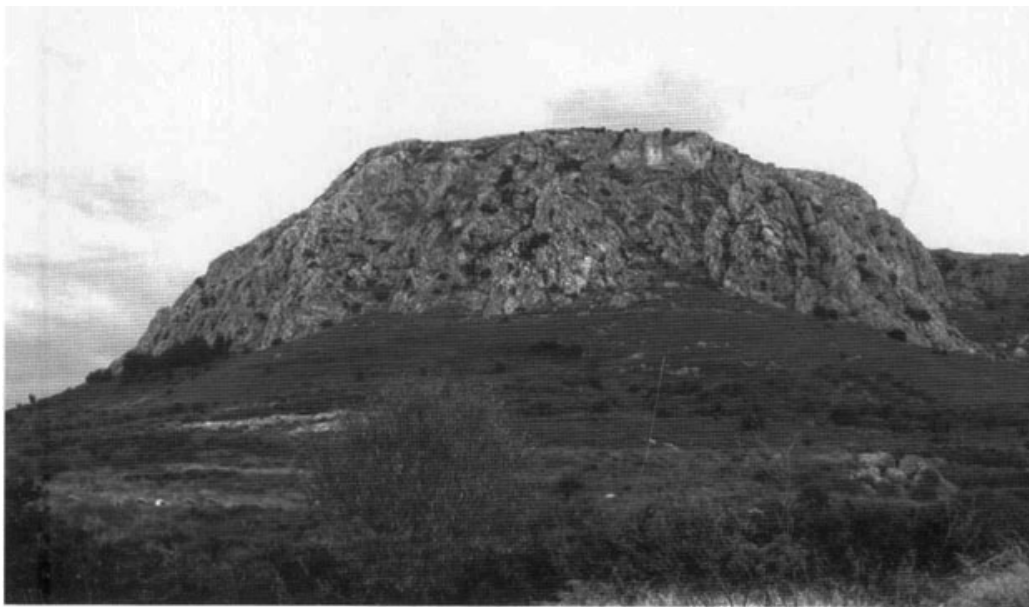

Афины. Акрополь и Парфенон. *Фото М. Башкатова*

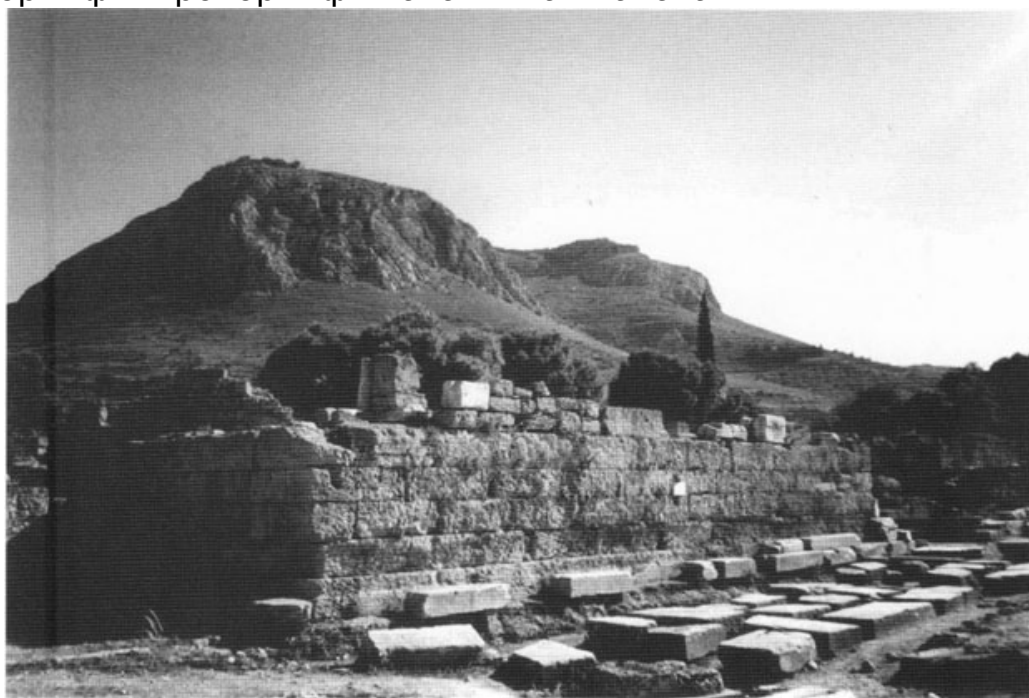

Афины. Эрехтейон. *Фото М. Башкатова*

Коринф. Акрокоринф. *Фото М. Башкатова*

Коринф. Бема святого Павла. *Фото О. Клоковой*

Коринфский канал. *Фото М. Башкатова*

Эфес. Общий вид древнего города. *Фото М. Башкатова*

Эфес. Руины византийской базилики. *Фото М. Башкатова*

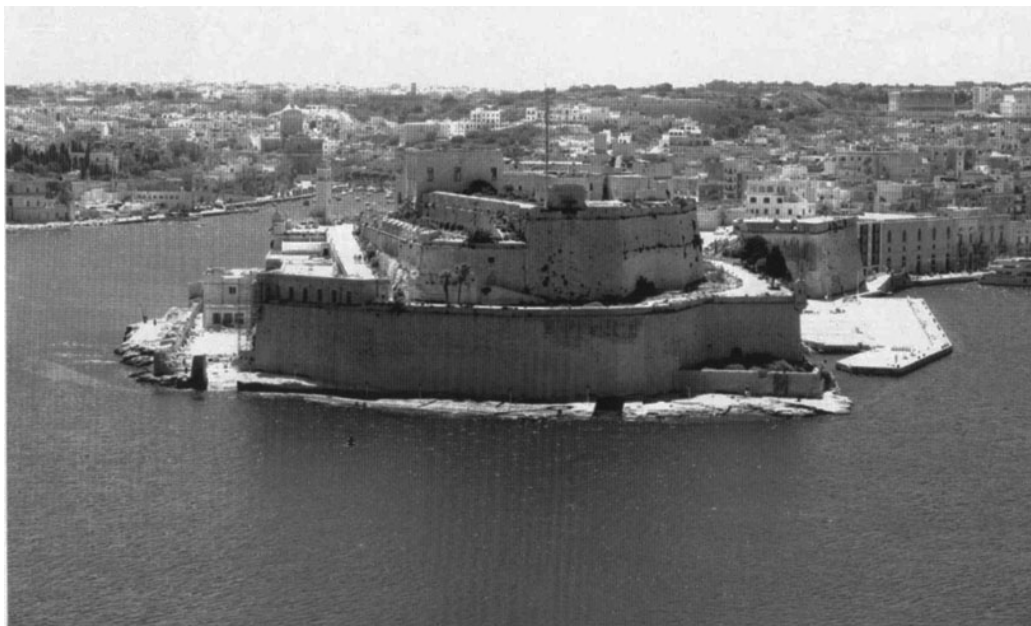
Родос. Город Линдос с руинами акрополя и крепостью ордена госпитальеров. *Фото О. Королевой*

Родос. Вид с акрополя Линдоса на бухту Святого Павла, в которой апостол некогда высадился на остров. *Фото О. Королевой*

Родос. Линдос. Церковь на месте крестильни, где апостол обращал первых христиан. *Фото О. Королевой*

Мальта. Форты и гавань Валетты. *Фото О. Королевой*

Остров, на который апостол сошел после кораблекрушения, и памятник святому Павлу. Холмы на заднем плане — Мальта. *Фото О. Королевой*

Мальта. Барельеф с изображением святых Павла (в центре) и Луки (слева) на воротах города Мдина (Рабат). Фото О. Королевой

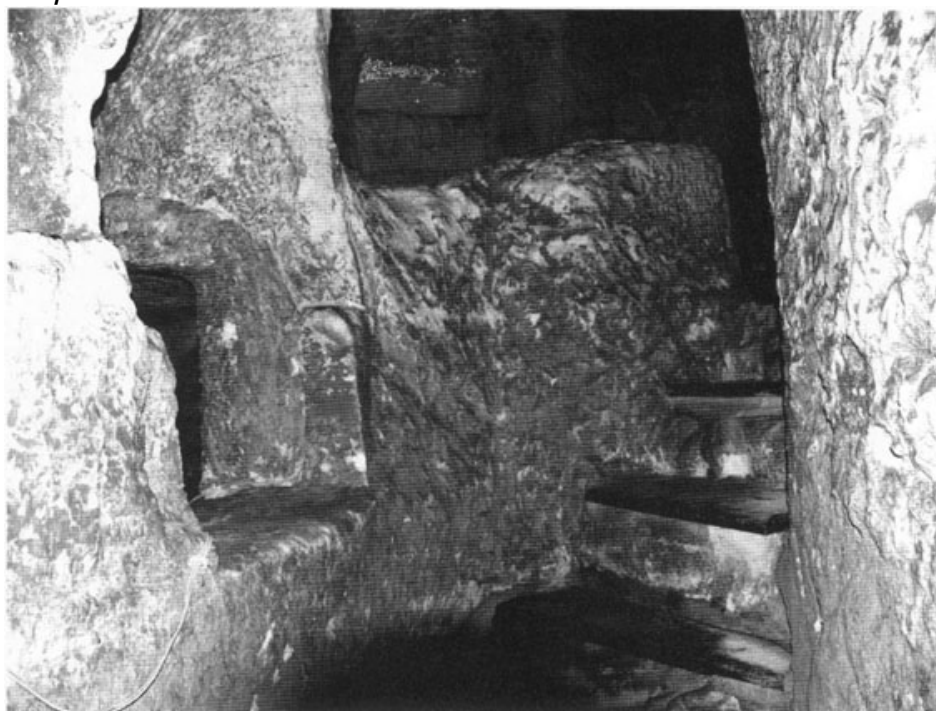

Мальта. Рабат. Церковь Святого Павла. Фото О. Королевой

Мальта. Рабат. Грот, в котором, по легенде, укрывался апостол.
Фото О. Королевой

Мальта. Рабат. Вход в катакомбы из грота святого Павла. *Фото О. Королевой*

Рим. Панорама Форума. Фото Е. Кривцовой

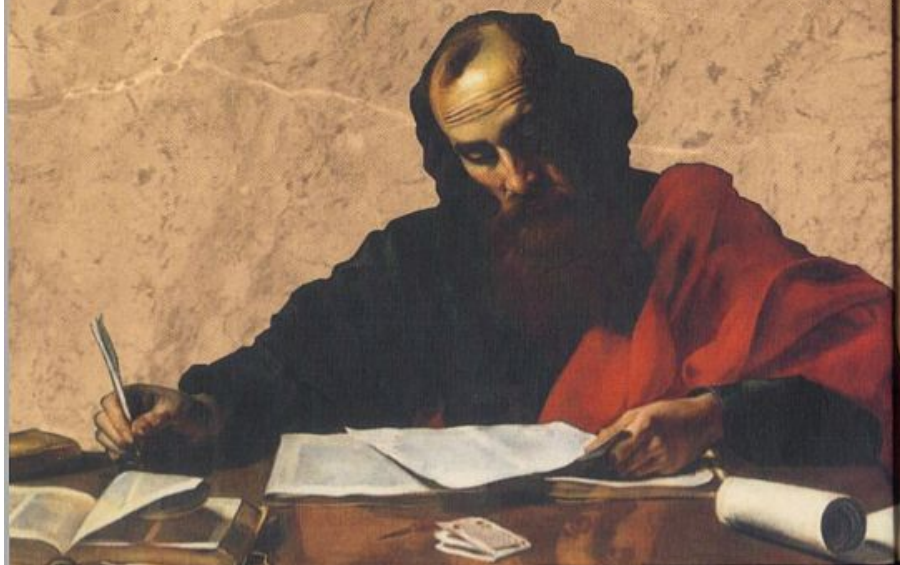

Рим. Фасад церкви Святого Павла-Вне-стен. Фото М. Башкатова

В данной книге я поставил целью описать деяния святого Павла, Великого Странника. Свой маршрут я почерпнул из Деяний апостолов. Апостольские послания позволяли мне обрисовать местные условия или объяснить поступки самого святого Павла. Каждое слово, написанное этим великим человеком, стало камнем преткновения для многих поколений ученых, превратилось в поле боя, на котором сталкивались различные теории и учения. В его лице мы имеем первый полномасштабный портрет христианского миссионера: никогда прежде не было такого, чтобы человек чувствовал себя ответственным за моральный и духовный облик ближних. В миссионерской деятельности Павлу удалось добиться впечатляющих успехов: за короткий срок (предположительно менее чем за двадцать лет) он основал целую сеть христианских церквей в Малой Азии, Греции, Македонии. Более того, он утвердил идею божественного происхождения Христа даже в самой столице Римской империи.

Генри В. Мортон

---

notes

Примечания

Кастор и Поллукс (иначе Диоскуры) — в античной мифологии братья-близнецы, считавшиеся покровителями мореходов; на судне с таким названием апостол Павел отправился в плавание после зимовки на Мальте. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Лестница Тира — древнее название мелового утеса Рош-Ханикра, расположенного на границе Израиля и Ливана.

Луций Валерий Флакк — претор 66 г. до н. э. В 62 г. до н. э. он получил в управление провинцию Малая Азия; три года спустя его обвинили в преступном вымогательстве денег у азиатских городов; среди прочего Флакк обвинялся в незаконной конфискации золота у евреев.

Полное имя Клавдия — Тиберий Клавдий Друз Нерон Германик.

Корнелий Тацит. История. Перевод Г. Кнабе.

Деян 7:48 и далее. Эпитет «рукотворенный» употреблялся по отношению к языческим идолам, и применить его к Храму было неслыханным богохульством.

Неби-Муса — мусульманский религиозный праздник, посвященный пророку Моисею.

Приняв решение строить Храм, царь Соломон обратился за содействием к Хираму, царю финикийского Тира. Тот прислал опытного зодчего по имени Хирам-Абиф, плотников и прочих ремесленников.

В исламе — скала, с которой Пророк во время посещения Иерусалима вознесся на небо.

Знаменитые путешественники и исследователи Востока.

Хайль — арабское название кардамона.

Хамсин — сухой, знойный ветер из пустыни.

Декаполис (Десятиградие) — союз десяти эллинистических городов, существовавший в Палестине в I–III вв. н. э.

Деян 9:4. Рожон — толстое бревно, которое устанавливали поперек дороги, чтобы перекрыть движение (в переносном смысле — барьер, преграда).

Эстер Стэнхоуп — английская аристократка, племянница Уильяма Питта; под впечатлением слухов о втором пришествии Христа, ожидавшемся в 1847 г., оставила светскую жизнь в Лондоне и поселилась в Дамаске, чтобы быть поближе к месту событий. По слухам, она держала на конюшне двух белых арабских скакунов — одного для Мессии, другого для себя.

Сирийские Ворота (Бейланский перевал) — горный перевал через горный хребет Аман (ответвление Тавра), расположенный на границе Турции, Сирии и Киликии.

Эгнатиева дорога — магистральная дорога, проложенная римлянами через Балканы, а позже продленная до Константинополя.

Гази — мусульманский воин, ревностный борец за ислам; в Турецкой республике этот титул носил первый президент Мустафа Кемаль Ататюрк.

Энвер-паша — турецкий политик и военачальник, инициатор вовлечения Турции в Первую мировую войну.

Кохл — краска для век, используемая на Ближнем Востоке.

Комбологион («греческие беспокойные бусы») — разновидность четок, используются для снятия стресса.

Генри Уильям «Банни» Остин (1906–2000) — знаменитый английский теннисист.

Да (греч.).

Спасибо! (*греч.*)

Будьте здоровы! (*греч.*)

Здесь и далее цитаты из «Жизни Аполлония Тианского» в переводе Е. Г. Рабиновича.

Улица Дребезжащих жестянок — прозвище одного из манхэттенских кварталов, где в начале XX столетия располагались музыкальные магазины, нотные издательства и студии грамзаписи.

Здесь и далее цитируется по изданию: Деяния Павла и Феклы.
Перевод А. П. Скогорева.

Игемон — в данном случае префект, городской глава.

Перевод С. Ошера.

Стерномантия — предсказание судьбы по форме женской груди.

«Я римский гражданин!» (*лат.*)

Речь о событиях Первой мировой войны, когда Англия выступала на стороне сербов против Болгарии.

Геродот. История. Перевод Г. А. Стратановского.

Эвзон — солдат бывшей королевской, ныне национальной гвардии.

Перевод Н. П. Баранова.

Изначально так называли маленькую птичку, которая склевывала с земли зерна; позже стали называть людей, которые ходят и собирают слухи и сплетни.

Байрон Дж. Г. Песнь к сулиотам. Перевод А. А. Блока.

«Дар языков» — экстатические молитвы, в которых внятная речь заменялась «звукоизвлечениями», «спонтанным потоком изливающегося чувства».

Бема — возвышение, место алтаря в греческом храме, трибуна оратора.

Мейденхед — курортный городок на Темзе.

Речь о григорианском календаре, который греческая православная церковь приняла в 1923 году.

Кодекс Безы — одна из древнейших рукописей Нового Завета на греческом и латинском языках, датируемая началом V века.

Основного блюда (ϕp).

В синодальном переводе: «Я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму» (Деян 25:10).

Далее пересказ главы 26 Деяний апостолов.

Это Рим! (ит.)

«Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф 16:18)
(лат.).

Марк Валерий Марциал. Эпиграммы, XI—53. Перевод
Ф. А. Петровского.

Отверстие в крышке саркофага, оставленное для того, чтобы верующие могли прикоснуться к гробу Павла.